

Д Е К Р Е Т

Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов С. С. Р. Белоруссии.

от 25 февраля 1919 года.

Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов С. С. Р. Белоруссии постановил:

Открыть в гор. Минске Государственный У-т и на первые и наличные нужды по его организации отпустить из средств Республики один миллион руб. (1.000 000 р.).

Председатель Ц. И. К. Белоруссии
М я с н и к о в

ISBN 978-985-553-529-5

1917 ГОД У ГІСТАРЫЧНЫХ ЛЁСАХ БЕЛАРУСІ

ЗБОРНИК МАТЭРЫЯЛАЎ МІЖНАРОДНАЙ
НАВУКОВАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

1917 ГОД У ГІСТАРЫЧНЫХ ЛЁСАХ БЕЛАРУСІ

Зборнік матэрыялаў
Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Мінск, 30 лістапада – 1 снежня 2017 г.

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

1917 ГОД У ГІСТАРЫЧНЫХ ЛЁСАХ БЕЛАРУСІ

Зборнік матэрыялаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 30 лістапада — 1 снежня 2017 г.

Мінск
Выдавецкі цэнтр БДУ
2017

УДК 94(476)"1917"(06)
ББК 63.3(4Бей)61я431
Т93

Рэдакцыйная калегія:

доктар педагагічных навук *А. Д. Кароль* (старшыня);
доктар гістарычных навук *С. М. Ходзін* (намеснік старшыні);
доктар гістарычных навук *А. Г. Кахановіч* (адказны рэдактар);
доктар юрыдычных навук *С. А. Балашэнка*;
доктар гістарычных навук *П. І. Брыгадзін*;
кандыдат гістарычных навук *В. Ф. Гігін*;
доктар гістарычных навук *А. А. Каваленя*;
кандыдат юрыдычных навук *С. А. Калінін*;
кандыдат гістарычных навук *А. І. Малюгін*;
доктар гістарычных навук *І. А. Марзалюк*;
кандыдат гістарычных навук *А. А. Яноўскі*;
кандыдат гістарычных навук *А. В. Бурачонак* (адказны сакратар)

1917 год у гістарычных лёсах Беларусі : зб. матэрыялаў Міжнар.
Т93 навук. канф., Мінск, 30 лістап. — 1 снеж. 2017 г. / рэдкал. : А. Д. Кароль
(старш.) [і інш.]. — Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2017. — 351 с.
ISBN 978-985-553-529-5.

Зборнік змяшчае артыкулы ўдзельнікаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі «1917 год у гістарычных лёсах Беларусі». Аналізуюцца найбольш актуальныя праблемы, звязаныя са станаўленнем беларускай дзяржаўнасці, роляй універсітэта ў нацыянальна-дзяржаўных працэсах, сацыяльна-эканамічнымі і грамадска-палітычнымі пераўтварэннямі на тэрыторыі Беларусі і ў краінах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ва ўмовах рэвалюцыйных узрушэнняў 1917 г. Зборнік змяшчае працы даследчыкаў з Беларусі, Расіі і Польшчы.

УДК 94(476)"1917"(06)
ББК 63.3(4Бей)61я431

ISBN 978-985-553-529-5

© БДУ, 2017
© Афармленне. РУП «Выдавецкі цэнтр БДУ», 2017

Президент Республики Беларусь

Гостям и участникам конференции "События
1917 года в исторических судьбах Беларуси"

Уважаемые друзья!

События 1917 года способствовали стремлению белорусов жить в своем доме. Идея самоопределения Беларуси, которая шла снизу, от инициативы народных масс, выразилась в созыве Первого Всебелорусского съезда. Это народное собрание продемонстрировало важнейшие ценности, значимые для нас до настоящего дня: свое государство, его социальный характер и тот факт, что только народ, его воля, коллективный разум и лидеры могут стать подлинным источником независимости.

Обращаясь на Всебелорусских народных собраниях к мнению тех, кто своим трудом создает наши богатства, видим и второй урок истории нашей государственности: только единство всех нас, всего нашего белорусского народа является гарантом выбора и сохранения самостоятельного пути развития.

На Всебелорусском съезде в 1917 году выразительно прозвучала фундаментальная идея — создание своего университета. Сегодня мы еще больше понимаем, что без образования, без науки мы не сможем укрепить независимость нашего государства. Ибо основная его цель — создание не только материальных, но и духовных основ для развития Человека.

Искренне желаю участникам конференции плодотворных дискуссий, здоровья, творчества и новых достижений на благо нашей родной Беларуси.

Александр Лукашенко

30 ноября 2017 года

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА МЯСНИКОВИЧА

Дорогие друзья!

Приветствую вас на Международной научной конференции «1917 год в исторических судьбах Беларуси», собравшей представителей белорусской и мировой интеллигенции, историков, архивистов, сотрудников музеев, преподавателей различных стран.

События революционного периода, сопровождавшиеся ростом национального самосознания белорусского народа, внесли не только значительные коррективы в социально-экономическое, общественно-политическое и культурное развитие Беларуси, но и повлияли на дальнейшее становление белорусской государственности.

Революция, несмотря на неоднозначность ее оценок, дала нашему народу возможность в полном объеме реализовать свое право на национальное самоопределение. Воплощением этой идеи стало провозглашение 1 января 1919 года на Первом Всебелорусском съезде Советской Социалистической Республики Беларусь.

Принятие 3 февраля 1919 года первой Конституции нашей страны положило начало развитию парламентаризма на территории Беларуси.

Обсуждение и осознание значимости данной эпохи позволяет глубже понять суть многих исторических, экономических, политических и социокультурных процессов, зародившихся столетие назад и продолжающих влиять на современность.

Убежден, что в ходе работы конференции будут определены новые направления для дальнейшего исследования революционных событий 1917 года.

Желаю вам полезного общения, интересных дискуссий, успехов в деятельности на благо наших стран и народов.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА АНДРЕЙЧЕНКО

Уважаемые участники и гости конференции!

Приветствую вас на открытии Международной научной конференции «1917 год в исторических судьбах Беларуси». Сегодня в этом зале собрались известные историки, социологи, философы, архивисты, представители органов власти и общественности. Это свидетельствует как о значимости событий 1917 года в судьбе нашей страны, так и об актуальности, необходимости их научного осмысления.

Драматические события начала XX века повлекли за собой революционные преобразования, которые сломали политические устои Российской империи, открыли перед многими народами дорогу к независимости. Для белорусского народа 1917 год также стал важной вехой в борьбе за самоопределение. На I Всебелорусском съезде, который, несмотря на невзгоды, тяготы войны, огромные людские потери, проходил в этом зале ровно 100 лет назад, Беларусь заявила о своем вековом праве на национальный суверенитет и создание собственных представительных институтов государственной власти и дала понять миру, что неуклонно движется к построению самостоятельного государства.

Заявленная проблематика выступлений участников конференции свидетельствует о большом междисциплинарном научном интересе к событиям 1917 года, многогранный анализ которых позволит не только лучше понять прошлое, но и по-другому, через призму накопленного столетиями опыта, взглянуть на современность.

Желаю вам плодотворного обмена мнениями, глубокой аргументированной дискуссии и новых научных открытий.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГОСТЯМ И УЧАСТНИКАМ
КОНФЕРЕНЦИИ РЕКТОРА БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА КОРОЛЯ

Добрый день, уважаемые гости, дорогие коллеги,
студенты и все присутствующие!

Мы находимся в уникальном месте и в уникальное время. В этом здании, почти 100 лет назад, 15 декабря 1917 года, профессор Ефим Фёдорович Карский сделал доклад, которым предвосхитил создание Белорусского государственного университета. Здесь проходили и другие знаковые даты для становления ведущего вуза страны. Спустя два года, 25 февраля 1919 года был подписан Декрет ЦИК ССРБ, легитимизирующий создание БГУ. Первое занятие, как известно, состоялось только в октябре 1921 года. Оно положило начало традиции празднования Дня рождения университета.

Идеи становления белорусской государственности и университета идут в унисон друг с другом. Это естественно, поскольку университет — это некий архетип, который глубоко проникает в сознание как отдельного человека, так малых и больших социальных групп. Данный архетип имеет два полюса. Приведу несколько фактов, подтверждающих этот тезис. Когда-то Аристотель, учитель Александра Македонского, сильно удивился в ответ на критику своего воспитанника: «Те знания, которые ты мне сообщаешь, становятся доступными другим людям, такого просто не может быть». А другой полюс отражает взгляд нашего современника Жанна Бодрийяра, который одну из глав в своей работе «Симулякры и симуляция» посвятил теме университета. Французский философ говорит, что университет — это некий символ, который может управлять группами людей. Между приведенными полюсами, созвучными «своему» и «чужому», монологичности и диалогичности, «логосу» и «дао», теплится университетская жизнь.

Обращаясь к прошлому, нужно думать о будущем. Сегодня для БГУ важно не только обновить формы и содержание образования в вузе, но и дать значительный импульс для его совершенствования в целом. Совершенно очевидно, что 21-й век — это век гуманитарный. Леви-Стросс однозначно говорил, что 21-е столетие будет гуманитарным или его вообще его не будет. Мы вступили в 21-й век. Что значит век гуманитарный с точки зрения содержания образования и ответа на вопрос «Зачем учить?», «Чему учить?», «Какими должны быть сегодня образовательные программы и стандарты, учебные планы?» Должны они быть наполнены информацией, которую нужно передать как некое историческое наследие? Либо — это та среда, где учащийся, студент, обучаемый познает и открывает себя, свои смыслы, цели, предназначённость. Это категории дидактики, но в их контексте содержится уникальный исторический период.

Я очень рассчитываю, что во время конференции будут получены значимые научные, профессиональные, индивидуальные и коллективные результаты, которые так или иначе позволят ответить на вопрос: «А куда же дальше мы будем двигаться?».

**ПРЫВІТАЛЬНАЕ СЛОВА ЎДЗЕЛЬНІКАМ КАНФЕРЭНЦЫ
СТАРШЫНІ МІНСКАГА ГАРАДСКОГА
ВЫКАНАЎЧАГА КАМІТЭТА**

АНДРЭЯ ВІКТАРАВІЧА ШОРАЦА

Шаноўныя сябры!

Ад імя Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта рады вітаць удзельнікаў і гасцей Міжнароднай навуковай канферэнцыі «1917 год у гістарычных лёсах Беларусі».

Рэвалюцыя аказала велізарны ўплыў на развіццё нашай дзяржавы і ўсяго свету, шмат у чым вызначыла палітычную, эканамічную, сацыяльную карціну XX стагоддзя. І таму заканамерна, што ў юбілейны год вядомыя навукоўцы, даследчыкі з розных краін, прадстаўнікі дзяржаўных органаў, грамадскія дзеячы звяртаюцца да глыбокага і ўсебаковага асэнсавання той эпохі.

Вельмі сімвалічна, што ваш прадстаўнічы міжнародны форум праходзіць у Мінску ў Нацыянальным акадэмічным тэатры імя Янкі Купалы. Менавіта тут сто гадоў таму сабраўся першы Усебеларускі з'езд, які прызнаў права Беларускага народа самім вызначаць свой лёс, самім будаваць суверэнную і незалежную дзяржаву.

Упэўнены, што гэта знакавае мерапрыемства стане выдатнай пляцоўкай для канструктыўных дыскусій, якія будуць грунтавацца на фактах і дакументах, аб'ектыўным і паважлівым стаўленні да мінулага.

Жадаю вам плённага, змястоўнага дыялогу і ўсяго добрага.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ БЕЛОРУСОВ РОССИИ**

СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА КАНДЫБОВИЧА

Уважаемые коллеги, друзья!

Позвольте мне от имени Совета Федеральной национально-культурной автономии Белорусов России выразить признательность всем, кто имеет отношение к организации и проведению Международной научной конференции «1917 год в исторических судьбах Беларуси».

Выражаю уверенность, что в результате совместных усилий научного сообщества Беларуси, России, Украины, Литвы, Польши и Германии исчезнут пока ещё существующие белые пятна в вопросах изучения влияния революционных событий 1917 года на развитие образования, науки и культуры.

Искренне желаю организаторам и участникам этого знакового форума творческого вдохновения и результативной работы в определении и разработке механизмов изучения всех граней истории белорусской государственно-сти, дальнейшем глубоком и всестороннем исследовании событий 1917 года.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ
ДЕКАНА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ
М. В. ЛОМОНОСОВА**

ИВАНА ИВАНОВИЧА ТУЧКОВА

Глубокоуважаемые организаторы и участники конференции!

1917 год, Революция в России стали порубежным этапом во всей истории XX столетия, по сути, определили новую эпоху.

В истории Беларуси как самостоятельного государства этот год является столь же значимым. В 1917 году после изнуряющих лет Первой Мировой войны, после оккупации и массовых миграций населения, белорусы, наконец, получили возможность вернуться на родную землю, почувствовав свою роль и место в ее судьбе.

Для историков на современном этапе исключительно важно изучить и осмыслить эти события, в том числе, в контексте последующего развития государств. Исключительно значимой представляется возможность системного, разностороннего научного осмысления этой темы ведущими учеными Беларуси, России и других государств.

Для историков Московского университета значимо и дорого тесное и продуктивное взаимодействие, которое связывает наши факультеты на протяжении многих лет, наше учебное и научное сотрудничество, получившее в последние годы новые формы, духовная близость и возможность слышать друг друга и быть услышанными.

От всей души желаю организаторам и участникам Международной научной конференции «1917 год в исторических судьбах Беларуси» успешной и плодотворной работы!

ПЛЕНАРНЫЯ ДАКЛАДЫ

Карпенко Игорь Васильевич

Министерство образования Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

**СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Великая Октябрьская социалистическая революция положила **начало коренной перестройке всей общественной жизни, в том числе и народного образования**. Коммунистическая партия в своей программе по народному образованию поставила историческую задачу — **превратить школу из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического переустройства общества**.

«Только преобразуя коренным образом, дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества» [1, с. 301].

Первоочередной задачей стала ликвидация массовой неграмотности населения.

Первая Всероссийская перепись 1897 г. показала, что в Беларуси самый высокий уровень грамотности был в Гродненской губернии — 39 %, в Витебской — 33 %, в Минской — 24 %, в Могилевской — 22 %. Особенно низким был уровень грамотности среди сельских жителей. Из 1541080 крестьян Минской губернии грамотными оказались лишь 155193, то есть 10 % (6,8 % мужчин и 3,24 % женщин) [2, с. 337]. Грамотность мужского населения значительно превосходила грамотность женского. Например, в Могилевской губернии более чем в три раза, в Минской — в два с половиной раза. Очень мало было людей, которые имели высшее образование. Так, в Виленской губернии среди мужчин только 0,14 % закончили университеты. Среди женщин высшее образование имела одна женщина из 10 тысяч.

25 марта 1923 года Н. К. Крупская писала в газете «Правда»: *«Мы держим руль на коммунизм, хотим перестроить всю жизнь по-новому... Всеобщая грамотность — необходимое условие развития крупной промышленности, необходимое условие для первых шагов по пути к социализму»* [3, с. 99].

В соответствии с декретом «О ликвидации безграмотности» была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, руководившая всей работой в этом направлении. В 1924 г. действовало общество «Долой неграмотность».

Повсеместно открывались школы взрослых и пункты ликвидации неграмотности (ликпункты). Массовыми тиражами издавались на родных языках буквари и учебно-методическая литература. К этой работе привлекались учителя, работники культурно-просветительских учреждений и общественных организаций, командиры и политработники Красной Армии, коммунисты и комсомольцы.

За 1920—40 годы было обучено грамоте около 60 млн чел. взрослого населения. В 1939 году по данным переписи грамотные среди населения в возрасте

от 9 до 49 лет составили 87,4%. Перепись населения 1959 года показала, что неграмотность практически ликвидирована полностью.

На основе декретов СНК РСФСР, принятых в 1918—19 гг., организация дела народного образования была перестроена на новых, социалистических началах:

- все общеобразовательные школы стали общенародными;
- обучение стало бесплатным,
- введено совместное обучение детей обоего пола;
- школа отделялась от церкви, а церковь — от государства;
- отменялись физические наказания детей;
- все национальности получили право обучения на родном языке;
- положено начало созданию советской системы общественного дошкольного воспитания;
- выработаны и введены в действие новые правила приема в вузы, открывшие двери для рабочих и трудящихся крестьян.

Всероссийским органом по руководству и управлению народным образованием стал Наркомат просвещения, в ведение которого перешли учебные заведения всех ведомств. Проведение в жизнь ленинских идей в области народного образования и культурного строительства неразрывно связано с деятельностью первых руководителей Наркомпроса РСФСР — Анатолия Васильевича Луначарского, Надежды Константиновны Крупской, Михаила Николаевича Покровского.

Особое значение придавалось первому звену системы народного образования — дошкольным учреждениям. Впервые в мире создана в столь широких масштабах государственная система дошкольного воспитания, наиболее полно отвечающая интересам семьи и задачам всестороннего развития детей дошкольного возраста, успешной подготовки их к школе. В. И. Ленин назвал организацию советских детских садов «ростками коммунизма», указывал на их важную роль в раскрепощении женщины [4, с. 24].

Советское правительство уделяет большое внимание развитию сети дошкольных детских учреждений.

К 1940 году сеть дошкольных детских учреждений в СССР достигла довольно высокого уровня: работало 46 тыс. детских садов и яслей с контингентом почти 2 млн воспитанников.

Таблица 1. Развитие сети дошкольных учреждений

	1914	1940	1950	1960	1970	1975
Число постоянных дошкольных учреждений — всего	177	46031	45251	70584	102730	115173
Численность детей в постоянных дошкольных учреждениях — всего, тыс.	5,4	1953	1788	4428	9281	11523

Значительные преобразования произошли в начальной и средней школе. Следует отметить, что в начале XX века начальные школы были переполнены учащимися, наполняемость классных комнат во много раз превышала макси-

мально допустимые санитарно-гигиенические нормы. Например, директор Гродненской дирекции народных училищ в 1904 г. докладывал попечителю Виленского учебного округа, что в 117 школах губернии в одном классе (при одном учителе) занималась от 60 до 80 детей, в 99 — от 80 до 100, в 33 — от 100 до 120, в 14 — от 120 до 150, в 6 — от 140 до 170, в 5 — от 170 до 190, в 3 — свыше 300 учащихся. По 150—170 учащихся приходилось на одного учителя в десятках школ Могилевской и Минской губерний.

Довольно часто имели место отказы в приеме в школы. Рапорт учителя Верейковского приходского училища Гродненской губернии от 6 сентября 1903 г.: «Полуразваленная классная комната содержит не более 20 учащихся, а просителей приходит 120, и по необходимости приходится им отказывать, несмотря на нарекания и жалобы крестьян». Большое количество школ находилось в непригодных наемных помещениях.

Отмечались также низкая материальная обеспеченность и сложные условия работы народных учителей: «Сельские учителя оставляют свое дело и бегут в города. Они подыскивают должности писцов, служащих, чиновников или другие занятия и оставляют святое дело просвещения массы. Одни говорят, что главной причиной оставления учителями своего дела является не материальная необеспеченность, а недостаточность и неприменимость к сельской жизни получаемых учителями знаний, и что если бы учителям прибавить знаний по сельскому хозяйству, медицине и сельской юриспруденции, то учителя «вросли бы в деревенскую жизнь, и никакие соблазны мира сего не вызовут их из школы». Большинство того мнения, что только нужда гонит учителя из школы. В деревне остаются лишь учителя-идеалисты, взявшиеся за дело по призванию. Однако большинство учителей не идеалисты, а самые обыкновенные смертные и у всех обыкновенно есть желание если не роскошно, то сытно пообедать, прилично одеться и воспитать детей. И пока эти насущные потребности будут одним лишь миражем, учителя будут бежать из школы при первой только возможности» [5, с. 2].

С установлением советской власти основной формой получения общего среднего образования стала общеобразовательная школа. С первых лет Советской власти она развивается как единая, трудовая и политехническая. Ее единство обеспечивается общностью принципов организации учебно-воспитательного процесса, единым в своей основе содержанием образования и воспитания учащихся при учете национальных особенностей народов Советского Союза. Политехническое и трудовое обучение ведется в процессе изучения учащимися основ наук, а также в процессе внеурочной, внеклассной и внешкольной работы.

По мере экономического и культурного роста страны школьная система претерпевала изменения в типах и структуре учебных заведений, сроках обучения, формах связи и преемственности общего и профессионального образования. С 1921 года наряду со средней школой (9-летней, позже 10-летней) существовала 7-летняя школа. С 1923 года в деревне получили распространение школы крестьянской молодежи (с 1930 года — школы колхозной молодежи) и с 1926 года в городе — фабрично-заводские семилетки.

К 1930 году во всех союзных республиках были созданы необходимые условия для введения всеобщего. ЦК ВКП(б) ЦИК и СНК СССР приняли постановления о введении с 1930/31 учебного года повсеместного всеобщего обязательного начального обучения детей в возрасте 8—10 лет, а в городах

и рабочих поселках — всеобщего обязательного 7-летнего обучения. С 1930 по 1940 годы число учащихся 1—4-х классов дневных школ возросло на 6 млн, 5—7-х классов — на 8,8 млн чел. В 1940/41 учебном году общее число учащихся общеобразовательных школ всех видов достигло 35,6 млн. [6].

Таблица 2. Количество общеобразовательных школ всех видов и численность учащихся в них (на начало учебного года)

	1914/15	1940/41	1950/51	1960/61	1970/71	1975/76
Число общеобразовательных школ всех видов, тыс.	123,7	198,8	222,1	224,4	190,3	167,0
В том числе: начальные, неполные средние и средние школы	123,7	191,5	201,6	199,2	174,6	149,5
вечерние (сменные) общеобразовательные школы (включая обучающихся заочно)*	—	7,3	20,5	25,2	15,7	17,5
Численность учащихся, млн.	9,7	35,6	34,7	36,2	49,4	48,8

Коренным образом **изменились содержание образования и воспитания**, методы учебно-воспитательной работы, началась подготовка новых учебных планов, программ и учебников.

В речи на III съезде РКСМ в октябре 1920 года В. И. Ленин в качестве главных задач выдвигал воспитание подрастающего поколения в духе коммунистической морали, формирование у молодежи материалистического мировоззрения, коммунистических взглядов и убеждений, вооружение её подлинно научными знаниями о природе и обществе, соединение образования с практикой социалистического строительства, с общественно полезным, производительным трудом.

Выступая на VIII съезде ВЛКСМ, Сталин также подчеркивал важность образования: «Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков-специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом, — такова теперь задача» [7, с. 77].

Следует отметить, что эти задачи актуальны и сегодня. Образование выступает ресурсом новых общественных преобразований, создавая главное — интеллектуальный, научный, творческий, технологический потенциал, который становится основным активом устойчивого социально-экономического развития.

С целью определения пути дальнейшего развития системы образования в настоящее время разработаны Концептуальные подходы на среднесрочную и долгосрочную перспективу, которые предусматривают переход на обяза-

* Включая дневные общеобразовательные школы, при которых организованы классы для обучения работающей молодежи, самостоятельные заочные школы и средние профтехучилища; за 1940/41 уч. год — включая рабфаки и взрослых.

тельное общее среднее образование, обновление содержания образования с учетом динамики научно-технического прогресса, упорядочение существующей структуры системы образования, совершенствование правил приема в высшие учебные заведения, создание информационно-образовательного пространства, обеспечение взаимосвязи воспитания и обучения в образовательном процессе.

Создание советской системы образования проходило в трудных условиях Гражданской войны и военной интервенции, хозяйственной разрухи, которые привели к появлению огромного количества беспризорных детей. В 1921 году их насчитывалось более 4,5 миллионов, в 1922 году число беспризорников, по некоторым данным, достигало 7 миллионов человек.

Для решения проблемы детской беспризорности потребовались значительные усилия со стороны государства и общества в целом. Принятый комплекс мер позволил полностью завершить ликвидацию детской беспризорности в середине 1930-х годов.

В период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов немецко-фашистские захватчики уничтожили и разрушили на территории, подвергшейся немецкой оккупации, 82 тыс. школ, в которых до войны обучалось 15 млн учащихся.

Но и в эти годы Советское правительство делало всё возможное для развития и совершенствования общеобразовательные школы. Были созданы школы для рабочей и сельской молодежи, снижен возраст приёма в общеобразовательную школу с 8 до 7 лет, организована сеть пришкольных интернатов, введены экзамены на аттестат зрелости, усилено военно-патриотическое воспитание школьников и т. д.

Бисмарк сказал, что франко-прусскую войну выиграл немецкий учитель. Это он воспитал будущего немецкого солдата, вложил в него любовь к отечеству, преданность своему государству, возвышенную веру и честь. **Великую Отечественную войну выиграл советский учитель.** Это он в огромных городах и крохотных селеньях, в горных аулах и кишлаках учил детей не только математике, правописанию и законам физики, он учил их любить Родину, воспитывал в них будущего писателя, летчика или землепроходца. Учил помогать товарищам и любить их, быть смелым, бескорыстным и искренним. Это советские учителя воспитали героическую Зою Космодемьянскую, бесстрашного Александра Матросова, отважных летчиков Гастелло и Талалихина, незабвенных молодогвардейцев, непреклонных панфиловцев, которые бросались с гранатами под гусеницы фашистских танков.

По окончании войны основными задачами в области просвещения стали восстановление и укрепление общеобразовательные школы в городах и районах, освобожденных от оккупации. В послевоенный период в кратчайший срок страна справилась с трудностями, оставленными войной. Усиленно велось школьное строительство, уже в 1950 году работало свыше 220 тыс. школ.

Одно из крупнейших завоеваний Октябрьской революции 1917 года стало создание советской системы высшего образования и подготовка кадров народной интеллигенции.

В 1914/15 годах насчитывалось 105 высших учебных заведений, в которых обучалось 127 тыс. студентов, главным образом из имущих слоев населения.

В первые годы Советской власти система высшего образования была перестроена, и в основу организации учебного процесса в вузах была положена ленинская идея об органической связи теории и практики.

Советское правительство уделило много внимания демократизации высшей школы, привлечению к высшему образованию представителей пролетариата и беднейшего крестьянства. Большую роль в формировании народной интеллигенции сыграли правила приема в вузы в 1918 году, создание рабочих факультетов (рабфаков) в 1919 году, которые позволяли молодежи из рабочих и крестьян завершить общее среднее образование и готовили к обучению в вузах.

Обучение в вузах бесплатное. Преподавание велось на родном языке студентов. Студентам выплачивалась в зависимости от успеваемости государственная стипендия, иногородним предоставлялось общежитие. Для обучающихся без отрыва от работы на производстве были установлены дополнительные оплачиваемые отпуска и сокращенный рабочий день. При вузах организовывались курсы по подготовке в вузы, а для передовых рабочих и колхозников и для демобилизованных из Вооруженных Сил СССР создавались подготовительные отделения. Таким образом, в СССР высшее образование стало реально доступным всем гражданам, имеющим законченное среднее образование.

В результате проведения ленинской национальной политики за годы Советской власти во всех союзных республиках созданы высшие учебные заведения. В 1975 году имелось 856 вузов (в т. ч. 65 университетов), в которых обучалось свыше 4,9 млн студентов. Советский Союз по численности студентов на 10 тыс. населения значительно превосшел такие развитые капиталистические страны, как Великобритания, ФРГ, Франция, Япония и многие другие.

Таблица 3. Распределение числа вузов и количества студентов по союзным республикам (на начало 1975/76 учебного года)

	Число учебных заведений	Количество студентов, тыс. чел.
Азербайджанская ССР	17	99,0
Армянская ССР	13	54,1
Белорусская ССР	31	159,9
Грузинская ССР	19	82,8
Казахская ССР	49	216,1
Киргизская ССР	9	50,1
Латвийская ССР	10	45,3
Литовская ССР	12	62,6
Молдавская ССР	8	44,4
РСФСР	483	2856,9
Таджикская ССР	9	50,4
Туркменская ССР	6	31,1
Узбекская ССР	42	246,6
Украинская ССР	142	831,3
Эстонская ССР	6	23,4
ИТОГО	856	4854,4

В советские годы небывалое развитие имела отечественная наука. За пять лет — с 1950-го по 1955-й — число научных работников в ведущих НИИ, где был сосредоточен основной потенциал, увеличилось с 75,5 тысяч до 95,5 тысяч. А в 1967 году, спустя 50 лет со дня Великой Октябрьской социалистической революции, в Советском Союзе насчитывалось 770 тысяч научных работников. Каждый четвертый научный работник в мире был советским гражданином.

И эти специалисты были подготовлены на высочайшем уровне. Это они проложили нашей стране путь в космос. Это их достижениями по сей день гордится наш народ и восхищается весь мир.

Таблица 4. Число студентов и численность научных работников в СССР

	1940/41 учебный год	1950/51 учебный год	1950/51 учебный год к 1940/41 г. (в %)	1967/68 учебный год	1967/68 учебный год к 1940/41 г. (в %)
Число студентов в учебных заве- дениях СССР (в тыс. чел.)	812	2396	295,1 %	4311	531 %
Число обучаю- щихся в средних специ- альных учебных заведе- ниях СССР (в тыс. чел.)	975,0	2060	211 %	4167	427 %
Численность научных работни- ков в СССР (в тыс. чел.)	-	162,5	-	770	(473,8 % к 1950/51 г.)

Как утверждает американский исследователь Уильям Крейн, после запуска в 1957 году Советским Союзом космического спутника, в США наблюдалась шквальная волна самокритики учебных программ, так как именно образовательная система СССР являлась, по мнению американского правительства и американских ученых, причиной советского успеха в космосе.

Советское правительство выделяло на развитие народного образования огромные денежные средства и материальные ресурсы.

Таблица 5. Расходы на развитие народного образования

Год	Расходы на просвещение (в руб.)	Процент от бюджета
1925—26	520 000	12,36 %
1926—27	691 000	11,96 %
1927—28	895 000	12,42 %
1928—29	1 123 000	12,78 %
1929—30	1 781 000	13,37 %

В 1940 году на развитие всего народного хозяйства выделялось 58,4 млрд рублей — 39,5% от всех расходов союзного бюджета. А на социально-культурные мероприятия — 40,9 млрд рублей, или около 24% от всех расходов. Из них на просвещение выделялось 22,5 млрд — 13% всех расходов госбюджета.

Даже в разгар войны, в том же 1942 году, советское правительство выделило на просвещение 10,4 млрд рублей — 6% от бюджетных расходов государства. А в победоносном 1945 году этот показатель увеличился в 2,5 раза и составил 26,4 миллиарда (17%), превысив показатели довоенного времени. В 1945 году расходы советского государства на социальное обеспечение почти в 6 раз превысили довоенные расходы по этому направлению. Война сделала миллионы советских людей сиротами, вдовами и инвалидами. Но советская власть делала все, чтобы помочь людям как можно скорее вернуться к нормальной жизни. Хотя в стране, покаленной войной, это требовало неимоверных усилий и огромных финансовых средств.

Воспитание и образование в СССР было поистине делом общенародным, в его совершенствовании участвовали все общественные организации, использовались средства массовой информации, литература и искусство.

Быстрый социальный и научно-технический прогресс предъявил повышенные требования к культурному и общеобразовательному уровню молодежи, вливающейся в народное хозяйство. Совершенствовались содержание и методы работы средних и высших учебных заведений. Гигантские планы перестройки всего народного хозяйства потребовали расширения высшего и среднего специального образования, и эта задача успешно была решена в стране.

Подводя итог, отмечу, что советская система образования по оценкам различных специалистов и даже политических оппонентов рассматривалась как одна из самых эффективных образовательных систем XX века. Директор ФБР Эд. Гувер называл советскую систему образования «пугающе эффективной» и отнес ее к «важнейшим аспектам всестороннего коммунистического вызова» [8, с. 67—68].

Современная система образования в Республике Беларусь унаследовала лучшие традиции советской школы, и развивается с учетом основных тенденций развития мирового образовательного пространства.

Созданная целостная и сбалансированная система образования позволяет каждому реализовать свое конституционное право на образование и **стать успешным в обществе, конкурентоспособным в профессии, востребованным в жизни.**

Образование является приоритетом государственной политики, затраты на него составляют более 5% от ВВП и соизмеримы с государственными расходами на образование в большинстве развитых стран мира. Для сравнения следует отметить, что *Государственные расходы на образование во Франции составили 5,5% от ВВП, в Нидерландах — 5,4%, в Германии — 4,3%, в Австрии — 5,0%. В 2015 году государственные расходы на образование в России составили 3,8% от ВВП, в Казахстане — 3,3%, в Азербайджане — 3,0% (по данным Доклада ООН 2014 года).*

Беларусь по праву считают государством, где реализуется принцип непрерывности образования («образование через всю жизнь»).

Наше образование — это здоровьесберегающие условия в дошкольных учреждениях, это охват 95 % детей от 3 до 6 лет дошкольным образованием и 100 %-ная подготовка пятилеток к школе.

Это доступное и качественное образование для всех в средней школе, а также получение каждым третьим школьником дополнительного образования.

Каждый второй выпускник учреждения профессионально-технического и среднего специального образования готовится для работы на высокотехнологичных и наукоемких производствах.

Беларусь — студенческая страна: по числу студентов на 10 тысяч населения мы находимся в числе лидеров европейских стран.

И безусловно, существенна заслуга образовательной отрасли в том, что **Республика Беларусь входит в топ-стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала**. Согласно ежегодному Докладу ООН о человеческом развитии 2016 года Республика Беларусь среди 188 стран мира в Индексе человеческого развития заняла 52 позицию*. По показателю «Ожидаемая продолжительность обучения» со значением 15,7 лет имеет 20 результат и занимает 30—32 позиции, по показателю «Средняя продолжительность обучения» со значением 12,0 лет имеет 12 результат и занимает 19—20 позиции.

Из сказанного выше становится очевидным, что 100-летний юбилей со Дня Великой Октябрьской социалистической революции является символом стремления миллионов людей к воплощению мечты о новом мире, основанном на принципах уважения человека труда, равенства и справедливости. Наш народ никогда не забудет о том, что Великий Октябрь предоставил ему право на самоопределение и обретение государственности, став тем фундаментом, на котором мы построили суверенную Республику Беларусь.

Библиографический список

1. Ленин, В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — М.: Госполитиздат, 1963. Т. 41: Май — ноябрь 1920. — 1963.
2. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / Ткачоў М. А., Пасэ У. С., Сянькевіч Г. Р. і інш.; Пад рэд. М. А. Лазарука і інш. — Мінск: Нар. Асвета, 1985.
3. Крупская, Н. К. Ликвидация неграмотности и малограмотности. Школы взрослых. Самообразование. М.: Директ-Медиа, 2014.
4. Ленин, В. И. Великий почин (о героизме рабочих в тылу, по поводу «коммунистических субботников») // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Т. 39. — М.: Госполитиздат, 1963.
5. Минский листок. — 1902. — 21 сентября.
6. Паначин, Ф. Г. СССР. Народное образование / Ф. Г. Паначин // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. — М.: Советская энциклопедия, 1969—1978. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/129062/СССР>.
7. Сталин, И. В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ // И. Сталин. Собрание сочинений в 13 т. — М., 1946—1951. — Т. 11.

* Доклад ООН о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf.

8. Тюрина, Ю. А. Социальные основания эффективности системы образования в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 11. — Философия. Социология. Культурология. — Вып. 11. — С. 67—72.

9. Доклад ООН о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf.

Марзалюк Ігар Аляксандравіч

*Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь
(Мінск, Беларусь)*

ЛЯ ВЫТОКАЎ НАЦЫЯНАЛЬнай ТОЕСНАСЦІ. ГІСТАРЫЧНЫ НАРАТЫЎ І ЯГО ўПЛЫЎ НА НАЦЫЯНАЛЬную СВЯДОМАСЦЬ У БЕЛАРУСІ КАНЦА XVIII—XIX СТСТ

*«Гісторыя ёсць першая кніга народа.
У ёй ён бачыць сваё мінулае, сучаснасць і будучыню.
Народ без гісторыі з'яўляецца проста варварскім
людом, і бяды людю, які згубіў рэлігію ўспамінаў».
Нікола Бальзэску.*

У Рэчы Паспалітай у XVIII ст., у эпоху Асветніцтва, працэсы нацыяўтварэння ішлі па тым жа шляху, што і ў Францыі, дзе ўпершыню на еўрапейскім кантыненте (пасля Вялікай Французскай рэвалюцыі) была створана «палітычная» грамадзянская мадэрновая нацыя. Як паказаў Рышард Радзік, атаясамленне паняццяў «нацыя» і «дзяржава» была характэрна для свядомасці абывацеляў Рэчы Паспалітай перад яе падзеламі. У гэтай асветніцкай канцэпцыі нацыі-дзяржавы ўжо не было месца для існавання дзяржавы некалькіх народаў, дзяржавы шматнацыянальнай [32, с. 54—55]. Зыходзячы з асветніцкай канцэпцыі нацыі-дзяржавы планавалася ўжо не спантанная, а цалкам свядомая моўная асіміляцыя ўсіх не польскамоўных этнічных супольнасцей Рэчы Паспалітай.

Напрыканцы існавання Рэчы Паспалітай у дачыненні да ВКЛ, як правіла, скарыстоўваўся тэрмін «Літоўская правінцыя», уся ж дзяржава звычайна і будзённа называлася «Польшчаю» [6, с. 507—508]. На «краёвым» (рэгіянальным, субэтнічным) узроўні нашы шляхціцы лічылі сябе літвінамі, а на нацыянальным — палякамі. Прыналежнасць эліты ВКЛ да «палітычнай нацыі» грунтавалася на адзінстве мовы, культурнай і прававой традыцыі ўсёй эліты «Польшчы». Таму і ўжыванне тэрмінаў «літвін», «паляк-караняж», «мазур», ва ўмовах тагачаснай (першая палова — сярэдзіна XIX ст.) шляхецкай рэальнасці ніколі не скарыстоўвалася іх носьбітамі дзеля нацыянальнага супрацьпастаўлення; гэта назвы рэгіянальныя, субэтнічныя, бо ўсе яны — палякі і маюць адзіную Айчыну — Польшчу [32, с. 86, 87, 113].

Іх паняцце нацыянальнасці нічым прынцыпова не адрознівалася ад мадэрнага азначэння нацыянальнасці сфармуляванага ў французскай традыцыі эпохі Асветніцтва. Грамадзянства — гэта і ёсць нацыянальнасць. Таму для спавядаючага такую канцэпцыю і брэтонец, і басконец, і карсіканец такі ж самы француз, як і абывацель, што жыве ў Іль дэ Франс. Але ўсе яны маюць параметры калектыўнай ідэнтычнасці — яны павінны ведаць і карыстацца адзінай літаратурнай і дзяржаўнай мовай, судзіцца па адных законах і уяўляць сваё

мінулае з франкацэнтрычных (ці польскацэнтрычных) пазіцыяў — адмятаючы і адсякаючы ўсе «непажаданыя» і нязручныя факты якія маглі стварыць глебу для сепаратызму тых ці іншых этнічных супольнасцяў. Лагічным вынікам паланізацыйных працэсаў шляхты ВКЛ у XVIII ст. становіцца скарыстанне апошнімі для самаакрэслення тэрміна «паляк». *Нацыянальная* свядомасць у гэтых літвінаў была польская, у якасці *ідэалагічнай радзімы* паўсюль выступае менавіта *Польшча*. Літвінская свядомасць, літвінскае самаакрэсленне — гэта акрэсленне субэтнічнае, правінцыйнае, рэгіянальнае. Ніякіх ідэалагічных нацыянальных літвінскіх канатацый, права на асобную дзяржаўнасць для Літвы ў будучым, без непадзельнай сувязі з Польшчай, у створаных мясцовай польскамоўнай элітай тэкстах мы проста не знойдзем. Для разумення таго, які сэнс для сучаснікаў хаваўся за дэфініцыяй «літвін» прыгадаю ўрывак з «Катэхізісу літвіна», што вывучала шляхецкая каталіцкая моладзь на нашых землях у пачатку XIX ст.:

«*Пытанне: Што ёсць адзінства з палякамі? Адказ: складаць з імі адзін і непадзельны народ, так, каб літвін быў палякам, а паляк літвінам, адной і той жа канстытуцыяй*» [32, s. 86, 87, 113].

Юліюш Бардах паказаў канечны вынік тых паланізацыйных працэсаў для палітычнага народа ВКЛ: ператварэнне літвінскай шляхты ў частку палітычнага польскага народа ды ўсведамленне імі ў рэшце рэшт сваёй нацыянальнай польскасці [4, с. 299]. Паводле польскага даследчыка, у другой палове XIX ст. адбываецца знікненне шматузроўневай свядомасці ў шляхецкім асяроддзі на карысць нацыянальнай польскасці. Працэс гэты стаў выразна заўважны ўжо ў 50-х гадах XIX ст., але асабліва — у часы студзенскага паўстання 1861 г. ды наступных па яго часах [4, с. 310—311].

Пры гэтым палоналітвіны ведалі пра існаванне нашага народу, народу беларускага, але сябе з ім ніколі не атаясамлялі напрыканцы XVIII—XIX стст. Тадэвуш Касцюшка, безумоўна, выдатны дзеяч Рэчы Паспалітай. Але ён гонар і слава польскай нацыі, давайце будзем шчырымі самі перад сабой. Аб якой долі ён марыў для беларускага народа, для сваіх сялянаў «русінаў»? Адказ на гэтае пытанне сумленнаму гісторыку няцяжка знайсці ў перапісцы Т. Касцюшкі з Гуга Калантаем. Дык вось «наш» нібыта «беларус» марыў аб татальнай паланізацыі (моўнай і ментальнай) нашага народу, «сваіх» русінаў:

«*Przyzwyczajając ich trzeba do polskiego języka, niech w polskim języku wszystkie ich nabożeństwa będą. Z czasem duch polski w nich wejdzie. Za nieprzyjaciela sądzić będą potem tego, który by nie umiał języka narodowego*» [29, s. 240].

Гісторыя ВКЛ для людзей з такой тоеснасцю — рэгіянальны варыянт польскай дзяржаўнасці, неад’емны момант польскай спадчыны, ды і будучыня народаў так разумелага ВКЛ магчыма толькі як форма польскай дзяржаўнасці, хай сабе нават пад расійскім пратэктаратам. Праект М. Агінскага разглядаўся акурат у рэчышчы «польскага пытання», а планаванае да аднаўлення ВКЛ, як польская дзяржава, альтэрнатыўная створанаму Напалеонам Княству Варшаўскаму. Гэта выразна бачна з **яго майскай і снежанскай запісак 1811 года**:

«...я перакананы, што калі б з часу далучэння да Расіі адабраных польскіх зямель была б з іх утворана адна правінцыя, захавана імя Літвы і пакінуты яе даўнія правы, і калі б з яе быў створаны асобны край са сваім кіраўніцтвам, але ў якасці злучанай і ўключанай у склад Расійскай імперыі дзяржавы, то тады іншаземны ўплыў у яе трапіў бы з цяжкасцю.

...калі арганізаваць і наладзіць Вялікае Княства Літоўскае паводле палітычнай сістэмы, то няма ніякага сумнення, што для Расіі было б больш карысна ўтварыць з яго Польшчу і Вашай Вялікасці абвясціць сябе польскім каралём» [2, с. 207—208, 220].

Цяпер наконт Адама Міцкевіча. Нідзе ў яго не знойдзем атаясамлення уласнай традыцыі з беларускім народам, з беларускай гісторыяй. Яго гісторыя — то гісторыя балцкай Літвы аднаасобна стварыўшай ВКЛ і добраахвотна злучанай з Польшчай праз Люблінскую унію. Насамрэч, Адам Міцкевіч не проста ўсведамляў сваю нацыянальную польскасць (што не перашкаджала яму мець рэгіянальную, субэтнічную, літвінскую свядомасць), а з'яўляўся адным з творцаў мадэрнага польскага нацыяналізму, абгрунтоўваў у сваёй працы «Кнігі народа польскага і польскага пілігрымства» канцэпцыю польскага каталіцкага месіяства, даводзіў богаабранасць палякаў, як народа-пакутніка [19, с. 100—101]. Яго Польшча — то і Карона, і Літва, і Русь. Папросту — «ад можа да можа».

«*Litwin i Mazur — bracią są; czyż kłóćć się bracia o to, iż jednemu na imię Władysław, drugiemu Witowi? Nazwisko ich jedne jest: nazwisko Polaków*» [19, s. 80].

Ёсць у Адама Міцкевіча і вобраз Беларусі, беларускага народу і яго мовы. Але гэты вобраз не надта кампліментарны. Беларусы для А. Міцкевіча — народ без традыцыяў уласнай дзяржаўнасці, народ негістарычны, пазбаўлены ўласнай суб'ектасці, народ татальна залежны ад сваіх суседзяў на працягу ўсёй уласнай гісторыі:

«Вялікую прастору ...займае краіна паміж Дняпром, Чорным морам, Бугам і Нёманам. Яна даўно згубіла агульную назву, бо розныя пакаленні, якія жылі тут, не прызнаюць ужо імя славян за сваё родавае... Нарманы і ляхі прыходзілі сюды са сваёй уладай, і схіляліся яны то пад скіпетрам рускіх князёў, то пад уладай Польшчы. З той пары, калі іх заваяваў дом Рурыка, яны былі ў складзе рускіх земляў ... Тут сутыкалася каталіцкая рэлігія з усходняй царквой, шляхецкая рэч Паспалітая з сістэмай самаўладства...»

...З усіх славянскіх народаў русіны, гэта значыць сяляне Пінскай, часткова Мінскай і Гродзенскай губерняў, захавалі найбольшую колькасць агульнаславянскіх рысаў. У іх казках і песнях ёсць усё. Пісьмовых помнікаў у іх мала, толькі «Літоўскі Статут» напісаны іхнай мовай, самай гарманічнай і з усіх славянскіх моваў найменш змененай. Усю сваю гісторыю на зямлі яны прайшлі ў страшэннай галечы і прыгнёце» [27, с. 122].

Варта зацэміць як разумеў самастойнасць усходнеславянскіх моваў той жа А. Міцкевіч. Як вынікае з лекцыі пра славянскія літаратуры, прачытанай ім 21 студзеня 1842 года ў Каледж дэ Франс у Парыжы, ягоныя погляды ў гэтым пытанні можна назваць «расейскімі», «вялікадзяржаўна шавіністычнымі» ці класічнымі «захаднерускімі.» Для А. Міцкевіча, як вынікае з кантэксту лекцыі, і беларуская, і украінская, і велікаруская мовы — складовыя часткі агульнаруускай моўнай стыхіі, усе яны бяруць удзел у стварэнні агульнаруускай літаратурнай мовы, толькі дзякуючы М. В. Ламаносаву, верх над беларускай і украінскай мовамі ў працэсе тварэння новай літаратурнай рускай мовы атрымоўвае велікаруская стыхія:

«У Пецяярбургу Ламаносаву давялося весці змаганне з старой школай, якую увасабляў Васілій Трэдзіякоўскі. Я вам ужо казаў, што ў той час пачала набываць паноўнае становішча ў Расіі новая мова — мова поўначы Расіі. ...Мова поўдня Расіі — маларуская, на якой размаўляе амаль дзесяць мільёнаў чала-

век, безумоўна, самая музычная, самая паэтычная і звонкая, але яна нібыла настолькі развітай, каб стаць літаратурнай мовай. На беларускай мове, якую называюць русінскай ці літоўска-русінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзнікла даўно і цудоўна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі. Мова велікаросаў, на якой гавораць амаль гэтулькі ж чалавек (трэба выключыць адсюль фінска-маскоўскі дыялект, які моцна ад яе адрозніваецца), вылучаецца багашцем і чысцінёй, але ў яе няма ні цудоўнай прастаты беларускай мовы, ні гарманічнасці і музычнасці маларускай.

У Пецябургу часоў Ламаносава змяшаліся ўсе гэтыя мовы, а да іх дадалася і стараславянская мова. Невядома было, якой з гэтых моў аддаць перавагу і прыняць у якасці агульналітаратурнай мовы. Ламаносаў, які нарадзіўся на беразе Белага мора, паходжаннем велікарос, аддаў першынства сваёй роднай мове» [1, с. 568].

Адам Міцкевіч з'яўляецца не толькі паэтам, але яшчэ і гісторыкам, аўтарам «Гісторыі Польшчы». Дык вось, ён там не двухсэнсоўна і адназначна Літву атаясамлівае з балцкай краінай, літвінаў (люд літоўскі) называе народам цалкам адрозным ад славянаў, народам балцкім, эліта ж літвінаў, якая зазнала моцны польскі ўплыў, запазычыла высокую польскую мову і культуру, ды праз гэты працэс стала адным народам з польскімі славянамі. Землі ж Беларусі ў яго «Гісторыі...» выступаюць як цалкам пазбаўленыя дзяржаўнасці, ніколі не жыўшыя самастойным палітычным жыццём, пасіўная інэртная тэрыторыя, адвечнае поле боя, за якое змагаецца Азіяцкая дэспатычная Расія і вольналюбівая дэмакратычная шляхецкая Польшча [30, s. 14, 17, 18, 39, 56, 72—74].

Але ж хіба адзін Т. Касцюшка ды А. Міцкевіч гэтак глядзелі на беларускі народ? Практычна ўсе шляхецкія знакавыя інтэлектуалы былога ВКЛ у першай палове XIX ст. мелі такую ж самую свядомасць і аналагічна трактавалі беларусаў.

У 1840 годзе ў Парыжы, эмігрант з Беларусі, родам з Віцебшчыны, удзельнік Лістападаўскага шляхецкага паўстання 1831 г., Аляксандар Рыпінскі выдаў на польскай мове працу *«Беларусь. Колькі слоў пра паэзію простага людзінскага нашае польскае правінцыі, пра ягоную музыку, спевы, танцы, etc»*. Вельмі паказальна і сама назва, і прысвячэнне, якое дадаў да свайго тэксту аўтар: *«Першаму з беларускіх сялян, які перш чытаць, а пасля гаварыць і думаць па-польску навучыцца, гэтую маю нікчэмную працу ў довад высокае любові і павагі прысвячаю і дзеля яго друкую»*. Тэкст брашуры яшчэ больш красамоўны. А. Рыпінскі піша, што *«нарадзіўся далёка ад гнязда роднай мовы Пястаў, ад моцнай пальшчызны Скаргі, Трэмбецкіх, Нарушэвічаў ці Кахановіч»*. Таму ён адразу просіць прабацення ў слухачоў, калі ў яго польскай мове праслізне правінцыяналізм, які здзівіць вушы запатрабавальных слухачоў, але спадзяецца, што яго яны даруюць, калі даведаюцца, што ён размаўляе мовай *«глыбокай Беларусі»*, мовай *«якой нас — далёка за Дзвіну, да Вялікіх Лукаў і Пскова, са зброяй у руках, навучыў калісьці Баторый і якую мы да сёння старанна зберагаем, як найкаштоўнейшы наш скарб, на самых вачах ворага, у брамы яго сталіцы, за сто мільяў ад Варшавы, нягледзячы на скажальны ўплыў Масквы, які залівае нас навокал. Гэты скарб нам пакінулі ў спадчыну*

полькі, нашы маці». Чым жа ёсць Беларусь для А. Рыпінскага? «Гэтая Русь, наколькі яна ёсць і будзе польскаю, складае непадзельную частку нашай дарагой айчыны. ...Жыве тут просты народ славянскага племені, здавён шчыльна параднёны з сям'ёй ляхаў, сумленны, але убогі, ды мала вядомы нават уласнай айчыне яго, Польшчы, хоць ён любіць яе вышэй за ўсё» [22, с. 63].

Такая ж свядомасць была характэрная і для масавай свядомасці шляхты былой Рэчы Паспалітай. У звароце да сейма ў 1831 годзе шляхта Літвы, Валыні, Падолля і Украіны выразна засведчыла сваю прыналежнасць да польскай нацыі, да Польшчы, з якой лучаць яе ў адно нацыянальнае і культурнае цэлае гістарычная традыцыя, звычаі і родная (натуральна, што польская) мова:

«Reprezentanci Narodu! Litwa, Wołyń, Podole i Ukraina zawze były jednym z wami Narodem, jedną Polką. Trydzieści sześć lat ucisku i niewoli od ostatniego rozbioru nie potłumiły w sercach naszych miłości wspólnej ojczyzny i dążenia ku złaniu się w jedną narodową całość, która nie zatarta granicami, doczesną przemocą wytkniętymi, trwa pod strażą historii we krwi wspólnej, w jedności uczuć, pamiątek, języka, nieszczęść i wspólnej nadziei».

Падчас студзенскага паўстання 1863 года шляхта Віцебшчыны ў сваім пасланні да паўстанцкага Нацыянальнага Урада дэманстравала аналагічную пазіцыю:

«...jako z Ojców i przodków naszych Polakami jesteśmy i takimi w dzieciach i potomkach naszych na wieki być chcemy ..., jako najświętsze ofiary ostatków mienia, utraty najdroższych osób, krwi przelanej, dla tej miłej Ojczyzny naszej Polski ponosimy i nowe ponieść gotowi jesteśmy. Ruś Biała, jako i inne Rusi, była integralną częścią średniowiecznej i pogańskiej jeszcze Litwy. ...upłynęło już trzy wieki, w ciągu których Litwa, dzielając z Polską swobody, sławę i na koniec ostatnią niedolę, złąła się z nią w jeden naród polski» [32, s. 125].

Надзвычай паказальна ў сувязі з гэтым гістарычная свядомасць Уладзіслава Сыракомлі. Польшча для яго — гістарычная Айчына. Гэта Айчына прачытваецца ім як «гістарычны трыліснік», што складаецца з земляў уласна Польшчы (Кароны), Літвы і Русі. Прыгадайма ў сувязі з гэтым тэкст верша-прысвячэння (1858) У. Сыракомлі на выступленне гітарыста Ігната Доўнара-Запольскага [12, с. 191].

Такая ж гістарычная ідэнтычнасць была характэрная і для свядомасці Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча. Аўтар беларускамоўных п'ес і вершаў ніколі не забываўся падкрэсліць іншароднасць для сябе беларускай этнічнай традыцыі. Беларуская мова для Марцінкевіча, то мова «простага» сялянскага люду, «сялянская мова». Тэксты створаныя на ёй — неабходны толькі для таго, каб ліквідаваць прорву паміж польскай шляхецкай культурай, культурай панскага двора і культурай вясковай — сялянскай, беларускай, зрабіць сяляніна лагальным падданым свайго пана. Калі ж В. Дунін-Марцінкевіч піша пра ўласную родную мову, родную мову Літвы, то для яго гэта мова «Каханоўскага», гэта значыць польская мова. Гонар айчынай літаратуры, «гонар народа», гэта тыя аўтары, якія жывуць і ў этнічнай Польшчы, і ў Літве, і ў Украіне, і ў Беларусі. Яны — адзін народ, іх творы створаны на роднай для іх, польскай, мове [9, с. 258, 277, 280—281, 303, 428]. Пры гэтым мусім аддаць належнае Вінцэнту Дуніну-Марцінкевічу, ён выдатна ведаў, што мова сялян, то мова — беларуская, а ніякая іншая, ды паслядоўна скарыстоўваў гэтае азначэнне ў сваіх тэкстах. А ў прадмове да ўласнага беларускамоўнага перакладу «Пана Тадэ-

вуша» Адама Міцкевіча вельмі дакладна, амаль па Я. Карскаму, акрэсліў межы распаўсюджвання беларускай мовы («беларускай гаворкі»):

«...сёння «Пана Тадэвуша», апранутага мной у мужыцкую сярмягу, ахвярую панам і прастаму народу з-над Дняпра, Дзвіны, Бярэзіны, Свіслачы, Віліі і часткова Нёмана» [9, с. 428].

Адразу пасля падзелаў Рэчы Паспалітай выявілася і іншае разуменне гісторыі ўсходнеславянскіх земляў ВКЛ. Узнікла яно ў асяроддзі тых прадстаўнікоў інтэлектуальнай эліты нашай краіны, якіх мы можам вызначыць як лаялістаў у дачыненні да Расійскай імперыі. Яны, так сталася, не бачылі трагедыі ў знікненні Рэчы Паспалітай, ды звязвалі свой асабісты кар’ерны і прафесійны лёс з Расіяй. Дазволім сабе смеласць сцвярджаць, што менавіта ў гэтым асяроддзі ўзнікаюць русінацэнтрчныя версіі гісторыі ВКЛ. Пры гэтым, усе творцы новай канцэпцыі гісторыі Беларусі ў эпоху ВКЛ былі людзьмі польскай культуры, якая была для іх першай «высокай культурай», першай формай іх інтэлектуальнай сацыялізацыі. Сярод іх былі, як мы пабачым, і рыма-каталікі, і уніяты, і праваслаўныя.

Для магілёўскага каталіцкага біскупа (потым арцыбіскупа і мітраполіта) Станіслава Богуша-Сестранцэвіча «Беларусь» гэта нішто іншае, як Заходняя Расія, альбо Заходняя Русь (словы гэтыя для яго сінанімічныя). Гісторыю Русі (Расіі) ён разглядае як адно народнае цэлае. Гэта зыходнае адзінства было разарвана феадальнай дробнасцю (грамадзянскімі войнамі ў яго тэрміналогіі) і захопніцкімі дзеяннямі суседзяў, якія скарысталіся з наступстваў мангольскага нашэсця. У выніку землі Заходняй Русі сталіся здабычай Літвы. Натуральна, што пісалася ўсё гэта па польску... Больш чым красамоўная сама поўная назва гэтай працы, у якой можна знайсці ўсе базавыя, зыходныя канцэпты ідэалогіі заходнерусізма — «*O Rosyyi Zachodniej niegdyś z państwem rossyiskim związanej, potem zaś w smutnych czasach oderwanej*» [21, с. 48]. Паказальна і тое, што такія дэфініцыі як «Літва», «літвіны», «літоўская мова» Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч выкарыстоўваў толькі ў сучасным сэнсе гэтага слова — дзеля акрэслення балцкага народа і балцкай мовы [21, с. 44—45].

Практычна аналагічна трактаваў гістарычнае мінулае Беларусі і наш знакаміты археограф Іаан Грыгаровіч. У прадмове да першай часткі «Беларускага архіва» ён пісаў літаральна наступнае: «*Белоруссия, в нынешнем своем очертании, составляла некогда достояние Державы Российской и по отторжении, снова в 1661 году была присоединена к ней царем Алексеем Михайловичем, хотя впрочем на короткое время*» [5, с. VII]. Пры гэтым І. Грыгаровіч выразна падкрэсліваў і спецыфіку беларускага мінулага ў параўнанні з велікарускай традыцыяй у эпоху ВКЛ — наданне магдэбургскае права гарадам, дзейнасць праваслаўных брацтваў [5, с. VIII]. І. Грыгаровіч надаваў выключна важнае значэнне беларускай мове ў эпоху ВКЛ, якую ён лічыў галоўнай актавай мовай дзяржавы. У прачытанні Іаана Грыгаровіча абшар беларускай актавай мовы ахопліваў велізарную тэрыторыю — акрамя Беларусі, Правабярэжная Украіна без Кіеўшчыны, Галіцыя, Пакуцце (вобласць на памежжы Польшчы і Галіцыі), Закарпацце і Літва [26, с. 29—30]. Для Іаана Грыгаровіча быў характэрны рэгіянальны беларускі патрыятызм. Пасля выдання першай часткі свайго знакамітага «Беларускага архіва» (1824 г.) ён з гонарам пісаў брату, што цяпер «*и наша Белоруссия не совсем исчезнет с лица земли, но да ведает свет,*

что были времена, когда она была славнее и добродетельнее нежели ныне» [13, с. 105—106].

Вельмі важнымі для нас з’яўляюцца і погляды на беларускае мінулае Івана Насовіча, выпускніка Магілёўскай духоўнай семінарыі. Гэты чалавек не толькі стварыў адзін з найлепшых слоўнікаў беларускай мовы, але і ў прадмове да выданага ім збора беларускіх песняў падкрэсліваў, што ў мінулым беларускі народ складаўся не толькі з сялянаў, але і меў уласную эліту, якая размаўляла на беларускай мове ды спрычынілася да стварэння высокага стылю ў беларускім фальклору. Толькі паланізацыя праз рыма-каталіцкі касцёл і езуіцкія навукальныя ўстановы ператварыла беларускую шляхецкую моладзь у палякаў, зрабіла беларусаў плебейскім этнасам. Такім чынам, паводле Івана Насовіча, беларусы ў мінулым мелі і ўласную гістарычную традыцыю, і ўласную эліту [20, с. 48—50].

Але ў гэтых тэкстах выразнай гістарычнай суб’ектнасці Беларусі ў эпоху ВКЛ, прачытанай хай сабе і ў рэгіянальных катэгорыях, мы яшчэ не знаходзім. Іншая справа — тэксты Зарыяна Даленгі-Хадакоўскага (Адама Чарноцкага). Гэты чалавек, былы шпіён Напалеона Банапарта пад час кампаніі 1812 года, апантаны славянафіл і першы археолаг Беларусі і Літвы, атрымаўшы афіцыйны дазвол на правядзенне археалагічных раскопак, безумоўна, сам сябе беларусам не лічыў, як і не лічыў сябе літвінам. У прыватнай перапісцы падкрэсліваў, што родам ён — лях [8, с. 223]. Але ён належыў да тых «ляхаў», якія не бачылі перспектываў па адраджэнні Рэчы Паспалітай ды ўрэшце пачалі лічыць Расію сваёй дзяржавай і сваёй Радзімай. Дык вось, менавіта пад пяром З. Даленгі-Хадакоўскага Літва выступае як культурны рэцыпіент Русі, «*прымаючы многае ад Русі ў шанаванні багоў, пісьменнасці і дзяржаўнай мове*». Ды і герб «Калюмны», як і цвердзіў наш аўтар, нішто іншае, як знак Рурыкавічаў — «трызуб» [8, с. 51]. Падкрэслім пры гэтым, што З. Даленга-Хадакоўскі выразна адрозніваў уласна балцкую Літву і ўсходнеславянскую Беларусь. Галоўны крытэр такога адрознення — прыналежнасць апошняй да Русі і адметная мова (беларуская (крывіцкая) гаворка). Менавіта таму ён абрынуўся з крытыкай на Карамзіна за тое, што той у сваёй «Гісторыі» без усялякіх засцярогаў называе Літвою Заходнюю Беларусь:

«Кривичи с полочанами были на западе Руси, от Плескова и Смоленска простирались даже за Городно (Grodno, Gartena) на Немене, которое было русским удельным княжеством. ...Карамзин сказывает, что Новгородок рускими построен. Для чего же на карте означен Литвою? ...Притом же достойно замечания, что между Вильною, Гродном и Минском есть издревле русское наречие. Литовские князья не искоренили оно, ибо употребляли сами при дворе, в договорах и уставах. ...Неизвестно было Автору, где сходятся и граничат собственно литовский и русский язык и что в Камере Гумбинской в нынешних восточных Прусах есть также Литва! Кажется, как бы в награду за сию давнюю потерю, г. Карамзин означил Литву по теперешним пределам губерний литовских, то есть коштом русской земли» [8, с. 63].

Тэрмін «беларускі» для З. Даленгі-Хадакоўскага мае безумоўна этнакультурнае нападўненне, беларуская гаворка для яго — дыялект рускай мовы:

«Едучы з поўначы да Ноўгарада, найчасцей кружным шляхам, прыслухоўваўся я да дыялекту. Ён вельмі блізкі да крывіцкага, або беларускага. ...Гэтак жа гавораць і ў Пскоўскім краі, і на поўначы ад Чарнігава — па ўсёй Белай Русі і Смален-

скай губерні. Вядома, што той жа самы дыялект чуецца і ў Мінскай, Гродзенскай губернях, у паўднёвай часты Віленскай і да Райгарада на Падляссі. Адсюль вынікае, што гэты дыялект самы распаўсюджаны ў рускай мове» [8, с. 257].

Уніяцкае прачытанне традыцыі.

Ідэйныя вытокі трактоўкі ВКЛ як беларускай дзяржавы трэба шукаць у творчасці беларускіх інтэлектуалаў заходнерускай традыцыі. Заходнерусам жа ў гэтым пытанні папярэднічалі працы іх ідэйных натхняльнікаў — уніяцкай прафесуры Віленскага універсітэту, так званага «Беларускага акадэмічнага кола» — М. Баброўскага, І. Даніловіча, Я. Ярашэвіча і П. Сасноўскага. Пры вывучэнні гісторыі і культуры Літвы апошнія выразна вылучалі ды падкрэслівалі славянскі, «рускі», элемент у гэтай дзяржаве — робячы наіск на яго выключнае значэнне ў культуры і дзяржаўных формах жыцця ВКЛ, якія былі, як яны лічылі, ўсходнеславянскімі, традыцыямі мясцовай Літоўскай Русі. Уніяцкая віленская прафесура з гонарам падкрэслівала культуртрэгерскую ролю усходнеславянскага, «рускага», элементу ў справе цывілізаванасці Літвы, бо менавіта мовай культуры, дзяржавы і права той дзяржавы стала мова «руская». Яны марылі аб вяртанні ў грамадскае жыццё «Северо-Западного края» гэтай даўняй дзяржаўнай мовы ВКЛ, мовы Літоўскіх Статутаў. Той жа І. Данілевіч, той жа М. Баброўскі, услед за выдатным польскім вучоным Багумілам Ліндэ, прама называлі мову Статутаў, мову летапісаў ВКЛ — мовай беларускай [11, с. 104]. Міхал Баброўскі быў першым беларускім даследчыкам які згадаў у 1826 г. былую веліч беларускай мовы і беларускай культуры спасылаючыся ў тым ліку на велічную постаць Францішка Скарыны і ягоную Біблію:

«...калісі ў Літве панавала беларуская мова, на ёй друкаваліся палемічныя кнігі, павучанні, катэхізісы і іншыя духоўныя творы; на гэтую мову Скарына пераклаў Св. Пісанне: затым, калі Польшча перамагла Літву, пачалася перавага польскай мовы» [15, с. 383].

З русінацэнтрычных пазіцый трактаваў гісторыю ВКЛ і такі віленскі прафесар, якім быў Язэп Ярашэвіч. Усе бакі жыцця Літвы, як сцвярджаў Я. Ярашэвіч, развіваліся пад уплывам дзяржаўнасці і права русінаў. Паводле гэтага аўтара толькі хрост Літвы на каталіцызм спыніў яе пераўтварэнне ў цалкам «рускую» дзяржаву і паставіў бар’ер паміж літоўцамі і русінамі. Хрышчэнне літоўцаў у праваслаўную веру, цвердзіў Я. Ярашэвіч, прыводзіла да іх асіміляцыі, пераўтварэння ў русінаў [28, с. 7].

Акрамя русінацэнтрычнай канцэпцыі гісторыі ВКЛ менавіта ў гэты ж час узнікаюць і больш радыкальныя варыянты прачытання гісторыі Літвы — як гісторыі ўсходнеславянскай дзяржавы, дзяржавы Русі Літоўскай, у якой балцкая Літва нібыта адыгрывала другасную, падначаленую ролю, альбо ўвогуле ніякай ролі ў якасці гістарычнага суб’екту не мела.

На сённяшні дзень ведаем двух такіх аўтараў, якія найбольш істотна паўплывалі на фарміраванне падобных поглядаў. Гэтымі творцамі былі людзі з Заходняй Беларусі — Ігнацы Кулакоўскі і Восіп Сянькоўскі.

Гродзенскі шляхціц, рыма-каталік па веравызнанню, польскамоўны літаратар-паэт(!) Ігнацы Кулакоўскі (1800—1870), у запіскі на імя міністра адукацыі Расіі (1834 г.), як і ў прыкладзеным да яе ўласнаручна напісаным падручніку па гісторыі Беларусі, падкрэслівае выключнае значэнне усходнеславянскага (славяна-рускага) элемента «Заходніх Губерняў» ў дзяржаўным

жыцці ВКЛ. З сума адзначаючы татальную паланізацыю высокай культуры у той час на землях былога ВКЛ, ды акрэсліваючы планы маштабнай дэпаланізацыі Беларусі ў сваёй нататцы, у тым ліку і інстытуталізацыі беларускай мовы, выкладання на ёй вучэбных дысцыплін у школах, ён падкрэслівае, што балцкая Літва першапачаткова была даннікам «славяна-рускіх» плямёнаў. Потым, заваяваўшы апошніх, не мела моцы канкураваць з іх культураю — у выніку літоўская знача стала ўсходнеславянскай па мове і праваслаўнай па веравызнанню, ды ўвогуле — «літва» ператварылася ў славянаў. Толькі злучэнне з Польшчаю прывяло да рэгрэсу і знішчэнню мясцовай старажытнай высокай «славяна-рускай» культуры, паланізацыі вышэйшых пластоў грамадства. Вельмі красамоўна гучыць і назва аднаго з галоўных перыядаў напісанай ім *«Истории славяно-русов, доселе населяющих Западные губернии»*: *«От завоеваний литовцев, кои, как выше упомянуто, преобразовались в русских, до окончательного присоединения к Польше сих русских провинций, названных вообще Литвою, т. е. до того времени, когда так называемая Литва перестала иметь отдельных владетелей»* [3, с. 174].

Але яшчэ больш кампліментарную карціну для ўсходнеславянскага элемента ВКЛ стварыў Восіп Сянькоўскі — гадунец Віленскага ўніверсітэта (скончыў у 1819 г.), вучань Іахіма Лелевеля, ардынарны прафесар па кафедры арабскай і турэцкай славеснасці Санк-Пецярбургскага ўніверсітэта. Па сутнасці, яго можна без усялякага перабольшвання назваць прадцечай Міколы Ерамаловіча. У гэксце гэтага чалавека, датаванага 1835 годам ў закончанай форме мы можам знайсці ўсе, гэтак любячы для беларускай нацыянальнай гістарычнай міфалогіі тэзы славянскага літвінізма, якія агучваюцца да сёння бы выдаюцца за адзіную гістарычную праўду пра беларусаў у эпоху ВКЛ.

Паводле В. Сянькоўскага ў мінулым існавала не адна, а дзве ўсходнеславянскія дзяржавы, дзве Русі і два рускія народы: *«Россия и Литва, то-есть, Россия поработенная и Россия независимая, Русь монгольская и Русь Литовская, государство русское христианское и государство русское языческое»* [23, с. 45]. Палітычны падзел гэтых рускіх народаў, дасягае часоў хрысціянізацыі Русі, бо ў Літве, аказваецца, былі важнейшыя ўсходнеславянскія паганскія святыні. Ён нават называе Літву «паганскім Ватыканам». Таму тая Русь, якая не схацела прыняць хрост у часы Уладзіміра Святога, пабегла ў Літву дзяля бараніла там веру продкаў. У выніку акрамя свайго спрадвечнага наймення гэтая «Русь» пачала менаваць сябе «Літвою» [23, с. 48—49]. Балты, аказвацца, не гралі аніякага значэння ў гісторыі гэтай дзяржавы, уласна літоўцаў трэба зваць «летувісамі» піша наш аўтар, каб адрозніваць ад сапраўднай славянскай Літвы-Русі. І сталіца дзяржавы Вільня, і дзяржаўная мова — то ўсё гістарычная спадчына Русі Літоўскай, а не балтаў-летувісаў:

«...Литва до соединения с Польшею была та же Россия, только под другою династией. ...Народонаселение обоих государств было одноплеменное, и принадлежало к одной и той же отрасли славянского народа. Не надобно основываться на том, что был особый народ, который говорил другим языком и назывался Литува, и от которого произошло имя целого государства, Литвы: этот народ составлял незначительное поколение, каплю воды в море; он занимал не более пяти или шести нынешних уездов и не был господствующим; он играл простую роль одной из пятидесяти провинций равно подвластных общей династии; он находился даже в унижении: язык его был исключен из области правительства и законов, столица

государства была построена не на его земле, а на земле славянской; его древняя вера была оставлена самими повелителями, которые под конец исповедывали уже религию огромного большинства своих славянских подданных. ...Собственная «Литва» была в этом составе простым иноплеменным поколением, и значение его в нем было не политическое, но религиозное. ...Она была чисто русская держава, и по происхождению народа, и по правительственным формам, и по языку, и по образцованности, и даже по вере» [23, с. 46, 47, 50].

Менавіта В. Сянькоўскі стварае і вобраз ворага той славянскай Літвы. Для нашага аўтара, чалавека, выхаванага ў польскай культуры, вучня Лялявеля, скончыўшага польскамоўны Віленскі ўніверсітэт, то без сумненняў, Польшча. І самыя негатыўныя вобразы здрайцы нацыянальных інтарэсаў Літоўскай Русі, тут для яго няма аніякага сумневу, то вобраз Ягайлы:

«Поляки с радостью отдали престол Пястов Ягайлу, великому князю литовскому, потому что только таким образом могли они оградить себя от грозной для них власти его народа. ...С этого времени Литва уже рабски вращалась в орбите польской политики. ...Можно сказать, что тот самый день, когда полномочные Польши и Литвы подписали «Акт соединения» обоих государств — безпримерный в истории документ, посредством которого юная и могущественная держава, без выстрела, одним почерком пера, сама вычеркнула себя из списка народов» [23, с. 53].

Менавіта вестэрнізацыя Літвы праз каталіцкі хрост, уцэлаўленне краіны ў заходнеёўрапейскую цывілізацыю праз Польшчу, паставіла крыж на яе самабытным развіцці, знішчыла ролю гэтай дзяржавы ў якасці галоўнага актара на еўразійскім прасторы, калі яна, як сцвярджае наш аўтар, «вольная Русь» была цэнтрам ўсёй Азіяцкай сістэмы(!) [23, с. 51—52].

Як працяг полацкай дзяржаўнасці трактаваў ВКЛ трактаваў вялікіх князёў літоўскіх Адам Ганоры Кіркор. Спасылаючыся на Вакрасенскі летапіс ён сцвярджаў, што дынастыя вялікіх князёў літоўскіх мае полацкае паходжанне, што, па сутнасці, яна славянская, беларуская. Вялікія князі Літоўскія, быццам бы, толькі «прыкідваліся» паганцамі з стратэгічных меркаванняў. Аўтар, у выдадзеным у «Живописной России» нарысе па гісторыі Беларусі, нават змясціў генеалагічную табліцу князёў полацкага дома, з якой вынікала, што і Гедымін, і Альгерд, і Ягайла, і Вітаўт, быццам бы маюць полацкае, беларускае паходжанне [10, с. 290, 293].

У прадмове да археаграфічнага выдання «Собрание грамот и актов городов: Вильно, Ковно и Троки», якое пабачыла свет у Вільні (1843) надзвычай выразна сфармуляваны погляды на ўзаемадачыненні паміж усходнімі славянамі і літоўцамі. Гэтыя погляды пазней не толькі стануць як бы афіцыйнымі (трактоўка Мікалая Улашчыка) [26, с. 48], але, як лічым мы, амаль цалкам будуць скарыстаны пры канструванні літоўскага міфа беларускай адраджэнскай нацыянальнай гістарыяграфіі. У прадмове да выдання яго аўтары сцвярджалі, што вялікая колькасць літоўцаў першапачаткова прыняла праваслаўнае хрышчэнне, асімілявалася і стала рускімі, што ўсё жыццё Вялікага Княства Літоўскага праходзіла ў рускіх дзяржаўных і культурных формах, што большасць знакамітых княжацкіх і магнацкіх родаў ВКЛ першапачаткова вызнавалі праваслаўе, а значыць былі рускімі. Больш таго, аўтарамі, са спасылкай на працу Ватсана, было сказана, што быццам бы ў літоўскай мове 2/3 словаў славянскіх і 1/3 фінскіх, гоцкіх, нямецкіх, а значыць, і асобнай літоўскай мовы ў прыродзе не існуе ўвогуле [26, с. 50].

Пазней, калі пачалося выданне Актаў Віленскай археаграфічнай камісіі, яе члены цалкам запазычылі «магістральныя» тэзы вышэйзгаданага выдання і стала выкарыстоўвалі іх у сваіх прадмовах [26, с. 144—145]. У прадмове да IV тома археаграфічнага зборніка дакументаў П. Гільтэбрандт пісаў, што Літва — гэта Паўночна-Заходняя Русь, а Масква — Русь Усходняя [26, с. 161]. Такія погляды на мінулае Вялікага Княства Літоўскага сталі ці не хрэстаматычнымі ў заходнерускім асяроддзі ды знайшлі сваё адлюстраванне не толькі ў археаграфічных выданнях, але і падручніках, і хрэстаматыях па заходнерускай гісторыі для сярэдніх навучальных устаноў «Северо-Западного края», што выдаваліся ў Вільні ў другой палове XIX ст. [17, 18].

Імпульсы для інтэрпрэтацый дзяржаўнасці ВКЛ, як дзяржаўнасці пераважна рускай, усходнеславянскай, былі зададзены прыкладна ў гэты ж час і ў Расіі. Так, у 1839 г. М. Устралаў выдаў працу «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать княжество Литовское». Гэты даследчык упершыню уводзіць у навуковы дыскурс расійскай гістарыяграфіі азначэнне «літоўска-руская дзяржава» у дачыненні да ВКЛ. Азначэнне гэтае потым скарыстоўвалі ці не ўсе рускія дарэвалюцыйныя гісторыкі. У святле вышэйсказанага выглядае, што гэта адбылося не без уплыву, прынамсі поглядаў М. Баброўскага, Я. Ярашэвіча і Восіпа Сянкоўскага.

Але *сістэмнага выкладу менавіта беларускага мінулага* ніхто з вышэйзгаданых даследчыкаў зрабіць не здолеў, ніхто з іх не напісаў гісторыю Беларусі як гісторыю асобнага суб'екта гістарычнага працэсу. Гонар гэтага рэвалюцыйнага перавароту ў айчынная гістарыяграфіі, які і сведчыць аб яе нараджэнні, таму па праву належыць Восіпу Цэзару Турчыновічу.

У 1857 годзе ў Санкт-Пецярбурзе была выдадзена першая гісторыя Беларусі пад назвай «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен». Не будзе вялікім перабольшаннем сказаць, што падзея гэта была знакавай як для далейшага развіцця беларускай гістарыяграфіі, так і для развіцця беларускай нацыі ў будучым. Упершыню за ўсю гісторыю існавання нашых зямель была створана гісторыя Беларусі як асобнай краіны, што мае ўласную гістарычную суб'ектнасць.

Кніга напісана ў 1855 годзе ў Магілёве мясцовым дваранінам, патомным шляхціцам, гісторыкам і правазнаўцам Восіпам Цэсарам Турчыновічам (1824 —?). Падчас стварэння гэтага твора — першай сістэматызаванай гісторыі Беларусі — аўтар у чыне тытулярнага саветніка служыў перакладчыкам Магілёўскага дваранскага сходу. Восіп Турчыновіч нарадзіўся ў верасні 1824 года ў дваранскай каталіцкай сям'і Вікенція Ігнацьевіча і Аўдоцці Андрэеўны Турчыновічаў. Яго бацька, Вікенцій Варфаламей, паходзіў са старажытнага, але збыднелага шляхецкага роду, таму Турчыновічам даводзілася арандаваць землі і ісці на службу. Бацька паклапаціўся, каб усе дзеці атрымалі адукацыю. Акрамя «Обозрения истории Белоруссии с древнейших времен» з-пад пера В. Турчыновіча выйшлі і іншыя навуковыя творы: «О поземельной собственности и наследстве в Древней Руси» (1853) і «История сельского хозяйства России от времен исторических до 1850 года» (1854) [7, с. 139—143].

Уласна беларускай самабытнай гісторыяй, паводле В. Турчыновіча, з'яўляецца толькі той час, калі краіна мела дзяржаўнасць. Страта дзяржаўнасці для В. Турчыновіча роўная страце гістарычнай суб'ектнасці. Поўны заняпад беларускай дзяржаватворчай традыцыі, паводле магілёўскага гісторыка, —

канец XVII ст. Ад гэтага часу няма сэнсу казаць аб уласнабеларускай гісторыі, бо гэта ўжо гісторыя спачатку Польшчы, а потым Расіі; Беларусь з гэтага часу цалкам страчвае ўласную гістарычную суб'ектнасць.

В. Турчыновіч лічыў самым важным перыядам у гісторыі Беларусі, часам росквіту яе дзяржаўнасці гісторыю Полацкага княства. Змаганне полацкіх князёў з Яраславічамі пад пяром Турчыновіча выступае як трываючая стагоддзямі барацьба нашчадкаў Гарыслavy (так ён эмацыянальна і з непрыхаванай сімпатыяй называе Рагнеду) за незалежнасць краіны ад Кіева [25, с. 40–45].

З асаблівым піетэтам намаляваны В. Турчыновічам вобраз Усяслава Брачыслававіча. Ці не першым з беларускім гісторыкаў ён называе князя «Чарадзеём». Дзяржава Усяслава, паводле В. Турчыновіча, ахоплівала большую частку Беларусі і кантралявала частку Прыбалтыкі [25, с. 49]. Узнікненне Вялікага княства Літоўскага (далей ВКЛ) В. Турчыновічам паказваецца, урэшце, як трыумф дзяржаватворчай традыцыі беларускіх зямель, «Заходняй Русі», як іх новая, супольная з літоўцамі дзяржава [25, с. 61–66, 89].

В. Турчыновіч быў першым з беларускіх гісторыкаў, які паставіў акцэнт на цывілізацыйнай адрознасці Беларусі ад «Масквы», звярнуўшы ўвагу на існаванне ў беларускім мінулым протадэмакратычных прынцыпаў дзяржаўнага ладу [16, с. 75]. Гэтая тэза тычылася і Полацкага перыяду, і эпохі ВКЛ. Адсюль вынікалі і прычыны няўдач маскоўскіх уладароў падчас войнаў XVI–XVII стагоддзяў: рабаўніцтва насельніцтва і ігнараванне іх правоў і прывілеяў, прыводзілі да паўстанняў супраць маскоўскай улады [25, с. 239].

Нельга не адзначыць і той факт, што В. Турчыновіч добра ведаў мову і этнаграфію беларусаў. Так у спасылках да сваёй працы ён адзначае: *«Похороны Белорусы называют хаутурами. ...До настоящего времени оба слова сохранились в употреблении между Белоруссами. Слово тризнить — врать, говорит не к стати, бредит; стравя же означает яство, кушанье»* [25, с. 251–252].

Такім чынам, магілёўскі гісторык адным з першых спрычыніўся да стварэння протабеларускай нацыянальнай гістарычнай парадыгмы, ды сцвярджаў аб наяўнасці гістарычнай суб'ектнасці Беларусі ў мінулым.

Выдатны знаўца айчыннай гістарыяграфіі, гарадзенскі даследчык Дз. Караў, задолга да нашай працы даў надзвычай трапную характарыстыку гэтай Вялікай Кнігі В. Турчыновіча:

«Она трактовала историю Белоруссии не как часть истории России, Великого княжества Литовского или Речи Посполитой (трактовки типичной для историографической традиции XVIII — 1-й половины XIX веков, свойственной даже таким литвинам-патриотам, как Т. Нарбут, И. Данилович, И. Онацевич, И. Ярошевич и др.), а как историю страны и народа, имеющих свою историческую специфичность, «особность» своего исторического существования. Факт сам по себе знаменательный, как показатель оформления в этническом самосознании белорусского образованного общества новой ступени в его развитии — концептуально заявленного исторического самосознания».

Даробак В. Турчыновіча для далейшага развіцця беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі надзвычай высока ацаніў адзін з найбольш дасведчаных яе замежных знаўцаў — сучасны нямецкі гісторык Райнэр Лінднэр, аўтар капітальнага манаграфічнага даследавання «Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ў XIX–XX ст.». Р. Лінднэр паказаў, што В. Турчыновіч таксама першым прапанаваў 5-членную перыядызацыю

гісторыі Беларусі, якая потым скарыстоўвалася ці не ўсімі прадстаўнікамі нацыянальнай беларускай гістарыяграфіі:

«Перыядызацыя томіка, які складаўся з дзесяці раздзелаў, дазваляла, тым не менш, пазнаць узорную канцэпцыю для будучых беларускіх інтэрпрэтацыяў гісторыі ды іх пяціэтаннай класіфікацыі: «Старажытнасць — Полацкае княства — Літва — Польшча — Расія». Таксама пазбяганне ўжывання тэрміна «ўз'яданне» беларускіх тэрыторыяў з расійскімі дзяржаўнымі ўладаннямі сведчыць хутчэй пра маглёўскае, чым пра сталічнае гледзішча аўтара» [16, с. 73—74].

В. Турчыновіч належыў да таго кола, якое ясна ўсведаміла, праз адукацыю, праз вывучэнне ўласнай гістарычнай традыцыі, этнаграфіі, фальклору, генеалогіі, што іх радзіма — Беларусь, менавіта Беларусь, а не Літва. Людзі з гэтага кола (дробная шляхта, адукаванае мяшчанства) імкнуліся інстытуалізаваць беларушчыну, надаць правы грамадзянства беларускай мове ў пачатковай школе, у царкве і касцёле. На жаль, гэтыя высілкі былі марнымі. Але яны былі! Літоўскі гісторык Д. Сталюнас вельмі пераканаўча паказаў у сваім даследаванні што такія спробы мелі месца як раз аkurat у сярэдзіне XIX ст. [24, с. 175—202]. Натуральна, што такія захады можна было рабіць толькі са згоды ўладаў Расійскай імперыі і ў канфрантацыі з польскай элітай Беларусі, якая ў гэтым бачыла толькі расійскую інтрыгу супраць польскасці. Таму ўсе тыя, для каго паланізацыя выглядала як трагедыя ўласнага народу, а не здзейсненая ў дачыненні да яго дабрачыннасць, мусілі дыстанцыявацца ад польскага руху на беларускіх землях. Больш таго, усялякі, асабліва калі гэта быў заможны шляхціч-каталік, ці крый божа магнат(!), хто публічна дэклараваў сваю беларускасць і адмаўляў уласную польскасць, нават напачатку XX ст. мусіў быць гатовы да ізаляцыі, да байкоту з боку польскага грамадства Беларусі і Літвы, да абвінавачвання ў рэнегацтве. Прыгадайма ў сувязі з гэтым Марыю Магдалену Радзівіл з Завішаў (1861—1945). Добра вядома, што яна не шкадавала ўласных сродкаў і на беларускую, і на літоўскую нацыянальную справу. Яна ў 1912 годзе прама заявіла ў інтэрв'ю «Минскому русскому слову»: *«Я лічу сябе беларускай літоўскага паходжання, таксама як і мой муж, полькай жа я сябе не адчуваю зусім»*. Падобныя выказванні былі прычынай байкатавання яе польскім грамадствам, польскай арыстакратыяй — у гэтым асяроддзі яе з'едліва называлі *«Магдаленай Іванаўнай»* [15, с. 462—463].

Усе падставовыя нацыянальныя беларускія міфалагемы, у тым ліку і гістарычныя, былі сфармуляваныя першапачаткова ў так званым заходнерускім асяроддзі, асяроддзі ў якім выспелі ўсе важнейшыя перадумовы для інстытуалізацыі беларускай нацыянальнай тоеснасці. Прычым да гэтага працэсу спрычыніліся і прадстаўнікі каталіцкай эліты, Восіп Сенькоўскі, Ігнацій Кулакоўскі, Восіп Турчыновіч. Рэч ясная, што заходнерусы пісалі пра беларусаў як племя трыадзінага рускага народу. Але хто на той момант іначай пісаў і думаў? Прынамсі няма ніводнага прыкладу з польскамоўнай літвінскай публіцыстыкі першай паловы — сярэдзіны XIX ст., у якім дэфініцыя «Беларусь» прысутнічала б як цалкам самабытная этнакультурная катэгорыя, адметная ад палякаў і расійцаў, роўная ім, як самастойны народ.

У працах класіка заходнерускай гістарыяграфіі М. В. Каяловіча беларускія адраджэнцы «нашаніўскага» перыяду маглі знайсці ўсе неабходныя ім аргументы аб існаванні ў беларускага народа сваёй гісторыі і ўласнай дзяржаўнасці ў мінулым. Полацкае княства для М. Каяловіча, то, безумоўна,

першая форма дзяржаўнасці беларускага народа [14, с. 60, 62]. Важнейшым, магістральным пунктам беларускай гісторыі, лічыў М. Каяловіч, было збліжэнне беларускіх зямель з Літвой, якое пачалося ўжо ў полацкі перыяд беларускай гісторыі. Гэта знайшло адлюстраванне ў каланізацыі продкамі беларусаў — крывічамі і дрыгавічамі — зямель літоўцаў і явягаў. Пранікненне беларусаў у літоўскія землі, іх каланізацыя, прыводзіла да агульнага збліжэння двух народаў. У першую чаргу гэта тычылася супольных вайсковых паходаў, скарыстання літоўскіх дружын полацкімі князямі падчас войнаў. З канца XII ст. і да сярэдзіны XIII ст. (да часоў мангольскага нашэсця) літоўскія дружны пастаянна нападаюць на землі Пскова, Ноўгарада, Цверы. Паводле М. Каяловіча, такое магло адбывацца толькі ў выпадку дапамогі літоўцам з боку беларускіх зямель, якія не чынілі ніякіх перашкод апошнім, бо ў іх вачах яны былі сваімі. Адсюль і ўзнікненне ВКЛ паказваецца як супольная справа беларусаў і літоўцаў. Пры гэтым, падкрэслівае М. Каяловіч, дзяржаватворчымі кампанентамі новай дзяржаўнасці выступаюць, з аднаго боку, беларусы, а з другога — аўкштайты (верхнія літоўцы ў яго тэрміналогіі). Уласна літоўцы (аўкштайты) на момант стварэння дзяржаўнасці былі добра абазначаны з культурай, мовай і рэлігіяй беларусаў, лёгка яе засвойвалі і выступалі пасрэднікамі ў перадачы гэтых здабыткаў «чыстым» балцкім літоўцам-паганцам — жмудзінам. Усё згаданае абумовіла бесканфліктнасць у стварэнні Вялікага Княства Літоўскага і адсутнасць антаганізму паміж усходнімі славянамі-беларусамі і балтамі-літоўцамі [14, с. 64, 75—76, 88].

Погляды Вацлава Ластоўскага, агучаныя ім ў першай беларускамоўнай «Гісторыі Беларусі» (1910) на ўтварэнне і развіццё ВКЛ цалкам паўтаралі высновы В. Турчыновіча, А. Кірска і М. Каяловіча. Тэкст В. Ластоўскага пра ўзнікненне ВКЛ — дакладная, літаральная кампіляцыя з працы В. Турчыновіча, толькі перакладзеная на беларускую мову:

«Ужо ў XI стагоддзі ў часцы зямель з мешаным беларускім насяленнем заснавалася Літоўска-Завілейскае княжства, каторае, на нацыянальнасці сваіх жыццелёў, было Літоўска-Крывічанскім, або Літоўска-Рускім княжствам з сталіцай у Навагрудку».

Такім чынам, мы маем усе падставы каб сказаць, што без беларускай гістарыяграфіі XIX ст., без створанага беларускімі гісторыкамі вобраза з велічным мінулым беларускага народа, яго дзяржаўнасці, не стаўся б рэальным і Усебеларускі з'езд у 1917 годзе. Нацыянальная свядомасць яго ўдзельнікаў была падрыхтавана аўтарамі тых беларусацэнтральных гістарычных прац, аб якіх мы згадалі ў дадзеным тэксце.

Бібліяграфічны спіс

1. Адам Міцкевіч. Выбраныя творы. — Мінск, 2003. — 640 с.
2. Адраджэнне: гістарычны альманах / склад., і навук. рэд. А. П. Грыцкевіч. — Мінск, 1995. — 321 с.
3. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / Сост. Э. К. Дорошевич, М. С. Мятельский, П. С. Солнцев. — М., 1986. — 468 с.
4. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бардах. — Мінск, 2002. — 455 с.
5. Белорусский архив древних грамот: — Ч. 1. — М., 1824. — [2], XVI, [2], 148 с.

6. Вилимас, Д. Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти Литвы / Д. Вилимас // *Ab imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. — 2004. — № 4. — С. 507—522.
7. Грыбко, І. Л. Восіп Цэзар Турчыновіч: Малазнаёмы і хрэстаматыйна вядомы (матэрыялы да біяграфіі) / І. Л. Грыбко // *Российские и славянские исследования: науч. сб. / Беларус. гос. ун—т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]*. — Минск, 2008. — Вып. 3. — С. 139—144.
8. Даленга-Хадакоўскі, З. Выбранае / З. Даленга-Хадакоўскі. — Мінск: Кнігазбор., 2007. — 448 с.
9. Дунін-Марцінкевіч, В. Творы / В. Дунін-Марцінкевіч. — Мінск, 1984. — 526, [1] с.
10. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье Репринтное воспроизведение издания 1882 года. — Минск, 1993. — 490, VI с.
11. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д. В. Карев. — Вильнюс, 2007. — 312 с.
12. Кісялёў, Г. Радаводнае дрэва: Каліноўскі — эпоха — наступнікі / Г. Кісялёў. — Мінск, 1994. — 303 с.
13. Козлов, В. П. Колумбы Российских древностей / В. П. Козлов. — М., 1981. — 168 с.
14. Коялович, М. И. Чтения по истории западной России / М. И. Коялович. — Минск, 2006. — 480 с.
15. Латышонак, А. Нацыянальнасць — беларус / А. Латышонак. — Беласток—Вільня, 2009. — 558 с.
16. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX—XX ст. / Р. Лінднэр. — Мінск, 2003. — 538 с.
17. Марзалюк, І. А. Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі / І. А. Марзалюк. — Магілёў, 2009. — 144 с.
18. Марзалюк, І. А. Заходнеруская гістарыяграфія і яе ўплыў на фарміраванне нацыянальнага беларускага гістарычнага нарматыву / І. А. Марзалюк // *Романовские чтения — VII: сб. статей. Междунар. науч. конф., 26 нояб. 2010 г. / под общ. ред. А. А. Воробьева. — Могилёв, 2011. — С. 9—10.*
19. Мыльников, А. С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII—XIX вв. / А. С. Мыльников — СПб., 1997. — 176 с.
20. Носович, И. И. Белорусские песни, собранные И. И. Носовичем / И. И. Носович. — СПб., 1874. — 236 с.
21. Попов, М. А. Литературная и научная деятельность митрополита Станислава Богуша-Сестренцевича / М. А. Попов // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова: навукова-метадычны часопіс*. — 2011. — № 1. — С. 42—51.
22. Пыпин, А. Н. История русской этнографии: [в 4 т.]. — СПб., 1890—1892. — Т. IV. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. Репринт. — Минск, 2006. — 488 с.
23. Сенковский, О. И. Литва, Свидригайло и Коцебу. По поводу книги: Свитригайло великий князь литовский, сочинение Августа Коцебу // *Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса)*. Т. VI. СПб., 1859.
24. Сталюнас, Д. Межы ў памежжы: беларусы і этналінгвістычная палітыка Расейскай імперыі на заходніх ускраінах падчас Вялікіх рэформаў / Д. Сталюнас // *ARCHE*. — 2009 — № 9. — С. 175—202.
25. Турчинович, И. В. Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен / И. В. Турчинович. — Минск, 2006. — 589 с.
26. Улащик, Н. Н. черки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. — М., 1973. — 302 с.
27. Філаматы і філарэты: Зборнік / уклад., пер. польскамоўн. твораў, прадм., біягр. даведкі пра аўт. і камент. К. Цвіркi. — Мінск, 1998. — 399 с.

28. Jaroszewicz, J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji. Cz. II. Wilno, 1844.
29. Kowecki, J. Kościuszko wobec «Rusinów naszych» // Między Wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI—XVIII w. — Warszawa, 1993.
30. Mickiewicz, A. Historia Polski. T. I. Paryż. 1871.
31. Mickiewicz, A. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego. — Warszawa, 1986.
32. Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. — Lublin, 2000.

Солопова Оксана Вячеславовна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

**ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
БЕЛОРУСОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА**

В начале XX века мир стоял на пороге новых событий и бесчисленных преобразований. Казалось, начинающееся столетие должно привести в истории человечества расцвет науки, техники, череду инноваций, который приведет к улучшению качества жизни для всех слоев населения. Но 1914 год пошатнул веру в прогресс и оптимистические чаяния. Европу захлестнула Первая мировая война, мирно развивающиеся страны превратились в поля боевых действий, созидательный труд вытеснила необходимость с оружием в руках защищать свою Родину, дом, семью...

Первая мировая война — особая веха в судьбе Российского государства, время и подвига русского оружия, и национальной катастрофы, которая унесла жизни более трех миллионов граждан, обострила социальные противоречия, привела страну к революционным потрясениям и братоубийственной гражданской войне. При этом жертвами Первой мировой войны стали не только павшие в сражениях солдаты, но и многочисленные мирные граждане, которые волею судеб были вынуждены примерить на себя роль беженцев, покинуть свою родную землю.

Активная миграция белорусских беженцев Первой мировой войны с белорусских земель началась с октября 1914 года с Гродненской, Виленской, Ковенской, Минской, Витебской губерний. С 1915 г. бежавшее от военных действий и эвакуированное белорусское население начало рассредоточиваться по центральным и восточным областям России в двадцати одной удаленной от фронта губернии, в том числе в Петрограде, Поволжье, Калужской, Тульской, Московской и других. По официальным данным, в мае 1918 г. в регионах России находилось почти 2,3 млн беженцев из Беларуси. Наибольшее число в Тамбовской, Самарской, Калужской, Казанской, Курской, Саратовской губерниях, Петрограде и Москве.

Казалось бы, впечатляюще обширная география расселения-рассеяния, даже выделить белорусских беженцев в отдельную группу представляется на первый взгляд сложным. Но в большинстве своем белорусы смогли в этих условиях осознать и укрепить свою национальную самобытность: «как пошли в свет — нашли нацию...». В каких же условиях?

Беженцы в России изначально воспринимались с сочувствием и радостью, в немалой степени и потому, что они восполняли нехватку рабочих

рук в губерниях. Но бремя постоя так и оставалось бременем для местного принимающего населения: никто его не разделял, кардинальные решения по назревшим проблемам беженцев правительство затягивало, и местные жители постепенно, но неизбежно, стали менять свое отношение к беженцам с жалости и сострадания на негативное. Эти изменения шли параллельно с устойчиво демонстрируемым желанием большинства белорусов вернуться к родным местам. Уже весной 1916 г. начинается процесс реэвакуации белорусских беженцев, в том числе и нелегальной — пока еще фрагментарный, скорее как тенденция. Началом реального возвращения беженцев в Беларусь можно считать весну 1918 года. Продолжалось оно вплоть до 1923 г.

Видный белорусский деятель Змицер Хведарович Жилунович, известный под псевдонимом Тишка Гартный, в 1924 году писал: «Империалистическая война, которая центром всей своей тяжести опустилась на Беларусь... подготовила новую богатую почву для роста и расширения белорусского национального самосознания с новой силой. Эту почву дали массы белорусских беженцев — изгнанников, которые заполнили почти все российские города» [1].

Оказавшись в статусе беженцев, оказавшись вне обычной среды, в одночасье превратившись в «иных и чужих», белорусские переселенцы стали острее ощущать свою этническую принадлежность как фактор, необходимый для сплочения «своей группы».

Статус «беженца» переломил сознание людей, породив у них необходимость выработки идентификации себя и «своих», в том числе через стремление сохранить свои обычаи и традиции, цементирующих это единство благодаря элементам несхожести с теми особенностями, которые были характерны для населения «принимающей стороны». Национальная культура стала опорой и символом стабильности в условиях хаоса как «особый дух каждого народа и связанная с ним... идентичность» [2, с. 116].

Однако вопрос белорусской идентичности оставался для беженцев еще открытым. Если, например, литовцы, поляки и евреи сразу занялись созданием обществ помощи переселенцам именно по этническому принципу, о чем говорят уже сами названия созданных тогда Еврейского комитета помощи жертвам войны; Латышского Центрального комитета по оказанию помощи беженцам; аналогичных украинских, литовских обществ, то беженцы-белорусы довольно долго не имели подобных организаций, поначалу причисляли себя к русским, потом пытались просить о поддержке в создаваемых представителями других народов общественных организациях для оказания помощи беженцам по этническому принципу. Пытаясь примкнуть то к одним, то к другим, белорусы изначально получили системную помощь при еврейских организациях, но, тем не менее, везде оставались «чужими»...

По мере продвижения вглубь России, беженцы из белорусских губерний все явственнее осознавали свое языковое отличие. Постепенно именно белорусский язык становился одним из главных факторов дифференциации белорусской этнической группы. «Так, один из депутатов Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии рассказывал про беженца, который был глубоко оскорблен тем, что «сьмиюцца над яго моваю», настолько оскорблен, что собирался топиться» [3].

Надо отметить, что процесс осознания выявившихся различий в одежде и обычаях белорусов одновременно шел и на белорусских землях: не только

через знакомство белорусов-беженцев с иноязычными сообществами на территориях с преобладающим этнически-русским населением, но и среди белорусов, принимающих у себя переселенцев поляков/литовцев/евреев. Все это существенно влияло на становление белорусской национальной идентичности. В. Гриневич, который во время Первой мировой войны оказался в Казани, после 1918 года вернулся в Вильно и с 1920-х годов опубликовал ряд статей и воспоминаний в белорусских журналах «Наша Думка», «Родныя Гош», ярко и доказательно фиксировал эти моменты [4, с. 177].

Часть беженцев до этого считала себя русскими, но местное население не признало в них своих, и это обстоятельство стало во многом определяющим. Белорусские беженцы постоянно сталкивались со сторонним указанием на отличие в своей одежде, обычаях, языке от одежды, обычаев, языка русских [4, с. 177]. Российско-белорусский историк Алексей Константинович Кавка вспоминал слова Николая Николаевича Улащика: «Как пошли в свет — нашли нацию. Дома везде называли себя русскими. А тут, в Тамбове, в Саратове, им, не без усмешки: «Какие же вы русские, — по-русски и говорить, как надо не умеете». У нас в Витькавщине, во время войны солдаты стояли. «Вы кто?» — у матери спрашивают. «Мы русские», — отвечает. «Какие вы русские! Вы — поляки! — и на икону униатскую показывает» [5, с. 270].

Об укреплении национального самосознания белорусских беженцев, о происходящих процессах мобилизации этноса на не оккупированных территориях в этот период свидетельствует появление организаций, призванных оказывать им поддержку по этническому принципу. Это Белорусское товарищество в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны, которые действовало с января 1916 г. до начала 1918 г.; Белорусско-украинский комитет помощи жертвам войны в Барнауле; а также деятельностью культурно-просветительных организаций «Белорусская хатка» в Орле (1917—1918), Белорусский национальный кружок в Богородицке (1917—1918), Ориенбургский кружок белорусов (1918) и др. В 1917 году у белорусов появляется возможность документально выделить себя в национальную группу, когда в регистрационные анкеты беженцев вносится национальность «белорус».

В русле национально-освободительного движения народов России после революционных событий 1917 г. ускорилось развитие и белорусского национального движения. Оживилась политическая, культурно-просветительская деятельность в среде белорусов — беженцев, рабочих, военных и др. По инициативе Белорусской народной громады*, которая отстаивала право белорусского народа на государственное самоопределение в составе Российской Федеративной республики, в Москве осенью 1917 г. было проведено два Всероссийских съезда беженцев-белорусов. На первом из них Громада сделала попытку выработать единую тактику для всех белорусских организаций на Учредительном собрании. После Февральской революции организации Белорусской социалистической громады (БСГ) — национальной левонароднической партии — появились в Петрограде, Москве, Казани, Саратове, Калуге, Тамбове и других местах локализации белорусских беженцев.

В Калужской губернии во время выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 года список, по которому проводились выборы от БСГ, получил

* Влиятельная общественно-политическая и культурно-просветительская организация, была создана в мае 1917 года, возглавляли Я. Василевич и А. Цвикевич.

998 голосов. БСГ имела представителей в Совете рабочих и солдатских депутатов и городской думе Петрограда, участвовала в работе Совета национальных социалистических партий. Часть громадцев участвовала в провозглашении БНР. Петроградская и московская организации БСГ поддержали советскую основу белорусской государственности.

Важная особенность действовавших в этом направлении белорусов-беженцев заключалась не только в том, что они являлись частью этнокультурной группы, проживающей на другой территории и демонстрирующей социально-политическую активность, но в том, что в рамках этой политической активности они стремились продемонстрировать собственную национальную «волю» [3], в том числе и через стремление к самоопределению в вопросах государственного устройства белорусских земель.

Эти люди выражали настроения большого числа одноплеменников: более миллиона белорусов-беженцев осели в Москве. Здесь же в 1915 г. задержался до мобилизации на воинскую службу Янка Купала, определившись слушателем народного университета имени А. Л. Шанявского. «Если мы посмотрим на то, что сделано за несколько лет нами, беларусами, для подъема своего национального богатства, то душа может только радоваться. В несколько лет мы сделали то, что у поляков и русских делалось, чуть ли не целыми веками», — писал Янка Купала в 1914 году в своей статье «А все ж таки мы живем!». Кстати, именно в эти годы и в этой атмосфере великий белорусский поэт пишет свое знаменитое стихотворение-манифест «А хто там ідзе?», который блистательно перевел на русский язык Максим Горький, а сегодня переведено на 85 языков мира, сыгравшее колоссальную роль в становлении белорусской нации, на долгое время ставшее неофициальным белорусским гимном, отражавшее глубинную суть чаяний и боли всего белорусского народа — и оставшегося в родном крае, и оторванного от него...

Беженцем был и другой мастера белорусского слова Якуб Колос. В 1915 г. в письме к Янке Купале он писал: «Весной 1915 года я вынужден был покинуть родные берега дорогой мне Беларусі и выехать в Московскую губернию. Побывав там сколько-то дней в школе, я был забран в солдаты. С позиции приехал в Обоянь, где жила моя семья, большим человеком. Браток мой милый, случалось ли тебе когда-нибудь застрять где-нибудь на железнодорожной станции, ждать поезда? Вот в таком положении чувствую я себя теперь, где бы ни находился. Все жду, когда наступит время ... вновь очутиться среди своих людей. Болит моя душа о Беларусі. Чувствуешь ли братец, как тяжело жить на чужбине?».

Еще одного видного белоруса обстоятельства войны задержали в Москве — Александра Лавреновича Бурбиса, деятеля БСГ, председателя ее московской организации (1917), впоследствии генерального консула Белорусской Народной Республики при Правительстве РСФСР, а, перед скоропостижной кончиной в 1922 г., — заместителя Наркома иностранных дел БССР.

В те дни роль немногочисленной белорусской интеллигенции максимально возросла. Теперь ее представители видели свою цель не только в оказании помощи беженцам в решении насущных проблем, но и стремились сориентировать их в потоке социальных перемен и политических изменений. Политизация беженского движения ярко выразилась в решении включить

белорусских кандидатов — беженцев в списки депутатов во Всероссийское Учредительное собрание [6].

В этих условиях образ оставленной белорусской земли становится той самой основой, которая позволяла без лишних объяснений прочувствовать право на собственную идентичность, осознать национальные перспективы. «Вопрос «кто мы», ранее находившийся на переднем плане национального сознания белорусской интеллигенции, уступает место актуализированному историческими реалиями вопросу «откуда мы пришли» и куда хотим вернуться. Все эти процессы и демонстрирует, и закрепляет национальная белорусская пресса, среди которой самыми читаемыми изданиями на белорусском языке стали газеты «Вольная Беларусь», «Дзянніца», журнал «Чырвоныя шляхі».

Как писал В. Гриневич, видимое равнодушие беженцев к национальной идее не заглушило тоски по родине — нужны были люди, которые смогли бы показать дорогу из тумана, которым беженцев окутали «добровольцы» из других комитетов [4, с. 168]. В своих воспоминаниях Е. Канчер подчеркивал, что многовековая зависимость белорусов от литовцев, поляков, русских, от господства их культур привела к тому, что этническое «Я» белоруса к концу этой зависимости, то есть ко времени февральской революции, было настолько слабо, что приходилось убеждать белоруса в том, что он белорус, что отцы его и дети белорусы [3].

В этой фразе отражена принципиальная особенность роли белорусской интеллигенции в становлении белорусского национального самосознания, роли, которая снова была продемонстрирована в рамках общественной деятельности белорусской диаспоры России в момент других переломных событий — дезинтеграции СССР в конце XX века. Общественная активность белорусов в получивших и восстановивших свою государственную независимость бывших советских республиках стала заметной с конца 80-х годов XX века. В голос заявили о себе представители научной и творческой интеллигенции, демонстрирующие устойчивую национальную белорусскую идентичность и готовность создавать национальные общественные организации, объединяясь и создавая обязательную в таких случаях инфраструктуру. Возникли самые разные объединения и землячества на региональных и столичных уровнях, несомненно, самые деятельные, многочисленные и структурированные в России. Декларируемые ими цели в принципе приблизительно одни и те же — удовлетворять интерес и потребности в национальной культуре и языке, укреплять контакты с исторической родиной, обеспечивать коммуникации с другими диаспорами.

Наиболее активная часть интеллигенции — ученые-гуманитарии, деятели искусства, литераторы, композиторы и др. — объединили свои усилия по популяризации среди представителей белорусской диаспоры белорусских истории, традиций, языка, культуры ради их воспроизводства, сохранения и с целью стимулирования этнокультурной идентичности самих белорусов. Необходимо особо подчеркнуть, что эта деятельность должна была осуществляться не только и не столько среди других народов РФ вообще, сколько непосредственно среди самих членов диаспоры.

Здесь также важно обратить внимание на один нюанс: главной задачей активной части белорусской диаспоры стало поддержание и восстановление элементов

национальной культуры и языка, а не адаптация к местной среде, фактически, речь шла во многим «научении», как оставаться белорусом в иноэтничной среде.

Можно сказать, что национально-культурными белорусскими объединениями была разработана независимо друг от друга универсальная программа сохранения диаспоры, заботы о национальном престиже, под которым понимается престиж собственно этнической культуры. Особая роль, особая миссия... И сегодня «Научная и творческая интеллигенция... формирует облик общества. Но если не формирует, то играет главную роль в формировании общества» [7], и тот потенциал социально-политической и гражданственности, который белорусская интеллигенция продемонстрировала сто лет назад, не исчерпал и сегодня. Кстати, на рубеже XX—XXI веков так же, как в начале XX века, образ белорусской земли, Родины стал одним из главных объединяющих факторов для белорусов «от Владивостока до Белостока». А тогда на волне февральских и октябрьских революционных событий 1917 г. в России, на волне усиления освободительного движения на окраинах бывшей империи, о своем праве на самоопределение белорусы во всеуслышание заявляют решениями Всебелорусского съезда (декабрь 1917 г.), провозглашением БНР (25 марта 1918 г.) и революционно-классовой альтернативе ей — созданием Белорусского национального комитета при Наркоме национальностей РСФСР.

Лозунги и программы большевиков не могли оставить белорусских беженцев безучастными к революционным идеям в первую очередь потому, что белорусское население, преимущественно сельское, было предельно заинтересовано в решении земельного вопроса. Деятельность Белнацкома обеспечивала качественно иную социально-политическую базу, правовую легитимность для решения белорусского вопроса как в Москве, во всей России, и самой Беларуси. По его инициативе созывается Всероссийский съезд белорусских беженцев (июль 1918 г.), с решениями которого делегация во главе с одним из его лидеров А. Х. Устиловичем знакомит в Кремле лично В. И. Ленина, чье внимание к белорусской проблеме немало значило для государственного самоопределения в советских условиях Беларуси.

На перспективы вынужденного пребывания и возвращения на родину белорусского населения, находящегося за пределами своих этнических территорий, повлиял ряд событий советского периода. Так, в соответствии с постановлением Пленума ЦК РКП(б) от 16 января 1919 года РСФСР были переданы Витебская, Могилевская, Смоленская губернии и на основе объединения Минской и Гродненской губернии с Литвой создана Литовско-Белорусская ССР. По Рижскому договору, подписанному 8 марта 1921 года, почти половина этнической белорусской территории отошла к Польше. Территория белорусских земель фактически была поделена на три части: половина земель отошла к Польше, три губернии переданы РСФСР, а провозглашенная вновь 31 июля 1920 года ССРБ вместо несостоявшейся Литовско-Белорусской ССР, существовала долгое время в границах только шести уездов — Бобруйского, Борисовского, Игуменского, Мозырского, частично Минского и Слуцкого. Только с созданием 31 декабря 1922 года СССР и в результате укрепления территории БССР в 1924 и 1926 гг. в ее состав были возвращены белорусские районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. Однако в ходе этих преобразований часть белорусского населения осталась проживать на территории Литвы и РСФСР.

Возникшее в период Первой мировой войны движение беженцев распространилось на территорию не только России, но и Украины. Более 100 тысяч, покинувшие территорию Беларуси, а также Киев, в основном, концентрировались в Одессе. С декабря 1917 года здесь действовала Белорусская военная рада, которая объединяла белорусов, воевавших на румынском фронте, был создан координационный центр одесских белорусских организаций — Белорусская национальная рада, которая, в свою очередь, основала Белорусский национальный комисариат. С учетом компактного проживания белорусов и их значительного числа, при государственных органах Украины были созданы специальные отделы по организации национальной и культурной деятельности белорусского населения, а также такие, например, общественные белорусские организации, как «Беларускі гай» в Одессе (1917—1920), белорусские студенческие землячества в Киеве и Львове, выходили белорусские газеты «Белоруское эхо», «Белорусы в Одессе», «Белорусское слово», в издательстве «Зорка» печатались белорусские книги.

Первая мировая война повлияла на расширение присутствия белорусов в Эстонии, по сведениям, размещенным в первом номере журнала «На чужыне» (1920), за счет беженцев из охваченных голодом Петрограда и Финляндии.

На Американский континент, помимо экономической эмиграции, устремились представители сформированных в предреволюционный период политических объединений — руководство партии белорусских эсеров, зажиточное купечество, кулаки, служилые люди, представители националистически настроенной интеллигенции. Здесь формируется белорусская политическая эмиграция, создаются первые организации по политическому принципу, сюда переезжает правительство БНР, его формирования, в том числе и военные. Но здесь же активно функционирует и политически нейтральная часть белорусской эмиграции. Если белорусы-беженцы, прибывая в Россию, оказывались, хоть и в иноэтничной, но в ментально близкой, культурно родственной среде при отсутствии языкового барьера, то в США ситуация была в корне иной и в сознании беженцев из Беларуси формировалась совершенно иная идентичность. В окружении американцев, белорус, в первую очередь стремился объединиться со своими братьями-славянами. Следует отметить, что белорусы первой четверти XX в. органично и искренне считали русских и украинцев своими братьями. Для восточнославянских народов было естественным объединяться в единые организации с названием «русский». Чувство славянского единства на чужой территории крепло и давала свои преимущества. Так, в 1914 г. в США в штате Мичиган была зарегистрирована первая организация белорусов, созданная совместно с малороссами. Белорусы входили в русские национально-культурные организации, созданные в США и Канаде, где они составляли значительную часть, являлись основателями православных церквей, храмов, приходов.

Несмотря на все трудности, с которыми столкнулись беженцы-белорусы в начале XX века, вынужденная миграция имела положительное влияние на становление белорусской нации. После перенесенных страданий, долгих странствий и мытарств, домой белорусы возвращались с четко персонифицированной, мягко, не конфронтационно осознанной национальной идентичностью. Оказавшись вне мест постоянного проживания, белорусы уловили и приняли как особую ценность свое этнокультурное, языковое, ментальное отличие,

в первую очередь через белорусский язык, восприняли себя как отдельную национальную группу, сумели в условия войны сплотиться и совместно преодолеть экономические сложности, решительно развивая при этом белорусское национальное общественно-политическое движение на фоне разворачивающихся грандиозных революционных событий начала XX века.

Библиографический список

1. Жылуновіч З. Люты-кастрычнік у беларусію нацыянальным руху // Беларусь. Нарысы історыі, культуры і рэвалюцыйнага руху. Мінск, 1924.
2. Вукеніс Ф. Выворчаныя душы. // Реферативный журнал ИНИОН. Серия 11. Социология. 1996, № 3.
3. Утгоф В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914—1922 гг. Диссертация на соискание звания к. и. н. Санкт-Петербург, 2003.
4. Грыневіч В. На рэках Вавилону. (Успаміны уцекача). // Спадчына. 1997, № 4.
5. Скалабан В. Пасляслое. // Спадчына. 2001, № 3.
6. Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921.
7. Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко журналистам российских региональных средств массовой информации. 17 октября 2014 года. // http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-zhurnalistam-rossijskix-regionalnyx-sredstv-10025/
8. Белявина В. Н. Беларусь в годы Первой Мировой войны. — Минск: «Беларусь», 2013. — 398 с.
9. Известия Комитета Ея Императорского Высочества великой княжны Татианы Николаевны. Пг., 1916, № 4. 15 июля.
10. История России XX-начала XXI века. Под редакцией академика Л. В. Милова. — М.: Эксмо, 2006. — 960 с.
11. Мікалаевіч А. Бежанцы першай сусветнай вайны // Спадчына. 1994, № 3.
12. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. Под редакцией Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 816 с.
13. Приветствие Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии ВЦИК. 17 июля 1918 г. Фотокопия. Печатный документ. Из истории установления советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. IV. Минск, 1954. С. 411 <http://archives.gov.by/index.php?id=726084>.
14. Россия в начале XX века. Под редакцией академика А. Н. Яковлева. — М.: Новый хронограф, 2002. — 744 с.
15. Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сб. обзоров и реф. (Препринт) / Редкол.: Глебова И. И. (отв. ред.) и др. — М., 2013. — 232 с.
16. Юдина Т. Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2006. — 272 с.
17. Очерк деятельности Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий со дня его основания по 1 января 1916 года. Пг., 1915.
18. Комитет Е.И.В. вел. кнж. Татианы Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий. 14 сент. 1914 — январь 1916 [Сб. документов]. Т. 1, 2. Пг., 1916, 1917.
19. Матвеева Н. Л. Деятельность Комитета вел. княжны Татьяны Николаевны в годы Первой мировой войны // История российской монархии: Мнения и оценки: Материалы 18 Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2000.
20. Керзум А. П. Комитет вел. кнж. Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский Комитет). // Санкт-Петербург. Энциклопедия. <http://www.ensspb.ru/object/2812191820?lc=ru>.

Каваленя Аляксандр Аляксандравіч

Нацыянальная акадэмія навук Беларусі (Мінск, Беларусь)

КАСТРЫЧНІК 1917 ГОДА Ў ЛЁСЕ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

Шаноўны Максім Уладзіміравіч!

Паважаныя ўдзельнікі навуковага форуму!

Ад імя вучоных Адзялення гуманітарных навук Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі прыміце самыя цёплыя словы віншаванняў з нагоды правядзення нашага навуковага форуму. Не магу не адзначыць, што 2017 год абвешчаны ў нашай дзяржаве годам навукі. Гэта не выпадковая, а даволі сімвалічная падзея. У гэтым годзе вучоныя і грамадскасць нашай краіны адзначалі шэраг лёсавызначальных дат у гісторыі беларускага народа. Нагадаю 1155-годдзе Полацка — калыскі беларускай дзяржаўнасці, 950-годдзе Мінска, 500-годдзе кнігадрукавання, 135 гадоў з дня нараджэння вялікіх песняроў беларускага народа, класікаў нацыянальнай літаратуры Янкі Купалы і Якуба Коласа, 130 гадоў з дня нараджэння Цішкі Гартнага, пісьменніка і дзяржаўнага дзеяча, 100-годдзе Кастрычніцкай рэвалюцыі, 100-годдзе Першага Усебеларускага з'езда, на якім упершыню ў гісторыі было абвешчана права беларускага народа на самавызначэнне.

Вельмі сімвалічна, што праз сто гадоў навуковая супольнасць сабралася ў той жа зале, дзе праходзілі вострыя дэбаты дэлегатаў Першага Усебеларускага з'езда, каб яшчэ раз навукова асэнсаваць гістарычны выбар тых, хто імкнуўся на практыцы рэалізаваць адвечную мару беларусаў — людзмі звацца.

Сёння навуковая грамадскасць упэўнена крочыць насустрач П 3'езду вучоных Беларусі. Разам з вучонымі з ВНУ мы арганізавалі і правалі ў 2017 г. больш за 60 навукова-арганізацыйных мерапрыемстваў. Значны рэзананс шырокай грамадскасці выклікалі міжнародныя канферэнцыі «Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 950-годдзя горада)», «Полацкія чытанні — 2017» у межах святкавання Дня беларускага пісьменства, Другі беларуска-кітайскі гуманітарны навуковы форум «Праблемы спалучэння Эканамічнага пояса Шаўковага шляху і Еўразійскага эканамічнага саюза», «Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў», Першы беларускі філасофскі кангрэс «Нацыянальная філасофія ў глабальным свеце», «Сучасныя праблемы лексікаграфіі».

Нагадаю, што з 2016 года паспяхова выконваецца дзяржаўная праграма навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства». Толькі за 2016 і першую палову 2017 г. яе выканання апублікавана звыш 7500 навуковых прац, з іх больш за 1000 — у замежных навуковых выданнях. Падрыхтавана і выдадзена 586 кніжных выданняў, у тым ліку 170 манаграфій, 51 даведнік і энцыклапедыя, звыш 100 зборнікаў навуковых прац.

Патрэбна адзначыць, што нашы фундаментальныя выданні — гэта важнейшая аснова арганізацыі вучэбна-выхаваўчага працэса ў школах і ВНУ нашай краіны. На аснове навуковых вынікаў падрыхтавана каля 200 падручнікаў, вучэбна-метадычных дапаможнікаў, вучэбных карт і атласаў.

Шаноўныя калегі!

У выступленні Ігара Аляксандравіча ўжо прагучалі некаторыя ацэнкі значэння рэвалюцыйных падзей, якія адбыліся ў Расіі ў 1917 г. Адзначу, што

сাপраўды пасля развалу Савецкага Саюза значна пашырыўся дыскурс асэнсавання падзей рэвалюцыі. Да гэтага часу не сціхаюць дыскусіі, многія з якіх маюць на мэце не столькі высветліць праўду, колькі даказаць правільнасць або памылковасць і нават злачыннасць выбранага шляху грамадскага развіцця Расіі, абвешчанага лідарамі Кастрычніцкай рэвалюцыі.

Патрэбна нагадаць той факт, што айчынным даследчыкі за час суверэннага развіцця шмат зрабілі дзеля аб'ектыўнай рэканструкцыі падзей станаўлення беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Назаву імёны М. Біча, У. Ладысева, П. Петрыкава, І. Ігнаценкі, Р. Платонава, М. Сташкевіча, У. Міхнюка, У. Круталевіча. На жаль, гэтыя тытаны адышлі ад нас, іх справу сёння працягваюць М. Касцюк, У. Коршук, У. Казлякоў, С. Рудовіч, М. Смяховіч, В. Мазеп. Менавіта дзякуючы іх працам крок за крокам адраджаліся многія супярэчлівыя падзеі станаўлення беларускай дзяржаўнасці.

Зроблена шмат. Дастаткова назваць выхад «Нарысаў гісторыі Беларусі», шасцітомнай «Гісторыі Беларусі», двухтомніка «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці», у якіх зроблена ґрунтоўная праца навуковага асэнсавання гісторыі дзяржаўнасці. Тым не менш наперадзе яшчэ шмат працы па навуковым асвятленні многіх старонак гісторыі беларускага народа. Сённяшняя канферэнцыя якраз і заклікае да пошуку і паглыбленага асэнсавання лёсанаоснага этапа нацыянальнай гісторыі.

Хачу звярнуць увагу, асабліва маладога пакалення, што больш за 70 гадоў народы Савецкага Саюза адзначалі 7 лістапада як дзяржаўнае свята. Гэта быў не проста «чырвоны дзень календара», а галоўнае свята краіны, якой ужо няма. Падабаецца гэта ці не, але мільёны грамадзян вялікай дзяржавы ў трох пакаленнях большую частку XX стагоддзя святкавалі Дзень Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі як свята сацыяльнага вызвалення, сацыяльнай і нацыянальнай роўнасці. Думаю, што да гэтага выбару неабходна ставіцца не толькі з разуменнем, але і з павагай.

У кантэксце заяўленай тэмы нашага навуковага форуму патрэбна адзначыць, што рэвалюцыйныя падзеі 1917 г. у Расіі, адкрылі шырокія магчымасці для рэалізацыі нацыянальнага самавызначэння многіх краін, у тым ліку і Беларусі.

Агульнавядома, што балышавікі, захапіўшы ўладу, пачалі на практыцы рэалізоўваць ідэі, якія абвясцілі лідары Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. у галіне нацыянальна-дзяржаўнай пабудовы краіны. Так, у чэрвені 1917 г. Першы з'езд Саветаў абвясціў дэкларацыю правоў народаў Расіі, а Другі з'езд Саветаў у лістападзе пацвердзіў яе [1, с. 39—41].

Ужо 15 лістапада 1917 г. Савет Народных Камісараў прыняў Дэкларацыю правоў народаў Расіі — адзін з першых законаў савецкай улады, падпісаных І. Сталіным і У. Леніным. У ёй падкрэслівалася:

- «1) Равенства і суверэннасць народаў Расіі.
- 2) Права народаў Расіі на свабоднае самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
- 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
- 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [1, с. 41].

Менавіта рэвалюцыйныя падзеі 1917 г. у Расіі адкрылі шырокія магчымасці для разгортвання і арганізацыйна-палітычнага афармлення бела-

рускага нацыянальнага руху, які стаў генератарам ідэі нацыянальнага самавызначэння. Пад уплывам геапалітычнай сітуацыі, якая радыкальна змянілася пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г., адбывалася імклівая трансфармацыя ідэі беларускай дзяржаўнасці — ад аўтаноміі да незалежнасці.

У гэты перыяд нацыянальны рух беларусаў, як адзначаў Я. Канчар, набыў «такія памеры, што прайці між іх было нельга і злачынна... Ён перакінуўся на сялянаў, рабочых, асабліва — на салдацкія масы». Зразумела, што найбольш свядомыя прадстаўнікі нацыянальнай эліты Беларусі ў гэты няпросты час як, і лідары іншых краін, імкнуліся здзейсніць практычныя захады па стварэнні незалежнай беларускай дзяржавы. Адзначым, што гэта быў не проста складаны, а нават драматычны перыяд пошуку шляхоў нацыянальна-дзяржаўнага станаўлення, перыяд спроб і памылак, які разгортваўся ў надзвычай супярэчлівых знешнепалітычных і ўнутрыпалітычных гістарычных абставінах.

Упершыню ідэя стварэння незалежнай нацыянальнай дзяржавы была агучана ў снежні 1917 г. на Першым Усебеларускім з'ездзе (14—18 снежня) у Мінску. У дакументах з'езда, у прыватнасці, адзначалася: «Усебеларускі з'езд, які сабраўся ў Мінску-Беларускім, абмеркаваўшы цяжкае становішча краіны і Беларусі, замацоўваючы сваё права на самавызначэнне, заваяванае Расійскай рэвалюцыяй, і пацвярджаючы дэмакратычны рэспубліканскі лад у межах Беларускай зямлі дзеля ахавання цэласнасці Беларусі ў складзе Расійскай федэратыўнай дэмакратычнай рэспублікі, пастанавіў вылучыць са свайго Савета орган краёвай улады ў асобе Усебеларускага Савета Сялянскіх, Салдацкіх і Рабочых дэпутатаў, якому ўручыць кіраванне Беларуссю аж да склікання Беларускага Устаноўчага Сходу» [2, с. 200].

Гэта заява прагучала 17 снежня. Аднак ноччу 18 снежня 1917 г. СНК Заходняй вобласці і фронту распусціў з'езд, члены прэзідыума і шэраг дэлегатаў былі арыштаваныя, але праз некалькі дзён іх адпусцілі на волю. Газета «Советская Правда» ад 21 снежня, тлумачычы прычыны разгону з'езда пісала, што ў яго рашэннях быў «явны і открытый поход против Советской власти под влиянием контрреволюционных кадетов и соглашательских организаций, принимаемая во внимание, что такое решение и всякая попытка проведения его в жизнь может нанести ущерб делу революции на Западном фронте, Совет Народных Комиссаров Западной обл. и фронта постановил:

Так называемый «белорусский съезд» объявить распущенным и принять меры к ликвидации вновь возникающей контрреволюционной авантюры выступивших под маской белорусских националистов, кадетов, соглашателей» [3]. Дарэчы, дэкрэт аб роспуску Усебеларускага з'езда падпісаў К. Ландэр. Я гэта гавару да таго, каб падкрэсліць, што значная частка лідараў РСДРП не з'яўляліся выхадцамі з Беларусі (Мяснікоў, Ландэр, Крыленка, Берсан, Калмановіч). Яны не былі знаёмыя з мясцовымі традыцыямі і прымалі рашэнні ў адпаведнасці з указаннямі Масквы.

Дэлегаты, што засталіся на волі, на нелегальным пасяджэнні 18 снежня перадалі ўладу Радзе Усебеларускага з'езда. З ліку прадстаўнікоў Рады 21 снежня быў сфарміраваны Выканаўчы камітэт у складзе 10 чалавек як цэнтр кансалідацыі антысавецкіх і антыбальшавіцкіх сілаў у Беларусі, на чале якога быў абраны І. Серада.

Ужо 21 лютага 1918 г. Выканаўчы камітэт Усебеларускага з'езда звярнуўся да народа Беларусі з першай Устаноўчай граматай, у якой падкрэслівалася, што

«беларускі народ павінен здзейсніць сваё права на поўнае самаазначэнне, а нацыянальныя меншасці на нацыянальна-пэрсанальную аўтаномію» [4, с. 249].

Ідэі незалежнасці значна ўзмацніліся пасля падпісання ў Брэст-Літоўску 3 сакавіка 1918 г. мірнай дамовы Расіі з Германіяй, па якой заходнія беларускія землі перадаваліся Германіі, а паўднёвыя адыходзілі Украіне. Ужо 9 сакавіка 1918 г. Выканкам Усебеларускага з'езда прыняў другую Устаўную грамату, у якой Беларусь абвешчлася ў межах рассялення беларусаў. І нарэшце, 25 сакавіка 1918 г. была прынята трэцяя Устаўная грамата, у якой Беларуская Народная Рэспубліка абвешчлася незалежнай у складзе Магілёўскай, Мінскай, а таксама беларускіх частак Гродзенскай, Віленскай, Віцебскай, Смаленскай, Чарнігаўскай і сумежных губерняў.

З абвешчэннем 25 сакавіка 1918 г. незалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі, па сутнасці, упершыню за ўсю гісторыю існавання беларускага народа была не толькі сфармуляваная ідэя нацыянальнай дзяржаўнасці, але і прыняты практычныя меры па яе рэалізацыі. Былі зроблены першыя практычныя крокі па арганізацыі гандлю, распрацаваны комплекс мер, накіраваных на стварэнне ўласнай фінансава-крэдытнай сістэмы. Народным Сакратарыятам праводзілася рэгістрацыя беларускіх грамадзян, якім выдаваліся адпаведныя пасведчанні, а з лета 1918 г. быў уведзены агульнаграмадзянскі пашпарт БНР. Былі прыняты атрыбуты дзяржаўнасці: герб, сцяг, дзяржаўная пячатка. Найбольш значных поспехаў Народны Сакратарыят дасягнуў у галіне культурна-асветніцкай дзейнасці. Немалаважным з'яўляецца тое, што ў грамадскай свядомасці паступова замацоўвалася ідэя беларускай нацыянальнай дзяржаўнай незалежнасці.

Як бачым, рашэнне задачы нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння беларускага народа было абумоўлена шэрагам абставін аб'ектыўнага і суб'ектыўнага характару. Па-першае, знаходзячыся на важным геапалітычным скрыжаванні Еўропы, Беларусь, неаднаразова становілася арэнай узброенага процістаяння. Яшчэ з лета — восені 1915 г. Беларусь, апынуўшыся на стыку геапалітычных інтарэсаў і ваенна-палітычных памкненняў дзвюх імперый (Германскай і Расійскай), была «разрэзана» лініяй расійска-германскага фронту. Тэрыторыя Беларусі амаль тры гады з'яўлялася тэатрам ваенных дзеянняў, прыфрантавой зонай і тылавым раёнам для супрацьлеглых бакоў. Звыш 2 млн чалавек былі вымушаныя пакінуць родныя мясціны ў выніку ваенных падзей Першай сусветнай вайны. Агульныя чалавечыя страты Беларусі ў 1914—1921 гг. перавысілі 1,5 млн чалавек.

Па-другое, заключэнне Брэсцкага міру паміж Расіяй і Германіяй з саюзнікамі, падпісанага 3 сакавіка 1918 г. у Брэст-Літоўску, значна ўскладніла вырашэнне пытання дзяржаўнага будаўніцтва.

Па-трэцяе, стварэнню нацыянальнай дзяржавы не спрыяла раз'яднанасць палітычных сіл Беларусі, а таксама недастатковая падтрымка з боку шырокай масы насельніцтва тых ідэй, якія вылучаліся рознымі палітычнымі лідарамі. Адзначым, што ў перыяд 1917—1925 гг. у Беларусі дзейнічала 22 партыі. 3 іх 9 былі нацыянальнымі, 3 — буржуазнымі, 6 — дробнабуржуазнымі і 4 — сацыялістычнымі.

Вядома, у тых няпростых абставінах Беларуская Народная Рэспубліка не магла адбыцца як суверэнная дзяржава. Аднак гэта не з'яўляецца падста-

вай для адмаўлення гістарычнага значэння БНР наогул. Абвяшчэнне БНР сведчыла аб тым, што ў Беларусі сфарміравалася нацыянальная палітычная эліта, якая не толькі здолела выпрацаваць ідэю беларускай дзяржаўнасці, але і разгарнула дзейнасць па яе рэалізацыі на практыцы. Больш таго, абвяшчэнне нацыянальна-дзяржаўнай незалежнасці стала важнай палітычнай падзеяй у гісторыі беларускага народа. Менавіта гэты вопыт быў выкарастаны ў перыяды заснавання Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі і будаўніцтва суверэннай Рэспублікі Беларусь.

Неабходна нагадаць, што ў цяперашні час у нашай краіне праводзіцца значная праца па вывучэнні і захаванні ў нацыянальнай памяці вытокаў фарміравання беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Сённяшні форум — яскравае сведчанне таму. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці — гэта не толькі важнейшая крыніца фарміравання гістарычнага светапогляду народа, але і аснова ўмацавання грамадзянскіх і патрыятычных пачуццяў падрастаючага пакалення.

Як бачна, нават наш рэтраспектыўны погляд на гісторыю беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці дазваляе сцвярджаць, што Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя 1917 г., якія б негатыўныя ацэнкі не імкнуліся даваць сённяшнія палітэхнолагі і абнаўленцы, назаўжды застанецца адной з найбольш значных падзей не толькі XX стагоддзя, але і ўсёй сусветнай гісторыі. Пры ўсім разыходжанні поглядаў і ацэнак падзеі стогодовай даўніны не дазваляюць нам адмаўляць той факт, што яны аказалі мабілізуючае ўздзеянне на кансалідацыю нацыянальна-вызваленчых сіл, асабліва на ўскраінах Расійскай імперыі, у тым ліку і ў Беларусі, што прывяло да кансалідацыі нацыянальнай палітычнай эліты і стварэння незалежных дзяржаў.

З усёй відавочнасцю можна канстатаваць і той факт, што рэвалюцыйнае разбурэнне грамадска-палітычнай сістэмы развіцця Расіі паклала пачатак новаму глабальнаму праекту цывілізацыйнага маштабу. Гэта была яшчэ адна спроба экстрэмісцкім шляхам змяніць аб'ектыўны гістарычны працэс развіцця не толькі Расіі, але і ўсёй сусветнай цывілізацыі.

Гістарычны вопыт пераканаўча пацвярджае, што шляхам рэвалюцый і гвалту немагчыма пабудаваць на зямлі грамадства справядлівасці, роўнасці і братэрства. Вядома, што воляй чалавека нельга адмяніць і змяніць ні законы фізікі, ні заканамернасці развіцця грамадства.

Нагадаю, што за ўсю гісторыю ў свеце адбылося 14,5 тысяч войнаў, паўстанняў і рэвалюцый, якія ў той ці іншай ступені былі накіраваны, як уяўлялася іх ініцыятарам і натхняльнікам, на ўдасканаленне і выпраўленне загану грамадскага быцця. У выніку было знішчана больш за 6 мільярдаў чалавек, што адпавядала колькасці насельніцтва нашай планеты ў канцы XX стагоддзя. Аднак гэты інструментарый жорсткасці і гвалту над аб'ектыўнымі працэсамі грамадскага развіцця не пазбавіў чалавецтва ад заганаў. Увесь гістарычны вопыт пераканаўча пацвярджае праведнасць слоў, напісаных у вечнай кнізе: «Усякае царства, раздзеленае самое супраць сябе, запустее; і ўсякі горад або дом, раздзелены сам супраць сябе, не ўстаіць» [5, с. 27].

Давайце не толькі ўслухоўвацца ў мудрасць гэтых слоў, але і рабіць усё магчымае, што залежыць ад кожнага з нас, каб грамадства становілася больш справядлівым, а адвечныя каштоўнасці людзей: свабода, справядлівасць, добро, братэрства, — авалодалі думамі народаў.

На жаль, сусветная супольнасць не адмовілася ад тэрарызму, узброеных канфліктаў, рэвалюцый і войнаў. Наадварот, сёння ў розных частках свету новыя палітэзолагі і палітэхналагі актыўна навязваюць ідэі так званых «каляровых рэвалюцый». Гісторыя пераканаўча сведчыць, што ідэі палітычных абнаўленняў не здольны пазбавіць людзей ад праблем. Яны толькі перарываюць, адкідваюць назад аб'ектыўны працэс развіцця грамадства і памнажаюць трагедыі народаў.

Сёння архіактуальнай задачай з'яўляецца процістаянне экстрэмізму ва ўсіх яго праявах. Неабходна актыўна распаўсюджваць ідэі добра, братэрства, справядлівасці ў грамадскай свядомасці, асабліва ў асяроддзі падрастаючана пакалення, каб пазбавіць экстрэмізм сацыяльнай падтрымкі.

Шаноўныя калегі!

Упэўнены, што выказаныя на нашым форуме ацэнкі і ідэі накіраваны ў будучыню развіцця беларускага грамадства. Вядома, што дакладнасць прадбачання вызначаецца перш за ўсё тым, наколькі глыбока і ўсебакова мы вывучаем мінулы вопыт, сучасны стан і заканамернасці змены грамадскага развіцця. Без засваення гэтых фундаментальных пастулатаў у іх адзінстве, без іх практычнага выкарыстання немагчыма не толькі навуковае прадбачанне, але і будучыня развіцця грамадства.

Перакананы, што толькі прыгажосць, дабрыня і закон здольны выратаваць цывілізацыю ад пагружэння ў бяздзейнасць, загану і разбурэнне. Любіце і рабіце дабро адзін аднаму!

Дзякуй за увагу!

Бібліяграфічны спіс

1. Декреты Советской власти / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. — М.: Госполитиздат, 1957.
2. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: са старажыт. часоў да нашых дзён / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо. — [2-е выд., дап.]. — Мінск: Акад. МУС, 2003. — 320 с.
3. Советская Правда. 21 дек. 1917.
4. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы / М. Біч і інш. — Выд. 2-е, дапоўненае. — Мінск, 2005. — 432, [6] с.
5. Святое Дабравесце паводле Матфея, 12: 25 // Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. — Мінск: Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора, Медыял, 2017. — 542, [1] с., [1] л. іл.

Брыгадзін Пётр Іванавіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ПЕРШЫ УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД: ЧАС І АСОБЫ

Лютаўская рэвалюцыя абудзіла нацыянальна-вызваленчы рух на прасто-рах Расійскай імперыі. Часовы ўрад аб'явіў аб роўнасці грамадзян незалежна ад іх саслоўнай, рэлігійнай і нацыянальнай прыналежнасці. Скасоўваліся абмежаванні адносна месцаў пражывання, паступлення на дзяржаўную вайсковую службу, у навучальныя ўстановы. Была пацверджана аўтаномія Фінляндыі, выказана прапанова аднаўлення незалежнасці Польшчы. Адносна

другіх нацыянальных тэрыторый, то Часовы ўрад адносіў гэтыя праблемы да Устаноўчага сходу. Тым не менш, украінскія, беларускія, літоўскія нацыянальныя арганізацыі выступілі з праектамі дзяржаўнага ўладкавання.

Беларусь у гэты час была падзелена на часткі і з'яўлялася франтавой і прыфрантавой тэрыторыяй. У грамадстве ўсё больш нарасталі эканамічныя праблемы і адначасова назіралася эйфарыя ў грамадскім жыцці. З сакавіка па лістапад 1917 г. на тэрыторыі Беларусі дзейнічала 26 палітычных партый і арганізацый.

25 сакавіка па ініцыятыве старшыні мінскай арганізацыі БСГ А. Смоліча адбыўся з'езд беларускіх палітычных партый і арганізацый, на якім прысутнічала каля 150 чалавек: прадстаўнікі БСГ, Беларускай хрысціянскай дэмакратыі, Беларускай партыі народных сацыялістаў, саветаў рабочых і сялянскіх дэпутатаў. Быў створаны Беларускі нацыянальны камітэт у складзе 18 чалавек для падрыхтоўкі выбараў у Беларускую краёвую раду. У склад БНК увайшлі: Раман Скірмунт (старшыня), Павел Аляксюк — намеснік старшыні, Усевалад Фальскі — намеснік старшыні, Браніслаў Тарашкевіч — сакратар, Леанард Заяц — скарбнік, Аркадзь Смоліч, ксёндз Эдвард Будзька, Алесь Бурбіс, ксёндз Вінцэнт Гадлеўскі, Бабарыкін, Казімір Кастравіцкі (Карусь Каганец), Міхаіл Кахановіч, Яўсей Канчар, Іван Краскоўскі, Вацлаў Іваноўскі, Львон Дубейкаўскі, Зміцер Жылуновіч (Цішка Гартны), Фабіян Шантар.

Прэзідыум БНК: Р. Скірмунт, П. Аляксюк, У. Фальскі, Л. Заяц, Б. Тарашкевіч [1, с. 25]. Беларуская дэлегацыя на чале з Р. Скірмунтам была накіравана на перагаворы з Часовым урадам. Упершыню міністру-старшыні Часовага ўрада Г. Львову накіравана запіска аб неабходнасці аўтаноміі для Беларусі, пашырэнні мясцовага самакіравання.

Беларускі нацыянальны камітэт пазней у ліпені будзе рэарганізаваны ў Цэнтральную раду беларускіх арганізацый, якая аб'яднала 23 арганізацыі. У кастрычніку 1917 г. Рада атрымала назву Вялікая беларуская Рада.

Актыўныя дзеячы нацыянальнага руху добра разумелі неабходнасць падтрымкі з боку вайскоўцаў, сялянства. У пачатку красавіка Белнацкам праводзіць краявы сялянскі з'езд, у маі спрабуе арганізаваць беларускае войска.

Для актывізацыі гэтай работы ў кастрычніку (18—24) з'езд дэлегатаў Заходняга фронту пры ўдзеле прадстаўнікоў Балтыйскага флоту, Румынскага і Паўночнага франтоў ствараюць Цэнтральную Беларускую вайсковую Рад. Яе выканкам узначаліў С. Рак-Міхайлоўскі. У склад кіраўніцтва Рады ўвайшоў генерал ад інфантэрыі Кіпрыян Кандратовіч, які распрацаваў план фарміравання беларускага войска. У кастрычніку дэлегацыя ЦБВР (С. Рак-Міхайлоўскі, К. Кандратовіч, Н. Ярушэвіч, І. Шчэрба) правяла перагаворы ў Стаўцы Галоўнакамандуючага Н. Духоніна аб арганізацыі беларускіх вайсковых злучэнняў.

Самы актыўны ўдзел у падрыхтоўцы Усебеларускага з'езда прыняў Беларускі абласны камітэт (БАК), які быў створаны 17 лістапада пры Усерасійскім савеце сялянскіх дэпутатаў з ліку дэлегатаў ад беларускіх губерній, прадстаўнікоў арміі і флоту (Я. Канчар, М. Гольман, Ф. Караткевіч, А. Кюсэ-Цюз, Е. Макарэвіч, В. Селіванаў, Л. Калядка). БАК заявіў аб намеры «ўзяць на сябе пачын склікання надзвычайнага беларускага з'езда» [1, с. 52]. БАК павёў перагаворы з кіраўніцтвам Народнага камісарыята па справах нацыянальнасцей Савецкай Расіі адносна нацыянальнага дзяржаўнага будаўніцтва.

26 лістапада 1917 г. створаны орган савецкай улады на тэрыторыі Заходняй вобласці і фронту — Аблвыкамзах (старшыня — А. Мяснікоў). Са 170 членаў Аблвыкамзаха больш за 100 чалавек з'яўляліся ваеннаслужачымі. Беларусаў у гэтым органе ўлады было ўсяго 3 чалавекі: левыя эсэры Казлоў, Дайнека і Муха [3, с. 62].

Рашэнне аб скліканні з'езда было прынята ВБР, БАК, ЦБВР, Беларускім выканаўчым камітэтам Заходняга фронту 24 лістапада. У адозве «Да ўсяго беларускага народа» гаварылася, што:

- ўлада на Беларусі павінна належыць Краёвый радзе, абранай дэмакратычным шляхам;
- Беларусь павінна быць дэмакратычнай рэспублікай, спаянай з Вялікарасіяй і суседнімі рэспублікамі на аснове федэрацыі.
- Заклік абіраць прадстаўнікоў на Усебеларускі з'езд 5 снежня 1917 г.

5 снежня ў Мінск прыехалі каля 300 дэлегатаў з правам рашаючага голасу. Вечарам 7 снежня іх колькасць павялічылася да 383 чалавек. Было вырашана аб'явіць з'езд правамочным. Ад Бюро па скліканню з'езда выступіў С. Рак-Міхайлоўскі. «Народ беларускі. Мне выпаў высокі гонар адкрыць гэты з'езд. Паўз вашы плечы я бачу ўсю Беларусь. Яна стаіць перад вамі змучаная, поўная журботы і надзеі. Па яе схуднелым шчакам цякуць слёзы. Беларусы! Вы прыйшлі сюды сказаць сваё слова. Працуйце ж на карысць свайго народа. Няхай жыве Вольная Беларусь» [3, арк. 180].

Яшчэ 6 снежня быў абраны Савет з'езда (36 чалавек), сфарміравана 8 секцый з'езда. Пазней іх колькасць павялічылася да 14. Потым аформіліся фракцыі, групы. На працягу 5—15 снежня мандатная камісія выдала 1167 мандатаў з правам рашаючага голасу і 705 — дарадчага.

9 снежня абраны прэзідыум з'езда: С. Рак-Міхайлоўскі (старшыня), а пасля прыезду большасці дэлегатаў 14 снежня абраны новы склад прэзідыума і Савет з'езда. Старшынёй прэзідыума з'езда стаў І. Серада, намеснікамі — А. Вазіла, А. Прушынскі, сакратарамі — Л. Каляда і Шаўчук, намеснікамі сакратароў — Т. Грыб і Гушча.

Савет з'езда ў складзе 57 чалавек узначаліў Я. Варонка.

З'езд прадстаўляў тагачаснае беларускае грамадства (прадстаўнікі Саветаў (1 чал. ад павета), губернскіх, павятовых і валасных зямстваў, губернскіх і павятовых самакіраванняў, губернскіх і павятовых зямельных камітэтаў, настаўніцкіх арганізацый, беларускіх нацыянальных арганізацый, дэлегаты ад арміі і флоту, тылу, члены выканаўчых камітэтаў БАК, ВБР, ЦБВР і г. д.).

У перыяд 15—17 снежня з'езд падыйшоў да вырашэння галоўнага — арганізацыі краёвай улады і самавызначэння Беларусі. Галоўным пунктам разыходжання было і стварэнне самастойнай дзяржавы ці аўтаномія ў складзе Савецкай Расіі. Але нават памяркоўнае патрабаванне самавызначэння ў форме рэспублікі ў складзе агульнарасійскай федэрацыі не мела поспеху. Як пісаў пазней А. Цвікевіч «прыныцып федэрацыі мала каму быў вядомы. <...> Нязнацтва федэратыўнай сістэмы было нагэтулкі вялікае, што прапанова назваць Беларусь рэспублікай, хоць бы і ў складзе Расійскай федэрацыі, выклікала сярод дэпутаў абурэнне, спрэчкі варажыя адносіны» [1, с. 61]. З'езд сведчыў аб дамінаванні сацыяльнага над нацыянальным.

Між тым, вечарам 17 снежня на нарадзе з лідэрамі фракцый і земляцтваў быў выпрацаваны тэкст пастановы аб самавызначэнні Беларусі і часовай краё-

вай уладзе. Дакумент быў зачытаны 1 гадзіну 15 хвілін у ноч на 18 снежня. Рэвалюцыя складалася з 15 пунктаў, сярод якіх цэнтральнае месца займаў першы. У ім падкрэслівалася, што «замацоўваючы сваё права на самавызначэнне, абвешчанае Расійскай рэвалюцыяй, і ўсталёўваючы рэспубліканскі дэмакратычны лад у межах беларускай зямлі, для выратавання роднага краю і засцерагаючы яго ад падзелу і адарвання ад Расійскай Дэмакратычнай Федэратыўнай Рэспублікі, I Усебеларускі з'езд пастанаўляе: неадкладна арганізаваць са свайго складу орган краёвай улады ў асобе Усебеларускага Савета сялянскіх, салдацкіх і рабочых дэпутатаў, які часова становіцца на чале кіравання краем, уступаючы ў дзелавыя зносіны з цэнтральнай уладай, адказнай перад Саветам рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў» [4, с. 105].

У рэзалюцыі адзначалася, што названы орган мясцовай улады канцэнтруе ў сабе ўсе функцыі адказнага кіравання краем, ён мусіць прыняць меры да найхутчэйшага склікання Беларускага ўстаноўчага сходу, які павінен вызначыць лідэраў беларускага народа. Астатнія пункты рэзалюцыі датычыліся арганізацыі беларускага войска, вырашэння зямельнага пытання, устанавлення народнага кантролю над вытворчасцю і гандлем і інш.

Як бачна, прапанаваная рэзалюцыя мела кампрамісны характар, у ёй улічваліся інтарэсы ўсіх дэлегатаў з'езда: і «радаўцаў», і «абласнікоў». У дакуменце нават абмінута ўвагай назва Беларусі як аўтаномнай рэспублікі. Гаворка ішла пра кіраванне краем, беларускія землі, Расійскую федэрацыю і сувязь з цэнтральнай уладай.

Дэлегаты паспелі аднагалосна прыняць толькі першы пункт рэзалюцыі. У ноч з 17 на 18 снежня 1917 г. з'езд быў разгнаны сілай, прычым, як сцвярджалі ўдзельнікі тых падзей, кіраваў гэтым працэсам начальнік Мінскага гарнізона Крывашэін, які ў той момант знаходзіўся ў нецвярозым стане. Былі арыштаваны 27 чалавек, у тым ліку старшыня з'езда І. Серада.

18 снежня на пасяджанні часткі прэзідыўма і савета з'езда ў памяшканні дэпо Лібава-Роменскай чыгункі было вырашана:

1. лічыць I Усебеларускі з'езд насільна разгнаным;
2. Савет з'езда прызнаць выканаўчым органам з'езда, абавязкам якога з'яўляецца прывядзенне ў жыццё ўсіх пастанаў і рашэнняў з'езда;
3. дапоўніць савет з'езда дэлегатамі ад зямляцтваў і іншых груп [4, с. 110].

21 снежня абраны Выканаўчы камітэт Рады Усебеларускага з'езда, які ўзначаліў Язэп Варонка. У склад камітэта ўвайшлі Палута Бадунова, Томаш Грыб, Макар Касцевіч (Макар Краўцоў), Алесь Прушынскі (Алесь Гарун), Сымон Рак-Міхайлоўскі, Іван Серада, Леанард Заяц, Язэп Дыла і Іосіф Лагун.

Факт склікання Усебеларускага з'езда, шырокае абмеркаванне праблемы нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння мела выключнае значэнне. З'езд засведчыў аб усведамленні беларускім народам сваіх палітычных інтарэсаў. Лепшыя прадстаўнікі беларускага народа заклалі першыя камяні ў фундамент беларускай дзяржавы. Таму я зноў вяртаюся да некаторых з гэтых імён, вядомых, на вялікі жаль, толькі спецыялістам-гісторыкам.

Аднім з найбольш актыўных дзеячоў беларускага адраджэння, арганізатарам аб'яднання розных беларускіх палітычных групавак у першыя месяцы пасля Лютаўскай рэвалюцыі быў Раман Скірмунт. Менавіта ён ўзначаліў 27 сакавіка 1917 г. Беларускі нацыянальны камітэт.

Нарадзіўся Раман Мар'ян Скірмунт 25 красавіка (7 мая) 1868 г. у маёнтку Парэчча на Піншчыне. Яго бацька — адзін з найбольш вядомых

землеўладальнікаў і фабрыкантаў Мінскай губерні. Раман Скірмунт пісаў пра сваё паходжанне: «Я сам ураджэнец беларускага Палесся, нашчадак літоўскай сям’і, са старажытных часоў, спакон вякоў аселяў у гэтым краі...»

У 1906 г. Раман Аляксандравіч абраны дэпутатам I Дзяржаўнай думы. Дэпутаты-краёўцы з літоўска-беларускіх губерні (Раман Скірмунт, Эдвард Роп, Аляксандр Лядніцкі, Геранім Друцкі-Любецкі, Пётр Масоніус і інш.) стварылі сваю групу — «тэрытарыяльнае кола», якая ўвайшла ў фракцыю «Саюз аўтанамістаў». Яны выступалі за аўтаномію тэрыторый, родныя мовы ў адукацыі і грамадскім жыцці, скасаванне нацыянальна-рэлігійных абмежаванняў.

У 1910 г. Раман Скірмунт быў абраны ў склад Дзяржаўнага савета Расійскай імперыі (1910—1911 гг.). На працягу 1907—1917 гг. ён з’яўляўся намеснікам прэзідэнта Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі (прэзідэнт — Эдвард Вайніловіч). Раман Аляксандравіч актыўна ўключыўся ў беларускі нацыянальны рух. Ён аказваў фінансавую падтрымку газеце «Наша ніва», БСГ. У студзені 1917 г. Раман Скірмунт узначаліў Мінскі аддзел Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны. Як мецэнат, грамадскі дзеяч ён стаў шырока вядомы сярод насельніцтва. Вінцэнт Гадлеўскі пісаў, што «палітыцы ён быў адданы цэлам і душою, не шкадаваў для яе ні фізічных, ні маральных трудоў» [5, с. 22].

12 сакавіка 1917 г. Р. Скірмунт правёў у Мінску Дзень нацыянальнага значка— ці не першую публічную акцыю за нацыянальнае самасцвярджэнне. «Мінская газета» пісала 13 сакавіка: «На вуліцах горада прадаваліся значкі нацыянальных колераў Беларусі — чырвонага з белым. Упершыню забытая мова забытай беларускай вёскі дамінавала ўсюды: на вуліцах, у кавярнях, кінематографах. Цэнтральнай падзеяй стаў шматлюдны беларускі мітынг у кінатэатры «Гігант» пад старшынствам Рамана Скірмунта». «Кожны з нас, — гаварыў ён, — мужык або шляхціч, на зямлі Літвы ці Беларусі мае аднолькавае права з годнасцю звацца літоўцам, палякам, альбо беларусам. Кожнаму з нас належыць зямля пад нагамі, неба над галавой, вялікая мінуўшчына краю... Толькі краёвая ідэя, якая тут, на месцы, ёсць для нас цэнтрам цяжару і крыніцай дзейнасці, запальвае сэрцы здабываннем больш шчаслівай будучыні для гэтай роднай зямлі, якая трапіла ў асабліваю небяспеку».

На з’ездзе беларускіх нацыянальных арганізацый 25—27 сакавіка 1917 г. Раман Аляксандравіч працаваў у 3 камісіях з 7. На другі дзень яму даручылі старшынстваваць на з’ездзе. У прынятай праграме было зафіксавана патрабаванне аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай федэрацыі, рэформы школы з паступовым ўвядзеннем роднай мовы, адкрыццё ў Беларусі ўніверсітэта.

Раман Скірмунт быў абраны старшынёй Беларускага нацыянальнага камітэта. На працягу 1917 г. ён займаў пасаду загадчыка аддзела Мінскага губернскага харчовага камітэта, прымаў удзел у Дзяржаўнай нарадзе ў Маскве ў жніўні, балатуецца ў дэпутаты Усерасійскага Устаноўчага сходу. У кастрычніку Скірмунт запрошаны для ўдзелу ў рабоце Часовага савета Расійскай рэспублікі (Перадпарламента).

Пасля разгону Усебеларускага з’езда Раман Скірмунт заставаўся сярод барацьбітоў за нацыянальнае адраджэнне. Ён увайшоў у склад Беларускай Народнай Рэспублікі, а потым узначаліў Урад БНР. Герб, сцяг, грашовыя знакі БНР былі ўведзены пры актыўным удзеле прэм’ер-міністра. 20 чэрвеня 1918 г. ён падаў у адстаўку.

Пасля Рыжскай мірнай дамовы і падзелу Беларусі Раман Скірмунт застаўся ў сваім маёнтку. У 1923—1928 гг. ён працаваў суддзёй Пінскага акружнага суда, быўсенатарам Польшчы (1930—1935 гг.). У верасні 1939 г. Раман Аляксандравіч у чарговы раз выказаў свае адносіны да роднай зямлі. Ён не пакінуў Беларусь. На вялікі жаль Раман Скірмунт разам з мужам сястры 7 кастрычніка 1939 г. быў забіты.

На наш погляд, такія імёны патрыётаў беларускай зямлі павінны заняць сваё пачэснае месца ў жыцці сучаснага пакалення.

Бібліяграфічны спіс

1. Ладзеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.) / У. Ф. Ладзеў, П. І. Брыгадзін. — Мінск: БДУ, 2003. — 307 с.
2. Гигин, В. Могла ли состояться БССР в 1917 году? // Беларуская думка. — 2009. — № 12. — С. 62—71.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. — Ф. 60. — Воп. 3. — Спр. 242.
4. Турук, Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. — М.: Гос. изд-во, 1921. — 151 с.
5. Гадлеўскі В. З беларускага палітычнага жыцця ў Менску ў 1917—1918 гг. // Спадчына. — 1997. — № 5. — С. 18—39.

Мірановіч Яўген

Універсітэт у Беластоку (Беласток, Польшча)

ПРАБЛЕМА БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ НА МІРНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ ў ПАРЫЖЫ

Пераможцы ў Першай сусветнай вайне вызначалі новы міравы парадак на Парыжскай канферэнцыі, якая пачала працу ў студзені 1919 г. У выніку ваенных падзей у Еўропе распаліся тры вялікія імперыі. Народы, якія пражывалі ў іх межах, заявілі аб жаданні стварыць нацыянальныя дзяржавы. Гэты працэс закрануў і беларусаў. 25 сакавіка 1918 г. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) абвясціла незалежнасць, што было праявай волі нацыянальных эліт. На практыцы аднак дасягнуць незалежнасці і атрымаць міжнароднае прызнанне было вельмі складана.

Напрыканцы 1918 г. лідэрам новых дзяржаў Усходняй і Сярэдняй Еўропы стала вядома, што палітычную карту кантынента акрэсліць пераможцы ў Першай сусветнай вайне на мірнай канферэнцыі ў Парыжы. У Расіі ў гэты час ішла грамадзянская вайна. Былыя саюзнікі Імперыі Раманавых — Францыя, Вялікабрытанія — чакалі перамогі антыбальшавіцкай апазіцыі, а таму ў пытанні пасляваеннага палітычнага парадку ва Усходняй Еўропе сур'ёзна разглядалі пункт гледжання цэнтраў улады, якія сфарміраваліся вакол генерала М. Дзянікіна і адмірала А. Калчака. Ніводны з іх не прызнаваў магчымасці існавання беларускай дзяржаўнасці. Бальшавіцкую ўладу лідэры Антанты лічылі часовай, а таму не запрашалі ўрад савецкай Расіі на Парыжскую канферэнцыю.

Найважнейшыя палітычныя ігракі — французы і англічане — рэалізуючы свае праекты палітычнага парадку ў Еўропе не прадугледжвалі існаванне бела-

рускай дзяржавы. Справа міжнароднага прызнання БНР з самага пачатку не мела шанцаў на паспяховае завяршэнне. Аднак Рада БНР вырашыла паслаць у сталіцу Францыі сваю дэлегацыю, каб адстойваць там інтарэсы Беларусі. Узначалі яе прэм'ер-міністр Савета народных міністраў — А. Луцкевіч. Трэба зазначыць, што ўрад БНР ніколі не кантраляваў тэрыторыю, якую беларускія дзеячы хацелі бачыць у складзе Народнай Рэспублікі. Больш таго, калі Луцкевіч прыехаў у Парыж, гэта тэрыторыя была поўнасю кантралявалася з аднаго боку большавікамі, з другога — палякамі.

22 студзеня 1919 г. Луцкевіч падпісаў у Гродне «Мемарыял беларускага ўраду да старшыні мірнай канферэнцыі» [1, дак. 1170]. Урад БНР звяртаўся да ўдзельнікаў канферэнцыі з просьбай дапамагчы ў пабудове беларускай дзяржавы і даць магчымасць дэлегатам Рады БНР непасрэдна прадставіць свае патрабаванні. Аўтары пры гэтым звярталі ўвагу на тое, што не трэба ўспрымаць беларускую праблему як унутрырасійскую. Яны спрабавалі пераканаць асноўных міравых лідэраў у факце існавання беларускага народа, які гатовы браць адказнасць за свой лёс. Пры гэтым у дакуменце не было ніякіх аргументаў, якія б дапамаглі заручыцца даверам да ўрада БНР, яго магчымасці абараніць тэрыторыю і арганізаваць на ёй эканамічнае і палітычнае жыццё.

Акрамя таго аўтары дакументаў, што адсылаліся ў Парыж, зрабілі памылку у выкарыстанні назвы сваёй дзяржавы. Змест назвы «Беларусь» яны пісалі па-ангельску «White Russia», а па-французску «Russie-Blanche». На Захадзе, дзе пра Беларусь мала хто што-небудзь ведаў, прачыталі гэта як Белая Расія, а мемарыял — як дакумент ад нейкага расійскага антыбольшавіцкага цэнтра.

Урад БНР не меў у сваім распараджэнні ніякага бюджэта. Яго прадстаўнікі ехалі ў Парыж і нават не мелі сродкаў на пражыванне ў сталіцы Францыі. Луцкевіч быў вымушаны затрымацца ў Берліне, каб у мясцовым банку забраць грошы пазычаныя ўрадам Украінскай Народнай Рэспублікі (УНР) на дыпламатычную дзейнасць БНР. У Берліне беларускія палітыкі таксама шукалі падтрымку з боку немцаў [1, дак. 1353, 1359]. Намаганні гэтыя былі зусім неабгрунтаваныя. Немцы пасля капітуляцыі ў лістападзе 1918 г. нічым не маглі дапамагчы Беларусі. На Парыжскай канферэнцыі яны самі былі не суб'ектам, а прадметам палітыкі.

Па просьбе большавікоў Берлінскі банк заблакаваў рахунак, на якім былі ўкраінскія грошы для ўраду БНР, а таму фінансавай магчымасці для паездкі ў Парыж не было. У гэтай сітуацыі аднаго з членаў дэлегацыі — А. Цвікевіча — накіравалі ў Кіеў, каб пераканаць украінцаў перавесці грошы ў Венскі банк [1, дак. 1316]. Аддзяленне гэтага банка знаходзілася ў Празе. Луцкевіч падаўся ў сталіцу нядаўна ўзнікшай Чэхаславакіі. Пры нагодзе ён правёў размову з паслом Украіны О. Славінскім на прадмет узаемнай падтрымкі ў Парыжы, бо УНР мела падобныя праблемы з міжнародным прызнаннем.

Чакаючы ўкраінскія грошы, 17 красавіка 1919 г. Луцкевіч нанёс візіт прэзідэнту Чэхаславакіі Т. Масарыку. Апошні заявіў аб падтрымцы патрабавання аб прызнанні беларускай дзяржаўнасці і паабяцаў даць інструкцыі міністру замежных спраў Э. Бенешу дзейнічаць на Парыжскай канферэнцыі на карысць Беларусі. Масарык адаслаў, аднак, Луцкевіча ўзгадніць справы адносна беларуска-чэхаславацкіх адносін да прэм'ер-міністра К. Крамаржа, які быў ярым прыхільнікам цэласнасці Расіі і не прызнаваў існавання не толькі

Беларусі, але і Украіны, Літвы, Латвіі, Эстоніі [2, s. 437]. Такім чынам, Маса-рык проста правёў з Луцкевічам адну са шматлікіх неафіцыйных сустрэч, якая нічога не вызначала ў лёсе Беларусі.

Перад беларускай дэлегацыяй, у складзе якой былі генерал К. Кандратовіч і палкоўнік Я. Ладноў, стаяла мэта: прадставіць старшыні канферэнцыі, французскаму прэм'ер-міністра Ж. Клемансо мемарыял у справе незалежнасці і непадзельнасці тэрыторыі Беларусі. Аднак, вясной 1919 г. тэрыторыю, якую лідэры БНР бачылі ў межах рэспублікі, ад захаду зацікалілі палякі, а на ўсходзе правілі большавікі. Менавіта таму беларускія палітыкі імкнуліся зрабіць акцэнт на непадзельнасці рэспублікі. Яны разглядалі Польшчу як агрэсара, які пад прыкрыццём змагання з большавікамі ствараў структуры акупацыйнай улады на Беларусі.

У ролі саюзнікаў Беларусі на Парыжскай мірнай канферэнцыі дэлегацыя БНР спадзявалася пабачыць Украіну, Чэхаславакію, Фінляндыю, Літву, Латвію, Эстонію, Грузію, Арменію і Азербайджан [1, дак. 1778]. Гэтыя краіны аб'ядноўвала супольная мэта — дасягнуць міжнароднага прызнання ва ўмовах пратэсту з боку прысутных на канферэнцыі прадстаўнікоў антыбольшавіцкай Расіі.

Пакуль беларусы даехалі да Парыжа, удзельнікі канферэнцыі прынялі мемарыялы ад палякаў і літоўцаў, выслухалі таксама дэлегатаў гэтых краін. Палякі заявілі пра планы стварэння федэратыўнай дзяржавы, у якой было месца для нейкай беларускай аўтаноміі. Гэта адбылося летам 1919 г., калі Польшча кантралявала заходнюю і цэнтральную Беларусь. Урад БНР не меў у сваім распараджэнні арміі, не кантраляваў ніякай тэрыторыі, таму пра беларускую аўтаномію палякі згадвалі толькі каб пераканаць галоўных удзельнікаў канферэнцыі ў сваёй канцэпцыі тэрытарыяльнага падзелу Усходняй Еўропы.

Фактычна антыбеларускую палітыку вяла ў Парыжы і дэлегацыя літоўскага ўрада. Літоўцы прывязлі з сабой дакумент ад Беларускай управы Гродзенскага краю, дзе гаварылася, што мясцовыя беларусы жадаюць быць грамадзянамі Літвы. Яны таксама уключылі ў склад сваёй дэлегацыі члена Тарыбы беларуса Д. Сямашку, які выступіў з мемарыялам ад імя віленскіх беларусаў за далучэнне Віленшчыны да Літвы [1, дак. 1220]. У кулуарах канферэнцыі літоўцы вялі прапаганду па месце падобную да польскай і пераканвалі палітыкаў у тым, што не існуе ніякага беларускага народа, а ёсць толькі нейкія неакрэсленыя людзі, якім не пад сілу свая дзяржава.

У канцы чэрвеня 1919 г. літоўцы адкрыта ўжо гаварылі пра план інкарпарацыі Гродзеншчыны і Віленшчыны, а беларусам прапаноўвалі палітычную падтрымку для ідэі дзяржавы, якая магла б быць на ўсход ад лініі Пінск—Навагрудак—Дзвінск [1, дак. 1270, 1278].

Для французаў і англічан рашаючым у большасці пытанні быў голас антыбольшавіцкай Расіі, урад якой знаходзіўся ў Омску. А за Уралам улада неўзабаве апынулася ў руках адмірала Калчака. Дэлегаты з Омска не прызнавалі самастойнасці ні Беларусі, ні Украіны, ні іншых рэспублік, якія паўсталі ў межах былой Імперыі Раманавых. З Калчаком былі звязаны надзеі лідэраў Антанты на паспяховае, з іх пункту гледжання, завяршэнне ўнутранага канфлікту ў Расіі. З гэтай прычыны голас антыбольшавіцкай апазіцыі меў вялікі ўплыў на французаў і англічан, якія прымалі лёсавызначальныя для народаў Усходняй Еўропы рашэнні.

Выклікам для рускіх была, прапагандысцкая ў сапраўднасці, аб'яўленая прэм'ер-міністрам Польшчы І. Падэрэўскім канцэпцыя федэратыўнай дзяржавы. На яе вельмі хутка адрэагаваў прадстаўнік Калчака С. Сазонаў, які прапанаваў усім народам палітычную аўтаномію ў шматнацыянальнай Расіі. У ліку тых, каму адрасаваў свае пасланне Сазонаў, былі і беларусы [1, дак. 1228].

Пазней былі прадстаўлены яшчэ дзве падобнага роду прапановы. Пасля размоваў з Б. Савінкавым і В. Маклакавым Луцкевіч прыйшоў да высновы, што «белыя» ў сапраўднасці абмежаваліся лозунгамі пра аўтаномію, але рэальна нічога не прапануюць.

25 чэрвеня 1919 г. Луцкевіч прапанаваў Падэрэўскаму правесці размову на тэму федэратыўнай польска-беларускай дзяржавы. 1 ліпеня ён адправіў прэм'ер-міністрам Польшчы праект арганізацыі дзвюх раўнапраўных дзяржаў з мытным саюзам і органам для каардынацыі замежнай палітыкі [3, с. 74—77]. Невядома як успрыняў прапановы Луцкевіча Падэрэўскі, але не ён вызначаў знешнюю палітыку Польшчы.

8 жніўня 1919 г. армія Ю. Пілсудскага заняла Мінск. Луцкевіч вырашыў пакінуць Парыж, каб рэалізаваць праект федэрацыі з начальнікам Польшчы Пілсудскім. Члены беларускай дэлегацыі з Ладновым засталіся ў Парыжы і спрабавалі пераканаць саюзнікаў у неабходнасці існавання беларускай дзяржавы для еўрапейскага парадку. Аднак, яны не знаходзілі слухачоў сярод тых, хто вырашаў лёс еўрапейскіх народаў.

Луцкевіч крытычна ацэньваў польскую палітыку на акупаванай тэрыторыі БНР [4, с. 10—19], тым не менш ён быў прыхільнікам пошуку паразумення з палякамі [5, с. 450—453]. У сваю чаргу большасць членаў Рады не бачыла ніякіх перспектывы карыснага для Беларусі кампрамісу з Польшчай.

Праблема беларуска-польскіх адносін падзяліла урад і Раду БНР. Восенню 1919 г. ужо было две Рады і два ўрада. Другі, які знаходзіўся ў Коўне, узначальваў В. Ластоўскі. У снежні ў Парыж прыбыла дэлегацыя з Коўна, што яшчэ больш пераконвала галоўных удзельнікаў канферэнцыі ў несур'ёзнасці беларускай праблемы [1, дак. 1849, 1896, 1897].

На Парыжскай канферэнцыі Беларусь не мела ніякіх рэальных саюзнікаў. Ні Францыя, ні Вялікабрытанія, якія змагаліся за свае практычны еўрапейскага парадку, не бачылі палітычнага інтарэсу ў існаванні беларускай дзяржавы. Пасля перамогі бальшавікоў у Расіі гэтыя дзяржавы рэалізоўвалі палітыку падтрымкі Польшчы як буфера супраць экспарту рэвалюцыі ў Еўропу. На практыцы гэта спрыяла замацаванню падзела Беларусі і Украіны паміж Польшчай і Савецкай Расіяй.

Падчас Парыжскай мірнай канферэнцыі ўсе суседзі імкнуліся далучыць да сябе кавалкі беларускай зямлі. Толькі ўрады Украіны і Латвіі па розных прычынах і з улікам сваіх інтарэсаў праяўлялі зацікаўленасць у існаванні беларускай дзяржавы. Іх палітычны патэнцыл не меў аднак ніякага значэння для станоўчага вырашэння на міжнародным узроўні якіх-небудзь праблем дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі.

Бібліяграфічны спіс

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: у 2 т. / укл. С. Шупа. — Вільня-Нью Ёрк-Менск-Прага: Бел. Ін-т навукі і мастацтва: Т-ва бел. Письменства «Наша Ніва», 1998. — т. 1, кн. 1. — 850 с.

2. Michaluk, D. Białoruska Republika Ludowa 1918—1920. U podstaw białoruskiej państwowości / D. Michaluk. — Toruń: Wyd-wo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. — 597 s.
3. Gomółka, K. Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach ugrupowań politycznych 1918—1922 / K. Gomółka. — Warszawa: Gryf, 1994. — 263 s.
4. Луцкевіч, А. Польская окупацыя ў Беларусі / А. Луцкевіч. — Вільня, 1920. — 20 с.
5. Łatyszonek, O. Rozmowy Józefa Piłsudskiego z Antonim Łuckiewiczem. Przyczynek do dziejów stosunków polsko-białoruskich / O. Łatyszonek // Europa Orientalis. Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność. — Toruń 1996. — S. 447—453.

СЕКЦЫЯ 1

**МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ І НОВЫЯ
КАНЦЭПЦЫЇ Ў ВЫВУЧЭННІ ПАДЗЕЙ
І НАСТУПІСТВАЎ 1917 г.****Белозорович Виктор Александрович***Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(Гродно, Беларусь)***ИЗУЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ 1920-Х ГГ.**

Центральное место в белорусской историографии 20-х гг. XX в. занимало изучение Октябрьской революции 1917 года. Разработка проблемы была начата непосредственными участниками этих событий, известными государственными деятелями, представителями партии большевиков в БССР. Из них следует отметить «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» (1919) наркома просвещения БССР В. М. Игнатовского. Книга получила широкое распространение в учебных заведениях республики и в 1920-е гг. трижды переиздавалась. В. М. Игнатовский представил национальную концепцию отечественной истории, периодизация которой базировалась на государственном критерии. По мнению историка, экономическое и политическое состояние «гнилого большого организма» (Российской империи) предопределило русификацию белорусских земель. Поэтому белорусское национальное движение было социально и политически обоснованно. Автор отметил, что Октябрьская революция 1917 года, решив социальный вопрос, столкнулась с вопросом национальным [1, с. 175—181]. Провозглашение БНР и соглашательская позиция ее Рады, подтолкнули «красное белорусское движение» к созданию «Независимой Советской Социалистической Республики Белоруссии» [2, с. 45—47].

Концептуальное видение Октябрьской революции и ее фактологическое наполнение разработал доктор исторических наук В. Г. Кнорин, который принимал активное участие в процессах установления советской власти на территории Беларуси, занимал должности секретаря ЦБ КП(б)Б (1920—1922), первого секретаря ЦК КП(б)Б (1927—1928).

В книгах «Пять лет (Краткий конспект к истории КП(б)Б» (1922) [3], «1917 год в Белоруссии и на Западном фронте» (1925) [4] он обосновал ведущую роль большевистской партии в победе Октябрьской революции в Беларуси. Историк раскрыл предпосылки революционной ситуации в регионе, акцентировав внимание на мощном влиянии империалистической войны, подробно осветил ход событий в Минске и на Западном фронте с февраля по ноябрь 1917 года. В. Г. Кнорин отрицал позитивную роль белорусских политических партий, относил их к мелкобуржуазным, националистическим силам. Он считал, что «от российского большевизма..., а не от национально-социалистических партий идет история коммунизма в Белоруссии». Вышеназванные работы автор считал мемуарами, но они заложили основу т. н. «ленинской теории социалистической революции» в историографии Беларуси.

Изучению революции 1917 года содействовали комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии. Согласно постановлению СНК РСФСР (1920) в губернских центрах БССР были созданы истпарты: Гомеле, Минске, Витебске. Члены комиссий собирали документы о событиях Октябрьской революции и гражданской войны, формировали мемурный фонд, издавали книги по истории КП(б)Б, пропагандировали марксистско-ленинскую методологию. По решению 4-го Всесоюзного совещания истпартов (1927) историки должны были основательно исследовать период, относящийся «к самому октябрьскому перевороту и его непосредственной подготовке, т. е. 1917 год и частью 1918 год». Изучать итоги десятилетия совещание признало преждевременным. Истпартам предстояло вести работу по трем направлениям: определить движущие силы революции, выявить роль советских и партийных организаций в Октябрьской революции, раскрыть деятельность контрреволюционных сил и организаций. Совещание предложило придерживаться следующих типов изданий: сборники материалов, монографии и научно-популярные брошюры [5].

В 1927 г. вышел сборник статей и документов «Кастрычнік на Беларусі». Это была первая в республике публикация документов, посвященных событиям Октябрьской революции. В сборник вошли статьи А. Г. Червякова, Д. Ф. Жилуновича, В. М. Игнатовского, А. А. Сенкевича, С. Я. Вольфсона, А. И. Зюськова, С. Х. Агурского. Авторы раскрыли движущие силы революции, и роль национального фактора. Отдельное внимание уделялось критике небольшевистских политических партий в Беларуси, причем даже социал-демократические структуры считались буржуазными [6].

Октябрьская революция получила завершающую оценку в официальной историографии на страницах монографии академика В. К. Щербакова «Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларупольская акупацыя» (1930) [7]. Политическая ситуация рубежа 20—30-х гг., обусловленная развернувшейся в республике кампанией по борьбе с национал-демократизмом, повлияла на характер изучения проблемы. Автор рассмотрел предпосылки революции, кратко представил ход октябрьских событий, но главное внимание обратил на контрреволюционную деятельность небольшевистских политических партий и организаций.

Монография четко закрепила концепцию двух общественно-политических лагерей в революции 1917 года: революционного и контрреволюционного. Это положение, как и ряд иных ошибочных позиций, были подвергнуты критике со стороны советской историографии в 60—80-е гг. В частности, В. К. Щербаков писал о колониальном положении Беларуси в составе Российской империи, утверждал, что капитализм получил развитие с начала XX века. Его критиковали за неправильную оценку движущих сил революции, за то, что начало деятельности большевистских организаций в Беларуси он начинал с 1917 года.

Атмосфера научного творчества 1920-х гг. в БССР определялась ограниченным плюрализмом в историческом познании. Становление официальной историографии осуществлялось параллельно с белорусской национальной и еврейской марксистской историографией.

Белорусские национальные историки в оценке событий 1917 года исходили из доминирования национального движения над социальным, непри-

знания роли Октябрьской революции, определения ведущей позиции БНР в формировании белорусской государственности. Основу этого подхода заложил белорусский общественно-политический деятель, глава правительства БНР (1923—1925) Александр Иванович Цвикевич в работе «Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики» (1918). В формировании белорусской государственности автор выделил два этапа: I-й Всебелорусский съезд и принятие уставных грамот БНР [8].

Основоположник белорусской историографии профессор М. В. Довнар-Запольский в брошюре «Основы государственности Беларуси», которая была издана в 1919—1920 гг. на белорусском, русском, польском, французском, немецком, английском языках, обосновал историческую закономерность государственного самоопределения белорусского народа. Он отметил: «Увесь беларускі рух апошняга часу ажно да Усебеларускага Зьезду ў Менску ў снежні 1917 году і да утварэння Рады Беларускай народнай Рэспублікі сьведчыць аб здольнасці да жыцця беларускай нацыянальнасці і аб крэпкай звязі яе з дзяржаўнай незалежнасцю» [9, с. 20].

К 1925 году историк подготовил рукопись «Истории Белоруссии». Книга не была издана при жизни автора по политическим причинам. В периодизации истории Беларуси он выделил «борьбу за государственность» (1915—1919 гг.). М. В. Довнар-Запольский, единожды упомянув понятие «Октябрьская революция» [10, с. 542], не раскрыл процесс формирования органов Советской власти на территории Беларуси, а сосредоточил главное внимание на Всебелорусском съезде 1917 года, его разгоне и последствиях.

Представители белорусской национальной историографии в своих взглядах исходили из теории «единого потока», теории несовершенства классовых противоречий в белорусской нации, теории «двухкоренности» КП(б)Б, теории «четырёх общественных групп» и др. Это нашло отражение в статьях Я. Лесика, А. Смолича, А. Бурбиса, опубликованных в сборнике «Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху» (1924) [11].

Ранее вышла книга профессора БГУ Федора Федоровича Турука «Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов» (1923) [12]. Это исследование стало первым научным анализом белорусского национального движения как цельного явления общественно-политической жизни Беларуси рубежа XIX—XX вв. Автор охарактеризовал истоки белорусского национального движения, его развитие в революции 1905—1907 гг., Февральской и Октябрьской революциях 1917 г., в период немецкой и польской оккупаций. Ф. Ф. Турук раскрыл деятельность белорусских национальных политических партий, определил предпосылки провозглашения БССР, выделил коммунистическое движение среди белорусов, показал безосновательность сотрудничества с польскими оккупантами.

С конца 1920-х гг. в отношении национальной интеллигенции стали применяться репрессивные меры. Критика их взглядов была начата на XII съезде КП(б)Б. Затем в журнале «Большевик Белоруссии» появляются разгромные статьи, в которых взгляды белорусских национальных историков приравнивались к национал-фашистским.

Еврейские марксистские историки не отрицали ведущей роли Октябрьской революции в исторической судьбе Беларуси. Однако их подходы в оценке предпосылок революции, ее движущих сил, роли социал-демократических

партий существенно отличались от концепции Великого Октября, предложенной ЦК ВКП(б). Историки определяли социальную активность еврейского пролетариата антисемитской политикой царского правительства, а не результатом классовой борьбы. Они отрицали наличие антагонистических противоречий в еврейской нации. Ведущую роль в революционном движении на территории Беларуси отводилась Бунду, а не большевистским организациям. Практическую реализацию подходы еврейской марксистской историографии положения получили в работах Л. Н. Майзеля, Б. Л. Оликера, Л. Розенблюма, И. Я. Чернявского и др.

На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК КП(б)Б в феврале 1933 г., XV съезде КП(б)Б в январе 1934 г. их взгляды были квалифицированы как буржуазно-националистические, сионистские.

Одним из первых выступил с критикой белорусских национальных и еврейских историков директор Института истории партии при ЦК КП(б)Б, член-корреспондент АН БССР, бывший член Бунда С. Х. Агурский. В своих работах «Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917—1921)» (1926) [13], «Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863—1917)» (1928) [14] он затронул проблему социальной базы Бунда, руководящей роли этой партии в революционных событиях 1917 года. А заместитель директора Института истории партии М. А. Поташ в книге «Большевизм и мелкобуржуазные партии в революции 1905 года в Беларуси» (1931) [15] назвал Бунд «националистической организацией», которая не имела ничего общего с марксистской партией революционного пролетариата.

Таким образом, в острой идейно-политической борьбе разработка вопросов истории Октябрьской революции положила начало формированию нового направления исторической науки — истории советского общества.

Библиографический список

1. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. — 5-е выд. — Мінск: Беларусь, 1991. — 190 с.
2. Игнатовский, Вс. Белоруссия: территория, население, экономика, важнейшие моменты истории / Вс. Игнатовский. — Минск: Белтрестпечать, 1924. — 52 с.
3. Кнорин, В. Г. Пять лет (Краткий конспект к истории КП(б)Б) / В. Г. Кнорин // Избранные статьи и речи / Ин-т истории партии при ЦК КПБ — фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Сост. Н. В. Кузнецов и др. — Минск: Беларусь, 1990. — С. 78—92.
4. Кнорин, В. Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте / В. Г. Кнорин // Избранные статьи и речи / Ин-т истории партии при ЦК КПБ — фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Сост. Н. В. Кузнецов и др. — Минск: Беларусь, 1990. — С. 107—170.
5. Четвертое совещание истпартотделов при ЦК ВКП(б) // Историк-марксист. — 1927. — № 3. — С. 246—248.
6. Кастрычнік на Беларусі: зборнік артыкулаў і дакументаў (матэрыялы да гісторыі Кастрычніцкай рэвалюцыі на Беларусі) / [складальнік] С. Агурскі. Вып. 1. — 1927. — 485 с.
7. Шчарбакоў, В. К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя / В. К. Шчарбакоў. — Менск: Бел. дзярж. выд-ва, 1930. — 127 с.
8. Цвикевиц, А. И. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики / А. И. Цвикевиц. — Киев: Тип. «И. И. Чоколов», 1918. — 16 с.
9. Доўнар-Запольскі, М. В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. — Мінск: ВВП Дзяржэканомплан Рэсп. Беларусь, 1994. — 22 с.

10. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. — Минск: Беларусь, 2003. — 680 с.
11. Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху: калектыўная праца пад агульнай рэдакцыяй А. Сташэўскага, З. Жылуновіча і У. Ігнатоўскага з дапамогай А. Смоліча, С. Некрашэвіча і Я. Пятровіча. — Менск: выданне Цэнтральнага выканаўчага камітэту Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі, 1924. — 322 с.
12. Турук, Ф. Ф. Белорусское движение: очерки истории национального движения белоруссов / Ф. Ф. Турук. — Москва: Госиздат, 1921. — 42 с.
13. Агурский, С. Х. Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917—1921) / С. Х. Агурский; перевел с еврейского Г. Майзель. — Минск: Государственное издательство Белоруссии, 1926. — 244 с.
14. Агурский, С. Х. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863—1917) / С. Х. Агурский. — Минск: Белгосиздат, 1928. — 347 с.
15. Поташ, М. А. Бальшавізм і дробна-буржуазныя партыі ў рэвалюцыі 1905 г. у Беларусі / М. А. Поташ; Ін-т гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б. — Менск: БДВ, 1931. — 68 с.

Белявский Александр Михайлович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ И ИРЛАНДИИ В ИРЛАНДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Несмотря на значительную географическую удаленность и на первый взгляд серьезные различия в направлении развития революционного движения в Ирландии и России в начале XX века (национальная и классовая борьба), взаимный интерес и контакты между его лидерами существовали уже тогда, а на уровне историографии продолжают до настоящего времени. Хронологически революционный период в Ирландии вполне вписывается в общеевропейскую перспективу — в настоящее время различные исследователи начинают его отсчет с 1905 г. (по дате парламентского кризиса в Англии, снова выдвинувшего на значимое место партию ирландских националистов Дж. Редмонда, добивавшуюся самоуправления для Ирландии), 1913 г. (Дублинский локаут, создание организации Ирландских добровольцев, предтечи ИРА), или 1916 г. (Пасхальное восстание в Дублине, самый традиционный вариант), и завершают 1923 г. (окончание гражданской войны). Однако происходившие в этот период в Ирландии и России события, а равно и их осмысление в последующем в большей степени напоминают зеркальное отражение, дающее вместе с тем богатую почву для рассуждений в стиле «если бы» (о закономерностях и случайностях в истории). Традиционно в ирландской историографии различия между двумя странами считались более важным фактором, чем сходства — и основным и единственным сюжетом пересечения оставалась попытка дипломатов советской России установить контакты с президентом Ирландской республики Э. Де Валерой во время его визита в США в 1919—20 гг.

Дублинское восстание 1916 г. достаточно пристально изучалось российскими революционерами, на предмет тактики и стратегии вооруженной борьбы внутри одной из воюющих империй. О восстании писали В. И. Ленин,

Л. Д. Троцкий, Г. В. Плеханов, П. М. Керженцев, Н. С. Русанов и др. [1, с. 212—214] Особый интерес для них представляло участие в восстании ирландских рабочих: Ирландской гражданской армии Джеймса Конноли (который наравне с буржуазным националистом Подриком Пирсом возглавил восстание) — и его значение для перспектив мировой революции. Союз рабочих с «мелкобуржуазными националистами» оценивали по-разному. Плеханов восстание осудил как преждевременное и «вредное для дела свободы». Троцкий участие рабочих оценил как «начало исторической роли ирландского пролетариата», но само восстание «под архаическим знаменем» (потому что националистическое), ему не импонировало, и особенно критически он отзывался о пассивном отношении к нему крестьян, ругая их за «тупой эгоизм» и «полное равнодушие ко всему, кроме их собственного клочка земли». Причину этого он видел в аграрных реформах, проведенных английским правительством в 1881—1903 гг. [1, с. 213] Здесь очевидно, что Троцкий не особенно хорошо владел ситуаций — ирландские крестьяне свое равнодушие проявили очень скоро, и реформами они отнюдь не были успокоены. Ленин тоже назвал восстание преждевременным (для пролетариата), но в целом оценил как важный промежуточный этап в борьбе за социализм, поскольку использовать для «обострения и расширения кризиса империализма» националистические силы считал правильным [1, с. 214]. Керженцев, разделявший позиции Ленина, надолго определил вектор развития советской историографии Ирландии, написав целый ряд работ: «Борьба за землю и волю в Ирландии» (1917), «Революционная Ирландия» (1918), «Ирландия. Исторический очерк» (1923), «Ирландия в борьбе за независимость» (1936), в которых ирландская борьба с британским колониализмом трактовалась именно как революционная.

В свою очередь, некоторые современные ирландские авторы отмечают, что интерес в Ирландии к революционным событиям, протсходившим в России, был также значительным. Манус Линихан пишет, что после февральской революции массовые митинги были отмечены в «южной» части Ирландии (на севере такой реакции не было — видимо, это можно объяснить тем, что революция воспринималась в контексте антиимпериалистических и антивоенных настроений, преобладавших именно на юге). Спустя три месяца после октябрьского переворота в Дублине к зданию муниципального совета собралось около 10,000 митингующих — энтузиазм и массовость были настолько велики, что состоялось даже два митинга. Газета Ирландского союза транспортных и неквалифицированных рабочих (самого крупного ирландского тред-юниона, основанного в 1909 г. Джимом Ларкином и Джеймсом Конноли) подробнейшим образом освещала события в России начиная с 1918 г., публиковала речи Ленина и Троцкого. Количество членов этого же профсоюза выросло с 5,000 в 1916 г. до 20,000 в 1917 г., а к 1920 г. превысило 100,000 [2]. Аналогичную, но более подробную статистику дает Лиам Кэхилл: в 1916 г. — 5,000, в 1917 г. — 25,000, в 1918 г. — почти 68,000, за последующие 18 месяцев добавилось еще более 40,000 [3]. Забастовки и другие выступления рабочих стали называть Советами, столкновения между лендлордами и крупными арендаторами с одной стороны, и мелкими крестьянами-арендаторами — с другой, сравнивали с битвами Белой и Красной гвардии. Даже слово «большевик» прочно входило в лексику местных социалистов (например, в 1921 году во

время забастовки докеров Корка профсоюзный активист Боб Дэй обращался к митингующим «Друзья, товарищи и большевики») [2].

Из других авторов, касавшихся этой темы, выделяется Донал Рейнер О'Коннор Лайсат (обычно подписывается Рейнер Лайсат). В 1993 г. он опубликовал сборник документов «Коммунисты и ирландская революция», часть первая в котором — «Российские революционеры об ирландском национальном вопросе 1899—1924» [4] — включает высказывания Ленина, Троцкого, Радека, Чичерина, Сталина. Этого периода он касался и в собственных работах: например, брошюра «История Лимерикского Совета. Общая забастовка 1919 года против британского милитаризма» [5], однако в данной работе представлен более традиционный, республиканский взгляд, почти без отсылок к России.

В 2016 г., к юбилею Пасхального восстания Рейнер Лайсат снова обратился к российской истории, проведя любопытные параллели между революционной ситуацией в двух странах [6]. В противовес распространенному в Ирландии мнению о случайном временном совпадении двух восстаний, вызванных войной в несхожих по многим параметрам странах (размер территории, этническая гомогенность, статус церкви и международное положение), Лайсат указал на параллели, по его мнению, перевешивающие различия. Несмотря на имперский статус России, Лайсат квалифицировал ее как полуколонию Франции — точно так же, как Ирландия была колонией Британии. Обе управлялись недемократическим путем. В обеих странах земельная реформа была проведена с желанием «не обидеть» крупных землевладельцев (лендлордов). Обе страны были преимущественно сельскохозяйственными с небольшими, но достаточно высокоразвитыми индустриальными анклавами. Их форма и стала решающей причиной различных судеб революций в этих странах. В России православная церковь ассоциировалась рабочими с угнетающим государством и классом угнетателей. В Ирландии, напротив, католическая церковь разделяла судьбу угнетенных, будучи преследуемой колониальной властью. В то же время, в промышленных регионах (на севере), большинство рабочих были протестантами — и видели в колониальной власти защиту от католиков. И вот это разделение как раз и не позволило ирландскому рабочему классу развить свое сознание выше тред-юнионизма. В менее развитых областях сознание рабочих росло дальше, но медленнее. Таким образом, в Ирландии рабочее движение не смогло продвинуться дальше синдикализма и сформировать единую политическую силу. А вот в России это произошло.

Исходя из этой концепции, Лайсат предложил и новую трактовку мотивов действий Конноли, высказав догадку, что Конноли не был таким уж неуспешным тредюнионистским лидером, как в последнее время стали утверждать (основываясь на его неэффективности в переговорах с владельцами торговых компаний во время стачки в дублинском порту). Идея Лайсата в том, что Конноли, напротив, стремился радикализировать дублинских докеров в канун восстания и спровоцировать их конфликт с британской армией. В итоге только докеры католического района Ист-Уол оказали сопротивление при высадке английских войск, а протестанты-докеры Кингстауна — нет, что во многом ускорило поражение восстания [6].

Характерно, однако, что попытки установить параллели с революционными событиями в России принадлежат в основном авторству публицистов социалистического толка — Лайсат, к примеру, с 1970-х гг. был лидером ирланд-

ских троцкистов, а Линихан упомянутую выше статью публиковал на веб-сайте Ирландской социалистической партии. Еще один автор, недавно касавшийся российско-ирландских связей периода революции, Конор Костик (16 февраля 2016 г. в Гласневинском музее при участии Тринити-колледжа в цикле публичных лекций «Ирландия и мировые события после Пасхального восстания»), была организована его публичная лекция «Ирландия и Российская революция 1917—1923»), также известен как пропагандист социалистических идей. Из академических историков интересом к социалистическому движению до юбилея событий в 2017 г., естественно, привлечшего к теме больше внимания, в Ирландии отметился упоминавшийся Л. Кэхилл: его исследование «Забытая революция: Лимерикский Совет 1919 года — угроза британской власти в Ирландии» [7] касается темы конфронтации между социалистами и националистами.

Провозглашение Лимерикского Совета 15 апреля 1919 г. Можно назвать пиком социалистического движения в Ирландии. Он стал результатом противостояния местных республиканских органов власти и британской военной администрации. Типичная акция ИРА — попытка освободить арестованного бойца Роберта Бирна при его транспортировке полицией в госпиталь (он объявил голодовку) 6 апреля 1919 г. закончилась убийством одного полицейского, ранением еще одного и смертью от ранений самого Бирна. Через три дня после этого британское командование ввело в город войска, декларируя его с 14 апреля особой военной зоной, закрытой для въезда и выезда без пропусков. В ответ, в воскресенье 13 апреля объединенный профсоюз и рабочий совет города (депутатом которого был Бирн) призвали к всеобщей забастовке. На следующий день, в понедельник, все предприятия и магазины города организованно не открылись, британским войскам был объявлен бойкот, а фактическая власть в городе перешла в руки стачечного комитета. Еще через двадцать четыре часа стачечный комитет объявил себя Советом (Soviet), демонстративно используя коммунистическую терминологию, уже ставшую международной. Совет начал печатать собственные деньги, издавать газеты и взял под свой контроль цены на продукты. Местный бизнес в целом поддержал Совет — но и Совет, со своей стороны, не предпринял больше никаких действительно «советских» мер, наподобие конфискации частной собственности. Через две недели, 27 апреля, по требованию мэра города Альфонсуса О’Мары, представлявшего Шинн Фейн, и католического епископа Дениса Холлинанна забастовка была окончена, и Лимерикский Совет прекратил свое существование — а через неделю британское военное руководство отменило статус особой зоны для города.

Подобная готовность профсоюзов рабочих идти на компромисс с буржуазными националистами из Шинн Фейн во многом предопределила их дальнейшую судьбу. В отличие от Конноли, пришедшие ему на смену лидеры тредюнионов Уильям О’Брайен, Томас Джонсон и Майкл Иган никогда не попытались предпринять решительных действий для их осуществления на практике, даже перед лицом открывавшихся возможностей. Еще в 1918 г. лейбористы позволили Шинн Фейн перехватить инициативу в руководстве освободительного движения, согласившись не соперничать с этой партией на британских парламентских выборах, а концу 1919 г. и вовсе практически отдали националистам лидерство и свои как людские, так и организационные ресурсы [7], при том, что еще в начале этого года их влияние в Доиле было достаточно велико, чтобы добиться принятия «Демократической программы» Томаса Джонсона [8, р.

419]. В итоге это привело не только к фактическому сходу социалистов с политической арены в Ирландии, но и исчезновению сюжета об их борьбе из официального исторического нарратива, формирование которого подробно исследует в последние годы шотландский историк Джон Риган из Университета Данди [9]. Несмотря на приверженность левым взглядам ряда видных фигур даже среди лидеров националистов и ИРА (Констанс Маркевич, Лиам Меллоуз, Остин Стэк, Падар О'Доннел и др.), тематика рабочего движения долгое время оставалась на периферии внимания ирландской историографии.

Библиографический список

1. Дуров, В. И. Ирландское восстание в оценках российской общественности / В. И. Дуров // Вестник ВГУ [Воронежского государственного университета]. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001 — № 1. — С. 211—214.
2. Lenihan, M. 1917: How socialist revolution inspired Irish workers [Electronic resource] / M. Lenihan // Socialist Party: [website]. — Mode of access: <http://socialistparty.ie/2017/02/1917-socialist-revolution-inspired-irish-workers/> (date of access: 12.02.2017).
3. Cahill, L. Forgotten Revolution: Limerick Soviet, 1919: A Threat to British Power in Ireland [Electronic resource] / L. Cahill // Libcom.org: [website]. — Mode of access: <https://libcom.org/history/forgotten-revolution-limerick-soviet-1919-liam-cahill> (date of access: 30.03.2017).
4. The Communists and the Russian Revolution. Part 1. The Russian revolutionaries on the Irish national question, 1899—1924 / ed. by, D. R. O'Connor Lysaght. — Dublin: LiterÉire, 1993. — 129 p.
5. Lysaght, D. R. O'Connor. The story of the Limerick Soviet: The 1919 general strike against British militarism [Electronic resource] / D. R. O'Connor Lysaght // Libcom.org: [website]. — Mode of access: <https://libcom.org/library/1919-story-limerick-soviet> (date of access: 30.03.2017).
6. Lysaght, D. R. O'Connor. From the GPO to the Winter Palace [Electronic resource] / D. R. O'Connor Lysaght // Emancipation & Liberation. Republican Communist Network (Scotland): [website]. — Mode of access: <http://republicancommunist.org/blog/2016/12/08/from-the-gpo-to-the-winter-palace/#more-11290> (date of access: 03.11.2017).
7. Cahill, L. Forgotten Revolution: Limerick Soviet, 1919: A Threat to British Power in Ireland [Electronic resource] / L. Cahill // Libcom.org: [website]. — Mode of access: <https://libcom.org/history/forgotten-revolution-limerick-soviet-1919-liam-cahill> (date of access: 30.03.2017).
8. Delany, W. The Green and the Red: Revolutionary Republicanism and Socialism in Irish History: 1848—1923 / William Delany. — New York: Writer's Showcase, 2001. — 584 p.
9. Regan, J. M. Southern Irish Nationalism as a Historical Problem / John M. Regan // The Historical Journal. — 2001 — vol. 50, issue 1 — p. 197—223.

Болсун Галина Александровна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА В СОВЕТСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Будучи выпускницей советской школы и советского вуза, я навсегда усвоила, что Великая Октябрьская социалистическая революция оценивалась как главное событие XX века не только в отечественной, но и в мировой истории. Шли годы, менялись оценки. Столетний юбилей октябрьских событий

вновь вызвал к ним повышенный интерес историков-исследователей, учителей и публицистов. В данной статье предпринята попытка анализа трактовки Октября 1917 г. в советских и современных белорусских школьных учебниках истории.

Придя к власти, большевики не рассматривали историю как инструмент реализации задач патриотического воспитания. Более того, они исключили историю из перечня школьных дисциплин, заменив ее обществоведением. Этот предмет включал в себя синтез общественно-исторических курсов, в рамках которых рассматривались сложные социально-политические понятия, без какой-либо связи с конкретным историческим материалом. В схематичном виде излагались основные события всемирной и российской истории, касавшиеся социальных движений, борьбы народных масс и т. д. В младших классах изучались блоки тем «Город», «Деревня» и др., которые содержали отрывочные сведения по данным разделам.

В 1930-е годы ситуация резко изменилась. Главной идеологической ценностью стал советский патриотизм. Пришло осознание того, что его воспитание напрямую связано с изучением собственной истории. В результате начинаются преобразования в исторической науке в целом и школьном историческом образовании в частности. Задачи патриотического воспитания могли быть реализованы лишь при условии создания новых школьных учебников. О значимости этих изменений свидетельствует личный контроль И. В. Сталина и А. А. Жданова над утверждением новой концепции исторической науки и процессом отбора учебников. Напомню, что в 1936 г. был объявлен конкурс на лучший учебник по истории СССР, на который было представлено более 40 проектов. В результате лучшим был признан учебник «Краткий курс истории СССР» авторского коллектива под руководством профессора А. В. Шестакова. Он использовался в школах до 1956 г., выдержав 12 переизданий.

С. Кудряшов — историк, главный редактор уникального сборника документов «Историю — в школу: создание первых советских учебников», так объясняет этот факт: «Мне кажется, что этот учебник понравился Сталину потому, что он предельно ясно и точно объяснял все перипетии XX века, в первую очередь, революцию» [1]. Бесспорно, изучение основных событий Октября 1917 г. заняло ключевое место в содержании школьного материала. Так, в учебнике 1938 г. издания, глава XII называется «Великая Октябрьская социалистическая революция в России» и делится на разделы «Большевики готовят социалистическую революцию» (текст оригинала), «Социалистическая революция победила». Авторы делают акцент на том, что это событие сыграло ключевую роль в истории XX века и оценивают ее как Великую Октябрьскую социалистическую революцию [2]. Интересен тот факт, что в своей работе «Большевики и крестьянство в революции 1917 года», изданной в 1927 г., А. В. Шестаков неоднократно определяет это событие как октябрьский переворот [3, с. 69].

Проанализировав все издания учебника, можно сделать вывод, что трактовка событий Октября 1917 г. остается в нем неизменной. Октябрьская революция рассматривается как неизбежная, а причины ее победы авторы объясняют следующим образом: «Буржуазное правительство эсера Керенского окончательно провалилось в глазах рабочих и крестьян... Керенский добивался обуздания рабочих, рабочие же и крестьяне требовали обуздания фабрикантов

и заводчиков и установления над ними контроля рабочих организаций... На почве этих требований сложился и оформился крепкий союз рабочих и крестьян в виде Советов рабочих и солдатских депутатов против буржуазного Временного правительства и его подголосков — эсеров и меньшевиков — за поддержку большевистской партии... Рабочие и крестьяне...сплотились вокруг партии большевиков, признав ее своим вождем и руководителем» [2, с. 161].

Накануне Великой Отечественной войны под руководством академика А. М. Панкратовой были созданы учебники истории для старших классов. В них мы наблюдаем аналогичную оценку Октября 1917 г. и ее определение, как Великой Октябрьской социалистической революции. Параграф 26 (издание 1958 г.) посвящен анализу всемирно-исторического значения революции. В целом наблюдается однотипность стиля изложения и неизменный перечень описываемых событий. Отдельный раздел учебника озаглавлен «Великая Октябрьская социалистическая революция — начало новой эпохи в истории человечества». В издании 1963 г. параграф 24 «Триумфальное шествие советской власти» содержит раздел «Установление советской власти на Украине и в Беларуси». Событиям в Беларуси посвящен лишь один абзац: «В Беларуси революционно настроенные массы рабочих, крестьян и солдат-фронтовиков под руководством большевиков поднялись на борьбу за установление Советской власти. Как только были получены первые вести об октябрьском восстании в Петрограде, была установлена советская власть в Минске, Гомеле, Витебске и других городах. В середине ноября Советская власть установилась на всей неоккупированной германскими войсками части Беларуси» [4, с. 111].

Во всех изданиях школьного учебника «История БССР» под редакцией Л. С. Абецдарского мы находим аналогичные оценки октябрьских событий, однако значительная часть фактического материала посвящена описанию событий, имевших место на территории Беларуси: «С 25 октября по 20 ноября 1917 г. на всей неоккупированной территории Белоруссии победила власть Советов... Против Советской власти выступили белорусские буржуазные националисты. В декабре 1917 г. они съехались в Минск и назвали свое собрание «Всебелорусским конгрессом». Участники этого самозванного «конгресса» — помещики, царские генералы, ксендзы, кулаки — не признали органов Советской власти в Белоруссии и создали свой контрреволюционный «всебелорусский орган». Но трудящиеся Белоруссии с возмущением встретили эти намерения буржуазных националистов... СНК Западной области и фронта 17 декабря 1917 г. объявил «конгресс» распушенным и предложил его президенту покинуть пределы Белоруссии» [5, с. 152—154].

Таким образом, мы видим, что на протяжении десятилетий в советской школе изучалась история СССР. Во главу угла была положена марксистская концепция последовательной смены общественно-экономических формаций, революция 1917 определялась как Великая Октябрьская социалистическая, имевшая всемирно-историческое значение и, положившая начало новой эры в истории человечества.

После распада СССР и образования независимого белорусского государства создаются новые учебники истории. Трактовка событий Октября 1917 г. претерпевает ряд изменений. Историки признают, что это событие было исключительно значимым, однако слово «Великая» больше не используется. Речь идет об «Октябрьской революции». В учебном пособии «История Бела-

руси: полный курс: Пособие для старшеклассников и поступающих в вузы» авторы констатируют, что к осени 1917 г. «в Беларуси не сложились предпосылки, которые (в соответствии с ленинской теорией) могли бы привести к пролетарской революции». Авторы используют термин «октябрьская революция» и отмечают, что она «положила начало советскому типу модернизации», а ее главным итогом стало установление советской власти в Беларуси [6, с. 234]. В учебниках и учебных пособиях этого периода встречаются термины «Октябрьская революция», «большевистская революция», то есть определение «великая» и «социалистическая» были исключены.

Сегодня белорусские школьники изучают события Октября 1917 г. в рамках дисциплин «Всемирная история новейшего времени» и «История Беларуси». Проанализировав содержание действующих учебников, можно констатировать, что их создатели ищут оптимальные пути смены образовательной парадигмы. Они признают, что это событие было значимым, революция сыграла ключевую роль в истории XX века, однако ее оценки разнятся. Так, авторы учебника «Всемирная история новейшего времени: 1918—1945 гг.» приводят трактовку, принятую сегодня в большинстве российских изданий: «По аналогии с Францией Февральскую и Октябрьскую революции можно назвать Великой Российской революцией. Сами большевики первые 20 лет называли свои действия в октябре 1917 г. «октябрьским переворотом». И только с 1937 г. — Великой Октябрьской социалистической революцией» [7, с. 70].

Е. К. Новик — автор учебника «История Беларуси: 1917—1945 гг.» напротив, считает спорной такую трактовку событий Октября 1917 г., высказывает сожаление, что ее не называют «великой» и «социалистической»: «Октябрьская революция 1917 г. в советской научной и учебной литературе называлась Великой Октябрьской социалистической революцией. Великой — потому что так же, как Великая французская буржуазная революция конца XVIII века засвидетельствовала переход от феодализма к капитализму в мировом масштабе, так Октябрьская революция положила начало переходу от капитализма к социализму во всем мире. Социалистической — поскольку со своим целям и задачам...она имела социалистический характер. Однако с начала 1990-х гг. слова «великая» и «социалистическая» без научных обсуждений по политико-идеологическим мотивам из названия революции были исключены. Сейчас это историческое событие называется Октябрьская революция 1917 г.» [8, с. 12].

Таким образом, мы видим, что за сто лет оценки Октября 1917 г. претерпели определенные изменения не только в научной, но и в учебной литературе.

Библиографический список

1. Кудряшов С. Именем Сталина. Написание учебников истории при Сталине. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/656119-echo//> — Дата доступа: 10.01.2018.
2. История СССР / под ред. А. В. Шестакова. — М.: Учпедгиз. 16 тип. треста «Полиграфкнига», 1938. — 220 с.
3. Шестаков А. В. Большевики и крестьянство в революции 1917 года. — М.: госуд. изд-во тип. Мосполиграф, 1927. — 88 с.
4. Гісторыя СССР/ Падручнік для 10 класа сярэдняй школы/ пад рэд. А. М. Панкратавай. Мінск, 1963. — 327 с.

5. История БССР/ учебник для учащихся средней школы / Л. С. Абецедарский и др. Минск: Народная асвета, 1975. — 288 с.
6. История Беларуси: Полный курс: Пособия для старшеклассников и поступающих в ВУЗы/ Ю. Л. Казаков, П. О. Лойко, С. Н. Ходин и др./ Под ред. проф. О. А. Яновского. Минск: ООО «Юнипресс», 2003. — 416 с.
7. Космач Г. А. Всемирная история новейшего времени: 1918—1945 гг.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения/ Г. А. Космач, В. С. Кошелев, М. А. Краснова/ Под ред. Г. А. Космача. Минск: Народная асвета, 2012. — 214 с.
8. Новик Е. К. История Беларуси, 1917—1945 гг.: учеб. пособие для 10 кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения/ Е. К. Новик. Минск: Народная асвета, 2012. — 182 с.

**Бригадина Ольга Васильевна,
Балькина Елена Николаевна,
Мехоношин Матвей Валерьевич**

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЭЛЕКТРОННО-УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ «1917 ГОД В ИСТОРИИ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛАРУСИ»: ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Информационные технологии всё шире используются в учебном процессе. Электронные средства обучения (ЭСО), характеризующиеся наглядностью, доступностью, интерактивностью, способны активизировать самостоятельную деятельность студентов и заинтересованность их в получении и совершенствовании знаний. Преподаватели учреждений высшего образования создают и широко используют электронную поддержку лекций, уроков, тестируют знания учащихся. В Белорусском государственном университете на историческом факультете реализует себя традиция по проектированию и применению электронных средств обучения. В организации учебного процесса на факультете широко применяются IT-проекты по истории Беларуси, России, других славянских стран [1; 2].

Согласно «Концепции информатизации Белорусского государственного университета на период до 2018 года, принятой Советом Белорусского государственного университета 29 апреля 2013 г.» в данной области приоритетным направлением определено создание системы электронных образовательных ресурсов по основным отраслям знаний, разработка электронных учебно-методических комплексов по дисциплинам. Главная цель информатизации учебного процесса в университете — переход на качественно новый уровень образования в результате формирования качественно нового взгляда на место и педагогические технологии использования ИКТ в образовательном процессе [3; 4].

Приоритетной задачей программы информатизации университета является широкомасштабное внедрение мультимедийной техники и мультимедийных технологий как инструмента информатизации, направленной на интенсификацию учебного процесса, повышение производительности труда преподавателей и эффективности самостоятельной работы студентов.

Подобные образовательные технологии предоставляют студенту активную роль в организации учебного процесса. Используя разнообразные источники, студенты получают навыки самостоятельного поиска знаний и их систематизации, учатся формировать ту или иную концепцию и аргументировать ее интерпретации. Созданные IT-проекты находят широкое применение в организации учебного процесса в школах, на других факультетах университета.

Исторический факультет БГУ является одним из инициаторов, активных разработчиков и пользователей различных ЭУИ и ЭУМК социально-гуманитарной направленности (с аннотациями и демоверсиями некоторых из них можно ознакомиться на официальном сайте исторического факультета по адресу <http://www.hist.bsu.by/uchebnyj-protsess/uchebnye-materialy-dnevnyaya-forma/istoriyapo-napravleniyam/3-kurs.html>).

В целом ЭУИ (Электронные учебные издания) предназначены для учебно-методического обеспечения преподавания как обще-профессиональных, так и специальных дисциплин и находятся в тесной связи с системой менеджмента качества в БГУ.

В качестве успешно осуществлённого IT-проекта по истории можно выделить электронное учебное пособие «Мы наш, мы новый мир построим...» 1917 год в истории России, Украины и Беларуси», созданное и апробированное на историческом факультете БГУ. Данное ЭУИ было создано группой студентов (Мехоношин М. В., Сивицкая Э. А., Малченков Р. Ф., Зубачёв Р. А.) методом проектов в рамках курса «Историческая информатика». Под руководством доцента О. В. Бригадиной и преподавателя Е. Н. Балыкиной был разработан план проекта, определены цель и задачи исследования, средства осуществления проекта.

ЭУИ разработано в соответствии с программой по дисциплине «История России и Украины» (первая половина XX в.). ЭУИ ««Мы наш, мы новый мир построим...» 1917 год в истории России, Украины и Беларуси» предназначено для студентов факультетов гуманитарного профиля, прежде всего для обучающихся по специальности «История», высших учебных заведений. ЭУИ можно использовать и на факультативных занятиях по всемирной истории в средних общеобразовательных школах, гимназиях и лицеях [5].

ЭУИ позволяет более глубоко и детально изучить события двух революций 1917 г. в истории восточнославянских народов, оказавших такое судьбоносное влияние на исторические пути России, Беларуси и Украины.

Обучающей задачей ЭУИ является подробно изложить события 1917 г. в России; рассказать о Февральской и Октябрьской революциях; ознакомить с действиями партии большевиков в политической, экономической, военной и культурной сферах страны. Его развивающая задача — развить умение работы с фактологическим материалом, улучшить навыки построения причинно-следственных связей, продолжить развитие логического мышления. Воспитательная задача сводится к формированию у обучаемых уважения и интереса к отечественной истории, привить интерес и понимание значения переломных моментов в истории, в частности Февральской и Октябрьской революции.

В основу ЭУИ легли материалы учебных пособий, изданных кафедрой истории России, и тематических Интернет-ресурсов.

ЭУИ состоит из двух разделов: демонстрационной части с основной информацией и части с дополнительными материалами (Две 3d—Галереи, два E-Book, Хронолиния, тренинговый тест).

ЭУИ состоит из шести разделов, в которых описаны основные события Февральской и Октябрьской революции, реформам после Октябрьской революции, а также культурной революции.

Информационный потенциал ЭУИ в совокупности составляет раздел основного теоретического (лекционного) материала (195 слайдов) и включает 147 иллюстраций, 61 анимированный смарт-объект, 2 анимированных графика, 3 видео-файла, 4 карты. ЭУИ состоит из следующих модулей: «Глава 1. Февральская революция», «Глава 2. Общенациональный кризис», «Глава 3. Курс большевиков на вооруженное восстание. Октябрьский переворот», «Глава 4. «Триумфальное шествие» советской власти», «Глава 5. Революционные преобразования большевиков», «Глава 6. Культурная революция».

Дополнительные материалы представлены интерактивной 3D–Галереей с музыкальным сопровождением (две темы — повседневность и культура, около 100 изображений с информационной картой), форматом E-Book (103 страницы с 15 изображениями), Хронолинией (18 дат, каждая из которых представлена краткой исторической справкой, несколькими иллюстрациями, аудио и видеофайлами, источниками); тренинговым тестом (мультимедийные разноуровневые задания четырех форм с подсказками).

Методика обучения предусматривает следующий подход к ЭУИ. Для облегчения работы перед использованием следует прочитать аннотацию, ознакомиться с содержанием и навигатором. Сперва следует по модулям усвоить раздел основного материала, затем переходить к разделу с дополнительными материалами (Хронолиния, E-Book, 3D-Галерея), которые завершит тренинговый тест. Возможно применение как во время занятий, так и для самоконтроля.

В настоящем е-издании используются следующие методы обучения: по типу деятельности — словесный и демонстрационный; по уровню активности — объяснительно-иллюстративный и проблемный; по функциям — изложение (устное и графическое), закрепление, проверка и оценка знаний. В ЭУИ реализованы модульная, рейтинговая и игровая технологии. ЭУИ имеет три режима работы: информационно-демонстрационный (изложение учебного материала); практика (закрепление полученных знаний); контроль (для оценки учебных достижений, полученных при изучении материала).

Использование ЭУИ позволяет существенно активизировать учебный процесс, повысить интерес студентов к изучаемой теме.

Для использования данного проекта необходимо открыть на диске папку с названием «1917 год в истории России, Беларуси и Украины» (перед началом работы предлагаем ознакомиться с инструкцией по установке). Запуск ЭУИ происходит путем двойного нажатия левой кнопки мыши. На экране появиться титульный слайд, который содержит название проекта, а так же информацию об авторах и руководителях проекта.

Материал, который предназначен для основного изучения, содержится под номерами от 1—6. Эти разделы представлены в виде слайдов с изложением изучаемого материала, дополненных иллюстрациями, схемами, графиками, видео- и аудиоматериалами. 3-d галерея (1) посвящена разделу «Культурная революция» и содержит 50 картин в жанре революционного авангарда. 3-d галерея (2) содержит 30 фотографий и описывает историю повседневности периода 1917 года.

По окончании изучения основного лекционного курса рекомендуется провести закрепление и контроль знаний с помощью тестовых заданий, которые выполнены в тестовой среде ADSoft_Tester.

Бібліаграфічны спісак

1. Яновский, О. А. Электронные учебные издания: итоги 30-летнего межкафедрального сотрудничества на историческом факультете Белорусского государственного университета / О. А. Яновский, Е. Н. Балыкина, В. В. Сергеенкова // Информационный бюллетень Ассоциации «Истории и компьютер». № 42. Октябрь 2014 г. Москва, 2014. — С. 214—221.
2. Балыкина, Е. Н. Электронное средство обучения «Кірмашы Беларусі» / Е. Н. Балыкина, И. Л. Грибко / Дорожная карта информатизации: от цели к результату: тез. докл. открытой Междунар. науч. — практ. конф., г. Минск, 20—22 нояб. 2013 г. / гл. ред. Т. И. Мороз. — Минск: МГИРО, 2013. С. 41—43.
3. Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь на период до 2020 г. // Официальный интернет-портал Министерства образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2012. — Режим доступа <http://www.edu.gov.by/sm.aspx?guid=437693>. — Дата доступа: 15.10.2017.
4. Электронное обучение в XXI веке. Концепция информатизации Белорусского государственного университета на период до 2018 года / С. В. Абламейко [и др.] // Вестник БГУ. Сер. 1. — 2013. — № 2. — С. 3—14.
5. История России. XX век. Учебное пособие / О. А. Яновский, С. В. Позняк, В. И. Меньковский [и др.]; под ред. В. И. Меньковского, О. А. Яновского — Мн.: РИВШ, 2005. — 704 с.

Гернович Татьяна Дмитриевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АРХИВНОГО ПРАВА В 20-Х ГОДАХ XX В.

В начале XX в. А. Фиркандт в своей работе «Механизм культурных изменений» (1908) предположил, что основным условием изменений в культуре является состояние катастрофы [1]. Эта мысль была с энтузиазмом подхвачена и развита в трудах социологов, культурологов, философов, историков и др. Возникнув первоначально как теория кризиса европейской культуры (О. Шпенглер, Г. Зиммель, Т. Лессинг, А. Вебер, Й. Хейзинга, А. Тойнби, Э. Гуссерль, П. Сорокин, А. Швейцер, А. Онеггер, М. Вебер), как теория антропологического кризиса (К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, К. Манхейм, Р. Гвардини, М. Бубер, Э. Мунье, П. Тиллих), кризиса буржуазно-индивидуалистической цивилизации (Э. Юнг, П. Тиллих), кризиса власти (К. Поппер, Ф. А. Хайек), она сформировалась в итоге в отдельное направление — «философию кризиса».

В настоящее время кризис рассматривается как кульминационная точка патологического развития общества. В этом состоянии происходит разрушение нормальных образцов взаимодействия отдельных элементов [2]. Как отмечает российский исследователь О. М. Штомпель, если рассматривать общество как систему институализированных практик, то кризис — это непрерывный процесс деконвенционализации и возникновения новых конвенций. Таким

образом кризис является необходимым и закономерным этапом в развитии. Системы находятся постоянно в процессе разрушения и обретения идентичности, дестабилизации и достижения нового уровня стабильности, архаизации и обновления, рассогласования и гармонизации социального и культурного миров [3].

Архивы, как неотъемлемая часть культуры и общества, в XIX — нач. XXI вв. также пережили ряд кризисов. Трансформация государственного устройства, становление гражданского общества, политические изменения государственных границ, военные конфликты напрямую воздействовали на архивные учреждения. В результате преодоления кризисных состояний, архивы приобрели новое значение для общества. Процесс изменения архивной отрасли сопровождался выработкой нормативных правовых актов. Характерной чертой архивного законодательства, возникающего в момент социокультурных кризисов, является его стабилизационный характер. Законы об архивах использовались государством в качестве метода антикризисного управления и фиксировали новые институты и практики, которые создавались для гармонизации системы.

Среди основных причин, которые обусловили кризисное состояние можно назвать: Революции; Войны; Изменение формы государственного устройства, распад многонациональных государств; Изменение политического режима, идеологии, падение тоталитарных режимов.

В результате преодоления вышеназванных кризисных явлений возникала новая система архивного устройства с соответствующим законодательным оформлением.

Одним из наиболее ярких примеров архивного закона, рожденного революцией является Декрет 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Этот законодательный акт создавался, в условиях социокультурного кризиса и базировался на идее централизации. В течении долгого времени он понимался как отправная точка в создании новой системы архивного устройства.

Революция в России не создала большого количества предшествующих законодательных актов об устройстве архивов. Первые положения, которые легли в основу Декрета, были сформулированы в виде докладной записки наркома просвещения А. В. Луначарского о принятии мер к охране архивов и библиотек, которая была адресована в Совнарком в апреле 1918 г. Ее содержание основывалось на предыдущих проектах архивной реформы, разработанных Союзом архивных деятелей во главе с академиком А. С. Лаппо-Данилевским. Будущий начальник Главного управления архивным делом при Наркомпросе РСФСР Д. Б. Рязанов, выступая с докладом на заседании СНК 26 апреля 1918 г., представил их в виде первого проекта нормативного акта.

Обсуждение проекта Д. Б. Рязанова, которое состоялось в Наркомпросе 27—28 мая свидетельствует о том, что в 1918 г. в органах управления еще не оформилось представление о системе архивных учреждений. Не было однозначного понимания ни подчинения отрасли, ни доступа к архивным документам, ни сроков передачи документов на постоянное хранение.

Основной проблемой, которую пытались решить путем издания нормативного акта, был вопрос сохранения фондов центральных органов управления, хранящихся в Москве и Петрограде. В России масштаб уничтожений

документов не был велик. Как отмечает Е. В. Старостин это было связано с отсутствием письменной правовой культуры в отношениях крестьян и помещиков. В первую очередь уничтожению подвергались архивы жандармерий и охранных отделений, которые могли бы служить доказательством для обвинительных процессов провокаторов, шпионов и осведомителей. Новым властям архивные документы представлялись ненужным хламом, который можно использовать для иных нужд. Наибольший ущерб архивам нанесла не Революция, а компании по переработке и утилизации бумаги.

Документы, хранящиеся в архивах, не нужны были новой власти для перераспределения земельной собственности. «Декрет о земле», принятый в 1917 г., однозначно утверждал, что «...Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема...».

Первым решением, принятым в процессе обсуждения проекта Д. Б. Рязанова, стало подчинение архивной отрасли Наркомпросу и исключению вопроса о доступе к документам из текста декрета. Для новой власти архивы представлялись исключительно как комплексы документов, необходимые для выполнения административных функций и развития государственной идеологии. Включение архивов в структуру Наркомпроса, ведомства, которое определяло государственную политику в сфере науки, образования и культуры, должно было способствовать идеологической борьбе и построению социализма.

Окончательное оформление проект получил в виде двух нормативных актов: Декрета и Положения «О Главном управлении архивным делом», которые были рассмотрены на заседании комиссии при СНК 1 июня 1918 г. В результате их рассмотрения вечером В. И. Ленин подписал декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» из 12 пунктов. В п. 10 Декрета было зафиксировано, что «Положение о Главном управлении архивным делом и подведомственных ему областных управлений будет издано дополнительно».

В советской историографии текст декрета, обстоятельства его создания и публикации получили достаточно комплексное и всестороннее рассмотрение. В 30—40-е годы была обоснована концепция декрета как основополагающего акта для архивного строительства в СССР.

Основными положениями, на которых базировалась новая архивная система были: 1) идея Единого государственного архивного фонда, 2) национализация неправительственных архивов, 3) создание централизованной архивной службы и 4) использование архивов в качестве инструмента построения государственной идеологии [4; 5].

С конца 80-х годов в трудах С. О. Шмидта, Е. В. Старостина, Т. И. Хорхординой и др. оформляется новый критический подход, в соответствии с которым формирование советской архивной системы базировалось не на первоначальном тексте декрета, а на созданных, в соответствии с политической конъюнктурой, позднейших его трактовках [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Так, один из центральных терминов первоначального текста Декрета «единый Государственный архивный фонд» был в последующие годы заменен «Единым государственным архивным фондом». Такая замена вполне соответствовала стремлению новой власти к подчинению и ограничению автономии

на местах. Как отмечал Е. В. Старостин «Аббревиатура ЕГАФ, которой стали пользоваться в документах, отвечала претензиям архивного главка на расширение границ ГАФ до масштаба всей страны» [15].

Другой стороной «нового прочтения» являлось право отдельных ведомств не передавать Главному архивному управлению документы, еще не вышедшие из практического использования. В 1939 г. С. Н. Валк, проводя текстологическое исследование Декрета, обратил внимание на расхождение в третьей статье во фразе «...дела, не утратившие значение для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства, но поступают в ведение и распоряжение Главного Управления архивным делом» текста подлинника и его публикации. В официальном тексте, опубликованном в «Известиях», было напечатано «не поступают», что кардинально меняло смысл статьи [16]. Выявленные Е. В. Старостиным документы убедительно доказывают, что это расхождение между оригиналом документа и его публикацией — не опечатка, а сознательная редакция, сделанная В. И. Лениным после встречи с наркомом иностранных дел Г. В. Чичерным на следующий день после подписания декрета.

Рассматривая значение Декрета о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР через призму социокультурного кризиса нельзя не отметить целый ряд особенностей. Кризис, который сопровождался изменением политической системы и идеологических установок в РСФСР, для архивной отрасли совпал с кризисом архивной системы. Не случайным является то обстоятельство, что идея необходимости создания единого органа управления архивами была сформулирована еще в дореволюционное время. Революция обострила проблему сохранности архивных документов, тем самым ускорив процесс объединения архивных фондов в крупные централизованные комплексы. Создание Главархива было продиктовано в первую очередь необходимостью координации усилий по передаче архивов бывших царских учреждений, церкви и частных лиц под контроль новых органов власти.

Ошибочным является представление о повсеместном распространении Декрета 1 июня 1918 г. сразу же после его подписания. Принцип федерализма, заложенный в первой Конституции РСФСР обеспечивал возможность самостоятельного законодательного регулирования в регионах. Власть, которая укрепилась в центре, еще не имела достаточного влияния на политику проводимую на местах. Усиления влияния Центра на регионы происходит в течении 20-х и 30-х годов XX в. С усилением влияния центральных органов на регулирование архивной отрасли в республиках происходит изменение в трактовке понятия «централизация»: взамен объединения фондов в крупные комплексы, появляется идея общего подчинения единому союзному центру.

В Беларуси на момент принятия 1 июня 1918 г. Декрета о реорганизации и централизации архивов в РСФСР сложилась сложная геополитическая обстановка. Часть территории Беларуси была оккупирована немецкими войсками, на части территории действовали распоряжения Областного исполнительного комитета Советов Западной области и фронта. 25 марта 1918 г. была провозглашена Белорусская Народная Республика, которая, до передачи немцами 10 декабря 1918 г. г. Минска советским властям, издавала распоряжения на территории оккупированной немцами. До 1 января 1919 г., когда была образована ССРБ (в г. Смоленске) и создано Временное рабоче-крестьянское

Советское правительство Беларуси, территория Минской, Витебской, Виленской и Гродненской губерний оставались областью в составе РСФСР.

Несмотря на издание 1 июля 1918 г. Постановления президиума областного исполкома Советов Западной области и фронта об организации архивного дела, который должен был распространить действия Декрета 1918 г., довольно сложно утверждать, что он реализовывался на практике. В равной степени декларативный характер имел и Декрет Совета народных комиссаров СССР от 13 марта 1919 г. О централизации архивного дела.

Первым учреждением, которое должно было начать проводить мероприятия по учету и регистрации архивных фондов был Комиссариат просвещения (Компрос) Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии. Однако не смотря на издание декрета 30 января 1919 г. «О передаче культурных ценностей науки и искусства, находящихся в имениях и разных учреждениях Комиссариату по просвещению и об организации их учета, охраны и собирания», Минский губернский военный революционный комитет отмечал, что прием, учет и регистрация не проводятся в установленном порядке.

Нормативной основой для реализации положений Декрета в областях стало Положение Совнаркома РСФСР О губернских архивных фондах от 31 марта 1919 г. Фактически только с этого момента, когда на территории Беларуси в августе 1919 г. были созданы губернские областные управления Витебска и Могилева, можно говорить о первых попытках создания органов архивного управления.

В Минске работа по организации архивов проводилась в Архивной секции, созданной 15 апреля 1920 г. при подотделе охраны памятников старины и искусства отдела искусства Наркомпросвещения БССР. Сохранившиеся докладные записки М. П. Шкляева, который выполнял обязанности заведующего охраной архивов, представляют собой яркий источник, позволяющий судить о том каким образом организовывались первые архивы в Минске.

Первоначально основной задачей являлось принятие на учет архивов бывших учреждений (архив б.Казенной палаты и Губернского правления) и обеспечение их сохранности. Это было достаточно сложно, так как не всегда новые учреждения, занявшие здания, в которых хранились архивы, были согласны на их размещение. Так, архив Губернского правления был вынесен из здания и помещен в два каменных сарая, один из которых требовала освободить типография Революционного комитета. Понимая, что сарай не является подходящим местом для хранения архивных документов, за неимением других вариантов, М. П. Шкляев просит денег у руководства на доски, гвозди и оплату рабочим за заколачивание окон сарая для того, чтобы архив смог хоть как-то перезимовать.

Следующая проблема, с которой столкнулся заведующий минскими архивами был Центрутиль ВСНХ. В декабре 1920 г. президиум СНХ БССР неоднократно направлял в Наркомпрос требования о выделении «архивных бумаг» для нужд бумажной промышленности. В ответном письме М. П. Шкляев не только отрицает возможность выделения документов, но и разъясняет Центрутилю, что «...на подотдел охраны памятников Наркомпроса возлагается не только внешнее сохранение всех существующих архивов от уничтожения, но напротив, объединение их в Центральный архив Белоруссии и открытие его для научной работы. При таких обстоятельствах следует раз и навсегда

отказаться от мысли, что архив может быть источником какой-либо другой утилизации его бумаги, кроме научной. Они должны быть абсолютно неприкосновенны ни для кого...» [17]. Сама эта ситуация кроме всего прочего свидетельствует о том, что положения Декрета 1918 г. не применялись на практике. Ни Центрутилъ, ни М. П. Шкляев не ссылаются ни на понятие Государственный архивный фонд, не обращаются к Главархиву в содействии решения вопроса. Единственным понятием, соотносящимся с текстом Декрета 1918 г., является «Центральный архив Белоруссии», что вполне соответствует выводам Е. В. Старостина о том, что централизация в тексте Декрета первоначально понималась исключительно в виде объединения бывших ведомственных фондов в крупные хранилища.

Тем не менее эта битва за архивы была М. П. Шкляевым проиграна, потому что несмотря на неоднократные отказы в выделении из архива бумаги для переработки и письма в Совнарком Белоруссии «...о недостаточном понимании в некоторых учреждениях сознания ценностей для культуры сохранения архивов...», была организована специальная комиссия, которая в мае 1921 г. отправила 951 пуд архивной бумаги на писчебумажную фабрику в Новоборисове «Папирус» [18]. И это был не единственный случай, когда документы архива отправлялись на переработку [19]. Пытаясь минимизировать последствия для сохранности архивных документов, в документе, который был озаглавлен как Смета по организации Главного архива Белоруссии в Минске и объяснительная записка к ней, М. П. Шкляев предлагает разделить все архивное имущество на подлежащее дальнейшему хранению в виду его исторической ценности и подлежащее выдаче по требованию различных правительственных учреждений на предмет утилизации благодаря его случайному в архиве появлению [20].

Однако, единственным спасением архивов могло стать издание нормативного акта, запрещающего уничтожение документов. Понимая это, М. П. Шкляев подготовил в январе 1921 г. проект Декрета об охране архивных материалов на территории ССРБ. В соответствии с проектом местные отделы народного образования должны были до 15 марта 1921 г. взять на учет, опечатать и сообщить информацию об имеющихся архивных комплексах, в Наркомпрос. Так же был подготовлен проект аналогичного постановления по Накомпросу [21].

Интересным представляется также и проект Шкляева об организации главного архива Белоруссии, который был оформлен в виде докладной записки. По его мнению, основной целью создания главного архива являлось: во-первых, объединение архивов для лучшего их сохранения и во-вторых, предоставление возможности научным силам для разработки истории края. В проекте предусматривалось выделение для архива отдельного здания (например, бывшего воинского начальника). При систематизации фондов предлагалось использовать следующую классификацию: 1. Отделение внутренних дел (архив Губернского правления), 2. Судебных, 3. Финансовых, 4. Церковных, 5. Местного дворянства и других сословий. 6. Учебных заведений, 7. Военный, железнодорожный и др. Каждое отделение должно было иметь своего заведующего. Общее руководство Главархивом возлагалось на директора, помощника и секретаря, при них должна была действовать общая канцелярия. В архиве предполагалось оборудовать библиотеку, читальный зал, переплетную мастерскую. В штате планировалось 12 постоянных сотрудников и 4 разъездных [22].

Нам представляется не случайным то обстоятельство, что в докладной записке Шкляев для обозначения создаваемого учреждения использует название «Главархив». Этот термин и деление на секции скорее всего было предложено под влиянием Декрета 1918 г. и построения архивного дела в РСФСР. Однако, тот факт, что Шкляев не затрагивает вопрос подчинения архивным органам РСФСР, однозначно свидетельствует о формировании архивов в БССР по самостоятельному принципу.

Несмотря на то, что проект М. П. Шкляева не был принят, однако он лег в основу постановления СНК БССР об учете и сохранении архивных материалов от 23 января 1921 г.

Первые упоминания о нормативных документах, принятых в РСФСР, в работе архивных органов БССР, встречаются с конца 1921 г. Так, 23 декабря 1921 г. в губернские архивы был разослан циркуляр Главархива РСФСР за подписью В. Адоратского и В. Пичеты о невыдаче архивных документов без разрешения Главархива [23]. В распоряжении ВЦИК всем губисполкомам и обlisполкомам РСФСР о недопустимости выделения архивных документов для переработки, изданном в июне 1922 г., в качестве нормативного основания приводится ссылка на Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР [24].

Отношения между Главархивом и архивными учреждениями автономных республик регулировались Постановлением Президиума ВЦИК от 14 июля 1921 г. В соответствии с ним, в автономных республиках учреждались центральные Управления архивным делом, администрация которых назначалась местной правительственной властью. В вопросах же технического управления архивами, администрация архивов подчинялась инструкциям и указаниям Главного архивного управления [25].

Принятые 4 августа 1922 г. Постановление Президиума ЦИК БССР «Об архиве» и 12 сентября 1922 г. Постановление Президиума ЦИК БССР «Об утверждении положения о Центральном архиве Белоруссии и сметы расходов» окончательно закрепили на законодательном уровне создание архивной отрасли в БССР на самостоятельной основе. Вопрос подчинения республиканских органов центральным органам архивного управления решался в этих документах в соответствии с принципом федерализма. На практике в 20-е годы также мы можем говорить о стремлении Центрархива БССР к большой доли самостоятельности в решении вопросов архивного устройства.

Переломным моментом в вопросах подчинения следует считать принятие Положения об архивном управлении РСФСР 1929 г., в соответствии с которым было создано Центральное архивное управление (ЦАУ) при ВЦИК.

Довольно интересной представляется позиция заместителя руководителя Центрархива БССР М. Ф. Мелешки о нецелесообразности создания органа архивного управления союзного значения. В отчете о командировке в г. Москва в связи с рассмотрением проекта о ЦАУ СССР в апреле 1925 г. он отмечал, «...создание Центрархива СССР в соответствии с предложенным проектом, с очень громоздким и дорогостоящим аппаратом не требуется в соответствии с современным устройством архивов на территории СССР, а наоборот, с созданием Центрархива СССР прекратиться всякая централизация архивных материалов в Союзных Республиках и вызовет массовое непонимание в распределение материалов...» [26].

С изданием положения о ЦАУ в 1929 г. была ликвидирована самостоятельная архивная система БССР. Наравне с другими республиками она была включена в единую архивную систему СССР. Несмотря на дискуссии при рассмотрении проекта о ЦАУ СССР, и сомнения в его целесообразности, Положение 1929 г. окончательно утвердило понимание «централизации» как зависимости от Центра.

Таким образом, можно отметить, что ситуации социокультурного кризиса влекут за собой изменения, которые в архивной отрасли сопровождаются созданием новых законов об архивах. Законы, созданные в результате революционных изменений, являются декларативными в момент своего создания. Революция создает ситуацию, когда возможно заявить об изменениях, но невозможно их реализовать на практике. Реализация революционных законов об архивах происходит в ситуации стабилизации системы и усиления влияния государственного аппарата на общество. С усилением государственного аппарата возрастает стремление к централизации архивной отрасли.

Бібліаграфічны спісак

1. Фиркант, А. Механизм культурных изменений (вступ. статья В. П. Култыгина, пер. Н. А. Харитоновой) / А. Фиркант // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том IX. 2017. Теория культуры и жизненный мир человека / Институт философии РАН, Научно-координационный совет по философским проблемам социальной теории; Под редакцией Ю. М. Резника. — М., 2017. — С. 83—99.
2. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология / А. П. Назаретян. — М.: Per Se, 2001.
3. Штомпель, О. М. Социокультурный кризис: Теория и методология исследования проблемы: диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01. — Ростов-на-Дону, 1999. — 320 с.
4. Митяев, К. Г. Ленинский декрет 1 июня 1918 г. и советское архивоведение / К. Г. Митяев // Советские архивы. — 1968. — № 3. — С. 9—15;
5. Пшеничный, А. П. О подготовке декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» / А. П. Пшеничный // Советские архивы. — 1987. — № 6. — С. 16—23.
6. Хорхордина, Т. И. История и архивы / Т. И. Хорхордина — М., 1994. — 360 с.
7. Шмидт, С. О. О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и истории его подготовки и реализации / С. О. Шмидт // Отечественные архивы. — 2008. — № 6. — С. 134—137;
8. Старостин, Е. В. Декрет об архивном деле 1918 г. / Е. В. Старостин, Т. И. Хорхордина // Вопросы истории. — 1991. — № 7—8. — С. 41—52;
9. Кузьмин, Е. И., Селезнев М. С. О «новом» толковании текста ленинского декрета об архивном деле от 1 июня 1918 г. / Е. И. Кузьмин, М. С. Селезнев // Советские архивы. — 1989. — № 5. — С. 39;
10. Автократов, В. Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917—1918 гг.) / В. Н. Автократов // Отечественные архивы. — 1993. — № 3. — С. 9—35; № 4. — С. 3—27;
11. Старостин, Е. В. К 80-летию декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» / Е. В. Старостин, А. С. Прокопенко // Отечественные архивы. — 1998. — № 2. — С. 31—34;
12. Банасюкевич, В. Д., Старостин Е. В. Глядя in medias res декрета об архивном деле 1918 г. // Отечественные архивы. — 2008. — № 2. — С. 21—25;
13. Елпатьевский А. В. Еще раз о декрете от 1 июня 1918 г. / В. Д. Банасюкевич, Е. В. Старостин. // Отечественные архивы. — 2008. — № 2. — С. 26—27;

14. Акимов, С. В. Последние шаги к архивной реформе 1918 г. (Проекты Е. Н. Квашнина-Самарина, А. И. Лебедева, К. Я. Здравомыслова, Н. В. Голицына, Ф. А. Нинева) / С. В. Акимов // Отечественные архивы. — 2001. — № 5. — С. 24—32.
15. Старостин, Е. В. Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист. — арх. ин-т. — М.: Информ. — изд. агентство «Рус. мир», 1997. — С. 141.
16. Валк, С.Н. О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания / С. Н. Валк // Архивное дело. — 1939. — № 3(51). — С. 1—22.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф.249. Оп.1 Д.1 Л.10.
18. НАРБ. — Ф.249. Оп.1 Д.1 Л.27—30об., 33, 40—42об.
19. Клепиков, Н. Е. Макулатурные кампании в белорусских архивах 1920-х — начала 1930-х гг./ Н. Е. Клепиков // Отечественные архивы. — 2009. — № 3. — С. 14—20.
20. НАРБ. — Ф.249. Оп.1 Д.1 Л.13.
21. НАРБ. — Ф.249. Оп.1 Д.1 Л.31—31об, 45—45об.
22. НАРБ. — Ф.249. Оп.1. Д.1. Л.11—12об..
23. НАРБ. — Ф.249. Оп.1. Д.3. Л. 7.
24. НАРБ. — Ф.249. Оп.1. Д.2. Л. 3.
25. Известия ВЦИК № 170/1313 от 4 августа 1921 г.;
26. НАРБ. — Ф.249. Оп.1. Д.2. Л. 36—36об.
27. НАРБ. — Ф.6. Оп.1. Д.526. Л.5—12.

Ковалева Лариса Аркадьевна

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилев, Беларусь)*

СОЗДАНИЕ БНР В ОЦЕНКАХ Н. С. СТАШКЕВИЧА

Среди основных приоритетов в научной деятельности Н. С. Сташкевича были общественные движения в Белоруссии, основные идейные течения и деятельность политических партий, но, пожалуй, особое внимание он уделял проблемам становления белорусской государственности в XX веке. Значительное количество его работ посвящены деятельности БНР и БССР. Среди них «Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917—1925 гг.)», «Неизбежное банкротство: Из истории политического краха националистических партий в Белоруссии», «Почему не состоялась БНР? Из истории политического банкротства националистической контрреволюции в Белоруссии (1918—1925 гг.)», «Тернистый путь к свободе (к вопросу о становлении белорусской национальной государственности)» и т. д.

Ученый в своих работах использовал широкий круг источников, которые дают целостное представление о деятельности политических партий в Белоруссии, характеризуют развитие межпартийных отношений на различных этапах исторического процесса. В каждом конкретном случае выбор документов определялся целью и задачами той или иной публикации автора.

В фондах Центрального государственного архива Литовской ССР (ЦГА Лит. ССР), он выявил переписку лидеров белорусских политических партий и организаций с правительствами стран Антанты, Литвы, Латвии, Эстонии, Германии и Финляндии, а также материалы представительств Рады БНР

в этих странах. Эти документы раскрывают внешнеполитическую ориентацию Народного секретариата и Рады БНР.

Данные об образовании и деятельности национальных политических партий Н. С. Сташкевич извлек и из материалов, хранящихся в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Беларуси. В частности, в фонде этого архива собраны документы различных национальных партий и организаций, которые раскрывают их политическую линию и тактику в 1917—1925 гг.

Историк подчеркивал, что события, развернувшиеся после победы Октябрьской революции, дают новые факты к пониманию того, как партия большевиков шла к признанию федерации в качестве целесообразной и необходимой формы государственного устройства страны. В исследованиях на конкретном фактическом материале он показал, что в Белоруссии, как и в других национальных регионах страны, поиск форм национально-государственного строительства проходил в обстановке острой классовой борьбы, а также столкновений в самой областной партийной организации. Анализ документов показал, что Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) не ставил вопроса об образовании белорусской национальной государственности после победы Октябрьской революции. Проблема национально-государственного устройства Белоруссии ставилась в зависимость от интересов и перспектив мировой революции.

Осуществление национальной политики в Белоруссии осложнялось и другими обстоятельствами: разрухой, прифронтовым положением края, антисоветским выступлением польского корпуса Довбор-Мусницкого и др. События, происходившие здесь, свидетельствовали о том, что национальный вопрос оказался как бы в фокусе политической борьбы. Буржуазные и право-социалистические национальные партии развертывали борьбу под флагом «полного национального самоопределения», приобретавшего характер буржуазного сепаратизма. На этой платформе произошла интеграция правого крыла БСГ с белорусскими национальными партиями. В исследованиях анализируются установки партий и организаций, придерживавшихся этого политического курса, характеризуется эволюция их тактики в национальном вопросе. В частности, ученый на конкретном фактическом материале подтверждает тот очевидный факт, что под лозунгом «полного национального самоопределения» шла открытая борьба за власть.

В контексте этой борьбы политические противники большевиков особое значение придавали созыву Всебелорусского съезда, который по замыслу его организаторов должен был решить проблему национального самоопределения белорусского народа. Главными организаторами съезда были Белорусская рада, созданная еще при Керенском, руководящая роль в которой принадлежала представителям правого крыла БСГ, и Белорусский областной комитет (БОК) при Исполкоме Всероссийского Совета крестьянских депутатов, стоявший на позициях эсеров.

На съезде были представлены различные политические течения — от членов буржуазных национальных группировок до представителей революционно-демократических партий и организаций. Всего на съезде присутствовало 1872 делегата (из них 1167 делегатов имели решающий голос, 705 — совещательный). Состав делегатов отражал социальную пестроту белорусского наци-

онально-освободительного движения, которое по социально-классовому составу и политическим целям не было единым. По всем коренным вопросам революции, в том числе и по национальному, в нем четко выделялись две линии. Одна из них — линия на буржуазный, другая — на пролетарский путь решения национального вопроса в Белоруссии. Именно этого не учитывало руководство Северо-Западного областного комитета РСДРП(б). Оно не выдвинуло на съезде своей программы национально-государственного строительства. Этим просчетом воспользовались эсеры — представители БОКа, под давлением которых был принят первый пункт резолюции о временной краевой власти. В нем предлагалось утвердить демократический республиканский строй в пределах белорусской земли, а также немедленно образовывать из состава съезда орган краевой власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, которому временно передавалось управление краем и поручалось установить отношения с центральной властью, ответственной перед Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Идея самоопределения Белоруссии, которая шла снизу, от инициативы народных масс, получив отражение в настроении делегатов съезда, была подхвачена радовскими деятелями и поддержана как альтернатива политике Северо-Западного обкома РСДРП(б) в национальном вопросе.

В этой обстановке Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) вместо того, чтобы убедить своих оппонентов и нейтрализовать их политическими методами, пошел на крайнюю меру — революционное насилие. На основании его решения съезд был распущен. Этим самым политические методы борьбы были исчерпаны, и противоборствующие силы перешли к открытой конфронтации.

Н. С. Сташкевич анализирует широкий круг проблем, связанных с деятельностью политических партий и организаций после роспуска Всебелорусского съезда, раскрывает тактику Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) по отношению к этим партиям. В его публикациях сделан вывод о том, что и в условиях, когда немецкие войска угрожали территориальной целостности Белоруссии, партийные комитеты допускали серьезные просчеты в своей тактике по отношению к белорусскому политическому движению. Эта тактика строилась на игнорировании национальной идеи, остававшейся доминирующей в программных установках всех белорусских политических партий и организаций — от буржуазных, мелкобуржуазных до революционно-демократических течений национальной демократии.

В трудах ученых раскрывал политическую сущность Народного секретариата («белорусского правительства», возникшего 21 февраля 1918 г. в Минске) и Рады Белорусской народной республики (образовавшейся 9 марта 1918 г. из членов Исполкома Совета съезда), делал вывод о том, что, по существу, они выполняли функции руководящих центров, которые пытались в условиях немецкой оккупации объединить на «национальной платформе» все политические силы, исключая большевиков, с целью создания белорусской государственности. В их первый состав вошли представители БСГ, правых эсеров, меньшевиков, Бунда, ЕСДРП («Поалей-Цион») — тех политических сил, которые оказались в оппозиции к Советской власти.

В состав Рады БНР и Народного секретариата буржуазные группировки (БПН-С, БХД, Белорусский православный союз, Белорусский союз земель-

ных собственников, Белорусская народная партия) не имели своих представителей, и только после образования политического объединения — «Минского белорусского представительства» — они выступили конкурентами в борьбе за власть. Программные документы этого объединения не выходили за рамки буржуазных требований. В сложившейся обстановке на первый план в создании белорусской государственности выдвинулась БСГ, которая придерживалась радикальных установок в аграрном вопросе (в частности, под ее давлением 9 марта 1918 г. Рада БНР во Второй уставной грамоте провозгласила отмену частной собственности на землю и заявила, что земля передается бесплатно тем, кто ее обрабатывает).

В публикациях Н. С. Сташкевич большое внимание уделяется анализу межпартийной борьбы накануне и в день провозглашения, 25 марта 1918 г., независимости БНР, показывает расстановку политических сил в Раде, отмечается, что эсеры и их политические союзники — меньшевики, Бунд и ЕСДРП («Поалей-Цион») — не поддержали предложения об отделении Белоруссии от России, хотя оно и было выдвинуто белорусскими социалистами.

Анализ документов (протоколов заседаний, стенограмм сессий, переписки и др.) Рады БНР и Народного секретариата позволяет сделать вывод о том, что сам акт от 25 марта 1918 г. не создал белорусской национальной государственности. И хотя ставка в ее создании была сделана на поддержку внешних сил, однако не только страны Антанты, но и германское правительство восприняли недоброжелательно этот акт. Правительства Антанты полагали, что белорусские земли на западе будут сферой влияния буржуазно-помещичьей Польши, а на востоке — белых правительств. Такую же линию проводило и германское правительство.

Ученый не разделяет утверждений тех историков, которые рассматривают БНР как марионеточное государство в руках кайзеровской Германии. Дело в том, что в объявленной БНР отсутствовали элементы, свойственные любой государственности: не было органов власти на местах с их полномочной ответственностью, не имелось установленных границ, не было армии и т. д. Весь аппарат управления формировался оккупационной администрацией и состоял исключительно из ее представителей.

В публикациях приводится фактический материал, который свидетельствует о том, что под влиянием роста революционной борьбы трудящихся против оккупационного режима ускорился процесс разложения политических центров БНР. Его покинули правые эсеры, меньшевики, еврейские социалисты, бундовцы. Н. С. Сташкевич в конечном итоге подчеркивал, что «в силу неблагоприятных для БНР внешнеполитических и внутренних обстоятельств, а вдобавок к тому, из-за непреодоленной изолированности ее деятелей и партий от низов народа, увлеченного идеей Советов, БНР так и осталась неосуществленной надеждой. Тем не менее это была важная страница нашей истории, определенный этап в становлении государственности белорусского народа» [1].

Библиографический список.

1. Сташкевич, Н. Тернистый путь к свободе. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности / Н. Сташкевич, Р. Платонов. // Неман. — 1992. — № 10. — С. 148.

Латушкін Андрэй Мікалаевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

МЕСЦА АРХІўНАЙ СПАДЧЫНЫ Вялікага княства Літоўскага ў Працэсах дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі ў XX ст.

У 2017 г. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка ў выступленні прысвечаным Дню Незалежнасці Беларусі, выразна падкрэсліў факт старажытнасці беларускай дзяржаўнасці, адносячы яе вытокі да IX ст., Вялікае Княства Літоўскае, выдатныя дасягненні яго дзяячоў, такія як кнігадрукаванне, статуты ВКЛ на старабеларускай мове, названыя ім неад'емнай часткай шляху беларускага народа ў яго спрадвечным імкненні да незалежнасці [1]. У даным артыкуле аўтар хацеў бы засяродзіцца толькі на невялікім, але істотным у праблематыцы гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага (далей — ВКЛ) аспекце — тэме архіва ВКЛ як дзяржавы, яго лёсу і месца ў палітыцы нацыянальнага дзяржаўнага будаўніцтва пазнейшых утварэнняў — БНР, БССР і Рэспублікі Беларусь. Дадзенае пытанне мае значэнне ў першую чаргу з пункту гледжання прыроды такой з'явы як сама дзяржаўнасць. Найважнейшым атрыбутам любой дзяржавы, сведчаннем яе незалежнасці, з'яўляецца дзяржаўны архіў. Ён фарміруецца пры кіраўніку дзяржавы або пры вышэйшым органе ўлады і канцэнтруе ў сабе найважнейшыя прававыя акты, якія падцвярджаюць правасуб'ектнасць (самастойнасць) на міжнароднай арэне і замацоўваюць раўнапраўнае месца сярод іншых краін (дамовы ўзроўню «дзяржава — дзяржава»), утрымліваюць нормы, якія ляжаць у аснове канстытуцыйнага ладу (дамовы ўзроўню «дзяржава — грамадзяне»), рэгулююць сацыяльныя праваадносіны (ўзровень «грамадзянін — грамадзянін»). Пазбаўленне таго або іншага дзяржаўнага ўтварэння яго архіва выступае актам адного парадку з пазбаўленнем той або іншай дзяржавы яе незалежнасці. Працэс вяртання дзяржаўнага архіва (у любой форме) — прыкмета аднаўлення страчанай дзяржаўнасці.

Аснову дзяржаўнага архіва ВКЛ («архіва ВКЛ») складаў комплекс арыгіналаў найважнейшых прававых актаў агульнадзяржаўнага значэння, месцам захоўвання якіх першапачаткова выступаў «земскі скарб». Ён уключаў некалькі груп дакументаў, сярод якіх найбольш буйнымі былі: 1) агульназемскія прывілеі ВКЛ; 2) міравыя пагадненні паміж ВКЛ і вялікімі князямі маскоўскімі, гаспадарамі малдаўскімі і іншымі дамовы знешнепалітычнага характару; 3) акты ўніі ВКЛ і Каралеўства Польскага; 4) дакументы аб зносінах вялікіх князёў літоўскіх з Ватыканам [2]. Адначасова існаваў архіў вялікай і малой канцылярыі ВКЛ, які ўтвараў т. зв. Метрыку ВКЛ. Абодва масівы ў навуцы трактуюцца як самастойныя, тэрмін «дзяржаўны архіў ВКЛ», «архіў ВКЛ» як уласна арыгіналы актаў на Метрыку ВКЛ спецыялістамі не распаўсюджваецца (Э. Д. Банёніс, А. Я. Рыбакоў, А. І. Груша) [3, с. 74, 75–76]. Аднак, можна сцвярджаць, што ў канцы XVIII ст. напярэдадні падзелаў Рэчы Паспалітай, комплекс арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў і Метрыка ВКЛ уяўлялі сабой дзве галоўныя складаючыя часткі архіва дзяржавы. Пасля паўстання 1794 г., згодна з пунктам 5 указу імператрыцы Кацярыны II, выдадзенага А. В. Суво-

раву 21 лістапада (2 снежня) 1794 г. былі канфіскаваныя і вывезеныя з Варшавы ў Расію архівы Каралеўства Польскага: 1) т. зв. Каронная Метрыка — аналаг Метрыкі ВКЛ; 2) Архіў скарбца Каралеўства Польскага («Кароннага») — аналаг комплекса арыгіналаў актаў архіва ВКЛ. Той жа загад распаўсюджваўся і на Метрыку ВКЛ [4, с. 92]. Асноўная яе маса к канцу XVIII ст. таксама была сканцэнтравана ў Варшаве. Частка кніг, верагодна, захоўвалася ў Вільні (касцёл Св. Казіміра) [5, с. 56]. У студзені 1795 г. архівы «Рэчы Паспалітай абодвух народаў» ужо знаходзілася Санкт-Пецярбурзе (архіў Сенату). Аднак на тэрыторыі краіны засталася частка комплекса арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў архіва ВКЛ — найбольш старажытныя і каштоўныя акты за канец XIV–I-ю пал. XVII стст., якія адлюстроўвалі пераважна «далюблінскі» перыяд у гісторыі Беларусі. Даны комплекс захоўваўся ў складзе прыватных архіваў роду князёў Радзівілаў, ардынатаў нясвіжскіх. Да іх дакументы патрапілі ў другую палову XVII ст., верагодна, праз прадстаўнікоў лініі на Біржах і Дубінках — ваяводу віленскага, вялікага гетмана ВКЛ Януша (1612—1655) і канюшага ВКЛ Багуслава (1620—1669) Радзівілаў. Пасля смерці князя Багуслава Радзівіла яны патрапілі ў валоданне нясвіжскай галіны роду (не пазней 1685 г.). Канстытуцыя сейма Рэчы Паспалітай 1768 г. узаконьвала такі стан рэчаў шляхам падтверджання прывілея Жыгімонта II Аўгуста ад 3 лістапада 1551 г. на ганаровае права захоўвання Радзівіламі нясвіжскай галіны агульназемскіх прывілеяў ВКЛ, хоць, як стала вядома пазней, прывілей 1551 г. з’яўляўся фальсіфікатам [6]. На 1790 г. комплекс знаходзіўся ў Нясвіжскім замку, пазней быў пераможаны дзеячамі роду ў Нябораў, рэзідэнцыю ваяводы віленскага Міхала Гераніма Радзівіла (1744—1831). Там дакументы зберагаліся на працягу ўсяго наступнага стагоддзя і вернутыя ў Нясвіжскі замак былі толькі ў пач. XX ст. У жніўні 1915 г. комплекс арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў архіва ВКЛ быў эвакуаваны з Нясвіжа, а не пазней 1920 г. пераможаны Радзівіламі ў Варшаву.

Адметна тое, што гэта ўнікальнае сведчанне былой дзяржаўнасці ВКЛ, яе сімвал Радзівілы не перадалі тады адноўленай Польшчы. Тая ж, у сваю чаргу, фактычна заявіла аб правапераемнасці з Рэччу Паспалітай, прэтэндавала на архіўную спадчыну былых Каралеўства Польскага і ВКЛ, дабілася згодна з Рыжскай мірнай дамовай 1921 г. маштабнага вяртання архіваў з тэрыторыі Расіі, прад’яўляла прэтэнзіі на Метрыку ВКЛ (беспаспяхова). Дзяржаватворчыя працэсы ў Літве, як нагода перадачы архіва, князямі таксама былі праігнараваныя. Радзівілы прадаўжалі захоўваць яго ў прыватных руках. Уключэнне збора ў склад Галоўнага архіва старажытных актаў Польшчы (Archiwum Główny Akt Dawnych, далей — ГАСА) адбылося толькі ў 1946 г., фактычна шляхам яго нацыяналізацыі. У гэтай сувязі прынцыпова важным падзея стаўленне да названага архіва беларускіх дзяржаўных утварэнняў, якія ўзніклі на нашай тэрыторыі ў выніку падзей 1917 г. Існуе пэўная спецыфіка разгляду гэтага пытання ў межах савецкага перыяду. У сувязі з дастаткова позняй распрацоўкай праблемы ў гістарыяграфіі (1902—1932 гг., Польшча) і акрэсліваннем яе ў беларускай гістарычнай навуцы фактычна толькі ў 1990-я гг., праблему ў названы час мэтазгодна разглядаць комплексна — у кантэксце мерапрыемстваў па вяртанні Метрыкі ВКЛ [6].

Вядома, што заклікі аб вяртанні ў Беларусь архіваў, вывезеных у Расію падчас Першай Сусветнай вайны рабіліся ад імя беларусаў-вайскоўцаў

Заходняга фронту і ўрада Беларускай Народнай Рэспублікі (далей — БНР). Аднак гэтыя спробы прызнаныя беспаспяховымі. Існуюць звесткі, якія дазваляюць сцвярджаць, што ў 1920 г. ўрад БНР прадпрымаў меры супрацьдзейня планам Літвы дабіцца ад РСФСР перадачы Метрыкі ВКЛ у Коўно [7, с. 4].

У савецкі перыяд вырашалыны ўплыў на разглядаемае пытанне мелі фатычнае падпарадкаванне БССР цэнтральным партыйным і дзяржаўным органам РСФСР, пазней — СССР, адсутнасць самастойнасці ў знешнепалітычнай дзейнасці. Тым не менш, і дадзенае становішча дазваляла кіраўніцтву краіны ўзняць акрэсленыя пытанні ў межах рэалізацыі палітыкі нацыянальнага дзяржаўнага будаўніцтва, а са стварэннем СССР — выкарыстаць магчымасць іх вырашэння ў межах цэнтралізаванай архіўнай галіны СССР і мер па вызначэнні няпрофільных фондаў, перазмеркаванні дакументаў паміж саюзнымі рэспублікамі [8, с. 150].

Вядучую ролю ў працэсах вяртання архіваў у БССР у 1920-я гг. адыграў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Гістарычнае права Беларусі на адну з важнейшых частак архіўнай спадчыны ВКЛ як дзяржавы — Метрыку ВКЛ — даказваў першы рэктар БДУ У. І. Пічэта (1878—1947). Ён называў яе найвялікшым помнікам беларускай мовы і культуры [9, с. 647—648]. Пазіцыя абароны Метрыкі ВКЛ ад перадачы Польшчы або Літве была прадэманстравана ім у 1920—1921 гг. і 1923—1924 гг. як экспертам савецкага боку пры выпрацоўцы і рэалізацыі палажэнняў Маскоўскай дамовы аб міры паміж РСФСР і Літвой ад 12 ліпеня 1920 г. (артыкул IX) і Рыжскай мірнай дамовы 18 сакавіка 1921 г. (артыкул XI) [10, с. 49, 62—63, 67, 70—73, 75, 76; 14, 69—76]. Дзейнасць вучонага па абароне інтарэсаў Беларусі адносна Метрыкі ВКЛ на міжнародным узроўні была прадоўжана і пазней [10, с. 139; 4, с. 96]. Яна высока ацэньвалася ў БССР: адным з важнейшых форумам прадстаўнікоў архіўнай галіны 1924 г. У. І. Пічэце была выказана падзяка «за адстаіванне беларускіх архіваў» [цыт. па: 11, с. 23].

Разам з У. І. Пічэтам у 1920-я гг. увасабленнем ідэі вывучэння помнікаў беларускага права і вяртання Метрыкі ВКЛ былі і знакамітыя вучоныя — доктар гістарычных навук, прафесар БДУ М. В. Доўнар-Запольскі (1867—1934); дацэнты Дз. І. Даўгяля (1868—1942), В. Д. Дружыца (1886—1937) і інш. Выключна важнае значэнне для вырашэння праблемы вяртання ў БССР Метрыкі ВКЛ з РСФСР, абароны яе ад прэтэнзій іншых дзяржаў, мелі 1-я Усебеларуская канферэнцыя архіўных работнікаў 12—15 мая 1924 г., Першы з’езд даследчыкаў беларускай археалогіі і археаграфіі 17—18 студзеня 1926 г. Названыя мерапрыемствы атрымалі падтрымку вышэйшага кіраўніцтва рэспублікі [5; 12]. Ганаровымі старшынямі з’езду 1926 г. з’яўляліся: старшыня ЦВК БССР А. Р. Чарвякоў, старшыня СНК БССР Я. А. Адамовіч, 1-ы сакратар ЦК КП(б)Б А. І. Крыніцкі і інш. Намеснік народнага камісара асветы А. В. Баліцкі у вітальным слове адзначаў: «Адным з цікавейшых помнікаў з’яўляецца Літоўская Мэтрыка, якая знаходзіцца ў Маскве. Польшча дамагаецца ад СССР, каб гэты наш помнік забраць да сябе. Мы павінны заявіць тут, што гэты помнік старасьветчыны — наш, і *толькі Беларускай Савецкай ўлада* мае на яго права» (выдзелена — А. Л.) [5, с. 8]. Рэзалюцыі абодвух форумам патрабавалі вяртання архіваў, вывезеных з Беларусі ў дарэвалюцыйны час і ў часы акупацый, і былі скіраваныя супраць выдачы «архіваў

Літоўскай метрыкі» Польшчы, Літве або іншым дзяржавам*. Рэзалюцыя № 1 з'езду 1926 г. патрабавала «як найхутчэй перавезці архіўны фонд Метрыкі Літоўскай у БССР» [5, с. 5–6].

Намаганні айчынных навуковай эліты, а таксама вышэйшага дзяржаўнага кіраўніцтва садзейнічалі прыняццю пастановы Прэзідыума ЦВК СССР аб задавальненні хадайніцтваў ЦВК Беларускай ССР і Украінскай ССР аб вяртанні архіваў з РСФСР і стварэнні адпаведнай сумеснай камісіі з прадстаўнікоў зацікаўленых бакоў (18 верасня 1925 г.). Пазіцыя БССР адносна прэтэнзій на дакументы перыяду ВКЛ фармулялася ў межах дзейнасці камісіі наступным чынам: прад'яўляць прэтэнзіі на «усе дакументы Вялікага княства Беларуска-Літоўскага, якія ня маюць адносін да УССР» [11, с. 81–82; 13, с. 570–571]. У складзеных камісіяй БССР спісах матэрыялаў айчыннага паходжання ў РСФСР, акрамя Метрыкі ВКЛ заяўлены і акты (арыгіналы і копіі), якія мелі адносіны да комплекса арыгіналаў актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ**.

На першапачатковым этапе дзейнасці камісіі (лістапад 1925 г.) праблема перадачы Метрыкі ВКЛ БССР знаходзіла паразуменне. Працэс стрымлівала адсутнасць канчатковага рашэння аб перадачы гэтага фонда Польшчы. У далейшым пытанне сустрэла вострую апазіцыю з боку дзеячоў Цэнтрархіва РСФСР і расійскіх вучоных. У якасці контраргумента адносна выдачы саюзным рэспублікам каштоўных гістарычных актаў са складу рукапісных фондаў устаноў Масквы і Ленінграда выступала ідэя забароны на парушэнне цэласнасці фондаў і калекцый. Цалкам спыніла названыя працэсы стварэнне ў 1929 г. саюзнага органа па кіраванню архіўнай справай і распрацоўка норм аб канцэнтраванні ў саюзным цэнтры архіўных матэрыялаў «агульнасаюзнага значэння» [14, с. 95–113].

Павышэнне актыўнасці ў пытаннях рэстытуцыі беларускіх архіваў адбылося ў канцы 1939 г. Яно звязана з увядзеннем савецкіх войск у Заходнюю Беларусь і працэсам аб'яднання БССР. Падзеі, якія ў сувязі з гэтым адбыліся ў сферы архіваў краіны, дэманструюць выразнае прыхільнае стаўленне тагачаснага кіраўніцтва рэспублікі да пытанняў вяртання з Польшчы і Літвы на Беларусь архіўных матэрыялаў, створаных на яе тэрыторыі. Яны былі спробай

* «Заслухаўшы даклад праф. У. І. Пічэты аб уплыву дагавораў РСФСР з утварыўшыміся дзяржавамі на стан беларускіх архіваў і прымаючы пад увагу вялікую значнасць Літоўскай метрыкі як асноўнага грунтоўнага гістарычнага матэрыялу, застаўшагася ад мінулых часоў Беларускай дзяржавы, без якога не магчымы навуковыя высяяды мінулага Беларусі (выдзелена — А. Л.), а гэтак сама значнасць другіх беларускіх каштоўных архіўных матэрыялаў, на якія пратандавалі і пратандуюць занава ўтварыўшыся дзяржавы, нарада архіўных працаўнікоў БССР знаходзіць патрэбным даручыць Цэнтрархіву БССР з'яўрнуцца ў ЦВК СССР аб недапушчэнні вывазу беларускіх архіўных матэрыялаў з тэрыторыі СССР у Польшчу, Латвію, Літву і др. дзяржавы і прыняць меры аб звароце на Беларусь архіўных матэрыялаў, якія былі вывезены з Беларусі ў дарэвалюцыйны час і ў часы розных акупацый» [12, с. 52, 54].

** «Грамоты удельных князей Литовских» — были архіў Міністэрства замежных спраў, фонд т. зв. «Древлехранилища» («государственное древлехранилище хартий, рукописей и печатей», створана ў Маскве ў 1851 г. як аддзел «Збройнай палаты», з 1882 г. у складзе Маскоўскага Галоўнага архіва Міністэрства замежных спраў, у цяперашні час — РДАСА); «3. Грамоты Вел(икого) Кн(яжества) Литовского, переданные при перевозке Литовской Метрики из Сената в Московский архив М(инистерства) Юстиции» [11, с. 91]; Дзяржаўная Публічная бібліятэка ў г. Ленінградзе, аддзел рукапісаў: зборнік з копіямі агульназемскіх прывілеяў ВКЛ і іншых дзяржаўна-прававых актаў за перыяд 1413 г. — не пазней 1587 г., створаны ў перыяд кіравання Стэфана Баторыя як афіцыйна завераная копія актаў названага віду; акты (пераважна — копіі) з архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў [5, с. 31–32, 34–35; 2, с. 252–263].

праяўлення самастойнасці ў вырашэнні даных пытанняў. Так, у 1940 г., пасля перадачы Акадэміі Навук БССР дакументаў Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў, яе кіраўніцтвам быў ініцыяваны працэс прад'яўлення прэтэнзій ураду Пальшчы на частку архіва, вывезеную Радзівіламі з Нясвіжа ў Варшаву ў перыяд 1919—1939 гг. 2 сакавіка 1940 г. віцэ-прэзідэнт Акадэміі навук БССР С. М. Ліпатаў звяртаўся ў Цэнтральны Камітэт КП(б)Б і Савет Народных Камісараў БССР з просьбай аб прыняцці адпаведных мер. Важна тое, што менавіта гэта частка ўтрымлівала дакументы дзяржаўнага архіва ВКЛ^{*}. Далейшы ход справы па ўзнаўленні савецкім бокам цэласнасці Нясвіжскага архіва, а значыць і гіпатэтычным вяртанні дакументаў дзяржаўнага архіва ВКЛ, прыпыніла Вялікая Айчынная вайна. Апісаная вышэй падзея была не адзінай з шэрагу тых, якія адбыліся ў 1939—1941 гг. і адносіліся да справы архіваў былога ВКЛ на Беларусь [16]. Даныя факты сведчаць, што архівы беларускага паходжання, у тым ліку дакументальная спадчына ВКЛ, разглядалася тагачасным савецкім кіраўніцтвам БССР як набытак беларускага народа.

У пасляваенны час найбольш актуальнай задачай галіновых дзяржаўных органаў краіны выступала аднаўленне цэласнасці архіўнага фонда БССР, які панёс непамерныя страты падчас Вялікай Айчыннай вайны, пошук і вяртанне вывезеных акупантамі дакументаў, наладжванне працы архіваў і ўдасканаленне самой сеткі дзяржаўных архіўных устаноў. Адначасова адным з асноўных у канцы 1940-х—пач. 1960-х гг. становіцца і пытанне вяртання дакументальнай спадчыны Беларусі перыяду ВКЛ з архіваў Расіі і саюзных рэспублік — як мера ўдакладнення фондавай прыналежнасці дакументаў архіваў саюзных рэспублік [14, с. 155—156]. Можна сцвярджаць, што архіўныя ўлады рэспублікі выразна дэманстравалі ў гэтым пазіцыю ў інтарэсах Беларусі. Так, калі ў 1948 г. узнікала пагарза перамяшчэння ў Маскву ў Цэнтральны дзяржаўны архіў старажытных актаў (ЦДАСА) усіх фондаў перыяду ВКЛ і Рэчы Паспалітай, кіраўніцтва архіўнай галіны рэспублікі не толькі здолела гэта перадухіліць, але актыўна выступіла за перадачу падобных матэрыялаў БССР, у тым ліку з ЦДАСА, дзе захоўвалася Метрыка ВКЛ^{**}. Аднак гэтыя намаганні ні ў той час, ні пазней плёну не мелі. У 1960-я гг. кіраўніцтва архіўнай галіной СССР заяўляла: «... Вопрос о Литовской Метрике давно решен и в будущем к нему не следует возвращаться ни в письменном, ни в устном виде» [17, с. 33]. Канец 1950-х — пач.

* «Выходзячы з таго, што матэрыялы Нясвіжскага архіва з'яўляюцца архіўнымі дакументамі былых устаноў на тэрыторыі БССР, Літоўскай ССР, Украінскай ССР, г. зн. — СССР, і што гэтыя архіўныя матэрыялы адлюстроўваюць гісторыю беларускага, літоўскага і ўкраінскага народаў, лічым, што ўсе матэрыялы Нясвіжскага архіва, вывезеныя беларусамі ў Варшаву, належаць і павінны быць адданы народам СССР. Таму Акадэмія навук БССР просіць Цэнтральны камітэт КП(б)Б і Савет Народных Камісараў БССР аб прыняцці адпаведных мер для зварту з Варшавы матэрыялаў Нясвіжскага архіва» [15, с. 100].

** Заключны дакумент нарады Архіўнага ўпраўлення МВД БССР ад 8 жніўня 1948 г. «Учтывая істэрычэскія асабэннасці развіцця Беларусіі, в рэзулътате каторых большое кочыцтво дакументальных матэрыялов, атоносыхся к тэрыторыі Беларусскай ССР, оказылись вне ее пределов и в настоящее время находятся в Центральном государственном архиве Литовской ССР и Центральном государственном архиве древних актов (выделена — А. Л.), Архивное управление МВД БССР просит Главное архивное управление дать распоряжение Центральному государственному архиву Литовской ССР и Центральному государственному архиву древних актов о передаче всех материалов, относящихся к территории Белоруссии, в Центральный исторический архив Белорусской ССР и его филиал, чем создать научную базу для изучения истории Белоруссии с древнейших времен» [Цыт. па: 14, с. 161].

1960-х гг. азнаменаваўся і паўторнай спробай ініцыявання вяртання з Польшчы архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў. У 1959 г., 1960 г. кіраўніцтва архіўнай службы БССР накіроўвала інфармацыю аб ім у Галоўнае архіўнае ўпраўленне СССР, аднак безвынікова [14, с. 169, 176]. Актыўныя намаганні Галоўнага архіўнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў БССР вярнуць у пасляваенны перыяд частку архіўнай «радзівіліяны» з Літоўскай ССР сутыкнуліся з моцным супраціўленнем літоўскіх архівістаў.

Вяртанне Метрыкі ВКЛ у Беларусь адбылося ў 1992 г. Аб завяршэнні праекта прадстаўнікамі дзяржаўнай архіўнай службы было паведамлена 28 студзеня 1992 г. на адным з паседжанняў камісіі «Вяртанне». Мікрафільмы (пазітывы) з фонда № 389 ЦДАСА былі ўключаны ў склад Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ) у выглядзе калекцыі «КМФ-18» (663 адзінкі захоўвання). Выраб копій адбываўся за кошт беларускага боку [18; 14, с. 200, 202].

Такім чынам, узбуджэнне пытання вяртання Метрыкі ВКЛ і комплекса арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ у перыяд 1917—2017 гг. суправаджала працэсы дзяржаўнага будаўніцтва ўсіх форм дзяржаўных утварэнняў — БНР, БССР і Рэспублікі Беларусь. Яго ўзняцце супадала з найбольш важнымі этапамі ў жыцці краіны, такімі як стварэнне дзяржавы, пашырэнне яе тэрыторыі (узбуйненні БССР 1924 г. і 1926 г., далучэнне Заходняй Беларусі), абвяшчэнне незалежнасці (1991 г.). Метрыка ВКЛ пазіцыянавалася ў іх як галоўны архіў цэнтральнага органа кіравання і разглядалася кіраўніцтвам рэспублікі, інтэлектуальнай элітай як важны элемент у працэсах дзяржаўнага будаўніцтва, з акцэнтам на яе крыніцазнаўчую каштоўнасць. Асноўная роля ў ініцыяванні пытання, навуковым абгрунтаванні, арганізаваным і інфармацыйным суправаджэнні яго вырашэння належала прафесарска-выкладчыцкаму складу і кіраўніцтву Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Найбольш істотным вынікам гэтых працэсаў стала набыццё ў 1992 г. органамі дзяржаўнай архіўнай службы Беларусі копіі Метрыкі ВКЛ ў форме т. зв. міклафільмаў. Пытанне вяртання ў той або іншай форме комплекса арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў у перыяд 1917—1991 гг. асобна не фармулявалася па прычыне недастатковасці інфармацыі аб гісторыі і месцазнаходжанні комплекса, яго статусе як часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ. Аднак вялікае навуковае і гісторыка-культурнае значэнне актаў комплекса выразна прасочваецца ў кантэксце апісання каштоўнасці і абгрунтавання вяртання на Беларусь Метрыкі ВКЛ, а таксама дакументаў архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў.

За перыяд 1991—2017 гг. нягледзячы на распаўсюджванне інфармацыі і з’яўленне спецыяльных даследаванняў аб складзе архіва ВКЛ, пытанне стварэння электронных копій з асноўнай часткі комплекса арыгіналаў, што захоўваецца ў Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве, вырашана не было [8]. Прэтэнзіі на вяртанне арыгіналаў спецыялісты прызнаюць бесперспектыўнымі [4; 14]. Профільныя архівы (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі) пры прыняцці рашэння аб капіраванні матэрыялаў ГАСА аддавалі перавагу іншым матэрыялам, пераважна — гаспадарча-эканамічнага характару. На цяперашні час дзяржаўныя архівы Беларусі не маюць на сваім захоўванні ніводнага дакумента са складу названага комплекса ні ў форме

арыгіналу, ні і ў форме электроннай копіі. Падзея, ва ўмовах, калі Беларусь стала незалежнай дзяржавай, у працэсе вяртання нашых архіўных багаццяў прыярытэтная роля павінна адводзіцца дакументальным помнікам-симвалам беларускай дзяржаўнасці. У лагічнай структуры НАФ перыяду ВКЛ і Рэчы Паспалітай, дзяржаўны архіў ВКЛ і, у прыватнасці, комплекс арыгіналаў актаў несумненна займае цэнтральнае месца. Яго вартасць падкрэсліваецца і тым, што комплекс захоўваўся ў Нясвіжы і непарыўна звязаны з архіўнай і бібліятэчнай спадчынай роду Радзівілаў ардынатаў нясвіжскіх, унесенай у рэестр UNESCO у 2009 г. Найбольш перспектыўным шляхам яго аднаўлення з'яўляецца выраб якасных электронных копіяў, уключэнне іх у склад НАФ на правах арыгіналаў і атрыманне Рэспублікай Беларусь усіх правоў на іх выкарыстанне.

Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае займае выключна важнае месца ў гісторыі Беларусі другой паловы XIII—канца XVIII стст. Яно з'яўлялася адной з самых магутных і развітых краін Еўропы. Гэта была поліэтнічная і поліканфесійная дзяржава, але ў яе тэрытарыяльнай, этнічнай, культурнай аснове знаходзіліся беларускія землі, іх насельніцтва, іх культура і вера. Даны факт робіць ВКЛ не проста неаддзельнай часткай нашай гісторыі — гэта сама наша гісторыя і, што найбольш важна, — частка гісторыі дзяржаўнасці Беларусі. Успрыняцце Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага як неад'емнай часткі гісторыі беларускага народа, адной з форм яго дзяржаўнасці ў названы перыяд, аднаго з ключавых этапаў у гісторыі фарміравання сучаснай незалежнай Беларусі, разуменне яе пераемнасці з ВКЛ — маюць надзвычай важнае значэнне для цяперашняга перыяду развіцця краіны ў цэлым, і для падыходаў да аднаўлення паўнаты культурнай спадчыны беларускага народа, у прыватнасці^{*}. Сцвярджаліны і адназначны адказ на такія пытанні — ўмова фарміравання ў народа цэласнага ўспрыняцця сваёй гісторыі і разумення ролі сваёй краіны ў гісторыі Усходняй і Цэнтральнай Еўропы, разумення сябе, умова фарміравання фундаментальных асноў патрыятызму — самапавагі, гонару за прыналежнасць да народа, з якога паходзіш, а значыць высокай адказнасці перад суродзіцамі і клопату за будучыню Беларусі. Члены Рады І-га Усебеларускага кангрэса 1917 г., як і дзесяткі, сотні іншых слаўных дзеячоў свайго часу адказалі б на пастаўленае пытанне станоўча^{**}. Выдатныя вучоныя-славісты з сусветным імем займалі тую ж пазіцыю. У. І. Пічэта яшчэ ў 1922 г. сфармуляваў канцэптуальны падыход да распрацоўкі гісторыі самастойнай беларускай дзяржавы, ён сцвярджаў: «Разглядаць гісторыю Беларусі як частку гісторыі Маскоўшчыны, Літвы ці Польшчы — цяпер ужо шкодна. Трэба безадкладна будаваць гісторыю беларускага народу, яго культурнага, эканамічнага і палітычнага жыцця, яго імкненняў і барацьбы, ацэньваючы факты з пункту гледжання інтарэсаў самаго беларускага народу, а ня тых

* У межах канферэнцыі, якой прысвечаны зборнік, яе ўдзельнікамі адзначаліся факты зваротаў прадстаўнікоў самых розных сацыяльных і прафесійных груп сучаснага грамадства адрасаваных гісторыкам, з наступным зместам: «Вялікае Княства Літоўскае — гэта наша дзяржава?»

** Рада Першага Усебеларускага З'езда час страты незалежнасці адносіла да падзей 1569 г. і Люблінскай уніі: «У часе сусветнай вайны, што бурывыць адны моцныя дзяржавы і аслабленне другіе, абудзілася Беларусь да дзяржаўнага жыцця. Пасля трох с паловаю якоу і няволі ізноу на увесь сьвет кажа беларускі народ аб тым, што ён жыве і будзе жыць». [І-я] Устаўная грамата Выканаўчага Камітэту Рады Першага Усебеларускага З'езда Мінск, 9 сакавіка 1918 г. [20, с. 52].

ці іншых дзяржаўных арганізацый, якія над беларускім народам у розныя часы панавалі» [цыт. па: 10, с. 201]*.

Кожны народ мае ўласную гісторыю, яна — ўнікальная. Шлях да дасягнення дзяржаўнай незалежнасці ў кожнага народа свой. Кожны этап гэтага шляху — святы. І дасягнуўшы мэты, мы павінны прыкласці ўсе намаганні, каб нават самае дробнае сведчанне гэтага шляху — не страціць, а страціўшы — знайсці і зберагчы, як зберагаюць частку сябе.

Бібліяграфічны спіс

1. Государство — это мы: Выступление Президента на торжественном собрании, посвященном Дню Независимости Республики Беларусь, 1 июля 2017 г. // СБ Беларусь сегодня. — № 125. — 4.07.2017 г.
2. Латушкін, А. М. Рээстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. і яго значэнне для рэканструкцыі складу комплексу арыгіналаў актаў кан. XIV — пач. XVII стст. / А. М. Латушкін // Беларускі археаграфічны штогоднік. — 2017. — Вып. 18. — СС. 247—264.
3. Рыбакоў, А. Я. Арганізацыя дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў канцы XV—XVII ст. / А. Я. Рыбакоў // Архівы і справаводства. — 1999. — № 2. — С. 70—76.
4. Шумейка, М. Ф. Гісторыка-прававыя і маральна-этычныя аспекты рэстытуцыі ў адносінах да беларускіх архіваў / М. Ф. Шумейка // Архівы і справаводства. — 2000. — № 4. — СС. 91—100.
5. Працы Першага з'езда даследчыкаў беларускай археалогіі і археаграфіі, 17—18 студзеня 1926 г. — Мн.: Інбелкульт, 1926. — 86 с.
6. Латушкін, А. М. Дзяржаўныя акты Вялікага княства Літоўскага ў складзе Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў: стан і накірункі даследавання праблемы / А. М. Латушкін // Мінулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў. — Мінск: БелНДІДАС, 2010. — С. 31—37.
7. Даўгяла, Дз. І. Літоўская Мэтрыка і яе каштоўнасць для вывучэння мінуўшчыны Беларусі / Дз. І. Даўгяла; прадм. К. Б. Езавітава. — Рыга: Беларус. Выд-ва ў Латвіі, 1933. — 14 с.
8. Гернович, Т. Д. Возвращение белорусских документальных ценностей, оказавшихся за пределами Республики Беларусь: опыт и перспективы / Т. Д. Гернович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — 2017. — Вып. 18. — СС. 150—158.
9. Пичета, В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития) / В. И. Пичета; под ред. З. Ю. Копысского [и др.]. — М.: Изд. АН СССР, 1961. — 812 с.
10. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: С. У. Абламейка (адк. рэд) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2011. — 375 с.
11. Шумейко, М. Ф. Собрать рассеяное / М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 1997. — 153 с.
12. Первая всебелорусская конференция архивных работников 12—15 мая 1924 г. Документы и материалы / Сост. М. Ф. Шумейко. — Мн.: БелНИИДАД, 1999. — 147 с.
13. Доўнар-Запольскі, М. В. Выбранае; уклад., прадм. В. М. Лебедзевай; каментар Валянціны Лебедзевай [і інш.]. — Мінск: Беларуская навука, 2017. — 668 с.
14. Шумейко, М. Ф. Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов / М. Ф. Шумейко. Минск: БелНИИДАД, 2013. — 269 с.

* Прафесар У. І. Пічэта прызнаваў мэтазгоднасць выкарыстання ў дачыненні да ВКЛ тэрміна «Беларуска-Літоўская дзяржава» [10, с. 204]. Гэту пазіцыю падзялялі выдатныя дзеячы айчынай гістарычнай навуцы першай паловы XX ст. В. Доўнар-Запольскі — «Вялікае Княства Беларуска-Літоўскае», «Беларуская дзяржава»; Дз. І. Даўгяла — «Беларуска-Літоўская дзяржава», «вялікія князі Беларускія і Літоўскія»; В. Д. Дружчыц — «Літоўска-Беларуская дзяржава» [13, с. 439—504, 520; 5].

15. Высоцкая, Н. Ф. О Несвижской коллекции по документам ЦК КПБ 1939—1941 гг. / Н. Ф. Высоцкая, А. Н. Михальченко // Вяртанне-7; БФК [і інш.]; рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.].—Мінск: Бел. фонд культуры, 2002. — С. 99—100.

16. Шумейко, М. Ф. Неудавшаяся попытка интеграции бавшего Виленского исторического архива в Исторический архив Белорусской академии наук (октябрь 1939—1941 г.) / М. Ф. Шумейко // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. — М.: Архив РАН, 2013 г. — С. 250—260.

17. Ягелявичюс, С. О том, каким образом микрофильмы Литовской Метрики оказались в Литве / С. Ягелявичюс // Новости Литовской Метрики. — № 3. — 1999. — С. 32—40.

18. НГАБ. — КМФ-18. — Вопіс спраў Літоўскай Метрыкі (архіва канцылярыі Вялікага Князя Літоўскага) XV—XVIII стст. / склад. А. А. Лашкевіч. 1998 г. — 69 с.

19. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Беларускі інстытут навукі й мастацтва [і інш.]; уклад.: Сяргей Шупа (уклад., падрыхтоўка тэксту, камент., пер.). — Вільня, Нью-Ёрк, Менск, Прага, 1998. — Т. 1. — Кн. 1. — 850 [16] с.

Ларионов Денис Геннадьевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

РЕВОЛЮЦИЯ: ЗА И ПРОТИВ. КАТОЛИЧЕСКИЙ ПОДХОД

2017 год является годом нескольких знаковых юбилеев, связанных с крупными историческими событиями: 500-летие начала Реформации, 100-летие завершения революции и гражданской войны в Мексике, 100-летие двух революций в России.

Все эти события имели революционное значение, изменив ход истории не только в непосредственном времени и месте, но и в историческом масштабе. Эти события имели также связь с Католической Церковью. Реформация затронула Церковь самым непосредственным образом, поскольку происходила в ее лоне и имела следствием раскол западного христианства и изменение судьбы Европы и мира. Революция и гражданская война в Мексике затрагивала Церковь несколько иначе: происходила в католической стране, и установившийся впоследствии режим радикально изменил взаимоотношения государства и Церкви. Наконец, Российская революция привела, с одной стороны, к созданию независимых государств двумя католическими народами — поляками и литовцами, однако, в то же время, оказалась одним из самых серьезных в новейшее время вызовов для традиционной христианской духовности и христианского социального идеала.

Следует с самого начала отметить, что отношение Церкви к политическим и социальным революциям начало получать оформление во времени Французской революции конца XVIII в. Среди историков существует мнение, что эта революция определила реакцию папства на большинство новых тенденций современности, вплоть до XX в. [13, р. XXI], более того, само современное папство началось в связи с Французской революцией, поскольку в 1791 г. некоторые территории Папского государства были включены в состав Франции [14, р. 499]. Более того, новая реальность, утвердившаяся в Европе, привела к тому, что Церковь вступила в выраженный конфликт с более либеральным обществом и с современной цивилизацией в целом [12, р. 853].

Эта взаимосвязь Французской революции с предшествующими негативными для Церкви тенденциями и последующим ростом разрушительных для традиционного католичества ценностей и событий (включая коммунистическую революцию) особенно ярко выявлена у бразильского клерикального автора П. Корреа де Оливейры, писавшего, что Французская революция была наследницей ренессансного неоязычества и протестантизма, она проводила ту же работу, что и псевдо-реформация, что именно из Французской революции произошел коммунизм [11, р. 17—18].

Таким образом, коммунистическая революция в России не была первой встречей Церкви и коммунизма, Церкви и радикальных форм социально-политического протеста. Пий IX уже в 1846 г. сформулировал тезис, что коммунизм «в максимальной степени противостоит естественному праву» и что, если названная доктрина будет где-либо принята, за этим последует «полное разрушение прав всех людей, правительства, собственности и даже самого человеческого общества» [19]. Впоследствии он осуждал социализм и коммунизм в аллокуции «*Quibus, quantisque*» и энциклике «*Nostis et nobiscum*» (1849) [20; 18]. Наконец, окончательное осуждение в учении данного понтифика социализм и коммунизм получили в энциклике «*Quanta cura*» и прилагавшемся к ней «Перечне главнейших заблуждений», ставшим известным под названием «*Syllabus*» [6; 7, с. 14—24].

Своеобразным совпадением является двойной 100-летний юбилей: Российской революции и явлений Девы Марии в Фатиме, где она, среди прочих пророчеств, особо выделила Россию и ее роль в будущем развитии человечества. Она заявила, что если Россия будет посвящена Ее Сердцу, то «Россия обратится и настанет мир», если же нет, то «она распространит свои заблуждения по всему миру, сея в нем войны и гонения против Церкви» [22; 1]. Это пророчество в значительной мере обусловило внимание католического мира к событиям в российской общественно-политической жизни.

Победа в России большевистской революции и утверждение здесь коммунизма в качестве государственной идеологии неизбежно привели к обострению идейного конфликта с Католической Церковью. В 1937 г. Пий XI выпустил энциклику «*Divini Redemptoris* (о безбожном коммунизме)», в которой подтвердил традиционное католическое учение относительно заблуждений коммунизма [8]. В то же время, Церковь различала «заблуждение и заблуждающихся», что нашло выражение в послании Пия XII к народам России, в котором он призывал их «вернуться на путь истины» [9, с. 19].

В 2017 г. исполняется 55 лет открытия II Ватиканского Собора (1962—1965 гг.) кардинально изменившего позицию Церкви по большинству проблем современности. Трансформации подверглось и ее отношение к проблеме коммунизма и революции. Примечательно, что на Соборе коммунизм не был осужден. Более того, попытки консервативных епископов добиться того, чтобы Церковь официально озвучила свое отношение к проблеме коммунизма, оказались безуспешными. В частности, 3 декабря 1963 г., один из лидеров традиционалистов бразильский епископ Антонио де Кастро Майер вместе с некоторыми другими епископами передал секретарю Собора, кардиналу Перикле Феличе, петицию с требованием, чтобы Собор открыто выступил с осуждением коммунизма и одновременно обнародовал позитивное католическое социальное учение. Всем отцам Собора в том же месяце была роздана

докладная записка П. Корреа де Оливейры «Свобода Церкви в коммунистическом государстве», также требовавшая осуждения коммунизма [10, с. 181].

Такая позиция вполне отвечала духу политики Папы Иоанна XXIII, созвавшего этот собор. Он в энциклике «*Pacem in Terris*» (1963 г.) писал: «в ложных философских учениях могут быть элементы положительные и заслуживающие одобрения, так как они согласуются с нормами благоразумия и отражают законные человеческие стремления» [4, с. 47]. Следует отметить, что подобный подход в корне противоречит традиционному учению Церкви. Еще в 1949 г. Конгрегация Священной Канцелярии опубликовала «Декрет против коммунизма», в котором коммунизм категорически отрицался и подтверждалось, что «христиане, придерживающиеся материалистических и антихристианских коммунистических учений, и прежде всего — защищающие или распространяющие их, как отступники от католической веры» навлекают на себя отлучение от Церкви [3]. Примечательно, что сам Иоанн XXIII в 1959 г. стоял на непримиримых антикоммунистических позициях, утвердив официальный отрицательный «Ответ Священной Канцелярии относительно избрания конгрессменов, поддерживающих коммунизм», в котором утверждалось, что католики не могут голосовать «за те партии или кандидатов, которые, даже если не исповедуют принципов, противоречащих католическому учению, и называют себя христианами, в действительности, тем не менее, связаны с коммунистами и поддерживают оных своими действиями» [4].

Следующий понтифик — Павел VI — пошел еще дальше, заявив в 1967 г. в энциклике «*Populorum progressio*», что «право частной собственности не является абсолютным и безусловным», что «общее благо иногда требует экспроприации» и, наконец, что «революционные восстания порождают новые несправедливости», однако делает оговорку: «кроме тех случаев, когда они вызваны явной и продолжительной тиранией, грубо посягающей на основные права человеческой личности и вредящей в опасной мере общему благу страны» [17].

Подобные изменения в отношении официальной Церкви к революции естественно вылились в многочисленные примеры конкретной вовлеченности верующих и представителей духовенства в социально-политическую и революционную борьбу. Наиболее выразительным в этом отношении является латиноамериканская теология освобождения, принимающая в наиболее радикальном виде формат теологии революции. Это новое и неортодоксальное направление богословской мысли зародилось на континенте в начале 1960-х гг. и переживало бурный рост на протяжении двух десятилетий. Многие священники и монахи, особенно из Общества Иисуса, участвовали в революционных движениях в Колумбии, Аргентине, Чили, Бразилии, Никарагуа, Сальвадоре и других странах.

В 1980-х гг. климат в Церкви несколько изменился, поскольку Иоанн Павел II, будучи выходцем из Польши, имел непосредственный опыт жизни в коммунистическом государстве. Этого понтифика отличало отрицательное отношение к коммунизму и к левым революционным движениям. В 1984 и 1986 гг. Священная конгрегация доктрины веры издала две специальные конституции, в которых подвергла критике латиноамериканскую теологию освобождения за ее увлеченность марксистским социальным анализом и предлагала свою, официальную версию теологии освобождения, не противоречащей католическому социальному идеалу [15; 16].

Примечательно, что при актуальном понтифике — Франциске — вновь наблюдается крен Ватикана в сторону более либерального отношения к левым идейно-политическим течениям. Теперь сам Папа вводит в оборот термин «революция», придавая ему позитивный оттенок. В частности, в октябре 2017 г. во время своих визитов и встреч он призвал духовенство «способствовать революции нежности» [2], а сотрудникам Папской академии жизни заявил, что Церковь должна играть свою роль в «истинной культурной революции» [21].

Таким образом, на протяжении последних двух веков Церковь прошла путь от бескомпромиссного осуждения революции к трансформации ее восприятия и включила революционную тематику в собственную риторику, что противоречит традиционному учению, однако удачно вписывается в конъюнктуру общественного мнения.

Бібліаграфічны спісак

1. Борелли А. Фатимская весть: Трагедия или Надежда? — Б.м.: «Свет в сторону востока», 1997. — 80 с.
2. Визит в Чезену: Папа призвал духовенство способствовать революции нежности // Сибирская католическая газета [электронный ресурс]. — 02.10.2017. — Режим доступа: <http://sib-catholic.ru/papa-frantsisk-prizval-duhovenstvo-sposobstvovat-revolutsii-nezhnosti/>. — Дата доступа: 18.10.2017.
3. Декрет против коммунизма. — 1949 // Una Voce Russia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/ccs_communism.html — Дата доступа: 12.03.2016.
4. Иоанн XXIII. «Мир на Земле»: Окружное послание: О мире среди всех народов, основанном на правде, на справедливости, на любви, на свободе / Иоанн XXIII. — Б.м.: Ватиканская типография полиглота, 1963. — 51 с.
5. Ответ Священной Канцелярии относительно избрания конгрессменов, поддерживающих коммунизм. — 1959 // Una Voce Russia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/ccs_communism.html — Дата доступа: 12.03.2016.
6. Пий IX. Окружное послание Quanta cura / Пий IX // Священническое братство Святого Пия X в Беларуси и странах СНГ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://fsspx.by/ru/oracle/papa_pij_ix/okruznoe_poslanie_quanta_cura. — Дата доступа: 12.11.2016.
7. Пий IX. Syllabus / Пий IX // Альманах российских католиков «Покров» — 1999. — Выпуск № 2. — С. 14—24.
8. Пий XI. Divini Redemptoris (о безбожном коммунизме) / Пий XI // Una Voce Russia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/divini_redemptoris.html. — Дата доступа: 12.11.2016.
9. Пий XII. Апостольское послание к народам России / Пий XII. — Рим: Ватиканская типография, 1952. — 24 с.
10. Роод, В. Рим и Москва. Отношения между Святым престолом и Россией/ Советским Союзом в период от Октябрьской революции 1917 г. до 1 декабря 1989 г. / В. Роод. — Львів: Монастир Монахів Студійського Уставу. Видавничий відділ «Свічадо», 1995. — 279 с.
11. Corrêa de Oliveira, P. Revolution and Counter-Revolution / P. Corrêa de Oliveira. — Spring Grove: The American Society for the Defense of Tradition, Family and Property, 2003. — 211 p. — P. 17—18
12. Dansette, A. Revolution, Restoration, and Reform: 1789—1965 (France, The Catholic Church In) / A. Dansette // New Catholic Encyclopedia. Vol. 5. — Washington, D.C.: Thomson; Gale, 2003. — P. 853—859.

13. Flinn, F. K. Catholicism: An introduction / F. K. Flinn // Encyclopedia of Catholicism. — N.Y.: Facts On File, 2007. — P. XIV—XXII.
14. Flinn, F. K. Papacy / F. K. Flinn // Encyclopedia of Catholicism. — N.Y.: Facts On File, 2007. — P. 498—499.
15. Instruction on Certain Aspects of the «Theology of Liberation» / Sacred Congregation for the Doctrine of the Faith. — Boston: St. Paul Books & Media. — 40 p.
16. Instruction on Christian Freedom and Liberation / Sacred Congregation for the Doctrine of the Faith. — Boston, 1987. — 72 p.
17. Paul VI. Populorum progressio / Paul VI // The Holy See [Electronic resource]. — Mode of access: http://w2.vatican.va/content/paul-vi/en/encyclicals/documents/hf_p-vi_enc_26031967_populorum.html. — Date of access: 17.10.2017.
18. Pio IX. Nostis et nobiscum / Pio IX // The Holy See [Electronic resource]. — Mode of access: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/enciclica-nostis-et-nobiscum-8-dicembre-1849.html>. — Date of access: 12.11.2016.
19. Pio IX. Qui pluribus / Pio IX // The Holy See [Electronic resource]. — Mode of access: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/enciclica-qui-pluribus-9-novembre-1846.html>. — Date of access: 12.11.2016.
20. Pio IX. Quibus, quantisque / Pio IX // The Holy See [Electronic resource]. — Mode of access: <http://w2.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/allocuzione-quibus-quantisque-20-aprile-1849.html>. — Date of access: 12.11.2016.
21. Pope Francis: Church Must Play Her Part in 'True Cultural Revolution' // National Catholic Register [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.ncregister.com/blog/edward-pentin/pope-francis-church-must-play-her-part-in-true-cultural-revolution>. — Date of access: 17.10.2017.
22. The Message of Fatima // The Holy See [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_20000626_message-fatima_en.html. — Date of access: 17.10.2017.

Ляднёва Анфіса Сямёнаўна

Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь (Мінск, Беларусь)

ГІСТОРЫКА-ПРАВОВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ БЕЛАРУСКАГА ЗАМЕЖЖА

Гісторыя народа і яго дзяржавы ствараецца не толькі ў часе, але і ў прасторы. Яшчэ не адышоў у нябыт той час, калі шматнацыянальнае насельніцтва Савецкага Саюза ўспрымалася грамадствам Захаду як адзіны рускі, альбо савецкі, народ. Можна сцвярджаць, што за невялікім выключэнне мала хто ведаў і пра Беларусь, краіну з багатай і цікавай гісторыяй, культураў, вопытам і набыткамі дзяржаўнага існавання.

Палітычныя, сацыяльна-эканамічныя перамены ў жыццядзейнасці беларускай дзяржавы пасля перабудовачных працэсаў, набываючы дзяржаўнага сувэрэнітэта, выклікалі надзвычайную цікавасць да ўласнай гісторыі ў шырокіх колах грамадства, ды і ў замежных краінах пашырыўся інтарэс да новай адроджанай дзяржавы. Менавіта на пачатку 90-х гг. XX ст. пачалося вывучэнне феномена беларускай дыяспары, прадстаўнікі якой у адрыве ад этнічнай радзімы, ў краінах свайго пражывання здолелі стварыць ўстойлівы культурна-духоўны соцыум.

Нацыянальна свядомыя прадстаўнікі народа, асабліва тыя, якія апынуліся за межамі свайго радзімы ў гады Другой сусветнай вайны, стварыўшы дыяспа-

ральныя асяродкі, не перастаюць адчуваць сябе часцінай сваёй Бацькаўшчыны, не пакідаюць матчынай мовы, культуры, рэлігіі. Міхась Сенька, вядомы замежны беларускі дзеяч, назваў эмігрантаў асколкамі Бацькаўшчыны. З гэтым нельга пагадзіцца, бо асколкі — гэта рэшткі згубленага, страчанага назаўсёды. А беларускія эмігранты, свядомыя беларусы замежжа, здолелі, насуперак жыццёвым перашкодам, захаваць сваю нацыянальную адметнасць, не растварыцца ў іншых народах, чужых культурах, больш таго, плённа займацца навукай, ў тым ліку распрацоўкай пытанняў беларускай гісторыі і дзяржаўнасці.

У 50-я гады XX ст. ў Паўночнай Амерыцы, Германіі, Вялікабрытаніі паўстае шэраг беларускіх навуковых цэнтраў. Менавіта паваяенная хваля эміграцыі вызначалася прысутнасцю значнай колькасці навукоўцаў, якія ў гэтых цэнтрах атрымалі магчымасць друкавання прац па гісторыі, ў тым ліку закранаючых пытанні паходжання беларускай нацыі, станаўлення беларускай дзяржаўнасці. Даследаванню і публікацыі беларускай навуковай спадчыны займаліся ў першую чаргу Беларускі інстытут навукі і мастацтва (БІНІМ) ў Нью-Йорку і ў Таронта, аддзел БІНІМА ў Мюнхене, Крывіцкае (беларускае) навуковае таварыства Ф. Скарыны, Фундацыя імя Крэчэўскага, Фонд імя Льва Сапегі, Фонд імя Любачкі, Беларускае культурна-мастацкае і навуковае таварыства ў Сайт-Рыверы, Англа-беларускае таварыства ў Лондане, Інстытут беларусаведы ў Ляймене (Германія) і іншыя навукова-культурныя арганізацыі. Свабодныя ад ідэалагічнага і палітычнага ўздзеяння, якой падвяргалася савецкая грамадская навука, замежныя беларускія навукоўцы выкладалі гісторыка-прававыя канцэпцыі, зыходзячы з нацыянальных інтарэсаў. Такія аўтары як А. Адамовіч, Я. Станкевіч, В. Пануцэвіч, П. Урбан, Н. Недасек, В. Жук-Грышкевіч, А. Калубовіч у процівагу савецкім афіцыйным-партыйным установам не прызнавалі існаванне адзінай старажытнарускай народнасці, абгрунтоўвалі нацыянальны характар Вялікага княства Літоўскага, паказвалі гісторыю беларускага нацыянальнага адраджэння, ўтварэння і станаўлення БССР праз трагічныя лесы нацыянальных дзеячоў.

Працам замежных даследчыкаў не заўсёды хапала навуковай грунтоўнасці з-за прычыны недасягальнасці нацыянальных архіваў, абмежаванасці навуковых крыніц, але яны ўнеслі значны ўклад у развіццё беларускай навукі. Сучасную гістарыяграфію гісторыка-дзяржаўнага накірунку немагчыма прадставіць без прац як вышэй пазначаных аўтараў, так і З. і В. Кіпель, Л. Акіншэвіча, С. Станкевіча, В. Тумаша, І. Любачкі, А. Калубовіча, Я. Запрудніка, Я. Сурвілы, інш. З сярэдзіны 1950-х гадоў у Мюнхене ў Інстытуце па вывучэнню СССР дзейнічала беларуская секцыя, супрацоўнікі якой друкаваліся ў «Беларускім зборніку» (з 1954 па 1959 гг. выйшла 8 нумароў). Беларускія праблемы закраналіся і ў некаторых іншых калектыўных выданнях гэтага інстытута. Значная роль ў распаўсюджванні ведаў па гісторыі і культуры Беларусі належыць і замежнай беларускай перыёдыцы — шматлікім часопісам і газетам, якія выходзілі ў краінах, куды з Германіі і Аўстрыі пасля заканчэння другой сусветнай вайны рассяляліся беларусы.

За першы год існавання БІНІМ (утвораны ў 1951 г.) аб'яднаў больш за 50 навукоўцаў, у наступныя гады колькасць членаў Інстытута вагалася ад 100 да 200 чалавек, з 90-я гадоў ў склад творчага калектыва пачалі ўваходзіць выхадцы з Беларусі — С. Навумчык, Л. і А. Юрэвічы, Ю. Васілеўскі, інш.

Я. Запруднік у 1969 г. абараніў доктарскую дысертцыю, прысвечаную барацьбе вакол беларускага пытання ў Дзяржаўнай думе. Ім жа напісаны энцыклапедычны раздзел «Беларусь і беларусы», кніга «Byelarus: At a crossroads in history (Colorado, 1993)», складзена і апрацавана бібліяграфія дакументаў, матэрыялаў і літаратуры па гісторыі абвяшчэння і дзейнасці БНР, яе ўрада, I Усебеларускага кангрэса 1917 г. У 1988 г. З. і В. Кіпелі на англійскай мове выдалі кнігу «Беларуская дзяржаўнасць. Хрэстаматыя і бібліяграфія» (Нью-Йорк, БІНІМ), у якой падрабязна разглядаюцца раннія этапы развіцця беларускага нацыянальнага руху на пачатку XX ст., што прывяло да абвяшчэння ў 1918 г. Беларускай Народнай Рэспублікі, прыводзіцца ацэнка гэтай падзеі ў савецкім і замежным друку. Падаецца думка, што вытокі беларускай дзяржаўнасці бяруць пачатак от Полацка, Турава, Смаленска., а Вялікае княства Літоўскае было шматнацыянальнай дзяржавай, якая ґрунтавалася на беларускай культуры і беларускім праве.

Заснаваны ў 1952 г. пры БІНІМ навуковы гдавік «Запісы» друкаваў аўтарскія даследаванні, дакументы, якія ў БССР па ідэалагічных прычынах не былі вядомы шырокай навуковай грамадскасці — матэрыялы да I-га Усебеларускага з'езда 1917 г. (1963, кн. 2; 1964, кн. 3; 1966, кн. 4), Устаўныя граматы БНР (1975, кн. 13), дакументы по гісторыі Беларусі 1902—1919 гг. (1983, кн. 17) і інш., гістарычныя партрэты беларускіх асветнікаў і знакамітых асоб, бібліяграфіі, рэцэнзіі на беларусазнаўчыя выданні і г. д. Змест часопіса абымае шматгранную навуковую спадчыну па гісторыі Беларусі ў сярэднявеччы і дасавецкі перыяд, беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, літоўска-беларускія ўзаемасувязі. Гэта працы Я. Запрудніка пра дзяржаўнасць Беларусі ў дасавецкую пару (1977, кн. 15) і нацыянальны характар ВКЛ (1974, кн. 12), Л. Акіншэвіча «Парламент беларускай зямлі» (1952, № 1) і «Цывілізацыйныя асновы» беларускага гістарычнага працэсу» (1953, № 2). БІНІМ таксама пачаў весці ўлік і таго, што пісалася пра Беларусь у англамоўным друку, гэта больш за 15 тыс. пазіцый. У 2001 г. была выдадзена складзеная З. і В. Кіпелямі «Бібліяграфія беларускага друку на Захадзе» (частка I: часопісы, газеты).

14 кастрычніка 1955 г. быў закладзены аддзел Беларускага інстытута навукі і мастацтва ў Мюнхене, які гуртаваў беларускую навуковую і творчую эміграцыю краін Заходняй Еўропы. Аддзел меў статус адносна самастойнай установы і праіснаваў да 1966 г. Ягоная праца цесна звязана з дзейнасцю Інстытута вывучэння гісторыі і культуры СССР. Тут працавалі С. Кабыш, С. Станкевіч, У. Дудзіцкі, А. Марговіч, інш. У Мюнхене выдаваўся перыядычны навуковы часопіс «Беларускі зборнік» (1955—1960 гг.) На старонках часопіса вынікі сваёй даследчай працы змяшчалі Ан. Адамовіч, Г. Няміга, С. Кабыш, А. Яловіч, М. Волаціч, Я. Станкевіч, П. Урбан, захаваўшыя ўнутраную свабоду і незалежнасць поглядаў. Іх артыкулы закраналі тэмы рэлігійнай свабоды, моўнай палітыкі, нацыянальнага пытання, аб якіх савецкія крыніцы замоўчвалі.

Значная роль у гуртаванні навуковых сіл для вядзення даследаванняў належыла і Беларускаму інстытуту навукі і мастацтва ў Таронта, які быў заснаваны 17 верасня 1967 г., а з лістапада 1968 г. — гэта самастойны інстытут, узнікненне якога было выклікана патрэбай прадстаўніцтва беларусаў у навуковым жыцці Канады і сярод этнічных груп краіны непасрэдна ад імя беларускай навуковай арганізацыі. Заснавальнікам і першым старшыней быў В. Жук-Грышкевіч.

Замежная гістарыяграфія мае навуковую манаграфічную літаратуру по гісторыі беларускай дзяржаўнасці і асабных гістарычных перыядах —

Мікола Абрамчык «I accuse Kremlin of Genocide of My Nation» (1950 г.), В. Жук-Грышкевіч «25 Сакавіка» (1978 г.), Ян Садоўскі «Гісторыя беларусаў у Канадзе» (1981 г.), V. J. Kaye «Canadians of Byelorussian Origin» (1978 г.), N. Vakar «Belorussia — the making of a nation» (1956 г.), І. Любачка «Беларусь пад савецкай уладай, 1917—1957» (1972 г.).

Працы замежных навукоўцаў друкаваліся ў часопісах, зборніках артыкулаў. З часопісаў неабходна адзначыць «Полацк» (1991—1994 г.). Узровень часопіса вызначаўся колам аўтараў, сярод якіх былі вядомыя гісторыкі, публіцысты, грамадскія дзеячы беларускага замежжа і Беларусі. Мэта яго выдання — аб'ектыўнае асвятленне мінулай і сучаснай беларускай гісторыі, зберажэнне для нашчадкаў багатай духоўнай спадчыны, ўмацаванне сувязей беларускай эміграцыі з Бацькаўшчынай. Менавіта ў «Полацаку» шмат матэрыялаў было надрукавана ўпершыню. Багата прадстаўлена гістарычная тэматыка. Пытаннем гісторыі беларускай дзяржаўнасці прысвечаны артыкулы М. Ермаловіча, П. Урбана, Я. Юхо, У. Круталевіча. Складанаму лесу дзеячоў нацыянальна-вызваленчага руху прысвечаны артыкулы беларускіх навукоўцаў У. Міхнюка, А. Макарэвіча, Я. Паўлава, М. Сташкевіча, Ю. Смірнова, У. Адамушкі, У. Брылеўскага, напісаныя на аснове крыніц КДБ і замежжа. Апублікавана шэраг дакументальных матэрыялаў і ўспамінаў А. Цвікевіча, А. Смоліча. Перадрукоўваліся асобныя артыкулы з эмігранцкай перыёдыкі

Прайшлі дзесяцігоддзі ад набыцця Беларуссю незалежнасці. Гэты перыяд быў адзначаны значным інтарэсам грамадства да гісторыі сваёй дзяржаўнасці. Працэс лучэння разрозненых частак навукі і культуры беларускай дыяспары і метраполіі, які пачаўся ў 90-я годы XX ст. працягваецца, і вельмі важна, каб ён быў усебаковым і глыбокім, каб беларусы ўяўлялі сябе цэласным, адным народам у свеце. Вывучаючы працы замежных навукоўцаў можна шмат чаго зразумець і пазычыць для практычнага вывучэння гісторыі і права Беларусі. Дзейнасць навуковай часткі беларускага замежжа шмат зрабіла дзеля зберажэння і прэзентацыі гістарычнай спадчыны, пашырыла веды пра Беларусь і беларусаў у свеце.

Лойко Александр Иванович

Белорусский национальный технический университет (Минск, Беларусь)

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В СВЕТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Теории модернизации акцентированы на особенностях трансформации общества под влиянием внутренних процессов и внешних воздействий [6]. В случае событий 1917 года в Российской империи речь идет в первую очередь о факторах модернизации, обусловленных внутренними причинами. Необходимость модернизации России виделась революционными силами по-разному. Революционно-демократическое направление, акцентированное на восприятии России в свете обязательств, связанных с ее участием в военно-политических коалициях периода первой мировой войны, стремилось минимизировать возникшее социальное напряжение в обществе с тем, чтобы сосредоточиться на выполнении военных обязательств перед союзниками.

Социал-демократические организации России эволюционировали к общемировым задачам построения коммунистического общества. В этой стратегии

России отводилась роль страны, в пространстве которой должны были быть апробированы практики социального строительства, не имевшие места в истории. Значение России выросло после того, как стала очевидной несостоятельность тезиса о мировой революции. Коммунистические силы локализовались в отдельной стране и на ее основе планировали поэтапное распространение марксистско-ленинской идеологии в различных регионах планеты. На это движение отзывались страны со слаборазвитой экономикой и военно-политическими ресурсами. России предстояло длительное время противостоять более развитым государствам капиталистического мира и одновременно конкурировать с ними в различных областях социальной и экономической жизни. Эта особенность детерминировала разработку стратегии модернизации России с точки зрения задач ее индустриального, аграрно-промышленного, интеллектуального развития.

Индустриализация России предусматривала создание на основе достижений второй промышленной революции энергетического комплекса (ГОЭЛРО), инфраструктуры промышленных предприятий, аграрного производства на основе коллективных хозяйств, инфраструктуры образования и научной деятельности. По мере роста внешних угроз росла напряженность в реализации программ модернизации России. Она отягощалась теорией обострения классовой борьбы при социализме, разработанной И. Сталиным.

Советская Россия оказалась в непосредственном соседстве с бывшими национальными окраинами Российской империи, где победу одержали сторонники социалистической идеологии. После создания СССР в пределах бывшей Российской империи началась реализация стратегии догоняющей модернизации. В рамках этой стратегии была поставлена задача выравнивания социально-экономических условий жизни и деятельности населения в советских республиках. Если в регионах Центральной России, Урала, Донбасса шла модернизация уже функционировавших промышленных предприятий, то в большинстве советских республик промышленная и научная инфраструктура только создавалась. Программа догоняющей модернизации создала механизм социальной мобильности населения, который мотивировался феноменом ударныхстроек. В результате в городских пространствах советских республик на основе русского языка сформировалась межкультурная среда.

Программы индустриализации были завершены в семидесятых годах XX столетия. Была создана инфраструктура социально значимых, но нерентабельных предприятий. Экономический баланс обеспечивал энергетический комплекс, создавший инфраструктуру добычи и экспорта нефти и природного газа потребителям европейского региона. Наука и военные технологии обеспечивали политическую безопасность СССР. Отсутствие механизмов эффективной экономической деятельности создавало риски территориальной целостности СССР. Под влиянием идеологии общества массового потребления в национальных республиках произошла переориентация политических элит, в первую очередь прибалтийских республик, на интеграцию в структуры Европейского Союза. Попытки сохранить СССР в форме СНГ не были полностью реализованы. С точки зрения экономических приоритетов модернизации каждая из республик придерживалась собственной специфики. В Российской Федерации произошел переход на принципы рыночной экономики. Были созданы крупные компании с частным и государственным капиталом. Политической элите страны удалось сохранить территориальную целостность

государства. Была выработана модель демократии, которая базируется на представлении о России, как государстве, влияющем на мировую политику. В рамках этого представления возросло значение ценностей национальной идентичности, акцентированных на концептах патриотизма, исторической памяти [2], преемственности истории российского государства [4]. В патриотическом и духовном воспитании важную роль играет русская православная церковь, диалог государства с мусульманскими общинами [1].

Республика Беларусь сделала ставку на промышленный потенциал, созданный на ее территории в период индустриализации. Поскольку речь шла о части единого экономического организма, то с целью его сохранения на межгосударственной основе была реализована идея Союзного государства. Эта идея в более широком формате дополнилась моделью евразийского экономического союза, членами которого являются пять государств [3]. На этой стабилизационной основе белорусские компании адаптировались к условиям работы на мировых рынках, пошли по пути диверсификации экономических связей с целью минимизации рисков деятельности.

Новые условия реализации программ модернизации экономик евразийских государств, создали приоритет региональных межгосударственных отношений, в рамках которого обнаруживается разнообразие двусторонних и многосторонних проектов [5]. Одним из примеров стала идея Нового Шелкового пути, призванная укрепить экономические связи евразийских государств и обеспечить их открытость рынкам Европейского Союза. КНР и Россия стали архитекторами евразийского экономического пространства. С учетом приверженности КНР наследию революции 1917 года в форме философии трех модернизаций очевидна преемственность евразийских политических элит идеологической основе этой революции, получившей конкретизацию в новых исторических условиях.

Таким образом, социально-политические революции XX столетия, имевшие идеологическую основу марксизма, одним из элементов своей сущностной деятельности сделали механизм модернизации в виде конкретных программ деятельности. В Беларуси были реализованы программы ГОЭЛРО, индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции. Они создали основание индустриального общества, которым пользуется Республика Беларусь в условиях XXI века.

Бібліаграфічны спісак

1. Духовность. Образование. Наука: толерантность и нравственность в структуре духовной жизни общества. — Минск: БНТУ, 2017—395 с.
2. Духовные ценности и историческая память: к 70-летию Победы. — Минск: БНТУ, 2015. — 245с.
3. Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. Материалы международной научной конференции (Минск, 17 марта 2016 года). — Минск: БНТУ, 2016. — 347 с.
4. 1025 лет Крещения Руси: философское осмысление исторических событий. — Минск: БНТУ, 2016. — 270с.
5. Лойко, А. И. Модернизация деятельности: философско-аксиологический аспект / А. И. Лойко. — Минск: Право и экономика, 1987—167 с.
6. Лойко, А. И. Философия межкультурных отношений: Беларусь в диалоге цивилизаций / А. И. Лойко, В. А. Семенюк, Л. Е. Лойко, В. Юйхун. — Минск: БНТУ, 2012. — 147с.

Самохвалов Дмитрий Сергеевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

1917 ГОД КАК ГРАНИЦА ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В трудах историков периодизация играет двойственную роль. Для исследователя событий прошлого она — вспомогательный инструмент, позволяющий систематизировать описание. С точки зрения теории истории периодизация играет ключевую роль в определении той или иной эпохи. Так, в советской марксистской историографии принято выделять Новейшее время, которое начинается с 1917 г. и отмечает нижнюю границу коммунистической (социалистической) формации. «Победа Октябрьской революции открывала новый период в истории нашей страны и в истории всего человечества», — писал Н. Л. Рубинштейн [3, с. 712]. В других направлениях историографии также существуют понятия, сходные с Новейшим временем, но, как правило, они имеют иные границы. Октябрьская революция рассматривается ими только как локальное событие, а потому 1917 г. особо не выделяется.

Для исследователя событий прошлого обособление отрезков времени имеет весьма условный характер, поскольку исторические процессы взаимосвязаны, и выделение определенной даты для их разграничения представляет объективную трудность. Теоретики истории пытаются обойти эту проблему, придавая субъективным ощущениям вид некой реальности. Например, один из современных авторов полагает, что «связь времен рвется в периоды острых общественных кризисов, социальных потрясений, переворотов, революций» [4, с. 43]. Очевидно, ему мог бы возразить историк-практик XIX века А. де Токвиль, видевший в Великой Французской революции лишь итог предшествующей модернизации общества [5]. Существует необходимость использования каких-то более существенных фактов, чем кажущийся «разрыв времен» либо локальные события, для обоснования периодизации. Объективным доказательством наличия границы между двумя эпохами могло бы стать наличие прерывания комплекса исторических процессов, характерных для одной эпохи, и замещение его другим, либо выход этих процессов на новый уровень развития.

В истории исторической мысли XX века можно выделить границу, размежевавшую классическую историографию, формировавшуюся на протяжении второй половины XVIII — начала XX вв., основанную на доминировании общенаучных подходов, и новую историографию с ее поиском собственной исследовательской идентичности, отрывом от описания и, в конце концов, дроблением масштабов исследования. Эта граница проходит через период 1914—1918 гг. Она воплощена не в резком разрыве традиций, а, прежде всего, в изменении социального статуса истории, ее общественной оценке и дискуссиях вокруг труда историков. Произошедшие изменения отражены в восприятии историков межвоенного периода, хотя суть перемен для них оставалась не всегда понятной. Современная историография относит эти перемены к влиянию внешних социально-культурных и политических факторов. Более того, она демонстрирует то, что первая мировая война стала своеобразной границей двух больших циклов исторического развития, охватывавших различные стороны жизни человечества.

В последние два десятилетия представители экономической, колониальной, политической и интеллектуальной истории независимо друг от друга отмечают смену модели мирового развития после первой мировой войны. Предыдущая модель формировалась, начиная с середины XVIII в. Во многих случаях конкретизация периодизации приводит к событиям семилетней войны (1756—1763), которую иногда называют первой глобальной [10]. Одним из важнейших определяющих этого периода стал промышленный переворот, обозначивший переход от мальтузианской экономики, ограниченной ростом населения и доступными ресурсами, к капиталистической, основанной на прибыли от инвестиций [2, с. 273—292]. Р. Аллен отмечает то, что промышленный переворот был не столько итогом предшествующего накопления знаний или совершенствования правовых институтов, сколько стечением двух обстоятельств, сложившихся в Великобритании XVIII в., — высокой оплаты труда и низкими ценами на энергоносители [1, с. 45—82, 123—146]. Первые паровые двигатели и прядильные машины были бесполезны в других странах, так как не выдерживали конкуренции с ручным трудом. Только дальнейшая их модернизация позволила сделать промышленную революцию доступной для остального мира. Впрочем, большинство государств за пределами Европы ограниченно использовали новые технологии и попадали в мальтузианскую ловушку, что приводило к их отставанию.

Другим важным фактором, определившим прогресс европейской экономики второй половины XVIII — начала XX вв., был постепенный отказ от меркантилизма в пользу свободной торговли, перемещения капиталов и рабочей силы. Происходила трансформация колониальной системы европейских государств — от экстенсивного освоения территорий и откровенного грабежа покоренных стран к созданию колониальных империй, напоминавших современные корпорации, внутри которых наиболее интенсивно развивались обмен инвестициями, технологиями и внедрение правовых институтов образца метрополий. Принципы корпоративности также применялись в международных отношениях [6]. Все это вкупе с более совершенными транспортом и связью создало то, что некоторые историки называют первой волной глобализации [7]. В сфере культуры, науки и повседневной жизни наметились тенденции к систематизации и стандартизации.

Первая мировая война привела к разрушению достигнутого, прежде всего в финансовой сфере [9, с. 131—150]. Но речь не идет о полном крахе, вызванном физическим устранением сложившихся финансовых или экономических институтов. Они были достаточно эффективными в мирное время и, очевидно, после окончания войны могли быть восстановлены. Этого не случилось, так как США и страны Западной Европы создали принципиально иную схему контроля за финансами и капиталами. Точно также на смену колониальным империям стали приходить национальные государства. Мир XX в. перешел от стандартизации к конкуренции политических систем, идей и мультикультурализму. В наши дни, когда понятие «глобализация» стало обыденным, мы можем заметить тенденции мирового развития, схожие с теми, что происходили в конце XIX — начале XX в.: технологическую гонку, отказ от закрытости национальных экономик в пользу свободы передвижения людей и капиталов, принципы корпоративности в международной политике и международном разделении труда. Это не означает полной идентичности процессов, но позво-

ляет приводить исторические параллели и делать сравнения. Например, противники глобализации сравнивают ее с колониализмом [8].

Следует отметить, что выделение двух циклов мирового развития не совсем совпадает с традиционным делением истории на Новое и Новейшее время. Во-первых, первый цикл доминирования европейских стран, их экономики, политической и культурной систем в мировом масштабе гораздо уже принятого периода Нового времени. Во-вторых, смена общемировых циклов не очевидна для исследователей истории отдельных государств и целых регионов, включая Восточную Европу. В их понимании период является, скорее, этапом, а не циклом. Но этому можно найти простое объяснение: отсутствие соответствующих исследований, направленных на выявление всей полноты отношений между национальным, региональным и общемировым. Хочется верить, что отсутствие имеет временный характер, и рано или поздно подобные исследования затронут белорусскую историографию.

Кроме того, принятие модели двух мировых циклов развития вовсе не означает отказ от существующих историографических традиций или конкретизацию границы между двумя циклами на региональном уровне. Учитывая доминирование изучения государственно-правовых отношений в нашей историографии, этой границей может остаться 1917 г.

Библиографический список

1. Аллен, Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
2. Кларк, Г. Прощай нищета! Краткая экономическая история мира. / Г. Кларк. — Москва: Изд-во Института Гайдара, 2012.
3. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография. / Н. Л. Рубинштейн. — СПб.: Из-во С. — Петерб. ун-та, 2008.
4. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории. / Н. И. Смоленский. — М.: Издательский центр «Академия», 2008.
5. Токвиль, А. Старый порядок и революция. / Алексис Токвиль. — СПб.: Алетейя, 2008.
6. Buzan, B. The Global Transformation: History, Modernity, and the Making of International Relations. // Barry Buzan, George Lawson. — Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
7. Jacks, D. Trade Costs in the First Wave of Globalization. / D. S. Jacks, Ch. M. Meissner, D. Novy. // NBER Working Paper No. 12602, 2007.
8. Rao, N. «Neocolonialism» or «Globalization»? Postcolonial Theory and the Demands of Political Economy. / Nagesh Rao. // Interdisciplinary Literary Studies. Vol. 1, No. 2. P. 165—184.
9. Silber, W. When Washington Shut Down Wall Street The Great Financial Crisis of 1914 and the Origins of America's Monetary Supremacy. / William L. Silber. — Princeton: Princeton University Press, 2008.
10. Way, P. The Seven Years War: American Warfare Goes Global (2007) / Peter Way [электронный ресурс]. — University of Windsor, 2007. — Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/72765124.pdf>. — Дата доступа: 25.01.2017.

СЕКЦЫЯ 2

ПАДЗЕІ 1917 Г. І ІХ НАСТУПСТВЫ Ў ГРАМАДСКА-
ПАЛІТЫЧНАЙ І ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ
РЭФЛЕКСІ**Волженков Валерий Викторович***Могилевский институт МВД Республики Беларусь (Могилев, Беларусь)***РЕВОЛЮЦИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ ИДЕОЛОГОВ УМЕРЕННО-
ПРАВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

К умеренно-правым организациям, действовавшим на территории Беларуси в начале XX века, современные исследователи относят местные отделы Партии правового порядка (ППП), Всероссийского национального союза (ВНС), Отечественного патриотического союза, Русского окраинного общества (РОО) а также объединения, созданные в Вильно, ориентировавшие свою деятельность на территорию Беларуси — «Северо-западное Русское Вече» (Вильно), Русский окраинный союз, общество «Крестьянин» [1, с. 59—67]. Их видными идейными предшественниками и учителями являлись основатель западноруссизма М. О. Коялович и его младший современник А. С. Будилович, который стал инициатором создания и автором проекта устава РОО [4, с. 2]. Обобщение и анализ воззрений М. О. Кояловича и А. С. Будиловича по отдельным аспектам революционной проблематике (причины распространения революционных идей в России, критика революционных теорий) являются целью данной публикации.

Формирование предпосылок для усвоения образованной частью российского общества либерально-революционных идей М. О. Коялович усматривал в последствиях реформаторской деятельности Петра I, когда, по мнению ученого, «неразборчивое усвоение чужого давало излишнее господство иноземцам и подрывало одну из важнейших основ для охраны народной самобытности, — чувство сознание своей народности» [3, с. 388]. Уже тогда, представлялось Михаилу Осиповичу, было подорвано православие как вторая, после народности, надежная охрана, выработанная русской исторической жизнью по отношению к Западной Европе [3, с. 388]. В результате, писал М. О. Коялович, «оторванность от народа» русской интеллигенции и ее «податливость на ложное развитие», начавшиеся с утверждения крепостного права, при Петре еще более усилились [3, с. 390].

Распространение революционных идей, через усвоение духовных ценностей Западной Европы, продолжалось, по мнению Кояловича, и при Елизавете Петровне и при Екатерине II: «При Елизавете шли против немцев, но нашли другие нации для подражания — итальянскую, английскую, особенно французскую. По этому пути тоже пошла Екатерина. Всем известна ее дружба с французскими философами и развитие у нас так называемого вольтеррианства» [3, с. 407]. В период правления указанных императриц, развивалась, находил М. О. Коялович, и тенденция «отрыва государства от церкви», что

также способствовало распространению либеральных воззрений: «В русском обществе даже при Елизавете с неудержимой силой развивалось западноевропейское разделение между государством и Церковью, между светской и духовной жизнью, выражавшееся в сильном неверии и безнравственности. Еще при Елизавете, а тем более при Екатерине, то и другое последствие разъединения государства и церкви стало осмысливаться, возводиться в научную теорию. Французские энциклопедисты находили себе в России многочисленных последователей» [3, с. 155].

Во многом схожи со взглядами М. О. Кояловича воззрения А. С. Будиловича, который, ссылаясь на мысли автора статьи «Культурное завоевание» (Письмо к русским людям) (Церковный вестник. 1905. № 7), утверждал, что в отрицании революционерами идеи народности, их приверженности космополитизму заключается ключевое отличие революционного мировоззрения от идей сторонников сохранения основ государственного устройства России: «У нас с ними два отдельных мирозерцания. Ими отвергнута идея народности как идея отсталая, которая благодаря прогрессу даже растворилась в высшем, космополитическом идеале всечеловечества. Для нас она — идея единственно правильного и законосообразного всечеловеческого развития» [2, с. 382].

Как и М. О. Коялович А. С. Будилович объяснял распространение революционных идей в России укоренением в сознании русского образованного общества западноевропейских либеральных ценностей: «Да, мы подверглись культурному завоеванию; чужое мировоззрение захватило нас, пока мы спали: оно пропитало нашу науку, овладело печатью, полонило наши общественные и политические воззрения, подчинило себе даже нравственные наши убеждения» [2, с. 382].

По вопросу причин войн и революций в самой Западной Европе М. О. Коялович ссылался на известного славянофила К. С. Аксакова, видевшего пороки западной цивилизации в стремлении западных народов к управлению в государстве: «Вопрос жизни и истории был решен для западных народов: государство, учреждение (институт), централизация стали их идеалом; народ (земля) отказался от внутреннего, свободного, нравственного общественного начала и вкусил плоды начала внешнего, государственного; народ (земля) захотел государственной власти. Отсюда революции, смуты и перевороты, — отсюда насильственный, внешний путь к насильственному внешнему порядку вещей. Народ на Западе пленяется идеалом государства» [3, с. 309].

Как считал А. С. Будилович, среди западноевропейских философских доктрин оправдывают революцию «теория неограниченной, безусловной, самоцельной свободы личности» и «теория о сверхчеловеке как венце творения» [2, с. 209]. Критикуя теорию свободы личности, Антон Семенович указывал на большое влияние общества, народности на личность: «...отдельная личность ... все-таки никогда не могла ни появиться, ни вырасти вне семьи, рода, племени; ... личность может достигнуть известного развития лишь в той атмосфере, какую создает народная культура; ... даже в высших своих проявлениях личность хранит в себе наиболее типические черты народности ...» [2, с. 209]. Идея же о сверхчеловеке, находил консервативный мыслитель, не имеет «для себя прецедентов в истории, не может быть

согласована ни с антропологией, ни с психологией» [2, с. 210]. Кроме того, данные теории, утверждал А. С. Будилович, противоречат представлениям русского народа об истине и справедливости: «С таких же точек зрения [*представлений русского народа об истине и справедливости — В.В.*] идея, положим, самообожания личности или полного ее разгула, выражается ли она в старых формах Ксеркса или в новейших — Робеспьера, анархиста, босяка, — соответствует не высшим, а низшим ступеням развития личности и принадлежит скорее прошлому, чем будущему» [2, с. 228].

Распространение европейских революционных ценностей среди народа вызывали тревогу у М. О. Кояловича. Так, комментируя содержание исторических трудов Леруа-Болье, М. О. Коялович обратил внимание на отмеченные французским ученым негативные последствия («пустота, отрицание всего») усвоения «верхним классом» русского общества «западноевропейских заимствований», но, после отмены крепостного права, западноевропейские идеи стали доступны и народу, а это, считал Михаил Осипович, уже может привести к распространению социалистических идей: «... до освобождения крестьян преобразования проводились правительством и усваивались лишь верхним классом, а после освобождения крестьян России предстоит идти к этому другим путем, идти с народом и усвоить ... и западноевропейские вольности. Но кто же поручиться, что и тут не выйдет той же, а может быть и худшей пустоты, отрицания. Новейший цветок западноевропейской цивилизации — социализм, слишком поучителен» [3, с. 479].

М. О. Коялович и А. С. Будилович указывали на необходимость критического, индивидуального подхода для каждой страны в вопросах реализации общедемократических свобод — свободы совести, свободы личности, свободы собраний и союзов, печати и т. п. Так, на неадекватность теоретических демократических свобод, провозглашенных в странах западного мира, действительному положению народа указывал М. О. Коялович: «Хорошее это, дорогое слово [*объективность — В.В.*], также, как и слова: веротерпимость, свобода совести, свобода личности. Но сколько людей даже при нашей русской веротерпимости, — лучшей из когда-либо бывших веротерпимостей, содержится, выражаясь словами Георгия Конисского, в пленении совести, и содержится не то, что нами русскими, а нашими иноверцами на всех окраинах. Сколько людей насильственно воспитывается чистейшими язычниками по теории свободы совести! Сколько людей, в цивилизованнейших странах мира, превращается в совершенных рабочих скотов по теории свободы личности и сколько их свободнейшим образом умирает с голоду на улице среди многолюдства, роскоши и пресыщения, и умирает так свободно, как не дадут умереть в беднейшей, захолустной русской деревне!» [3, с. 648].

По мнению А. С. Будиловича, не только в России, но и в целом в мире, нельзя претворять в жизни без ограничений свободу собраний, союзов печати. Невозможность немедленного упразднения всех существующих ограничений свободы общественных собраний идеологом умеренно-правых объясняется необходимостью сохранения законности в обществе, а неограниченная свобода печати привела бы общество к разгулу произвола и состоянию «войны всех против всех», что наблюдалось, по мнению Будиловича, накануне событий 9 января 1905 г. [2, с. 399].

Таким образом, М. О. Коялович и А. С. Будилович наличие в российском обществе революционных идей приписывали последствиям распространения западноевропейских ценностей (индивидуализма, свободы личности и др.), укоренение которых началось, как считали мыслители, со времени реформ Петра I. По вопросу причин войн и революций в Западной Европе М. О. Коялович разделял мнение славянофилов, в частности К. С. Аксакова, о господстве насильственного начала в государственном устройстве западных народов. Идеологи умеренного консерватизма указывали на необходимость критического, индивидуального подхода для каждой страны в вопросе реализации общедемократических свобод — совести, личности, собраний и союзов, печати и т. п.

Бібліографічний список

1. Бондаренко, К. М. Общероссийские правонархические партии на территории Беларуси (1907 — февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. М. Бондаренко. — Минск, 2015. — 421 л.
2. Будилович А. С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю. В. Климакова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 784 с.
3. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — Минск: Лучи Софии, 1997. — 688 с.
4. Обзор деятельности Русского Крайнего Общества за 1908 г. (Первый год существования). — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1909. — 54 с.

Кахновіч Віктар Адамавіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

1917 ГОД У АДНУСТРАВАННІ КРЫНІЦ ЛАКАЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ: ПРЫКЛАД ДАБРАСЛАЎСКОЙ ВОЛАСЦІ ПІНСКАГА ПАВЕТА

У Беларусі і за мяжой у апошні час заўважна ўзрос інтарэс да падзей Першай сусветнай вайны і пасляваеннага жыцця Беларусі. Без сумніву, гэта звязана з лёсавырашальным значэннем тых падзей для будучыні не толькі Беларусі, але нават і усяго свету. Тое і падзеі Карнілаўскага мецяжа, і барацьба за стаўку галоўнакамандуючага расійскай арміяй у Магілёве, і ваенныя аперацыі часоў вайны, і значэнне Заходняга фронту для будучыні расійскіх рэвалюцый 1917 г., і вага мірных перамоваў у Брэсце, і т. д. Між тым, на наш погляд, вельмі важна і тое, што сваю актуальную распрацоўку набываюць сёння падзеі лакальнай гісторыі. Так, у 2014 г. выйшлі працы В. Ц. Дземянчыка аб жыцці сяла Выганашчы і ваколіц у часы Першай сусветнай вайны і рэвалюцыйнага 1917 г., а ў 2015 г. А. М. Вабішчэвіч выдаў артыкул аб Брэсце і Брэсцкай крэпасці ў той жа час [1; 2]. Між тым, у айчынным гістарыяграфіі, зрэшты і ў сусветнай, бракуе разгляду лёсу асобных вясковых мясцовасцей у падзеях таго часу. Апошняе, на наш погляд, даволіла б ясна паглыбіць сістэму ведаў айчынай і сусветнай гістарыяграфіі аб Беларусі і развіць канструкты т.зв. «генеральнай гісторыі».

Заўважым, што пэўным і надвычым цікавым выключэннем у беларускай гістарыяграфіі ёсць згаданая вышэй праца В. Ц. Дзяменчыка, якая на падставе апублікаваных і архіўных крыніц, а таксама на падставе апрацаванняў паведамленняў мясцовых жыхароў у рэчышчы вуснай гісторыі — распавяе аб жыцці людзей за часы вайны 1914—1918 гг. у раёне Агінскага канала, а асабліва — аб вёсках Выганашчы і Бабровічы. Гэта мясцовасць на паўночным-захадзе тагачаснага Пінскага павета Мінскай губерні. Фактычна расповяд ідзе аб адным з найбольш глухіх мікрарэгіёнаў Пінскага Палесся. У сваю чаргу з усходу да гэтага краю прымыкала Дабраслаўская воласць Пінскага павета (сучасны Бобрыкаўскі сельскі савет Пінскага раёна), што ахоплівала вытокі рэк Бобры і Вісліца. Мясцовасць аддаленая ад асноўных шляхоў зносін, змяшчаецца на водападзеле рачных сістэм Нёмана (Балтыкі) і Прыпяці / Дняпра (Чарнаморскі басейн) і, відаць, з'яўляецца летапісным Палессем на поўдзень ад Клецка і Слоніма, 1-я згадка аб якім адносіцца да 1270-х гг.

Заўважым, што для нас асноўным поглядам на гістарычны ход падзей таго часу з'яўляецца такі, што рэвалюцыйны 1917 г. і наступныя гады сталі вынікам шырокага кола праблем і глыбокіх супярэчанняў, што ў першую чаргу было звязанае з праблемамі сялянства. Апошнія складала на пачатку XX ст. да 85 % насельніцтва і было пераважным сярод народаў шматмоўнага «Вавілону Расійскай імперыі». Прычым ступень мадэрнізаванасці сялянства, нягледзячы на спробы гэтай архаічнай па сваёй сутнасці імперыі, заставалася вельмі нізкай. Так, адукаванасць сярод сялянства складала, у т. л. у Беларусі, блізу 14—25 % [13, с. 15, 75]. Як вынік, сялянства ў масе сваёй трымалася яшчэ традыцыйнай парадгмы светабачання і спачатку прымала сусветную вайну як належае, ці хутчэй непазбежнае зло, але затым пад градам цяжасцей і бед адкрылася пераўсведамленню падзей і рэвалюцыйным чаканням [13, с. 261—264]. Між тым, цікава якія магчымасці для вывучэння падзей таго часу і якія папярэднія вынікі датычна працэсаў таго часу даюць крыніцы па лакальнай гісторыі з яко-кольвечы палескай вясковай глушы. Увагу тут прыцягвае непасрэдна прылеглая да прадстаўленнай у працы Дземянчыка Выганашанскага краю Дабраслаўская воласць. Па-першае, ёсць магчымасць параўнаць становішча і працэсы ў суседніх мясцовасцях; па-другое, у адрозненні ад Выганашчаў і ваколіц, дзе непасрэдна пралягала лінія фронту і таму назіралася значнае прыйсце немясцовага насельніцтва (салдаты, афіцэры і абслуга фронту), то ў Дабраслаўскай воласці таго не павінна было быць, і цікава, як перажывала вайну і рэвалюцыю мясцовасць па-за-межамі прамога ўздзеяння фронту.

Паводле спісу населеных месц Мінскай губерні на 1878 г. Дабраслаўская воласць налічвала 7 вясковых грамад, 15 вёсак і 935 душ жыхароў [3, арк. 97—97 адв.]. Цэнтрам воласці было сяло Дабраслаўка са 129 душ жыхароў, яшчэ адным сялом была Малая Плотніца з 66 чал. Да Малой Плотніцы прымыкалі вёскі Задуб'е (58 чал.), Канатоп (6 чал.), трохі далей на поўдзень — Чамля (30 чал.), Церабень (78 чал.), на паўднёвы захад — Бобрык (60 чал.). Далей ішлі вёскі Пласкінь (66 чал.) і Ліпнікі (23 чал.), а таксама ўласна сяло Дабраслаўка і прылеглыя да таго вёскі Пучын (48 чал.) і Лышча. Адносіліся да гэтай воласці тады вёскі Шашаны і Чухава, што аднак належалі да царкоўнага прыходу

с. Новы Двор, былі досыць аддаленымі, і як бачна з архіўных крыніц, у значнай ступені не ўдзельнічалі ў жыцці воласці.

Табліца 1 — Рух насельніцтва воласці па метрычных запісах [4—8, 10—12]

Катэгорыя / год	1864	1891	1901	1913	1914	1915	1916	1917	Дынаміка ў% 1917 г. да 1913 г.
Нарадзілася (чал.)	107	182	251	231	239	185	124	161	-33 %
Шлюбав (лік)	27	27	43	58	39	3	4	48	-79 %
Памерла (чал.)	29	113	139	126	147	78	132	94	-11 %

Як можна пабачыць з табл. 1 узыходзячыя трэнды нараджальнасці, ліку шлюбав і смяротнасці зазналі ў часы Першай сусветнай вайны істотныя змены. Па-першае, з-за вайны людзі амаль перапынілі заключаць шлюбы, а нараджальнасць у сярэднім панізілася на 1/3. Па-другое, назіралася пэўнае зніжэнне смяротнасці (прыкладна на 1/10 у сярэднім), што дзіўна. Вытлумачэнне такая сітуацыя знаходзіць у агульным скарачэнні нараджальнасці, што адпаведна зніжала і агульную смяротнасць, тады як звыш 50 % памерлых складалі дзеці ва ўзросце да 5 год. Так, у 1890 г. па прыходу царквы Малая Плотніца з 65 памерлых было дзяцей да 1 года 21 чал., а ва ўзросце 1—5 год — 22, альбо разам ва ўзросце да 5 год — 33 чал. ці 51 % ад усіх памерлых [9, арк. 343]. У 1912 г. з 53 памерлых па тым жа прыходзе дзеці да 5 год складалі 22 чал. ці 43 %, але калі рахаваць дзяцей да 15 год, то яны складалі ў той нетыпова «лагодны» па смертнасці дзяцей год, — 30 чал. ці 59 % усіх памерлых [10, арк. 53а адв. — 53б]. Агульна, сітуацыя калі звыш 50 % памерлых складалі дзеці да 5 год і да 75—80 % дзеці да 15 год — была тыповая аж да 1920-х гг. Болей таго, у часы вайны смяротнасць сярод дзяцей вырасла. Так, у 1916 г. ці 1917 г. па даных згаданага вышэй прыходу сярод памерлых дзяцей да 5 год было звыш 60 %. Між тым, заўважна больш як звычайна, у 1916 г. паміралі дзяцей ад воспы, а ў 1917 г. — ад чахоткі [1 арк. 127 адв. — 137, 171 адв. — 177]. Агульна, у тыя часы, напрыклад датычна 1916 г., па запісах святара царквы с. Малая Плотніца Грыгорыя Жукава (служыў у прыходзе з лістапада 1913 г. і, відаць па ўсім, быў маладым новапастаўленым святаром [12, арк. 20]) дзеці шмат паміралі «ад воспы», «ад чахоткі», «ад прастуды», «ад тыфу» [12, арк. 127 адв. — 137]. Болей таго, «ад калтуна», ад якога ў воласці не было памерлых з 1870-х гг., загінула ў чэрвені 1916 г. 7-гадовая Агаф'я, дачка сялянкі-ўдавы Настассі Апанасавай Стасюкевіч з с. Малая Плотніца [12, арк. 132 адв. — 133].

Дададзім, што ўразлівыя да хвароб і смертнасці катэгорыя, такія як народжаныя па-за шлюбам («незаконнароджаныя») малюкі, дзеці і самі ўдовы, — сталі ва ўмовах вайны яшчэ больш частай ахвярай хвароб і цяжкіх сацыяльных умоў. Так, у тым жа Малаплотніцкім прыходзе ў 1917 г. усе 3 пазашлюбных дзяцей памерлі ад хвароб ва ўзросце да 1 года [12, арк. 158 адв. — 169 адв.]. Разам з тым, асабліва на прыкладзе суседняга Дабраслаўскага прыходу бачым заўважны рост нараджэння пазашлюбных дзяцей за гады вайны: калі раней тое звычайна ў пачатку XX ст. 1—2 выпадкі на прыход у год, то ва ўмовах вайны — да 5 выпадкаў у год [11]. Пэўная прычына такой сітуацыя бачыцца,

па-першае, у адтоку мясцовых мужчын, асабліва маладых, у войска, а другое — у заўважным прытоку немясцовых, расійскіх салдат. Так, з пачатку 1916 г. бычым сітуацыю, калі немясцовыя (данскі казак Іван Мешчаракоў, казакі 4-га і 5-га ўсходнесібірскіх палкоў Іван Макараў, Іван Дакучаеў, Фёдар Сцяпанаў, радавы сапёр Мікалай Цімохін, інш.) [12, арк. 109, 118, 126] фігуруць як хросныя ў народжаных мясцовымі сялянкамі дзяцей. Альбо, менавіта з сакавіка 1917 г. назіраем, пасля амаль спынення шлюбаў у часы вайны, шэраг вяселляў тутэйшых сялян з нетутэйшымі салдатамі [11].

Між тым, сітуацыя з ростам шлюбнай актыўнасці ў 1917 г. вельмі добра фіксуе прыход па-рэвалюцыйнай свабоды ў тагачасную вёску. Заўважна і такая адзнака часу, як змены ў тэрміналогіі метрычных кніг: калі раней звычайнымі былі саслоўныя вызначэнні асоб: «селянін» ці «сялянка», «мешчанін» ці «мяшчанка» той ці іншай вёскі (сяла, ваколіцы), і выключэнне давалася толькі розным «адстаўным салдатам (радавым, т. п.)», «адстаўным рэкрутам», то ў новых абставінах, на прыкладзе таго ж Г. Жукава, — скрозь з'яўляюцца з сакавіка 1917 г. вызначэнні тыпу: «грамадзянін» ці «грамадзянка» пэўнай вёскі, за выключэннем катэгорыі як «бежанец», што была свайго роду адзнакай вайны звычайнай ужо з 1915 г. [12, арк. 142—159].

Такім чынам, выяўляецца, што нягледзячы на тое, што Дабраслаўская воласць была з ліпеня 1915 г. прыфрантавай зонай (напрыклад, уноч 14 ліпеня 1917 г. у вёсцы Задуб'е была забітая ці артылерыйскім выстралам ці з бомбай з аэраплану сям'я Філіпа Савінава Навумчыка з 5 чал. [12, арк. 173 адв. — 174]) — у краі было немала бежанцаў. Так, ужо ў канцы 1914 г. у в. Церабень з'явіўся селянін вёскі Падвысоцье Ровенскага павета Валынскай губ. Сямён Іванавіч Юдко 29 год з дачкой Вольгай 4-х год [12, арк. 77, 87]. У звестках за жніўні 1915 г. сустракаем наяўнасць у с. Малая Плотніца і ваколічных вёсках сям'ей і паасобных бежанцаў — сям'я Івана Брухацкага з в. Навасёлкі Грубешоўскага пав. Холмскай губ., Антона Семенюка і Кацярыны Антанюк з с. Валоўцы Грубешоўскага пав., сям'я Каленіка і Пелагеі Каленікавых з Кобрыншчыны [12, арк. 89 адв. — 106] і немала інш. Між тым, бежанцы былі вельмі сацыяльна ўразлівымі. Напрыклад, маем звесткі, што ў чэрвені 1917 г. памерла ад чахоткі глуханаяма 18-гадовая бежанка з с. Галоўчыцы Кобрынскага павета Марыя Антонаўна Тымчук [12, арк. 171 адв.]. Што трымала купу бежанцаў у глухіх вёсках паблізу фронту? Відаць, спадзяванне хутчэй вярнуцца ў свае родныя вёскі, што засталіся за лініяй фронту.

Бібліяграфічны спіс

1. Вабишевич А. Н. Брестская крепость и город Брест в годы Первой мировой войны глазами очевидцев / А. Н. Вабишевич // Брестская крепость: историко-культурный контекст: сб. мат.—в Междунар. форума препод. русск. языка и лит.—ры стран СНГ и Европы, 6—10 октября 2014 г., Брест / под общ. ред. Т. В. Сенкевич. — Брест, 2015. — С. 12—21.
2. Демянчик В. Т. Выгонищи в Великой войне / В. Т. Демянчик. — Брест: Альтернатива, 2014. — 200 с., [84] л. ил.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Фонд 16619. — Воп. 1. — Спр. 1.
4. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 17. — Спр. 54.
5. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 17. — Спр. 79.
6. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 96.

7. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 98.

8. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 285.

9. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 286.

10. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 289.

11. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 37. — Спр. 105.

12. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 37. — Спр. 148.

13. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. — М.: РОССПЭН, 2004. — 368 с.

Корень Елена Васильевна

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
(Гомель, Беларусь)*

ДЕКАБРИЗМ В РЕФЛЕКСИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В. ОБ ИСТОКАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ

Интеллигенция революционной эпохи усиленно размышляла об истоках революционных настроений в России. Политическое наследие декабристов было одним из предметов этой рефлексии, его влияние на развитие русской общественно-политической мысли в самом широком спектре: от либеральных до самых радикальных течений.

К декабристам стремились возвести свои традиции влиятельные политические силы. После революции 1905 г. к делу декабристов обратились многие историки и публицисты. Одни искали истоки современных для них революционных движений. Другие стремились навязать декабристам программные и тактические формулы своего времени [1, с. 82—83]. Третьи обвиняли декабристов как зачинщиков революции. «Если генеральский суд времени Николая I осудил его [декабриста, — прим. Е.К.] однажды, то дважды и трижды могло осудить его память интеллигентское судилище времени Николая II», — заметил Г. В. Вернадский [2, с. 83].

В декабристах видели своих предшественников, как левые революционеры, так и умеренные либералы. Г. В. Плеханов прослеживал в развитии революционной мысли в России линию от декабристов к социал-демократам. Однако он заметил, что последним, в отличие от декабристов, удалось найти программу действий, обеспечивающую поддержку народных масс [3, с. 47—51]. В. И. Ленин считал себя в определенной степени наследником декабристов [4, с. 498, 500—502]. Секретарь IV Государственной думы кадет Д. И. Шаховской (внук декабриста Ф. П. Шаховского и П. Я. Чаадаева) также гордо заявлял, что он «внук декабриста» и всегда помнит об этом, из рассказов близких о декабристах он «почерпнул непоколебимую веру в правоту либерального дела в России» [5, с. 65].

Много звучало и восхвалений, и обвинений в адрес первых русских революционеров. З. Н. Гиппиус 14 декабря 1917 г., возмущенная тем, что происходило после Октябрьской революции, разочарованная в ожиданиях, размышляла о родоначальниках освободительного движения: «простят ли чистые герои? // Мы их завет не сберегли. // Мы потеряли все святое: // И стыд души, и честь земли». Саму же идею революции, как пишет поэтесса «Мы утопили,

с визгом споря, // Ее в чану Дворца, на дне, // В незабываемом позоре // И в наворованном вине...» [6, с. 260—261].

Примечательное воспоминание оставил историк Ю. В. Готье, которому довелось наблюдать близко революционные события в Петербурге и споры о них. На одном обеде в «Мертвом переулке» бывший действительный статский советник и бывший тамбовский и курский губернатор, член Государственного совета Н. П. Муратов, проклиная революцию и революционеров, как вспоминал Ю. В. Готье «нес такую чушь, что я даже запротестовал: ведь нельзя же обвинять декабристов в современных событиях» [7, с. 168]. Однако многие современники Готье именно в декабризме видели эти истоки русской революционности.

Декабристы привлекали внимание в связи с дискуссиями о месте и роли интеллигенции в истории России, поскольку они положили начало активному утверждению идей свободы личности, гражданственности, правосознания в русском обществе. Авторы сборников «Вехи» и «Из глубины», исследовавшие проблему интеллигенции и революции, отмечали значение декабризма как вехи в истории интеллигенции, [8, с. 27—28]. Появление интеллигенции связывалось с противостоянием передовой общественности и власти. Г. П. Федотов считал, что с Сенатской площади и суда над декабристами начинается разрыв интеллигенции и власти: «14 декабря 1825 г., — писал Г. П. Федотов, — почти незаметное в политической истории государства Российского, неизгладимая веха в истории русской интеллигенции. Здесь совершается ее отрыв от самодержавия, отныне и навсегда покидает она царские дворцы» [9, с. 422]. П. Б. Струве утверждал, что «интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении» [10, с. 151].

После подавления декабристского движения преследование властями всех подозреваемых в политическом свободомыслии, а также непоследовательная социальная политика самодержавия (от режима Николая I до первой четверти XX в.) способствовали росту раздражения против власти в различных кругах общества. Освободительное движение все более радикализировалось. Появилась политическая агитация А. И. Герцена, движения народников, анархистов, марксистов и разного толка социал-демократов, которые, в отличие от «дворянских революционеров», уже не стремились к компромиссам с властью. В. И. Ленин, например, сетовал, что А. И. Герцен писал в «Колоколе» «слащавые письма» «Александру II — вешателю», которые ему, Ленину, «нельзя теперь читать без отвращения» [4, с. 501].

Тема декабристов привлекала внимание всех, кто стремился найти причины и истоки трагического раскола русского общества (интеллигенции, народа, власти), приведшего в итоге к нескольким революциям, длительной кровопролитной гражданской войне. Н. А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» высказал мнение, что в стремлениях российской интеллигенции к революции виновата сама верховная власть, «калевшая и роковым образом толкавшая интеллигенцию на борьбу против политического и экономического гнета», вследствие чего «в сознании русской интеллигенции европейские философские... приспособлялись к специфическим интеллигентским интересам». Возлагая на интеллигенцию ответствен-

ность за ее революционные устремления, Н. А. Бердяев вместе с тем подчеркивал, что «русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции» [11, с. 25].

С. Н. Булгаков тоже отмечал, что формирование характера русской интеллигенции определило «непрерывное и беспощадное» давление «полицейского прессы, способное расплющить, совершенно уничтожить более слабую духом группу, и то, что она сохранила жизнь и энергию под этим прессом, свидетельствует, во всяком случае, о совершенно исключительном ее мужестве и жизнеспособности». Изолированность от жизни, в которую ставила интеллигенцию вся атмосфера старого режима, усиливала черты «подпольной» психологии, поддерживала ненависть к самодержавию. Интеллигенция развивалась в атмосфере непрерывного мученичества, начавшегося с расправы над декабристами [8, с. 29—30].

С точки зрения П. Б. Струве, после пугачевщины и до революции 1905 г. все российские политические движения были «движениями образованной и привилегированной части России», как, например, «офицерская революция декабристов» [10, с. 155]. Струве оценивал декабризм как попытку «перевести шляхетские замыслы XVIII в. на язык передовой европейской политической мысли» и «дополнить постановку политических задач проблемами социальными (освобождение крестьян)» [12, с. 239—240]. Трагедия интеллигенции и власти, на его взгляд, состояла в том, что политические реформы слишком запоздали. События декабря 1825 г. и 13 июля 1826 г. положили начало этой трагедии.

Н. А. Бердяев считал, что российская общественная мысль приобрела социальную окраску после поражения декабристов. «Неудача декабристов привела к отвлеченному идеализму 30-х и 40-х гг.» [13, с. 62]. Русские писатели XIX в. творили «не от радостного творческого избытка, а от жажды спасения народа, человечества и всего мира, от печалования и страдания о неправде и рабстве человека» [13, с. 63].

Философ русского зарубежья С. А. Левицкий в «Очерках по истории русской философии», писал, что «восстание декабристов знаменовало собой в культурном отношении разрыв между элитой общества и правящим слоем». Общество стало менее патриотичным, а правящий слой все более бюрократизировался. Дворянская монархия уступило место монархии бюрократической [14, с. 43].

Осмысливая место декабристов в истории российского общества, Н. А. Бердяев писал, что «действительно духовное и освободительное движение было только в очень небольшой группе», не имевшей опоры ни в кругах дворянства и чиновничества, ни в широких массах, веровавших в религиозное освящение самодержавной власти царя. И они были обречены на гибель [13, с. 61]. Г. П. Федотов, напротив, полагал, что «ничто не доказывает, что либеральная дворянская власть была большей утопией для России, чем власть реакционно-дворянская» [9, с. 424].

Н. А. Бердяев видел величайшую заслугу дворянских революционеров в их самоотречении, в отказе от своих сословных привилегий, в свободном подчинении общенародной и общечеловеческой идее [15, с. 75—76]. «Необыкновенную честь русскому дворянству делает то, — писал Бердяев, — что в своем

верхнем аристократическом слое оно создало движение декабристов, первое освободительное движение в России, открывшее революционный век», что «богатые помещики и гвардейские офицеры не могли примириться с тяжелым положением крепостных крестьян и солдат». Декабристы «представляли самый культурный слой русского дворянства» [13, с. 61]. Н. А. Бердяев, отмечал, что «в поколении декабристов было больше цельности и ясности», чем в следующих поколениях интеллигенции. Декабристы были участниками Отечественной войны, заграничных походов, а «для последующих поколений был закрыт опыт политической деятельности». За ними стоял «ужас жестоко подавленного Николаем I восстания декабристов» [13, с. 61].

С. Н. Булгаков обратил внимание на такую характерную черту декабристов как сочетание революционных идей с религиозным чувством. Он противопоставил революционность декабристов как «акт христианского подвижничества» революции «новейшей», основанной на атеизме» [8, с. 54]. Если первая благородно жертвенна, то вторая «страшна именно своей бездуховностью».

В революционную первую четверть XX в. декабристы представлялись часто в романтическом или искаженном свете. Так, Д. С. Мережковский видел в них «уже почти нечеловеческие облики первых пророков и праотцев русской свободы» [6, с. 34]. Он искренне удивлялся покаянным письмам декабристов на имя царя: «Это ли вчерашние мятежники, царевубийцы? Революция сползла с них как истлевшее лохмотье, открывая голое тело реакции» [6, с. 140]. По мнению М. О. Гершензона, у декабристов не было «кровных исканий и трагедии духа» [16, с. 58]. Хотя на самом деле декабристы — дворяне, воспитанные все же и на сословных ценностях, — пришли к революционным выводам именно через трудные «нравственные искания» и «трагедию духа» [16, с. 58].

Таким образом, интеллигенты начала XX в. отмечали значительную роль декабристов в освободительном движении, как родоначальников новой политической культуры России. В то же время мнения интеллигентов революционной эпохи о дворянских революционерах были обусловлены духом своего времени. В декабризме находили свои истоки разные направления общественно-политической мысли. Декабристы определили формирование системы ценностей и нравственных принципов русской интеллигенции, в основе которых лежало противоборство общественному злу.

Библиографический список

1. Гессен, С. Я. Декабристы перед судом истории (1825—1925) / С. Я. Гессен. — М.; Л.: Петроград, 1925. — 296 с.
2. Вернадский, Г. В. Два лика декабристов / Г. В. Вернадский // Свободная мысль. — 1993. — № 15. — С. 81—92.
3. Плеханов, Г. В. 14 декабря 1825 года / Г. В. Плеханов // Плеханов Г. В. История в слове. — М.: Современник, 1988. — С. 32—53.
4. Ленин, В. И. Памяти Герцена / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. М.: Изд. политической литературы, 1980. — Т. 21. — С. 255—262.
5. Шацилло, К. Ф. Первая государственная дума / К. Ф. Шацилло // Отечественная история. — 1996. — № 4. — С. 60—71.
6. Мережковский, Д. С. Больная Россия. Избранное / Д. С. Мережковский. — Л.: Изд. ЛГУ, 1991. — 272 с.
7. Готье, Ю. В. Мои заметки / Ю. В. Готье // Вопросы истории. — 1991. — № 9/10. — С. 160—185.

8. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // Вехи. — Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. — С. 26—68.
9. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. В. Федотов // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990. — С. 403—443.
10. Струве, П. Б. Интеллигенция и революция / П. Б. Струве // Вехи. — Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. — С. 148—165.
11. Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // Вехи. — Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. — С. 6—25.
12. Струве, П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / П. Б. Струве // Из глубины. — М.: Изд. МГУ, 1990. — С. 235—250.
13. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990. — С. 43—271.
14. Левицкий, С. А. Очерки по истории русской философии / С. А. Левицкий. — М.: Канон, 1996. — 496 с.
15. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. — М.: Канон, 1998. — 400 с.
16. Гершензон, М. О. История молодой России / М. О. Гершензон. — М.: Мосполиграф., 1923. — IV, 318 с.

Лавринович Дмитрий Сергеевич

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилев, Беларусь)*

ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО*

В годы Первой мировой войны Ставка Верховного Главнокомандующего являлась высшим органом управления действующей армией. После вступления в должность Верховного Главнокомандующего Николая II в августе 1915 г., Могилев, где разместились Ставка, стал фактически «второй» столицей Российской империи. Источники позволяют составить представление о месторасположении, кадровом составе, распорядке работы различных подразделений Ставки, образе жизни ее высших чинов. Сохранившиеся свидетельства современников дают возможность раскрыть Николая II в роли Верховного Главнокомандующего, показать его взаимоотношения с армейской элитой, особенности времяпровождения в Ставке, поведение в критические для монархии дни в феврале-марте 1917 г.

В начале XX века Могилев был центром одноименной губернии. По данным переписи населения 1897 г. в городе проживало более 43 тыс. человек, из них около 21 тыс. евреев, около 19 тыс. православных и около 2 тыс. католиков. В 1913 г. работали 170 промышленных предприятий, на которых трудилось 712 рабочих. В торговле и промышленности преобладал еврейский капитал. В городе существовала линия конки, а с 1902 г. проходила железная дорога Санкт-Петербург — Одесса. В Могилеве работали учительский институт, 5 гимназий, прогимназия, духовная семинария, епархиальное и реальное

* Статья написана при поддержке гранта БРФФИ, проект «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915—1917 гг.)» № Г17Р-070.

училища, другие учебные заведения [8, с. 9]. Политическая жизнь в Могилеве была развита слабо. К началу Первой мировой войны в Могилеве действовал отдел Всероссийского национального союза. Местные октябристы и конституционные демократы в основном были связаны с образовавшимися в 1914 г. комитетами Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов.

С переездом Ставки жизнь Могилева резко изменилась. Описывая первые впечатления после прибытия Верховного Главнокомандующего, М. Белевская писала: «В городе стало торжественно и тихо. Чувствовалось деловое напряжение в Ставке и это передавалось обывателям» [1, с. 13]. Местом размещения Верховного Главнокомандующего был выбран дом могилевского губернатора. Первоначально в губернаторском доме остановились великий князь Николай Николаевич и начальник штаба Н. Н. Янушкевич, а с 27 августа там разместился Николай II, который до этого четыре дня прожил в поезде недалеко от станции [4].

В бывшей резиденции губернатора, помимо Николая II, жили министр императорского двора В. Б. Фредерикс, гофмаршал В. А. Долгоруков, дворцовый комендант В. Н. Воейков, дежурный флигель-адъютант Н. П. Саблин [5, с. 30]. Остальные члены царской свиты были размещены в гостиницах.

В здании губернского правления, которое находилось рядом с домом губернатора, расположилось Управление генерал-квартирмейстера. В августе 1915 — феврале 1917 гг. должность генерал-квартирмейстера последовательно занимали Ю. Н. Данилов, М. С. Пустовойтенко, А. С. Лукомский. В доме работал и жил начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеев. С весны 1916 г. там же разместились генерал для поручений В. Е. Борисов, друг и советник Алексеева [2, с. 109].

На центральной площади Могилева, также недалеко от дома губернатора, в здании окружного суда расположились Управление дежурного генерала (начальник — П. К. Кондзеровский), начальник военных сообщений (С. А. Ронжин), Морской штаб (А. И. Русин), директор дипломатической канцелярии (Н. А. Кудашев, затем — Н. А. Базили) [5, с. 30].

Другие структурные подразделения Ставки были помещены в других административных зданиях, а также гостиницах города. К 1917 г. штаб Верховного Главнокомандующего состоял из 12 управлений, насчитывавших более 200 офицеров и чиновников [2, с. 107]. В Могилеве находились представители союзных государств, проживавшие в гостинице «Бристоль» [5, с. 33].

Охраной и внутренним распорядком Ставки ведала комендантская часть, во главе которой стоял командующий гвардейским жандармским эскадронам. Резиденцию императора охранял Георгиевский батальон, часовые которого находились у входа в дом губернатора [2, с. 259]. В непосредственной близости, на площади, в городском саду, прилегающих улицах, несли дежурство чины дворцовой полиции и секретные агенты. Для охраны Николая II также были задействованы дежурная сотня конвоя Его Императорского Величества (командир — А. Н. Граббе), дежурная рота Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка (командир — А. А. Ресин) и собственный Его Величества железнодорожный полк (командир — С. А. Цабель). С воздуха Ставку защищал специальный авиационный дивизион [7, с. 35].

Николай II бывал в Могилеве часто. Первый раз он приехал 23 августа 1915 г. и пробыл в городе месяц, уехав только 22 сентября. Второй раз он при-

ехал уже с сыном Алексеем 3 октября и находился в Ставке 9 дней. Всего же в 1915 г. царь прожил в Могилеве 71 день. В 1916 г. город на Днепре стал, по сути, основным местом пребывания императора: он пробыл в городе 269 дней (73 % всего года). Самый долгий период отсутствия императора в Ставке приходится на период после убийства Г. Е. Распутина: с 18 декабря 1916 г. Николай II не появлялся в Могилеве более двух месяцев [4]. В общей сложности с августа 1915 г. по март 1917 г. царь находился в Ставке 350 дней, т. е. фактически большую часть времени.

Как правило, император придерживался довольно строгого распорядка дня. Около 10 ч. утра Николай II отправлялся в Управление генерал-квартирмейстера, где заслушивал доклад М. В. Алексева о текущей обстановке. Затем царь возвращался к себе и принимал министров и других чиновников, приезжавших из Санкт-Петербурга. Обычно после 12 ч. начинался завтрак, на который по очереди приглашались все чины Ставки и приезжавшие с докладами лица, а также иностранные представители. Завтраки состояли из двух простых блюд, на отдельном столике у балкона подавалась водка и закуска. Присутствовало 20—25 человек. Закончив трапезу, все переходили в гостиную, где царь беседовал с гостями около 15—20 мин. После этого, Николай II чаще всего отправлялся на прогулку по окрестностям Могилева. «Часто гуляя в окрестностях города, Государь встречался с крестьянами», — вспоминала М. Белевская. — «Он расспрашивал их об их жизни и интересовался всякими мелочами. Но никогда никто из крестьян, во время таких случайных встреч с Государем, не обращался к нему с какой-нибудь просьбой» [1, с. 21]. Обед для царя накрывали в 6 ч. вечера. По свидетельству А. Д. Бубнова: «К обеду за царский стол изредка приглашались отдельные чины Ставки по указанию самого Государя; эти приглашения считались знаком особого внимания; за стол в обед садилось всего человек 10—12» [2, с. 117]. Вечером император разбирал бумаги, иногда работая допоздна. Затем, перед сном, он играл с другими жильцами губернаторского дома в кости или домино.

В Могилеве Николай II занимался не только военными вопросами, но и принимал важные политические решения, встречался с зарубежными делегациями. Так, 28 июня 1916 г. в Ставке состоялось заседание Совета министров, 1 сентября того же года город на Днепре посетил эмир Бухары, 11 сентября — японский принц Котохито Канъин. 9 ноября 1916 г. в Могилеве император принял решение о об отставке председателя Совета министров Б. В. Штюрмера и назначении на его пост министра путей сообщений А. Ф. Трепова [4].

В последний раз в Ставку Николай II вернулся один 23 февраля 1917 г. Уже на следующий день в Ставку стали поступать вести из Петрограда о рабочих волнениях [2, с. 261]. Но, по воспоминаниям М. Белевской, в Могилеве петроградские события всерьез не воспринимали. Даже 27 февраля 1917 г., когда в столице вспыхнуло восстание, на ее вопрос о беспорядках, начальник ставочной контрразведки ответил: «Повесим два, три десятка и все будет спокойно» [1, с. 29].

Вечером того же дня великий князь Михаил Александрович, брат царя находившийся в Петрограде, по прямому проводу связался со Ставкой и попросил Николая II даровать «министерство доверия». Позже в Могилев пришла телеграмма от выборных членов Государственного совета с аналогичной просьбой, а также телеграмма от председателя Совета министров

Н. Д. Голицына, преемника А. Ф. Трепова, с прошением об отставке. Царь отказался идти на уступки. Вместо этого он сначала предоставил председателю Совета министров временные диктаторские права, а затем послал на Петроград карательную экспедицию под командованием генерала Н. И. Иванова. Сам Николай II рано утром 28 февраля выехал в Царское Село, но проехать туда не смог.

1 марта в 11 ч. утра прямая связь между Петроградом и Ставкой была прервана по распоряжению комиссара Временного комитета Государственной думы Б. А. Энгельгардта, помещика Могилевской губернии [2, с. 270]. В тот же день царь прибыл в Псков, где располагался штаб Северного фронта. К этому времени М. В. Алексеев и генералитет Ставки склонились к мысли о необходимости уступок революционным властям в Петрограде. Вечером В. М. Пронин по поручению А. С. Лукомского направился в редакцию газеты «Могилевские ведомости», чтобы добыть образец царского манифеста. Используя полученный образец М. В. Алексеев, А. С. Лукомский, Н. А. Базили и великий князь Сергей Михайлович, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем, составили манифест о даровании ответственного перед законодательными палатами правительства и отправили его для подписания Николаю II в Псков. Ответа от царя не последовало [2, с. 271].

Большинство генералитета мысленно уже смирилось с произошедшем в Петрограде переворотом. Ночью 2 марта 1917 г. состоялся продолжительный разговор по прямому проводу между М. В. Родзянко и командующим Северным фронтом генералом Н. В. Рузским. Председатель Государственной думы высказался за немедленное отречение Николая II в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича [7, с. 252]. Эта беседа была передана в Ставку. Генерал М. В. Алексеев, в свою очередь, отправил телеграммы командующим фронтами, в которых обрисовал ситуацию в Петрограде и предложил высказать свое мнение по поводу необходимости отречения Николая II. Сам Алексеев высказался за отречение и его поддержали все остальные командующие фронтами. В 14 часов 30 мин. 2 марта начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего передал полученные им ответы в Псков. Выслушав телеграмму, Николай II решил отречься в пользу сына [3, с. 232]. Текст соответствующего манифеста по поручению М. В. Алексеева был составлен в Ставке А. С. Лукомским и Н. А. Базили и отослан в Псков [6, с. 10, 11]. Ночью 3 марта в Могилеве была получена информация об отречении царя в пользу брата великого князя Михаила Александровича [2, с. 280]. Последний, как известно, отказался вступать на престол.

Из Пскова Николай II вернулся в Ставку утром 3 марта 1917 г. На следующий день на здании городской думы появилось два красных флага, которые отрекшийся император мог видеть из окон своей резиденции [2, с. 290]. При этом Николай II продолжал ходить на доклад к М. В. Алексееву. В Могилеве он встретился со своей матерью Марией Федоровной, приехавшей из Киева. 8 марта в управлении дежурного генерала бывший император простился со служащими Ставки и навсегда покинул Могилев.

Таким образом, источник в значительной мере позволяют реконструировать жизнь Ставки Верховного Главнокомандующего в Могилеве накануне и во время революционных событий 1917 г.

Библиографический список

1. Белевская, М. (Летягина). Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915—1918 г. Личные воспоминания / М. Белевская. — Вильно: Тип. Я. Левиной, 1932. — 48 с.
2. Бубнов, А. Д. В Ставке Верховного Главнокомандующего / А. Д. Бубнов, В. М. Пронин. М.: Вече, 2014. — 320 с.
3. Данилов, Ю. Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Великом Князе Михаиле Александровиче / Ю. Н. Данилов // Архив русской революции: В 22 т. — М.: ТЕРРА, 1993. — Т. 19. — С. 212—242.
4. Дневники императора Николая II / Общ. ред и предисл. К. Ф. Шацилло. — М.: Орбита, 1992. — 736 с.
5. Лемке, М. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916) / М. Лемке. — Петербург: Госиздат, 1920. — 859 с.
6. Лукомский, А. С. Из воспоминаний / А. С. Лукомский // Архив русской революции: В 22 т. — М.: ТЕРРА; Политиздат, 1991. — Т. 2. — С. 101—190.
7. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / Вступ. ст. Л. Китаева, М. Кольцова. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — 336 с.
8. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Т. 5. — Мінск: БелЭн, 1999. — 592 с.

Луговцова Светлана Леонидовна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ХРОНИКА СОБЫТИЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ Я. ДРОЗДОВИЧА

Бурные события, начало которым было положено в феврале 1917 г., нашли многостороннее отражение на страницах воспоминаний белорусского живописца, графика, скульптора, этнографа, археолога и исследователя космоса Язепа Дроздовича. Язеп Нарцизович был призван в российскую армию ещё в 1910 г. В 1912—1913 гг. он закончил фельдшерские курсы, после чего был направлен в приволжский Вольск. С началом Первой мировой войны отправился со своим полком под Люблин. В 1914 г. автор воспоминаний заболел брюшным тифом, лечился в госпитале и получил семимесячный отпуск на родину. Летом 1915 г. Дроздович был вынужден вернуться в армию: в Дисне делал мобилизованным прививки от оспы. Немецкое наступление вынудило лазарет эвакуироваться. К началу 1917 г. он находился в составе запасного полка, расположенного в миле от Вышнего Волочка [2, с. 513—515]. Дроздович стал свидетелем «метаний» литерного поезда Николай II, когда император пытался пробиться в мятежный Петроград, но вынужденно вернулся во Псков; перехода власти к новым органам; парадов Свободы в Вышнем Волочке и Петрограде; процедуры избрания командного состава в воинских частях.

Я. Дроздович рассуждает о причинах революции и на первое место ставит последствия бесконечно долгой изматывающей для российского солдата Первой мировой войны. Автор воспоминаний фиксирует изменение отношения к личности императора в солдатской среде. Если в начале войны царя чтили, как существо некой высшей природы, идеальное и непобедимое, то после череды неудач и поражений на фронте его образ превратился в бессильного, неспособного править страной человека, который и сам править не мог и другим не давал. Большое влияние на изменение настроений солдатской массы,

по мнению Дроздовича, оказали выступления думских деятелей и их публикация в прессе, критика действий правящей фамилии. Желу императора солдаты считали явной сторонницей Германии. Когда в 1915 г. газеты сообщили, что императрица благословила иконами крепости Ивангород, Новогеоргиевск, Осовец и Ковно, а через неделю все эти крепости, включая героический Осовец, сдались — солдаты говорили: «вот как она их благословила...», принимая благословение императрицы за условный сигнал на сдачу [2, с. 517]. Народ верил в самые невероятные слухи относительно самого Николая II и членов его семьи, и, чем более были образованы собеседники Дроздовича, тем большим тираном считали они императора. Его правление сравнивали с эпохой Ивана Грозного, считая преступления последнего Романова даже большими по отношению к средневековому правителю [2, с. 518].

Рассуждения Дроздовича созвучны осмыслению причин февральских событий 1917 г. в воспоминаниях других военнослужащих. В частности, полковник Д. И. Ходнев отмечал ключевую роль «избранников народа» П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова в антиправительственной агитации и пропаганде [4, с. 252]. Генерал А. А. Брусилов утверждал, что к Февралю 1917 г. вся армия — на одном фронте больше, на другом меньше — была подготовлена к революции [1, с. 277].

Язеп Дроздович, безусловно, пацифист, он ненавидел войну не только за то, что она забрала лучшие годы его собственной жизни, но и за бессмысленное убийство миллионов людей, которых «звялі на ўзаемную бойню ўладыкі зямныя дзеля ўлады і славы сваёй» [2, с. 514]. «Не пайшла б так легка, так адразу насустрач пабеданоснаму рэвалюцыйнаму Петраграду такая вялікая краіна, як «Расійская імперыя», каб нязмучаны вайной салдат ды Гасударственная Дума, якая яшчэ загады прадачуваючы гібель црызму, падгатоўіла сама сабе грунт пад кіраўніцтва вынікамі спадзяванай рэвалюцыі», — как бы подводит итог своим размышлениям о февральских событиях Я. Дроздович [2, с. 523].

В воспоминаниях зафиксирована потрясавшая современников скорость, с которой революционные события в Петрограде находили поддержку в других городах Российской империи. Если в Москве в последние дни февраля военные по-прежнему отдавали друг другу честь, а к фельдшеру Дроздовичу обращались на «ты», то буквально через пару дней в Верхнем Волочке грубое «ты» превратилось в вежливое «вы», а вместо отдания чести военнослужащие стали говорить друг другу «привет» [2, с. 518].

10 марта в Верхнем Волочке праздновали День свободы. Павловский запас, в составе которого находился Дроздович, в полном составе участвовал в праздничных мероприятиях. «У змучаным сэрцы салдата цвіла «свабода». Бо ніжні чын — салдат, гэта быў ў царскія часы запраўды прыніжаны, паграджаны, на кожным кроку руганы, лаяны нявольнік», — свидетельствует автор [2, с. 518]. Дроздович передает тот восторг, ту, полную надежд атмосферу, которая охватила военнослужащих и жителей города. Он подчеркивает мирный характер революционных событий в Верхнем Волочке в отличие от Петрограда, где численность жертв революции оценивалась современниками от 1 до 15 тыс человек [3, с. 33].

В первые дни марта в Верхнем Волочке обезоружили полицию и выбрали народную милицию, прошли также выборы командного состава в воинских частях. Положение тех командиров, которые были грубы и бесцеремонны

с подчиненными резко ухудшилось. Одновременно положение таких людей, как автор воспоминаний, улучшилось. Дело в том, что на протяжении военных лет Дроздович постоянно заботился о больных солдатах, не раз рисковал попасть под дисциплинарное взыскание и буквально «с боем», устраивал тяжелобольных военнослужащих в переполненную городскую больницу.

В воинской части, где служил автор воспоминаний, было всего 2 офицера, 2 фельдфебеля и два врача ветеринара, должности которых объявили выборными. Больше всех солдатам досаждал «генерал Кашенко» — прапорщик 1-го отделения, мастер «матушку загнуть». «Бешеным» называли ветеринарного врача Рожнова, который набрасывался с руганью на подчиненных по малейшему поводу [2, с. 518—520].

Несмотря на появившуюся свободу выбора, солдаты проголосовали за старых военачальников, руководствуясь принципом: «А вдруг пришьют нам взамен какую-нибудь дрянную похуже этого!» [2, с. 521]. Отметим, что далеко не везде в ходе выборов командного состава солдаты вели себя столь миролюбиво. В Московском полку должности сохранили всего 35 офицеров, т. е. лишь почти половина штатного состава. В запасном батальоне Московского полка к лету 1917 г. из 75 офицеров на службе остался 21 — в основном прапорщики и подпоручики [5, с. 12]. Многие офицеры стали жертвами расправы со стороны солдат. Наиболее драматические события разыгрались в Луге, где составом гвардейской кавалерии заведовал генерал граф Г. Г. Менгден и его помощник граф Г. А. де Брозель-Платтер. Эти аристократы вызвали к себе ненависть только потому, что их считали немцами и уже по этой причине изменниками. Они были буквально растерзаны толпой, несмотря на то, что за них заступились нижние чины [5, с. 9].

«Очарованность» революционными событиями довольно быстро сменилась в сердце автора глубоким разочарованием. Пришло осознание, что «беларусам, як «іншародцам» спадзявацца на поўнае «самоопределение» без бою было нечага», что «свабода — гэта брама з няволі...» [2, с. 524]. Разочарованность в общественных событиях усилилась на фоне серьезных проблем со здоровьем. В начале лета 1917 г. Дроздович резко ослабел и похудел. Врачебная комиссия в Москве установила диагноз — неврастения — и предоставила ему двухмесячный отпуск домой, из которого в российскую армию он уже не вернулся. Первым делом Дроздович отправился в Петроград, расположенный недалеко от его армейской части, чтобы использовать редкую возможность общения с близкими по духу людьми и знакомства с шедеврами Зимнего дворца. День освобождения автора от военной службы — 28 июня — совпал с проведением Парада свободы в Петрограде, на котором был представлен широкий спектр общественных сил от гвардейских офицеров до анархистов и большевиков, что ярко отражено в воспоминаниях.

Описание калейдоскопа событий февраля-июня 1917 г. в изложении Я. Дроздовича ошеломляет глубиной философских рассуждений. В частности, разоблачая бессмысленность человеческих жертв Первой мировой войны и обвиняя в этой бойне правителей государств, автор продолжает: «Звялі вас на ўзаемную бойню ўладыкі зямныя дзеля ўлады і славы сваёй... Звялі вас і самі ўпалі — паваліліся іхнія гордыя троны... на іх месцы прыдуць важакі чынгісаханаўскага тыпу, Мамаі, Тамерланы, і таксама падуць, а разам з імі і іхнія ўлады...» [2, с. 514]. На наш взгляд, на страницах воспоминаний Дроздо-

вича нашел отражение дар предвидения, которым обладал автор. В частности, художник зафиксировал свой разговор с Б. И. Эпимахом-Шипило от 28 июня 1917 г., в ходе которого он разъяснял содержание собственных картин организатору товарищества «Заглянет солнце и в наше оконце». На протяжении мучительных лет в российской армии все свободное от службы время Я. Дроздович много рисовал, лепил, собирал коллекцию окаменелостей. Не имея возможности, сохранить плоды творчества в армейских условиях, он дарил их и отправлял на хранение разным знакомым, в том числе и Брониславу Игнатьевичу Эпимаху-Шипило. Уже в работах, датированных 1916 г., автор предсказал гибель царя с наследником; лавину повторной революции, которая сотрет всё на своем пути; раскол и взаимоуничтожение в лагере революционеров; угрозу России в будущем со стороны Японии [2, с. 516]. Наконец, ещё за четыре года до окончания службы в армии в ответ на заданный им вопрос, где он завершит военную службу, Дроздович увидел во сне купола церкви Вышневолоцкого монастыря. И спустя годы действительно получил увольнительную из части, расположенной совсем не далеко от известного пятикупольного храма.

После увольнения из армии Язеп отправился к матери, державшей в аренде фольварок Красовщина на Дисненщине, недалеко от местечка Германовичи. Он был рад оказаться в кругу большой семьи. Спасаясь от наступления немцев, к матери приехала старшая сестра Дроздовича Леокадия с дочками, зятями, внуками. Здоровье Язепа пошло на поправку, и он решил «аддацца супольніцкай працы на карысць людзей немаможных» [2, с. 537]. Дроздович организовал в Германовичах районный продовольственный комитет, и был избран его председателем. Параллельно занялся организацией кооперативного товарищества «Белорус», быстро превратившегося в самый крупный по количеству пайщиков (ок. 800) кооператив на Виленщине. Я. Дроздович также активно занимался проблемой возрождения Германовичской волости, разделенной к 1917 г. между тремя волостями [2, с. 537].

Во время этой напряженной общественно-значимой работы пришло известие об аресте в Петрограде членов Временного правительства, установлении власти большевиков во главе с В. И. Лениным. Я. Дроздович с одобрением встретил эти новости, он разделял призывы большевиков прекратить военные действия и наделить крестьян землей. Правда, новая власть не успела закрепиться на Дисненщине до очередного наступления немецкой армии. Ни о каких демократических преобразованиях и активной общественной работе под властью немецкой военной администрации думать не приходилось. Однако, как только Дроздович узнал о создании Советской Беларуси в 1919 г., он сразу отправился в Минск, туда, где, по его мнению, мог быть полезен своему народу, его национальному самоопределению.

Таким образом, судя по воспоминаниям Я. Дроздовича, накануне Февральской революции в умонастроениях, как нижних армейских чинов, так и образованных людей Москвы и Петрограда господствовало негативное отношение к императору и его супруге. Десакрализация власти, интенсивно продолжавшаяся в течение Первой мировой войны, к 1917 г. достигла угрожающих размеров. Однако восторг от обретения долгожданной свободы, период ярких митингов и красных бантов сменился разочарованием: новая власть не принесла мира и достатка измученному войной солдату. Не интересовали Вре-

менное правительство нужды и чаяния белорусского народа, само существование которого отрицалось. Ещё в марте 1917 г. к Дроздовичу пришло понимание, что самоопределение невозможно «без боя» [2, с. 524]. Октябрьский переворот он воспринял, как продолжение революции в России. Декреты большевиков о мире и земле, а главное — создание самостоятельной белорусской республики — определили его поддержку новой власти, вызвали стремление участвовать в работе по строительству новой Беларуси.

Библиографический список

1. Брусилов, А. А. Мои воспоминания. Брусиловский прорыв / А. А. Брусилов. — М.: Эксмо, 2013. — 480 с.
2. Драздовіч, Я. На пазахатнім свеце (успаміны з вайсковага жыцця) / Язэп Драздовіч. Праз цёрні да зорак: успаміны, артыкулы, прысвячэнні, мастацкія творы / уклад. Міхася Казлоўскага. — Мінск: Мастацкая літаратура, 2014. — С. 512—541.
3. Николаев, А. Б. Отрезанные головы Февральской революции / Андрей Николаев // 90 лет Февральской революции в России: сборник статей оп материалам межвузовской научной конференции, 12 марта 2007 г. — Санкт-Петербург: Элексис Принт, 2007. — С. 33—42.
4. Ходнев, Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / Институт российской истории РАН; отв. ред. П. В. Волобуев; ред.: В. П. Булдаков, С. М. Исхаков, В. Л. Телицын. — М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. — 399 с.
5. Чапкевич, Е. И. Русская гвардия в Февральской революции / Е. И. Чапкевич // Вопросы истории. 2002. — № 9. — С. 3—16.

Мельникова Алеся Сергеевна

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилев, Беларусь)*

ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРУДОВОЙ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Февральская революция 1917 г. стала началом демократических преобразований в различных сферах жизни Российского государства. Временное правительство стремилось найти пути выхода из внутреннего кризиса в стране. Однако, будучи временной властью, правительство считало себя не вправе начинать более решительные преобразования до созыва Учредительного собрания. Такая позиция нашла как противников, так и союзников. К последним относились умеренные неонародники — трудовики и народные социалисты (энесы).

Трудовая группа, трудовики (с апреля 1917 г. — партия) и Народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы) организационно оформились в 1906 г. Связанные многолетним политическим сотрудничеством, данные партии приняли решение о слиянии в единую Трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП) в июне 1917 г. Определяющими факторами для данного шага явились близость теоретических и практических принципов

работы обеих партий, а также острая необходимость расширения численного состава, укрепления кадрового потенциала. Данная инициатива была поддержана и представителями региональных партийных организаций на неоккупированной территории Беларуси, социальную основу которых составили преимущественно представители образованной части трудового населения с умеренными социалистическими взглядами. Сокращенно представителей ТНСП стали называть «народными социалистами, энесами».

Анализ документации собраний деятелей ТНСП на территории белорусских губерний показывает, что в своей работе они руководствовались решениями, принятыми партийным съездом и закрепленными в партийной программе. Народные социалисты поддерживали Временное правительство, считая его законной властью в стране до созыва Учредительного собрания. Так, на партийном собрании Витебской организации ТНСП 29 июля 1917 г. была принята следующая резолюция: «Завоевания революции и государство находятся в чрезмерной опасности. Только власть, сильная поддержкой всего народа и творящая общенациональную волю, может преодолеть военный разгром на фронте и вывести страну из экономического кризиса. Витебская группа Трудовой народно-социалистической партии выражает революционному правительству национальной обороны свое полное доверие» [6, с. 4]. Такая резолюция, по сути, дублировала постановление партийного центра от 23 июля 1917 г.

Представители ТНСП являлись убежденными сторонниками коалиционной власти, которая, по их мнению, могла обеспечить выход из экономического и социального кризиса, привести страну до Учредительного собрания. Такая власть, отмечали энесы, будет опираться не на одно политическое течение, а на все демократические силы. В связи с этим они доказывали, что к «спасению родины должны быть призваны и буржуазные элементы при условии контроля за ними со стороны революционной демократии» [5, с. 3].

Оппонируя противникам коалиции, народные социалисты отмечали, что сложившиеся в стране трудности являются не результатом неудовлетворительной работы коалиционного правительства, а их причина кроется в объективных факторах: продолжении войны, упадке промышленного производства, необразованности основной массы населения. Поэтому, подчеркивали они, «наивно было бы думать, что однородное социалистическое правительство может преодолеть эти трудности», не усугубив их [1, с. 2].

Энесы призывали население к единению с правительством и считали своим долгом вести пропагандистскую борьбу против тех элементов общества, которые подрывали авторитет государственной власти. К последним народные социалисты относили, в первую очередь, большевиков, рост влияния которых они объясняли отсутствием единства в среде революционных сил, усталостью народных масс от государственной разрухи. Противостоять растущему влиянию большевиков народные социалисты считали возможным только путем повышения политической культуры населения, в первую очередь интеллигенции.

После июльского правительственного кризиса энесы были крайне обеспокоены политической ситуацией в стране. Вопрос о кризисе власти и политической нестабильности в стране ставился не только в ЦК ТНСП, но и на заседаниях местных комитетов [8, с. 62]. Народными социалистами Беларуси

неоднократно констатировалось, что государство находится в крайне сложной ситуации. Выходом из нее, по их мнению, может стать только полное подчинение населения Временному правительству.

В связи с этим действия Л. Г. Корнилова энесы восприняли настороженно, расценив их как угрозу контрреволюции. Поддержки со стороны представителей ТНСП на территории Беларуси генерал не нашел, что было отмечено в статье представителя ЦК партии А. Б. Петрищева [7, с. 316].

По вопросу о войне народные социалисты стояли на активной оборонительной позиции. Они с горечью писали о поражениях русских войск, выступали с осуждением попыток братания, деморализации армии, дезертирства. Народные социалисты протестовали против призывов к заключению сепаратного мира, считая, что он будет заключен союзниками за счет России. Избежать этого, по мнению энесов, можно было только укреплением обороноспособности страны и армии, которая подчинялась бы Временному правительству.

Восстановление Временным правительством смертной казни на фронте народные социалисты поддержали, несмотря на то, что являлись сторонниками ненасилия. Так, могилевский энес Г. К. Крейер оправдывал целесообразность правительственного решения неустойчивым внутриполитическим положением страны, подчеркивая, что «при современных условиях распада армии и тыла, состоянии культурно-политического и государственного самосознания русского воина нет ничего, чем бы можно было заменить смертную казнь». Эта мера, по его мнению, способна предотвратить и пресечь преступность, имеющую явный характер измены родине. При этом Г. К. Крейер выражал надежду, что Временное правительство будет исполнять смертную казнь лишь в исключительных случаях и до наступления более благоприятного времени [3, с. 3]. По мнению народных социалистов, противостоять всем негативным явлениям в армии, среди которых они особо выделяли растущую большевистскую агитацию, можно лишь путем расширения культурно-просветительской работы среди солдатских масс.

В аграрной сфере народные социалисты настойчиво пропагандировали идею национализации, доказывая, что и при отмене частной собственности на землю без собственника она оставаться не может, верховным же собственником земельного фонда должно являться государство. Они принимали участие в правительственных мероприятиях по подготовке земельной реформы, считая, что они ведутся в строгом соответствии как с государственными интересами, так и с нуждами и потребностями трудового крестьянства. Народные социалисты выступали против захватов земель, утверждая, что разрешение аграрного вопроса является прерогативой Учредительного собрания. В противовес захватническим тенденциям энесы призывали население оказывать содействие проводимым подготовительным мерам, подчёркивая, что «работы эти поистине колоссальны и идут они самым ускоренным темпом, с таким расчетом, чтобы к Учредительному собранию можно было уже выступать с вполне разработанным проектом аграрной реформы» [4, с. 3].

С помощью агитационной работы народные социалисты пытались преодолеть недоверие крестьянства к создаваемым Временным правитель-

ством органам самоуправления. Они разъясняли сущность волостного земства в землеустроительной политике, утверждая, что «оно является самым близким сельскому населению учреждением» и «предоставляет полный простор сельскому населению для наилучшего удовлетворения своих нужд» [2, с. 2].

Продовольственный вопрос также находился в центре внимания представителей ТНСП. Поддерживая позицию общепризнанного лидера партии А. В. Пешехонова, занимавшего пост министра продовольствия в первом и втором коалиционном составе Временного правительства, энесы считали возможным применение жестких мер в центре и на местах с целью обеспечения потребностей населения. Они выступали за необходимость введения твердых цен не только на хлеб, но и на другие продовольственные товары, за вмешательство государства и местных органов самоуправления в вопросы снабжения населения продовольствием. Представители ТНСП считали недопустимым попустительство спекуляции хлебом и другими продуктами, сокращению посевных и уборочных работ, выступая за применение в данных случаях мер воздействия вплоть до уголовной ответственности.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Ориентируясь на общепартийную идеологию, представители ТНСП на территории Беларуси определили основополагающие идейные принципы своей деятельности. Выход из кризиса они усматривали в укреплении основ государственности, поддержке авторитета Временного правительства, активной подготовке к Учредительному собранию. Энесы оправдывали позицию власти по «непредрешению» насущных проблем до созыва Учредительного собрания, считая, что только народное представительство имеет право решать дальнейшую судьбу страны. До этого времени, утверждали энесы, Временное правительство должно провести необходимые подготовительные меры. Однако поддержка энесами власти, стремительно терявшей свой авторитет, препятствовала росту численности партии. ТНСП так и не смогла приобрести значимого влияния на крестьянство и рабочих, как по всей стране, так и на территории белорусских губерний.

Библиографический список

1. Богданов, М. Что дала коалиция? / М. Богданов // Витебское слово. — 1917. — 8 окт. — С. 2.
2. Богданов, М. Что такое волостное земство? / М. Богданов // Известия Витебского губернского Совета крестьянских депутатов. — 1917. — 8 сент. — С. 2.
3. Крейер, Г. Письмо в редакцию / Г. Крейер // Могилевская жизнь. — 1917. — 6 сент. — С. 3.
4. Неклепаев, Ив. Подготовительные работы Министерства земледелия к земельной реформе / Ив. Неклепаев // Могилевская жизнь. — 1917. — 30 июля. — С. 3.
5. Общее собрание Совета солдатских и рабочих депутатов // Известия Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов. — 1917. — 19 июля. — С. 3.
6. Партийная жизнь. Витебская группа // Народное слово. — 1917. — 3 авг. — С. 4.
7. Петрищев, А. О разочарованиях и распаде / А. Петрищев // Русское богатство. — 1917. — № 8—9. — С. 297—317.
8. Сыпченко, А. В. Умеренные народники и Корниловское выступление / А. В. Сыпченко // Самарский земск. сб. — 2002. — № 1. — С. 62—73.

Чикалова Ирина Ромуальдовна

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск, Беларусь)

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ДОКУМЕНТАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ, ДЕЙСТВОВАВШИХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ НАКАНУНЕ 1917 ГОДА

В начале XX столетия в России окончательно оформились три проекта решения женского вопроса — консервативный, либеральный, социалистический, и все они нашли воплощение в программных положениях политических организаций и партий. Либеральный проект решения женского вопроса нашел воплощение в деятельности Конституционно-демократической партии. В лагере либералов она стала единственной, активно привлекавшей женщин в свои ряды, и не исключала участие женщин даже в верхних эшелонах партийной иерархии. Е. Д. Кускова на 1-м съезде партии (октябрь 1905 г.) была избрана в ЦК, но из-за разногласий с руководством по программным и тактическим вопросам отказалась вступить в партию. А. В. Тыркова с конца 1905 г. входила в Петербургский городской комитет кадетов, являлась организатором агитационной комиссии для молодежи, на 3-м съезде партии (апрель 1906 г.) была избрана в ЦК, вплоть до 1914 г. заведовала кадетским бюро печати [9, с. 630]. Хотя в составе ЦК она являлась единственной женщиной, вплоть до избрания в него в 1917 г. графини С. В. Паниной, в известной степени именно ей (равно как и А. С. Милоковой) женское движение обязано тем, что среди кадетов было значительное количество его сторонников [10, с. 287]. После Февральской революции в 1917 г. Тыркова была гласной Петроградской городской думы. Кадетами были многие члены Союза равноправия женщин и Русского женского взаимно-благотворительного общества. Кадетская среда была лояльна к женщинам — товарищам по партии.

Отношение к женскому равноправию было сформулировано в ходе полемики в либеральной прессе и внутрипартийной дискуссии, состоявшейся на 2-м съезде партии (январь 1906 г.). По требованию делегатов в повестку дня включили отдельный вопрос «О допущении женщин к выборам». Против избирательных прав высказались видные кадеты И. В. Гессен, П. Б. Струве, П. Н. Милоков. Гессен предлагал не тратить время впустую [11, т. 1, с. 156]. Струве также отстаивал неактуальность «в настоящий момент» этого вопроса, поскольку он может отпугнуть от партии многих членов [11, т. 1, с. 135]. Милоков считал препятствием отсталость русских крестьянок, их малограмотность и неподготовленность к политической жизни. Женское избирательное право, по его мнению, спровоцирует недовольство среди крестьян, «не привыкших смотреть на женщину, как на равную», уронит партию в глазах многих, оттолкнет от нее [11, т. 1, с. 156]. Однако обсуждение показало, что в принципиальном плане многие делегаты съезда поддерживают принцип политического равноправия женщин. В защиту женских прав эмоционально выступила А. В. Тыркова, на тот момент организатор агитационной комиссии партии для молодежи. Сомневающимся также убеждал член ЦК кадетов, горячий сторонник женских прав, уроженец поместья Колонтаево Витебской губернии, профессор Л. И. Петражицкий: «Партия, провозглашающая необходимым всеобщее избирательное право, хочет игнорировать целую половину человеческого рода. <...> Есть вопросы по отношению, к которым суще-

ствует нравственная тупость, например, угнетение евреев, поляков и т. д. Женский вопрос находится в таком же положении, к. — д. партия должна отстаивать права всех угнетаемых, если это партия истинно демократическая» [11, т. 1, с. 156]. В конечном счете, съезд большинством голосов сделал требование политического равноправия женщин обязательным пунктом программы партии [11, т. 1, с. 158], а Петражицкий, будучи избранным в Первую Государственную Думу от Петербурга, выступил в ней с развернутой речью в защиту женского равноправия [6].

В белорусских губерниях филиалы партии кадетов действовали в Могилеве, Минске и других городах. Особенно оживилась их деятельность на территории Беларуси летом — осенью 1917 года. Проводниками идей женского равноправия были частично связанные с кадетами отделения Российской Лиги равноправия женщин (в Вильно, Витебске, Минске, Бобруйске, Могилеве), кружок Союза равноправности женщин в Минске, а также местные женские организации («Общество равноправия женщин», «Союз литовских женщин», «Польский кружок равноправия женщин» в Вильно, Филиал «Варшавского Общества равноправия польских женщин» в Белостоке, «Общество женского совета» в Витебске) [8].

Единым блоком с кадетами по вопросам предоставления гражданам России личных свобод выступала «Партия демократических реформ», но она не считала, что предоставление личных прав влечет автоматическое наделение ими в полном объеме [5, с. 34—35]. На практике это теоретическое положение вело к отказу от привлечения женщин к участию в выборах в нижнюю палату, которая должна избираться «всеми совершеннолетними и полноправными гражданами мужского пола на равных для всех началах, закрытой подачей голосов» [5, с. 85]. Как отмечалось в партийных документах, это было необходимо из-за традиционной зависимости женщин от мнения мужа или отца в условиях патриархального и малограмотного крестьянского общества. «Партия мирного обновления» соглашалась с требованием всеобщего, прямого, равного и тайного голосования на выборах как конечной цели либерального движения, но не применимого немедленно в условиях России: требование избирательных прав для женщин считалось чисто теоретическим, не имевшим в России почвы для реализации. Женщинам предлагалось предоставить право голоса при выборах органов местного самоуправления, что должно было создать условия для подготовки их к участию в политической жизни, дать им первичный опыт общественной деятельности [5, с. 63—64].

Таким образом, за всеобщее избирательное право без различия пола, как в выборах в Государственную Думу, так и в органы местного самоуправления выступила только Конституционно-демократическая партия, хотя и в ней были политики, пытавшиеся его сузить.

Вступление России в Первую мировую войну на время убрало женский вопрос из актуальной политической повестки, тем более, на белорусских землях, которые перешли на военное положение, а затем на два с половиной года стали ареной боевых действий. Революционные перемены принес 1917 год. Своеобразные социально-классовая структура и национального состава белорусского общества обусловили существование здесь партий и организаций разной политической ориентации. К осени 1917 г. на территории Беларуси действовали 22 политические партии и организации, в их числе 9 белорусских национальных партий, из которых шесть были национально-демократическими социалистической и социал-демократической ориентации, две буржуазно-либеральными и одна выражала интересы крупных землевладельцев.

Февральская революция сняла программные и тактические различия и разногласия между общероссийскими либеральными партиями. На базе кадетской партии начался процесс консолидации всех либеральных сил. Прекратили свою деятельность монархические партии: октябристы не смогли найти себя в новых условиях. К концу лета 1917 г. в состав центральных комитетов всех ведущих политических партий входили женщины: А. Коллонтай у большевиков; Л. А. Аксельрод (уроженка местечка Дуниловичи Вилейского уезда), Е. Л. Бройдо (уроженка Свентян Виленской губернии) у объединенных меньшевиков (ЦК РСДРП(о) от интернационалистов), Е. К. Брешко-Брешковская (в качестве почетного члена) у эсеров и М. Спиридонова у левых эсеров. К А. В. Тырковой, давнему члену ЦК кадетской партии, присоединилась Софья Панина. В ЦК БУНДа после Февральской революции была избрана одна из организаторов I съезда РСДРП Е. А. Гурвич, она же стала редактором его центрального органа — газеты «Дер Векер».

В условиях революции все российские партии, заинтересованные в поддержке со стороны женских масс, усилили работу среди них и провели съезды женщин: кадеты — мусульманок, эсеры — украинок, большевики, меньшевики, кадеты и эсеры организовали проведение своих женских съездов. Социалистические и демократические партии усилили работу в профсоюзах, союзах солдаток, среди крестьянок. Более интересной и содержательной стала публичная агитация, разносторонней — издательская деятельность. Брошюры, посвященные правам человека и женскому вопросу, наводнили страну, как это уже было в 1905 году [2; 4; 7]. Отдельной брошюрой были изданы фрагменты из стенографических отчетов, отразившие полемику по вопросу о равноправии женщин в первой Государственной думе, где дискуссии по этому вопросу были самыми острыми [1]. Белорусские кадеты не остались в стороне от этой работы, занявшись распространением брошюр, написанных идеологами КДП, и среди них — «Освобождение женщины» А. В. Тырковой [12].

Февральская революция вызвала новую волну интереса к женскому вопросу, активизировалась деятельность всех женских организаций, стали активно появляться новые. Возникли и активно выступали «Женская прогрессивная партия», «Всероссийский союз равноправия женщин» и другие политические организации. Еще до Февральских событий А. Шабанова попыталась объединить эти группы и провозгласила образование «Всероссийского женского общества», впоследствии переименованного в «Национальный женский совет» и присоединившегося к «Международному женскому совету». В мае Совет был признан Временным правительством и в знак признательности провозгласил своим президентом П. Н. Милокова.

Изменившаяся в связи с революцией общественно-политическая ситуация предопределила и неизбежность решения вопроса о женском равноправии. В апреле 1917 г. все граждане, достигшие 20-и лет, без различия национальности, вероисповедания и пола получили право голоса и избираться в городские думы и районные управы. Благодаря этому женщины смогли принять полноправное участие в первых выборах в городские и районные думы, прошедших в мае — августе 1917 г., и быть избранными в них. Так, в Минскую городскую думу по спискам БУНДа прошла Е. А. Гурвич. Это достижение стало лишь промежуточным этапом. В августе 1917 г. женщинам гарантировали равную оплату труда и равное с мужчинами право занимать государственные должности. Это было большим благом для школьных учительниц, составлявших самый большой процент женщин среди

государственных служащих. Министерство просвещения, в котором заместителем министра была одна из первых российских феминисток, известная своими благотворительными начинаниями, Софья Панина, разработало проект преобразования высших женских курсов в настоящие женские университеты, во всех отношениях равные мужским. В июне женщины-юристы получили право заниматься адвокатской практикой, тогда же они были включены в состав судов присяжных.

Наконец, на специальной конференции по разработке закона о выборах в Учредительное собрание был пересмотрен вопрос о женских политических правах. Он не встретил серьезного противодействия, и 20 июля правительство приняло решение о предоставлении женщинам, достигшим 21 года, избирательных прав. Положение о выборах в Учредительное собрание вступало в силу с 11 сентября 1917 года, в ноябре прошли выборы. Не вызывает сомнений, если бы Временное правительство дольше оставалось у власти, оно, при постоянном контроле со стороны равноправов, провело бы дальнейшую эмансипацию женщин. Однако на полную реализацию либеральной программы решения женского вопроса времени отпущено не было. Временное правительство было свергнуто большевиками.

С победой Октябрьской революции была открыта дорога для осуществления на практике большевистского эмансипационного проекта освобождения женщин — радикального как по своим задачам, так и по методам исполнения.

Библиографический список

1. Вопрос о равноправии женщин в первой Государственной думе. Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной Думы. Извлечение сделала Л. Гуревич. — Пг., 1917. — 45 с.
2. Гуревич, Л. Я. Почему нужно дать женщинам такие же права, как мужчинам / Л. Я. Гуревич. — Пг., 1917. — 16 с.
3. Лавринович, Д. С. Деятельность конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905—1918 гг.) / Д. С. Лавринович. — Могилев: Издательский центр МГГУ, 2009. — 335 с.
4. Мижухев, П. Г. Равноправие женщин (Права женщины и ее обязанности) / П. Г. Мижухев. — М., 1917. — 54 с.
5. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906—1916 гг. Документы и материалы / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия, Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц. — полит. истории, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Н. Б. Хайлова, отв. ред. В. В. Шелохаев. — М.: РОССПЭН, 2002. — 528 с.
6. Петражицкий, Л. И. О пользе политических прав женщин. Речь депутата 1-й Государственной думы. Партия народной свободы. По стеногр. отчету / Л. И. Петражицкий. — СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1907. — 16 с.
7. Погосский, В. В. Политические права женщин / В. В. Погосский. — М.: Д. Я. Маковский, 1917. — 31 с.
8. Помалейко, О. Л. Женские организации в Беларуси на рубеже веков (конец XIX — начало XX в.) / О. Л. Помалейко / науч. ред. И. Р. Чикалова. — Минск: Тесей, 2012. — 128 с.
9. Политические партии России, конец XIX — первая треть XX в.: Энциклопедия. — М., 1996. — 800 с.
10. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930 / Р. Стайтс. — М.: РОССПЭН, 2004. — 614 с.
11. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии / [редколлегия: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др.]: в 3 т. — М.: РОССПЭН, 1997—2000.
1. Тыркова, А. В. Освобождение женщины / А. В. Тыркова. — Пг.: Партия Народной свободы, 1917. — 26 с.

СЕКЦЫЯ 3

УНІВЕРСІТЭТ ЯК ПАДМУРАК НАЦЫЯНАЛЬНА-
ДЗЯРЖАЎНАГА БУДАЎНІЦТВА**Высоцкая Екатерина Игоревна***Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)***РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ
БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В РАБОТАХ В. И. ПИЧЕТЫ**

Уникальный вклад В. И. Пичеты в развитие белорусской исторической науки невозможно переоценить. В годы начала белорусской советской государственности, проведения политики белорусизации, периода нового этапа национального возрождения в условиях советской действительности учёный не концентрировался на каких-то узких и немногих сферах научных интересов [1, с. 270]. Его интересовало многое, в особенности то, что определялось «актуальностью политического момента».

Революционное движение начала XX в. на территории Беларуси нашло отражение в работах известного историка, первого ректора Белорусского государственного университета В. И. Пичеты. Изучение глубоким исследователем причин и хода революционных волнений было связано с празднованием двадцатилетнего юбилея начала первой российской революции 1905—1907 гг. Именно в этот период (20-е гг. XX в.) им были написаны и опубликованы несколько работ по истории революционных движений. Став представителем белорусской науки и высшей школы, Владимир Иванович, не мог не отразить в своих работах первые шаги в революционном опыте белорусского народа в борьбе с российским самодержавием. Революцию В. И. Пичета, воспринимал через тесную связь рабочих, крестьянских и национальных выступлений на территории Беларуси. Несколько позднее, в условиях 1939 года, в работе «Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии» он отмечал: «...белорусский и украинский народы в течении столетий вели упорную борьбу против феодально-крепостнического гнёта, выступали против своих классовых врагов — помещиков. Но крестьянская борьба оканчивалась неудачно, она не смогла кончиться успешно, ибо крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями» [4, с. 32].

В круг интересов исследователя, сконцентрировавшего свое внимание на ходе революционных движений, входили не столько события политического характера, сколько социально-экономического. В разгар революционных потрясений сентября 1905—1906 гг. В. И. Пичета преподавал в средних и высших учебных заведениях Москвы и являлся непосредственным современником тех бурных дней Российской империи. Он, как настоящий исследователь, обеспокоенный настоящим и осмысливавший возможные последствия на ближайшую перспективу, не без оснований пытался искать причинно-следственные связи, проводил анализ народных выступлений, начавшихся после грабительской реформы 1861 г.

Крестьянские волнения и выступления в деревне были неотъемлемой и важнейшей частью всей проблематики истории революционного движения в России, которая вдруг столь заинтересовала В. И. Пичету. В этом можно убедиться, проанализировав структурно-смысловые построения его научных работ по проблеме: «Курловский расстрел в Минске (18 октября 1905 года)», «1905 год у Беларусі. Зборнік архіўных дакументаў», «Соцыялістычны рух на Беларусі ў пракаламацыях 1905 году», «Крестьянское и рабочее движение на Белоруссии в эпоху 1905 г.», «Крестьянское движение в Белоруссии в 1905 году», «Рабочее движение в Белоруссии в 1905 г.» и др. [7, с. 9]. В работе «История крестьянских волнений в России» историком отмечается увеличение количества десятин земли на душу населения. Однако данный важный аспект никак не повлиял на снижение крестьянского недовольства своим положением. Их растущее недовольство было естественным, так как очевидным было несоответствие темпов расширения земельного фонда и темпов «демографического бума» в сельской местности [2, с. 132].

Для белорусской деревни преимущественно была характерна крестьянская борьба против среднего и крупного землевладения. Однако некоторые волнения могли возникать и по причине местных факторов: отсутствие урожая, низкое качество почвы, нехватка леса и выгонов и др. [2, с. 149—150]. С началом 1905 г., в прямой зависимости от хода революционных событий в городах, сельскую местность охватило массовое движение. Крестьянские волнения в начале XX века, как отмечал В. И. Пичета, носили однообразный характер. Царское правительство жёстко пресекало разрозненные, хотя и массовые, выступления в деревне. Репрессии и карательные меры заставили усмирить крестьянскую среду, но они, как и в целом политика правительства в аграрном секторе, и после 1907 г. не смогли привести в ряды беднейших слоёв населения должного умиротворения [2, с. 152].

Обстоятельств расстрела мирной демонстрации в Минске в ходе революции 1905—1907 гг. Владимир Иванович рассмотрел в работе «Курловский расстрел в Минске (18 окт. 1905 г.)». В ней он дал обзор событий накануне и после расстрела жителей города на вокзале Либаво-Роменской железной дороги [3, с. 49—55]. Историк предоставил достаточно полную картину произошедшего 18 октября 1905 г. и отмечал, что восторжествовало право сильного, когда кровавое подавление было признано правомерным, несмотря на очевидные противоправные действия губернатора Курлова, который руководствовался своим должностным положением [3, с. 54].

В начале XX века на местном уровне поднимался вопрос об открытии на территории Беларуси высшего учебного заведения. В. И. Пичета в своей работе «Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым» рассматривал обстоятельства его обсуждения. Конечно, события 1830—1831 гг. внесли определенное недоверие к политически активной интеллигенции белорусских территорий Российской империи, сконцентрированной в стенах Виленского университета. Правительство остерегалось того, что вновь открытый университет станет очередной ареной национально-культурного и политического движения. И вопрос об открытии университета остался без ответа. В 1906 г. городская дума Минска вновь предприняла попытку ходатайствовать об открытии университета в Минске, но Губернский Комитет отклонил ее прошение под предлогом незаконности выделения местных

средств [6, с. 32]. Под влиянием аграрных волнений 1905—1906 гг. идея интеллектуализации населения белорусских земель, а тем самым повышения их политической грамотности и осознанности в национальной проблематике, не отвечала интересам Санкт-Петербурга. Таким образом, даже в условиях повышенной социальной активности, в революционных условиях очередная попытка возродить высшую школу на территории Беларуси провалилась.

Тем не менее, революционные движения начала XX века, как считал В. И. Пичета, создали новые условия для продолжения формирования национального самосознания, а тем самым для развития национально-культурного и политического самоопределения народов, проживавших на территории Российской империи. Этот процесс нашел логическое продолжение в событиях 1917 года, когда открылись широкие горизонты для развития национальной белорусской культуры и языка [5, с. 10].

Во второй половине 1930-х гг. работы В. И. Пичеты отличаются новым содержанием и характером изложения, когда историку пришлось полностью усвоить новые парадигмы, идеологемы и установки, означавшие определенное завершение на властном и общественном уровнях формирования канонической марксистско-ленинской идеологии. Так, его работа «Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии» — это анализ политического, экономического и социального положения данных земель через призму политического влияния сначала Российской империи, а затем польского государства. Историк отмечал, что «...только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла освобождение русским, украинским и белорусским народным массам от гнёта помещиков и капиталистов» [4, с. 32]. И в противопоставление этой идеологически выдержанной и повсеместно зафиксированной констатации В. И. Пичета не приминул назвать позицию польских историков, не видевших белорусского народа в начале XX века.

Некоторые вышеприведенные сюжеты из научного наследия незаурядного историка, который не мог оставить без внимания конкретику и логику протекания революционного движения на территории Беларуси, дают основания в который раз утверждать, что и поныне в работах В. И. Пичеты можно найти непреходящие научные оценки, системный подбор фактов, тщательность исследовательского инструментария, что само по себе имеет колоссальную научную значимость для полного изучения исторической судьбы Беларуси в начале XX века.

Библиографічны спісак

1. Баранова, Е. В. Деятельность В. И. Пичеты по организации изучения и сохранения исторического наследия Беларуси / Е. В. Баранова // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI ст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2007. — С. 270—275.
2. Пичета, В. И. История крестьянских волнений в России / В. И. Пичета. — Минск: Белтрестпечать, 1923. — 159 с.
3. Пичета, В. И. Курловский расстрел в Минске (18 окт. 1905 г.) / В. И. Пичета // Каторга и ссылка. — 1926. — Кн. 4. — С. 49—55.

4. Пичета, В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. — М.: Моск. рабочий, 1939. — 40 с.
5. Пичета, В. И. Белорусский язык как фактор национально-культурный / В. И. Пичета. — Минск: Навука і тэхніка, 1991. — 31 с.: портр.
6. Пічэта, У. І. Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У. І. Пічэта. — Мінск: Навука і тэхніка, 1991. — 48 с.
7. Яновский, О. А. События 1905—1907 гг. в научных интересах первых историков Белорусского государственного университета / О. А. Яновский // Первая российская революция 1905—1907 гг.: к 110-летию начала революционных событий: сб. ст. Междунар. науч. круглого стола, 25 ноября 2015 г., Минск / БГУ, Исторический фак., Каф. истории России; редкол.: О. А. Яновский, В. В. Сергеевкова. — Минск: БГУ, 2015. — С. 6—20.

Макарэвіч Віталь Сяргеевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ШТРЫХІ ДА ПАЛІТЫЧНАЙ БІЯГРАФІІ ЯЗЭПА ЛЁСІКА

У гісторыі станаўлення беларускай дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. адно з найбольш значных месцаў належыць выдатнай асобе — дэлегату I Усебеларускага з'езда, старшыні Прэзідыўму Рады Беларускай Народнай Рэспублікі, старшыні Выканаўчага камітэта Цэнтральнай рады беларускіх арганізацый, рэдактару газеты «Вольная Беларусь» Язэпу Лёсіку. Акрамя значнай ролі, якую Язэп Лёсік адыграў у палітычных працэсах бурлівых гадоў станаўлення беларускай дзяржаўнасці, яго асоба непасрэдным чынам звязана і са станаўленнем у міжваеннае дваццацігоддзе беларускага мовазнаства, гадамі навуковага сталення Інбелкульту, у якім вучоны быў членам Тэрміналагічнай камісіі, дырэктарам Інстытута навуковай мовы, Беларускім дзяржаўным універсітэтам, дзе ён выкладаў. Немалыя заслугі вучонага, які ў 1928 г. быў абраны акадэмікам, таксама і перад беларускай публіцыстыкай і літаратурай.

Асобе Язэпа Лёсіка прысвечана некалькі публікацый, але ў іх не ўсе факты фіяграфіі гэтаі выбітнай асобы знайшлі сваё адлюстраванне. [3—9].

Язэп Юр'евіч Лёсік нарадзіўся ў сялянскай сям'і 6 (18) лістапада 1883 г. у вёсцы Мікалаеўшчына Мінскага павета. Зараз гэта Стаўбцоўскі раён Мінскай вобласці. Бацькі Язэпа былі арандатарамі на землях князёў Радзівілаў. У сям'і было дзесяць дзяцей. Язэп быў апошнім, сёмым хлопчыкам у сям'і.

Пачатковую адукацыю Язэп атрымаў у Мікалаеўскай сельскай школе. Асновы навукі для будучай прафесійнай падрыхтоўкі Язэп Юр'евіч пачаў атрымліваць у Маладзечанскай настаўніцкай семінарыі (1898—1899 гг.), аднак з трэцяга класа быў адлічаны з-за ўдзелу ў пратэсце супраць набажэнства па забітым 14 лютага 1901 г. міністру народнай асветы Мікалаі Багалепаву. Навучанне ўдалося прадоўжыць толькі за межамі Беларусі. Язэп Юр'евіч паступіў у Глухаўскі настаўніцкі інстутут, але не змог скончыць навукі з-за прызыву ў саадаты. Пасля Язэпу Юр'евічу ўдалося усё ж вытрымаць экзамен на званне настаўніка і пачаць прафесійную кар'еру спачатку выкладчыкам рускай мовы ў Бабруйскай школе саааадства, а пасля ў земскай школе мястэчка Грамеч Ноўгарад-Северскага павета Чарнігаўскай губерні. За ўдзел у рэвалюцыйных выступленнях у 1905 г. быў арыштаваны і знаходзіўся ў Ноўгарад-Северскім

астрогу. У 1907 г. пасля перавозкі на суд у астрог г. Старадуб будучаму акадэмікаму удалося ўцякчы. Пэўны час хаваўся ад уладаў у сваякоў і знаёмых у Стоўбцах, Пецярбургу, на станцыі Краснаўка недалёка ад г. Луганск на Украіне. У 1911 г. прыехаў у Ноўгарад-Северскі да брата Антона, дзе быў зноў арыштаваны і асуджаны на бестэрміновае пасяленне ў Сібіры.

Пакаранне адбываў у гарадах Кірэнск і Бадайбо Іркуцкай губерні. Там пазнаёміўся і пасябрываў з беларускім пісьменнікам, будучым грамадскім і палітычным дзеячас А. Гаруном (А. Прушынскім), які таксама адбываў пакаранне.

У 1912 г. прыяцелі разам уладкаваліся на працу на Мельнічным выселку недалёка ад Кірэнска. Увесь гэты час Язэп Лёсік працягваў падтрымліваць сувязь з газетай «Наша Ніва», якая была цэнтрам беларускага адраджэння, пачаў займацца літаратурнай дзейнасцю. Дэбютаваў таксама як празаік. Першая работа Лёсіка — адаптаваны пераклад старой грэчаскай казкі «Геркулес і селянін» пабачыла свет у газеце «Наша ніва» у 1912 г. У гэты ж час у газеце пачалі друкавацца яго зацёмкі і карэспандэнцыя, а ў канцы 1912 г. было апублікавана апавяданне «Ня ўсе ж разам, ягамосыці!» і публіцыстычныя зацёмкі «Пра лёс беларускага народа і яго мовы». У далейшым Я. Лёсік найбольш праявіў сябе ў якасці публіцыста, хаця яго талент ад нараджэння і разуменне задач беларускай асветы і нацыянальнага адраджэння праявіліся ў розных напрамках творчасці — і ў эксперыментах з вершамі, і ў больш характэрных для яго празаічных жанрах. Ён многа займаўся самадукацыйй. Знаходзіў час і для вучэбна-асветнай дзейнасці — у адной з вёсак Язэп Юр'евіч арганізаваў тайную школу, але паліцыя хутка адрэагавала і школу закрылі.

На Радзіму Язэп Юр'евіч змог вярнуцца толькі пасля лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. Адразу пасля вяртання ён актыўна ўключаецца ў віхур грамадска-палітычнага жыцця.

3 красавіка 1917 г. ён становіцца адным з членаў мінскай секцыі Беларускай сацыялістычнай грамады, адным з лідараў партыі, уваходзіць у склад Беларускага нацыянальнага камітэта, рэдагуе яго газету «Вольная Беларусь» (1917—1918 гг.). На з'ездзе беларускіх партый і арганізацый быў абраны ў склад Выканаўчага камітэта Цэнтральнай рады беларускіх арганізацый, увайшоў у склад Вялікай беларускай рады, быў дэлегатам I Усебеларускага з'езда. Публічна выступіў з асуджэннем разгона съезда большевиками.

Да гэтых звестак можна таксама дадаць, што 15 ліпеня 1917 г. ён, сярод 26 іншых прадстаўнікоў сацыялістычных партый нацыянальных меншасцей быў уключаны шостым у спіс на балатаванне ў гласныя Мінскай гарадской думы. І быў абраны гласным. Вядома, што гэтыя функцыі ён выконваў да 22 лістапада 1917 г., калі ўжо ішла падрыхтоўка да Усебеларускага з'езда. Што цікава, у спісах, дзе дарэчы пад другім нумарам ішоў таксама Аркадзь Смоліч, ён запісваецца як рэдактар газеты «Вольная Беларусь», падаў адрас пражывання — вул. Мала-Георгіеўская, д.12. Партыйная прыналежнасць была адзначана як — член мінскага аддзела БСГ. Ёсць сярод архіўных дакументаў і заява з просьба аб звальненні ад абавязкаў гласнага, якая датуецца 22-м лістапада 1917 г. Заява напісана почыркам іншай асобы, і толькі подпіс і дата зрблення рукой Я. Лёсіка. Яшчэ адна цікавая акалічнасць — і ў дакументах, і ў подпісе Язэп Лёсік падаваў сваё імя і імя па-бацьку не як Язэп Юр'евіч, а як Іосіф Ягоравіч. [10, арк. 36—36 адв, 42; 11, арк. 9]

Пасля канчатковага усталявання ў 1920-м годзе ўлады балшавікоў у Мінску, Я. Лёсік, у адрозненне ад многіх іншых ключавых фігур Найвышэйшай Рады БНР, якія накіраваліся ў эміграцыю, прыняў рашэнне застацца ў Мінску. Без сумнення на далейшы лёс Лёсіка значную ролю аказаў таксама Усевалад Ігнатоўскі. Менавіта дзякуючы яго падтрымцы Лёсік змог працаўладкавацца ў 1920-м. У лістападзе ён піша заяву на залічэнне яго на пасаду ў культурна-асветніцкі аддзел Народнага камісарыята земляробства ССРБ. На заяве свой подпіс чырвоным алоўкам з рашэннем залічыць яго адразу на пасаду намесніка начальніка ўпраўляючага аддзелам, паставіў уплывовы тады Усевалад Ігнатоўскі — тагачасны наркам земляробства. Язэп Лёсік быў таксама там лектарам беларускай мовы. [1, 2] Не малую відаць ролю ў далейшым лёсе Язэпа Лёсіка, які становіцца таксама членам Тэрміналагічнай камісіі пры Наркамаце асветы БССР, таксама адыграў Ігнатоўскі, які з 1921 г. заняў пасаду наркама асветы БССР.

Бібліяграфічны спіс

1. Выписки из протоколов допросов, показаний Прищепова, Ластовского, Некрашевича, Цвикевича, Тарашкевича, Красковского. Лёсика, Езовитова, Прокулевича (копии документов из КГБ при СМ БССР по акту от 28.07.1961 г.) // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 250. — Воп.6. — Спр. 135.
2. Дело Лёсика Иосифа Юрьевича // НАРБ. — Ф.48. — Воп.8. — Спр. 312.
3. Гарэцкі, М. Лёсік Язэп / Гарэцкі М. // Гісторыя беларускае літаратуры. — Вільня, 1920.
4. Багдановіч, І. «Гэтага слаўнага пісьменніка чакаець яшчэ слаўнейшая будучыня» / І. Багдановіч, А. Жынкін // За передовую науку. — 1990. — 4 мая.
5. Мяснікоў, А. «Жывіце без мяне...» / А. Мяснікоў // Полымя. — 1992. — № 1.
6. Мяснікоў, А. Нацдэмы. Лёс і трагедыя Фабіяна Шантыра, Усевалода Ігнатоўскага і Язэпа Лёсіка / А. Мяснікоў. — Мінск, 1993.
7. Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік. Т. 4. Мінск, 1994.
8. Лёсік, А. З жыцця Язэпа Лёсіка / А. Лёсік // На суд гісторыі. — Мінск. — 1994. — С. 144—159.
9. Хвіланчук, Ю. Навуковая дзейнасць Я. Лёсіка ў перыяд станаўлення нацыянальнага мовазнаўства // Роднае слова. — 2014. — № 14. — С. 41—43.
10. НАРБ. — Ф. 24. — Воп.1. — Спр. 3666. — Арк. 36—36 адв, 42.
11. НАРБ. — Ф. 24. — Воп.1. — Спр. 3669. — Арк. 9.

Малиновская Эмма Леонидовна

*Музей истории Белорусского государственного университета
(Минск, Беларусь)*

С. Я. ВОЛЬФСОН — ОСНОВОПОЛОЖНИК ФИЛОСОФСКОЙ НАУКИ В БЕЛАРУСИ

Октябрьская революция 1917 г. кардинальным образом повлияла на развитие философской мысли в России. Значительная часть ученых, представляющих религиозно-философские направления, по политическим убеждениям была вынуждена уехать за границу, где продолжила разработку идей всеединства, персонализма и др. В советском же государстве признание получило материалистическое марксистское мировоззрение. Философия

этого направления стала ядром новой советской идеологии и играла весьма значительную роль в научном и образовательном пространстве. Она формировала систему онтологических принципов новой эпохи. Основой становления советской философии выступали произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова В. И. Ленина. Работа В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» впоследствии была названа его «философским завещанием» [12, с. 689].

Не только во время существования СССР, но и до его официального оформления были созданы институты распространения марксизма, подготовки высших идеологических, научных и преподавательских кадров. Такими учреждениями были, например, Институт научной философии при факультете общественных наук Московского государственного университета (1921), Институт красной профессуры при ЦК ВКП(б) (1921), в дальнейшем преобразованный в единую Высшую школу марксизма-ленинизма (1938), Общество воинствующих материалистов (1924) и др.

В Советской Белоруссии большой вклад в развитие философских идей внес видный белорусский деятель Семён Яковлевич Вольфсон. Он родился 27 мая (8 июня) 1894 г. в г. Бобруйске в обеспеченной семье. Обучался в престижном университете Германии — Гельдербергском. По причине начала Первой мировой войны продолжил образование в России в г. Санкт-Петербурге в Психоневрологическом институте на первой в России кафедре социологии. В дальнейшем — в Московском университете, а в 1919 г. успешно окончил юридический факультет Киевского университета, после чего вернулся в родной Бобруйск.

Революционные события оказали огромное влияние на общественную деятельность ученого, на его мировоззрение и впоследствии на всю научную деятельность. Еще в 1912 г. он вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и принимал активное участие в ее политической деятельности. В Бобруйске С. Я. Вольфсон был не только представителем социал-демократического блока в городской думе, но и осуществлял редакторскую деятельность в социал-демократической еженедельной газете «Наша мысль» [10, с. 393]. Однако образование и подготовка квалифицированных кадров всегда имела огромное, определяющее значение в его жизни.

Открытие в 1921 г. БГУ стало знаменательным событием как в республике, так и в жизни самого ученого. Семен Яковлевич переехал в г. Минск и принял активное участие в работе университета. Факультет общественных наук (ФОН) возглавил профессор В. М. Игнатовский. Заместителем декана, главой кафедры истории материализма, куратором отделения права был назначен С. Я. Вольфсон, который уже имел хороший опыт организационной работы, приобретенный еще в период руководства Бобруйским отделом народного образования с 1920 по 1921 гг.

Для разработки учебных планов, программ и осуществления руководства учебной и научной работой были созданы предметные комиссии (по правовым и экономическим дисциплинам, философским, литературным, историческим, лингвистическим дисциплинам), что обеспечило регулярные занятия на факультете. В первом и втором семестре 1921—1922 уч. г. на всех отделениях ФОНа С. Я. Вольфсоном был прочитан учебный курс «Исторический материализм», что соответствовало новым образовательным стандартам и задачам

советского государства [11, с. 339]. В дальнейшем этот цикл лекций лег в основу разработанного С. Я. Вольфсоном первого в СССР учебника «Диалектический материализм» [3]. Перед ученым стояла сложная интеллектуальная задача — создать текст непосредственно педагогической направленности. В молодом государстве интеллектуальная борьба осуществлялась не только в области интерпретации текстов «классиков марксизма», но и в области создания собственного нарратива. Книга была утверждена в качестве учебного пособия для высших учебных заведений не только БССР, но и всего СССР, была переиздана семь раз. Внедрение новой методологии обусловило выход работ, соединяющих марксистское мировоззрение и конкретную область науки. В этом отношении можно выделить такие работы С. Я. Вольфсона, как «Диалектический материализм и медицина» [4] и «Марксизм и педагогика» [5].

Начиная с 1922 г. в Белорусском государственном университете стал выходить научный сборник «Труды БГУ», это был первый университетский печатный орган, который дал возможность профессорам и преподавателям публиковать свои труды. С. Я. Вольфсон принимал значительное участие в издании сборника, и уже в первом номере была опубликована его статья о творчестве Г. В. Плеханова. Автор статьи указывал на то, что основной вклад в развитие марксистской теории в России принадлежит именно этому ученому. Огромная популярность творчества Г. В. Плеханова была характерна для начала 1920-х гг., отчасти благодаря тому, что сам В. И. Ленин признавал его труды по философии лучшими во всей международной литературе марксизма. В это время С. Я. Вольфсон опубликовал две книги, посвященные личности и научным взглядам Г. В. Плеханова [1; 2].

Особое внимание С. Я. Вольфсон уделял разработке учебных планов. Деканат факультета постановил, что все лекционные и практические занятия должны быть окончены за 4 учебных года, а последние полгода отводились на написание дипломной работы и ее защиту. Для более качественной подготовки студентов для конкретной практической работы учебные планы были составлены таким образом, что практические занятия в соответствующих профильных учреждениях — судебных, хозяйственных — занимали одно из определяющих положений [13, с. 176].

Анализируя проблемы улучшения работы высшей и средней школы, одним из элементов повышения качества образования и мотивации обучения Семен Яковлевич называл стипендию. Отметил необходимость улучшения материально-технического обеспечения учебного процесса. На заседании Совета БГУ от 10 декабря 1922 г. он говорил, что «одним из больших вопросов жизни факультета является теснота в помещениях. Такое положение грозит срывом занятий. Необходимо заблаговременно принять меры по расширению помещений» [13, с. 152].

В 1925—1926 уч. г. в университете начал работу факультет права и хозяйства в составе двух отделений — правового и экономического. Совет БГУ утвердил С. Я. Вольфсона в должности декана факультета, на которую он регулярно переизбирался и занимал до 1930 г. В 1926 г. ученый осуществил командировки в Германию и Францию с целью ознакомления и заимствования опыта организации работы зарубежных вузов, юридических и экономических учреждений. Также он непосредственно работал над своей диссертацией в Прусской государственной библиотеке [13, с. 232].

С. Я. Вольфсон принимал активное участие в организации профсоюзного движения среди научной и научно-педагогической интеллигенции БССР. На собрании научных работников г. Минска в 1921 г. было избрано временное бюро секции научных работников (СНР) при Белорусском союзе работников просвещения. Непосредственными задачами СНР являлись улучшение материальных и жилищно-бытовых условий, нормирование оплаты труда, обеспечение условий для повышения профессиональной квалификации и др. В 1923 г. Семен Яковлевич был избран председателем СНР Белоруссии. В ноябре этого года он принимал участие в работе I-го Всесоюзного съезда научных работников СССР, а уже на II-ом съезде, который состоялся в феврале 1927 г., был избран членом Центрального совета СНР профсоюза работников просвещения страны.

В конце 1920-х гг. белорусская наука получила свое организационное развитие в таком учреждении, как Институт белорусской культуры, который в 1929 г. был преобразован в Белорусскую Академию наук. С. Я. Вольфсон внес значительный вклад в становление и функционирование этого учреждения. В 1928 г. он был избран его действительным членом. В 1931 г. Семени Яковлевичу назначили директором Института философии и права Белорусской АН, затем — академиком-секретарем Отделения общественных наук АН БССР. В 1929—1938 гг. ученый являлся членом ЦИК БССР.

В 1930—1933 гг. в ходе роста репрессивной политики С. Я. Вольфсон стал участником официальной кампании по борьбе с «белорусским буржуазным национализмом» и опубликовал работу «Навука на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі» [9].

Проблемное поле исследований ученого разнообразно. Являясь приверженцем идей социализма, он утверждал, что классовое деление общества и экономические отношения лежат в основе происхождения самого государства. Формирование классов является ступенью исторического развития человеческого общества в результате утраты производителем благ собственности на средства производства. Он придерживался позиции, что глубокие противоречия капитализма владельцы капитала пытаются устранить за счет новых войн. В работе «Интеллигенция как социально-экономическая категория» С. Я. Вольфсон обосновал положение, согласно которому интеллектуальный потенциал обществу продает интеллигенция, являясь «промежуточной между пролетариатом и мелкой буржуазией группировкой» [6, с. 4]. В середине 1920-х гг. ученый активно принимал участие в дискуссии, посвященной проблемам интеллигенции, среди таких ученых-обществоведов, как Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, В. В. Полонский и др. Именно тогда понятие «интеллигенция» начало формироваться как синоним понятия специалист. В 1930-е гг. были опубликованы две работы С. Я. Вольфсона, посвященные проблемам семьи. Значительное внимание в своих трудах он уделил эмансипации женщин [7; 8].

Ученый оставил большое научное наследие, состоящее из более 60 работ. Его усилия всегда оставались лояльным власти и соответствовать ее политике в 1931 г. были отмечены наградой — орденом Трудового Красного Знамени. Жизнь академика С. Я. Вольфсона трагически оборвалась в первые дни Великой Отечественной войны на захваченной фашистами территории БССР.

Библиографический список

1. Вольфсон, С. Я. Великий социалист. Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова / С. Я. Вольфсон. — Минск, 1922. — 42 с.
2. Вольфсон, С. Я. Вокруг плеханова: плехановская литература за 1922 г. / С. Я. Вольфсон. — Минск, 1922. — 92 с.
3. Вольфсон, С. Я. Диалектический матреализм / С. Я. Вольфсон. — Минск, Белтрестпечат, 1923. — 173 с.
4. Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм и медицина: [автореферат доклада, читанного 20 апреля 1929 г. в Научном обществе врачей г. Минска] / С. Я. Вольфсон. — Минск: БГУ, 1929. — 56 с.
5. Вольфсон, С. Я. Марксизм и педагогика / С. Я. Вольфсон. — Минск: Белтрестпечат, 1924. — 47 с.
6. Вольфсон, С. Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория / С. Я. Вольфсон. — Минск, 1926. — 61 с.
7. Вольфсон, С. Я. Семья и брак в их историческом развитии / С. Я. Вольфсон. — Москва: Соцгиз, 1937. — 244 с.
8. Вольфсон, С. Я. Социология брака и семьи / С. Я. Вольфсон. — Минск: БГУ, 1929. — 472 с.
9. Навука на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі / рэд. С. Я. Вольфсон. Збор. в 4 т. — Мінск: Бел. акад. навук, Ін-т філасофіі, 1931. — Т. 1, ч. 1. Ідэалогія і метадалогія нацдэмакратызму. — 87 с.
10. Дубовик, А. К. Научная и общественная деятельность С. Я. Вольфсона / А. К. Дубовик, Е. А. Дубовик // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы междунар. науч. конф., Минск, 8–9 декабря 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. — Минск: Белорусская наука, 2012. — С. 392–398.
11. Каценбоген, С.З. БГУ в 1921–1922: итоги и перспективы / С. З. Каценбоген. // Труды Белорусского государственного университета. — № 2–3. — 1922. — С. 326–356.
12. Мысливченко, А. Г. Философия в России (советский период) // Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное / А. Г. Мысливченко / Под общей ред. М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. — Москва, 2014. — С. 689–694.
13. Памяць і слава: БГУ 1921–1941 / Склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. — Мінск: БГУ, 2006. — 383 с.

Петаченко Григорий Алексеевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

РОССИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 Г.

События октября 1917 г. подавляющее большинство представителей профессорско-преподавательского состава высшей школы встретили негативно, и в партийной среде не было единого мнения, как относиться к такой позиции. Пролеткультовцы, занимавшие радикальную позицию в отношении профессуры и в целом по высшей школе, предлагали ликвидировать университеты и создавать собственную пролетарскую науку. Другая позиция, которой придерживалось большинство руководящих работников партии и лично В. И. Ленин, состояла в сохранении университетской системы с лишением вузов всякой автономии, но при полной перестройке преподавания всех наук

на марксистской основе, проведении переподготовки преподавателей. Все, кто не пожелает включиться в этот процесс, должны быть уволены. Поскольку советская власть остро нуждалась в специалистах для восстановления народного хозяйства страны, вторая точка зрения одержала победу. Партийное руководство постоянно демонстрировало научному миру свою заинтересованность в сотрудничестве, при этом используя все возможности для нейтрализации влияния на ученых той политической активной части интеллигенции, которая выступала против советской власти.

Весной 1918 г. В. И. Ленин выдвинул свою концепцию в отношении к т. н. буржуазным специалистам, в которой отмечалась необходимость их использования в целях восстановления народного хозяйства [7, с. 13]. В целом эта концепция отражала лишь возможность сотрудничества с отдельными представителями старой интеллигенции. Взаимоотношения вузовской интеллигенции и советской власти осложнялись несопадением взглядов на университетскую автономию, в которой большевики видели не автономию управления высшей школой, а автономию ее от советской власти, «так как управление ею было сосредоточено в руках «реакционной» профессуры» [14, с. 175].

По мнению руководителя Народного комиссариата просвещения А. В. Луначарского, необходимо было покончить с идеей автономии высших учебных заведений и подчинить высшую школу общему плану культурного и социалистического строительства [12, л. 44].

Летом 1918 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание деятелей высшей школы, в работе которого приняло участие 400 представителей от профессорско-преподавательского состава, студенчества и губернских отделов народного образования [15, с. 66]. На совещании не удалось выработать общую точку зрения, поскольку представленные политические взгляды и планы преобразований вузовской системы, не совпадали с позицией Наркомпроса РСФСР. С 4 по 8 сентября 1918 г. в Москве проходило второе совещание по реформе высшей школы, в его работе участвовали представители тех же групп, что и на первом совещании, но количество делегатов от студенчества равнялось общему числу представителей от профессуры. Несмотря на это, на совещании из-за возражений профессуры и части студенчества вновь не удалось утвердить положения проекта, предложенные Наркомпросом РСФСР, об установлении коллегиального управления во всех подразделениях университета и отмены ученых степеней [15, с. 255].

Для минимизации влияния старой профессуры декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. была ликвидирована прежняя система научной аттестации: отменены все научные степени и звания. Звание профессора получали все научные работники, которые имели не менее трех лет стажа преподавания, а те, кто проработал в вузе более 15 лет, освобождались от занимаемой должности и могли продолжить работу исключительно по результатам всероссийского конкурса [10, с. 381]. Таким образом, приоритет отдавался малоопытным преподавателям, не отягощенным «старыми» убеждениями и научными принципами. Тем самым делался первый шаг к пролетаризации кадрового состава вузов.

Однако предпринятая мера не принесла значимых результатов. Как отметил А. Я. Синецкий, первый всероссийский конкурс не оправдал возлагавшихся на него надежд, так как были избраны почти все старые профессора

[13, с. 147]. Профессорско-преподавательский состав вузов проявил корпоративную солидарность в желании помочь друг другу. По данным А. Л. Литвина, в фондах Казанского университета сохранились характеристики, данные генетиком Н. И. Вавиловым казанскому профессору А. Я. Гордягину, биологом И. И. Шмальгаузен — профессору Н. А. Ливанову, профессором Н. Е. Жуковским — профессору Е. А. Болотову. Эти рекомендации помогли им на время сохранить свои должности в результате выборов [8, с. 98]. Уже позже, в 1920—1921 гг., набор первых профессоров в БГУ продолжал осуществляться по рекомендациям лояльной к новой власти профессуры (В. И. Пичета, В. П. Волгин и др.), что нередко приводило к утверждению для чтения лекционных курсов авторитетных, но не просоветски настроенных ученых (А. Ф. Изюмов, В. В. Лепешкин, Д. П. Кончаловский и др.).

Внутри научного мира проходил сложный процесс идейной и политической дифференциации. С одной стороны, значительная часть интеллигенции оставалась непримиримым противником советской власти. В эту группу входило довольно значительное число известных российских ученых, не скрывавших своих взглядов. По мнению Т. Вихавайнена, для интеллигенции, не принимавшей большевистские ценности, время нэпа было нелегким. Неудивительно, что у власти было стремление нейтрализовать данную группу научной интеллигенции, и вследствие этого некоторые из них оказывались «вовлечены» в антибольшевистские заговоры [2, с. 89]. Примером может служить дело об организации профессора Н. С. Таганцева. Исследователи М. Я. Геллер и А. М. Некрич считают, что это следственное дело было сфабриковано Петроградским ЧК [4, с. 89]. В одно дело были объединены не связанных между собой дознания членов различных антибольшевистских групп. В августе—декабре 1921 г. различные сроки заключения получили 230 человек, многих из которых затем расстреляли. Обращает на себя внимание позиция В. И. Ленина, ответившего категоричным отказом на просьбы родных и близких, среди которых были и известные ученые, о смягчении приговора [2, с. 89].

С другой стороны, достаточно малочисленная часть интеллигенции, но очень важная для власти, активно поддерживала проводимую политику. Уже чуть ли не сразу после октября 1917 г. возникла небольшая группа сторонников большевиков из числа профессуры: К. А. Тимирязев, И. М. Губкин, О. Ю. Шмидт, Н. С. Державин, В. И. Пичета и др. Активную помощь во все большей заинтересованности в сотрудничестве им оказывали партийные работники с определенно высоким научным багажом — А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, Н. А. Семашко, П. К. Штернберг, В. В. Адоратский, Н. Н. Батурин (в БССР — В. Г. Кнорин, В. М. Игнатовский, А. Г. Червяков и др.), которые, кроме своей непосредственной партийной работы, занимались и преподавательской деятельностью. Но, несмотря на прилагаемые усилия, удельный вес «левой» профессуры в начале 1920-х гг. оставался крайне незначительным. А. В. Луначарский в докладе на X Всероссийском съезде Советов, проходившем в декабре 1922 г., отмечал, что преданная советской власти профессура остается численно незаметной прослойкой [9, с. 20].

На состоявшемся 12 сентября 1923 г. в Москве общем собрании коммунистов — научных работников вузов и секретарей вузовских партячеек — обсуждался вопрос о повышении роли научных работников-коммунистов в жизни высшей школы. Основная цель собрания — максимально объединить усилия

коммунистов, ведущих научно-педагогическую работу в вузах. Было принято решение «Установить институт уполномоченных научных работников-коммунистов, которые должны находиться в постоянной связи с бюро фракции секции научных работников, с научными работниками и с комячейкой своего вуза; наладить учет всех коммунистов — научных работников; прикрепить всех научных работников вузов к ячейкам своего вуза» [6, с. 78]. Общее же положение вызывало опасения у партийного руководства. В частности, в 1924 г. в МВТУ из 400 представителей профессорско-преподавательского состава в партии состояло всего двое, в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева из 193 преподавателей лишь семеро были членами партии, во II МГУ — из 548 только 20, а в ЛПИ в начале 1925 г. только один коммунист был в числе 330 преподавателей. В целом число членов партии среди профессорско-преподавательского состава в вузах РСФСР увеличилось с 3,4 % в 1924 г. до 6,5 % в 1925/26 уч. г. [13, с. 34]. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. низкая численность преподавателей-коммунистов в вузах ограничивала возможности эффективного воздействия на весь преподавательский состав высшей школы в русле его «перевоспитания».

По мнению ряда советских и современных российских исследователей, большинство представителей профессорско-преподавательского состава высшей школы принадлежали к группе политически нейтральных. Эта третья группа занимала промежуточное положение между двумя полярными политическими позициями. Политическая и социальная адаптация этой группы стала для партийного руководства главной задачей. Большое распространение в этой группе получило сформировавшееся в начале 1920-х гг. новое общественно-политическое течение «Смена вех». Его идеологами являлись профессор Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, С. С. Чахотин. «Националистическое по своей сути, оно видело в большевиках продолжателей «русской идеи». Движение поддерживалось большевиками финансово, и, возможно, было инспирировано ГПУ, считает Т. Вихавайнен [2, с. 145]. По мнению А. М. Некрича и М. Я. Геллера, главное практическое значение «сменовеховства» для советской власти заключалось в следующем: интеллигенция была расколота, она либо активно выступала против власти большевиков, либо пассивно их не принимала. «Сменовеховство» давало легитимность большевикам, захватившим власть, объявляя их подлинными наследниками русской истории. Оно оправдывало все методы управления, используемые новой властью. В начале 1920-х гг. «идеология примиренчества», идеология «сменовеховства» была встречена в эмиграции резкой критикой, нередко негодованием, осуждением, как предательство [4, с. 155]. Тем не менее, она смогла пошатнуть позиции многих сомневающихся, повернуть их к признанию советской власти: согласно официальным данным, в период 1921—1931 гг. в СССР вернулось около 10—12 % эмигрантов [1, с. 57].

Партийное руководство, постоянно демонстрировало научному миру свою заинтересованность в сотрудничестве, при этом используя все возможности для нейтрализации влияния на ученых той политической активной части интеллигенции, которая выступала против советской власти. В этой работе широко использовались СМИ, которые призывали к сотрудничеству с советской властью. Рефреном многочисленных публикаций была мысль-установка, что «местные партийные организации должны отказаться от своего обычного

до сих пор отношения к работникам просвещения как к саботажникам, какими они давно перестали быть, если даже когда-нибудь и были. Такое отношение в настоящий момент является серьезной ошибкой. Seriously вредящей делу советского строительства» [11, с. 302]. В 1920 г. профессор Н. А. Гредескул, в недавнем прошлом один из лидеров партии «Народной свободы», опубликовал ряд статей в «Известиях ВЦИК», в которых призывал интеллигенцию к активному сотрудничеству с советской властью: «Участие старой, уже существующей интеллигенции в новом строительстве так же необходимо для успешного начала социального переворота, как участие старого офицерства было необходимо для переустройства и побед Красной армии» [5, с. 2].

Однако в начале 1920-х гг. общая политика по отношению к интеллигенции была достаточно жесткой, прагматичной и бескомпромиссной, хотя и с проявлениями гибкости. В современной историографии преобладает мнение, что партия выбрала политику «кнута и пряника», смысл которой заключался в различном подходе к различным группам интеллигенции и даже группам наук. В отношении профессорско-преподавательского состава, результаты научно-педагогической работы которого можно было использовать на практике и которые не оказывали влияния на идеологические основы советской власти, осуществлялся более либеральный подход. Достаточно сложно формировались отношения власти и представителей гуманитарных наук. Основная проблема состояла в том, что для большевиков было характерно желание перестройки общества на научной основе: считалось, что марксизм обладает тем научным мировоззрением, которое способно осуществить данное строительство. Те, кто не разделял этот принцип, считались «врагами на идеологическом фронте». В 1922 г. из Советской России за границу выслали наиболее политически активную часть интеллигенции [3, с. 12]. Это был акт устрашения, демонстрации силы власти в отношении всех остальных интеллигентов. Главное, что таким образом интеллигенция не только принуждалась к сотрудничеству, но еще более интенсивно размежевывалась идейно и политически.

Библиографический список

1. Бригадина, О. В. Три волны российской советской эмиграции (1917—1991 гг.): учебно-методический комплекс для студентов исторических факультетов специальности D21 03 01 «История» / О. В. Бригадина. — Минск. — 2003. — 320 с.
2. Вихайвинен, Т. Внутренний враг: борьба с мешанством как моральная миссия русской интеллигенции / Т. Вихайвинен. — СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. — 412 с.
3. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921—1923 / Сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова. — М.: Русский путь, 2005. — 544 с.
4. Геллер, М. Я. Утопия у власти / М. Я. Геллер, А. М. Некрич. — М.: МИК, 2000. — 856 с.
5. Гредескул, Н. А. Интеллигенция на переломе // Известия ВЦИК. — 1920. — С. 2.
6. Иванова, Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927) / И. В. Иванова. М.: Наука, 1980. — 392 с.
7. Ленин, В. И. Проект постановления СНК о приеме в высшие учебные заведения РСФСР / В. И. Ленин. Полн. собр. сочинений. Т. 37, — С. 34.
8. Литвин, А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов / Власть и наука, ученые и власть: 1800-е — нач. 1920-х гг.: Материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н. Н. Смирнов / А. Л. Литвин. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 96—102.

9. Луначарский, А. В. Доклад Наркомпроса на X-ом Всероссийском съезде советов / А. В. Луначарский // Народное просвещение. — 1923. — № 2. — С. 20.

10. О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений / Декреты Советской власти / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. Т. 3. [подгот. к печати С. Н. Валк и др.]: — Политиздат, 1964. — 664 с.

11. Работники просвещения / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / под ред. И. Д. Давыдова. — 2-е доп. изд. — Л.; М.: Народный ком. прос. РСФСР — тип. Им Воровского, 1930. — 382 с.

12. РГАСПИ. — Фонд 17. — Оп. 60. — Д. 60. Л. 44. Доклад Народного комиссара по просвещению РСФСР.

13. Синецкий, А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР / А. Я. Синецкий. — М.: Советская наука, 1950. — 236 с.

14. Финкель, С. Советская власть и интеллигенция / Власть и наука, ученые и власть: 1800-е—нач. 1920-х гг.: Материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н. Н. Смирнов / С. Финкель. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 173—184.

15. Чанбарисов, Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917—1938) / Ш. Х. Чанбарисов. — М.: Высш. шк., 1988. — 255 с.

Ходзін Сяргей Мікалаевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

РОЛЯ ВУЧОНЫХ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Ў ВЫПРАЦОЎЦЫ І РЕАЛІЗАЦЫІ КАНЦЭПЦЫІ НАЦЫЯНАЛЬнай МАДЭРНІЗАЦЫІ Ў БССР Ў 1920-Я ГГ.

Імклівыя працэсы глабалізацыі актуалізуюць пытанне аб магчымасці выбару ўласнай мадэлі развіцця. Сучасныя формы эканамічнага, сацыяльнага і культурнага развіцця грамадства абаяваюцца на традыцыі, маральныя абавязкі, гістарычна сфарміраванае паняцце аб справядлівасці. Трансфармацыйныя працэсы па-рознаму ўздзейнічаюць на чалавека ў залежнасці ад узросту, полу, узроўню адукацыі і культуры, прыналежнасці да пэўнай сацыяльнай групы.

Розныя сацыяльныя формы мадэрнізацыі пад уплывам унутраных, а таксама знешніх фактараў могуць чаргавацца як этапы трансфармацыі грамадства. Мадэрнізацыя ў адрозненне ад трансфармацыі прадугледжвае дакладна вызначаныя мэты, якія стаяць перад грамадствам, неабходнасць палітычнай волі і наяўнасць эліты, якая гэтыя мэты фармулюе і рэалізуе. У выніку фарміруюцца розныя мадэлі і скіраванасць мадэрнізацыйных працэсаў, а іх змена прадугледжвае барацьбу эліт і транслюемага імі светапогляду.

Для разумення пераёмнасці розных перыядаў нашай гісторыі выключнае значэнне мае вывучэнне сістэмы каштоўнасцей, звычак, традыцый, рэлігійных і міфічных уяўленняў, а таксама абумоўленых імі форм сацыяльных паводзін. Вяртанне да гісторыі як навукі аб чалавеку дазваляе ўлічыць спосабы, якімі культура ўплывае на чалавечыя паводзіны ўвогуле і эканамічныя паводзіны ў прыватнасці, а таксама садзейнічае разуменню гістарычна склаўшыхся ўяўленняў аб справядлівасці. Гісторыкі маюць справу не з нейкай абстрактнай чалавечай істотай, а з чалавекам, які жыве пэўным часам, у канкрэтнай мясцовасці, мае свой жыццёвы і генетычна запазычаны вопыт продкаў [1].

Спалучэнне геаграфічнага і гістарычных фактараў утварае пэўныя матывы гаспадарчых паводзін: «пачуццё агульнасці», «пачуццё справядлівасці». У сувязі з тым актуалізуецца сацыяльна-псіхалагічнае (ці ментальнае) вымярэнне гістарычнай рэчаіснасці. Паняцце менталітэту вызначаецца як спосаб, метады пазнання рэчаіснасці, які ўласцівы вызначанай сацыяльнай агульнасці і адлюстроўвае першасны, звычайны ўзровень успрыняцця. Можна пазначыць, што ва ўсходнеўрапейскім гістарычным працэсе на працягу стагоддзяў фарміраваліся своеасаблівыя адносіны да ўласнасці. «Народнае разуменне працы і яе права на пазямельную ўласнасць, — пісаў знакаміты беларускі гісторык М. В. Доўнар-Запольскі, — рэзка адрозніваецца ад разумення ўласнасці, якое зацвердзілася ў культурных слаях» [2, с. 276]. Невыпадкова, пры ўсіх разыходжаннях, базавыя дакументы БНР і БССР выяўляюць адзінства ў адмаўленні прыватнай уласнасці на зямлю. Першы Усебеларускі з'езд акрэсліваў сацыяльныя аспекты як найважнейшыя. Гісторыя, якая разглядаецца як пэўная паслядоўнасць часу, на самай справе, разгортваецца ў выглядзе пэўных альтэрнатываў на сходнай аснове.

Спалучэнне сацыяльнага з нацыянальным атрымала па выніках развіцця рашэнняў Першага Усебеларускага з'езду рэалізацыю праз стварэнне і ўмацаванне Беларускай савецкай Рэспублікі. На пэўным этапе развіцця БССР, з ўмацаваннем яе інстытутаў, мацнеў новы фактар, які можна было б назваць фактарам дзяржаўнасці. Інтэрэсы рэспублікі як асобнага дзяржаўнага арганізма нярэдка не супадалі з інтарэсамі саюзнага цэнтра і прымушалі рэспубліканскія ўлады прымаць пад ўвагу найперш патрэбы БССР і адстойваць яе правы (што становіліся адначасова і ўласнымі інтарэсамі рэспубліканскай партыйна-гаспадарчай эліты, якая складалася ў гэты перыяд). Фактар дзяржаўнасці (інтарэсаў Беларусі і яе інстытутаў) не заўсёды быў звязаны з фактарам нацыянальным і часам далёкім ад этнічнасці, бо любая дзейнасць, накіраваная на абарону паўнамоцтваў рэспублікі, аб'ектыўна садзейнічала ўмацаванню Беларусі як дзяржавы. «Значную ролю ў арганізацыі універсітэта выканаў удада падабраны на гэтую высокую пасаду рэктар універсітэта прафесар Уладзімір Пічэта, — адзначаў С. Кандыбовіч. — Ён не быў беларусам, але актыўна і добрасумленна праводзіў патрэбныя мерапрыемствы па ўмацаванні універсітэта» [3 с. 12]. Адстойваючы пазіцыі БССР, А. І. Крыніцкі (першы сакратар ЦК КП(б)У у 1924—1927 гг.) пісаў у сувязі са стварэннем Заходняй вобласці І. В. Сталіну «Беларусь — самастойная рэспубліка. Яна мае права мець упаўнаважанага пры Урадзе БССР, а не ў Смаленску» [4, арк. 279—280].

На працягу 1924—1928 гг. адбываецца фарміраванне і рэалізацыя нацыянальнай мадэлі савецкай мадэрнізацыі, прававая аснова якой была вызначана ў беларускім заканадаўстве, найперш, у Канстытуцыі БССР 1927 г. і Зямельным кодэксе БССР 1925 г. Важнейшымі характарыстыкамі мадэрнізацыі беларускай вёскі ў 1924—1928 гг. з'яўляліся апора на ўласныя прыродныя і сацыяльна-эканамічныя рэсурсы, улік традыцый і асаблівасцей гістарычнага развіцця. У аграрнай палітыцы беларускага кіраўніцтва яны выявіліся ў адмаўленні ўраўняльных падыходаў і абшчыны ў землекарыстанні, ва ўстанаўленні максімальных і мінімальных нормаў надзялення зямлёй. Асноўнымі кірункамі мадэрнізацыі сталі ўкараненне дасягненняў навукі, арганізацыя перапрацоўкі сельскагаспадарчай прадукцыі, меліярацыя, стварэнне шматфункцыянальных кааператываў.

Разумеючы ролю інтэлігенцыі і адукацыі, кіраўніцтва БССР канцэнтравала ўсе магчымыя рэсурсы на развіцці нацыянальнага ўніверсітэта як найважнейшага фактара мадэрнізацыі. У 1927 г. рост даходаў бюджэта замарудзіўся з прычыны завяршэння аднаўлення перыяду і вычарпання экстенсіўных фактараў развіцця (найперш, магчымасцяў лясной гаспадаркі і выкарыстання сельскагаспадарчых плошчаў). Бюджэтам 1927/1928 гг. вызначалася найперш задача рэканструкцыі народнай гаспадаркі, звязанай з індустрыялізацыяй краіны. Павелічэнне выдаткаў на сацыяльна-бытавую сферу не прадугледжвалася, сродкі неабходна было шукаць на месцах шляхам скарачэння адміністрацыйных расходаў, рацыяналізацыі і г. д. Павелічэнне бягучых асигнаванняў дапушчалася толькі на пабудову ўніверсітэцкага гарадка БДУ. Пры гэтым, уся нагрузка па развіццю школы, медыцыны і іншых аб'ектаў сацыяльнай сферы ўскладалася амаль выключна на мясцовыя бюджэты.

Невыпадкова, што многія, з тых, хто першапачаткова падтрымаў ідэю Беларускай Народнай Рэспублікі, вярталіся ў БССР для рэалізацыі сваёй мары пабудовы нацыянальнай дзяржаўнасці. Сярод такіх асоб і частка прафесуры БДУ. Паколькі гісторыя бачыцца найбольш яскрава праз жыццё і дзейнасць пэўнага чалавека гэтага часу, спынімся на ўкладзе прафесара А. А. Смоліча ў справу нацыянальнай мадэрнізацыі.

Аркадзь Антонавіч Смоліч нарадзіўся 17 верасня 1891 г. у вёсцы Бацэвічы Бабруйскага павета ў сям'і сельскага святара (псаломшчыка). Гэтае асяроддзе, вельмі блізкае да беларускага сялянства і прыроды, фарміравала патрыётаў свайго краю. Бачылі і разумелі яго будучыню яны па-рознаму, але шчыра жадалі лепшага сваёй радзіме. Аркадзя Смоліча, безумоўна, вабілі новыя веды. Пасля заканчэння ў 1909 г. Мінскай духоўнай семінарыі, ён паступае ў Нова-Аляксандраўскі (Харкаўскі) інстытут сельскай гаспадаркі, дзе спецыялізуецца на адзінай у Еўропе кафедры глебазнаўства. Пазней Аркадзь Смоліч працягне адукацыю ў Кіеўскім політэхнічным інстытуце.

З 1914 г. А. А. Смоліч пачынае навуковую працу пад кіраўніцтвам праф. Чэлінцева і дацэнта Харкаўскага інстытута І. П. Караткова, праводзіць экспедыцыйнае даследаванне сялянскай гаспадаркі ў 10 губернях Украіны. Ён працуе ў якасці практыканта на Энгельгардаўскай сельскагаспадарчай доследнай станцыі, некаторы час быў участковым аграномам у Ігуменскім земстве. З 1917 г. А. А. Смоліч ў якасці намесніка загадчыка Мінскага губернскага статыстычнага бюро кіраваў сельскагаспадарчым перапісам 1917 года, распрацоўкай яго матэрыялаў. Як вынікае з яго «*sagittulum vitae*», менавіта ў гэты перыяд ён пачаў пісаць сваю «Геаграфію Беларусі».

Ідэалам Аркадзя Смоліча з'явіліся ідэі сацыяльнай справядлівасці і беларускай дзяржаўнасці. Аркадзь Антонавіч — адзін з арганізатараў Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі. Менавіта ён першым на вядомым паседжанні Рады вечарам 24 сакавіка 1918 г. прапанаваў абвясціць незалежнасць БНР. У першым складзе ўрада Беларускай Народнай Рэспублікі ён становіцца Народным сакратаром асветы, намеснікам Старшыні Рады БНР. Пасля пераезду ў Вільню, А. А. Смоліч выкладаў ў Віленскай беларускай гімназіі. Аркадзь Антонавіч стаў адным з заснавальнікаў і першым старшынёй (1921—1922) Таварыства беларускай школы, якое адыграла выключную ролю ў барацьбе насельніцтва Заходняй Беларусі за нацыянальную школу і культуру. Ён востра адчуваў неабходнасць выдання падручнікаў на беларускай мове. У выніку

выйшла ў свет «Геаграфія Беларусі», якая вытрымала пяць перавыданняў і якую да гэтага часу лічаць самай лепшай працай па агульнай геаграфіі Беларусі.

На Усебеларускім з'ездзе разам з Я. Ф. Карскім выступіў за неабходнасць адкрыцця беларускага ўніверсітэта. Адстойваў гэтую ідэю, стаўшы першым сакратаром асветы ва ўрадзе Беларускай Народнай Рэспублікі.

На пачатку 1920-х гг. для многіх прыхільнікаў беларускай нацыянальнай ідэі становіцца відавочным, што рэальнае дзяржаўнае будаўніцтва рэалізуецца ў Беларусі на савецкай аснове. Балышавікі, якія атрымалі ўладу ў велізарнай сялянскай краіне, вымушаны былі адаптаваць марксісцкія пастулаты да пэўных умоў сялянскай краіны, што спрыяла выпрацоўцы «новай эканамічнай палітыкі». Акрамя ўсяго іншага, яна стварала магчымасці для ўліку нацыянальных традыцый развіцця. Відавочна, што такая палітыка фармавала запыт на спецыялістаў з актыўнай жыццёвай пазіцыяй, і А. А. Смоліч не мог застацца ў баку ад гэтых імклівых працесаў нацыянальнага жыцця.

У жніўні 1922 г., яшчэ да абвяшчэння амністыі дзеячам БНР, урад БССР дазваляе А. А. Смолічу вярнуцца ў Мінск. Аркадзь Антонавіч прызначаецца загадчыкам планава-эканамічнага аддзела Наркамата земляробства Беларускай рэспублікі, які ў той перыяд узначальваў А. С. Славінскі. Наркам земляробства не падтрымліваў ідэі сялянскага індывідуальнага землекарыстання, настаіваючы на перспектывах калектыўнага працы ў сельскай гаспадарцы. Таму першапачаткова А. А. Смоліч канцэнтруецца на распрацоўцы навуковых асноў пераўтварэння вёскі. У 1923 годзе ён абараняе кандыдацкую дысертацию «Арганізацыя сельскай гаспадаркі ў раёнах Цэнтральнай Беларусі». З 1922 г. становіцца паўнамоцным сябрам Інстытута Беларускай культуры (у сваёй анкеце ён напісаў — «ганаровым членам» з 1921 г.). А. А. Смоліч таксама прапануе свае веды ўніверсітэту, для адкрыцця якога ім было зроблена гэтак шмат намаганняў. 5 красавіка 1923 г. А. А. Смоліч быў залічаны навуковым супрацоўнікам Педагагічнага факультэта БДУ. У 1923 г. ён чытае курсы геаграфіі Беларусі і замежных краін, фарміруе кафедру краязнаўства, геаграфічны кабінет.

Характарызую навукова-грамадскую і палітычную платформу, да якой належаў А. А. Смоліч, варта падкрэсліць, што беларускія сацыялістычныя партыі, як і эсэры, адстойвалі патрабаванне адмены прыватнай уласнасці на зямлю. Такое патрабаванне было замацавана як ў Другой Устаўной грамаце БНР, так і ў Маніфесте Рабоча-Сялянскага Урада Савецкай Беларусі. Аднак разуменне справядлівасці не было звязана з ўраўняльнасцю. У беларусаў, якія жылі амаль выключна ў сельскай мясцовасці, у аснову ўсяго быў пакладзены прынцып працы. Асаблівае значэнне для беларускага селяніна мела зямля. Сялянская грамада заставалася найважнейшым рэгулятарам сацыяльных адносін, перш за ўсё ў сферы зямель агульнага карыстання (лес, выганы, сенажаць). Яна ўспрымалася як штосьці калектыўнае, аб'яднальны пачатак, у якім злучыліся нацыянальныя і сацыяльныя патрабаванні беларусаў. «А хто там ідзе, а хто там ідзе ў велізарнай такой грамады? Ідуць беларусы», — пісаў беларускі паэт Я. Купала. «Зямля — самы каштоўны прадмет для беларуса», — падкрэсліваў М. В. Доўнар-Запольскі [5, с. 43—44]. Шырока вядомыя словы Янкі Купалы з паэмы «Новая зямля»: «Зямля — Аснова ўсёй Айчыне». Зямля звязвалася ў свядомасці беларуса з родам, з вечнасцю, праца на зямлі селянін лічыў самым значным.

Нацыянальная гаспадарчая сістэма ў канцэнтраваным выглядзе ўяўляе механізм фарміравання і рэалізацыі эканамічных інтарэсаў, які складаўся ў краіне. Захаваанне і развіццё сялянскай гаспадаркі ў 1920-я гг. вызначалася тым, што аграрная сфера вытворчасці ў яе большай частцы будавалася не толькі на капіталістычных, але і на безнаёмных асновах сямейнай гаспадаркі, для якой характэрны зусім іншыя матывы гаспадарчай дзейнасці, а таксама спецыфічнае разуменне рэнтабельнасці. А. В. Чаянаў сцвярджаў, што для кожнага тыпу эканамічнага ўкладу павінна быць створана эканамічная сістэма, якая адпавядае яго спецыфіцы. Гаспадарчая сістэма фарміруецца пад уплывам такіх істотных сацыяльных фактараў, як шчыльнасць насельніцтва і формы землекарыстання, а таксама традыцыйны ўклад жыцця. Песна пераплеценныя з ім звычкі і звычаі прадвызначаюць пэўны узровень патрэб, а такім чынам, — і напружанасць працы селяніна [6]. Вельмі складана вызначыць нейкі тып «чыстай культуры»: элементы класічных сістэм суіснуюць, ствараючы спецыфічныя — для кожнай краіны на пэўным этапе развіцця — кангламераты. Дылема «рынак або дзяржаўнае рэгуляванне» можа вырашацца нааўнасцо гаспадарчых («экспалярных») сістэм, якія знаходзяцца па-за межамі дзвюх полюсаў — плану і рынку.

Важнай умовай паспяховага развіцця сялянскай гаспадаркі з’яўляецца ўлік прыродна-геаграфічнага і лагістычнага фактару. Каб наладзіць культурную гаспадарку, здольную даваць канкурэнтаздольную прадукцыю на ўнутраным і знешнім рынках, трэба было правесці новае эканамічнае раянаванне з улікам гістарычных абставін, асаблівасцей эвалюцыі сялянскай гаспадаркі, шчыльнасці насельніцтва, транспартных шляхоў, коштаў на тавары сельскагаспадарчай вытворчасці, а таксама сацыяльна-псіхалагічнага фактару. Значную навуковую і практычную работу ў гэтым кірунку праводзіў Навукова-даследчы інстытут сельскай і лясной гаспадаркі, непасрэдна А. А. Смоліч. Праведзенае ім вывучэнне паказала, што асноўныя прычыны нізкай прыбытковасці сялянскай гаспадаркі вызначаюцца недахопам сродкаў вытворчасці, адсутнасцю зберажэнняў і інвестыцый у гаспадарку, высокімі падаткамі.

У сярэдзіне 1920-х гг. у БССР была рэалізавана вялікая праца па раяніраванню, якую М. І. Калінін прыводзіў у якасці прыкладу для ўсяго Саюза ССР. А. А. Смоліч не толькі займаўся тэарэтычнымі пошукамі, але і быў накіраваны на іх як мага больш хуткую практычную рэалізацыю. Распрацоўваючы магчымасці беражлівых і комплекснага выкарыстання прыродных багаццяў Беларусі, ў 1924 г. ён прыняў удзел у працы камісіі Дзяржплана БССР па раянаванні тэрыторыі рэспублікі. А. А. Смоліч настойваў на неабходнасці ўліку глебавых, гідралагічных, кліматычных і іншых прыродных умоў. Істотным фактарам з яго пункту гледжання з’яўлялася таксама лагістыка: наяўнасць буйных гарадоў, чыгуначных станцый і г. д.

Нягледзячы на тое, што сялянства атрымала прырэзку зямлі каля 1 млн дзесяцін, для Беларусі вельмі вострай з’яўлялася праблема аграрнай перанаселенасці, лішак рабочай сілы даходзіў тут да 40 % [7, арк. 112]. На пачатку 1927 г. наркам землеаробства БССР падкрэсліваў, што «падзел сялянскіх гаспадарак дасягнуў неверагодных памераў. Кожны год павялічвалася колькасць дробных сялянскіх гаспадарак на 15000, у той час, як у першыя гады пасля рэвалюцыі яна ўзрастала на 8000» [8, арк. 551]. У густанаселеных ці малазямельных раёнах недахоп зямлі пазбаўляў сялянскую сям’ю магчымасці рэалізаваць

сваю рабочую сілу ва ўмовах аптымальных форм арганізацыі працы. Не валодаючы дастатковым запасам зямлі і сродкаў вытворчасці для поўнага выкарыстання сваёй працы ў сельскагаспадарчым прадпрыемстве, яна размяшчала лішак сваёй працы ў іншы від гаспадарчай дзейнасці. У Беларусі спроба пераадолець аграрную перанаселенасць выяўлялася і ў пашырэнні больш працаёмкіх культур — бульбаводства, ільнаводства, развіцці жывёлагадоўлі і падсобных промыслаў [1, с. 82—107].

Важнейшай рысай эканамічнай палітыкі ў Беларусі акрэсліваўся разлік на ўласныя рэсурсы. У сувязі з тым беларускі ўрад арыентаваў на максімальна беражлівы падыход да іх выкарыстання. Вялікія кошты на драўніну стымулявалі самавольныя вырубкі [9, арк. 1, 4]. Згаджаючыся з тым, што пытанне аб лесе набыло надзвычайную вострыню, М. М. Карклін, які ўжо рыхтаваўся заняць пасаду Старшыні Дзяржплана БССР, выступіў супраць просьбаў сялянства адпускаць лес бясплатна, сцвярджаючы, што гэта «сфарміруе дзірку ў бюджэце». Па яго меркаванні, наадварот, лес павінен быў прыносіць большы даход. «Нам патрэбна кожнае балота, пень, вярхушкі выкарыстоўваць, каб змаглі паставіць справу так, як патрэбна» — заявіў ён на X з'ездзе КП(б) Беларусі. І паабяцаў, што гэтая праца будзе цесна ўвязвацца з пытаннем аб торфе [10, арк. 511—513].

Абгрунтоўваючы неабходнасць максімальнага ўліку прыродна-геаграфічных умоў з мэтай разліку на ўласныя рэсурсы Беларусі, А. А. Смоліч распрацаваў тэорыю рацыянальнага размяшчэння гаспадарчых комплексаў (эканомгеаграфічных ландшафтаў) [11]. У іншых умовах, на думку А. А. Смоліча, было б надзвычай складаным адстаяць ідэю незалежнасці краіны. На мяжы 20—30-х гг. XX ст. А. А. Смоліча напаткаў лёс многіх з прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі. Шэраг сучаснікаў, магчыма, адцяняць зроблены А. А. Смолічам крок як не вельмі прагматычны. Аднак Аркадзь Антонавіч паказаў прыклад для наступных пакаленняў, што ўяўляе сапраўдны патрыёт сваёй справы, сваёй краіны. Ён быў з тых, хто шчыра імкнуўся рэалізаваць ідэі Першага Усебеларускага з'езда, працуючы дзеля агульнай мэты праз кансалідацыю нацыянальных сіл.

Бібліяграфічны спіс

1. Ходзін, С. М. Дэмаграфічны змены ў сельскіх населеных пунктах БССР (1921—1939 гг.) / С. М. Ходін // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. — Мінск, 2015. — Вып. 30. — С. 171—176.
2. Довнар-Запольский, М. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии / М. Довнар-Запольский // Этногр. обозрение. — 1897. — № 2. — С. 1—16.
3. Кандыбовіч, С. Разгром нацыянальнага руху ў Беларусі / С. Кандыбовіч; аўт. прадм. В. Скалабан. — Мінск: Часоп. «Беларус. гіст. агляд», 2000. — 158 с. — (Бібліятэка часопіса «Беларускі гістарычны агляд»).
4. Проект постановления бюро ЦК КП(б) от [1924 г.] о праздновании Дня провозглашения БССР, постановление СНК БССР от 6 декабря 1924 г. о надписях и вывесках на национальных языках, протокол заседания комиссии при ЦК КП(б) от 20 декабря 1924 г. по вопросу выселения быв. помещиков из принадлежащих им хозяйств, проект наказа СНК, СТО и комиссий при СНК СССР, план работы президиума ЦК КП(б) от октября 1924 г. — март 1925 г., отчеты о работе президиума ЦК КП(б) от 15 мая по 1 сентября 1924 г. и Могилевского окружкома КП(б) от мая по август 1924 г.,

тезисы докладов о финансовом положении БССР, доклад управления коммунального хозяйства НКВД БССР «Дорожное строительство Белоруссии и задачи райисполкомов». 21 марта — 31 декабря 1924 г. 289 арк. // НАРБ. — Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 1500.

5. Довнар-Запольский, М. В. Исследования и статьи [Электронный ресурс] / М. В. Довнар-Запольский. — Киев: Тип. 1-й Киев. артели печ. дела, 1909. — Т. 1: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. — Режим доступа: http://by.ethnology.ru/by_lib/dov-zap_01/graf/dov-zap_01_cont.html. — Дата доступа: 17.01.2016.

6. Чаянов, А. В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства / А. В. Чаянов // Экономическое наследие А. В. Чаянова: труды / А. В. Чаянов. — М., 2006. — С. 59—106.

7. Документы о состоянии сельского хозяйства и очередных задачах аграрной политики в БССР (доклады, тезисы докладов, сведения, выводы и др.). 18 февраля — 31 июля 1925 г. 375 арк. // НАРБ. — Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 2295.

8. Стенограмма XIV съезда КП(б)Б от 26 [27] января 1932 г. 286 арк. // НАРБ. — Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 5590.

9. Бланки, отчеты, сведения. 1 января 1925—31 декабря 1925. 397 арк. // НАРБ. — Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 2292.

10. Стенограмма X съезда КП(б)Б от 3—10 января 1927 г. 708 арк. // НАРБ. — Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 3083.

11. Смоліч, А. Сельскагаспадарчыя раёны Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі ў 1927—1928 гадах: папярэд. схема і мэтадал. увагі / А. Смоліч. — Мінск: [б. в.], 1930. — 138 с.

Яноўскі Алег Антонавіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

РЭВАЛЮЦЫІ 1917 ГОДУ Ў ЛЁСАХ ПЕРШЫХ ВЫКЛАДЧЫКАЎ ВЫШЭЙШАЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСІ

Безумоўна, падзеі 1917 г. аказалі вызначальны ўплыў не толькі на змену палітычнага развіцця Беларусі, але і на лёсы тых, хто на пачатку 1921 г. так ці інакш стане прыхільца да ўдзелу ў стварэнні першага беларускага ўніверсітэта. Калі нейкім чынам з гэтага падыходу абагульняць той час, то натуральна казаць аб сумяшчэнні і ўзаемадапаўняльнасці вялікіх і малых катэгорый гістарычнага руху: сам універсітэт стаў рэальнасцю з-за рэвалюцыйнага ператрусу, а яго стваральнікі далучыліся да рэалізацыі даўно наспеўшай ідэі менавіта таму, што абедзвё рэвалюцыі 1917 г. літаральна выкінулі інтэлектуалаў са звыклых месц працы і побыту. Таксама, як і тыя палітыкі, што прынялі рашэнне аб пачатку дзейнасці ўніверсітэта ў Мінску: яны былі высунуты на першасныя ролі ў забытанай і дастаткова выпадковай па сваіх наступствах ваенна-палітычнай і грамадскай сітуацыі 1917—1920-х гадоў.

З пазіцый гэтага спрошчанага і вельмі агульнага падыходу існуе магчымасць дэталізаваць некаторыя абставіны, разгледзіць дакладныя шляхі, якія былі пройдзены дзесяткамі ідэолагаў, арганізатараў і непасрэдных стваральнікаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Па-сутнасці, і сёння не створана дэталёва прапісаная гісторыя тых, каму беларусы абавязаны сваім стогадовым узыходжаннем па прыступках навукі і вышэйшай адукацыі. Гэта значыць, пакуль што не напісаны нейкі энцыклапедычны твор, які б таксама

ўмясціў ў сябе хаця б павярхоўныя біяграфічныя нарысы аб многіх дзесятках прафесараў, дацэнтаў, выкладчыкаў, асістэнтаў, лабарантаў, прэзектараў і іншых універсітэцкіх асоб, якія ва ўмовах рэвалюцыйнага гвалту і скасавання размеранага асабістага жыцця з 1921 г. пачалі сваю творчую працу ў БДУ. Між тым існуе некаторая літаратура, якая абагуліла жыццёпіс найбольш выбітных універсітэцкіх інтэлектуалаў. Нават тая, якую напісалі не аўтары з БДУ і без непасрэднай ініцыятывы з боку яго кіраўніцтва. Напрыклад, даволі грунтоўныя, прасапаграфічны арыентаваныя выданні былой АН БССР і сучаснай НАН Беларусі [5; 7; 8; 3]. І не дзіўна, бо правесці размежаванне паміж універсітэцкімі і акадэмічнымі вучонымі не тое што цяжка, а не мае патрэбы. Гэтыя выдатныя інстытуцыі ствараліся і дзейнічалі, працягваюць дзейнічаць у неразрыўным яднанні. Надзею на пазітыўны працяг зробленага дае план выданняў, які распацоўваецца да 100-годдзя БДУ. Асабліва ў ім падаецца значавым шматтомнік «Интеллектуальная элита Беларуси», першая кніга якога ўжо пабачыла свет [6].

Звяртаючыся дакладна да тэмы распаўядання, патрэбна адзначыць, што існуе хоць і спрошчаны, але дастакова прадуктыўны шлях узнаўлення важнейшых абставін біяграфій першага пакалення ўніверсітэцкіх выкладчыкаў і некаторых адметных студэнтаў. Гэта наяўнасць у беларускіх і расійскіх архівах велізарнай колькасці асабістых спраў, у якіх зафіксаваны і агульныя звесткі, і дэталі аб лёсе гэтых тысяч людзей. Асабліва насычаны падобнымі «справамі» 205 фонд Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, а менавіта многія іх тысячы, якія ўтрымліваюць у гэтым фондзе вопісы 3, 4, 10 і інш. Амаль кожная справа мае такія выдатныя па сваёй інфармацыйнай насычанасці дакументы, як *curriculum vitae* і службовыя анкеты рознага кшталту, што па тагачаснай бюракратычнай практыцы не аднойчы павінны былі запаўняцца прынятыя на працу ў БДУ. У гэтых дакументах абавязковым складнікам усіх астатніх звестак былі дадзеныя аб тым, чым займаўся грамадзянін ужо ССРБ у рэвалюцыйны 1917 год. Амаль што раз адказы на дадзенае пытанне дапаўняліся ўдакладненнямі аб адносінах да палітычнай сітуацыі, удзелу ў палітычных партыях, у ваенных падзеях і інш.

Такім чынам, толькі выходзячы з дадзеных гэтых як бы фармальных дакументаў, можна дастаткова аб'ектыўна прасачыць абставіны і характар таго пераходу, які быў зроблены чалавекам ад імператарскай Расіі да савецкай Беларусі. А кожны пражыў свой унікальны лёс за адзін толькі год, калі было патрэбна намацаць аснову будучага жыцця ў такіх хісткіх рэаліях 1917 г. Калі нават не двойчы (сакавік і кастрычнік), а некалькі больш разоў маглі процілегла змяняцца арыентыры ў бачанні заўтрашняга дня. Змяніцца, бо па-рэвалюцыйнаму радыкальна змянялася грамадска-палітычная сітуацыя, ішло перацягванне людзей на свой бок рознымі палітычнымі сіламі, раслі разбуральныя тэндэнцыі, мацнела нацыянальная самасвядомасць народаў, працягвалася сусветная вайна, набірала размах галеча. Пералік гэтых радыкальных уздзеянняў, што абрынуліся на чалавека 1917 года, можна прадоўжыць. І ва ўсіх падобных найскладаных абставінах творчы чалавек, навуковец, педагог павінен быў знайсці адзіны адказ на пытанне — «Як жыць далей?». А можа, больш спрошчана — «Як выжыць?».

Некаторыя адказы і ёсць магчымасць знайсці ў згаданых вышэй архіўных дакументах. Для больш грунтоўных высноў існуюць многія іншыя даследчыя

крокі, маюцца іншыя крыніцы. У дадзеным выпадку будзем спасылацца амаль што выключна на матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна палітычнай гісторыі, Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі, Смаленскага абласнога архіва. І зробім для сябе абмежаванне: прадставім лёс толькі трох — ці абсалютна вядомых, ці не зусім вядомых інтэлекталаў БДУ «першага прызыву». Тых, хто з кастрычніка 1921 г. стаў за кафедры, а таксама хто далей, потым працягнуў распачаць справу перашапраходцаў.

Зразумела, выключным па сваёй ролі, сваёй эрудыцыі і «ўключанасці» у рэвалюцыйныя перабудовы для нас усіх назаўсёды застанеца Уладзімір Іванавіч Пічэта — першы рэктар, сапраўдны стваральнік важнейшых інтэлектуальных інстытуты і накірункаў не толькі ў БДУ, але і ва ўсёй Беларусі. Яго асабістая справа ў НАРБ [10] дастаткова аб'ёмная і ўтрымлівае зашмат каштоўных звестак. У тым ліку і дадзеныя аб занятках пад час двух рэвалюцый 1917 г. Так, у адным з дакументаў удакладняецца факт узнаўлення працы У. І. Пічэты ў Маскоўскім універсітэце якраз у рэвалюцыйным годзе — тады, калі гэты галоўны ўніверсітэт Расіі страціў свой імперскі статус [10, арк. 10]. Таму навукоўцу, мабыць, было прыемна зноў прыйсці ў *alma mater*, якую ён быў вымушаны пакінуць у 1911 г. з-за нязгоды з палітыкай царскага ўраду ў сферы адукацыі (у асобе міністра народнай асветы Льва Кассо): ад абмежаванняў універсітэцкай аўтаноміі да забароны адкрыцця ўніверсітэтаў, у тым ліку ў Мінску ды Вільні [4, с. 507]. Да Маскоўскага ўніверсітэта Уладзімір Іванавіч прыхіліўся не толькі, каб праз выкладанне зарабляць грошы на пражыццё, але каб завершыць сваю шматгадовую навуковую працу па даследаванні праблем гісторыі Вялікага Княства Літотойскага. Праз некалькі гадоў у рэкамендацыі на прызначэнне У. І. Пічэты прафесарам па кафедры гісторыі БДУ, якую даў адзін з стваральнікаў сістэмы савецкай вышэйшай адукацыі прафесар В. П. Волгін, было адзначана, што суіскальнік за 1917 год скончыў падрыхтоўку да абароны магістарскай і доктарскай дысертацый па тэме «Аграрная рэформа Сігізмунда-Аўгуста».

Скончыў, нягледзячы на ўсе грамадскія ператрусы і асабістыя пабытовыя праблемы. Каб у хуткім часе, адну за другой 18 лютага і 19 сакавіка наступнага году іх паспяхова абараніць. А таму натуральна, як адзначалася ў рэкамендацыі, «...главный основной интерес его научной работы связан с историей Литовско-русского государства» [10, арк. 2]. Вызвае павагу тое, што Уладзіміру Іванавічу ўдалося менавіта ў 1917 г. выдаць у Петраградзе і Маскве дзве грунтоўныя навуковыя працы «пад дысертацыі»: «Аграрная рэформа і литовско-русская шляхта» (у зборніку артыкулаў у гонар М. К. Любаўскага) і «Аграрная рэформа Сігізмунда-Аўгуста в Литовско-Русском государстве» (гэта была першая частка, а другая пабачыла свет у 1918 г.) [10, арк. 14].

Але не толькі дысертацыйнай праблематыкай у гэты складаны час займаўся ўсебаковы даследчык. У 1917 г. да друку ў маскоўскіх выданнях будуць падрыхтаваны працы па славістыцы яўна з ухілам на разгляд той праблематыкі, якая была сугучна бягучым расійскім падзеям («Борьба болгар за объединение», «Исторические судьбы сербского народа», «Первые русские социалисты» і інш.). Тым больш у коле навуковых інтарэсаў Уладзіміра Іванавіча актуалізавалася праблематыка, звязаная з ходам падзей на яго роднай украінскай зямлі. Таму натуральна, што ва ўкраінскіх выданнях з'явіліся

два артыкулы, аб якіх потым, ужо ў час працы ў БДУ, У. І. Пічэта будзе згадваць у сваіх справаздачах, але некалькі змягчаючы сэнс іх назваў. Так, калі ў справаздачах адзін з артыкулаў пададзены як «Украинский вопрос в русской исторической литературе» [10, арк. 15], то на сам рэч ён меў назву «Прилучение Украины до Москвы в Московский историчный литературі» і быў надрукаваны ў № 5—6 кіеўскага часопіса «Шлях». А другі артыкул таксама з характэрнай назвай — «Украина и московское самодержавие» — пабачыў свет у тым жа 1917 г. у № 3—6 часопіса «Украинская жизнь».

Патрэбна дадаць немалаважны факт з біяграфіі нашага першага рэктара: ён на працягу такога доўгачасовага ліхалецця, якое распачалося ў рэвалюцыйны 1905 год, працягнулася гадамі сусветнай вайны і дасягнула апогаею ў 1917-м годзе, напружана выкладаў самыя розныя гістарычныя дысцыпліны ў Сімферопалі, Ітлузе, Бранску, Самары, Варонежы і, зразумела, у Маскве. І зноў жа — 1918 год адзначыў не толькі абаронай дысэртацый, але і ўдзелам у выкладанні асноў беларускай гісторыі для слухачоў Беларускага народнага ўніверсітэта, які быў арганізаваны беларусамі ў Маскве. Ужо ў часы рэктарства ім будзе падрыхтаваная да друку ў славары Граната артыкул пад як бы ў некаторай ступені падсумоўваючай падзеі таго часу назвай — «Белоруссия 1910—1922» [10, арк. 23].

У пэўным сэнсе абагульняючай характарыстыкай У. І. Пічэты часоў рэвалюцыйных можна лічыць словы, выказаныя яго калегам прафесарам М. М. Нікольскім у дакладзе «Очерк жизни и деятельности профессора В. И. Пичеты». Гэты даклад (сярод двух іншых — дацэнта В. Д. Дружыцы і прафесара Д. А. Жарынава) быў зроблены пад час ушанавання 25-годдзя навуковай і педагогічнай дзейнасці рэктара БДУ. Мікалай Міхайлавіч сказаў: «Владимир Иванович не только ученый, он и гражданин, который живо реагирует на все государственные происшествия. Революция не запугала юбиляра: он быстро убедился в живительных соках революции и связал свою судьбу с рабоче-крестьянскими массами Беларуси. Несмотря на то, что не окончилось государственное оформление БССР, Пичета смело становится во главе БГУ и проявляет тут необычные таланты организатора и администратора...» [10, арк. 38]. А асобныя дэталі з грамадска-палітычнага крэда Уладзіра Іванавіча падкрэслі расіязнаўца Д. А. Жарынаў («... с давних времен Пичета глядел на Россию как на федерацию...») і наркам асветы БССР А. В. Баліцкі («При тяжелых обстоятельствах начали строить Белорусский Университет. Это было время необычной бедности и нищеты. Несмотря на это Владимир Иванович стал во главе Университета и, не жалея сил, работал над его организацией» [10, арк. 37].

Нарэшце, свой погляд на сутнасць і ролю рэвалюцый 1917 г. сам У. І. Пічэта выказаў у незвычайнай споведзі, якую ў роспачы напісаў, знаходзячыся ў зняволенні — у ленінградскай турме «Кресты». Гэта ягонае «Мое общественно-политическое кредо», якое аўтару ўдалося колькі гадоў назад надрукаваць [2; 13]. Знісілены і да глыбіні душы пакрыўджаны арыштанта пісаў: «Я все время ждал революции, которая пришла вместе с войной... Я с нетерпением ждал прихода революции, которая должна была нанести окончательный удар по старым порядкам. Я, конечно, думал о буржуазно-демократической революции. Революция пришла, она меня захватила... Когда пришла Октябрьская революция, я пошел навстречу ей, хотя я не понимал еще всего того громадного социально-экономического и политического значения,

которое будет иметь Октябрьская революция. Я не испугался революции, я ни на одну минуту не остановил своей работы в школе» [2, арк. 260, 260зв.].

Можно толькі дадаць, што ў Расійскім дзяржаўным архіве сацыяльна-палітычнай гісторыі маецца злёгку скарэктаванае гэтае «крэда». Так, быццам У. І. Пічэта пасля слоў, што рэвалюцыя яго захапіла, дадаў ці ўдакладніў: «...но я не пошел ни с одной политической партией» [11, арк. 21]. Але на матэрыяле з архіва УФСБ прастаўлена паметка «подлинник», тады як на другім — «копия». Таму дадатак наконт адносін гісторыка ў 1917 г. да той ці іншай партыі можна лічыць ці то аўтарскай рэдакцыяй і спробай указаць на сваё недачыненне да няўстойлівага палітычнага становішча 1917 года, ці то падкрэсліць факт сваёй практычнай дзейнасці як беспартыйнага рэктара на карысць справы большавікоў у галіне адукацыі і навукі.

Тут хацелася б паразважаць наконт аб'ектыўных прычын актыўнага прыхілення многіх расійскіх інтэлектуалаў да нісправяральных наступстваў рэвалюцыі 1917 г. Але зробім гэта ў другім фармаце. У выпадку ж з У. І. Пічэтай можна толькі прыняць да ўвагі дастаткова вядомую ацэнку гэтага феномену, якая належыць выдатнаму рускаму філосафу С. Л. Франку. Ён ужо ў эміграцыі адзначыў: «В ту эпоху преобладающее большинство русских людей из состава так называемой интеллигенции жило одной верой, имело один смысл жизни: эту веру лучше всего определить как веру в революцию... Главное, основная точка устремления лежала не в будущем и его творчестве, а в отрицании прошлого и настоящего...» [12, с. 479]. Між тым мы ніякім чынам не можам спрощваць сутнасць таго факту, што шматлікія выдатныя навукоўцы на пачатку 1920-х гг. літаральна «знайшлі сябе» менавіта ў Беларусі і рабілі магчымае і нават немагчымае, каб разам з працягам свайго творчага развіцця максімальна садзейнічаць стварэнню амаль што раней невядомых інтэлектуальных сфер. А не толькі кіравацца па жыцці «отрицанием прошлого и настоящего...».

Калі ў працяг тэмы спаслацца на лёс зусім іншага па паходжанню і творчым патэнцыяле аднаго з паслядоўнікаў У. І. Пічэты на пасадзе ўніверсітэцкага рэктара — Аляксея Сцяпанавіча Кучынскага, — то можна прасачыць шлях «у рэвалюцыю» карэннага беларуса «з глыбіні». І калі для Пічэты 1917 год стаў пераломным як ужо для адбыўшага ў прафесіі навукоўца і педагога, то для Кучынскага рэвалюцыйны год літаральна азначаў новы якасны этап, радыкальны паварот у біяграфіі.

Аўтару ўдалося ўзнавіць галоўныя этапы жыцця гэтага па-свойму неардынарнага чалавека [14]. Выхаванец Віцебскага настаўніцкага інстытута ў званні радавога, а потым яфрэйтара да лютага 1917 г., як і многія землякі з Беларусі, ваяваў на Румынскім фронце. І ўспрыняў лафас рэвалюцыйных настрояў, што праніклі ў войска. Больш за тое, ён праявіў актыўнасць і быў пасланы аднапалчанамі ў Петраградскі савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў «для наладжвання сувязяў». У сталіцы былой ужо імперыі Аляксей Сцяпанавіч стаў удзельнікам I Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў з правам дарадчага голасу [1, арк. 10]. Гэта былі бурлівыя дні траўня 1917 г. Вяртанне на фронт у чэрвені 1917 г. было азнаменавана ўступленнем у шэрагі большавіцкай партыі. Кастрычніцкую рэвалюцыю вітаў увесь 7-ы інжынерны полк, у якім служыў беларус-яфрэйтар. Салдаты абралі сабе новых камандзіраў, потым полк уключыўся ў палітычнае жыццё, якое было так цяжка зразумець ва Украіне.

Але ў рэшце рэшт салдацкі актыў і ў тым ліку Кучынскі прынялі рашэнне перадыслакавацца з Румынскага фронту ў распараджэнне Заходняга. Так Аляксей Сцяпанавіч вярнуўся на радзіму і ў хуткім часе быў дэмабілізаваны. У снежні 1917 г. ён прыехаў да бацькоў, якія жылі на Мсціслаўшчыне. І распачалася яго вельмі крэатыўная службовая, а праз гады і творчая кар’ера, якая спачатку прывяла ў Мінск, літаральна вынесла на пасаду рэктара БДУ, а потым у кастрычніку 1937 г. нізвергла ў бездань.

Можна прывесці і некаторыя абставіны з не менш насычаных падзеямі лёсаў зусім іншых па свайму службоваму статусу ў БДУ яго стваральнікаў і будаўнікоў інтэлектуальнага асяроддзя. Напрыклад, хто сёння памятае пра выдатнага гісторыка Іллю Веніямінавіча Герчыкава? Мала хто, хаця ён адзначыўся ва ўніверсітэтах Беларускам і Саратаўскім сваёй плённай працай. Каб потым аказацца па-за гістарыяграфічных аглядаў, па-за інтарэсамі спецыялістаў усеагульнай гісторыі. Гэты чалавек прайшоў выдатную школу станаўлення сваіх прафесійных якасцяў, некалькі гадоў выкладаў курсы Новай і Навейшай гісторыі студэнтам педфака БДУ, потым быў прарэктарам і загадчыкам кафедры ўсеагульнай гісторыі Саратаўскага дзяржуніверсітэта.

Узыходжанне на гэтыя відавочна высокія прыступкі кар’еры гісторыка пачаліся зноў жа ў 1917 годзе. Ураджэнец Рэчыцы да моманту свайго прыходу ў БДУ меў багаты асабісты жыццёвы вопыт і вопыт удзелу ў палітычным жыцці Расіі. Ён прайшоў з 1914 г. франты Першай сусветнай вайны. І як Кучынскі і тысячы салдат, стомленых гэтай вайной, быў захоплены рэвалюцыйнымі плынямі. У сакавіку 1917 г. І. В. Герчыкава аднапалчане дэлегіравалі для ўдзелу ў арганізацыі Маскоўскага савета салдацкіх дэпутатаў. Больш за тое, ён стаў яго першым старшынёй. Потым у чэрвені 1917 г. прыняў удзел у І-м Усерасійскім з’ездзе Саветаў. Натуральным працягам такой палітычнай актыўнасці стала членства ў «Особом совещании для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание» і шмат чаго іншага [9, арк. 15—19]. З усіх палітычных партый гэты вайсковец прыхіліўся да праграмы бальшавікоў і ўступіў у РСДРП(б). На гэтым як бы і скончылася ўзыходжанне па палітычнай лесвіцы, бо Ілля Веніямінавіч вырашыў «пайсці ў навуку». Між тым багаж 1917 года зрабіў добры стартавы падзел: без адпаведнай адукацыі Герчыкаў пачаў выкладаць на рабфаку БДУ, быў уведзены ў склад Праўлення ўніверсітэта, без праблем амаль што экстрэнам скончыў педфак, стаў яго дацэнтам і праслыў дастаткова актыўным навукоўцам — спецыялістам па гісторыі рэвалюцыйнага руху ў Германіі. А потым быў Саратаў, кіраўнічыя пасады і працяг навуковай актыўнасці. Вось толькі 1931 год стаў годам апошняга ўзгадвання гісторыка ў анналах нашай памяці і ведаў пра яго... І неабходна прадоўжыць пошукі, каб цалкам узнавіць асабісты лёс гэтага неардынарнага чалавека і навукоўца.

Заяўленая тэма аб уздзеянні рэвалюцыі 1917 г. на фарміраванне новых прафесійных якасцяў першых выкладчыкаў вышэйшай школы Беларусі можна працягваць і ў выглядзе агляду, і праз напісанне грунтоўнай манаграфіі. На самой справе: тэма дае выдатныя магчымасці даскладнага працывастання неверагодных уздымаў і падзенняў, што адбываліся ў лёсах тых інтэлектуалаў, якія ў рэшце рэшт сталі нашымі «першапраходцамі» на складаным шляху пастаноўкі ўніверсітэцкай адукацыі і дасканалых навуковых даследаванняў. Вось толькі як знайсці адназначны адказ на пытанне — «А чаго гэта каштавала

кожнаму з іх?». Такое пытанне заўсёды паўстане перад даследчыкам, які працуе ў кірунку «біяграфікі» ды «прасапаграфіі». І шмат чаго залежыць ад магчымасці пранікнуць як у абставіны часу, так і зразумець логіку, якой кіраваліся вельмі розныя паміж сабой людзі. Розныя, але паяднаныя як раз часам, прафесійнымі якасцямі, адказнасцю за справу, творчым патэнцыялам.

Бібліяграфічны спіс

1. Архіў Камітэта дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь. Спр. 90331/15. Архіўна-уліковы № 10604.
2. Архіў УФСБ РФ па Санкт-Пецярбургу і Ленінградскай вобласці. Архіўна-крымінальная справа № П-65245. Т. 9.
3. Ахремчик Р. Президенты НАН Беларуси: история Академии наук в лицах // Наука и инновации. Научно-практический журнал. 2014. № 2 (132). — С. 4—8.
4. Большая Советская Энциклопедия. Т. 11. Третье издание. — М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973. — 607 с.
5. Выдающиеся люди Белорусской земли (био-библиографический словарь). Ч. I — «Адамов Владимир Владимирович — Куторга Степан Семенович». Машинописная рукопись / Под ред. Т. С. Горбунова и Н. М. Никольского. — 384 с. // 3 асабістага архіва аўтара.
6. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919—1941) / С. В. Абламейко [и др.]; под общ. ред. С. В. Абламейко, науч. ред. О. А. Яновский. — Минск: БГУ, 2017. — 303 с.
7. Национальная академия наук Беларуси: историко-документальная летопись, 1928—2008 / сост. Г. В. Корзенко [и др.]; редкол.: М. В. Мясникович [и др.]. — Минск: Беларуская навука, 2008. — 604 с.
8. Национальная академия наук Беларуси: персональный состав, 1928—2015 / сост.: Т. С. Буденкова [и др.]; редсов.: В. Г. Гусаков (пред) [и др.]. — Минск: Беларуская навука, 2015. — 557 с.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей — НАРБ). Ф. 205. Воп. 3. Спр. 1696.
10. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 6335.
11. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. Ф. 147. Воп. 2. Спр. 11.
12. Цыт. па: История человечества. Том VIII. Россия / под общ. ред. А. Н. Сахарова. — М.: ООО «Изд. Дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2003. — 756 с.
13. Яновский О. А. «Революция пришла, она меня захватила...». Два текста, объединенные одной судьбой // Беларуская думка. 2011. № 10. — С. 54—64.
14. Яноўскі А. Расстраляны лёс рэктара БДУ Аляксея Кучынскага // Беларускі гістарычны часопіс. 2017. № 10. — С. 4—14.

СЕКЦЫЯ 4

ПЕРШЫ УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД: НА ШЛЯХУ
ДА БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

Ageeў Аляксандр Рыгоравіч

*Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова (Магілёў, Беларусь)*УДЗЕЛ МАГІЛЁўСКІХ ДЭЛЕГАТАў У ПАДРЫХТОўЦЫ
І ПРАЦЫ ПЕРШАГА УСЕБЕЛАРУСКАГА З'ЕЗДА

Рэвалюцыя 1917 г. актывізавала нацыянальны рух за стварэнне беларускай дзяржавы. Жыхары Магілёўшчыны актыўна ўдзельнічалі ў рэвалюцыйных падзеях, у стварэнні палітычных партый і грамадскіх арганізацый, у тым ліку нацыянальных. Магілёўскі Беларускі Камітэт (МБК) стаў першай на тэрыторыі ўсходняй Беларусі ў XX ст. грамадскай арганізацыяй, якая выступала за аўтаномію, а затым і незалежнасць беларускай нацыі. Члены камітэта ўдзельнічалі ў выбарах у Магілёўскую гарадскую думу ў жніўні 1917 г., у правядзенні ў снежні 1917 г. Усебеларускага з'езда. Яны сабралі прадстаўнічы сход грамадскіх арганізацый у сакавіку 1918 г., які падтрымаў стварэнне Беларускай Народнай Рэспублікі.

Дакументы літоўскіх і беларускіх архіваў дазваляюць комплексна рэканструяваць працэс стварэння і дзейнасці ў 1917—1918 гг. у Магілёве адной з самых паспяховых беларускіх арганізацый рэвалюцыйнага перыяду — Магілёўскага Беларускага Камітэта. У дадзеным паведамленні выкарыстоўваюцца як некаторыя часткова апублікаваныя даследчыкамі, у тым ліку намі з І. А. Пушкіным у сумеснай манаграфіі малавядомыя факты і сведчанні тых гадоў [1], так і неапублікаваныя матэрыялы, якія тычацца ўдзелу магілёўцаў у працы I Усебеларускага з'езда.

Найперш трэба адзначыць, што не было наканаванасці і перадвызначанасці правядзення Усебеларускага з'езду менавіта ў Мінску. Цалкам рэальным было яго правядзенне ў Магілёве. Дзякуючы знаходжанню ў горадзе Стаўкі Вярхоўнага галоўнакамандуючага расійскай арміі яго можна аднесці да тых цэнтраў імперыі, у якіх вырашаўся лёс рэвалюцыі. Да таго ж, Магілёў па ўяўленнях тагачасных нацыянальных дзеячоў знаходзіўся ў цэнтры этнаграфічнай Беларусі, у якую ўваходзіла значная частка Смаленшчыны і Браншчыны.

У ходзе выбарчай кампаніі ва Устаноўчы сход на агульным сходзе Беларускага Нацыянальнага Саюза 12 кастрычніка 1917 г. ў г. Магілёве, аршанец М. Р. Ляўковіч пры абмеркаванні пытання правядзення з'езда беларускіх арганізацый, прапанаваў «цэнтрам Беларусі зрабіць Магілёў і па гэтай прычыне правесці з'езд» [7, арк. 50—50 адв.]. Беларускія арганізацыі Падняпроўя прапаноўвалі 5 студзеня 1918 г. склікаць у Магілёве зусёй Беларусі прадстаўнікоў земстваў, гарадскіх дум, саветаў, беларускіх партый і арганізацый і ўтварыць тут часовы орган кіравання краем — Беларускі народны савет. Яго галоўная місія палягала б у правядзенні выбараў у пастаянны орган улады — Беларускую краёвую думу. Магілёў мог стаць першай сталіцай Беларусі ў XX ст. [11].

Паралельна з удзелам у выбарчай кампаніі МБК супольна з Цэнтральнай Радай Беларускіх арганізацый беспаспяхова ініцыяваў перад Стаўкай Вярхоўнага галоўнакамандавання Расійскай імперыі правядзенне ў Магілёве з'езда беларускіх вайсковых арганізацый» [1, с. 40].

Члены Магілёўскага Беларускага Камітэта актыўна далучыліся да падрыхтоўкі першага агульнанацыянальнага форуму беларусаў — Усебеларускага з'езду. У адозве, выдадзенай МБК з гэтай нагоды, звярталася ўвага на тое, што «разлад, унесены ў апошні час у шэрагі рускай дэмакратыі», пагражае поўным развалам і анархіяй усёй дзяржаве. Такая небяспека штурхае «сыноў шматпакутнай Беларусі ўзяць на сябе задачу захавання цэласнасці сваёй радзімы і здабытых свабод ад замаху, з чыйго боку яны ні зыходзілі» [у перакладзе аўт.] [1, с. 44].

У Магілёве 1 снежня ў зале Гарадской Думы адбыўся Сход Беларусаў, на які МБК запрасіў Выканаўчы камітэт Магілёўскага губернскага савета сялянскіх дэпутатаў. На сходзе быў прыняты Наказ ад Магілёўскай Беларускай Рады дэлегату на Усебеларускі З'езд. Сход лічыў, што ўвесь Беларускі народ павінен быць аб'яднаны ў адну цэлую аўтаномную адзінку, якая будзе ўваходзіць як раўнапраўны член у адзіную дэмакратычную федэратыўную Расійскую Рэспубліку, для чаго выканаўчы Камітэт настойваў на неабходнасці прадстаўніцтва ад беларускага народа на міжнароднай мірнай канферэнцыі. Па «Зямельным пытанні» меркавалася, што зямля павінна перайсці ў карыстанне працоўнага народа, а ўмовы пераходу і спосабы землекарыстання будуць распрацаваны Устаноўчым Кангрэсам. Вялікая ўвага ў наказе была таксама прысвечана фарміраванню нацыянальных Беларускіх войск» [6, арк. 38—43 адв.].

Падобныя наказы і звароты да агульнанацыянальнага форуму беларусаў складаліся ў той час у беларускіх арганізацыях, установах, воінскіх часцях па ўсёй Беларусі і за межамі нашай краіны. Так, у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь захаваўся наказ воінаў беларусаў 404-й пешай (пяхотнай) Магілёўскай дружны дэлегатам I-га Усебеларускага з'езда» з вельмі падобнымі да Наказа МБК патрабаваннямі [1, с. 45—46].

На Усебеларускі з'езд у Мінск ад павятовых і губерnskіх земстваў быў абраны Даніла Васілеўскі, ад валасных земстваў Магілёўскай губерні — З. Міхайлаў [2, С. 15—16]. Прысутнасць дэлегацыі ад Магілёўскай губерні на Усебеларускім з'ездзе ўзгадваецца ў даведцы аб Урадзе БНР [3, С. 940]. Захаваўся пасведчанне МБК № 221 ад 2 снежня 1917 г. аб дэлегаванні ад МБК на з'езд Д. Аляхновіча [4, с. Арк. 18]. Па некаторых дадзеных, брат Зміцера — актыўны сябра МБК Яўген Сямёнавіч Аляхновіч быў таксама дэлегаваны на гістарычны з'езд ад імя педагагічнай рады Магілёўскага настаўніцкага інстытута [5]. Працякол пасяджэння Выканаўчага камітэта Магілёўскай Беларускай Рады ад 24 снежня 1917 г. сведчыць аб вылучэнні дэлегатамі на Усебеларускі з'езд таксама М. Кахановіча і В. Какашынскага. На пасяджэнні Усебеларускага з'езда 7 снежня прагучалі прывітальныя тэлеграмы, у тым ліку ад Булгака з Магілёва. Дзявятага снежня на з'ездзе быў абраны Прэзідыум, у склад якога ад сялян Магілёўскай губерні ўвайшоў Альховік (Альхоў (Ольков)?) [1, с. 46—48; 10, арк. 5—8].

11 снежня 1917 г. адбылося пасяджэнне ваеннай секцыі Усебеларускага з'езда, падчас якога прагучалі выступы з рэгіёнаў. Ад імя 404 пяхот-

най Магілёўскай дружны (Румынскі фронт) прывітанне Беларускай Радзе выказаў Макарэвіч [8, арк. 17—17 адв.].

Наяўныя крыніцы вельмі фрагментарна адлюстроўваюць удзел прадстаўнікоў МБК ва Усебеларускім з'ездзе. Вядома толькі, што Д. Даўгяла меўся зрабіць даклад аб стане народнай адукацыі ў краі, а М. Кахановіч на адным з пасяджэнняў выступіў з заклікам не адкладваць справу самавызначэння, «бо за нас можа вырашыць Вільгельм ці польскія легіёны» [12, с. 203—209].

Захаваліся нешматлікія чарнавікі пратаколаў пасяджэнняў культурна-асветніцкай камісіі Усебеларускага з'езда з фрагментамі выступленняў члена МБК Зміцера Аляхновіча, які не стаў пасіўным сведкам гістарычнай падзеі, а актыўна ўдзельнічаў у дыскусіях. Так, напачатку працы камісіі ён спрыяў нармалізацыі яе дзейнасці: прапанаваў выступаючам трымацца парадку дня, даручыць камісіі падрыхтаваць даклады па пытаннях парадку дня, а надалей прапаноўваў абмежаваць колькасць запісаў прамоўцаў і час іх выступленняў. Сярод іншага Аляхновіч падтрымаў важнасць развіцця вышэйшай адукацыі ў краі і звярнуў увагу прысутных на неабходнасць вяртання інвентару былых вышэйшых навучальных устаноў. На ранішнім пасяджэнні 10 снежня па ініцыятыве Аляхновіча пытанне аб беларускай мове ў школе было пастаўлена першым [9, арк. 1, 4—7]. Па сутнасці, пры абмеркаванні гэтай праблемы Аляхновіч выказваў пазіцыю МБК, які не раз абмяркоўваў гэтае пытанне і выступаў за паступовае адраджэнне беларускай мовы.

Усебеларускі з'езд быў разгаданы большавікамі 17 снежня 1917 г. Варта адзначыць неадназначныя адносіны насельніцтва Магілёўшчыны да з'езда. У адрозненне ад інтэлігенцыі, якая ў большасці вітала правядзенне з'езда і прыняцця ім рэзалюцыі, IV Магілёўскі агульнагубернскі з'езд сялянскіх дэпутатаў (15—18 снежня) у сваёй рэзалюцыі «Аб Усебеларускім з'ездзе» паставіў дэлегатамі на Усебеларускі з'езд саветаў лічыць прадстаўнікоў саветаў, а не «самазваных Беларускіх Рад і Грамад». Рэзалюцыя была прынята па ініцыятыве прапальшавіцкі настроенай часткі кіраўнікоў з'езда [1, с. 50].

Большавіцкая ўлада прадстаўляла хлуслівую інфармацыю аб з'ездзе і прычынах прыпынення яго працы. Патрыёты Беларусі імкнуліся давесці сваю праўду аб з'ездзе. Гэта добра бачна з ліста пісара Вайскавай Рады Міколы Шылы на пачатку 1918 г. Міхасю Кахановічу ў Магілёў. У ім прагучала просьба, каб ва ўсіх магілёўскіх газетах быў надрукаваны пратэст Выканаўчага Камітэта Рады I-га Усебеларускага з'езду на конт хлусні Л. Троцкага аб прычынах і абставінах разгону з'езда, выказанай у адказе на запыт прадстаўніка аўстра-германскай дэлегацыі на пасяджэнні мірнай дэлегацыі ў Брэсце 14 студзеня 1918 г. [1, с. 50; 2, с. 42—43].

Вынікі з'езда былі заслуханы на пасяджэнні Выканаўчага камітэта Магілёўскай Беларускай Рады 3 студзеня 1918 г. Сярод іншага былі заслуханы даклады аб з'ездзе Д. Аляхновіча і М. Кахановіча. Першы падрабязна распавёў пра адкрыццё з'езда і першыя пасяджэнні, падкрэсліў «вялікае значэнне З'езда ў справе папулярызацыі ідэі аўтаноміі Беларусі», далей паведаміў аб пасяджэннях пасля разгону з'езда. Абмеркавалі праект рэзалюцыі з'езда аб арганізацыі Краёвай улады ў Беларусі. М. Кахановіч прапанаваў «прыняць рэзалюцыю пратэсту супраць разгону З'езда і ўвогуле супраць перашкоды самавызначэння Беларусі і распаўсюдзіць яе ў Магілёўскай губерні, а таксама паслаць ва ўсе месцы Расійскай Рэспублікі» [1, с. 50].

Такім чынам, першапачаткова планавалася правесці Усебеларускі з'езд у г. Магілёве, сябры магілёўскіх нацыянальных палітычных арганізацый і ініцыятыў прынялі актыўны ўдзел у падрыхтоўцы і працы I Усебеларускага з'езда, а затым даносілі да грамадскасці інфармацыю аб з'ездзе і ідэях, якія на ім выказваліся, што дазволіла ў 1918 г. арганізаваць у Магілёве сход у падтрымку ўтварэння Беларускай Народнай Рэспублікі.

Бібліяграфічны спіс

1. Ageeў, А. Р. Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта (1917—1918): манаграфія / А. Р. Ageeў, І. А. Пушкін. — Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. — 292 с.: іл.
2. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. — Вільня—Нью-Ёрк—Менск—Прага: БІНІМ; Т-ва Беларускага пісьменства; Наша Ніва, 1998. — С. 1—850.
3. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. — Т. 1. Кн. 2. — Вільня—Нью-Ёрк—Менск—Прага: БІНІМ; Т-ва Беларускага пісьменства; Наша Ніва, 1998. — С. 851—1721.
4. Журнал выхадных папер МБК. 1917 г. // Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). Фонд 3. Воп. 1. Спр. 137. Арк. 3—19.
5. Ляхоўскі У. Магілёўскі настаўніцкі інстытут // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. — Т. 5. — С. 26.
6. Наказ от Могилевской Белорусской Рады делегату на Всебелорусский съезд 5 декабря 1917 г. в г. Минске // Lietuvos moksli akademijos Vrublevskių biblioteka Rankraščių skyrius. Цэнтральная бібліятэка Акадэміі навук Літвы. Аддзел рукапісаў. Фонд 21. Спр. 2218. Арк. 38—39, 43—43 адв.
7. Пратакол агульнага сходу Беларускага Нацыянальнага Саюза 12.10.1917 г. // БДАМЛМ. Фонд 3. Воп. 1. Спр. 136. Арк. 49—50 Адв.
8. Пратакол пасяджэння Ваеннай секцыі Агульна-Беларускага з'езда. 14.12.1917 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Фонд 325. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 17—17 Адв.
9. Пратаколы пасяджэнняў культурна-асветніцкай камісіі 1-га Усебеларускага з'езда // НАРБ. Ф. 457. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1—13 Адв.
10. Пратаколы пасяджэнняў Усебеларускага нацыянальнага з'езда // Lietuvos centrinių valstybės archyvas (LCVA) Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў Фонд 582. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 5—8.
11. Пушкін І. А. Як Магілёў мог стаць сталіцай Беларусі ў 1917 годзе // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф. — Магілёў, 2015. — С. 135—141.
12. Рудовіч, С. У пошуках нацыянальнай ідэнтычнасці: Беларуская патрыятычная арганізацыя ў Магілёве ў 1917—1918 гг. / С. Рудовіч // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: зборнік навуковых прац / уклад. І. А. Пушкін. — Магілёў: Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня, 2001. — С. 203—209.

Вячорка Віталь Юр'евіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

I УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД. ПАДРЫХТОЎКА ДА ПРАВЯДЗЕННЯ

I Усебеларускі з'езд — знамянальная падзея ў гісторыі дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі. Гэта першая ў найноўшай гісторыі спроба беларусаў прынамсі арганізаваць сваю ўладу на ўласнай этнічнай тэрыторыі. Многія дзяржаўна-прававыя пытанні, якія ўзнімаліся на з'ездзе, значна апярэджвалі час. Хоць фактычна яго рашэнні і падвіслі ў паветры, менавіта яны сталі

ідэйным падмуркам стварэння Беларускай народнай рэспублікі, далі штуршок да набывання беларускімі палітыкамі досведу у самастойнай дзяржаўнай дзейнасці. Адначасова I Усебеларускі з'езд належыць і гісторыі Савецкай Беларусі — з'езд праходзіў з санкцыі бальшавіцкага кіраўніцтва Расіі, на ім прысутнічалі будучыя кіраўнікі БССР З. Жылуновіч і А. Чарвякоў.

Адна з неадследаваных старонак гісторыі з'езда — гэта выпяванне самой ідэі склікання Усебеларускага з'езда як спосабу змагання за нацыянальную волю, за адбудову беларускай дзяржаўнасці. Віталь Скалабан высювае гіпотэзу, што ідэя вялікага народнага сходу прасочваецца яшчэ ў ранніх творах Янкі Купалы, а больш пэўна — у апошніх радках п'есы «Раскіданае гняздо», скончанай у 1913 годзе і ўпершыню пастаўленай 10 (23) ліпеня 1917 года ў Мінскім гарадскім тэатры. [1] Думка аб скліканні Усебеларускага з'езда ўзнікла ў асяродку беларускага нацыянальнага руху не спантанна. Пётр Крачэўскі, адзін з удзельнікаў тых гістарычных падзей, у 1926 годзе ўжо як старшыня Рады БНР пісаў у пражскім зборніку «Замежная Беларусь»: «Да гэтае пары не ўстаноўлена, каму альбо якой арганізацыі належала думка аб скліканні Усебеларускага з'езда. Мне здаецца, яна належыць усім. Усе адразу прыпомнілі старое Полацкае Веча і захацелі вырашыць сваю долю ўсенародна і з'езд быў прызначаны на 5 снежня 1917 г. па старому стылю». Можна пагадзіцца з тэзісам беларускага даследчыка С. Рудовіча, што «думка пра скліканне агульнакраёвага форуму цыркулявала ў мясцовых арганізацыях самай рознай палітычнай накіраванасці яшчэ з вясны 1917 г.»

Больш канкрэтныя фармуліроўкі з'явіліся ўвосень 1917 года. У верасні 1917 г. на Усерасійскай Дэмакратычнай нарадзе беларускія дэлегаты Зміцер Жылуновіч, Язэп Варонка, Зміцер Сабалеўскі выказаліся, як і раней, за ўстанавленне ў Расіі федэратыўнага ладу з наданнем народам аўтаноміі. Але ў іх патрабаваннях адбыўся вельмі значны зрух. Замест спадзявання на расшэнне Усерасійскага Устаноўчага сходу на ўвядзенне аўтаноміі, 18 верасня 1917 г. у дэкларацыі, абвешчанай таварышам старшыні петраградскай Беларускай вайсковай арганізацыі З. Сабалеўскім, было заяўлена пра неабходнасць склікання «Беларускага Устаноўчага сходу». Такой радыкалізацыі спрыяла пастанова, скліканага па ініцыятыве Украінскай Цэнтральнай Рады, з'езда народаў Расіі (Кіеў, 8—15 верасня 1917 г.) пра неабходнасць правядзення, незалежна ад склікання Устаноўчага сходу, мясцовых нацыянальных устаноўчых сходаў [1]. Аб гэтым гаварылася таксама на другой сесіі Цэнтральнай рады беларускіх арганізацый 17 кастрычніка, што ўскосна пацвярджаецца пісьмом Я. Варонкі дзеячам ВБР Я. Дылу, С. Рак-Міхайлоўскаму, А. Прушынскаму, І. Дварчаніну, Я. Мамоньку і іншым ад 26 лістапада 1917 г.

Нарэшце, у першай палове лістапада (дакладная дата невядома) была выдана адозва «Да ўсяго беларускага народу» [2] выканкомаў Вялікай Беларускай рады, Цэнтральнай беларускай вайсковай рады, а таксама Беларускага выканкома Заходняга фронту. У ёй паведамлялася, што праз працяглую бяздзейнасць цэнтральнага расійскага ўрада розныя народы Расійскай імперыі цяпер самі бяруць мясцовую ўладу ў свае рукі. Паведамлялася, што 15—24 октября 1917 года ў Мінску з'езды беларускіх арганізацый і беларусаў-вайскоўцаў Заходняга фронту з удзелам прадстаўнікоў Паўночнага фронту і Балтыйскага флоту, якія аб'ядналіся ў ВБР, паставілі прыняць найрашучыя меры да арганізацыі ўсяго беларускага народа для абароны здабытых праў

і вольнасцей. «Выканаць усе пастаўленыя гісторыяй цяпер задачы можа толькі ўлада, абраная самім народам беларускім. Толькі яна арганізуе народ беларускі ў вялікую сілу, здольную адстаяць яго нацыянальныя правы. Каб стварыць такую ўладу ў цэнтры і на месцах, каб заяваць народу беларускаму належнае яму месца ў сям'і народаў, — казалася ў адозве, — склікаецца на 5-е снежня 1917 года з'езд прадстаўнікоў усяго беларускага народу ў г. Мінску». У адозве таксама выкладзены палітычныя погляды арганізатараў: падкрэслівалася, што Беларусь «павінна быць дэмакратычнай рэспублікай, спаянай з Вялікарасіяй і іншымі суседнімі рэспублікамі Расіі на аснове федэрацыі... Уся ўлада ў Беларусі павінна належаць краёвай радзе, якая выбіраецца на асновах усеагульнага, роўнага, тайнага і прапарцыянальнага галасавання... Краёвай Радзе павінна належаць права выдання мясцовых законаў, развіцця, распрацоўкі і прымянення да мясцовых умоў законаў, якія выдаюцца вышэйшым заканадаўчым органам Расійскай дэмакратычнай Рэспублікі». Найважнейшай задачай прызнавалася неадкладнае заключэнне міра і недапушчэнне падзелу адзінай і непадзельнай Беларусі (у яе склад былі залічаны Віленская, Віцебская, Гродзенская, Мінская і Магілёўская губерні, заходнія ўезды Смаленскай губерні і паўночныя уезды Чарнігаўскай губерні). Пятрабавалася таксама перадача ўсіх земляў працоўнаму народу, забарона рэквізіцый, фарміраванне беларускага войска, бясплатная адукацыя і адкрыццё вышэйшых навучальных устаноў. 18 лістапада Выканком ВБР выдаў цыркуляр «Да ўсіх самакіраванняў Беларусі». У ім раз'ясняліся мэты склікання з'езда, надавалася права розным мясцовым арганізацыям пры немагчымасці правядзення выбараў камандзіраваць дэлегатаў на з'езд.

Але ў канцы 1917 года ў беларускім руху аформілася яшчэ адна плынь — «абласніцтва», які ўзначаліў Беларускі абласны камітэт пры Усерасійскім савеце сялянскіх дэпутатаў, утвораны 21(8) лістапада 1917 г.[4, с. 92] па ініцыятыве старшыні Мозырскага сялянскага з'езда Яўсея Канчара[5]. У яго склад уваходзілі М. Б. Гольман, Ф. М. Караткевіч, А. Я. Кусэ-Цюц, В. С. Селівану і іншыя. БАК у палітычным сэнсе быў дастаткова стракатай, але лаяльнай да большавікоў арганізацыяй. Магчыма, кіраўніцтва Паўночна-Заходняй вобласці і фронту выкарыстала гэтую арганізацыю для нейтралізацыі дзеянняў ВБР.[3, с. 52] 24 (10) лістапада БАК абвясціў сваю першую дэкларацыю аб пераклучэнні сябе на арганізацыю палітычнага ладу Беларусі і аб скліканні Усебеларускага з'езда Саветаў. Для арганізацыі з'езда была вылучана камісія ў складзе Канчара, Караткевіча, Пеўзнера, Альхоўскага і Л. Калядкі, якая прыняла рашэнне склікаць з'езд у Мінску, Рагачове, Гомелі або Слуцку па дамоўленасці з СНК РСФСР не пазней за 15 снежня з мэтай «аб'яднаць рэвалюцыйную саветскую дэмакратыю Беларусі ў адну абласную арганізацыю, абмеркаваць праблему палітычнага ладу Беларусі і падрыхтаваць матэрыялы для арганізацыі аўтаноміі саветаў Беларусі». Пры абмеркаванні прагучала нават прапанова аб стварэнні на з'ездзе Беларускай савецкай рэспублікі і яе СНК, але Канчар быў паслядоўным праціўнікам федэралізацыі Расіі; было прынята рашэнне дамовіцца пра палітычны лад Беларусі з Леніным і Сталіным. Арганізацыя з'езда фінансуецца за кошт казны, дзеля чаго СНК павінен прадаставіць ў распараджэнне БАК бясплатна тэлефон, тэлеграф, радыё і пошту. У выніку спрэчак большасць БАК прагаласавала за запрашэнне на з'езд прадстаўнікоў ВБР і ЦБВР. Была створана праграма з'езда, смета ў 655 195 рублёў (у іншых

крыніцах — 50 тысяч), якую прыблізна і выдзяліў пасля СНК РСФСР, і дакладная запіска на імя СНК РСФСР, дзе падкрэслівалася неабходнасць «выкрыцця падмана» ВБР, «ліквідаваць з дарогі» яе і «арганізаваць беларускую дзяржаўнасць у адпаведнасці з жаданнямі і інтарэсамі саміх сялян, рабочых і салдат, саміх працоўных Беларусі».

На перамовы з БАК у Пецярбург ад ВБР 24[3, с. 55] або 28 лістапада прыбылі Я. Варонка і Я. Мамонька.[6, с. 124][5, с. 140] Як сведчыць Канчар, стасункі яго арганізацыі з ВБР і ЦБВР былі фармальнымі і асцярожнымі, аднак група дэпутатаў, у ліку якой быў і ён сам, знаёмых з нацыянальным рухам, ставілася да іх прыхільна. Пад ціскам шэрагу дэпутатаў, БАК паставіла склікаць свой з'езд без удзелу ВБР і ЦБВР. Апошнія, у сваю чаргу, аб'явілі аб сваёй правомацнасці і працягвалі скліканне з'езда на 5 снежня. На наступны дзень да БАК прыехалі і дэлегаты з'езда беларускіх бежанцаў, скліканым у верасні Беларускай народнай грамадой у Маскве: Бонч-Асмалоўскі, Васіль Брайцаў, Аляксандр Цвікевіч, Язэп Васілевіч. Яны прасілі не адхіляць нацыянальны рух пад кіраўніцтвам Рады. Пасля працяглых тэлефонных перагавораў паміж трыма згаданымі групамі адбылося пагадненне, але Канчар катэгарычна настаў на ўмове, што сход 5 снежня лічыцца толькі папярэднім нарадай, неправамоцнай для прыняцця абавязковых рашэнняў, пакуль не збярэцца скліканы БАК з'езд, прымеркаваны да 15 снежня.

На сустрэчы з Леніным Канчар прапанаваў ад імя БАК сістэму мерапрыемстваў, якія павінны «вырваць беларускі рух з рук буржуазіі і садзейнічаць арганізацыі Беларускай аўтаномнай ССР» «у духу выказванняў Сталіна», чым Ленін быў задаволены. Паводле ўспамінаў Канчара, звесткі з Беларусі даходзілі да БАК бедныя і блытаныя, таму аб існаванні Аблвыкамзаха і СНК Заходняй вобласці і фронту ён даведаўся толькі на гэтай сустрэчы ад Свардлова, які аднак заўважыў, што гэта «часовая рэвалюцыйная ўлада края» і Масква гатовая вітаць стварэнне такой жа адданай бальшавікам, але больш блізкай беларускаму працоўнаму насельніцтву савецкай улады, з чым пагадзіўся і Ленін, які паабяцаў даць Аблвыкамзаху дапамогаць БАК. Выдачу канчатковага дазволу на правядзенне з'езда даручылі старшыні Наркамнаца І. Сталіну. На сустрэчы з ім Канчар зноў падкрэсліў неабходнасць барацьбы з «нацыяналістычнымі» беларускімі арганізацыямі, але папярэдзіў, што Аблвыкамзах недаацэньвае нацыянальны рух у прынцыпе і, магчыма, таксама не паспрыяе намаганням БАК. «Маё глыбокае перакананне, — перадае Канчар свае словы ва ўспамінах, — што беларускі нацыянальны рух не спыніцца — гэта трэба зразумець і яго ўзяць у свае рукі, іначэй Беларуская рада, у саюзе з Украінскай радай, умацуе свае пазіцыі і прывядзе да паўстання». У адказ Сталін запэўніў, што беларускі народ мае такое ж права на самавызначэнне, як і ўсе астатнія, з'езд бальшавікі падтрымаюць і дазваляюць праводзіць яго сумесна з ВБР (меркавалася прапанаваць ёй супрацоўніцтва, у выпадку супраціўлення — увогуле адхіліць ад з'езда), але менавіта як з'езд Саветаў, які б прадстаўляў рабочых, сялян і рэвалюцыйных салдат. Сталін папярэдзіў, што СНК Заходняй вобласці — расійскі ўрад, а не абласны, пры гэтым пагадзіўся рэарганізаваць часовы мясцовы Аблвыкамзах, калі за гэта выкажацца з'езд працоўных Беларусі, таму з ім трэба мець кантакт і не сварыцца.

Вынікам перамоваў Наркамнаца і БАК стала пагадненне з 6 пунктаў.[3, с. 53] Згодна з другім яго пунктам, улада ў Беларусі павінна належыць

Савету рабочых і салдацкіх дэпутатаў, абранаму на Усебеларускім з'ездзе. Пункт 6 гарантаваў «безумоўнае і поўнае права вольнага самавызначэння беларускага народа». Улада на месцах павінна захоўвацца за Саветамі.

Такім чынам, ініцыятыва склікання I Усебеларускага з'езда прагучала ад беларускіх арганізацый (Вялікай Беларускай рады, Цэнтральнай беларускай вайскавай рады) яшчэ ў верасні 1917 года пад уплывам украінскага руху і задумвалася ў рэчышчы прынцыпаў Лютаўскай рэвалюцыі, а сам з'езд меркаваўся як аналогія Усерасійскага ўстаноўчага сходу.

Бібліяграфічны спіс

1. Скалабан, В. У. Усебеларускі з'езд 1917 года: перспектывы вывучэння // Беларускі Гістарычны Зборнік — Białoruskie Zeszyty Historyczne [Электронны ресурс]. — 2001. — № 15. Режим доступа: http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/bzh/15/15art_skalaban.htm
2. Турук, Ф. Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белоруссов: с приложением образцов белорусской нелегальной литературы, важнейших документов белорусских политических партий и национальных организаций и этнографической карты белорусского племени, составленной акад. Е. Ф. Карским / Федор Федорович Турук. — Репринтное издание. — Минск: Минская картографическая фабрика Белгеодезии, 1994. — Выходные данные оригинала: Москва: Гос. изд-во, 1921. — 144 с.
3. Ладысеў У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. — Мінск: БДУ, 2003. — 307 с.
4. Канчер, Е. Из истории гражданской войны в Белоруссии в 1917—1920 гг. / Е. Канчер // Беларуская думка. — 2010. — № 1. — с. 92—97, № 2. — с. 72—79.
5. Канчер, Е. Из истории общественных, национальных и революционных движение белорусов / Е. Канчер // Неман. — 1993. — № 1 — с. 136—167.
6. Круталевич, В. А. Рождение Советской Республики. (На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 — декабрь 1918 г.) / В. А. Круталевич. — Минск: Наука и техника, 1975. — 335 с.
7. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка // Беларускі гістарычны часопіс. — 1993. — № 1—4.

Голубева Людмила Леонидовна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПЕРВЫЙ ВСЕБЕЛОРУССКИЙ СЪЕЗД (КОНГРЕСС) И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 90-е годы XX столетия, когда Беларусь стала на путь построения демократического социального правового государства, начали активно проводиться исследования, касающиеся истории становления и развития белорусской государственности. Ученые исследуют развитие государственных и правовых институтов Беларуси, начиная с древнейших времен и заканчивая сегодняшним днем. Однако по-прежнему существуют проблемные вопросы, касающиеся периода возникновения государственности, концепций образования ВКЛ, попытки создания белорусской государственности в 1917—1919 гг. и др.

Первой попыткой возобновления белорусской государственности в начале XX столетия явилось создание Белорусской Народной Республики (далее — БНР). I Всебелорусский съезд (позднее был назван конгресс) проходил в Минске с 5 по 17 декабря 1917 года. Основной вопрос, который рассматривался на съезде — форма самоопределения Беларуси. По социальному составу съезд состоял из крестьян, рабочих, солдат и интеллигенции. По национальному составу делегаты съезда были в основном белорусами. На этом съезде было решено образовать на территории Беларуси республику, которая бы находилась в составе Российской Федерации, т. е. подтверждалась идея автономии Беларуси. Но съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что окончательно вопрос о государственности Беларуси должен быть решен Белорусским Учредительным Собранием, до созыва которого вся власть должна быть передана избранному на съезде Всебелорусскому Совету крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Такое решение Всебелорусского съезда ставило вопрос о прекращении деятельности всех ранее созданных органов власти на территории Беларуси, в том числе и Областного исполнительного комитета Западной области и фронта (далее — Облискомзап) [1; 3; 4; 5]. Но это было негативно воспринято Совнаркомом Западной области, который, используя солдат, отдал распоряжение окружить здание и арестовать президиум съезда и вновь созданный орган краевой власти. Таким образом, демократический процесс становления белорусской государственности был прекращен и заменен администрированием и давлением со стороны большевиков Западной области с одобрения III Всебелорусского съезда Советов.

Президиум Всебелорусского съезда 18 декабря 1917 года провел подпольное заседание в депо Либаво-Роменской железной дороги, на котором избрали исполком рады съезда [5]. Он поставил задачу организовать вооруженную борьбу за укрепление белорусской государственности и послал свою делегацию в Брест, где велись переговоры между представителями кайзеровской Германии и Советской России. Но делегация официально не была принята.

В результате наступления немецких войск Облискомзап и СНК Западной области в ночь с 18 на 19 февраля 1918 года эвакуировались в Смоленск. Оккупация немецкими войсками территории Беларуси вновь резко изменила политическую обстановку в стране. Власть в Минске взял исполком Рады Всебелорусского съезда [4; 5]. 21 февраля 1918 года он обратился к народу Беларуси с 1-й Уставной грамотой, в которой объявлялось, что до созыва Учредительного сейма (съезда) Народный секретариат, созданный исполкомом, будет выполнять функции правительства. Состав Народного секретариата был многопартийным. В него входило 15 народных секретарей [2].

3 марта 1918 года был заключен Брестский мирный договор, по которому часть Беларуси отошла Германии.

Исполком Всебелорусского съезда в марте 1918 года принимает еще две Уставные грамоты. Во второй Уставной грамоте, принятой 9 марта, Беларусь объявляется Народной Республикой, а исполком переименовывается в Раду БНР. Рада объявляется законодательным органом до созыва Учредительного съезда. Исполнительным органом провозглашается Народный Секретариат. Во 2-й Уставной грамоте объявлялись демократические права и свободы: слова, печати, собраний, забастовок, неприкосновенности личности, жилища и т. д. Декларировались 8-ми часовой рабочий день, отменялась частная соб-

ственность на землю, земля давалася без выкупа тем, кто ее обрабатывал. В пределах БНР все народы получали право на автономию, право пользоваться своим национальным языком [2]. 25 марта 1918 года была принята 3-я Уставная грамота, в которой БНР объявлялась «независимым и вольным государством», содержалось требование о пересмотре условий Брестского договора [2]. Первыми независимость БНР признали правительство Украинской Народной Республики и Литовская Тариба. Позднее Эстония, Чехословакия, Болгария и др. Однако, несмотря на все предпринятые руководством БНР шаги, не была признана ни Германией, ни Советской Россией.

Таким образом, вопрос об определении белорусской государственности так и не был решен. Причинами такого положения являлись неблагоприятная внешняя обстановка, разногласия по вопросу о формах государственности внутри самой Рады, неправильно выбранная тактика по отношению к оккупационным властям, оторванность Рады от прочих слоев населения.

По мере освобождения территории Беларуси Красной Армией правительство БНР из Минска переехало в Гродно, а затем и за пределы Беларуси.

Сложный противоречивый первый период возобновления белорусской государственности не завершился созданием самостоятельного государства. Провозглашенная БНР не имела признаков, свойственных самостоятельному и независимому государству, широкой поддержки со стороны народа и не была допущена к мирным переговорам в Бресте, где главные стороны — Германия и Советская Россия — решали вопрос и о территории Беларуси. Однако, как правильно отмечает профессор Т. И. Довнар [4], провозглашение БНР, активная деятельность Рады способствовали росту национального самосознания белорусского народа.

Бібліаграфічны спісак

1. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / А. Ф. Вішнеўскі. — Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. — 319 с.
2. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо; пад агульн. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. — Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. — 320 с.
3. Кузнецов, И. Н. История государства и права Беларуси / И. Н. Кузнецов, В. А. Шелкопляс. — Минск: Тессей, 2004. — 318 с.
4. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т. І. Доўнар. — Мінск: ДІКСТ БДУ, 2011. — 552 с.
5. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у 2 ч. / Я. А. Юхо. — Мінск: РІВШ БДУ, 2003. — Ч. 2. — 275 с.

Кулевіч Інна Расціславаўна

Гродзенскі філіял «БІП—Інстытут правазнаўства» (Гродна, Беларусь)

ПЕРШЫ УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД У ДАСЛЕДАВАННЯХ І. М. ІГНАЦЕНКІ

На мяжы 1950-х — пачатку 1960-х гг. з'явіліся новыя тэндэнцыі ў гістарычных даследаваннях. Гэта было звязана з правядзеннем XX з'езда КПСС. Узмацніўся акцэнт на навуковае вывучэнне гісторыі нацыянальных

рухаў і палітычных партый, праблем нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, у тым ліку і беларускага нацыянальнага руху.

Першым даследчыкам, хто ўнёс новыя тэндэнцыі ў распрацоўку гісторыі беларускага руху, з'явіўся І. М. Ігнаценка. Менавіта ён у манаграфіі «Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии» [1] упершыню ахарактарызаваў сацыяльны і класавы састаў беларускіх нацыянальных партый, акрэсліў іх дзейнасць падчас падрыхтоўкі і правядзення Першага Усебеларускага з'езда. Аўтар вылучыў шэраг дагэтуль нявывучаных пытанняў, што патрабавалі асаблівай увагі, сярод якіх прычыны склікання, барацьба беларускіх партый паміж сабой, з аднаго боку, і з бальшавікамі, з другога.

У прыватнасці, засяродзіў пільную ўвагу на барацьбе бальшавікоў супраць партыі эсэраў за перацягненне на свой бок сялян. У выніку даследавання І. М. Ігнаценка зрабіў вывад, што большасць беларускіх нацыянальных партый не мела падтрымкі сярод сялянства.

З пачаткам перабудовы ў СССР, а пасля з яго распадам і абвясчэннем нацыянальных суверэнітэтаў былых савецкіх рэспублік, у другой палове 1980-х гг., у айчынной гістарыяграфіі па праблемах беларускага нацыянальнага руху наступіў новы і найбольш плённы этап.

Пальму першынства ў даследаванні гэтай тэматыкі ўтрымлівалі гісторыкі, якія пачалі ёю займацца яшчэ ў савецкія часы. Акрамя І. М. Ігнаценкі, гэта былі М. С. Сташкевіч, В. А. Круталевіч, У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. Якаснае адрозненне іх публікацый у параўнанні з мінулым перыядам заключалася ў памяркоўнасці поглядаў, стрыманасці ацэнак, адсутнасці рэзкіх суджэнняў і аднабаковых падыходаў. Увогуле, характэрная для іх аб'ектыўнасць становіцца паўплывала на характар даследаванняў.

Не выключэннем сталі і працы І. М. Ігнаценка. Яго даследаванні пачалі насіць абагульняльны і разважальны характар. Напрацаваны матэрыял дазволіў больш глыбока падыйсці да вывучэння Кастрычніцкай рэвалюцыі.

У манаграфіі «Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии» [4] аўтар разглядае беларускі нацыянальны рух на фоне Кастрычніцкай рэвалюцыі. Ён задаецца пытаннем, чаму беларускія партыі не сталі альтэрнатывай партыі бальшавікоў, ці можна апошніх абвінавачваць ва ўзурпацыі і гвалтоўным захопе ўлады на Беларусі. Галоўнай прычынай слабасці беларускага нацыянальнага руху, на яго думку, паслужыла адсутнасць нацыянальнай буржуазіі. З ліку палітычных партый выдзялялася толькі БСГ, але і яна пасля расколу саступіла месца БПС-Р. Да таго ж партыя бальшавікоў на $\frac{3}{4}$ складалася з прадстаўнікоў не беларускай нацыянальнасці. Аўтар упэўнены, каб Беларусь не знаходзілася ў франтавой зоне, Кастрычніцкая рэвалюцыя тут не мела бы поспеху [4, с. 248].

Да таго ж сяляне, якія складалі большую частку беларускага грамадства, не жадалі адасаблення ад Расіі і аддавалі перавагу не нацыянальна-дзяржаўнаму, а сацыяльна-эканамічнаму самавызначэнню, да чаго магла прывесці толькі рэвалюцыя і бальшавікі. А галоўным пралікам беларускіх нацыяналістаў у гэтай справе лічыць супрацоўніцтва з акупантамі.

Гэтай жа тэматыцы прысвечана і яшчэ адна манаграфія І. М. Ігнаценка — «Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі» [2]. На падставе дакументаў, перыядычнага друку, мемуарнай і замежнай літаратуры

даследаваў спецыфіку Кастрычніцкай рэвалюцыі ва ўмовах Беларусі. На думку аўтара, да напісання сапраўднай гісторыі Кастрычніцкай рэвалюцыі яшчэ вельмі далёка. Нягледзячы на перабудову, «яна (рэвалюцыя) пазбаўлена былой, значна перабольшанай павагі і набыла таксама перабольшаную нянавісць» [2, с. 7].

У сваіх даследаваннях І. М. Ігнаценка разглядаў і нацыянальную палітыку бальшавікоў [3]. Апошнія, лічыць гісторык, упусцілі магчымасць устанавлення саюза паміж партыямі, адзінства ў грамадстве. Гістарычная слабасць бальшавікоў, на яго думку, заключалася ў тым, што яны ніколі не ішлі на кампраміс, які разумеўся імі не як узаемныя ўступкі, а як уступкі толькі з аднаго боку — процілеглага. Яны дабіваліся, каб толькі іх думка мела права на жыццё. Вось гэта і прывяло, дарэчы, да гвалтоўнага роспуску Першага Усебеларускага з'езда.

І. М. Ігнаценка, які па-ранейшаму найбольш поўна даследаваў гэтую праблему, падставай склікання з'езда лічыў незавершанасць утварэння органаў Савецкай улады, а таксама няўдзел у гэтых працэсах прадстаўнікоў Віцебскай і Магілёўскай губерній [5, с. 234]. Ацэньваў Усебеларускі з'езд, зыходзячы з прынцыпу гістарызма і адхіляючы аднабаковыя падыходы.

Ён лічыў, што права нацый на самавызначэнне, якое дала Кастрычніцкая рэвалюцыя, зусім не павінна было адпавядаць сацыялістычнаму ладу ствараемых дзяржаў. У якасці доказу прыводзіў Польшчу і Фінляндыю, якія вызначыліся як буржуазна-дэмакратычныя, што не з'яўлялася рэгрэсам. Больш таго, для ўтварэння сацыялістычных краін не было яшчэ ні аб'ектыўных, ні суб'ектыўных умоў. Даследчык лічыў памылковым сцвярджанне большасці гісторыкаў аб ігнараванні СНК нацыянальнага пытання.

Кіраўнікі Паўночна-Заходняга выканкама РСДРП(б) папросту адхілялі існаванне беларускай нацыі, а дзе няма асобнага народа, там не можа весціся пошук форм нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва. А рэалізацыя ленінскага плана самавызначэння беларускага народа была заўчаснай, што і даказаў ход Першага Усебеларускага з'езда і яго пастановы. Пытанне аб роспуску аўтар лічыць мала даследаваным і не знаходзіць правамоцных юрыдычных падстаў на гэты крок з боку СНК.

Такім чынам, І. М. Ігнаценка можна па праву лічыць пачынальнікам у навуковым вывучэнні Першага Усебеларускага з'езда, які разглядаў у рэчышчы Кастрычніцкай рэвалюцыі, нацыянальнай палітыкі бальшавікоў і дзейнасці беларускіх палітычных партый.

Бібліяграфічны спіс

1. Игнатенко, И. М. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918 гг.) / И. М. Игнатенко. — Минск: Издательство высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. — 498 с.
2. Игнатенко, И. М. Великий Октябрь в судьбах белорусского народа / И. М. Игнатенко. — Минск: Беларусь, 1987. — 319 с.
3. Ігнаценка, І. М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі / І. М. Ігнаценка. — Мінск: БелНДЦДААС, 1995. — 271 с.
4. Игнатенко, И. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И. М. Игнатенко. — Минск: Наука и техника, 1992. — 254 с.
5. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. — Минск: Наука и техника, 1986. — 344 с.

Лазько Рыгор Рыгоровіч

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны (Гомель, Беларусь)

УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД 1917 Г.: АДМОВІЩА АД НЕНАВУКОВЫХ ШТАМПАЎ У ЯГО ТРАКТОЎЦЫ

Гісторыя Усебеларускага з'езда 1917 г. выдатна ілюструе адну істотную ўласцівасць гістарычнага працэсу: здольнасць Яе Вялікасці Гісторыі іранізаваць над сваімі занадта даверлівымі і павярхоўнымі служкамі. Здавалася б, сюжэт адносна невялікі, храналагічна абмежаваны, а колькі ўжо створана вакол яго моўных штампаў, якія моцна спрашчаюць гэту складаную і важную гістарычную падзею, колькі нічым не абгрунтаваных спекуляцыйных заключэнняў! Вось і пасмейваецца Гісторыя: напісана на гэтую тэму ўжо шмат, а ведаў прыбаўляецца мала. Прычыны гэтай з'явы розныя, хоць пераважае інерцыя мыслення, няздольнасць, а то і нежаданне асобных аўтараў пераадолець уплывы аўтарытэтаў, якія ў свой час не мелі магчымасці сысці з пракрустава ложка ленінска-сталінскай ідэалогіі. Сярод існуючых штампаў назавём найбольш растыражываваныя. Гэта прыняцце без спробы выяўлення прычын факту выбару ленінскім Саўнаркамам у якасці свайго партнёра ў правадзенні палітыкі адносна Беларусі на пачатку снежня 1917 г. Беларускага абласнога камітэта пры Ўсерасійскім Савеце сялянскіх дэпутатаў (БАК) — толькі што створанай тады, мала каму вядомай нацыянальнай арганізацыі; гэта і прыпісванне даследчыкамі, следам за асобнымі мемуарыстамі, Саўнаркаму Заходняй вобласці і фронту самастойнай ролі ў разгоне Усебеларускага з'езда без уліку існаваўшай адміністрацыйнай субардынацыі і прынцыпу дэмакратычнага цэнтралізму, які вызначаў арганізацыйную будову бальшавіцкай партыі Але найбольш вульгарны з гэтых штампаў, генетычна праросшы з ідэалагічнай барацьбы супраць «буржуазнага нацыяналізму» — гэта сцвярдженне аб тым, што «народ не падтрымаў» Усебеларускі з'езд, сцвярдженне, якое яго сённяшнія прыхільнікі прыводзяць без спасылкі хоць бы на якую-небудзь гістарычную крыніцу. У тэзіснай форме правадзём разгляд названых штампаў [1—4].

Найперш нам неабходна прыняць да ўвагі, што ленінскі Саўнаркам прымаў рашэнне аб падтрымцы Усебеларускага з'езда пад ціскам даволі нялёгкіх для бальшавікоў палітычных абставін. Якраз у час, калі ў Мінску разгарнулася падрыхтоўка Усебеларускага з'езда, імі была ўсвядомлена пагроза страты ўлады дэмакратычным шляхам, у выніку рашэння Устаноўчага сходу, выбары ў які яны прайгралі. Хоць сумарныя вынікі выбараў па акругах Заходняй вобласці і фронту былі станоўчыя для бальшавікоў (звыш 50 прац. галасоў за іх спіскі), але і яны не давалі падстаў для аптымізму. Справа ў тым, што бальшавікі прайгралі выбары ў буйных прамысловых і адміністрацыйных цэнтрах Беларусі — у Мінску і ў Магілёўскай выбарчай акрузе. Заклапочанасць ленінскага Саўнаркама выклікаў таксама развал дэмаралізаванага Заходняга фронту, салдацкія масы якога да таго часу былі галоўнай апорай бальшавікоў у краі. Гэта сітуацыя штурхала бальшавікоў да палітычнага мезальянса, які ў нацыя-

нальных раёнах мог быць рэалізаваны ў форме саюза з нацыянальнымі рухамі.

Важна падкрэсліць, што ў Беларусі «мезальянс» быў рэалізаваны ў сітуацыі, якая стварала для ленінскага Саўнаркама магчымасць выбару партнёра — Вялікай Беларускай Рады (ВБР) або БАК. Прадстаўнікі абедзвюх арганізацый пасля абвяшчэння аб скліканні Усебеларускага з'езда хадзілі па саўнаркамаўскіх кабінетах з грашовымі просьбамі, ствараючы для Саўнаркама выгадную для яго сітуацыю. Маючы магчымасць выбіраць, Саўнаркам выбраў БАК як свайго партнёра ў беларускай палітыцы, хоць, як паказалі падзеі, на непрацяглы час. На погляд бальшавіцкіх кіраўнікоў, Камітэт быў бліжэй звязаны з сялянскімі арганізацыямі ў Беларусі, меў больш памяркоўную ў параўнанні з ВБР нацыянальную праграму. Так, у сваёй дэкларацыі ад 17 лістапада БАК моцна акцэнтаваў сваё імкненне ратаваць Расію «як магутную і незалежную дзяржаву» шляхам выдзялення ў ёй аўтаномных абласцей, якія будуць знаходзіцца ў федэратыўных адносінах паміж сабой. Гэта ідэя поўнаасцю адпавядала поглядам кіраўніка Наркамнаца Сталіна на дзяржаўнае ўладкаванне савецкай Расіі.

Акт выбару быў зафіксаваны на пасяджэнні Саўнаркама 2 снежня 1917 г., дзе сярод іншых быў абмеркаваны «Даклад т. Сталіна аб Беларускай радзе і аб неабходнасці фінансавай дапамогі Беларускаму абласному камітэту». Такім чынам, у адной звязцы фактычна разглядаліся два пытанні, што падкрэслівала сітуацыю выбару. У выніку БАК атрымаў грошы і тэхнічную падтрымку, а ВБР — не. Гэты выбар быў зроблены з улікам усяго беларускага і нават шырэй — агульнарасійскага нацыянальна-палітычнага кантэксту.

Дасягнутае пагадненне ў шасці пунктах было выкладзена ў публікацыі «Известий» 6 снежня. Дакумент нацэляваў БАК на супрацоўніцтва з Абласным выканаўчым камітэтам саветаў Заходняй вобласці і фронту — Аблвыканзахам. Адным з вынікаў гэтага супрацоўніцтва з пункту гледжання Саўнаркама павінна было стаць стварэнне на Усебеларускім з'ездзе агульнабеларускага («краёвага») савета рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў, што азначала б рашэнне ў Беларусі той задачы, якая ў расійскім маштабе была часткова вырашана 15 лістапада. У гэты дзень у выніку пагаднення Надзвычайнага сялянскага з'езда і ВЦВК саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў быў створаны агульны ВЦВК саветаў, што было крокам да аб'яднання ўсёй сістэмы саветаў пад кантролем бальшавікоў. Мы гаворым, што ў Петраградзе гэта задача была вырашана часткова, бо паклала пачатак адрыву ад партыі расійскіх сацыялістаў-рэвалюцыянераў і перацягвання на бок бальшавікоў левага крыла гэтай партыі, а тым самым і пачатак падпарадкавання ім арганізаванага сялянскага руху. Яго раскол завяршыўся праз некалькі тыдняў на чарговым сялянскім з'ездзе. Але частка сялянскіх саветаў Расіі захавала сваю прыхільнасць правам эсэрам, не ўзяўшы на душу грэх супрацоўніцтва з партыяй, здзейсніўшай 25 кастрычніка дзяржаўны пераворот, і наіўна спадзяваўшыся ўзяць рэванш на Устаноўчым сходзе. Пагадненне з БАК давала ленінскаму Саўнаркаму шанс пазбегнуць такога расколу сялянства ў Беларусі і ўстанавіць палітычны кантроль над ім у цэлым ужо ў бліжэйшы час, на Усебеларускім з'ездзе. Нездарма «Известия», друкуючы паведамленне аб дасягнутым з БАК пагадненні, падкрэслівала, што гэты камітэт уяўляе

сабой «чыста сялянскую арганізацыю, якая стаіць на грунце канфіскацыі памешчыцкіх зямель і прызнання савецкай улады ў цэнтры і на месцах». А беларускі з'езд быў прадстаўлены газетай як з'езд «сялянскіх дэпутатаў», які склікаецца «дзеля ўмацавання савецкай улады ў Беларусі».

Выбраўшы БАК як свайго партнёра ў беларускай палітыцы, Саўнаркам спадзяваўся, што менавіта ён павядзе за сабой з'езд і дазволіць рэалізаваць у Беларусі сцэнарый «растварэння» нацыянальных арганізацый у сістэме саветаў, а ў выніку і падпарадкаваць іх. Гэта быў такі ж самы сцэнарый, які бальшавіцкае кіраўніцтва спрабавала рэалізаваць ва Украіне. Аднак там ён праваліўся якраз у тыя дні, калі «Известия» друкавалі сваё паведамленне аб пагадненні з БАК, а ў Мінск пачалі з'язджацца дэлегаты Усебеларускага з'езда. Правал бальшавіцкай палітыкі ў Украіне стварыў новую сітуацыю і ў беларускай палітыцы ленінскага ўрада. У гэтай сітуацыі ён быў вымушаны адмовіцца і ад беларускага варыянта сцэнарыя «растварэння», не чакаючы, калі ён будзе адкінуты волевыяўленнем прадстаўнікоў беларускага народа. Пасля настойлівых, але няўдалых спробаў «спакушэння» левага крыла з'езда ён быў разгаганы.

Пытанне аб разгоне з'езда таксама не стасуецца з распаўсюджаным штампаваным адказам на яго як аб выніку рашэння Саўнаркама Заходняй вобласці і фронту. Вывучэння крыніц прыводзіць да высновы, што разгон быў звязаны з канфліктам ленінскага Саўнаркама з Украінскай Народнай Рэспублікай (УНР), і толькі ў гэтай сувязі ён набывае рацыянальнае вымярэнне. 3 снежня Саўнаркам адным і тым жа дакументам прызнаў УНР і выставіў ёй ультыматум, у якім пагражаў «без усялякіх ваганняў» аб'явіць вайну ёй, калі яна на працягу 48 гадзін не прыме наступныя патрабаванні: не здымаць украінізаваныя часці войск з фронту; не прапусіць без згоды Вярхоўнага Галоўнакамандуючага праз сваю тэрыторыю вайсковыя часці на Дон, на Урал; даць згоду садзейнічаць барацьбе з контррэвалюцыяй на Доне і спыніць раззбройванне савецкіх часцей ва Украіне. 4 снежня ультыматум быў накіраваны Радзе. На наступны дзень Саўнаркам разгледзеў адказ на яго, прызнаў яго нездавальняючым і вырашыў, што Рада знаходзіцца ў стане вайны з Савецкай Расіяй. У гэты ж дзень Саўнаркам прызначаў наркама Ул. Антонава-Аўсеенку арганізатарам узброенай барацьбы супраць Рады.

У абстаноўцы расійска-украінскага канфлікту тэрыторыя Беларусі пераўтварылася ў важны плацдарм мабілізацыі і перамяшчэння сіл для барацьбы супраць украінскай Рады. Пасля размовы з Леніным Антонаў-Аўсеенка тэрмінова выехаў у Магілёў, дзе 7 снежня правёў нараду з кіраўнікамі Стаўкі і камандуючымі франтамі, на якой быў выпрацаваны план аперацыі. На гэтай нарадзе Мяснікоў адыграў выдатную ролю як галоўнакамандуючы Заходнім фронтам. Пазней гэта адзначыў Антонаў-Аўсеенка: «У Стаўцы дамовіўся з Мясніковым, — пісаў ён — што той выдзеліць адпаведныя сілы на гомельска-бахмачскі напрамак». Гэта азначала — у раён Харкава, куды з Кіева адправіліся мясцовыя бальшавікі, каб стварыць там савецкі прарасійскі ўрад.

Адным з вынікаў нарады ў Стаўцы быў загад Глаўкаверха, у якім ён абвінаваціў Радз у пераходзе на бок контррэвалюцыі і на гэтай падставе заклікаў «братоў-украінцаў» скінуць яе. Адначасова ён загадаў спыніць украінізацыю вайсковых часцей, а тым, якія ўжо украінізаваліся,

прадставіць на выбар: прызнаць уладу петраградскага Саўнаркама, адправіцца на фронт, або раззброіцца. Гэты ж ультыматум быў пастаўлены і ўсім існуючым у войску украінскім радам, якія падлягалі арышту, калі б адмовіліся прыняць яго.

Такім чынам, рашэнне савецкага ўрада аб пераходзе да барацьбы з Украінскай Радай, падтрыманае рашэннямі Стаўкі, мела значэнне агульнага, а не толькі антыўкраінскага павароту ў яго нацыянальнай палітыцы. Таму следам за сваім «антырадаўскім» загадам Крыленка выдаў дапаўненне да загаду № 12 ад 23 лістапада, у якім, спасылаючыся на дзеянні Рады, прыпыніў прадугледжаны тым загадам агульны працэс выдзялення нацыянальных часцей і забараніў нацыянальныя з'езды ў прыфрантавой паласе. Праўда, кіраўнікі Заходняй вобласці і фронту не адважыліся даць гэтаму загаду зваротны ход і Усебеларускі з'езд працягваў працаваць. Але «дамоклаў меч» над ім быў занесены.

Вяртаючыся з нарады ў Стаўцы, Мяснікоў адправіў у Саўнаркам Заходняй вобласці і фронту тэлеграму, у якой патрабаваў прыняць рашучыя меры супраць франтавой і іншых украінскіх рад, устанавіць нагляд над штабам польскага корпуса, спыніць арганізацыю нацыянальных палкоў і г. д. Змест гэтай тэлеграмы даўно вядомы даследчыкам па тэксту экстранна прынятай у яе духу пастановы Саўнаркама і прэзідыума Аблвыканзаха (хоць і датаванай публікатарамі памылкова). Мяркуем, што ў гэты ж час Мяснікоў адправіў з Магілёва яшчэ адну тэлеграму, вядомую толькі з газетнай публікацыі 1918 г., да нядаўняга часу недаступнай большасці гісторыкаў. Гэта была яго тэлеграма начальніку штаба Заходняга фронту па палітычнай частцы і начальніку Мінскага гарнізона П. М. Палукараву аб пазіцыі, якую належала заняць адносна Усебеларускага з'езда. Працітуем яе поўнасцю на рускай мове, маючы на ўвазе сэнсавыя разыходжанні адных і тых жа слоў у рускай і беларускай мовах. «Телеграмма. Западофронт. Полукарову. Сообщите товарищам, чтобы на съезде белоруссов Рады (відаць, «белорусской» — Р. Л.) они произвели переворот умов, раскол и выяснили буржуазность её. Это требуется. Главкозап Мясников».

Змест тэлеграмы дазваляе зразумець, што яе аўтар у момант яе падачы знаходзіўся пад свежым уражаннем ацэнкі ўкраінскай Рады, прагучаўшай на нарадзе ў Стаўцы, як арганізацыі буржуазнай, контррэвалюцыйнай. Для яго было ясна, што такой з'яўляецца і беларуская Рада, хоць яна яшчэ не выявіла гэтай сваёй сутнасці, вось таму і патрэбна было яе выкрыць. Пазней у такім выкрыцці ўжо не было неабходнасці, бо адхіліўшы кампрамісныя прапановы Саўнаркама ад 12 снежня, Вялікая Беларуская Рада, усё кіраўніцтва з'езда, і нават яго левая крыло поўнасцю «выяснілі» сваю «буржуазнасць». Гэты сэнс тэлеграмы Мяснікова Палукараву дазваляе датаваць яе вярчэннем часам 7 снежня, а першым яе вынікам, відаць, быў арышт у Мінску членаў украінскага франтавага камітэта, аб якім падымалася пытанне на Усебеларускім з'ездзе падчас выступлення Берсана.

Пасля вяртання Мяснікова са Стаўкі ў Мінск на працягу некалькіх дзён якраз і разгортваецца ліхаманкавая работа Саўнаркама, накіраваная на забеспячэнне перавароту ў свядомасці удзельнікаў з'езда («переворот умов») і дасягненне яго расколу. У святле вынікаў нарады ў Стаўцы з удзелам Мяснікова новае значэнне набывае дзейнасць на з'ездзе «ўрадавага камісара» Усцінава,

аб якой ён напісаў сам у розны час і ў розных варыянтах. У фальсіфікатарскім па змесце артыкуле, які быў апублікаваны ў «Советской правде» праз некалькі дзён пасля разгону Усебеларускага з'езда, побач з кпінамі на адрас з'езда ён прыводзіць і рацыянальную інфармацыю. Усцінаў апавядае пра тое, як, нацяпеўшыся пакут, стараючыся атрымаць мандат на з'езд, у чарговы раз пайшоў у яго мандатную камісію на плошчу Свабоды з пытаннем: «Буду я дапушчаны на з'езд ці не, бо мне неабходна было тады аб'явіць з'езду толькі што атрыманае распараджэнне Стаўкі». Якое? Аб гэтым Усцінаў напісаў толькі праз некалькі дзесяцігоддзяў для юбілейнага зборніка мемуараў. Аднак важнейшы раздзел яго ўспамінаў у зборнік не трапіў, затое яны захаваліся ў поўным выглядзе ў архіве. Усцінаў пісаў, што атрымаў ад Саўнаркама «тры мандаты: 1) пасведчанне, што я з'яўляюся ўрадавым камісарам; 2) загад зняць з парадку дня з'езда пытанне аб арганізацыі нацыянальнага войска; 3) загад аб закрыцці з'езда, калі пытанне аб войску не будзе знята з абмеркавання» [3, с. 8].

Супаставіўшы сведчанні Усцінава з вынікамі нарады ў Стаўцы, прыходзім да адназначнай высновы аб тым, што прынцыповае рашэнне аб роспуску Усебеларускага з'езда было прынята бальшавіцкімі ўладамі Заходняй вобласці і фронту ўжо ў перыяд з 8 па 11 снежня, яшчэ да чарговага ад'езду Мяснікова ў Стаўку 12 снежня. Пры такім разуменні сітуацыі ўстае на сваё месца і настойлівае сцвярджэнне Кнорына ад 1925 г. што менавіта Мяснікоў спыніў існаваўшыя сярод бальшавіцкіх кіраўнікоў Заходняй вобласці і фронту ваганні наконт неабходнасці разгону Усебеларускага з'езда. Але рэалізавана гэта рашэнне было амаль што праз тыдзень, калі канчаткова высветліўся правал намаганняў раскалоць з'езд і быў здабыты праект яго рэзалюцыі. Хоць з'езд і выказваўся ў ёй за савецкую форму ўлады ў Беларусі, але за беларускія саветы, а створаныя бальшавікамі не прызнаваў.

На карысць нашага сцвярджэння гавораць і некаторыя іншыя факты, у тым ліку і меркаванні асобных удзельнікаў з'езда аб тым, што «за спінай Ландара стаяў Мяснікоў», калі прымалася рашэнне аб яго роспуску. Зразумела, гэта не самы важкі аргумент. Але вось факт адсутнасці Мяснікова ў Мінску напярэдадні і ў момант разгону Усебеларускага з'езда непераканаўчым аргументам нельга назваць. Ужо 11 снежня (верагодна, ўвечары) бальшавіцкая фракцыя Аблвыканзаха абмяркоўвала пытанне аб выбары намесніка камандуючага Заходнім фронтам без яго ўдзелу, бо Мяснікоў тэрмінова выязджаў у Стаўку. А 12 снежня ён ужо выдаў загад аб сваім уступленні «з гэтага чысла» ў часовае выкананне абавязкаў Вярхоўнага Галоўнакамандуючага, і выконваў іх да 21 снежня ўключна. Дык як жа ён мог «стаяць за спінай Ландара,» гэта значыць, вызначаць рашэнне Саўнаркама, не будучы ў Мінску? Праўда, магчыма дапусціць, што Мяснікоў на кароткі час вяртаўся ў Мінск, каб увечары 17 снежня прыняць удзел у пасяджэнні, на якім было вырашана разagnaць Усебеларускі з'езд. Мы нямала часу страцілі на тое, каб выясніць наяўнасць такой магчымасці і, самае галоўнае, самога факта яго знаходжання ў Мінску на нейкім пасяджэнні, аб якім гаварыў Кнорын. Аднак ні адзін з вядомых нам дакументаў не фіксуе яго ад'езду з Магілёва раней 21 снежня нават на самы кароткі час.

Несумненна, аднак, што нават знаходзячыся ў Магілёве, Мяснікоў працягваў уплываць на палітыку мінскіх бальшавіцкіх уладаў. Такую магчымасць яму стварала яго імклівае набліжэнне да самага цэнтру савецкай

улады, наяўнасць адпаведна са службовай пасадай пастаяннай сувязі з урадам і з абласнымі ўладамі, і ўсё гэта ў той час, калі савецкія войскі сцягваліся ў раён Харкава і рыхтаваліся да наступлення на ўкраінскую Народную Рэспубліку пад сцягам спешна створанага там украінскага савецкага ўрада. Гэта наступленне на Кіеў было не толькі вайсковым, але і палітычным, яно адлюстроўвала карэнную перамену метадаў нацыянальнай палітыкі.

У гэтай сувязі варта звярнуць увагу на іншыя падзеі, якія папярэднічалі перадачы Крыленкам вярхоўнага камандавання Мяснікову. Першая з іх — гэта размова Крыленкі па прамым провадзе з Саўнаркамам 11 снежня, у якой ён прадставіў Леніну інфармацыю па шэрагу пытанняў, у прыватнасці, далажыў аб ходзе аперацый супраць Украінскай Цэнтральнай Рады. У кантэксте нашай тэмы важна адзначыць два аспекты размовы. Першы: Саўнаркам адобрыў рашэнне Крыленкі аб прыпыненні фарміравання на фронце нацыянальных часцей. Другі: Ленін патрабаваў прыняць самыя энергічныя меры, каб як можна хутчэй адправіць у раён Харкава «паболей цалкам надзейных войск, не спыняючыся пры гэтым ні перад якімі перашкодамі». Ён жа даў згоду на прыезд Крыленкі ў Саўнаркам для вуснага даклада, але запатрабаваў перад ад'ездам перадаць яго рэспараджэнне наконт адпраўкі войск у раён Харкава «найбольш энергічным людзям». Відаць, Мяснікоў быў першым сярод такіх энергічных і заслугоўваўшых даверу людзей. Гэта факт неабходна адзначыць, перш за ўсё, як сведчанне таго, што Мяснікоў са сваімі партыйнымі таварышамі ў Заходняй вобласці і на фронце праводзілі палітыку цэнтральнага савецкага ўрада, а не сваю мясцовую — як у адносінах да ўкраіны, так і адносна Беларусі.

У сувязі з канфузам, напаткаўшым ленінскі Саўнаркам ў Украіне, дзе давялося перайсці да сілавых метадам барацьбы з УНР, пад прыкрыццём «другой», савецкай, Украіны, ён быў вымушаны да апошняй магчымасці адцягваць пераход да такой жа канфрантацыі на беларускім геапалітычным полі. Іначай фіктыўнасць лозунга самавызначэння стала б занадта відавочнай, а прыватным вынікам такой сітуацыі было б выпадзенне з рук ленінскага Саўнаркама і ЦК балышавіцкай партыі аднаго з аргументаў, накіраваных на падпарадкаванне Устаноўчага сходу. Сталін прызнаваў у друку, што ён у тыя дні як наркам па справах нацыянальнасцей атрымліваў «мноства рэзальцый і лістоў» ад украінцаў, аўтары якіх патрабавалі ад яго тлумачэння дзеянняў Савецкай Расіі адносна ўкраіны. На працягу снежня яму давялося неаднойчы публічна апраўдвацца ад імя ўрада, у тым ліку і на пасяджэнні УЦВК, перад абвінавачваннямі ў тым, што канфлікт узнік на грунце барацьбы ўкраінскага народа за самавызначэнне. «Гэта няправільна, — казаў Сталін на пасяджэнні УЦВК 14 снежня. — Рада прапануе ўстанавіць у Расіі федэратыўны лад. А Савет Народных камісараў ідзе далей Рады, аж да аддзялення». Трэба было б дадаць: каб толькі ўлада ў такой Украіне заставалася ў руках балышавіцкай партыі і яе малодшых партнёраў.

Улічваючы гэту палітычна нявыгадную для ленінскага ўрада сітуацыю, створаную канфліктам з УНР, ацэнім яшчэ адзін фрагмент выступлення Сталіна на пасяджэнні УЦВК (заўважым: усё яшчэ шматпартыйнага). Апраўдваючыся ад абвінавачанняў у правядзенні Саўнаркамам цэнтралісцкай палітыкі, Сталін сказаў: «Абласныя цэнтры, пабудаваныя па тыпу Савета Народных Камісараў (Сібір, Беларусь, Туркестан), звярталіся ў Савет Народных Камісараў за дырэктывамі. Савет Народных Камісараў адказаў: вы самі ўлада на мес-

цах, таму самі павінны выпрацаваць дырэктывы...». З кантэксту прамовы Сталіна вынікае, што абласныя савецкія цэнтры звярталіся да Саўнаркама за дырэктывамі, у тым ліку, па пытанні аб дапушчальнасці падзелу ўлады паміж буржуазіяй, з аднаго боку, пралетарыятам і сялянствам, з другога, як падзяліла яе, адпаведна з ацэнкай Сталіна, украінская Рада. А ў адказ ім паведамілі, што яны самі з'яўляюцца ўладай. Такімі выкрунтасамі Сталін запоўніў шэраг сваіх выступленняў па пытаннях нацыянальнай палітыкі ў канцы 1917 — пачатку 1918 г. Як іх зразумець у кантэксце беларускай палітыкі савецкага ўрада? Даволі проста. Не жадаючы пасля Ёўкраіны адкрыта выступіць у ролі душыцеля нацыянальнага самавызначэння яшчэ і ў Беларусі, калі б беларуская Рада вырашыла пайсці шляхам украінскай, ленінскі ўрад вырашыў схвацца за кулісамі. А кулісамі была быццам бы самастойная палітыка абласной савецкай улады. Мясцовым бальшавіцкім органам было даверана самім выбраць той момант, калі належала ўжыць сілу супраць нацыянальна-дзяржаўных намаганняў беларусаў.

Мы ўжо выказвалі думку пра тое, што прынцыповае рашэнне, якое развязвала рукі Саўнаркаму Заходняй вобласці і фронту для выкарыстання сілы супраць Усебеларускага з'езда, было прынятае неўзабаве пасля нарады ў Стаўцы і ў выніку гэтай нарады. Аднак прамая дырэктыва на гэты конт нам невядомая. Ці захавалася яна наогул? На заканчэнне, аднак, прывядзем тэлеграму старшыні абласнога Саўнаркама К. Ландара, у якой ён дакладваў цэнтральным уладам аб мерах, прынятых дзеля рэалізацыі пастановаў названай нарады. Тэлеграма пасылалася на два адрасы і, несумненна, патрабавала адказу Цэнтра (курсіў у публікацыі): «Стаўка. Глаўкаверх. Петраград. Урад Народных Камісараў. Украінская Рада Захфронта арыштаваная. Паведаміце [аб] далейшым напрамку спраў і аб лёсе арыштаваных. Украінскія эшалоны разбройваюцца і накіроўваюцца ў тыл. За астатнімі радамі і Доўбарам [устаноўлены] неаслабны нагляд.

Старшыня Абласнога Савета Народных Камісараў Ландар» [3, с. 10].

Адказ на прыведзены запыт нам, у прынцыпе, вядомы: ён прачытваецца ў разгоне Усебеларускага з'езда.

Што да свядаржэння аб тым, што «народ не падтрымаў» Усебеларускі з'езд, то яго прысутнасць у сучаснай гістарыяграфіі вызначаецца ўжо не толькі ідэалагічнай абмежаванасцю асобных аўтараў, інерцыяй мыслення іншых, але і ўплывам псіхалагічнага комплексу непаўнацэннасці, усё яшчэ ўласцівага шмат каму з беларусаў. Апошнія дзве прычыны, як можна заўважыць, нярэдка спалучаюцца ў падыходах аднаго і таго ж аўтара да адпаведнай праблематыкі. Такі «даследчык» убіў сабе ў галаву, што беларускі нацыянальны рух напярэдадні рэвалюцыі 1917 г. быў слабы, а беларускі народ інертны. «Мая хата з краю, мы людзі маленькія». Для такога гісторыка з'яўляецца аксіёмай, што «маленькія людзі» не маглі падтрымаць такую вялікую, рэвалюцыйную праграму, як перабудова Расіі ў федэратыўную дэмакратычную дзяржаву ў выніку руху недзяржаўных народаў. На самай жа справе інертны ён сам, і гэтым спосабам ухіляецца ад прафесійнай адказнасці за становішча ў гістарычнай навуцы. Пры большай адказнасці і свежасці мыслення, грунтоўчыся на дастатковым веданні адпаведных крыніц, прафесійны гісторык здольны прыйсці да разумення, што беларускі нацыянальны рух у гады Першай сусветнай вайны перажываў незвычайны перыяд у сваім развіцці, перыяд скачка, фарміравання

ў ім новых якасцей. Ён развіваўся ва ўмовах паскараўшага яго сусветнага цывілізацыйнага крызісу, набыўшага ў Расіі найбольш глыбокі і драматычны характар.

За некалькі год сусветнай вайны палітычнае развіццё Расіі прайшло кругабег ад адной формы аўтарытарнасці, манархічнай, да другой — плебейска-радыкальнай, праскочыўшы праз этап адкідвання дэмакратычнага рэспубліканскага ладу. Набіраючы сілу стыхіі, расійскі крызіс вырваўся за межы палітыкі, ахапіў усе сферы грамадскага жыцця і ўключыў працэс «разб'ягання» народаў Расіі ад імперскага цэнтра. У канцы 1917 г. гэты многапланавы расійскі крызіс дасягнуў новага рубяжа ў сваім развіцці, выявіўшы варыянтнасць, альтэрнатыўнасць яго пераадолення на тэрыторыі карэннай Расіі і на яе нацыянальных ускраінах. Следам за акупаванымі Германіяй тэрыторыямі Польшчы, Прыбалтыкі па-зарасійскія мадэлі пераадолення крызісу склаліся і ў іншых нацыянальных раёнах у выглядзе практаў выхаду гэтых раёнаў са складу Расіі. Калі гаварыць аб Беларусі, то менавіта ў гэтым годзе ва ўмовах расійскага крызісу ўпершыню за многія гады гістарычны працэс накрэсліў перад беларускім народам асобны ад расійскага варыянт гістарычнага развіцця. Узнікшая сітуацыя ўжо вызначана беларускім гісторыкам як «час выбару» [5], і да гэтай слухнай ацэнкі застаецца толькі дадаць, што працэс гістарычнага выбару беларусаў набыў хвалепадобны, дыскрэтны характар, і зацягнуўся на некалькі год. Але першы яго этап абмежаваны рубяжом 1917—1918 гг.

Разглядаючы ўплыў на беларускую супольнасць расійскага крызісу перыяду Першай сусветнай вайны, варта звярнуць увагу на заклік С. Рудовіча адыйсці ад спрошчанага погляду на гэту вайну як толькі на паскаральніцу расійскай рэвалюцыі 1917 г. Неабходна імкнуцца да асэнсавання таго, «як у разбуральным хаосе вайны і рэвалюцыі крышталізавалася стваральная ідэя нацыянальнага самасцвярджэння беларускага народа» [6, с. 78]. Працягваючы гэту думку, асмелімся сцвярджаць, што вайна для беларускага народа хоць і была трагедыяй, але трагедыяй аптымістычнай. У ходзе яе ўзнікла не толькі неабходнасць, але і прынцыповая ажыццявімасць для беларускага народа гістарычнага рыўка ад стану «рэчы ў сабе» да стану гаспадара свайго краю і свайго лёсу ў ім. Менавіта дзеля таго, перш за ўсё, каб зразумець неабходнасць і адначасова прынцыповую магчымасць такога рыўка, беларускім гісторыкам неабходна з максімальнай паўнатай прасачыць уздзеянне на Беларусь расійскага крызісу 1914—1918 і некалькіх наступных гадоў як сістэмнага складанага фактару фарміравання новых якасцей беларускага народа, уключаючы і яго здольнасць да ўласнай дзяржаватворчасці. А прасачыць з максімальнай паўнатай азначае ўлічыць усе істотныя кампаненты гэтага глыбокага крызісу, разам з яго маральным складнікам, што з рознай сілай выяўляўся ва ўсіх слаях расійскага грамадства і разам з іншымі кампанентамі стымуляваў дынамічны, хоць і не прамалінейны, дэфармаваны іншымі фактарамі, працэс самавызначэння беларускага народа, уключаўшы і варыянт яго аддзялення ад расійскай дзяржавы.

Сфармуляваўшы гэтыя пастулаты, вернемся да пытання аб падтрымцы (ці непадтрымцы?) беларускім народам (*nota bene!*) Усебеларускага з'езда. Ён, як вядома, пачаўся 5 снежня, хоць афіцыйнае яго адкрыццё адбылося 7 снежня, калі з'ехаліся 500 дэлегатаў з вырашальным голасам і 200 — з дарадчым. Усяго ж да 17 снежня мандатная камісія выдала 1872 мандаты, з якіх

1167 — дэлегатам з вырашальным голасам і 705 — з дарадчым. Гэтыя лічбы абаліраюцца на сведчанні кіруючых асоб з'езда, у прыватнасці, старшыні мандатнай камісіі П. Крачэўскага, і таму набылі шырокае прызнанне гісторыкаў. Разам з тым, самое параўнанне прадстаўленых лічбаў дазваляе зразумець, што колькасны склад дэлегатаў з'езда на працягу яго працы не быў стабільным. Акрамя аб'ектыўных прычын недастатковай яўкі на з'езд у першыя яго дні, выкліканых разрухай у краі, на гэта паўплывалі і амбіцыі кіраўніцтва БАК, якое заклікала беларускія арганізацыі на 5 снежня ў Мінск не выезджаць, а з'явіцца толькі 15 снежня. Аб'ектыўна гэта была дэзарганізатарская пазіцыя. Аднак ні аб'ектыўныя, ні суб'ектыўныя прычыны не здолелі істотна знізіць прадстаўнічасць гэтага агульнабеларускага форуму.

Гэта ацэнка будзе тым больш пераканаўчай, калі мы заўважым, што восенню 1917 г. рознага роду выбары і з'езды ішлі адзін за другім, а то і супадаючы ў часе. Адбывалася пакутлівае пераўтварэнне мас людзей з аб'екта палітыкі ў яе суб'ект. У гэтым патоку палітызацыі насельніцтва ішло выдзяленне і пашырэнне беларускай нацыянальнай плыні. Параўнанне колькасных параметраў Усебеларускага з'езда з такімі ж параметрамі іншых з'ездаў, што ўтваралі гэты паток, дасць нам лепшае ўсведамленне працэсу фарміравання ў ім гэтай плыні. Мэтазгодна ўзяць для параўнання тры тры з'езды, якія мінскія бальшавікі правялі з мэтай легалізацыі сваёй улады ў краі і адначасова дзеля ўмацавання ўладных пазіцый напярэдадні выбараў. Устаноўчы сход. Першы з гэтых з'ездаў — 3-ці з'езд сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губерняў — праходзіў 18—20 лістапада. Адпаведна з паведамленнем газеты «Звезда», адна з пастановаў з'езда зафіксавала лічбу ў 335 яго ўдзельнікаў. 20—25 лістапада прайшоў 2 з'езд армій Заходняга фронту, які быў больш прадстаўнічым, што і зразумела, паколькі менавіта салдаты фронту былі галоўнай апорай бальшавікоў у краі. У дзень яго адкрыцця на з'ездзе прысутнічала 450—500 чалавек, у наступныя дні, калі меркаваць па справаздачы той жа «Звезды», колькасць яго ўдзельнікаў вагалася ад 310 да 633 чалавек. Відавочна, салдаты-дэпутаты аказаліся не надта дысцыплінаванымі. Але найбольшы клопат мінскія бальшавікі мелі са з'ездам саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў Заходняй вобласці. «Звезда» не здолела назваць колькасць яго ўдзельнікаў, былі пералічаныя толькі прадстаўленыя на з'ездзе саветы, якіх аказалася 16. Гэта была прыкладна трэцяя частка ўсіх існаваўшых у Беларусі на момант бальшавіцкага перавароту саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў разам з агульнымі саветамі рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў. Бальшавікам на з'ездзе быццам бы належала дзве трэці месцаў, астатнія — левым эсэрам. Выходзіць, што Усебеларускі з'езд у першыя дні сваёй працы па колькасных паказчыках пераўзыходзіў скліканы бальшавікамі сялянскі з'езд і быў бліжэй да франтавога з'езда, а ў апошнія дні працы пераўзыходзіў усе тры гэтыя з'езды. Што датычыць тэрытарыяльнага і сацыяльнага прадстаўніцтва, то з'езд меў поўнае права назваць сябе ўсебеларускім, бо прадстаўляў усе рэгіёны Беларусі, у тым ліку дзякуючы ўдзелу бежанцаў — і акупаваную заходнюю частку краю, а таксама і ўсе яго сацыяльныя слаі. У адрозненне ад асобных сучасных аўтараў, мінскія бальшавікі, якія не толькі назіралі за з'ездам, але і былі прадстаўлены на ім, ведалі аб яго прадстаўнічым і народным характары і адзначалі ў сваім друку, што «ў працы беларускага з'езда запрошаны прыняць удзел усе партыі

і прадстаўніцтвы ў Беларусі без выключэння» і што з'езд сабраўся «шматлюдны», «настрой [на ім] узняты» [«Советская правда» 9 дек., 13 дек.].

Варта звярнуць увагу на яшчэ адну акалічнасць, звязаную з Усебеларускім з'ездам, — на той гістарычны момант, калі беларускія арганізацыі выбіралі сваіх дэлегатаў на з'езд, і на тую лозунгі, пад якімі выбары праводзіліся. Яны праходзілі літаральна назаўтра пасля выбараў ва Устаноўчы сход, з якімі масы людзей на працягу некалькіх месяцаў звязвалі свае спадзяванні на замацаванне ў законах ужо праведзеных рэвалюцыйных пераўтварэнняў, у прыватнасці перадачы зямлі зямельным камітэтам для яе раздзелу паміж сялянамі, і іншых. Здавалася б, што яшчэ можна было выбіраць? Тым не менш, многія тысячы людзей, прадстаўленыя ў сялянскіх саветах, гарадскіх і земскіх самакіраваннях, беларускіх радах у войску не палічылі лішнімі выбары на беларускі з'езд, папярэдняй праграма якога была намечана ў звароце да гэтых арганізацый Вялікай Беларускай Рады ад 18 лістапада 1917 г. «З'езд гэты павінен выявіць волю народа беларускага, які не можа і не жадае далей абыхава адносіцца да свайго лёсу у цяперашні небяспечны і адказны момант. З'езд павінен абмеркаваць і вызначыць усе магчымасці самаабароны шматпакутнага беларускага народа і прыняць меры для яе самаарганізацыі», — гаварылася ў звароце. Выбаршчыкі галасавалі за ўдзел у з'ездзе, на парадок дня якога прапанаваліся наступныя пытанні: «1. Міжнароднае становішча Беларусі (вайна і мір). 2. Зямельнае пытанне. 3. Будучае палітычнае ўладкаванне Беларусі. 4. Стварэнне органа краёвай улады» [2, с. 8]. Такім чынам, дэлегаты з'езда адпраўляліся ў Мінск, усведамляючы свае задачы як паўнамоцных прадстаўнікоў беларускага народа, а найбольш дасведчаных з іх глядзелі на маючы адбыцца з'езд як на Беларускі Устаноўчы сход (ці Устаноўчы сойм).

Няўстойлівасць Расіі ў барацьбе з яе імперыялістычнымі сапернікамі, крызіс расійскай дзяржаўнасці ў ходзе вайны і пачатак яе распаду па нацыянальных швах, растуцае імкненне спыніць «бязладдзе», якое ішло з Усходу, дэмаралізацыю пераўтварылі вайну ў аптымістычную трагедыю для беларускага народа. Аптымістычны яе кампанент заключаўся ў тым, што яе вынікі не толькі прымушалі шукаць паратунак на шляху аддалення ад імперыі, але і стваралі шансы поспеху на гэтым шляху. Не апошнім сярод гэтых шансаў была эвалюцыя свядомасці беларускага сялянства ў нацыянальным духу, у духу «будаўніцтва свайой хаты», што ўпершыню ў гісторыі адкрывала перспектыву пераўтварэння беларускага руху ў масавы. У гэтай сувязі звернем увагу на тое, што адным з ініцыятараў правядзення Усебеларускага з'езда — рубажнай падзеі ў працэсе самавызначэння беларускага народа — была арганізацыя, выступаўшая ад імя беларускага сялянства — Беларускі абласны камітэт пры Усерасійскім савеце сялянскіх дэпутатаў. З'езд адбыўся пры падтрымцы, уключаўшай і фінансавую, мясцовых земскіх арганізацый і Сялянскага саюза, сяляне складалі значную частку яго ўдзельнікаў. Хоць лідарам БАК нялёгка ўдавалася ўтаймаваць свае амбіцыі, а сяляне займалі на з'ездзе найбольш памяркоўную і няўстойлівую пазіцыю, але здзіўляе не гэта. Уражвае іх масавы ўдзел у гэтым нацыянальным форуме, што яшчэ за паўгода да з'езда немагчыма было ўявіць. Заўважым у гэтай сувязі, што на скліканы Беларускім камітэтам агульнакраёвы сялянскі з'езд у красавіку 1917 г. з'явіліся толькі 52 дэлегаты, а на Мінскім губернскім, які ў тым жа

месяцы правялі бальшавікі, было прадстаўлена звыш 800 дэлегатаў ад сялян, і прайшоў ён у антыбеларускім духу*.

Разам з тым, канстатууючы эвалюцыю сялянства на нацыянальныя пазіцыі, неабходна ўсведамляць, што і ў той час, і на працягу наступных некалькіх год яна стрымлівалася істотнымі аб'ектыўнымі фактарамі. Гэта эвалюцыя ішла двума геаграфічна аддзеленымі адзін ад другога патокамі — бежанскім і мясцовым — і адчувала на сабе ўплыў незавершанай барацьбы сялян за зямлю. Павольнае злучэнне двух патокаў у адзін пачалося пасля падпісання Савецкай Расіяй і Германіяй Брэсцкага міру, калі пачалі вяртацца ў Беларусь бежанцы з Расіі. Аднак праз кароткі час пасля завяршэння Першай сусветнай вайны Беларусь была зноў падзелена, на гэты раз фронтам польска-савецкай вайны, і кожны паварот польска-савецкай барацьбы зноў абвастраў зямельнае пытанне для беларускага селяніна. Аднак выпрацаванае ім да канца 1917 г. усведамленне аб «чужаніцах», на якіх нельга спадзявацца, уладкоўваючы сваё жыццё, з таго часу моцна засела ў яго свядомасці і ўплывала на яго паводзіны.

Беларуская нацыянальная ідэя аказалася зразумелай і хутка пашыралася ў масах у апошнія месяцы 1917 г. як ідэя спынення бязладдзя, нармалізацыі жыцця соцыуму, як ідэя нацыянальнага ўратавання. Усебеларускі з'езд, абпіраючыся на масавую падтрымку, наменціў праграму рэалізацыі гэтай ідэі, але быў разгнаны. Можна папракаць арганізатараў з'езда ў нявпрытнасці, у палітычнай наіўнасці, і нават у тым, што не паспрабавалі прымусіць бальшавікоў ужо ў снежні адступіць у Магілёў ці Смаленск, як украінцы прымусілі сваіх адступіць у Харкаў. Але гэта б азначала папракаць іх у тым, што не прынялі ўжо ў той час іншую канцэпцыю нацыянальнага самавызначэння, канцэпцыю поўнага дзяржаўнага разрыву з Расіяй. Можна нават папракаць беларускіх сялян, што не пабеглі з цапамі і сякерамі ў Мінск ратаваць сваіх дэлегатаў, замест таго, каб заканчваць малацьбу і нарыхтоўваць дровы. Але пры чым тут навука?

Бібліяграфічны спіс

1. Лазько Р. Р. Супрацоўніцтва ленінскага Саўнаркама з беларускімі нацыянальнымі арганізацыямі напярэдадні Ўсебеларускага з'езда 1917 г. — Беларускі гістарычны часопіс. — 2016. — № 1. — С. 3—12.
2. Лазько Р. Р. Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам (Да пытання аб разгоне Усебеларускага з'езда 1917 года. Частка 1). — Беларускі гістарычны часопіс. — 2016. — № 3. — С. 5—12.
3. Лазько Р. Р. Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам (Да пытання аб разгоне Усебеларускага з'езда 1917 года. Частка 2) — Беларускі гістарычны часопіс. — 2016. — № 4. — С. 3—10.
4. Лазько Рыгор. 1914—1917: аптымістычная трагедыя Беларусі / Białoruskie zeszyty historyczne. Białystok, 2015. — № 44. — S. 153—168.
5. Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. — Мінск: Тэхналогія, 2001.
6. Рудовіч С. Беларусь у Першай сусветнай вайне і рэвалюцыі 1917 г.: актуальныя праблемы даследаванняў / Гісторыя, якой няма ў падручніках. — Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2002.

* Гл. Рудовіч С. *Час выбару...*, с. 125—127. Істотная розніца прадстаўніцтва на гэтых з'ездах толькі часткова можа быць выглумачана розніцай матэрыяльных рэсурсаў, якімі валодалі ініцыятары абодвух з'ездаў.

Рудовіч Станіслаў Сцяпанавіч

*Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства
і архіўнай справы (Мінск, Беларусь)*

УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД 1917 ГОДА: СПРОБА НАЦЫЯНАЛЬнай КАНСАЛІДАЦЫі ПЕРАД ТВАРАМ КАТАСТРАФІЧНЫХ ПАГРОЗ ДЛЯ БЕЛАРУСІ

Скліканне ў канцы 1917 г. Усебеларускага з'езда было прадиктавана цяжкім, драматычным становішчам Беларусі ва ўмовах усеабдымнага рэвалюцыйнага крызісу Расійскай дзяржавы. Над краем навеслі пагрозы, якія неслі ў сабе патэнцыяльную катастрофу для яго насельніцтва.

Кастрычніцкі пераворот 1917 г. паскорыў дэзынтэграцыйныя працэсы ў былой імперыі Раманавых. У лістападзе 1917 г. была абвешчана Украінская Народная Рэспубліка і ўзяты курс на ўтварэнне Латвійскай дзяржавы, што аб'ектыўна спараджала праблему беларуска-украінскага і беларуска-латвійскага тэрытарыяльнага размежавання. На заходнюю, акупаваную немцамі частку Беларусі (Віленшчыну і Гродзеншчыну) прэтэндавалі Літоўская Тарыба і польскія палітыкі. Існавала небяспека, што ў ходзе прызначаных у Брэсце мірных перамоў з дзяржавамі германскага блоку Савецкая Расія адмовіцца ад дадзеных тэрыторый. Гэта азначала б міжнародна-прававое замацаванне падзелу Беларусі, страту ёю тэрытарыяльнай цэласнасці.

Сур'ёзную пагрозу для Беларусі стваралі размешчаныя тут арміі расійскага Заходняга фронту, якія знаходзіліся ў стане інтэнсіўнага распаду. Натоўпы ўзброеных салдат самавольна пакідалі фронт і разыходзіліся па прылеглых тэрыторыях, учыняючы рабаўніцтва і гвалт над мясцовым насельніцтвам. Расійскае войска на тэрыторыі Беларусі страціла функцыі абаронцы краіны і стала адным з фактараў, які пагражаў будучыні беларускага народа [6, с. 27—36]. Сітуацыя яшчэ больш ускладнялася дзеяннямі 1-га польскага корпуса пад камандаваннем Ю. Доўбар-Мусніцкага. Ва ўмовах нарастання аграрнай рэвалюцыі часці корпуса становіліся на абарону памешчыкаў, учынялі над беларускімі сялянамі жорсткія расправы.

У такіх умовах востра актуалізавалася неабходнасць самаарганізацыі Беларусі як асобнай адміністрацыйна-дзяржаўнай адзінкі і фарміравання агульнабеларускіх органаў улады, якія маглі б мабілізаваць насельніцтва краю на абарону яго жыццёвых інтарэсаў.

Утворэння ў Мінску ў лістападзе 1917 г. органы савецкай улады — Аблвыкамзах і Савет народных камісараў Заходняй вобласці і фронту — не валодалі для гэтага дастатковай легітымнасцю і кампетэнцыяй. Яны з'яўляліся па-сутнасці франтавымі структурамі, укамплектаванымі вайскоўцамі пераважна немасцовага паходжання. Бальшавікі, што ўзначалілі гэтыя органы, былі апантаны ідэямі сусветнай рэвалюцыі і прымітыўна трактаванага інтэрнацыяналізму; вырашэнне злабаздзенных праблем краю ў інтарэсах яго карэнных жыхароў не ўяўлялася для іх першачарговай мэтай.

Задачу дзяржаўна-палітычнага канстытуавання Беларусі, распрацоўкі неадкладных мер па пераадоленню крызісу і ўтварэння аўтарытэтных уладна-адміністрацыйных структур быў закліканы вырашыць агульнанацыянальны прадстаўнічы форум — Усебеларускі з'езд.

Асноўнымі ініцыятарамі і арганізатарамі з'езда сталі два палітычныя цэнтры — Вялікая Беларуская рада (з падпарадкаванай ёй Цэнтральнай Беларускай вайскавай радай) у Мінску і Беларускі абласны камітэт у Петраградзе. Гэтыя арганізацыі рэпрэзентавалі дзве асноўныя культурна-ідэалагічныя плыні, што суадносілі сябе з беларускай этнічнай супольнасцю і прэтэндавалі на выказванне яе інтарэсаў — уласна беларускую («адраджэнцкую») і «заходнярускую». Яны па-рознаму вызначалі месца беларусаў у сістэме этнанацыянальных адносін у еўрапейскай частцы былой Расійскай імперыі і, адпаведна, па-рознаму праграмавалі дзяржаўна-палітычную і культурную будучыню Беларусі.

Вялікая Беларуская рада (старшыня В. Адамовіч) гуртавала вакол сябе носбітаў нацыянальнай ідэі, галоўным чынам прыхільнікаў Беларускай сацыялістычнай грамады. У фокусе іх зацікаўленняў была найперш сама Беларусь, спосабы яе дзяржаўна-палітычнага ўладкавання: выбранне краёвага цэнтра ўлады; бясплатная перадача зямлі працоўнаму народу; стварэнне нацыянальнага войска; уздым беларускай культуры; прадстаўніцтва Беларусі на міжнародным мірным кангрэсе. У якасці канчатковай мэты вызначалася ўтварэнне аўтаномнай, дэмакратычнай Беларускай рэспублікі, што на роўных правах з Расіяй і іншымі рэспублікамі павінна ўвайсці ў агульнарасійскі федэратыўны саюз [11, с. 95—98].

Беларускі абласны камітэт (на чале з Я. Канчарам) складаўся галоўным чынам з дэлегатаў ад беларускіх губерняў на ўсерасійскіх сялянскіх з'ездах і ўвасабляў сілы, якія яшчэ нядаўна да намаганняў «адраджэнцаў» ставіліся ваража. Актывісты БАК у большасці з'яўляліся прыхільнікамі агульнарасійскіх партый эсэраў і энэсаў. Іх нацыянальная самасвядомасць была моцна прасякнута пастулатамі «заходнерусізму», што абумовіла іх адначасна прарасійскую арыентацыю. На першы план яны ставілі клопат пра будучыню не столькі Беларусі, колькі Расіі ў цэлым. З-за вайны, распадарчай разрухі, унутрыпалітычнай барацьбы Расія страціла былую магутнасць і ўжо «не мае сілы абараніць гістарычныя межы Беларусі». Страта колішняга моцнага апекуна ў асобе Расіі прымушае і Беларусь паставіць на чаргу пытанне пра свой лёс. Але не для таго, каб нанесці дадатковы ўдар аслабелай імперыі, а «каб сваёй арганізаванай сілай дапамагчы сабе самой і ў той жа час падтрымаць сілы шматпакутнай Расіі». Такім чынам, самавызначэнне Беларусі для «абласнікоў» — гэта вымушаны і не вельмі пажаданы крок, прадыхтаваны неспрыяльным збегам знешніх абставін. Хоць у дакументах БАК таксама гучалі ідэі аўтаноміі і федэрацыі, але ў такой інтэрпрэтацыі, якая прадугледжвала для Беларусі статус не рэспублікі, а толькі аўтаномнай вобласці ў складзе Расіі [11, с. 99—102].

Першапачаткова два цэнтры вялі падрыхтоўку з'езда паасобку. Дзеячы БАК, якія разлічвалі на большую падтрымку сялянства, да таго ж атрымалі фінансаванне ад ленінскага СНК, спачатку намерваліся склікаць з'езд асобна ад ВБР і ЦБВР, паміж 10 і 15 снежня 1917 г., у Рагачове — далей ад мінскіх беларускіх арганізацый і ад балышавіцкага кіраўніцтва Заходняй вобласці і фронту. Вялікая Беларуская рада рассылала запрашэнні з прапановай накіроўваць дэлегатаў на 5 снежня ў Мінск.

Але ўрэшце рэшт ВБР і БАК пайшлі на ўзаемны кантакт, зразумеўшы, што правядзенне двух з'ездаў толькі замацавала б нацыянальную раз'яднанасць, у той час як сітуацыя пільна патрабавала кансалідацыі.

У 20-х чыслах лістапада 1917 г. у Петраградзе, затым у Мінску адбыўся шэраг сустрэч прадстаўнікоў Вялікай Беларускай рады, Беларускага абласнога камітэта, а таксама Беларускай народнай грамады (Масква) з мэтай выпрацоўкі сумеснага плана падрыхтоўкі з'езда. Крыніцы перадаюць атмасферу недаверу і ўзаемнай падазронасці, у якой пачыналася супрацоўніцтва. Але адначасова яны паказваюць, як перад тварам суровых выклікаў гісторыі намацваліся кропкі судакранання, спакваля збліжаліся пазіцыі розных беларускіх арганізаваных асяродкаў [4, с. 140; 7, арк. 90—91].

У выніку сустрэч удалося дамовіцца аб галоўным: Усебеларускі з'езд склікаецца сумесна мінскім і петраградскім цэнтрамі, а месцам яго правядзення можа быць Мінск. Аднак у пытанні пра дату з'езда пагаднення не дасягнулі: ВБР па-ранейшаму настойвала на 5, а БАК спыніўся на 15 снежня.

У першыя дні снежня 1917 г. у Мінск пачалі з'язджацца прадстаўнікі арганізацый, што адгукнуліся на запрашэнне Вялікай Беларускай рады. Увечары 7 снежня, калі ўжо прысутнічала 500 чалавек з вырашальным голасам і 200 — з дарадчым [9, 8 (21) дек.; 10, 8 дек.], Усебеларускі з'езд быў афіцыйна адкрыты.

Урачыстая цырымонія адкрыцця форуму, старанна арганізаваная, спрыяла псіхалагічнаму збліжэнню дэлегатаў, усведамленню імі сваёй місіі як выразнікаў волі адзінага беларускага народа. Апрача таго, афіцыйнае адкрыццё з'езда азначала ўзнікненне інстанцыі, што магла ад імя Беларусі ўступаць у зносіны з органамі ўлады і звяртацца да міжнароднай супольнасці.

У наступныя дні сталі прыбываць дэлегаты, што ішлі за Беларускім абласным камітэтам — пераважна гэта былі пасланцы сялян з усходніх рэгіёнаў Беларусі. Самы інтэнсіўны прыезд удзельнікаў форуму прыпадае на сярэдзіну снежня. «Дэлегаты на Усебеларускі з'езд у Мінску працягваюць штодзённа прыбываць у вялікай колькасці. З'ехалася ўжо больш за 1000 дэлегатаў», — паведамляла 16 снежня 1917 г. газета «Социалист- революционер».

Усяго з 5 па 17 снежня мандатная камісія выдала 1872 мандаты, у тым ліку 1167 — з правам вырашальнага голасу і 705 — з правам дарадчага [1, 16 і 22 крас.; 2, 4 (17) янв.; 5, с. 34—35]. У асобе дэлегатаў на з'ездзе былі прадстаўлены фактычна ўсе больш-менш актыўныя суб'екты тагачаснага грамадска-палітычнага працэсу ў Беларусі: земствы і гарадскія думы, саветы, палітычныя партыі, беларускія нацыянальныя арганізацыі, кааператывы, прафесійныя і бежанскія структуры, зямельныя, харчовыя камітэты і г. д. Дэлегаты рэпрэзентавалі ўвесь беларускі этнічны абшар, пра што сведчыла арганізацыя на з'ездзе Віленскага, Гродзенскага, Мінскага, Віцебскага, Магілёўскага і Смаленскага зямляцтваў. У цэлым склад дэлегатаў Усебеларускага з'езда дастаткова адэкватна адлюстроўваў тагачасную структуру і стан пачынаючага ўсведамляць сябе нацыяй беларускага грамадства.

З прыбыццём у Мінск Беларускага абласнога камітэта і яго прыхільнікаў з'езд прыкметна палярызавалася [3, с. 10—11]. Некалькі разоў ён знаходзіўся на мяжы расколу. Да гэтага падштурхоўвалі таксама пасланцы Паўночна-Заходняга абласнога камітэта РСДРП(б), накіраваныя на з'езд дзеля яго зрыву.

Зноў спатрэбіліся прымірэнчыя нарады, пагаджальныя камісіі, з дапамогай якіх рабіліся нялёгкія крокі насустрач у імя агульнанацыянальнай згоды. Пэўным дасягненнем у гэтым кірунку стала выбранне прэзідыума з прадстаўнікоў абедзвюх плыняў, а таксама Рады старэйшын (Рады з'езда),

якая пасля разгону форуму выканала ролю агульнабеларускага палітычнага цэнтра.

Сустрэўшыся, бадай, упершыню ў гісторыі ў адным месцы ў адзін час, лідары абедзвюх арыентацый — «адраджэнцкай» і «заходнярускай» — пры абмеркаванні канкрэтных, зладзённа-практычных праблем, якімі жыло беларускае грамадства ў канцы 1917 г., знаходзілі ў сабе сілы пакінуць убаку адчуванасць і выпрацаваць узаемапрымальныя рашэнні.

Разглядаючы канкрэтныя праблемы, дэлегаты пераконваліся, што для іх вырашэння ў інтарэсах большасці мясцовага насельніцтва неабходна арганізацыя агульнабеларускага органа улады, рэальную сілу якому магло надаць толькі сваё войска. Гэта было асабліва відавочным на фоне пачатых 9 снежня 1917 г. у Брэсце мірных перамоў Савецкай Расіі з дзяржавамі германскага блоку. Прадметам вострай занепакоенасці ўсіх дэлегатаў — незалежна ад іх партыйнасці і арыентацыі — з'яўлялася пытанне пра лёс акупаваных немцамі Гродзенскай і Віленскай губерняў, г. зн. пра цэласнасць Беларусі. Але без ўдзелу ў перамовах саміх беларусаў захаванне цэласнасці краю было малаверагодным. Само жыццё вымагала ад Беларусі стаць суб'ектам міжнародных адносін, для чаго патрабавалася здзейсніць акт самавызначэння, закласці асновы нацыянальнай дзяржаўнасці.

15—17 снежня 1917 года Усебеларускі з'езд ушчыльную падыйшоў да гэтага лёсавызначальнага рашэння. Форум зноў моцна палярызаваўся, разгарэліся выключна вострыя дэбаты паміж «радаўцамі» і «абласнікамі» адноста выбару найбольш аптымальнай формы самавызначэння. Падставай для спрэчак стала прапанова «радаўцаў» абвясціць Беларусь рэспублікай у складзе федэратыўнай Расіі. Нават памяркоўная спроба здзейсніць самавызначэнне ў форме рэспублікі як раўнапраўнага суб'екта агульнарасійскай федэрацыі — чым Беларусь да таго часу не з'яўлялася — выклікала ў асяроддзі «абласнікоў» сапраўдны перапалох і ў чарговы раз паставіла з'езд на грань расколу [8, с. 184—188].

Позна ўвечары 17 снежня спрэчкі дасягнулі беспрэцэдэнтнай вострыні. Быў аб'яўлены перапынак, падчас якога Рада з'езда цаной каласальных высілкаў выпрацавала кампрамісную формулу арганізацыі ўлады: «Замацоўваючы сваё права на самавызначэнне, абвешчанае Расійскай рэвалюцыяй, і сцвярджаючы дэмакратычны рэспубліканскі лад у межах Беларускай зямлі, для выратавання роднага краю і засцярогі яго ад падзелу і адрыву ад Расійскай дэмакратычнай федэратыўнай рэспублікі, 1-ы Усебеларускі з'езд пастанаўляе: неадкладна ўтварыць са свайго складу орган краёвай улады ў асобе Усебеларускага Савета сялянскіх, салдацкіх і рабочых дэпутатаў, які часова становіцца на чале кіравання краем, уступаючы ў дзелавыя зносіны з цэнтральнай уладай, адказнай перад Саветам рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў» [11, с. 105].

Вынайздзеная формула ўключала матыў Беларускай рэспублікі, але наймення такога не ўтрымлівала, таму яна была прынята ўсімі і пад бурныя авацыі ўхвалена з'ездам. Гэта была яго несумненная перамога — як над уласнымі супярэчнасцямі, так і над раскольніцкай тактыкай заходнефрантавых бальшавікоў.

Прыняццем працытаванай рэзалюцыі з'езд зафіксаваў важны зрух у грамадскай свядомасці тагачасных беларускіх эліт. Беларусь хоць і ўяўлялася па-ранейшаму толькі звязом больш шырокага дзяржаўна-палітычнага

аб'яднання, але ўжо не як безаблічная, жорстка падпарадкаваная цэнтру правінцыя, а як адносна самастойны, раўнапраўны, з уласнымі інтарэсамі, аўтаномнай сістэмай кіравання суб'ект агульнарасійскага супольніцтва народаў і краёў. Такі статус мог паслужыць стартавай пляцоўкай для будучага руху да поўнага суверэнітэту.

Разгон Усебеларускага з'езда сарваў натуральны, легітымны, найбольш цывілізаваны шлях ператварэння беларусаў з аморфнай этнічнай масы ў сучасную суверэнную палітычную нацыю. Далей гэтая трансфармацыя пайшла пакручастымі дарогамі, аказалася запаволенай і шмат у чым дэфармаванай.

Тым не менш з'езд застаецца неардынарнай падзеяй айчыннай гісторыі. Яго скліканнем упершыню была створана агульнабеларуская палітычная пляцоўка, на якой сустрэліся прадстаўнікі розных партыйна-палітычных, ідэалагічных, культурніцкіх плыняў для абмеркавання лёсавызначальных праблем беларускага грамадства. Пры гэтым яны прадэманстравалі здольнасць да кампрамісаў, да выпрацоўкі узаемапрымальных шляхоў прадухілення катастрофічных пагроз, што навіслі над Беларуссю ва ўмовах ваенных і рэвалюцыйных катаклізмаў. Магчыма, якраз апошняя адметнасцю Усебеларускага з'езда 1917 года і мог бы паслужыць урокам для нашчадкаў.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Беларускі шлях. — 1918.
2. Белорусская рада. — 1918.
3. Захарка, В. Галоўныя моманты беларускага руху. (Урывак) / В. Захарка // Спадчына. — 1997. — № 5. — С. 3—17.
4. Канчер, Е. С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов / Е. С. Канчер // Нёман. — 1993. — № 1. — С. 136—167.
5. Кречевский, П. Кто был на 1-м Всебелорусском съезде / П. Кречевский // Варта. — 1918. — № 1. — С. 34—35.
6. Лазько, Р. Р. Аб накірунках уплыву на Беларусь расійскага крызісу 1917 года / Р. Р. Лазько // Ad jubilaum: Да 70-годдзя стварэння гістарычнага факультэта Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта: 36. навук. артыкулаў. — Ч. 1. — Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. — С. 27—36.
7. НАРБ, ф. 325, воп. 1, спр. 2.
8. Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. — Мн.: Тэхналогія, 2001. — 202 с.
9. Советская правда. — 1917.
10. Социалист-революционер. — 1917.
11. Турук, Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. — М.: Гос. изд-во, 1921. 151 с.

СЕКЦЫЯ 5

**САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ГРАМАДСКА-
ПАЛІТЫЧНЫЯ ПЕРАЎТВАРЭННІ Ў БЕЛАРУСІ
ВА ЎМОВАХ РЭВАЛЮЦЫІ
І Ў ПАСЛЯРЭВАЛЮЦЫЙНЫ ПЕРЫЯД**

Антановіч Зінаіда Васільеўна

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

**ДЗЕЙНАСЦЬ МАГІЛЁўСКОЙ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ
КАНСІСТОРЫІ Ў 1917—1918 ГГ. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ
НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА БЕЛАРУСІ)**

Рымска-каталіцкая царква ў Расійскай імперыі пачатку XX ст. мела вызначаную структуру, падпарадкаваную органам дзяржаўнай улады, у прыватнасці, праз Рымска-каталіцкую калегію Дэпартаменту духоўных спраў іншаземных веравызнанняў Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі. Непасрэдна Магілёўскай архідыяцэзіі былі падначалены прадстаўніцтвы рымска-каталіцкай царквы на тэрыторыі Магілёўскай, Віцебскай, Мінскай губерняў, а таксама парафіяльныя (іх было 15) і філіяльныя касцёлы, капліцы на тэрыторыі Расійскай імперыі, якія не ўваходзілі ў склад іншых дыяцэзій [1, с. 21—24; 15]. Узначальваў архідыяцэзію адміністратар, абраны капітулам 6 жніўня 1914 г., епіскап Я. Цяпляк. Дзейнасць Магілёўскай кансісторыі, якая намінальна знаходзілася пад яго кіраўніцтвам, ахоплівала адміністрацыйна-тэрытарыяльнае кіраўніцтва архідыяцэзіі і духоўны суд над прыватнымі асобамі, што адпаведна дакументавалася. Афіцыялам кансісторыі з'яўляўся Ф. Астроўскі, віцэ-афіцыялам В. Пласкевіч, а адзіным асэсарам з трох неабходных — Л. Баркоўскі. Візітатарам быў Ф. Трасун, дэфенсарамі І. Балтрушыс і А. Вайціцкі, якія прымалі ўдзел у пасяджэннях прысутнасці кансісторыі з-за адсутнасці неабходнага кворуму. Пасаду сакратара кансісторыі займаў Ф. Акола-Кулак [16, с. 131—132]. Фактычна, такі склад існаваў з 1914 г. да разглядаемага часу.

Змены на грамадска-палітычнай арэне Расійскай імперыі ў 1917 г. адбіліся фактычна на ўсіх сферах дзяржаўнага ладу, у тым ліку дзейнасці канфесій, тым больш, што кансісторыя знаходзілася ў Санкт-Пецярбургу (Фантанка, 118). У гэтым кантэксце паказальны асаблівасці афармлення адміністрацыйна-распарадкаў дакументацый — указаў. Гэтыя дакументы афармляліся на трафарэтных бланках, выкананых тыпаграфскім спосабам. Да пастаянных даных у іх адносілася азначэнне вышэйстаячага органа. У пачатку 1917 г. на ўказах рэквізіт афармляўся ад імя імператара [11, арк. 3], з указа ад 13 сакавіка 1917 г. азначаныя звесткі замазваліся чорнай тушшу (аграмантам) і паверх надпісвалася «Временное правительство» [11, арк. 30], а са студзеня 1918 г. падначаленне не пазначалася і ўказ выходзіў толькі з кансісторыі [11, арк. 53, 63—64].

Пашырэнне свабод з лютаўскай рэвалюцыяй падштурхнула адміністратара архідыяцэзіі Я. Цяпляка да актывізацыі норматворчай дзейнасці. Так, у лісце

міністру юстыцыі А. Ф. Керанскаму ад 7 красавіка 1917 г. ён аргументаваў неабходныя змены ў прававым і маёмасным стане царквы [2, с. 529]. Ужо ў чэрвені 1917 г. быў выпрацаваны адпаведны законапраект [2, с. 562]. Ім прадугледжвалася ліквідацыя Рымска-каталіцкай калегіі і стварэнне З'езду біскупаў для вырашэння арганізацыйных пытанняў канфесіянальнага кіраўніцтва [2, с. 652—653].

Актывізавалася і ўзаемадзеянне з іншымі канфесіямі, напрыклад, у 1917 г. па ўказе кансісторыі ва ўсіх касцёлах архідыяцэзіі чыталася адозва экзарха расійскай уніяцкай царквы Л. Фёдарова аб узнёсці яе дзейнасці [13, арк. 194]. Перапіска з праваслаўным духавенствам адлюстроўвае тэндэнцыі, што былі распаўсюджаны ў тагачасным грамадстве. Напрыклад, 20 снежня 1917 г. мінскі і тураўскі епіскап Р. Ярашэўскі скардзіўся, што ў Мінскай губерні каталіцкае насельніцтва асобных вёсак імкнецца захапіць праваслаўныя царквы, якія раней былі касцёламі, у прыватнасці, Ішкальдскую і Гайненскую. Ён прапанаваў, падкрэсліваючы неўхваленне рэквізіцыі касцёлаў урадам Расійскай імперыі, пакінуць маёмаснае пытанне «in status quo», пакуль яно не будзе заканадаўча вырашана. Епіскап лічыў мэтазгодным, каб праваслаўныя і каталікі супрацьдзейнічалі разам выклікам часу і вырашалі непаразуменні па ўзаемнай згодзе [14, арк. 261—261 адв.]. Генеральны вікарый аднаўляемай мінскай дыяцэзіі Эдуард О'Рурке яго падтрымаў, хаця адзначыў, што грабяжы касцёлаў таксама здараліся, напрыклад, 6 жніўня 1917 г. у Дзядзілавіцкім касцёле [13, арк. 192]. Акрамя таго, выкананне рашэнняў кансісторыі ўскладнялася з-за адсутнасці падтрымкі мясцовых органаў улады, што адлюстравана ў рапарце асвейскага пробашча М. Дзядулі [9, арк. 15—17].

Сяродзменаў, абумоўленых падзеямі 1917 г., можна вылучыць актывізацыю утварэння парафій і будаўніцтва касцёлаў, якія праз 2—4 гады будуць перададзены Саветам працоўна-сялянскіх дэпутатаў, як Казанскі касцёл [7, арк. 69—76]. У Расійскай імперыі будаўніцтва храмаў і ўтварэнне абшчын абмяжоўвалася заканадаўча і патрабавала ўзгаднення з вышэйстаячымі органамі дзяржаўнай улады, але пасля рэвалюцыйных падзей сітуацыя спрасцілася. У гэты перыяд утворана парафія ў Вязьме [4, арк. 1], а на сродкі аптэкара Івана Ануфрыевіча Букоўскага і яго сястры Марыі пабудаваны драўляны Ржэўскі касцёл [8, арк. 252—28]. Аднак фінансавы стан касцёлаў быў складаным, напрыклад, утрыманне 18 касцёлаў на год агулам складала 2842 руб. 70 кап. [3, арк. 2—2 адв.]. Азначанай сумы было недастаткова для забеспячэння патрэб духавенства і падтрымання касцёльных пабудов у належным стане.

Інтэнсіўнасць зваротаў прыватных асоб у параўнанні з папярэднімі гадамі паніжалася на працягу 1917 г. Найбольш распаўсюджанай прычынай звароту ў кансісторыю з'яўлялася неабходнасць атрымання выпісу з метрычных кніг аб нараджэнні, шлюбе або смерці, якія патрабаваліся ў разнастайных мэтах ад паступлення ў навучальную ўстанову да судовых спраў паміж нашчадкамі. У сярэднім такіх спраў у 1913—1916 гг. разглядалася Магілёўскай кансісторыяй 1580, а ў 1917 г. — 956 спраў (каля 60 %). Па месяцах таксама назіраецца цікавая тэндэнцыя: у сярэднім 108 зваротаў разглядалася ў студзені, лютым і ліпені, 60—80 зваротаў у іншы час да лістапада, калі іх колькасць зменшылася ўдвая (да 32—36) [5]. У гэты ж перыяд традыцыйныя прычыны прашэнняў аб выдачы выпісаў з метрычных кніг замяняюцца іншымі. Напрыклад, у маі 1917 г. звярнуўся ў Магілёўскую кансісторыю сялянін Свянцянскага павета Віленскай

губерніі С. Я. Кажарновіч, аргументуючы неабходнасць выпісу пражываннем без дакументаў, што ў ваенны час небяспечна [6, арк. 38].

У іншым выпадку асобы звярталіся за ўнясеннем зменаў у метрычныя кнігі аб народжаных, часцей з-за памылак у напісанні прозвішча або імя, выпраўленні звестак аб паходжанні дзіця ад шлюбаваных бацькоў. Гэтыя прашэнні разглядаліся на пасяджэннях прысутнасці кансісторыі, у выніку чаго выдаваўся ўказ архіварыусу аб унясенні зменаў у запісы. Калі такіх указаў у студзені і лютым было 19 і 11 адпаведна, з іх за выпраўленнем сямейнага стану бацькоў звярталіся 4 і 5 разоў, то ў астатнія месяцы 1917 г. іх колькасць зменшылася да 2—3 штомесця [1, с. 121—123]. Разгляд гэтых спраў у пачатку года не перавышаў месяца, у канцы года і наступным ён зацягваўся на 2—3 месяцы [11], а лёсы людзей у перыяд трансфармацый змяняюцца вельмі хутка, таму шэраг выпісаў не дасягаў адрасатаў, якія паспывалі выехаць за мяжу Расіі [10, арк. 1].

Судовыя справы, якія падлягалі разгляду рымска-каталіцкіх кансісторый, тычыліся накладання епітым'яў і скасавання шлюбу. Калі першыя ў 1917—1918 гг. амаль знікаюць, то апошнія працягваюць разглядацца. Пры гэтым у XIX — пачатку XX ст. вылучаліся аб'ектыўныя (сваяцтва, некасаваны папярэдні шлюб, нявернасць аднаго з супругаў і інш.) і суб'ектыўныя фактары (фізічнае або псіхалагічнае прымушэнне да шлюбу, публічная неблагарэпутацыя сувязі і інш.) прычыны звароту ў кансісторыю [1, с. 132—144], а ў 1917 г. яны змяняюцца. Напрыклад, аргументам у шэрагу выпадкаў выступае змена веравызнаўчай прыналежнасці мужам або жонкай [12, арк. 39]. Пасля кастрычніка 1917 г. пераважная большасць шлюбаў скасоўвалася народнымі судамі, хаця яны маглі паралельна разглядацца ў кансісторыі. У падобных выпадках апошнія далучалі прадстаўленыя супружнікамі судовы акт і выпіс з журналу пасяджэнняў прысутнасці кансісторыі аб перадачы справы ў архіў. Прычынай, якая пазначалася ў акце, пераважна было пагадненне бакоў, як у Восіпа і Ганны Паўлін. Нават адзначалася, што жонка абавязвалася не патрабаваць ад мужа сродкаў і вяртала дзявочае прозвішча [12, арк. 64—66]. Выпадкі, калі адзін з супружнікаў быў супраць скасавання шлюбу, з'яўляліся рэдкасцю, як зварот у Петраградскі народны суд К. Гемке. Нягледзячы на адмоўнае стаўленне жонкі, ён атрымаў жадаемае [12, арк. 67].

Такім чынам, падзеі 1917 г. супалі з часам зменаў у асабовым складзе вышэйшага кліру Магілёўскай архідыяцэзіі — найбольшай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі рымска-каталіцкай царквы ў свеце. У 1914 г. памёр арцыбіскуп В. Ключынскі і быў абраны адміністратар Я. Цяпляк, а затым яе ўзначаліў арцыбіскуп Э. фон Роп. За непрацяглы час яны праявілі сабе актыўнымі прадстаўнікамі інтэрэсаў канфесіі на грамадска-палітычнай арэне краіны, што адлюстравалася ў норматворчасці і заснаванні новых парафій. Зыходзячы з шэрагу дакументаў, у першую чаргу — перапіскі, можна меркаваць пра міжканфесіянальны ўзаемаадносіны. Іерархі канфесій імкнуліся адекватна ацэньваць унутрыпалітычную сітуацыю, але раптоўнасць не дазваляла яасна яе аналізаваць і прымаць адпаведныя рашэнні. Пры гэтым дзейнасці самой кансісторыі ўдзялялася мала ўвагі, што пацвярджае недахоп кадравага складу прысутнасці. Змены закранулі пераважна справаводныя аспекты: афармленне арганізацыйна-распарадкаў дакументацыі, узнікненне новых відаў дакументаў, запавольванне разгляду спраў і інш. У судаводстве

кансісторыі па скасаванні шлюбу адлюстраваліся трансфармацыі ў грамадстве (выкарыстанне некананічных прычын у прашэннях, зварот у дзяржаўныя органы ў мэтах разрыву сямейных адносінаў). Зыходзячы з адзначанага, відавочна зніжэнне актыўнасці Магілёўскай кансісторыі як органа адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва і духоўнага суда пад уплывам грамадска-палітычных падзей 1917—1918 гг., што ў выніку прывяло да яе ліквідацыі.

Бібліяграфічны спіс

1. Антановіч, З. В. *Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782—1918 гг.)* / З. В. Антановіч. — Мінск: Экоперспектива, 2016. — 226 с.
2. Католическая церковь накануне революции 1917 года: сборник документов / Сост. и отв. ред. М. Радван. — Люблин: Научное общество Католического университета в Люблине, 2003. — 671 с.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Ф. 1781. Воп. 5. Спр. 732.
4. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 5. Спр. 746.
5. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 18, 19.
6. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 19. Спр. 188.
7. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1502.
8. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 1503.
9. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 142.
10. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 143.
11. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 173.
12. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 174.
13. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 28. Спр. 9.
14. НГАБ. — Ф. 1781. Воп. 32. Спр. 212.
15. Управление духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. — Кн. 1. О управлении духовных дел христиан римско-католического и армяно-католического исповеданий // Свод законов Российской империи / Сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг / Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. — Санкт-Петербург: Русское книжное товарищество «Деятель», 1896. — Т. XI. — С. 1172—1202.
16. *Directorium Divini officii et Missarum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in annum domini 1917.* — Piotrograd: Druk «Tow. Sztuki Drukarskie w Piotrogradzie», 1916. — 181 s.

**Богданович Алексей Борисович,
Денисов Антон Владимирович,
Сергеев Всеволод Николаевич**

Университет гражданской защиты МЧС Беларуси (Минск, Беларусь)

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ БЕЛОРУСОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТЯСЕНИЙ

Вопрос этнической и национальной идентичности нередко приобретает особую актуальность в период революционных событий. Не стала исключением и наша страна. До настоящего времени проблема этнического «измерения» революционных событий на территории Беларуси вряд ли может считаться раскрытой полностью. Среди причин подобного положения вещей

и некоторая «периферийность» этнического в структуре социальных процессов 1917 г., и особый статус подобной тематики в отечественной историографии советского периода, долгое время не имевшей «...статуса самостоятельной научной проблемы» [6, с. 42]. Этнонациональное измерение революционных процессов рассматривалось через призму доминирующей методологии, предусматривающей анализ подобных феноменов с использованием концепта «общественное сознание» (и, соответственно, «самосознание», в противовес, например, «идентификации»), что, впрочем, не снижает эвристической значимости полученных результатов.

В частности, значительное внимание вопросам этнического самосознания уделялось в работах Ю. В. Бромляя. Автор высказал мысль о включении национального самосознания в число признаков этноса. Он же в своей монографии «Очерки теории этноса» подчеркивал, что кроме этнонима, этнос может иметь самоназвание (эндоэтноним), а также целый ряд названий, данных ему представителями иных этнических групп (экзоэтнонимы) [2, с. 13]. Он же писал, что нередко осознание этнической принадлежности многозначное. В одних случаях, оно может быть неустойчивым в полиэтнических семьях, в других — на него прямо влияет «смена» этнической принадлежности в результате общественных трансформаций, в третьих — проявление иерархической структуры по этническому признаку.

В научном отношении актуальность упомянутой темы обусловлена сохраняющейся противоречивостью историографических позиций по вопросам предпосылок и развитием в XIX — начале XX в. этнического самосознания белорусов. Среди отечественных исследователей эту проблему разрабатывали: В. К. Бондарчик, П. И. Бригадин, Г. Я. Голенченко, М. Я. Гринблат, А. Г. Кохановский, И. А. Марзалюк, Т. М. Микулич, Л. И. Наumenко, М. Ф. Пилипенко, П. В. Терешкович, И. А. Юхо и др.

Современные белорусские исследователи И. В. Чаквин и П. В. Терешкович определили этническое самосознание как один из ключевых объединяющих факторов и основным показателем уровня консолидации различных территориально-этнографических групп [6, с. 45]. Ученые указывали, что высшей формой проявления этнического самосознания является именно этноним. Последний распространяется на демографический массив народа параллельно росту информационных связей между различными частями этноса в результате процессов консолидации.

Продолжая, И. В. Чаквин и П. В. Терешкович подчеркивали, что этническое самосознание выражается также и в форме осознания общности происхождения всех представителей этноса, патриотизме, чувстве национального достоинства [6, с. 47]. Различные социальные и территориальные группы в период Нового времени осознавали этническую принадлежность по-разному, причем наиболее концентрировано этническое самосознание проявляется в случае контактов на межетническом пограничье, в полиэтнической среде, в условиях, когда возможно сравнение и сопоставление. «В моноэтнических, например, сельских зонах этническое самосознание было не столь актуально» [6, с. 50].

Тем самым, проблема этнического самосознания белорусов в период революции может быть рассмотрена с учетом минимум трех факторов: наличие устойчивого эндоэтнонима; степень осознания общности (в историче-

ской и пространственно-географической перспективах); характер социальной среды (полиэтничность, конкурентность, конфликтность и т. п.), способствующей активной самоидентификации либо ограничивающей ее.

Что касается первого фактора, считается доказанным, что к моменту революционных событий эндоэтноним «белорусы» получил достаточно широкое распространение во всех слоях этноса. Этому безусловно способствовало развитие национально-демократического движения и постепенное становление современных институтов государственного управления (либо, как минимум, формирование готовности наиболее активных слоев населения к их принятию).

Второй фактор, т. е. процесс осознания общности, во второй половине XIX в. приобрел особую интенсивность, выйдя за территориально-культурные, сословные и отчасти конфессиональные рамки. Согласно переписи 1897 г. 74 % населения Беларуси считала родным языком белорусский. Причем к белорусам как минимум по данному признаку относили себя 40 % чиновников, 10 % юристов, 60 % учителей и т. п., а среди доминирующего крестьянского сословия самоназвание «белорус» устойчиво вытесняло иные многочисленные формы самоименования («литвины», «чернорусы» и т. п.). Термин «Беларусь» закреплялся за всей этнической территорией белорусов. Впрочем, об окончательном завершении описанного процесса в рассматриваемый период говорить все же не приходится, с учетом распространенности конфессионимов и иных способов самоидентификации [6, с. 47].

Что касается третьего фактора (характер среды), то события первых полутора десятилетий, «увенчавшихся» событиями 1917 г. Не могли не выступить своеобразным «спусковым крючком» для интенсификации этнической консолидации, вышедшей в итоге на уровень проектов национального строительства.

Несмотря на трагичность предшествующих революций событий и крайнюю тяжесть последствий, для многих представителей активных слоев населения происходящее было шансом не просто для реализации своей гражданской позиции, но и государственного и культурного строительства Беларуси. Молодой поэт и писатель Змитрок Бядуля описывал это время совершенно в следующих эпитетах: «Беларускі адраджэнскі рух не здолеў зрабіць таго, што зрабіла імперыялістычная вайна ў працягу двух год. Найлепшым агітатарам у справе абуджэння ад сну беларускіх сялянскіх мас было само жыццё — ненармальнае, выбітае з векавечнай каляі... Гэты бурны час быў найлепшай жывой агітацыйнай кнігай...». Но при этом Бядуля указывал и на то, что у народных масс нет доверия к интеллигенции, что свидетельствует о сложности процессов консолидации: «Выйшла так, што быццам сам народ дайшоў да праўдзівага сацыялізму, а яго сыны-інтэлігенты зрабіліся «буржуямі». Народ аддзяліў сябе каменнай сцяной ад тых светлых людзей сваіх, якія дзесяткамі гадоў жылі толькі для народа, але гэта каменная сцяна ненадоўга. Народ пазнае праўду і разрушыць гэту сцяну. А інтэлігенцыя, нягледзячы на гэту сцяну, не адышла ад народа» [3, с. 387].

Михась Романович, один из организаторов Минской белорусской ученической грамады, созданной в ноябре 1917 г., давал происходящему следующую оценку: «Рэвалюцыя 1917 г. мела на мяне толькі такі ўплыў, што я пачаў сябе беларусам, у той час калі раней лічыў беларусаў не народам, але народнасцю... Ubачыўшы за гэты час, што народу для адраджэння патрэбны імпульсы з боку свядомай інтэлігентнай моладзі, з гэтай прычыны ў восені разам з некалькімі

бліжэйшымі сябрамі ўзяў на сябе ініцыятыву арганізацыі вучняў-беларусаў. Нашым лозунгам было «спазнай самага сябе, каб стаць у абарону сваёй старонкі»...» [5, с. 94].

Межпоколенческий и межклассовый раздел проходил не только по восприятию революции, но и по политическим и этнонациональным программам действий. Э. Войнилович вспоминал, что вынужден был прекращать сотрудничество со всеми белорусскими национальными организациями, поскольку их деятельность, начиналась как культурно-просветительская, неизбежно переходила к социалистическим лозунгам [4, с. 256]. Немаловажным является тот факт, что подавляющее большинство молодежи придерживалось социалистических взглядов, отсюда у них не был противоречий с большевиками или эсерами в экономической политике, а только в национальном вопросе. Эти настроения выразил политический и общественный деятель Евсей Канчер на совещании 9 сентября 1918 г. в Москве: «Мы должны быть честными государственными деятелями, чтобы нас не обвинили в авантюризме, и чтобы существование Белорусского Комиссариата не было, по существу, провокацией белорусской идеи...» [1, с. 71—72]. Указанная идейная дифференциация предопределила и расхождения в проектах национального строительства.

Таким образом, революционные события послужили своеобразным детонатором для активизации наиболее пассионарной части белорусского общества — национально ориентированной интеллигенции, преимущественно людей молодого возраста. При этом их положение не только не улучшилось по сравнению с довоенным и дореволюционным периодом, но в условиях хаоса, гражданской войны, германской оккупации, миграций можно говорить о настоящих бедствиях, которые выпали этим людям. Тем не менее, если на личном, бытовом уровне восприятия все они отмечали тяжесть своего положения и неясность будущего, то в общественно-политической и культурно-просветительской сфере деятельности все представители видели шанс для реализации программы национально-культурного возрождения и политического строительства Беларуси.

Бібліографічны спісак

1. «Для адстойвання інтарэсаў айчыны». Невядомы дакумент 1918 года па гісторыі беларускай дзяржаўнасці. Прадмова, публікацыя і каментарыі У. Скалабана // Беларуская думка. — № 12. — 2010. — С. 70—75.
2. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1973. — 283 с.
3. Бядуля З. Выбраныя творы / Змітрок Бядуля; Уклад., прадм., камент. У. Казбурка. — Мінск: Белкініа збор, 2006. — 496 с.
4. Войнилович, Э. Воспоминания /Эдвард Войнилович. Перевод с польского. — Минск: У. Завальнюк, 2007. — 380 с.
5. Ляхоўскі, У. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. — 1-й палове XX ст. (да 1939 г.) / Уладзімер Ляхоўскі. — 2-е выданне, папраўленае і дапоўненае. — Смаленск: Інбелкульт, 2015—480 с.
6. Чаквин, И. В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV — начало XX в.) / И. В. Чаквин, П. В. Терешкович // Советская этнография. — 1990. — № 6. — С. 42—54.
7. Эцыклапедыя гісторыі Беларусі 6 т. Т. 1. А — Беліца / Рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. — Мінск: БелЭн, 1993. — 494 с.

Бувеч Татьяна Владимировна

Государственный архив Витебской области (Витебск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЖИЛОГО ФОНДА ГОРОДА ВИТЕБСКА В 1918—1919 ГГ.

В результате победы Октябрьской революции и установления советской власти одной из составляющих общегосударственной стратегии развития стал отказ от частной собственности. В сфере жилищно-коммунального хозяйства такая политика привела к массовому изъятию из частной (личной) собственности городских жителей не только целых жилых домов, но и отдельных квартир в многоквартирных домах и помещений в квартирах, с последующей передачей их в собственность общегосударственную (национализация) или местных властей (муниципализация).

Так, 30 октября 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) принял постановление «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса». 23 ноября 1917 г. Совета Народных Комиссаров (СНК) издал «Проект Декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости» [5, л. 27]. В развитие данных документов 12 декабря 1917 г. Витебский городской Совет рабочих и солдатских депутатов (совдеп) опубликовал «Обязательное постановление» об отмене частной собственности на недвижимость» [11, л. 41]. В свою очередь исполнительный комитет Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (горисполком) 9 марта 1918 г. издал постановление, согласно которому в пределах витебской городской черты с 1 января 1918 г. была отменена частная собственность на земельные участки и на строения, общая стоимость которых превышала 1200 руб. После национализации жилой фонд переходил в ведение горкомхоза, иными словами, муниципализировался [17]. Для работы с ним при отделе городского хозяйства исполнительного комитета Витебского городского совдепа (горкомхоз) был создан комитет по социализации имущества. Дополнительно образован квартирный отдел. Работали также заведующие конфискованными домами и городская оценочная комиссия (последняя — для перевода конфискованного имущества в городскую (муниципальную) собственность) [10, л. 72; 12, л. 44; 13, л. 1].

На начальном этапе (январь — март 1918 г.) в Витебске национализация (реквизиция) зданий производилась под контролем, по крайней мере, губернского исполкома при поддержке представителей воинских частей. Так в телефонограмме от 20 января 1918 г. № 52, направленной витебской городской комендатурой начальнику особого литовского батальона, дислоцировавшегося в Витебске, говорится, что в городскую управу в распоряжение квартирного отдела горкомхоза необходимо направить 10 человек-солдат для обеспечения реквизиции квартир [15, л. 20].

Сколько частных жилищ имелось в Витебске в 1917 г. точно установить не удалось. Но зато в отчете горкомхоза обнаружены сведения, что в 1920 г. в Витебске числилось 6504 частных домовладений [3, л. 78]. На заседании Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (горсовета) 13 июня 1922 г. был озвучен тот факт, что в 1918 по 1922 год жилая площадь «без всякого присмотра и необходимого ремонта»

сократилась на 30 % [3, л. 151]. Здесь, безусловно, необходимо иметь в виду, что жилая площадь учитывалась не столько по количеству жилых зданий, сколько по количеству квартир и(или) количеству квадратных метров жилой площади. Тем не менее, вывод о том, что накануне революционных событий город располагал не менее 6,5 тыс. частных жилищ, имеет под собой веские основания.

Можно, конечно, предположить, что конфисковались только здания, не являвшиеся основным местом проживания владельцев, и процесс национализации представлял собой лишь справедливое распределение «излишек» жилой площади. В связи с данным предположением встает вопрос о количестве в городе жилья, использовавшегося в качестве получения прибыли. Архивных источников, содержащих сведения о доходных дома и о домах, сдававшихся в аренду предприятиям, в г. Витебске пока не выявлено. Но в сборнике «Красная быль» (1917—1918 гг.), изданном в 1923 г. под редакцией первого губернского военного комиссара Семена Крылова, имеются воспоминания Бориса Бреслава, одного из городских руководителей, который утверждал, что в Витебске в 1918 г. доходных домов было не более 200 [16, с. 139]. Таким образом, практически весь жилой фонд города являлся местом постоянного проживания горожан-владельцев жилья.

После национализации осуществлялось «справедливое» перераспределение жилого фонда. При этом использовали несколько методов: «уплотнение», которое можно назвать еще и «подселением», и «выселение».

Метод «уплотнения» заключался в предоставлении новым жильцам права проживать в жилом помещении, без выселения из дома(квартиры) бывших хозяев. Наряду с «уплотнением» использовали метод «выселения»: бывшие владельцы выдворялись из здания, а вся имеющаяся жилая площадь полностью перераспределялась между новыми жильцами или занималась государственным учреждением, организацией и предприятием. Иногда в здании одновременно размещались государственное учреждение и частные жилыцы. Но такие случаи не являлись правилом.

Активное использование в Витебске метода «выселения», в особенности для домов, размещавшихся в центре города, подтверждается документами фонда горкомхоза. В одном из отчетов за 1923 г. прямо говорится о том, что «была [в 1918 году пред]принята попытка переселения буржуазии из центра на окраины, а рабочих на ее место с окраин в центр города, для чего была создана особая рабочая инспекция. Но в это время в городе появились заразные заболевания, и губздрав воспротивился дальнейшему переселению; и, кроме того, оказался ряд других еще причин, не дававших возможность серьезно заняться [этим] вопросом, и инспекция была распущена» [1, л. 41об.]. Национализированные «в центре» дома в первую очередь передавались советским учреждениям, национализированным предприятиям и школам.

Жилой фонд после национализации распределялся среди определенных групп населения: прежде всего, среди рабочих, руководителей и сотрудников советских органов, а также членов их семей. Для этого функционировали специальные «ордерные» комиссии [14, л. 2]. Это не означало, что другие категории граждан не могли проживать в национализированных помещениях. И здесь сыграло свою роль то, что часть жилых помещений являлись пустую-

щими из-за отъезда из Витебска хозяев, и вселение происходило еще в 1917 г., без всякого на то разрешения властей.

По воспоминаниям Я. Гоба (сотрудник горкомхоза в 1918 г.), практически сразу после объявления национализации в январе 1918 г. в городе образовался Витебский союз домовладельцев, который начал кампанию по отмене национализации домов, т. к. среди бывших собственников жилья прочно укрепилось мнение, что «национализация недвижимости не даст положительных результатов» [16, с. 161]. И Гоба признавал их правоту. Он писал, что горкомхозом проводился анализ, в результате чего пришли к выводу, что содержание полноценного аппарата по управлению национализированными домами будет значительно превышать доходы от квартплаты. Кроме того, уже к весне 1918 г. стало ясно, что Витебский союз домовладельцев оказался прав и перевод жилого фонда в собственность города привел к остановке каких бы то ни было ремонтных работ. Строительство нового жилья также не было законсервировано. Городские власти попросту не имели средств на их проведение. В результате, пишет Гоба, 24 апреля 1918 г. национализация в Витебске была отменена. Этот факт подтверждается и воспоминаниями В. Бреслава (с февраля 1918 г. — председатель Витебского горисполкома). Сам протокол заседания горисполкома об отмене национализации в фондах архива пока обнаружить не удалось [16, с. 139, 161, 165, 187].

20 августа 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) принял Декрет «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». В соответствии со статьей 1 данного Декрета было отменено право частной собственности на все без исключения частные земельные владения(участки), находившиеся в городах, как застроенные, так и не застроенные, как принадлежащие частным лицам и промышленным предприятиям, так ведомствам и учреждениям. А статья 2 отменила в городских поселениях с числом жителей свыше 10 000 право частной собственности на все строения, которые вместе с находящейся под ними землей имели стоимость или доходность свыше предела, установленного органами местной власти. По сведениям Витебского губернского статического бюро в 1917 г. в г. Витебске насчитывалось по одним данным 99 404 жителя (без учета военнослужащих), по другим — 100 591 человек [7, л. 4; 8, л. 30; 9, л. 13]. Таким образом, Декрет еще раз подтверждал необходимость национализации всех частных землевладений и домовладений Витебска, общей стоимостью свыше 1200 руб., как было установлено постановлением Витебского горисполкома от 9 марта 1918 г. Но данное постановление было отменено в апреле этого же года. Безусловно, в соответствии с общим принципом права (*Lex superior derogat legi inferiori*) можно считать, что с выходом Декрета от 20 августа 1918 г. национализация зданий в Витебске должна была быть возобновлена, не зависимо от апрельских решений местных органов власти. Но Бреслав указывал, что к осени, т. е. к моменту его отъезда из Витебска, горисполком постановлений о возобновлении национализации не принимал и никаких действий, позволяющих планомерно провести национализацию жилфонда города, не предпринимал [16, л. 139, 161, 165, 187].

Архивные источники за 1919 г. подтверждают сведения из воспоминаний Бреслава. Городские и губернские власти к вопросу о возобновлении национализации не возвращались. Так в письме президиума Витебского губи-

сполкома (октябрь 1922 г.) в Главное управление коммунального хозяйства (Главупкомхоз) НКВД РСФСР прямо указывается, что муниципализация домов Витебска полностью проведена не была и крупнейшие дома остались не муниципализированы. Правда, был указано, что причиной такого положения вещей явилось особое, прифронтовое, положение губернии [2, л. 18]. Наиболее ранний из обнаруженных документов, позволяющий говорить о возобновлении национализации жилых помещений города, датируется только 18 сентября 1922 г. Это приказ коммунального отдела Витебского губисполкома (губкоммунотдел) № 174, в соответствии с которым была создана комиссия по вопросу об оформлении муниципализации домов в г. Витебске и Витебской губернии [6, л. 177].

Таким образом, политика витебских властей в вопросе проведения национализации жилого фонда с апреля 1918 г. вошла в противоречие с действующей общегосударственной стратегией ликвидации частной собственности на строения. С одной стороны, де-факто в течение 1918—1919 гг. осуществилось экспроприация жилых зданий, «уплотнение» и «выселение» граждан, что не противоречило действующей на тот момент нормативно-правовой базе. Но с другой, местные органы власти отказались осуществлять оперативно-исполнительную деятельность по проведению национализации, и, тем самым, создали ситуацию, при которой часть фактически принадлежащие государству здания продолжали де-юре оставаться в собственности у частных лиц вплоть до 1922—1923 гг. Данный вывод подтверждается и архивными источниками: в акте ревизионного обследования, проведенного в 1923 г. комиссией РКИ, о состоянии муниципализации и демунципализации домовладений г. Витебска, говорится о том, что в 1918—1919 гг. в Витебске муниципализация домов в соответствии с требованиями декретами ВЦИК и СНК (1918 г.), не производилась, а имела место обычная конфискация домовладений без соответствующего юридического оформления [4, л. 18].

Библиографический список

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 95.
2. ГАВО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАВО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 54.
4. ГАВО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 417.
5. ГАВО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 439.
6. ГАВО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 110.
7. ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 25.
8. ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 28.
9. ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 160.
10. ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 21.
12. ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 23.
13. ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 26.
14. ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 399.
15. ГАВО. Ф. 1582. Оп. 1. Д. 104.
16. ГАВО. Ф. 9742-п. Оп. 1. Д. 155.
17. Об итогах национализации(муниципализации) жилья Витебска и передаче его в фонд горкомхоза в 1917—1921 гг. см. Подробнее: Буюевич Т. В. «Вы потеснитесь, граждане»: революционный жилищный передел Витебска в 1917—1921 годах // Великая

Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX—XXI века: материалы международной научной конференции. Витебск — Псков, 27 февраля — 3 марта 2017 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А. В. Егоров (гл. ред.) [и др.]. — Витебск, 2017. — С. 184—190.

Бурачонак Аляксандр Вячаслававіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ЗМЕНИ ў ЭКАНАМІЧНЫМ ЖЫЦЦІ БЕЛАРУСІ НАПЯРЭДАДНІ РЭВАЛЮЦЫЙНЫХ УЗРУШЭННЯў 1917 Г.

У канцы 1916 г. — пачатку 1917 г. у эканамічным жыцці на неакупіраванай частцы тэрыторыі Беларусі назіраліся катастрофічныя з'явы, якія падштурхнулі большасць мясцовага насельніцтва да ўдзелу ў рэвалюцыйных узрушэннях 1917 г. на антыўрадавых пазіцыях. Падзеі Першай сусветнай вайны ўнеслі значныя карэктывы ў развіццё гаспадаркі беларускіх губерняў, якая ў парэформенныя дзесяцігоддзі, у адрозненне ад разглядаемага часу, выяўляла тэндэнцыі да росту.

Пачынаючы з другой паловы XIX ст. адбывалася павелічэнне прамысловага патэнцыялу беларускіх губерняў Расійскай імперыі. На змену папулярнай у першай палове XIX ст. мануфактурнай форме вытворчасці прыходзілі прадпрыемствы, аснашчаныя механічным рухавіком. За апошнія два дзесяцігоддзі XIX ст. на тэрыторыі Беларусі было ўведзена ў строй у чатыры разы больш фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў, чым за папярэднія 20 гадоў. Агульная ж колькасць фабрык і заводаў за чатыры парэформенныя дзесяцігоддзі павялічылася з 76 да 1137, а аб'ём вытворчасці ў грашовым выражэнні — з 1,9 да 72,1 млн руб. [2, с. 86—87]. У пачатку XX ст. тэмпы росту колькасці фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў і сумарнага кошту вырабленай на іх прадукцыі некалькі замарудзіліся, бо у гэты час негатыўнае значэнне для развіцця прамысловага прадпрыемальніцтва беларускіх губерняў меў эканамічны крызіс 1899—1903 гг. Яго наступствы былі адчувальнымі для прамысловасці беларускіх губерняў амаль на працягу ўсяго першага дзесяцігоддзя XX ст. Ажыўленне ў гэтай сферы адбылося толькі ў 1908 г., а з 1910 г. пачаў назірацца інтэнсіўны ўздым у вытворчасці. За 1910—1913 гг. прырост прадукцыі склаў 27,2 млн руб., што ў 1,9 разы было вышэй за прырост прадукцыі за 1901—1908 гг. [10, с. 36—39].

У канцы XIX — пачатку XX ст. пэўныя змены назіраліся і ў гандлёвым развіцці Беларусі. Трансфармацыя форм ажыццяўлення гандлёвага прадпрыемальніцтва ў беларускіх губернях прынесла свае вынікі. Аптовы абарот гандлю на тэрыторыі Беларусі за перыяд 1885—1913 гг. вырас з 9,35 да 79,1 млн руб., або прыкладна ў 8,5 разоў. Аб'ёмы рознічнага тавараабароту павялічыліся за гэты ж перыяд у 6,2 разы — з 26,28 руб. да 162,8 млн руб. Пры гэтым тэмпы росту рознічнага гандлю ў беларускіх губернях у 1908—1913 гг. былі вышэйшымі, чым у цэлым па Расійскай імперыі. Сярэднегадавы тэмпы росту рознічнага тавараабароту Беларусі ў 1908—1912 гг. склаў 5,2%, а ў Расійскай імперыі ў цэлым — 4,5%. Найбольшы ж прырост па Беларусі і па Расіі даў 1913 г., склаўшы 14,4% і 8,4% адпаведна [10, с. 240—241, 246, 250; 7, с. 103—104].

Варта адзначыць, што ў канцы XIX — пачатку XX ст. у гаспадарцы Беларусі назіраліся не толькі рост аб'ёмаў таваразвароту і нарошчванне магутнасці прамысловай вытворчасці. Змянялася сама арганізацыя прадпрымальніцкай дзейнасці. Прадпрымальнікі ў беларускіх губернях ажыццяўлялі сваю дзейнасць не толькі ў выглядзе аднаасобнага прадпрыемства, але і ў разнастайных формах асацыявання капіталу — поўных таварыстваў і таварыстваў на веры, а таксама акцыянерна-паявых кампаній. За 1892—1914 гг. колькасць гандлёвых дамоў у пяці беларускіх губернях павялічылася з 27 да 443, акцыянерна-паявых таварыстваў — з 8 да 37 [3, с. 58]. У дадатак да гэтага, у пачатку XX ст. на тэрыторыі Беларусі атрымалі распаўсюджанне і манапалістычныя аб'яднанні — запалкавы сіндыкат у Мінску, сіндыкат піваварных заводчыкаў у Оршы, сіндыкат уладальнікаў канвертных заводаў «Прадакон» і інш. [10, с. 23].

Разам з развіццём гандлёва-прамысловай сферы на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX — пачатку XX ст. адбывалася станаўленне крэдытна-банкаўскай сістэмы, якая давала магчымасць атрымаць пазыку як буйным, так і дробным прадпрымальнікам. Больш уплывовыя прадстаўнікі дзелавога свету беларускіх губерняў маглі атрымаць пазыку ў мясцовых аддзяленнях Дзяржаўнага банку Расійскай імперыі, аддзяленнях расійскіх акцыянерных банкаў і гарадскіх грамадскіх банкаў. Прадпрымальнікі больш ніжэйшага рангу крэдытаваліся ў банкірскіх дамах і канторах, таварыствах узаемага крэдыту, пазыковай казне і іншых установах дробнага крэдыту. На працягу разглядаемага перыяду назіраўся рост колькасці крэдытных устаноў, якія функцыянавалі на тэрыторыі Беларусі. Так, толькі за 1901—1913 гг. колькасць прыватных камерцыйных банкаў павялічылася з 4 да 20, таварыстваў узаемага крэдыту — з 5 да 74, гарадскіх грамадскіх банкаў — з 2 да 9 [5, с. 30].

Пройдзены ў другой палове XIX — пачатку XX ст. гаспадаркай Беларусі шлях мадэрнізацыі дазволіў пэўным прадстаўнікам мясцовай дзелавой эліты ў перадваенныя гады дасягнуць такога ўзроўню, што яны змаглі канкурыраваць з выхадцамі з цэнтральных і ўсходніх губерняў Расійскай імперыі. Аднак Першая сусветная вайна, як ужо адзначалася, карэнным чынам змяніла сітуацыю, якая склалася ў эканамічнай сферы ў парэформенныя дзесяцігоддзі.

З самых першых дзён вайны на большасці прамысловых прадпрыемстваў па прычыне цяжкасцей у збыце прадукцыі і ў атрыманні новага абсталявання, а таксама з-за недахопу сыравіны быў зменшаны аб'ём вытворчасці. Шмат у чым гэта было выклікана і тым, што з аб'яўленнем усеагульнай мабілізацыі многія чыгуначныя станцыі спынілі прыём і адпраўленне прыватных грузаў. Акрамя таго ўладары прадпрыемстваў страцілі частку кваліфікаваных працоўных, якія былі мабілізаваны ў армію. У выніку, каля 20% усіх дзеючых на тэрыторыі Беларусі прамысловых устаноў спынілі працу толькі ў першыя месяцы вайны. Разам з тым, пэўныя прамыслоўцы на тэрыторыі Беларусі здолелі амаль цалкам перапрафіляваць свае прадпрыемствы для вырабу прадукцыі, неабходнай фронту. У канцы 1914 г. заказы ваеннага ведамства ў беларускіх губернях выконвалі 217 прамысловых устаноў. Выпускам абароннай прадукцыі былі заняты дзве трэці рабочых цэнзавай прамысловасці [4, с. 174—175]. Тым не менш, гэта былі толькі

часовыя меры. Ажыўленне прамысловасці ў беларускіх губернях, якое назіралася ў пачатку 1915 г., ужо вясной было паралізавана наступленнем немцаў. Летам 1915 г. пачалася эвакуацыя прамысловых прадпрыемстваў і каштоўнага абсталявання з заходніх раёнаў Беларусі ўглыб Расійскай Імперыі, асноўная хваля якой праходзіла стыхійна і бессістэмна, з вялікімі стратамі абсталявання і гатовай прадукцыі. Усяго за гады вайны з тэрыторыі Беларусі былі вывезены або дэманціраваны 432 прадпрыемствы, частка з якіх так і не была рээвакуіравана [1, с. 141], што безумоўна негатыўна паўплывала на вытворчы патэнцыял беларускіх губерняў.

Пасля ўсталявання ў кастрычніку 1915 г. фронту па лініі Дзвінск—Паставы—Баранавічы—Пінск, прамысловыя прадпрыемствы, якія не паспелі эвакуіраваць з заходняй часткі тэрыторыі Беларусі, апынуліся пад кантролем акупантаў. На неакупіраванай тэрыторыі Беларусі выраб прамысловай прадукцыі працягваўся. Пры гэтым не толькі буйныя фабрыкі і заводы былі пераведзены на ваенныя рэйкі — да выпуску вайсковай прадукцыі былі таксама прыцягнуты рамесныя майстэрні і невялікія прадпрыемствы. Аднак, нягледзячы на наяўнасць заказаў з боку ваеннага ведамства, у канцы 1915 г. на неакупіраванай тэрыторыі Беларусі функцыянавала толькі 139 прамысловых прадпрыемстваў, на якіх працавала каля 38 % ад даваеннай колькасці працоўных [8, с. 45].

Становішча ў прамысловай вытворчасці пэўным чынам палепшылася толькі вясной 1916 г. На гэты момант у Віцебскай губерні налічвалася 61 прамысловае прадпрыемства, у Мінскай — 134, у Магілёўскай — 99. Пры гэтым, прамысловая вытворчасць мірнай прадукцыі ў Беларусі складала мізэрную долю ў параўнанні з тым, што выраблялася да вайны. Гэта прычыняло да таго, што назіраўся дэфіцыт тавараў першай неабходнасці і адначасова рост спекуляцыі. У сваю чаргу, гэта выклікала павелічэнне цэн на ўсе тавары разам са зніжэннем заробку на 60—80 % ад даваеннага ўзроўню. Да працы ў прыфрантавой паласе прыцягвалася ўсё працаздольнае насельніцтва, за выключэннем выкладчыкаў, навучэнцаў, дзяржслужачых і духавенства [9, с. 84—85, 92]. Да 1917 г. аб'ём вытворчасці прамысловых прадпрыемстваў, якія не выконвалі замовы вайсковага ведамства, складалі прыкладна 15—16 % ад даваеннага ўзроўню [8, с. 46]. Зразумела, што гэта прыводзіла да пашырэння дэфіцыту тавараў першай неабходнасці.

Змены, якія адбыліся ў эканамічным жыцці беларускіх рэгіёнаў, закранулі не толькі прамысловых прадпрыемальнікаў, але і гандляроў. Перш за ўсё значна скараціўся аб'ём гандлёвых аперацый лесам, што было звязана з закрыццём заходніх рынкаў і змяншэннем попыту на яго ў паўднёвых губернях Расійскай Імперыі. Разам з тым адбылося скарачэнне аб'ёмаў экспартнага гандлю льном. Апошнія не мела ў параўнанні з лясным гандлем такіх катастрофічных маштабаў, паколькі існаваў вялікі попыт на льяную сыравіну з боку Маскоўскага прамысловага раёну. Тым не менш гандлёвыя абароты льну толькі ў Віцебскай губерні скараціліся ў 2,5 разы [6, с. 34—35].

Змены адбыліся і ва ўнутраным гандлі. Змяншэнне попыту мясцовага насельніцтва кампенсавалася павелічэннем спажывецкага попыту вялікай колькасці бежанцаў і вайскоўцаў. Больш актыўна сталі гандляваць мясам, тютунём, збожжам і жалезам, паколькі попыт на дадзеную прадукцыю

значна ўзрос. У цэлым жа ёмістасць унутранага рынку Беларусі на мяжы 1914—1915 гг. павялічылася [10, с. 267—268]. Праўда, ужо ў сярэдзіне 1915 г. мясцовыя гандляры сутыкнуліся з іншай праблемай — недахопам тавараў, якія не траплялі на тэрыторыю Беларусі з унутраных губерняў Расійскай імперыі па прычыне існаваўшых абмежаванняў на чыгунцы. Па прычыне нарастання крызісных з’яў у сельскай гаспадарцы і прамысловай вытворчасці Беларусі, а таксама з-за перанапружанасці чыгуначнага транспарту ваеннымі перавозкамі з кожным месяцам сітуацыя з забеспячэннем мясцовага насельніцтва прадуктамі харчавання і таварамі першай неабходнасці становілася ўсё больш катастрофічнай. Усё вышэйадзначанае выклікала незадаволенасць вайной і ўрадам, у першую чаргу, сярод простага насельніцтва Беларусі. Яны сустракалі рэвалюцыйныя ўзрушэнні у лютым 1917 г. з надзеяй на паляпшэнне свайго становішча. Аднак, ні Лютаўская рэвалюцыя, ні першыя пераўтварэнні балышавіцкага ўраду пасля перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі сітуацыю ў эканамічнай сферы змяніць у лепшы бок не здолелі.

Бібліяграфічны спіс

1. Бабков, А. Эвакуация промышленности Беларуси в годы Первой мировой войны / А. Бобков / Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» / Рэдкал.: В. Скалабан (гал. рэд.) і інш. — Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2001. — С. 135—141.
2. Болбас, М. Ф. Промышленность Белоруссии: 1860—1900 / М. Ф. Болбас. — Мінск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. — 311 с.
3. Бурачонок, А. В. Распаўсюджванне асацыяванага капіталу на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст. / А. В. Бурачонок // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. — 2017. — № 2. — С. 54—61.
4. Бурачонок, А. В. Становішча прадпрымальнікаў на тэрыторыі Беларусі ў пачатковы перыяд Першай сусветнай вайны / А. В. Бурачонок // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. / редкол.: В. А. Богуш (пред.) [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 173—177.
5. Драздова, К. А. Станаўленне капіталістычных банкаў на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове XIX — пачатку XX ст. / К. А. Драздова, Л. Л. Шкуцько // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 2. — 2006. — № 4. — С. 27—31.
6. Михневич, Л. М. Торговля Белоруссии (1900—1970 гг.) / Л. М. Михневич. — Минск: Наука и техника, 1973. — 222 с.
7. Полетаева, Н. И. Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX — начало XX вв. / Н. И. Полетаева. — Минск: Наука и техника, 2004. — 247 с.
8. Сасим, А. М. Промышленность Беларуси в XX столетии / А. М. Сасим. — Минск: Экоперспектива, 2001. — 271 с.
9. Хаданёнак, В. М. Сацыяльна-эканамічнае становішча насельніцтва на неакупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (кастрычнік 1915 — кастрычнік 1917 гг.): манаграфія / В. М. Хаданёнак. — Віцебск: УА «ВДТУ», 2015. — 161 с.
10. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900—1917) / под ред. Г. Т. Ковалевского [и др.]. — Минск: Изд-во АН БССР, 1963. — 420 с.

Гужалоўскі Аляксандр Аляксандравіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

РЭВАЛЮЦЫЙНАЯ БЕЛАРУСЬ У 1917 Г.: ДВОЕЎЛАДДЗЕ, ТРОХУЛАДДЗЕ, ШМАТУЛАДДЗЕ ЦІ БЕЗУЛАДДЗЕ?

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. у краіне склалася незвычайная канфігурацыя ўлады, сутнасць якой У. І. Ленін вызначыў як «двоеўладдзе» [19, с. 145—148]. Ленін разумеў дваеўладдзе як супрацьстаянне Часовага ўрада і Петрасавета, разглядаючы іх у якасці альтэрнатыўных і раўнапраўных цэнтраў улады, што сыходзілі з процілеглых класавых інтарэсаў: у першым выпадку — з інтарэсаў буржуазіі, у другім — з інтарэсаў працоўных. Гэта ленинскае азначэнне савецкія гісторыкі ўспрынялі ў якасці метадалагічнага пастулату і выкарыстоўвалі ва ўсіх працах, прысвечаных рэвалюцыі 1917 г. Для сённяшняй постсавецкай гістарыяграфіі рэвалюцыі характэрны актыўны перагляд традыцыйных уяўленняў і схем, пошук новых ідэй і канцэпцый. Напрыклад, беларускі гісторык І. А. Саракавіч, характарызуючы сітуацыю ў Мінскай, Віцебскай, Магілёўскай і неакупаванай часткі Віленскай губерняў, што склалася ў 1917 г. сцвярджае, што «рэальная ўлада знаходзілася ў руках вайскоўцаў». Ён нават вызначае канкрэтныя даты і падзею (стварэнне 27 кастрычніка 1917 г. франтавым камітэтам Заходняга фронту Камітэта ратавання рэвалюцыі), калі вайскоўцы сталі «арганізацыйна аформленай трэцяй уладай як палітычнай сілы» [29, с. 227]. Тым не менш, беларуская гістарычная навука яшчэ не стварыла аргументаванай мадэлі ўладных адносін у разглядаемы час, па-ранейшаму прапануючы аўдыторыі [11, с. 318], у т. л. студэнтам [18, с. 9] і школьнікам [10, с. 145] спрошчаную, састарэлую схему.

Аналіз гістарыяграфіі і першакрыніц дазваляе выказаць сумнеў у прапанаванай Леніным інструментальнай мадэлі, якая на працягу XX ст. пераўтварылася ў непарушную догму. Разуменне двоеўладдзя як суіснавання паралельных сістэм улады і кіравання ў выглядзе Часовага ўрада і Саветаў у сакавіку — ліпені 1917 г. выклікала пярэчанні ў шэрагу гісторыкаў — спачатку замежных [8, с. 85; 16, с. 34], потым — расійскіх [3, с. 66—73; 17, с. 19—23; 20, с. 166—175]. Адным з напракмаў, па якіх ленинская канцэпцыя двоеўладдзя крытыкуецца яе апанентамі з’яўляецца механічнае перанясенне уладнай мадэлі, што склалася ў Петраградзе на другія рэгіёны краіны. Гэта ў поўнай меры тычыцца шматэтнічных, шматканфесійных беларускіх губерняў, якія апынуліся ў непасрэднай блізкасці ад лініі фронту.

Адрозны ж пасля прыходу да ўлады, стваральнікі новай ліберальна-дэмакратычнай Расійскай рэспублікі дэлімітызавалі старую імперскую ўладу і яе мясцовыя структуры. У першыя дні рэвалюцыі пад кіраўніцтвам партыі кадэтаў пачалося правядзенне адміністрацыйна-упраўленчай рэформы. Напачатку сакавіка 1917 г. замест губернатараў былі ўведзены пасады губернскіх камісараў, у падпарадкаванні якіх знаходзіліся павятовыя і гарадскія камісары Часовага ўрада, змяніўшыя земскіх начальнікаў. На новыя пасады прызначаліся, як правіла, старшыні губернскіх і павятовых земскіх упраў і гарадскія галовы. Такім чынам, Часовы ўрад абраў у якасці сваёй сацыяльнай апоры на месцах вышэйшы слой земскіх працаўнікоў, пераважна дваран паводле сацыяльнага паходжання.

У Мінску напачатку сакавіка цыркулярнае распараджэнне ўрада аб наданні яму вышэйшых уладных паўнамоцтваў у губерні атрымаў старшыня губернскай земскай управы, адстаўны гвардыі ротмістр драгунскага палка, член партыі кадэтаў Б. М. Самойленка. Тады ж адбылася перадача ўлады ад віцэбскага губернатара Б. М. Хітрава старшыні губернскай земскай управы М. Л. Карташову. У Магілёўскай губерні ўлада перайшла таксама да старшыні губернскай земскай управы В. А. Судзілоўскага. У Гомелі на пасадзе гарадскога камісара быў зацверджаны былы паліцмейстэр Ф. М. Фен-Раеўскі. Мэты і задачы ўрадавых камісараў прынцыпова не адрозніваліся ад функцый былых губернатараў. Як і іх папярэднікі, камісары былі павінны назіраць за законнасцю дзейнасці мясцовых устаноў і цывільных асоб, падтрымліваць парадак на вызначанай тэрыторыі. Новым было тое, што ў сваёй дзейнасці камісары абапіраліся на грамадскія «камітэты грамадскай бяспекі», у склад якіх уваходзілі гласныя гарадскіх дум, прадстаўнікі грамадскіх арганізацый, настаўнікі, святары, але найперш — земскія працаўнікі [32, с. 28—31].

Перадача паўнамоцтваў на ніжніх паверхах дзяржаўнай улады адбывалася больш складана, супярэчліва. Напачатку мая 1917 г. памочнік мінскага губернскага камісара К. А. Петрусевіч быў вымушаны уладжваць канфлікт у Пінску, дзе служачы земскага саюза Таганаў з дапамогай салдат арыштаваў павятовага камісара Гейроха і абвясціў сябе камісарам Пінскага павета. Праз некалькі дзён К. А. Петрусевіч быў вымушаны развязаць падобную канфліктную сітуацыю ў Рэчыцкім павятовым камісарыяце [23, с. 3]. У Барысаве напачатку чэрвеня скарыстаўшы барацьбу за ўладу, якая ішла паміж павятовым камісарам Арскім і старшынёй гарадской думы доктарам Брукам, уладу захапіў нейкі прапаршчык Вульфійс [24, с. 3]. Тады ж месца вызваленага мінскага павятовага камісара Гушчынскага заняў штабс-капітан Міхельсон [5, с. 3]. У Дрысенскім павеце рэвалюцыйным зменам супрацьстаялі былыя ўраднікі, якія не збіраліся пакідаць свае паўнамоцтвы, святары, нацкоўваўшыя жанчын на эмісараў Часовага ўрада як на ерэтыкаў і гандляры, што супрацьдзейнічалі развіццю спажывецкаму кааператыву руху [31, с. 4]. У Веліжскім павеце былы земскі начальнік Кутузаў вёў «летапіс» усіх дзеянняў новай улады, тлумачучы гэта тым, што ён «хутка спатрэбіцца» [30, с. 6]. Няпэўнасць сітуацыі добра адчувалі беларускія сяляне. Невыпадкава, адна з найбольш упарта цыркуляваўшых у сялянскім асяродку чутак таго часу абяцала хуткае вяртанне Мікалая II з новым войскам і пакаранне ўсіх, хто быў «датычны да новага парадку» [25, с. 3].

Саветы салдацкіх, рабочых, сялянскіх і іншых дэпутатаў ствараліся рэвалюцыйным шляхам, па-за законамі і нормаў, як прадукт народнай творчасці, на сходах рабочых прадпрыемстваў, а таксама прадстаўнікоў левых партый і арганізацый. Выбары ў саветы салдацкіх, рабочых, сялянскіх і іншых дэпутатаў адбываліся не паводле тэрытарыяльнага прынцыпу, але паводле вытворчага. Таму прадстаўнікі так званых «непрацоўных класаў» (буржуазія, служачыя, студэнты) мелі шанец быць абраныя ў іх кіраўніцтва ў выпадку калі з'яўляліся членамі левых палітычных партый. Саветы дзейнічалі паводле прынцыпу прамой дэмакратыі, іх вытокі караніліся ў народным вечавым ладзе. Салдаты, гарадскія сацыяльныя нізы, а таксама бяднейшыя сяляне, практычна выключаныя з працэса стварэння структур Часовага ўрада на месцах, падтрымалі новую альтэрнатыўную ўладу. Усяго на працягу сакавіка ў гарадах і мястэчках

Беларусі было створана 28 саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў, буйнейшыя з якіх знаходзіліся ў Мінску і Віцебску. У ліпені іх колькасць павялічылася да 150 [1, с. 43].

На першым месцы ў дзейнасці саветаў стаяла агітацыя і прапаганда, мабілізацыя рэвалюцыйных сіл на барацьбу з класавым ворагам, накіраваная арышту Полацкім саветам былога правадыра дваранства Віцебскай губерні, аднаго з лідараў рускіх манархістаў А. А. Рымскага-Корсакава. Потым ішла барацьба за паляпшэнне ўмоў працы, арганізацыя рабочага кантролю. І толькі ў трэцюю чаргу саветы займаліся пытаннямі надзённага жыцця — барацьбой са злчыннасцю, паляпшэннем харчавання, адукацыі, медыцынскай дапамогі. Арганізацыйна саветы ўяўлялі хутка рэагуючую сілу для вырашэння надзённых задач грамадска-палітычнага характару з дапамогай мітынгаў, маніфестацый, палітызаваных святаў і інш. Руцінным, штодзённым кіраваннем «другая ўлада» ўсур’ёз не займалася, бо не мела ні механізмаў уздзеяння на ўладу, ні падрыхтаваных кадраў, ні фінансаў. Праблемы штодзённага жыцця цікавілі саветы пераважна з пункту гледжання прыцягнення працоўных на ўласны бок.

Саветы, большасць якіх у Беларусі знаходзіліся пад кантролем эсэраў і меншавікоў, заявілі пра свае амбіцыі ў якасці альтэрнатыўнага цэнтра ўлады адразу ж пасля Лютаўскай рэвалюцыі. Так, паводле патрабавання выканаўчага віцебскага савета, 19 сакавіка 1917 г. толькі прызначанага губернскага камісара «рэакцыянера Карташова» змясцілі пад хатні арышт. Наступную кандыдатуру на гэтую пасаду — былога члена Дзяржаўнай думы і віцебскага гарадскога галаву, члена партыі кадэтаў А. А. Валковіча ўрад зацвердзіў ужо пасля ўзгаднення з саветам [7, с. 126, 156]. Па выніках разгляду скаргі Рэчыцкага савета салдацкіх, рабочых і сялянскіх дэпутатаў міністру ўнутраных спраў Г. Я. Львову, пазбавіўся ўласнай пасады рэчыцкі павятовы камісар [7, с. 438, 615]. У арсенале барацьбы саветаў за ўладу былі таксама іншыя, неканфрантацыйныя шляхі. Напрыклад, у канцы чэрвеня 1917 г. старшыня віцебскага савета рабочых дэпутатаў М. С. Цэтлін стаў прадстаўніком міністэрства земляробства па Віцебскай губерні [15, с. 4]. Многія прадстаўнікі іншых саветаў з’яўляліся членамі розных камісій, што дзейнічалі пры органах мясцовай улады і гарадскога самакіравання. А старшыня бабруйскага савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў доктар В. В. Дамагараў быў абраны гарадскім галавой [2, с. 4].

Адной з важнейшых форм рэалізацыі народам атрыманай у выніку рэвалюцыі ўлады з’яўляліся органы мясцовага кіравання. Невыпадкова Часовы ўрад разумеў правядзенне рэформы гарадскога і зemsкага самакіравання ў якасці адной з найважнейшых і першачарговых задач. На ўзроўні мясцовага самакіравання прасочваўся ўвесь комплекс сацыяльных, палітычных і эканамічных праблем тагачаснага грамадства, тут сутыкаліся інтарэсы мясцовых эліт. У той жа час органы мясцовага самакіравання давалі магчымасць далучыцца да палітычнага працэсу, паўсядзённай дэмакратычнай практыцы шараговым грамадзянам у якасці актыўных яго ўдзельнікаў.

Вага гарадскіх дум як цэнтраў улады значна падвысілася пасля прыняцця закона 17 красавіка «Аб міліцыі». Ён скасоўваў паліцыю, надаваў міліцыянерам статус муніцыпальных служачых, а начальнікаў гарадской і павятовай міліцыі падпарадкаваў муніцыпалітэтам. Такім чынам, новыя органы аховы правапа-

радку, у адрозненні ад паліцыі, падпарадкаванай уладнай вертыкалі ў асобе губернатара, сталі структурнай часткай органаў мясцовага самакіравання.

9 чэрвеня 1917 г. Часовы ўрад прыняў пастанову, якая ўводзіла прыныцп самастойнасці органаў гарадскога самакіравання, пашырала правы і рэгламентавала абавязкі думскіх гласных. «Кантроль за мэтазгоднасцю» дзейнасці гарадскіх дум з боку прадстаўнікоў ураду адмяняўся. Замест «кантроля» ўводзіўся «адміністрацыйны нагляд» за законнасцю думскіх пастановаў, які ажыццяўляў губернскі камісар. Гэтая пастанова дала новы штуршок для развіцця муніцыпальных структур. Менавіта павышэннем статусу гарадскіх дум як уладных цэнтраў можна патлумачыць жорсткую барацьбу за месцы гласных, якія разгарнуліся падчас муніцыпальных выбараў летам 1917 г. У ёй, сярод іншых, удзельнічалі члены выканкамаў саветаў, напрыклад бундавец Р. Я. Арансон, якога віцебская гарадская дума зацвердзіла на пасадзе гарадскога галавы.

Адначасова з правядзеннем рэформы гарадскога самакіравання, Часовы ўрад, многія міністры якога пачыналі сваю кар’еру ў земствах, распрацаваў земскую рэформу. 21 мая 1917 г. быў прыняты закон, паводле якога завяршалася будаўніцтва сістэмы самакіравання на вёсцы. У дадатак да ўжо існаваўшых губернскіх і павятовых земстваў, ўводзіліся валасныя земствы. Акрамя гэтага, рэформа значна пашырала паўнамоцтвы і аўтаномію земстваў усіх узроўняў. Да старых, дарэвалюцыйных сфераў заняткаў органаў мясцовага кіравання, такіх як адукацыя, ахова здароўя, статыстыка, дарожнае будаўніцтва, аграномія, кааперацыя, дадаліся новыя. Да кампетэнцый земстваў аднеслі таксама аказанне юрыдычнай дапамогі насельніцтву, ахову працы, кіраўніцтва міліцыяй. Земскія служачыя больш не зацвярджаліся на сваіх пасадах адміністрацыйным апаратам і мелі права на прафсаюзную дзейнасць. Губернскі ці павятовы камісар мог апрагэставаць рашэнні земстваў толькі праз суд. Неўзабаве з мэтай паляпшэння фінансавага становішча органаў самакіравання паўстаў Дзяржаўны банк земскага і гарадскога крэдыту [12, с. 16—20].

Становішча, настроі і роля Рэвалюцыйнай арміі свабоднай Расіі ў падзеях 1917 г. дазволілі некаторым даследчыкам (А. Б. Асташоў) казаць пра «ваенную рэвалюцыю». Пасля адступлення 1915 г. чатыры беларускія губерні пераўтварыліся ў тылавую зону Заходняга фронту, штаб якога размясціўся ў Мінску. Маглёў стаў месцам дыслакацыі Стаўкі Вярхоўнага галоўнакамандуючага, у якой налічвалася больш 2 тыс. генералаў, старэйшых афіцэраў і чыноўнікаў. Гомель пераўтварыўся ў буйную ваенную базу, дзе акрамя майстэрняў, складоў і паркаў, меўся перасыльны пункт, на якім утрымлівалася 20—30 тыс. ваенаслужачых.

У адпаведнасці з Законам аб ваенным становішчы 1892 г., вярхоўная ўлада ў прыфрантавых губернях пераходзіла да ваеннага камандавання. Гэта азначала, што цывільная адміністрацыя павінна была выконваць усе патрабаванні і ўказанні ваенных уладаў. Апошнія атрымалі права зачыняць цывільныя ўстановы, органы мясцовага самакіравання, здымаць службовых асоб, забараняць выпуск друкаваных выданняў, абвешчаць каменданцкую гадзіну і г. д. Большасць прадпрыемстваў і ўстаноў тылавой зоны ў той ці іншай ступені былі звязаны з абслугоўваннем арміі. Там паўстала адпаведная інфраструктура — ваенныя склады, шпіталі, рамонтныя і будаўнічыя арганізацыі.

Узмацненню ўплыву арміі на сацыльна-палітычнае і эканамічнае жыццё Мінскай, Магілёўскай, Віцебскай і неакупаванай часткі Віленскай губерній паспрыяла не толькі іх пераўтварэнне ў тылавую зону, але таксама рэвалюцыйныя падзеі. У гэты час значна пашырыліся і паглыбіліся працэсы палітызацыі арміі, узмацнілася сацыяльная актыўнасць ваенаслужачых. Армейскія масы сталі неад'емнымі ўдзельнікамі ўсіх значных рэвалюцыйных падзей. Загад № 1 Петраградскага савета асобным пунктам уводзіў салдацкія камітэты, што азначала фактычную адмену прынцыпа адзінаасобнага камандавання ў войску. Салдацкія камітэты адразу ж увайшлі ў канфлікт з афіцэрскім корпусам. У выніку да ліпеня 1917 г. на Заходнім фронце было звольнена каля 60 палкоўнікаў і генералаў, якія выказвалі прынцыповую нязгоду з палітызацыяй арміі [13, с. 28].

Важным крокам на шляху пераўтварэння арміі ў палітычную сілу стаў 3-езд дэпутатаў армій Заходняга фронту 7—8 красавіка 1917 г. у Мінску. На з'ездзе, які праходзіў у гарадскім тэатры, прыбыло 1200 дэлегатаў і каля 100 гасцей. Сярод апошніх быў старшыня Дзяржаўнай думы М. У. Радзянка, а таксама члены думы М. І. Скобелеў, І. Г. Цэретэлі і М. С. Чхеідзе. Напрыканцы з'езда быў абраны франтавы камітэт, дзе бальшавікі склалі меншасць [22, с. 3]. Неўзабаве на Заходнім фронце з'явіліся палкавыя, дывізіённыя, карпусныя, армейскія салдацкія камітэты, агульная колькасць якіх на 1 верасня 1917 г. склала 7284 [14, с. 141]. У сваю чаргу Часовы ўрад для ўсталявання кантролю над вышэйшым армейскім камандаваннем стварыла Палітычнае ўпраўленне з штатам ваенных камісараў. 15 ліпеня пры камандуючым Заходнім фронтам — у той час генерал-лейцэнанце А. І. Дзенікіне, з'явіўся франтавы камісар, адвакат па прафесіі, сацыял-дэмакрат «з катаржным вопытам» У. А. Жданаў, які адразу ж абвясціў сябе «міністрам абароны» Заходняга фронту і тылавой зоны.

Не звяртаючы ўвагі на загады старога і новага начальства, узброеныя рэвалюцыйныя салдаты частак Заходняга фронту дэ-факта ажыццяўлялі ўладныя функцыі ў тылавой зоне. Напрыклад, яны з задавальненнем бралі на сябе абавязкі цывільных судова-следчых органаў. Так, пакліканыя ў верасні 1917 г. міліцыяй дапамагчы знайсці збеглых вязняў, салдаты Бабруйскага гарнізона па дарозе ў турму «скалолі спайманых штыкамі» [6, с. 3]. 21 кастрычніка натоўп салдат уварваўся ў камісарыят чыгначнай міліцыі Магілёва і, нягледзячы на пратэсты міліцыянераў, выцягнуў абкраўшага вайскоўца злодзея, пасля чаго зверскі яго збіў [26, с. 4]. 19 лістапада гомельская міліцыя арыштавала салдата, які спрабаваў абрабаваць банк, але неўзабаве была вымушана адпусціць пад ціскам саслужбоўцаў арыштаванага [27, с. 4].

1917 год быў надзвычай важны для развіцця беларускага грамадска-палітычнага руху, фармавання нацыянальнай самасвядомасці беларусаў, у ім быў закладзены фундамент сучаснага нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва. У той час назіралася не толькі павелічэнне колькасці беларускіх палітычных партый, але пашырэнне сацыяльнай базы беларускага палітычнага руху за кошт інтэлігенцыі, вайскоўцаў, сялян, рабочых і нават буйных землеўласнікаў. Беларускія палітычныя партыі і грамадскія арганізацыі артыкулявалі аб'ектыўныя інтарэсы большасці беларусаў, праводзілі кандыдатаў у органы ўлады і самакіравання, распачалі барацьбу за палітычную і дзяржаўную ўладу.

Важкім аргументам у гэтай барацьбе было нацыянальнае войска. Ужо на першым пасяджэнні прэзідыўма Беларускага нацыянальнага камітэта ў Мінску 27 сакавіка 1917 г. было вырашана стварыць спецыяльную камісію па выпрацоўцы праекта беларускага народнага апалчэння [21, с. 3]. 15 мая адбыўся ўстаноўчы сход «Ваеннае Беларускае Арганізацыі ў Мінску» [9, с. 3]. З лета 1917 г. пачалі фармавацца беларускія арганізацыі і гурткі ў вайсковых падраздзяленнях. Працэс стварэння беларускага нацыянальнага войска яшчэ больш паскорыўся пасля ўтварэння ў лістападзе Цэнтральнай беларускай вайсковай рады з выканаўчым камітэтам на чале з С. Рак-Міхайлоўскім [4, с. 2].

На працягу 1917 г. беларускі грамадска-палітычны рух прайшоў вялікі шлях ад Беларускага нацыянальнага камітэта да Першага ўсебеларускага з'езда, які прызнаў права беларускага народа на самавызначэнне і дэмакратычную форму праўлення. Рэалізацыі права беларусаў на ўласнае палітычнае развіццё спачатку ў рамках аўтаноміі, а з цягам часу — у межах незалежнай дзяржавы патрабавалі сябры Таварыства беларускай культуры, Таварыства дапамогі ахвярам вайны, Беларускай вайсковай арганізацыі, удзельнікі з'ездаў сялян, настаўнікаў, святароў, вайскоўцаў і іншых сацыяльна-прафесійных груп. Усё гэта дазваляе разумець беларускі грамадска-палітычны рух як цэнтр улады, які ў 1917 г. ўвесь час мацнеў і лагічна прывёў да абвешчання БНР [28].

Такім чынам, у беларускіх губернях, у адрозненні ад сталіцы, дзе выразна прасочваліся два ўладныя цэнтры ў выглядзе Часовага ўраду і Петрасавета, контуры ўлады не былі дакладныя, знаходзіліся ў рухомым стане. Правы на яе, акрамя ўрадавых структур і саветаў, прад'яўлялі гарадскія думы, земскія ўправы, ваенныя структуры, а таксама нацыянальныя арганізацыі. У выніку ў розных населеных пунктах у розныя часы ўлада дзялілася паміж двюма, трыма і болей цэнтрамі. Падобнае становішча можна ахаарактарызаваць як шматуладдзе, якое да восені 1917 г. пераўтварылася ў безуладдзе, што, у сваю чаргу, стварыла глебу для захопу ўлады большавікамі.

Бібліяграфічны спіс

1. Башко П. К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март — октябрь 1917 г.) / П. К. Башко. — Минск: Наука и техника, 1987. — 253 с.
2. Бобруйская вечерняя газета «Голос народа». — 1917. — 3 авг. — № 58.
3. Богатырева, О. Н. Феномен двоевластия в 1917 г.: к вопросу о правовых и историко-культурных истоках / О. Н. Богатырева // Февральская революция 1917 года в России: история и современность: сборник материалов регионального научного семинара. — Екатеринбург: Уральский Центр Б. Н. Ельцина, 2007. — 140 с.
4. Бюллетень Белорусской рады XII армии. — 1917. — 18 дек. — № 1.
5. Варшавское утро. — 1917. — 2 июля. — № 397.
6. Варшавское утро. — 1917. — 17 сентября. — № 456.
7. Великая Октябрьская Социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. — Т. 1. — Минск: Государственное изд-во БССР, 1957. — 1007 с.
8. Верг, Н. История советского государства (1900—1991) / Н. Верг. — М.: Прогресс Академия, 1992. — 480 с.
9. Вольная Беларусь. — 1917. — 11 июня. — № 2.

10. Гісторыя Беларусі XIX — пач. XXI ст.: эксперым. вучэб. дапам. для 12-га кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі, з бел. і рус. мовамі навучання з 12-гадовым тэрмінам навучання (павыш. узровень) / І. Л. Качалаў, Н. Я. Новік, Я. К. Новік, В. А. Цяглова; пад рэд. Я. К. Новіка. — Мінск: Выд. Цэнтр БДУ, 2005. — 352 с.

11. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя (і інш.); Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск: Беларус. навука, 2011. — 584 с.

12. Гужалоўскі, А. А. Фарміраванне структур грамадзянскай супольнасці Беларусі ў 1917 г. / А. А. Гужалоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. — 2017. — № 5. — С. 12—20.

13. Деникин, А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. — Т. 1. — Вып. 2. Париж: Изд-во Поволоцкого, 1922. — 245 с.

14. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. — Минск: Наука и техника, 1986. — 343 с.

15. Известия Витебского совета солдатских и рабочих депутатов. — 1917. — 27 июня. — № 34.

16. Ильин, В. В. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер. — М.: Изд-тво МГУ, 1997. — 384 с.

17. Коваленко, Н. А. «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды / Н. А. Коваленко. // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. Серия история, философия, социология. — 2007. — № 113.

18. Ладысеў, У. Ф. Гісторыя Беларусі. XX — пачатак XXI ст.: вучэб. — метада. дапам. / У. Ф. Ладысеў, А. Г. Кахановіч. — Мінск: БДУ, 2011. — 115 с.

19. Ленин, В. И. О двоевластии / В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — 5-е изд. — Т. 31. — М.: Издательство политической литературы, 1969. — 671 с.

20. Лукьянчикова, Л. В. Проблемы становления политической демократии в России в период двоевластия (февраль—октябрь 1917 г.) / Л. В. Лукьянчикова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. — 2010. — Вып. 6.

21. Минский голос. — 1917. — 31 марта. — № 2392.

22. Минский голос. — 1917. — 16 апреля. — № 2405.

23. Минский голос. — 1917. — 3 мая. — № 2418.

24. Минский голос. — 1917. — 3 июня. — № 2443.

25. Могилевская жизнь. — 1917. — 7 окт. — № 70.

26. Могилевская жизнь. — 1917. — 2 ноября. — № 89.

27. Рабочая мысль. — 1917. — 21 ноября. — № 127.

28. Рудовіч, С. С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. С. Рудовіч. — Мінск: НВК «Тэхналогія», 2001. — 201 с.

29. Саракавік, І. А. Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі / І. А. Саракавік. — Мінск: «Современная школа», 2006. — 456 с.

30. Священник В. Лузгин. Прислужник старой власти / В. Лузгин // Известия Витебского совета солдатских и рабочих депутатов. — 1917. — 3 июня. — № 14.

31. Солдат-учитель. Стрижинская волость Дриссенского уезда // Известия Витебского совета солдатских и рабочих депутатов. — 1917. — 6 июля. — № 41.

32. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 гг.) / М. Я. Сяменчык. — Ч. 1. — Мінск: БДПУ, 2001. — 199 с.

Данилович Вячеслав Викторович

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь)

УЧАСТИЕ МОЛОДЁЖИ В ПРОЦЕССЕ УКРЕПЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1921—1939 ГГ.).

Успешное решение вопросов государственного строительства в Советской Беларуси зависело от целого ряда условий и факторов. Одним из важнейших из них являлось обеспечение поддержки советской власти населением, особенно молодёжью.

Говоря о представительстве молодого поколения в органах власти и управления Советской Беларуси, прежде всего, необходимо обратить внимание на комсомол, который, как известно, был создан в качестве опоры и средства распространения влияния новой большевистской власти в молодёжной среде. Этой организации отводилась важная роль в политической системе страны. Именно комсомол должен был идти в авангарде представительства молодёжи в органах власти и управления. Ему оказывалась большая поддержка на государственном уровне.

Уже с мая 1921 г. КСМБ направлял в государственные учреждения ССРБ комсомольцев-практикантов [1, с. 39]. Кроме того в 1922 г. представители КСМБ были избраны в ЦИК ССРБ и на X Всероссийский съезд Советов, введены в коллегию наркомата просвещения республики с правом решающего голоса [2, л. 113]. ЦК комсомола ССРБ имел представителей в Управлении уполномоченного Реввоенсовета республики — высшего коллегиального органа управления Рабоче-крестьянской Красной Армией, а также при центральном военном комиссариате ССРБ, в Белгосиздательстве [3, л. 1; 4, л. 90, 133].

Для обеспечения необходимой обороноспособности страны требовалось надлежащая подготовка допризывников. Выполнение этой чрезвычайно важной задачи вместе с Всеобучем (система обязательной военной подготовки граждан) в значительной степени было возложено на комсомол. При комсомольских комитетах были созданы военно-спортивные отделы или комиссии, которые работали с допризывниками, руководили военно-шефской работой, хотя и наблюдались проблемы в работе шефских комиссий и со сбором шефских взносов. Члены союза направлялись политруководителями в группы Всеобуча [5, л. 4, 51; 6, с. 124; 7, л. 18]. Но в этой деятельности не хватало планоности и системности, активного участия всех комсомольских ячеек [8, л. 58; 9, л. 1; 10, л. 1; 11, л. 3].

В марте 1924 г. в ЦИК БССР комсомольцам было выделено 4 места (2 с решающим голосом и 2 кандидатских (для комсомольца-рабочего и комсомольца-крестьянина), а также 1 место в Президиуме съезда Советов БССР (туда и в ЦИК был избран первый секретарь КСМБ Н. Орехово) [3, л. 26]. С этого времени чётко прослеживается тенденция к увеличению представительства молодёжи в органах власти и управления, особенно в Советах.

Вместе с тем, в начале 1920-х гг. отсутствовала слаженная системная комсомольская работа в Советах и других органах государственного управления. Только с 1924 г. эта работа активизировалась в результате чего наблюдался

рост количества комсомольцев в Советах, исполкомах и других государственных органах [1, с. 39—42]. Однако, несмотря на увеличение общего числа комсомольцев в советах, организация их работы там оставляла желать лучшего. Вообще рост числа комсомольцев в Советах был нестабилен [12, л. 3], т. к. часто комсомольские ячейки выступали неорганизованно, сами комсомольцы не имели ещё прочного авторитета среди населения.

Одной из основных задач, поставленных перед комсомолом, была организация политического просвещения или т. н. «ликвидации политической безграмотности» юношей и девушек (в первую очередь комсомольцев). Главные политико-просветительские комитеты (Главполитпросветкомы) Советской Беларуси во всей работе по политпросвещению юношества опирались именно на комсомольские структуры, представители которых входили в их коллегии [13, с. 3; 14, с. 547].

Вообще на начальном этапе рассматриваемого периода молодёжная политпросветработа велась несистематически и выборочно, не хватало политруководителей, необходимых пособий и финансовых средств. Охват политпросвещением комсомольцев и другой молодёжи был мизерным, особенно на селе, взаимодействие с политпросветками и комитетами КП(б)Б не было должным образом организовано. Только в 1923 г. положение с молодёжным политпросвещением начало меняться. Однако уровень проводимых среди студентов и учащихся политзанятий оставался низким [15, л. 42; 16, с. 185—187]. Система молодёжного политпросвещения не была окончательно отлажена [17, л. 92; 18, л. 3—4, 19—20].

В 1924 г. комсомольцы инициировали сбор средств на оборону страны. Юношами и девушками БССР была поддержана инициатива молодёжи Минска и Борисова о ежемесячном отчислении в фонд обороны однодневного заработка. На средства, собранные комсомольцами республики были построены самолёты «Комсамольскія крылы», «Комсамол Беларусі», «Советская Беларусь», «Беларускі селянін» и др. [19, с. 72—73; 20, с. 45—46].

В начале 1925 г. значительно улучшилось работа комсомола среди дапрызывников [21, с. 11]. С 1927 г. установилась тесная связь Союза обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР (Осоавиахим) и ЛКСМБ [22, с. 37—38, 40]. Однако реализовать обязательный характер военного обучения не удалось даже внутри комсомола БССР [23, л. 95, 98—99]. Значительные проблемы имелись и в Осоавиахиме. В структурах общества отсутствовал чёткий количественный и качественный учёт членов. В некоторых округах комсомольцев просто обязывали быть членами Осоавиахима, что приводило к низкой ответственности за работу в обществе и большому недополучению членских взносов (до 25 %) [24, л. 4; 25, л. 88—89].

Комсомол БССР увеличил своё представительство в Советах республики. Вместе с тем, в Советах было представлено и значительное количество несоюзной молодёжи. Однако системная организация работы комсомольцев и молодёжи в Советах по-прежнему отсутствовала [26, л. 50].

В 1928 г. государство и компартия усилили внимание к политическому образованию юного поколения. В результате произошло определённое улучшение политпросвещения студентов и учащихся. Распространённой её формой в вузах и ссузах стало проведение политчаса. В 1929 г. студенческая моло-

дэжь почти полностью была охвачена комсомольским политпросвещением [27, л. 110; 28, л. 37—38; 29, л. 2; 16, с. 189].

Однако с 1929 г. вновь началось снижение числа комсомольцев в сельсоветах [30, с. 4] БССР, что так и не было исправлено и в начале 1930-х гг. ЛКСМБ охватывал менее половины молодёжи сельсоветов [31, л. 41—42; 32, л. 288; 33, л. 1], что очевидно связано с реализацией политики коллективизации, методами проведения которой крестьяне были недовольны.

В целом перевыборы сельсоветов в 1920-е гг. являлись ареной политической борьбы комсомола и зажиточного крестьянства за свои интересы и влияние на деревенскую молодёжь. Исходя из относительно небольшого представительства комсомольцев в сельсоветах, можно утверждать, что как минимум в первой половине 1920-х гг. это борьба была для зажиточного крестьянства довольно успешной.

Причиной этого было отсутствие у руководства ЛКСМБ хорошо проработанной стратегии участия в перевыборах Советов и организации работы комсомольцев-депутатов. Кроме того, можно уверенно утверждать, что в 1920-е — начале 1930-х гг. в белорусском комсомоле имела определённая оппозиция политике компартии в Советах. Активные проявления этой оппозиции особенно увеличились с началом проведения массовой коллективизации [15, л. 11; 34, л. 57; 26, л. 5].

В середине 1920-х гг. ЛКСМБ много внимания уделял работе в органах Народного комиссариата труда БССР, особенно в его инспекции. В органах наркомата работали более 100 комсомольцев, а внештатный актив насчитывал свыше 1 тыс. членов союза. Каждый инспектор труда имел ассистента из числа комсомольцев, который занимался в основном проверкой положения молодых рабочих на производстве [6, с. 137].

Во второй половине 1920-х гг. в БССР расширилось взаимодействие рабочей и крестьянской молодёжи с органами Рабоче-крестьянской инспекции [35, л. 61].

В целом на начало 1930 г. в государственном аппарате БССР насчитывалось 2550 молодых людей, из которых только 32,4% являлись комсомольцами. На 83% это была молодёжь в возрасте от 20 до 24 лет [32, л. 297]. Молодые люди в государственном аппарате Советской Беларуси занимали преимущественно должности низшего и среднего звена. Лишь 4% от общего числа комсомольцев в государственном аппарате занимали руководящие должности [32, л. 285]. Как видим, комсомол охватывал молодёжь в государственном аппарате республики лишь немногим более чем на треть, и это, несмотря на декларируемую государством и компартией поддержку его деятельности. Такое положение можно объяснить значительными недоработками комсомольского руководства в этом направлении.

К тому же на протяжении 1920-х гг. отсутствовала и отлаженная система взаимодействия государственных органов не только с молодёжью, но и с ЛКСМБ [24, л. 2].

Однако политика выдвижения комсомольцев и молодёжи на государственные должности не прекращалась на протяжении всего рассматриваемого периода.

С введением 11 марта 1931 г. по инициативе ВЛКСМ всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) ЛКСМБ, Осо-

авиахим и предприятия БССР активно включились в соревнование по подготовке значкистов военно-технических специальностей, в первую очередь из числа молодёжи. Оборонно-массовая работа при активном участии демобилизованных красноармейцев и краснофлотцев охватила около 40 тыс. юношей и девушек БССР [21, с. 146; 36, с. 32—33].

В целом, несмотря на недостатки, ЛКСМБ вёл активную работу по патристическому воспитанию подрастающего поколения [38, с. 16—17].

Осенью 1933 ЦК ЛКСМБ провёл I-й Всебелорусский слёт комсомольцев-ударников оборонной работы, в котором приняли участие свыше 400 членов союза. На нём была принята широкая программа дальнейшего улучшения военно-патристического воспитания юного поколения, инициировано создание значка «Готов к санитарной обороне» (ГСО) [39, с. 5; 40, л. 102; 41, л. 180; 6, с. 213]. Однако решения слёта выполнялись плохо. Было мало конкретных дел [42, л. 4, 294, 298; 43, л. 84].

В 1934 г. была введена юношеская степень ГТО — «Будь готов к труду и обороне» для подростков в возрасте 14—15 лет (в 1935 г. в БССР её сдали около 14 тыс. человек) [44, л. 53], специально для юношей и девушек также был учреждён нагрудный знак «Юный ворошиловский стрелок» [36, с. 77]. Однако Советы Осоавиахима БССР часто поверхностно выполняли свои задания и больше внимания уделяли подсчёту количества человек, которые сдали нормы, чем обучению юного поколения непосредственно военному делу [40, л. 169; 45, л. 51; 41, л. 181, 184].

Тем не менее, с каждым годом подготовка допризывной молодёжи к службе в армии проходила в республике более организованно и качественно.

В 1932—1935 гг. союз развернул широкую борьбу со всякими уклонами от линии компартии и в первую очередь с троцкистами [46, л. 73]. Однако такая работа не была системной, а отдельные комсомольские структуры вообще ничего не делали в этом направлении. В результате оппозиционные настроения в комсомольской среде даже возросли [47, л. 77; 48, л. 16, 20—23].

Во второй половине 1930-х гг. расширялось участие молодёжи в работе Советов и государственного аппарата [49, с. 213]. Вместе с тем процент охвата комсомолом молодых депутатов Советов продолжал сокращаться, хотя комсомольские организации Советской Беларуси демонстрировали высокую активность во время выборов Советов.

В 1936 г. в составе аппарата правительства БССР имелось 4 комсомольца и 5 человек молодёжи в возрасте до 23 лет [50, с. 1]. В составе сельсоветов насчитывалось 3666 комсомольцев и 13168 человек молодёжи в возрасте до 25 лет [46, л. 69].

Тысячи комсомольцев и беспартийной молодёжи БССР активно участвовали в подготовке и проведении выборов в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. Около 10 тыс. комсомольцев входили в состав избирательных комиссий, столько же вели агитационно-пропагандистскую работу. В результате среди 44 избранных в БССР депутатов было и 7 комсомольцев-передовиков производства [1, с. 12; 51, л. 122; 52, л. 127; 6, с. 220, 225].

Высокую активность продемонстрировали комсомольские организации Советской Беларуси во время выборов в Верховный Совет БССР в 1938 г. Агитаторами, председателями и членами окружных и участковых комиссий, доверенными лицами работали 32319 комсомольцев. В итоге в Верховный Совет

БССР было выбрано 17 комсомольцев, а всего из 273 его депутатов 68 (24,9%) были в возрасте до 30 лет [53, л. 127; 6, с. 224—225].

С 1936 г. значительно возросло качество политпросвещения юного поколения [49, с. 209; 20, с. 58; 54, с. 429; 46, л. 52; 45, л. 37]. В 1937 г. в республике почти при каждой комсомольской организации работал кружок по изучению Конституции СССР. Более 10 тыс. комсомольцев пропагандировали её среди населения БССР. Свыше 90 % членов комсомола были охвачены различными формами политучёбы [55, с. 18; 56, с. 221; 6, с. 212]. С 1938 г. политучёба для комсомольцев стала обязательной. При этом особое внимание уделялось изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» [57, с. 128]. В 1938/39 уч. г. студенты и учащиеся республики фактически полностью были охвачены политучёбой [58, л. 117; 16, с. 195—196].

Значительно возросла не только роль ЛКСМБ в организации военно-патриотического воспитания юношества, но и его помощь оборонно-спортивным обществам, в ряды которых активно вступали юноши и девушки [59 с. 298].

Таким образом, с середины 1924 г. отмечался рост политической активности всех социальных групп молодёжи. Одновременно росло влияние на молодое поколение различных политических течений. Явные элементы этого влияния прослеживались фактически до 1930-х гг., когда коммунистическая идеология окончательно закрепила свои доминирующие позиции в обществе.

В целом рост общественно-политической активности юношей и девушек Советской Беларуси в течение 1920-х гг. был нестабилен. Он стабилизировался только в 1930-е гг., когда, благодаря государственной поддержке, главную роль в организации общественно-политической жизни молодого поколения окончательно закрепил за собой комсомол.

Руководство БССР отводило комсомолу важную роль в системе управления. Молодёжному коммунистическому союзу оказывалась большая поддержка на государственном уровне. Молодёжь активно вовлекалась в органы власти и управления, особенно в советы. Постепенно происходил рост роли и влияния ЛКСМБ. Однако этот процесс шёл относительно медленно и явно не успевал за темпами привлечения молодёжи к работе в советах, что свидетельствовало как о значительной общественной активности молодого поколения Беларуси, так и о наличии соответствующей государственной политики по активному привлечению способной молодёжи к работе в органах власти и управления независимо от её принадлежности к комсомолу.

Фактически весь рассматриваемый период система политпросвещения юного поколения испытывала недостаток пособий и литературы, а структуры комсомола Советской Беларуси в целом недостаточно контролировали политпросветработу. Тем не менее, положительные результаты в деле организации и расширения политпросвещения среди юношей и девушек, безусловно, имелись.

Несмотря на различные недостатки и сложности, военно-патриотическое воспитание юношей и девушек стало одним из важнейших направлений работы комсомола и оборонных обществ. Значительное внимание в деятельности комсомола отводилось военно-патриотической шефской работе по различным направлениям. Окончательный положительный перелом в орга-

низации военно-патриотической работы с молодёжью произошёл в 1930-е гг. В результате в республике значительно выросло, хотя и не сразу стало стабильно большим, количество молодых людей, которые сдали нормы оборонных комплексов.

Библиографический список

1. Жукович, Г. С. Участие комсомола в государственном управлении. — Минск: Наука и техника, 1969. — 116 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 63п. Оп. 1. Д. 19.
3. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 27.
4. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 33.
5. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 22.
6. Очерки истории Ленинского комсомола Белорусии. — Минск: Беларусь, 1975. — 534 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 115.
8. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 7.
9. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 10.
10. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 6.
11. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 7.
12. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 42.
13. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Витебского губернского политико-просветительного комитета. — 1921. — № 5.
14. Восстановление народного хозяйства Гомельской губернии (1921—1925 гг.). Сборник документов и материалов. — Гомель, 1960. — 682 с.
15. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 37.
16. Новицкий В.И., Новик Е. К. Участие Ленинского комсомола Белоруссии в борьбе за подъем народного образования (1920 — июнь 1941 гг.). — Минск: Наука и техника, 1979. — 269 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2313. Оп. 1. Д. 86.
18. ГАРФ. Ф. А-2313. Оп. 4. Д. 156.
19. Дваццаць год Ленінскага камуністычнага саюза моладзі Беларусі (гістарычная даведка). — Мінск, 1940.
20. Жураў А. Е. Комсамол Беларусі ў барацьбе за сацыялізм. — Мінск, 1957.
21. ДОСААФ Республики Беларусь: люди, события, факты. — Минск, 2007.
22. Школа мужества и патриотизма. Краткий очерк истории ДОСААФ Белорусской ССР. — Минск, 1988.
23. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 369.
24. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 78.
25. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 373.
26. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 73.
27. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 110.
28. НАРБ. Ф. 2884. Оп. 1. Д. 313.
29. НАРБ. Ф. 2884. Оп. 1. Д. 343.
30. Чарвякоў А. Чарговая справядзачна-выбарчая кампанія саветаў. Доклад т. Чарвякова на III сесіі ЦВК БССР IX склікання // Савецкая Беларусь. — 1930. — 26 сьнежня.
31. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 128.
32. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 424.
33. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 537.
34. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 39.

35. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 81.
36. Кулинкович, К. А. Развитие физической культуры и спорта в БССР. — Минск, 1969.
37. Петрашкевич А., Елисов С. Шеф краснознаменной Балтики. — Минск, 1963.
38. Пиульский, Е. В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Е. В. Пиульский; Белорусский государственный ун-т им. В. И. Ленина. — Минск, 1975.
39. Ад IX да X з'езда ВЛКСМ. Доклад члена бюро ЦК ВЛКСМ тав. Лешчынера на XI з'ездзе ЛКСМБ аб рабоце ЦК ВЛКСМ // Чырвоная змена. — 1936. — 14 сакавіка.
40. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 140.
41. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 609.
42. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 136.
43. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 608.
44. ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 6. Д. 1.
45. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 145.
46. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 139.
47. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 135.
48. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 591.
49. Герасименко Г. Г. Деятельность компартии Белоруссии по вовлечению трудящихся масс в управление государством (1925—1937 гг.). — Минск, 1973.
50. Учора на з'ездзе. Ранішняя пасяджэнне 14 сакавіка // Чырвоная змена. — 1936. — 15 сакавіка.
51. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 634.
52. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 635.
53. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 5. Д. 2106.
54. Индустриализация Белорусской ССР (1926—1941 гг.). Сборник документов и материалов. — Минск, 1975.
55. Альшевская, С. И. Комсомол Белоруссии — активный помощник партии в культурном строительстве республики в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / С. И. Альшевская; Минский государственный педагогический ин-т им. А. М. Горького. — Минск, 1978.
56. Журов А. Е. На новом этапе развития советского общества (1937 год — июнь 1941 года) // Комсомол — нашей доблестной партии сын. Сборник очерков. — Минск, 1960.
57. Касцюк М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. — Мінск, 2000.
58. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 2. Д. 642.
59. Росман И. С. Компартия Белоруссии в борьбе за упрочение социалистического общества в предвоенные годы (1938 — июнь 1941 гг.). — Минск, 1975.

Елисеев Алексей Борисович

Минский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (Минск, Беларусь)

«БЕЛОРУССКИЕ КОММУНИСТЫ» В 1917—1918 ГГ. И ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

Октябрьская революция 1917 г. способствовала формированию в белорусском национальном движении левого пробольшевистского крыла. Сами себя представители этого крыла называли «белорусскими коммунистами». Это крыло сформировалось на основе ряда организаций Белорусской социалисти-

ческой громады (БСГ). Первой, в конце сентября 1917 г., т. е. ещё до взятия большевиками власти, путём переименования Нарвенской организации БСГ возникла Белорусская социал-демократическая рабочая партия большевиков — БСДРП(б). На близких БСДРП(б) позициях находилась Петроградская организация БСГ. В дальнейшем они слились воедино и осенью 1918 г. составили основу Белорусских секций РКП(б), конференция которых в декабре 1918 г. высказалась за создание Белорусской советской республики и образование рабоче-крестьянского правительства Беларуси. В обращении конференции «К белорусскому трудовому народу» говорилось: «Одна рабоче-крестьянская Советская Россия протягивает нам руку для совместной братской жизни, признает наше право быть свободным народом и как равному с равным идти по великому пути социализма. Скорей же в путь, братья-белорусы!» [10, с. 128]. Обращение заканчивалось призывом: «Да здравствует свободная рабоче-крестьянская Советская Белоруссия в тесной связи с Советской Россией!». Конференция избрала Центральное бюро секций (Д. Жилунович, А. Червяков, О. Дыло, Ф. Балбеко, М. Драко-Дракон, И. Нецецкий), которому было поручено созвать Всебелорусский съезд коммунистических секций после того, как завершится конференция Северо-Западного областного комитета РКП(б). Как известно VI Северо-Западная областная конференция РКП(б), проходившая в Смоленске 30—31 декабря 1918 г., приняла решение о провозглашении самостоятельной Социалистической Республики Беларусь и переименовала Северо-Западную организацию РКП(б) в Коммунистическую партию (большевиков) Беларуси, а 1 января 1919 г. был обнародован Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Беларуси, в котором Беларусь провозглашалась независимой советской республикой с передачей всей власти Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов [1, с. 13—16].

Большая работа, предшествовавшая этим событиям, была проделана на протяжении 1918 г. Белорусским национальным комиссариатом. Комиссариат по делам белорусов (Белнацком) был создан при Народном комиссариате по делам национальностей 13 февраля 1918 г. в составе председателя А. Червякова, его заместителя В. Скорыно и секретаря Д. Жилуновича. Печатным органом Белнацкома стала газета «Дзянніца». Территорию своей деятельности Белнацком определял этнографическими границами белорусов согласно карты академика Е. Карского [2].

Неразрывно связывая классовый и национальный вопросы, работники Белнацкома отстаивали концепцию белорусского национального государства на советской основе. «Нацыянальная самаапрадзяленьня народу муся ісці праз рукі работнікаў і сялян — тады яно дасцігня мэты, а не стане самаапрадзяленьням буржуазеі, — писала 19 марта 1918 г. «Дзянніца». — З гэстаго боку перад намі стаіць вялікая мэта — асьвяціць перад усім працоўным народам справу нацыянальнага самаапрадзяленьня с боку яго інтарэсаў к ёй і ясна выявіць яе патрэбнасьць у наш час» [3].

На протяжении длительного времени непреодолимым препятствием в решении этой задачи являлась позиция Облискомзапа, руководители которого (А. Мясников, В. Кнорин, К. Ландер) отрицали самостоятельность белорусской нации и стояли на позициях т. н. областничества, считая, что «белорусам» достаточно того, что у них уже есть — отдельной Западной области

в составе России. 12 сентября 1918 г. в газете «Звезда» В. Кнорин писал: «Если мы подметим те области, которые намечены белорусами как их национальная вотчина, и те, которые ныне входят в состав Западной области, то заметим, что государственные единицы этих двух областей почти сходятся. Спрашивается, почему бы белорусам не довольствоваться западнообластным объединением? Ответ здесь ясен: западнообластное объединение есть объединение классовое, а им нужно национальное... В Советской России возможна только власть классовая, а не власть национальная. Национальные интересы должны являться подчиненными интересам классовым» [9, с. 30]. Кнорин охарактеризовал белорусское движение как «воскресающий в уродливой форме социал-шовинизм» и призывал бросить все силы на борьбу с ним.

6 октября в статье «Еще раз о «советских» социал-шовинистах (Ответ управляющему делами Белорусского комиссариата)», Кнорин ещё более конкретно определил позицию Облискомзапа: «Я спрашиваю, что такое белорус-коммунист? До последнего времени мы особых «белорусских коммунистов» не знали. Мы считали, что белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты. Нашей задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых националистических рогаток. Белорусское же движение является таким воздвижением новых националистических рогаток, не существовавших до сих пор, а потому коммунисты не могут в каком бы то ни было виде принимать участие в этом движении» [9, с. 32—33].

Агрессивная кампания против Белнацкома, развернувшаяся на страницах газет, которые издавал Облискомзап, в результате натолкнулась на решительный ответ. 25 октября 1918 г. «Дзянніца» поместила материал Д. Жилуновича под заглавием «Ня прыстойна камуністам!», подписанный псевдонимом «Камуніст Беларуса». Напечатанный шрифтом больше обычного, он сразу бросался в глаза и размещался рядом с перепечатанной выпиской из протокола заседания пленума Облискомзапа от 13 сентября, на котором тот отклонил предложение Белнацкома о переименовании Западной области в Белорусско-Литовскую и переименовал её в Западную коммуны.

«Вось ужо на працягу доўгага часу «Известия И. К.С. Западной Коммуны» і «Звезда» нясціхання вядуць вайну сплетную інтрыжную вайну супраць Беларускага Нацыянальнага Камісарыяту, і яго атдзяленьняў, нападаючы к яму без усякіх прычын, за німа нішто», — гремел голос Камуніста Беларуса — Дмитрия Жилуновича. Стыдно, говорилось в публикации, что революционная действительность имеет «перад сабой гэткія здрадныя рэчы, як напад аднае рэвалюцыйнае ўстановы, на другую». За что же Белнацком подвергается нападкам? «Толькі тут і стаіць гэта адно — карысныя пазывы! Ну, а калі ў камуністаў на першуй пляня гізуя карысць — та ўбачайця, таварышы, то няпрыстойна для камуністаў!» [4].

19 ноября Жилунович продолжил наступление. «Весь час, са дня расейскай рэвалюцыі, беларуская пытаньня наядбайна прапушчаецца між пальцаў: яму ня было ўдзеляна ні годным складам правіцельства жаднае увагі... — писал он в статье «Як жа з Беларуссую?». — Усе, хто б мог гэта і меў сілу, баяцца дакрануцца да яго і знарочыста, ці забыўна адварочваюцца і ад думкі той, што есцяка Беларусь, а знача, есцяка і беларуская пытаньня. Усе патугі звярнуць на гэта увагу каго належыць, разбіваюцца ў дробкі, бы шкелка аб камень. Нашы тава-

рышы, трымаючыя ўладу, павінны кінуць сваю нядбаласць да цэлага народу і ясна паставіць пытаньня аб долі Беларусі» [5].

21—23 декабря 1918 г. в Москве, как уже упоминалось, состоялась конференция Белорусских секций РКП(б), высказавшаяся за создание Белорусской советской республики и избравшая Центральное бюро секций во главе с Д. Жилуновичем. Одновременно Жилунович предпринял ещё одну атаку на Облкомзап на страницах «Дзянніцы». 24 декабря в статье «Беларуская Камуна!» он заявил, что действия Облкомзапа по игнорированию белорусского вопроса на руку врагам революции и Советской России, в том числе на руку деятелям БНР, которые говорят: «Паглядзеца, людзі добрыя, браты беларусы, нават вашаго краю бальшавікі баяцца назваць яго сапраўдным імем — Беларусь! — а завуць па царскі — Заходні край. Дзе ж іх самаапрадзяленьня, дзе ж іх фэдэрацыя?» [6]. В 1924 г. Дмитрий Жилунович так писал об этом же: ««Заходняя вобласць, — казалі яны: «ці-ж ня тое самае, што «Паўночна-Заходні Край» — назва, дадзеная Беларусі царскім русыфікатарскім урадам з адпаведнаю мэтай? Чаму-ж бальшавікі, прызнаючы самавызначэньне народаў, баяцца Беларусь назваць яе сапраўдным імем? Дзе-ж іх шчырасць?» [7, с. 174—175].

Однако в это время окончательное решение о создании независимой белорусской советской республики было принято и в ЦК РКП(б) и Наркомнаце. 25 декабря Д. Жилунович и другие сотрудники Белнацкома встретились с И. Сталиным и обсудили этот вопрос в практической плоскости. Сталин предложил представителям Белнацкома составить список членов будущего правительства Беларуси. В этот же день он сообщил по телефону о принятом решении А. Мясникову.

Оценивая историческое значение провозглашения 1 января 1919 г. Советской Беларуси Д. Жилунович писал: «...Беларусь на працягу многіх вякоў свайго быцця зьдзялялася месцам змаганьня між яе суседзьмі за розныя сваркі й больш за сваркі аб ёй самой. ...У Беларусі з пачатку сярэдніх сьгодыдзяў да апошняга часу наскамаі заводзілася драпежная ўлада няўпэўненых у сабе і ў сваю сілу захопнікаў. ...Акупаемая краіна аброчана на поўнае зьнішчэньне. Беларусь мела долю вечна акупаванай краіны — чаму беларускім працоўным грамадам жылося неўмагату цяжка й трудна. Тут ужо нельга было й думаць аб тым ці іншым удзеле іх у палітычным жыцьці свайго краю. Бо з-за гэтых прычын свайго краю ў беларускіх працоўнікаў ня было... ...Акцябрская рэвалюцыя для беларускіх працоўных гушчаў падаравала ...дзяржаўнае жыцьцё.

І Беларусь уярышыню на працягу доўгавяковае гісторыі стала дзяржаўнаю адзінкаю, роўнай з усімі сацыялістычнымі краінамі дзяржаваю. Беларускія-ж рабочыя й селянін з неаформленага, з нявыясненага блудзячага парабка стаў гаспадаром свае краіны... Тым жа, хто бачыў у беларускіх працоўных грамадах сродак для нажывы, сілу для эксплёатацыі, было дадзена знаць, *што гэтым ён быў да 1 студзеня 1919 году, а з першага — ўжо стаў поўнапраўным вольным гаспадаром у адваёванай у ворагу сваёй краіне*» [8, с. 42—43].

Таким образом, Белнацком достиг своей цели, хотя провозглашение СССР и стало только первым шагом на пути сложного процесса создания советской белорусской государственности. Роль «белорусских коммунистов» в белорусском национальном движении всё ещё остаётся недооценённой в историографии, в то время как их заслуга очевидна: именно они своей кон-

кретной работой, в том числе в структурах правительства (наркомнаце), способствовали слому сопротивления противников белорусской государственности и сумели добиться реализации этой идеи на практике.

Библиографический список

1. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: Документы и материалы / Науч. ред. М. Ф. Шумейко. — Минск: Лимариус, 2005. — 304 с.
2. Дзянніца. № 9, 12.04.1918; № 13, 21.05.1918.
3. Дзянніца. № 4, 19.03.1918.
4. Дзянніца. № 35, 25.10.1918.
5. Дзянніца. № 38, 19.11.1918.
6. Дзянніца. № 43, 24.12.1918.
7. Ж.З.Х. Організацыя сіл. (Да гісторыі Савецкае Беларусі) // Полымя. — 1924. — № 2. — С. 163—179.
8. З.Ж. 1 студзеня — рэвалюцыйна-гістарычнае свята Савецкай Беларусі // Полымя. — 1922. — № 1. — С. 41—44.
9. Кнорин, В. Г. Избранные статьи и речи / В. Г. Кнорин. — Минск: Беларусь, 1990. — 301 с.
10. Турук, Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. — М.: Государственное издательство, 1921. — 144 с.

Ершова Ольга Игоревна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1918—1926 ГГ.

На рубеже XIX—XX вв. в Виленском учебном округе Российской империи работала широкая сеть начальных учебных заведений, а охват школьным обучением детей в возрасте от 8 до 12 лет в 1914 г. составил 43,9% [2, с. 5]. Вопрос о введении всеобщего начального обучения в Российской империи так и не был решен.

Политика пришедших к власти в России в октябре 1917 г. большевиков была направлена на проведение радикальной реформы школы в целях ее демократизации и превращения в инструмент коренной перестройки общества на социалистических началах [3, с. 3]. В школьной политике Советской власти на Беларуси в первое послереволюционное десятилетие можно выделить три этапа: 1918—1920 гг. — ликвидация дореволюционной и создание новой системы образования на основе нормативных документов, разработанных Народным комиссариатом просвещения (далее — Наркомпрос) РСФСР; 1921—1923 гг. — реформирование системы образования в период новой экономической политики и преодоление кризиса школьной системы; 1924—1926 гг. — дальнейшее развитие школьной системы и подготовка перехода к всеобщему обязательному начальному образованию.

Виленский учебный округ был упразднен в январе 1918 г., а его делопроизводство передано в ведение Исполнительного комитета Советов рабочих,

солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта [12, с. 247]. На основе принятых в 1918 г. «Положения о единой трудовой школе РСФСР» и «Основных принципах единой трудовой школы» (Декларация) советская школа создавалась как единая система совместного и бесплатного общего образования с двумя ступенями: первая предназначалась для детей 8—13 лет (5-летний курс), а вторая — для детей 13—17 лет (4-летний курс). Провозглашалось право всех граждан на образование независимо от национальной принадлежности, равенство в образовании мужчины и женщины, светское обучение [6, с. 133—134].

На Беларуси к практической реализации декретов в области образования приступили в 1919 г. после освобождения от немецкой оккупации и провозглашения Советской Социалистической Республики Белоруссии. 3 января 1919 г. был создан Наркомпрос ССРБ, которому подчинялись все культурно-просветительные учреждения. В январе-феврале 1919 г. при местных органах власти стали формироваться отделы народного образования. В Конституции ССРБ, принятой I Всебелорусским съездом Советов в феврале 1919 г., было записано: «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию ССРБ ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное и всестороннее бесплатное образование» [13, с. 236]. После создания в феврале 1919 г. Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики вышел Декрет СНК ЛитБела от 24 марта 1919 г. «О реорганизации школьного дела», согласно которому в республике вводилась советская школьная система. Однако оккупация территории Беларуси польскими войсками в 1919—1920 гг. помешала его осуществлению [5, с. 226—227].

Реформа школьной системы, начатая после Октябрьской революции, имела прогрессивный характер, но для ее реализации не хватало соответствующих материальных и кадровых условий. В связи с военными действиями на территории Беларуси в 1918—1920 гг. и хозяйственной разрухой школа испытывала огромные материальные трудности: наблюдался дефицит учебников, письменных принадлежностей; учителя, не получавшие зарплату, уходили из школ; школьные здания не ремонтировались и пр. В наиболее тяжелом материальном положении оказались сельские начальные школы, составлявшие 90,3 % от всех школ в ССРБ. Так, в 1922 г. на содержание сельских школ выделялось только 55,5 % средств от уровня 1914 г. [4, с. 3—4]. Сложившаяся в дореволюционный период сеть начальных учебных заведений начала разрушаться.

После освобождения Беларуси от польской оккупации в 1921 г. и провозглашения НЭПа перед правительством встала такая насущная задача, как подготовка специалистов для возрождавшегося народного хозяйства. На основе решений партийных и советских органов власти в ССРБ была установлена многоступенчатая система образования: 4-летняя, 7-летняя школа, техникум, высшее учебное заведение. Основным типом школы стала 7-летняя трудовая школа, которую посещали дети от 8 до 15 лет [7, с. 13—14]. Функции центрального отраслевого органа управления образованием выполнял Наркомпрос ССРБ. Вопросами школьного дела в наркомате занималось Управление социального воспитания и политехнического образования детей до 15 лет [11, с. 47—48]. В уездных исполкомах откры-

лись отделы народного образования, которые одновременно были местными органами Наркомпроса и руководили соответствующими отделами в волостных исполкомах. На местные отделы образования возлагалась практическая реализация школьной политики.

В первое десятилетие после революции по причине массовой неграмотности и малограмотности населения приоритетным в школьной политике стала ступень начального образования. В 1922 г. школы 1 ступени составляли 94 % всех общеобразовательных школ в ССРБ, в них обучалось 68 % от общего контингента учащихся. Вопрос о введении обязательного всеобщего начального обучения в условиях хозяйственной разрухи не ставился. Резко сократились государственные ассигнования на нужды образования. Численность учащихся начальных школ уменьшилась и составила в 1923 г. 59,8 % к уровню 1921 г. [7, с. 48]. Первоочередной задачей стало сохранение школьной сети и изыскание средств на содержание школ.

В 1921 г. были приняты меры по привлечению населения к поддержке школы при сохранении государственной монополизации всех культурно-просветительских учреждений. В городах и местечках создавались сроком на 1 год участковые школьно-хозяйственные Советы для обслуживания хозяйственных нужд школ и других просветительских учреждений. В участок входило от 2 до 5 школ. В октябре 1921 г. СНК ССРБ принял постановления «Об удовлетворении строительно-ремонтных нужд школ и других просветительских учреждений в сельских местностях» и «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительских учреждений». Первым было определено, что волостные исполкомы должны выделять средства на эти цели за счет налогов и добровольных сборов с населения [10, с. 43—44]. Согласно второму, на основании решений волостных съездов Советов об установлении натурального самообложения сельского населения и о топливной повинности местного населения, волостные исполкомы должны были обеспечивать школы помещениями и содержать их в исправном состоянии, прибегая к помощи граждан. Вводилось волостное натуральное самообложение в пользу школьных работников, а также для оборудования и ремонта школ [9, с. 45—47]. Принятые правительством меры и постепенное восстановление экономики позволили сохранить большую часть школ и обеспечили выход из кризиса школьной системы. В 1924 г. количество учащихся в начальной школе достигло 86213 чел., в 1925—245473 чел. (с учетом расширения территории БССР за счет Витебской и Гомельской губерний РСФСР), что составило соответственно 92,2 % и 262,6 % к уровню 1921 г. [7, с. 48].

Преследуя цель быстрого промышленного подъема страны, власть стала уделять значительное внимание начальной школе, которая являлась первой ступенью системы массового образования и на протяжении рассматриваемого периода развивалась наиболее динамично. Если в 1917 г. охват детей школой в возрасте от 8 до 12 лет составлял на территории Беларуси 43 %, то в 1924/25 гг. — 63,2 %, в 1925/26 гг. — 71,6 % [2, с. 5]. В 1923—1925 гг. Наркомпрос и местные органы власти изучали вопрос о переходе к всеобщему начальному образованию и на основе полученных данных представили в СНК БССР и Госплан соответствующие расчеты по финансовым ресурсам всеобща.

7 апреля 1926 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление «О введении всеобщего обязательного обучения», согласно которому к 1934/35 учебному году предполагалось охватить обязательным начальным обучением всех детей в возрасте от 8 до 11 лет. Основным видом трудовой школы была объявлена 4-летняя двухкомплектная школа. Нормальным комплектом считалось 40 человек на одного учителя. Сроки введения всеобща определялись необходимостью решения главных проблем в развитии начального образования на тот период, таких как недостаток финансовых средств, нехватка школьных зданий, учебного оборудования, учебных пособий, учителей [1, с. 14—15].

Таким образом, основными задачами советской школьной политики, решавшимися в 1918—1926 гг. на Беларуси в области народного образования, были: создание единой государственной системы управления школой, реформирование школы на демократических принципах, создание массовой и общедоступной сети начальных школ, обеспечение их систематического финансирования и соответствующей материально-технической базы, подготовка перехода к всеобщему начальному образованию.

Библіографічны спісак

1. Аб увядзенні агульнага абавязковага навучання: Пастанова Цэнтральнага Выканаўчага камітэту і Савету Народных Камісараў БССР // Бюлетень Савета Народных Комиссаров БССР. — 1926. — № 5 (14). — С. 14—15.
2. Баліцкі, А. В. Культурнае будаўніцтва да дзесятай гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі // Асвета. — 1927. — № 7. — С. 3—16.
3. Баліцкі, А. В. Сістэма народнай асветы Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі // Асвета. — 1927. — № 3. — С. 3—18.
4. Балицкий, А. Сельская школа Белоруссии и ее перспективы на 1922/23 уч. г. // Вестник Народного Комиссариата просвещения С.С.Р.Б. — 1922. — № 5—6. — С. 3—6.
5. Борьба за Советскую власть в Литве в 1918—1920 гг. Сб. документов. — Вильнюс: Минтис, 1967. — 474 с.
6. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917—1973. — М.: Педагогика, 1974. — 560 с.
7. Народное образование в СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг. и краткий свод статистических данных за пятилетие 1921—1925 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/22102/obrazovanie_1921—25_vyp.1_obzor_21—5.pdf. — Дата доступа: 13.06.2017.
8. Никитский, С. Реформа школы // Вестник Народного Комиссариата Просвещения. — 1921. — № 1. — С. 12—14.
9. О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительских учреждений: Постановление Совета Народных Комиссаров С. С.Р.Б. // Вестник Народного Комиссариата Просвещения. — 1921. — № 2. — С. 45—47.
10. Об удовлетворении строительно-ремонтных нужд школ и других просветительных учреждений в сельских местностях: Постановление Совета Народных Комиссаров С. С.Р.Б. // Вестник Народного Комиссариата Просвещения. — 1921. — № 2. — С. 44—45.
11. Положение о Народном Комиссариате Просвещения С. С.Р.Б. // Вестник Народного Комиссариата Просвещения. — 1921. — № 1. — С. 47—48.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. — С. 247. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://istmat.info/node/27646>. — Дата доступа: 13.06.2017.
13. Съезды Советов Советских Социалистических республик: Сб. документов. 1917—1922 гг. — Т. 2. — М.: Гос. изд-во юрид. лит.-ры, 1960. — 615 с.

Каханоўскі Аляксандр Генадзьевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

САЦЫЯЛЬНАЯ ДЫНАМІКА БЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА НАПЯРЭДАДНІ РЭВАЛЮЦЫЙНЫХ ПАДЗЕЙ 1917 Г.

Бурны час пачатку XX ст. у Беларусі вызначаўся ўздымам нацыянальна-культурнага руху, пашырэннем нацыянальнай свядомасці беларускага народа, актывізацыяй грамадскага жыцця, нарастаннем пратэсных настрояў, рэвалюцыйнымі падзеямі 1905—1907 гг. Апошнія пакінулі свой заўважны уплыў нават, калі адбылася стабілізацыя палітычнага рэжыму ў Расійскай імперыі ў 1907—1914 гг., непараўнальна ўзмацніўся ўрадавы ціск на грамадскія настроі, на дзейнасць палітычных партый і грамадскіх арганізацый, пашырыліся апатычныя настроі сярод многіх з іх у бачанні перспектывы сацыяльных пераўтварэнняў, здзяйснення рэвалюцыйных планаў. Палітычны ціск на грамадства і рэпрэсіі ў дачыненні да рэвалюцыйных партый супалі з імклівым эканамічным уздымам, пэўным ростам матэрыяльнага дабрабыту насельніцтва. Апошняе стала адным з фактараў, што нават сярод сацыяльна актыўных наёмных работнікаў на першы план выйшлі эканамічныя патрабаванні, жаданне атрымаць сацыяльныя гарантыі.

Рэвалюцыя 1905—1907 гг. надала новы імпульс сацыяльным працэсам, пакінула адчувальны след у свядомасці шырокіх слаёў насельніцтва, выклікала змены ў дзяржаўна-палітычным уладкаванні Расійскай імперыі. Нягледзячы на абмежаванасць, былі ўведзены дэмакратычныя правы і свабоды, з'явіўся вопыт парламенцкай дзейнасці і палітычнай арганізацыі. Непасрэдным вынікам рэвалюцыйнай дзейнасці рабочых стала павелічэнне іх зароботнай платы, скарачэнне працоўнага дня, зніжэнне штрафаў і ў канечным выніку з'яўленне сацыяльнага страхавання работнікаў. Былі легалізаваны прафсаюзы. Яшчэ ў 1903 г. была ўведзена рэгламентацыя адказнасці прадпрымальнікаў за няшчасныя выпадкі з рабочымі падчас працы. Пацярпелым ці членам іх сямей павінна была выплачвацца грашовая дапамога ў залежнасці ад ступені страты працаздольнасці [12, с. 596—603]. Наступным крокам у сферы страхавання рабочых стала прыняцце 23 чэрвеня 1912 г. пакета законаў аб забеспячэнні рабочых у сувязі з няшчаснымі выпадкамі і па хваробе [9, с. 855—868; 10, с. 847—850; 11, с. 850—855; 8, с. 868—882]. Грашовыя дапамогі і пенсіі па прычыне няшчасных выпадкаў выплачваліся па новым законе страхавымі таварыствамі, у склад якіх абавязкова ўваходзілі ўладальнікі прадпрыемстваў. Выплаты па хваробе здзяйсняліся бальнічнымі касамі, членамі якіх былі рабочыя і служачыя. Прадпрымальнікі павінны былі забяспечыць першую ўрачэбную дапамогу, аплаціць лячэнне. Уздым рабочага руху ў перыяд рэвалюцыі 1905—1907 г. прымусіла ўрадавыя органы больш дзейсна клапаціцца і аб бытавых умовах працы і жыцця наёмных работнікаў. У прыватнасці, у цыркуляры Міністэрства фінансаў ад 22 лютага 1905 г. прапаноўвалася «вызначыць тыя мясцовыя меры, якія прамыслоўцы маглі б і згодны былі б прыняць супольна, тэрмінова для заспакаення разважлівай часткі рабочых у сэнсе магчымага паляпшэння іх быту» [16, л. 39].

Урад вымушаны быў пайсці па шляху рэфармавання вёскі, былі адменены некаторыя саслоўныя абмежаванні для сялянства. Уплыў рэвалюцыі закрануў

і сацыяльна-культурную сферу, пашырыліся магчымасці камунікацыі, больш даступнымі і запатрабаванымі сталі здабыткі культуры для насельніцтва. У паслярэвалюцыйныя гады ў Беларусі, нягледзячы на неспрыяльныя ўмовы і абмежаванні для развіцця беларускай нацыянальнай культуры, імкліва расла колькасць школ, перыядычных выданняў, бібліятэк, з'явіўся кінематограф і інш.

Гады паміж рэвалюцыяй 1905—1907 гг. і Першай сусветнай вайной сталі часам імклівых перамен у сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі. Завяршэнне да пачатку XX ст. прамыслова-тэхнічнага перавароту знайшло працяг у далейшай тэхнічнай мадэрнізацыі фабрычна-заводскай вытворчасці. Адбываўся рост энергаўзбраення ва ўсіх галінах прамысловасці праз выкарыстанне паравых, электрычных рухавікоў, рухавікоў унутранага згарання. За 1908—1913 гг. на 27,2 % у Беларусі павялічылася колькасць буйных (цэнзавых) прадпрыемстваў, аб'ём вытворчасці на іх за гэты час вырас на 67,5 %. Паралельна імпульс да росту выявіла і дробная вытворчасць, якая арыентавалася, перш за ўсё, на мясцовага спажывца і звязана галоўным чынам са сферай абслугоўвання і вырабам тавараў масавага спажывання. Пасля прамысловага крызісу пачатку XX ст. выразна прасочваецца тэндэнцыя пашырэння перапрацоўкі сыравіны, якая раней пастаўлялася на продаж у неапрацаваным выглядзе, актывізавалася развіццё дрэваапрацоўкі [1, с. 36]. З 1910 г. пачаўся інтэнсіўны пад'ём прамысловай вытворчасці Беларусі, калі прырост аб'ёму вырабляемай прадукцыі быў у 1,9 разы вышэй, чым за папярэдні васьмігадовы перыяд. У 1908—1913 гг. сярэднегадавы прырост прамысловай вытворчасці Беларусі складаў каля 14 %. Нягледзячы на імклівы эканамічны рост, удзельная вага прамысловай вытворчасці беларускіх і літоўскіх губерняў у агульнай суме прамысловай вытворчасці Расійскай імперыі за 1908—1912 гг. зменшылася з 1,9 да 1,7 % [3, с. 85].

Агульная колькасць пастаянных наёмных работнікаў у Беларусі напярэдадні Першай сусветнай вайны складала 519 тыс., у тым ліку 55 тыс. рабочых, занятых у фабрычна-заводскай прамысловасці, 94 тыс. — на дробных прамысловых прадпрыемствах і ў саматужна-рамесніцкай вытворчасці, 40 тыс. — на чыгуначным транспарце, 200 тыс. — у сельскай гаспадарцы, каля 86 тыс. будаўнікоў, чорнаробочых, рабочых леснарыхтовак, 44 тыс. наёмных работнікаў у сферах гандлю, сувязі, камунальнага і бытавага абслугоўвання [6, с. 157]. Рабочыя складалі ў 1913 г. каля 5,6 % насельніцтва Беларусі, па Расійскай імперыі — 8,8 %. Удзельная вага наёмных работнікаў Беларусі ў складзе расійскага пралетарыату была дастаткова невысокай — 2,7 %. Нават сельскагаспадарчы пралетарыят Беларусі меў невысокі паказчык удзельнай вагі сярод аналагічнай групы расійскіх рабочых — 3,2 %. Структура рабочага класа Беларусі мела заўважныя адрозненні ад яго структуры па Расійскай імперыі, перш за ўсё, вызначалася меншай удзельнай вагою фабрычна-заводскіх рабочых сярод наёмных работнікаў і ў агульнай масе насельніцтва. Апошні колькасны паказчык па Беларусі складаў каля 0,6 %, па Расійскай імперыі — 2,0 %. Канцэнтрацыя рабочых на прамысловых прадпрыемствах у Беларусі была заўважна ніжэй, чым сярэднія паказчыкі па Расійскай імперыі, што было абумоўлена асаблівасцямі галіновай структуры гаспадаркі Беларусі.

Беларусь у пачатку XX ст. заставалася аграрным рэгіёнам Расійскай імперыі, нягледзячы на поспехі ў развіцці прамысловасці. Каля 80 % даходу

прыносіла сельская гаспадарка. У 1907—1914 гг. сельская гаспадарка, перш за ўсё, сяляне Беларусі ў сваёй гаспадарчай дзейнасці пераважна сутыкаліся з тымі ж праблемамі, што і раней. Аднак адчувальнымі сталі і перамены. Перш за ўсё, аграрна-эканамічная і тэхнічная дапамога з боку земскіх і ўрадавых устаноў, якая істотна павялічылася ў выніку правядзення сталыпінскай аграрнай рэформы, станоўча паўплывалі на культуру земляробства і жывёлагадоўлі. Актывізавалася роля Сялянскага пазямельнага банка. У 1907—1909 гг. ён выдаў сялянам беларускіх губерняў 5148 пазык, з дапамогай якіх былі набыты 183 310 дзес. зямлі. У 1910—1912 г. колькасць пазык ужо павялічылася да 13 394, а набытых зямельных угоддзяў — да 313 549 дзес. Беларускія губерні адносіліся да ліку тых рэгіёнаў Расійскай імперыі, дзе ад самага пачатку рэалізацыі рэформы землеўпарадкавальныя мерапрыемствы адбываліся паскоранымі тэмпамі.

Сталыпінская аграрная рэформа, якая значна паглыбіла дух прадпрыемальніцтва ў вёсцы, прымусіла землеўласнікаў пераўладкоўваць свае гаспадаркі з улікам зменлівай рыначнай кан'юнктуры. Аднак многія з іх не адчувалі магчымасці ці неабходнасці праводзіць рэарганізацыю сваіх маёнткаў на гандлёва-прамысловых пачатках, што павялічвала іх запазычанасць, неканкурэнтаздольнасць і паскарала ліквідацыю зямельных уладанняў. У 1905—1910 гг. аб'ёмы продажу зямельных угоддзяў у беларускіх губернях павялічыліся на 77,3 %. За гэты час аб'ёмы дваранскага саслоўнага землеўладання скараціліся на 7,2 %. Асабліва працэсы мабілізацыі землеўладання паскорыліся ў 1911—1914 гг.

На пачатковым этапе станаўлення буржуазных адносін панавалі аднабаковы рух прадуктаў і паслуг з сельскай мясцовасці ў гарады. У пачатку XX ст. значныя аб'ёмы набылі спажыванне прамысловых вырабаў у вёсцы, больш адчувальным стаў уплыў элементаў гарадской культуры на традыцыйны быт беларускай вёскі. Гэты працэс меў рэгіянальны асаблівасці. У найменшай ступені ён праявіў сябе ў тых мясцовасцях, якія былі больш аддаленыя ад гарадоў і буйных мястэчак. Уцягнутасцю ў дадзены працэс вылучаліся заходнія і паўночна-заходнія раёны Беларусі. Відавочная перавага прылад і рэчаў хатняга ўжытку фабрычнай вытворчасці перад вырабамі вясковых майстроў змяняла стаўленне сялянства, асабліва моладзі, да гарадской цывілізацыі. У канцы XIX — пачатку XX ст. павялічылася колькасць шматвулічных вёсак, палепшыліся канструкцыя і інтэр'ер сялянскіх хат, з'явіліся мураваныя падмуркі, зашклёныя вокны, гонтавы дах, выцясняліся курныя хаты «белымі» з комінам і інш. Якасць жыцця вызначалася матэрыяльным дабрабытам сельскага жыхара [4, с. 527]. Адносіны сялянства Беларусі былі непрымальнымі да ўраўняльнага прынцыпу размеркавання зямлі, і ў той жа час прысутнічала стаўленне часам негатыўнае да заможных аднавяскоўцаў. Традыцыйныя культура, нормы паводзін, светаўспрыяцце сялян усё ж былі вельмі трывалымі. Старыя традыцыі не знікалі, а адбывалася іх своеасаблівае пераасэнсаванне.

На мяжы XIX і асабліва ў пачатку XX ст. заўважнай становіцца тэндэнцыя вызначэння сацыяльнага статусу і ролі асоб праз механізмы дасягнення, якія закраналі сацыяльна-прафесійную дзейнасць. Гэта ў найбольшай ступені датычылася адукаванай і эканамічна актыўнай часткі грамадства. На мяжы XIX—XX ст. высокую запатрабаванасць адукацыя атрымала

сярод сялянства. Авалоданне адукацыяй уплывала на паводзіны людзей, садзейнічала іх рацыяналізацыі, арыентацыі на дасягненне максімальнага выніку. Письменнік Л. Гмырак адзначаў: «Патрэбу і карысць асветы ў нашай вёсцы цяпер людзі пачынаюць разумець. Даўней, калі загаварыць аб гэтым з сялянінам найчасцей пачуеш, што гэта ўсё пустое, што араць патрапіць і неграматы і, адным словам, нятрэба пасылаць дзяцей у школу, а цяпер ужо не. Гэткая гаворкі неяк саўсім не чуно, бадай кожны кажа, што граматы ведаць трэба, што неграмотнаму надта цяжка жыць на свеце» [5, с. 1]. У газеце «Минский листок» 25 лютага 1892 г. паведамлялася: «Уварванне індыўідуалізму ў сялянскую сям'ю, усе члены якой яшчэ нядаўна складалі адзінае цэлае, якое дэспатычна кіравалася старэйшым членам, робіць вялікія поспехі. Сямейныя раздзелы цяпер ужо звычайная з'ява і рэдка можна сустрэць сям'ю, якая трымаецца дзедаўскіх заветаў» [2, с. 188—189]. С. Каваль з Горацкага павета ў сваёй карэспандэнцыі, апублікаванай ў кастрычніку 1911 г. на старонках «Нашай нівы», вельмі спачувальна адгукнуўся аб ранейшых традыцыях вялікай беларускай сям'і: «Калісь сяляне жылі вялікімі сем'ямі, ня дзелячыся. Старшым лічыўся бацька. Ён ведаў парадак... Цяпер ні так! Ажаніў бацька сына дык і аддзеляй; другога ажаніў — і яго аддзеляй. Пры дзяльбе сваркі ды бойкі» [15, с. 558—559]. У канцы XIX ст. пераважала ўжо малая, нуклеарная сям'я. Сямейныя раздзелы дазваляліся адпаведна пісьмоваму прыгавору сельскай грамады, але большай часткай яны адбываліся самавольна.

Узровень злачыннасці выступае ў якасці аднаго з выразных паказчыкаў стану грамадства. У традыцыйным грамадстве, калі насельніцтва менш мабільнае і прысутнічае больш дзейсны сацыяльны кантроль з боку грамады, звычайна назіраецца невысокая ступень злачыннасці. І наадварот, у індустрыяльным грамадстве, у якім насельніцтва сацыяльна і геаграфічна больш мабільнае, прысутнічае, як правіла, больш высокі ўзровень злачыннасці. Аднак найбольшых памераў яна дасягае ў грамадствах, якія праходзяць стадыю сур'ёзнай трансфармацыі сацыяльных інстытутаў, культурных і палітычных каштоўнасцей [7, с. 78—79]. Па стане на 1912 г. у Віленскай губерні на 100 тыс. насельніцтва налічвалася 114 асуджаных агульнымі і міравымі судамі, у Віцебскай — 101, у Мінскай — 80, Гродзенскай — 74, Магілёўскай — 67. У беларускіх губернях асуджаных было менш, чым у Пецярбургскай (355 асуджаных на 100 тыс. насельніцтва), Эстляндскай (307) губернях і Амурскай вобласці (304), якія па ўзроўню злачыннасці займалі лідзіруючыя пазіцыі ў Расійскай імперыі [13, с. 398—399].

Пры перанаселенасці Беларусі, адносна невялікім попыце мясцовай прамысловасці на працоўную сілу канкурэнцыя паміж наёмнымі работнікамі за работу, барацьба за кавалак хлеба стваралася дастаткова напружаная. Акрамя таго, у Беларусі пераважалі старыя формы прамысловай вытворчасці, дзе прысутнічаў паніжаны ўзровень аплаты працы. Паводле меркавання П. Рынзюнскага, памеры паўперызацыі насельніцтва большасці заходніх губерняў не былі збалансаваны з запатрабаванасцю ў рабочай сіле мясцовай прамысловасці [14, с. 51]. Становішча рабочых было розным, у залежнасці ад характару вытворчасці, велічыні прадпрыемства.

Беларусы вызначаліся ў еўрапейскай частцы Расійскай імперыі найбольшай удзельнай вагой тых, хто быў заняты ў сельскай гаспадарцы,

і мінімальнай — у прамысловасці. Аднак працэс станаўлення буржуазнага грамадства ў Беларусі значна ўскладняўся этнаканфесійнымі і саслоўнымі адрозненнямі розных груп насельніцтва, абмежавальнымі мерапрыемствамі ўрада. Рабочы клас, які дынамічна рос, складаўся ў значнай ступені з сялян, якія не парывалі свае сувязі з вёскай. Спадчынных рабочых было вельмі мала. Фабрычна-заводскі пралетарыят меў невысокую ўдзельную вагу сярод насельніцтва. У другой палове XIX — пачатку XX ст. у Беларусі паступова складваецца новая сацыяльная група прадпрымальнікаў. Аднак дадзены працэс стрымлівала спецыфічная структура мясцовага эканамічнага жыцця, раз'яднанасць вытворчасцей і капіталаў па дробных прадпрыемствах.

Бібліяграфічны спіс

1. Абезгауз, З. Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. (1900—1913 гг.) / З. Е. Абезгауз. — Минск: Наука и техника, 1977. — 168 с.
2. Белоруссия в эпоху капитализма: сб. док. и материалов: [в 3 т.] / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т истории Акад. наук БССР. — Минск: Наука и техника, 1983—1990. — Т. 1: Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии / сост.: В. И. Мелешко [и др.]; ред.: К. И. Шабуня, В. Н. Жигалов. — 1983. — 272 с.
3. Бовыкин, В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны / В. И. Бовыкин. — М.: РОССПЭН, 2001. — 320 с.
4. Гісторыя сялянства Беларусі: са старажытных часоў да 1996 г.: у 3 т. / рэдкал.: М. С. Сташкевіч [і інш.]. — Мінск: Беларус. навука, 1997—2002. — Т. 2: Ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгауз [і інш.]; пад рэд. В. П. Панюціча. — 2002. — 552 с.
5. Гмырак, Л. Якой нам трэба школы / Л. Гмырак // Наша Ніва: першая беларус. газ. з рыс. — Факс. выд., 1912—1915, 1920. — [Мінск, 2009]. — Вып. 5. — 1913. — 19 верас. — С. 1.
6. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4 т. / гл. редкол.: П. Т. Петриков (пред.) [и др.]. — Минск: Наука и техника, 1984—1987. — Т. 1: Рабочий класс Белоруссии в период капитализма / редкол. т.: К. И. Шабуня (отв. ред.), М. О. Бич, Ю. И. Кирьянов. — 1984. — 400 с.
7. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи, XVIII—начало XX в.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — Т. 2. — 567 с.
8. О страховании рабочих от несчастных случаев: Закон, 23 июня 1912 г., № 37447 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. — Петроград, 1915. — Т. 32: 1912, отд.-ние 1. — С. 868—882.
9. Об обеспечении рабочих на случай болезни: Закон, 23 июня 1912 г., № 37446 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. — Петроград, 1915. — Т. 32: 1912, отд.-ние 1. — С. 855—868.
10. Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих: Закон, 23 июня 1912 г., № 37444 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. — Петроград, 1915. — Т. 32: 1912, отд.-ние 1. — С. 847—850.
11. Об учреждении совета по делам страхования рабочих: Закон, 23 июня 1912 г., № 37445 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. — Петроград, 1915. — Т. 32: 1912, отд.-ние 1. — С. 850—855.
12. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности: мнение Гос. Совета, 2 июня 1903 г., № 23060 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. — СПб., 1905. — Т. 23: 1903, отд.-ние 1. — С. 595—606.

13. Россия, 1913 г.: стат. — док. справ. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; ред. — сост.: А. М. Анфимов, А. П. Корелин. — СПб.: Рус. — Балт. информ. центр «Блиц», 1995. — 416 с.

14. Рындзюнский, П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России во второй половине XIX века: взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России / П. Г. Рындзюнский; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. — М.: Наука, 1983. — 270 с.

15. Саўка Каваль. С. Хоміно / Саўка Каваль // Наша Ніва: першая беларус. газ. з рыс. — Факс. выд. — [Мінск, 2003]. — Вып. 4: 1911. — С. 558—559.

16. Циркуляры отдела промышленности Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности и Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия // НГАБ. — Фонд 310. — Воп. 1. — Спр. 7.

Лойко Лариса Егоровна

Академия МВД Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ ГОРОДА: НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВА

После Петрограда и Москвы Могилев был третьим городом Российской империи, в котором решалась судьба революции 1917 года. В городе находилась Ставка Верховного главнокомандующего. Шла первая мировая война, поэтому российский император посчитал расположение Могилева наиболее удачным с точки зрения безопасного расположения от линии фронта и одновременно наиболее близкого для руководства войсками. В Могилеве много времени проводила семья российского императора Николая II. Повседневные аспекты жизни императорской семьи в Могилеве изложены в оригинальной работе М. Белевской [1].

В Могилеве постоянно проживал наследник, царевич Алексей. Супруга императора и дочери часто уезжали в Петербург. Жителям Могилева Александра Федоровна не понравилась с первого приезда. Она произвела впечатление «злой и надменной женщины». Останавливалась и жила императрица чаще всего в специальном вагоне, на вокзале. В ее свите в Могилеве бывал поэт Сергей Есенин. Дочери Николая II понравились жителям Могилева. Девушки свободно, без охраны, гуляли по городу, заходили в лавки, делали покупки. Излюбленным местом в городе у них был галантерейный магазин Бернштейна. Интенсивно в городскую жизнь был включен царевич Алексей.

Продовольственное и промышленное обеспечение Могилева было значительно лучшим, чем в других городах империи, поэтому Николай II был крайне удивлен докладом М. Родзянко о предреволюционной ситуации в государстве. Волнения в Петрограде 22—25 февраля, во время которых народ требовал хлеба, не повлекли за собой реакции императора. Несмотря на тревожные сообщения из северной столицы, он оставался спокоен. 28 февраля Николай II выехал в Петроград, но скоро вернулся в Могилев.

6 марта в Могилев пришла телеграмма Временного правительства с разрешением царской семье выехать за границу. На следующий день было принято решение об аресте самодержца и препровождении его в Царское

Село. Соответствующий приказ доставили эмиссары Временного правительства — члены государственной думы А. Бубликов, В. Вершинин, С. Горбунин, С. Калинин. Николай II отнесся к приказу и визиту с безразличием. Основания и мотивации такой реакции представляют интерес для историков и формируют определенное и неоднозначное отношение к личности последнего российского царя.

Ранней весной 1917 г. в Могилеве произошло важное событие с точки зрения формирования национального самосознания белорусов. 31 марта 1917 г. по инициативе М. Кохановича в квартире присяжного поверенного И. Реута состоялось организационное собрание кружка могилевских патриотов-белорусов. По этому поводу в «Вестнике могилевского земства» была опубликована статья под названием «Собрание кружка могилевских белорусов». В ней анализировались цели и задачи нового общественного объединения.

Возник патриотический кружок по инициативе лиц, идентифицировавших свою принадлежность к белорусской нации и лелеявших мысль о возрождении белорусского народа. Вначале их было немного, но они были сплочены единой целью и желанием возродить Беларусь к «самостоятельной свободной жизни». Ставилась цель создания в Могилеве союза белорусов, который должен был разработать конструктивные основы будущего государственного устройства и приоритеты международных контактов, взаимоотношений Беларуси с Россией, Польшей, Литвой.

Участники собрания приняли участие в Съезде белорусских организаций и партий, который состоялся в Минске в июле 1917 года. От православных белорусов представительские полномочия на съезд получил выходец из Новогрудского уезда (ныне Брестская область) — М. Коханович. Педагог, публицист, действительный член Северо-Западного отдела Российского Императорского географического общества, он стал со временем видным общественным деятелем Беларуси. Католическое население представлял настоятель Могилевского костела Д. Лапошко.

15 апреля 1917 года могилевские патриоты создали в городе Белорусский национальный комитет, хорошо известный в научной литературе как Могилевский белорусский комитет (МБК). Комитет проводил в городе большую общественно-политическую и культурную работу. Особо стоит отметить проведение в Могилеве 19 сентября 1917 года собрания учителей средних учебных заведений Западного края.

Революционные события в Петрограде характеризовались определенной волнообразностью. На смену временному правительству Керенского пришло правительство во главе с В. И. Лениным. Первым на это событие из белорусских городов отреагировал Минск. В Могилеве ситуация была более сложной для действия революционных сил, поскольку в городе находились значительные по численности армейские подразделения, которые подчинялись генералу Н. Духонину. Он отказался признать власть большевиков, заключить перемирие на фронте. В ноябре 1917 года представители различных политических партий попытались создать в Могилеве общероссийское правительство во главе с В. Черновым.

Из Петрограда последовал декрет об отстранении Н. Духонина от должности и назначении Верховным главнокомандующим Н. Крыленко [5]. При

поддержке революционных отрядов солдат Западного фронта и рабочих из белорусских городов 18 ноября 1917 года исполком Могилевского совета рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию о признании советского правительства в Петрограде и переходе власти в Могилеве к исполкому Совета рабочих и солдатских депутатов.

19 ноября 1917 года Н. Крыленко прибыл в Могилев во главе отряда революционных войск. Генерал Н. Духонин был убит солдатами. 20 ноября 1917 года Ставка была занята революционными отрядами во главе с Н. Крыленко и реорганизована. Начальником генштаба Главковерха стал генерал М. Д. Бонч-Бруевич. В Могилеве начались первые преобразования: предпринимались попытки восстановить промышленные предприятия, вводился рабочий контроль над производством, 8-часовой рабочий день, организован процесс национализации промышленных предприятий, транспорта и банков

В тяжелой борьбе большевики добились принятия решения об установлении Советской власти в Могилеве [2]. Вся власть в городе перешла в руки военно-революционного комитета, который организовал строгий контроль над деятельностью Ставки. 20 ноября в Могилев прибыли первые эшелоны революционных войск из Петрограда. В городе установилась Советская власть. Это ускорило ее расширение в масштабах всей губернии. И уже 22 января 1918 года исполком Могилевского губернского Совета сообщил в Петроград, что в большинстве городов губернии установлена Советская власть.

18 февраля 1918 года войска Германии, нарушив перемирие, начали наступление на территории Беларуси. Для организации вооруженной борьбы с интервентами и контрреволюцией 22 февраля был создан Могилевский губернский военно-революционный комитет. ВРК взял на себя обязанности по защите населения губернии от интервентов и по организации партизанского движения. 12 марта 1918 года Могилев был оккупирован легионерами польского корпуса Довнар-Мусницкого, а 28 мая 1918 года — германскими войсками. В условиях оккупации с мая по октябрь 1918 года функционировал Могилевский подпольный районный комитет РКП (б) во главе с уроженцем города Мозырь (ныне районный центр Гомельской области) А. Брегманом (Железняком). Вокруг города действовали партизанские отряды. Трагически сложилась судьба Александра Абрамовича Брегмана. В феврале 1919 24-летний комиссар бригады Мозырской группы войск Красной Армии был захвачен в плен польскими уланами, живым закопан по шею в землю, а затем обезглавлен.

В революционном движении, получившем завершение в 1917 году, участвовали многие известные уроженцы города Могилева. Среди них Н. Судилковский-Руссель [4]. Он вынужден был покинуть пределы Российской империи и посвятить свои усилия помощи Революции из региона Дальнего Востока, в частности, из Китая. О. Ю. Шмидт оказался в эпицентре революционного движения по собственному желанию и убеждениям. Он сыграл важную роль в становлении советской науки [3].

В 1924 году Могилев и Могилевская губерния, входившие с 1919 года в РСФСР, были переданы в состав БССР в процессе первого территориального расширения республики за счет присоединения к ней районов россий-

ских губерний, в которых проживало белорусское население. В число этих районов вошла значительная часть земель бывшей Могилевской губернии вместе с городом. 3 июля 1924 года Могилев стал окружным центром республики. Новое административное положение города повлияло на темпы и эффективность реконструкции и развития объектов промышленности и коммунального хозяйства. Увеличились капиталовложения на новое строительство и ремонт предприятий, на приобретение оборудования.

Современный Могилев чтит традиции прошлого, хранит историческую память о революционных событиях и подвигах своих героев в годы Великой Отечественной войны. Мемориальный комплекс «Борцам за советскую власть» на площади Славы в Могилеве посвящен людям и событиям, прославившим город в период, начиная с 1917 года. Авторы комплекса — скульптор Л. Гумилевский, архитекторы К. Алексеев и А. Иванов. Комплекс расположен на высоком берегу Днепра. Его смысловым и пластическим ядром является традиционный образ Победы, путь к которой лежит через ряд бронзовых рельефов, отображающих основные этапы советской истории на Могилевщине: Октябрь, коллективизацию, оборону Могилева от фашистских захватчиков, партизанскую борьбу, послевоенное восстановление народного хозяйства.

Другой мемориальный комплекс, под названием «Буйничское поле» прославляет подвиги всех героев Могилёва. Одним из них является 388 стрелковый полк 172 стрелковой дивизии и ополченцев г. Могилёва. Территория комплекса 22 га. Доминирующим объектом мемориала является часовня, посвященная достоинству и патриотизму славянских воинов. Поэтому крест на 27-метровом медном куполе часовни выполнен в старом греческом стиле. Символом памяти и чести всех солдат, павших в сражениях за город, стал маятник Фуко, установленный в часовне. В склепе часовни покоятся останки шести бойцов. Одна из аллей, ведущих к центру мемориала, посвящена К. Симонову. В сентябре 1979 года, согласно с завещанием писателя, над «Буйничским полем» был развеян прах Константина Симонова.

Библиографический список

1. Белевская, М. Я. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве: личные воспоминания 1915—1918 гг. / М. Я. Белевская. — Вильно: Изд-во М. Ф. Соклов, 1932. — 48 с.
2. Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 25—26 чэрвеня 2015 г., г. Магілёў. — Магілёў: МДУХ, 2015. С. 153—159.
3. Лойко, А. И. Феномен О. Ю. Шмидта и космизм / А. И. Лойко // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў X Міжнар. навук. канф. 25—26 мая 2017 г., г. Магілёў. — Магілёў: МДУХ, 2017. — С. 432—435.
4. Лойко, Л. Е. Могилевчане в диалоге культур Беларуси и Китая / Л. Е. Лойко // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў X Міжнар. навук. канф. 25—26 мая 2017 г., г. Магілёў. — Магілёў: МДУХ, 2017. — С. 422—426.
5. Симонов, Е. Д. Человек многих вершин: Николай Васильевич Крыленко (1885—1938) / Е. Д. Симонов. — М.: Изд-во ФиС, 1969. — 192 с.

Лукашевич Андрей Михайлович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

МИНСКОЕ ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ (НОЯБРЬ 1917 — ЯНВАРЬ 1918 Г.)

В канун 100-летия Октябрьской революции необходимо объективно оценить роль в 1917 г. различных органов (Минского Совета, городской думы и управы) в общей системе городского управления и самоуправления.

Революционные потрясения 1917 г. привели к серьезному усложнению системы городского управления и самоуправления. Наличие в Минске в марте — июле 1917 г. двух политических центров — Комитета общественной безопасности и Минского Совета рабочих и солдатских депутатов создавало, как и в Петрограде, двоевластие. Оно выражало временное, переходное положение в развитии революции и таило в себе глубокие противоречия, которые впоследствии привели к новым социально-классовым потрясениям.

После избрания 30 июля 1917 г.* нового состава городской думы и управы, в которых большинство получили эсеры, Комитет общественной безопасности был упразднен, а Минский Совет признал их полномочия. Таким образом, единственным легитимным органом управления в Минске в августе — октябре 1917 г. являлись Минская дума и управа. Причем в городской думе была даже создана большевистская фракция [5, с. 9—29].

Захват власти большевиками. Попытка большевистского президиума Минского Совета 26 октября 1917 г. захватить власть в Минске (приказ № 1, создание Военно-революционного комитета Западного фронта) была осуждена членами исполкома Совета — не большевиками. Против приказа № 1 выступил также исполком Западного фронта. Он принял резолюцию, осуждавшую захват власти, считая его гибельным для революции и созыва Учредительного собрания. Усилиями исполкома Западного фронта, городской думы, крестьянских, профессиональных, национальных организаций был образован чрезвычайный орган — Комитет спасения революции Западного фронта. В нем преобладали эсеры, меньшевики и бундовцы. Комитет не признал итогов Петроградского вооруженного восстания и высказался за формирование власти на основе широкого блока левых сил [6, с. 8].

Вечером 27 октября собралась Минская городская дума. Городской голова эсер П. П. Кащенко сообщил о захвате большевиками власти в Петрограде, приказе № 1 Минского Совета и образовании Комитета спасения революции. По текущему моменту высказались многие гласные. Большинство из них, представлявших фракции эсеров, меньшевиков и Бунда, высказались отрицательно в отношении захвата власти. И только гласные-большевики пытались доказать, что они действуют мирным путем и не хотят кровопролития. После бурного обсуждения Минская дума приняла специальное постановление. В нем она назвала выступление большевиков «явным преступлением», которое вело к срыву Учредительного собрания, и призвала к переходу власти на местах «к органам демократического самоуправления» [3, л. 35—40].

* Даты до 31 января 1918 г. приводятся по старому стилю, после 14 (1) февраля 1918 г. — по новому.

27 октября Комитет спасения революции ввел в Минск части Кавказской дивизии, снял советские воинские патрули и потребовал передать ему всю власть в городе. Учитывая превосходство сил комитета над большевиками, Минский Совет 28 октября заявил о готовности подчиниться. Между Советом и Комитетом было заключено временное соглашение. Комитет спасения революции брал на себя обязательство не посылать войска Западного фронта для подавления «народного движения». Минский Совет признал властные полномочия комитета «в районе Западного фронта» и обязался включить в его состав своих представителей.

Пока действовало соглашение с Комитетом спасения революции, большевики развернули в частях Западного фронта интенсивную агитацию и смогли добиться поддержки со стороны солдат. Это позволило им подтянуть к Минску вооруженные подкрепления, в т. ч. бронепоезд, и изменить соотношение сил в городе в свою пользу. Было заявлено, что в случае сопротивления и попытки разоружения, «Минск будет сметен с лица земли артиллерией» [6, с. 8; 3, л. 42 об.]. Комитет не решился применить оружие.

2 ноября 1917 г. на расширенном заседании Минского Совета было объявлено о полном установлении в городе советской власти. Подобный диктат 6 ноября осудил на заседании Минской городской думы ее председатель А. И. Вайнштейн. Затем выступил гласный-большевик В. В. Вашкевич, который заявил, что вместо комитета образован революционный комитет.

Неуступчивая дума. Несмотря на переход власти на Западном фронте и в Минске в руки большевиков, городская дума и управа по-прежнему управляли городским хозяйством. Не имея знаний и опыта в этой области, Минский Совет в течение почти трех месяцев был вынужден терпеть присутствие учреждений, которые заявили о непризнании власти большевиков.

В частности, 13 ноября на заседании думы гласный И. Айзенштадт, делегированный в Петроград для изучения ситуации на месте, отметил, что хотя «власть перешла к большевикам, но фактически у них власти нет». Отсутствует аппарат управления, повсеместно наблюдается саботаж декретов новой власти. По мнению И. Айзенштадта надо было «принять все меры к созданию какого-нибудь центра, который смог бы взять власть в свои руки». Однако реальных рычагов для осуществления подобного плана у Минской городской думы и управы не было. К тому же в солдатской среде раздавались заявления, «что против своих же солдат драться [они] не будут» [3].

Итак, несмотря на непризнание советской власти, Минская городская дума и управа продолжали работу. Местные большевики не торопились ликвидировать эти «органы буржуазного самоуправления», поскольку худобно, но вопросы городского хозяйства они решали лучше вчерашних профессиональных революционеров [2, с. 484]. По свидетельству В. Солского, дума «занималась городскими делами и стремилась держаться подальше от политических вопросов. Но так как она не признавала Совнаркома, то и все его распоряжения, касающиеся местных дел, дума просто игнорировала. Это приводило к различным конфликтам...» [7, с. 202].

И только после создания 26 ноября 1917 г. Областного исполнительного комитета (Облискомзапа) и Совета Народных Комиссаров (СНК)

Западной области и фронта, изменения статуса Минского Совета, начало меняться и положение Минской городской думы и управы. Дело в том, что Минский Совет фактически утратил значение политического центра всего края и сосредоточился на проблемах управления городом. Для этой цели при его исполкоме были созданы отделы труда, просвещения, кооперации, по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, жилищный и др. Тем самым Совет вторгнулся в компетенцию Минской городской думы, а исполком Совета — в полномочия городской управы. Поэтому на повестку дня был поставлен вопрос о роспуске этих учреждений.

Совет переходит в наступление. 26 ноября 1917 г. большевики приняли решение разрешить созыв Всероссийского Учредительного собрания (начало работу 5 января 1918 г.). 28 ноября в здании городского театра даже состоялось торжественное заседание Минской думы, приуроченное этому событию. День открытия Учредительного собрания дума решила объявить всенародным праздником. Однако праздник не состоялся. Большевики, проигравшие выборы эсерам, разогнали Учредительное собрание после первого же заседания. Его разгон развязал руки руководству Облискомзапа и Совнаркома Западной области и фронта.

К январю 1918 г. разногласия между Минской городской думой и Минским Советом приняли «гораздо более серьезный характер». Они возникли из-за недостатка продовольствия. В Минске не хватало муки, хлеба, сахара, мяса, хотя эти продукты можно было приобрести по ценам, в пять — десять раз выше цен, установленных Советом. Большевики требовали, чтобы городская дума и продовольственный комитет боролись со спекуляцией, но безрезультатно [7, с. 202—203]. Горожане протестовали, но у Совета не было никаких органов, которые могли бы заняться этим делом. Даже городская милиция официально подчинялась не Совету, а думе.

Первоначально Минский Совет попытался договориться с городской думой и направил в нее свою делегацию, в которую входил и В. Солский. По его словам, члены Совета «вели переговоры частным образом, с отдельными членами Думы и городского самоуправления». Однако они не принесли положительных результатов. Не помогли и выступления большевиков на заседаниях думы, потому что они неизменно «вызывали споры на политические темы» [7, с. 203].

И это не удивительно. Ведь Минская городская дума в то время была единственной уцелевшей «дооктябрьской» организацией, чем-то вроде парламента, в котором заседали представители всех партий. Поэтому она «занялась обсуждением политического положения». Поскольку заседания думы были открытыми для публики, в зале не было свободных мест. Однако и дума знала, что она парализована. Поэтому представитель эсеров И. И. Хитров, выступая на одном из последних заседаний, обратился к представителям Минского Совета с вопросом, почему они не распускает думу?

По мнению В. Солского это происходило потому, что без думы Минский Совет не мог справиться с продовольственным кризисом и другими проблемами жизнеобеспечения города. Кроме того, минские большевики «все еще стояли на той точке зрения, что идти на разрыв с другими социалистическими партиями не следует, а Дума состояла в большинстве из эсеров, бундовцев и меньшевиков» [7, с. 203].

В конце января 1918 г. Облискомзап все же решил распустить Минскую думу, а заодно и городской продовольственный комитет. Впрочем, об этом решении он даже не сообщил своим представителям в думе, и они оказались «в довольно неловком положении».

Разгон Минской городской думы был санкционирован 22 января 1918 г. и поручен члену Минского Совета большевику Василию Вашкевичу. 25-летний коренной минчанин еще в мае 1917 г. вступил в РСДРП(б). В годы Первой мировой войны он вел большевистскую агитацию среди солдат Минского гарнизона и прифронтовой полосы. В августе 1917 г. В. В. Вашкевич был избран в Минскую городскую думу, где вместе с К. И. Ландером и другими составил в ней большевистскую фракцию [1, с. 93].

Сама процедура роспуска думы до конца не выяснена. Как свидетельствовал В. Солский, «во время заседания кто-то принес из Облискомзапа приказ о роспуске Думы и расписание новых выборов. Председательствующий прочел приказ, и Дума тут же большинством голосов решила приказу не подчиняться. Члены ее отказались покинуть зал. Они ожидали прихода солдат, хотя в приказе Облискомзапа ничего об этом не говорилось». В. Солский и другие большевики остались в зале в ожидании развязки, однако «ничего не произошло». По словам польского социалиста, «члены Думы просидели в зале всю ночь, а на утро разошлись по домам» [7, с. 203—204].

Несколько иную развязку этой трагикомедии приводит В. В. Вашкевич. Согласно его воспоминаниям, озвученным через 40 лет, он «явился в помещение думы и от имени совета предложил ее председателю бундовцу Вайнштейну и городскому голове <...> сложить свои полномочия и сдать мне дела. В ответ на это они и другие присутствующие члены думы составили акт протеста против роспуска думы и покинули помещение» [1, с. 94].

Декрет Минского Совета о роспуске городской думы и управы был обнародован 23 января 1918 г. «Занятые политической борьбой с партиями, стоящими на точке зрения советской власти, — говорилось в документе, — Минская городская дума и управа оказались не в состоянии справиться с лежащими на них обязанностями по удовлетворению нужд местного населения. Состоящая в громадном большинстве своем из представителей правых эсеров и буржуазных партий Минская городская дума не может считаться представительницей интересов городской бедноты» [6, с. 42].

Первый опыт советского управления городским хозяйством. 23 января 1918 г. комиссаром Минского совета рабочих и солдатских депутатов по отделу местного самоуправления был назначен В. В. Вашкевич. В тот же день он обратился с воззванием «Ко всем служащим и рабочим городского самоуправления», в котором сообщал, что с 22 января 1918 г. дума и управа считаются распущенными и утратившими свои полномочия. Приступая к исполнению обязанностей комиссара, Василий Вашкевич заявил, что отныне все обязательные распоряжения исходят от него и лиц, вошедших в состав коллегии, избранной из среды рабочих и служащих. Сам же комиссар был подотчетен непосредственно президиуму исполкома Минского Совета [4, л. 2].

В. В. Вашкевич указывал, что распоряжение бывших руководителей городского управления не должны исполняться, а за нарушение этого

запрета служащие будут отстраняться от должностей. Отмечая повсеместное халатное отношение к делу служащих, комиссар заявил, что не желающие служить могут заявить об этом, и будут уволены. Остальных он призывал к добросовестному и аккуратному исполнению своих обязанностей, «проникнувшись сознанием работать не за страх, а за совесть» [4, л. 2—2об.].

Для организации городского управления была образована Коллегия Минского городского самоуправления. Руководил ее работой председатель отдела местного самоуправления при Минском Совете Краснов, обязанности товарища председателя исполнял комиссар Совета по Минску В. В. Вашкевич. Членами коллегии были назначены 11 человек, и еще 5 — помощниками [4, л. 3]. 25 января 1918 г. состоялось первое заседание коллегии. На ней обсуждалось 8 второстепенных вопросов. Следующее заседание, которое оказалось последним, состоялось 19 февраля [4, л. 3—4].

После срыва советской делегацией мирных переговоров в Брест-Литовске, 18 февраля 1918 г. германские войска перешли в наступление. Одновременно к Минску приближались польские части корпуса Ю. Довбор-Мусницкого, которых красноармейцы безуспешно пытались разоружить. В этих условиях большевистское руководство Западного фронта и области в спешном порядке эвакуировалось из Минска в Смоленск [8, с. 102], и местный Совет прекратил свое существование.

Таким образом, Минская городская дума и управа в течение 3 месяцев после прихода к власти большевиков продолжали свою деятельность. Руководство Минского Совета и Облискомзапа не решалось упразднить эти органы городского самоуправления, которые были более компетентным в вопросах управления городским хозяйством. И только после разгона Всероссийского Учредительного собрания, ознаменовавшего окончательный разрыв большевиков с другими левыми силами, легитимность Минской городской думы и управы были признаны не отвечающими реальной ситуации, и они были распущены.

Библиографический список

1. Вашкевич, В. В. Разгон Минской городской думы / В. В. Вашкевич // В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1957. — С. 93—94.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. — Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. — Мінск: Экаперспектыва, 2005. — 519 с.
3. Журналы заседаний Минской городской думы. 1917 г. // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. 24. — Оп. 1. — Д. 3659.
4. Копии журналов заседаний городской управы. Копия воззвания комиссара. 1918 г. // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 7100.
5. Лукашевич А.М. «Градоправители» Минска: история власти (февраль 1917 — декабрь 2013 г.) / А. М. Лукашевич. — Минск: Торгово-финансовый союз «БТФС», 2014. — 527 с.
6. Минский городской Совет депутатов, 1917—2012: документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск: Бел. Дом печати, 2012. — 728 с.
7. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский; научный ред. С. Н. Хомич. — Минск: Тесей, 2004. — 224 с.
8. «Счастье мое...» Дневники Иосифа Голубева: 1916—1923 / сост. А. А. Клышко. — Минск: Изд-во «Энциклопедикс», 2002. — 441, [1] с., [6] л. ил.

Ляпешкін Яўген Мікалаевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

У. А. ДРУЦКОЙ-САКАЛІНСКІ — АПОШНІ МІНСКІ ГУБЕРНАТАР

Уладзімір Андрэевіч Друцкой-Сакалінскі (1880—1943) нарадзіўся ў С. — Пецярбурзе, паходзіў са старажытнага княжацкага роду. Выпускнік Імператарскага вучылішча правазнаўства. Праваслаўнага веравызнання [4, с. 116].

Новы мінскі губернатар на пасаду ўступіў 5 верасня 1916 г., хаця прызначэнне адбылося яшчэ 15 жніўня [4, с. 117].

Да гэтага перамяшчэння службы тры гады магілёўскім віцэ-губернатарам. Меў шматгадовы вопыт службы на розных чыноўніцкіх пасадах па ведамству Міністэрства ўнутраных спраў у Петракоўскай (тэрыторыя Польшчы) і Кастрамскай губернях [4, с. 116—117].

У канцы 1916 г. атрымаў чын сапраўднага стацкага саветніка і званне камергера Двара Яго Імператарскай Вялікасці [4, с. 117].

Губернатарства У. А. Друцкога-Сакалінскага прыпала на цяжкі час. Ішла Першая сусветная вайна і Мінская губерня знаходзілася на ваенным становішчы, праз яе праходзіў фронт. Кіруючыя пазіцыі тут належылі вайскоўцам. Сярод іх: камандуючы Заходнім фронтам А. Е. Эверт, галоўны начальнік забеспячэння генерал М. Я. Туманаў, галоўны начальнік Мінскай ваеннай акругі на тэатры ваенных дзеянняў Я. А. Рауш фон Траубенберг. З імі мінскі губернатар павінен быў лічыцца пад час свайго кіравання. Але і вайсковыя кіраўніцтва вымушана было ставіцца да губернатара ўважліва. Праўда, не таму што ён уяўляў грамадзянскае начальства губерні, а з-за яго сувязяў з высокапастаўленымі асобамі дзяржавы [3, с. 193].

Пры гэтым У. А. Друцкой-Сакалінскі прызнаваўся, што «быў значна больш вольны ў сваіх дзеяннях, чым любы губернатар у мірны час». Ён лічыў, што кантанкты з галоўным для яго военачальнікам М. Я. Туманавым дазваляць яму пры неабходнасці скарыстацца надзвычайнымі правамі вайскоўцаў [3, с. 120]. Што і ажыццяўлялася на практыцы.

Пасля спецыяльнага расследавання ў Бабруйску мінскі губернатар даведаўся аб тым, што мясцовая паліцыя за хабар дазваляла праводзіць яўрэям незаконна гандлёвыя аперацыі са спіртамі. У выніку У. А. Друцкой-Сакалінскі жорстка расправіўся з вінаватымі. Са службы былі звольнены ўсе класныя чыны, прыставы і іх памочнікі. Бабруйскі паліцмайстар быў адпраўлены па этапу за межы еўрапейскай Расіі. Апошні ўчынак быў здзейснены губернатарам ад імя галоўнага начальніка забеспячэння. Калі мінскі губернатар паведаміў аб справе М. Я. Туманаву, той быў толькі задаволены разгромам злачыннай арганізацыі [3, с. 126—128]. Такім чынам, мінскі губернатар сапраўды мог і выкарыстоўваў надзвычайныя паўнамоцтвы вайскоўцаў у сваім кіраванні губерняй.

Трэба пагадзіцца, што па сваіх палітычных поглядах мінскі губернатар з’яўляўся манархістам і нацыяналістам [1, с. 336]. «Я хачу і для Расіі наогул правадыра, а не Думу, — пісаў У. А. Друцкой-Сакалінскі ва ўспамінах, — а для кожнай расійскай губерні — губернатара, а не савет» [3, с. 135]. З чаго вынікае,

што ён не лічыў патрэбным рэфармаваць інстытут губернатарства. Больш таго, ён хацеў вярнуць тыя часы, калі губернатар быў залежны фактычна толькі ад манарха. Таму мінскі начальнік быў незадаволены тым, што менавіта Міністэрства ўнутраных спраў стала ўплываць на прызначэнне і звальненне губернатара [3, с. 132].

У. А. Друцкой-Сакалінскі дбаў пра інтарэсы Мінскай губерні, як адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі, якую яму даручылі ў кіраванне. Напрыклад, яго хвалявала незадавальняючае харчовае становішча мясцовага насельніцтва ў канцы 1916 г. «Губернія мая не толькі недаатрымлівае належнай ёй месячнай нормы харчовых грузаў, але і дастаўка такіх была амаль цалкам спыненая», — пісаў ён ва ўспамінах. Для вырашэння гэтага і іншых пытанняў губернатар нават ездзіў у С. — Пецябург [3, с. 234, 245]. Але ж мінскі начальнік турбаваўся пра людзей не столькі з гуманістычных поглядаў, колькі з палітычных, прагматычных. Ён разумеў, што праблемы з харчаваннем выклікалі ў людзей незадавальненне і рост антыдзяржаўных настрояў [3, с. 234]. Для яго важным быў у першую чаргу ўзровень лаяльнасці насельніцтва да ўладаў, а ўжо потым інтарэсы жыхароў губерні. Больш таго, У. А. Друцкой-Сакалінскі глядзёў на губерню, як на сваю ўласнасць, няхай і часовую, пра якую, як пэўны ўласнік і дбаў. У сувязі з чым ён выкарыстоўваў словазлучэнні: «мая губернія», «мае мінчане» і г. д.

Аналізуючы рэтраспектыўна інстытут губернатарства, У. А. Друцкой-Сакалінскі адзначаў у сваіх нататках, што «губернатарская магістратура» глядзіць на губерню, як на сваю вотчыну, уласнасць. І ён адцэньвае гэты стан пазітыўна: улады да свайго ўласнага і роднага будучы адносіцца станоўча — гэта і будзе стымулам для іх плённай працы [3, с. 129—130].

У Мінску У. А. Друцкой-Сакалінскі для паляпшэння харчовай сітуацыі змагаўся са спекуляцыяй. Так, па яго ініцыятыве вайсковыя кіраўніцтва загадала двух спекулянтаў харчаваннем Поляка і Суціна высласць ў Сібір па этапу [3, с. 167].

Кіраўніцтва Сельскай харчовай часці Міністэрства ўнутраных спраў звярнулася ў верасні 1916 г. да мінскага губернатара з тым, каб сфармаваць пад яго старшынствам «Губернскую нараду для распрацоўкі і абмеркавання шэрагу пытанняў, звязаных з арганізацыяй неабходнай дзяржаўнай дапамогі насельніцтву ў мясцовасцях, вызваленых ад ворага» [5, арк. 104]. У кастрычніку 1916 г. ужо міністр земляробства прасіў мінскага начальніка аб скліканні «Асобнай па сельскаму будаўніцтву нарады для вызначэння памераў будаўнічай дапамогі, якая можа спатрэбіцца сельскаму насельніцтву ў пацярпелых ад варожага нашэсця мясцовасцях Мінскай губерні і вызначэння спосабаў аказання такой дапамогі ў адпаведнасці з мясцовымі асаблівасцямі» [5, арк. 108]. Акрамя гэтых бюракратычных захадаў адбываліся і рэальныя дзеянні па паляпшэнню становішча пацярпелых ад вайны жыхароў. Прычым У. А. Друцкому-Сакалінскаму не раз прыходзілася дзейнічаць хутка, а таму самастойна, беручы ўсю адказнасць ня сябе.

Так, галоўны мінскі чыноўнік па прычыне блізкасці тэатра ваенных дзеянняў і адпаведна небяспекі для насельніцтва, рассяліў пінскіх сялян далей ад фронта па казённых лясініцтвах. Калі аб гэтым даведаліся ў Галоўным кіраўніцтве земляробства, то адтуль патрабавалі тлумачэння такіх дзеянняў без дазволу ведамства [3, с. 232].

У. А. Друцкой-Сакалінскі быў прызначаны ў губерню, якая з'яўлялася цэнтрам арэала этнічнага рассялення беларусаў. Але захадаў па адкрыццю беларускамоўных школ, напрыклад, ён не рабіў. І гэта абсалютна зразумела, паколькі па сваіх поглядах належыў да манархістаў. У той час, як на акупаванай немцамі тэрыторыі, напрыклад, у г. Вільне, адчыняліся беларускамоўныя школы, мінскі губернатар не пажадаў уздымаць «нацыянальнае пытанне» [2, с. 451—452].

Лютаўская рэвалюцыя 1917 г. прывяла да таго, што 4 сакавіка служба У. А. Друцкога-Сакалінскага на пасадзе мінскага губернатара скончылася. Ён павінен быў перадаць кіраванне губерняй старшыні губернскай управы Б. Н. Самойленка, які стаў мінскім губернскім камісарам [1, с. 337].

Такім чынам, пасаду апошняга мінскага губернатара займаў чалавек не мясцовага паходжання, рускі па нацыянальнасці, манархіст па палітычных поглядах. Але гэта быў здольны адміністратар і адданы трону чыноўнік, які дбаў у першую чаргу пра інтарэсы ўлады, а не беларусаў — асноўнай часткі насельніцтва Мінскай губерні.

Крыніцы і літаратура.

1. Бригадин, П. И. Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. — 351 с.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII—пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. — Мінск: Экаперспектыва, 2007. — 519 с.; іл.
3. Друцкой-Соколинский, В.А., князь. На службе Отечеству. Записки рус. губернатора (1914—1918 гг.) / Сост. А. В. Воробьев; ред. А. В. Богданчиков. — Орел: РКФ «3 июля»: РИГ «Невероятный мир», 1994. — 405 с., 2 л. ил.
4. Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства (1793—1917): биографический справочник / сост. Ю. Н. Снапковский; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск: Беларусь, 2016. — 398 с., [2] л.: ил.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Фонд 299. — Воп. 7. — Спр. 530. Дело о службе Минского вице-губернатора коллежского советника Н. А. Астафьева (17.03.1915—14.01.1917).

Маслоўскі Яўген Валер'евіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ДАБРАЧЫННЫЯ ТАВАРЫСТВЫ Ў ПАЎСЯДЖЭННЫМ ЖЫЦЦІ РАБОЧЫХ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ НАПЯРЭДАДНІ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Напярэдадні Першай сусветнай вайны на тэрыторыі Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў узнікла і існавала вялікая колькасць дабрачынных і грамадскіх арганізацый, якія аказвалі моцны ўплыў на жыццё тагачасных рабочых губерні. Добрачынныя таварыствы былі прадстаўлены ва ўсіх сферах жыцця рабочых: дзіцячыя садкі-яслі, таварыствы беспрацаэнтнага крэдыту, пахавальныя таварыствы і інш. Дадзеная сітуацыя абгрунтоўваецца тым, што на большасць сфер жыцця рабочых не была абаронена і дзяржава імкнулася перакласці вырашэнне гэтых пытанняў на дабрачынныя таварыствы.

У Віцебскай губерні напярэдадні Першай сусветнай вайны дзейнічалі 36 прафесійных таварыстваў, 25 з якіх былі створаны намаганнямі наёмных рабочых [6]. Справаздача Віцебскага дабрачыннага таварыства за 1913 г. паказвае наколькі шырокай была дзейнасць падобных аб'яднанняў. У ёй утрымліваюцца звесткі аб Доме працавітасці з рамесным прытулкам, прытулкам для дзяўчынак з багадзельняй для старых і прытулкам для дзяцей, кінутых бацькамі. Справаздача змяшчае звесткі аб коштах утрымання аднаго чалавека ў гэтых дабрачынных арганізацыях. На 1 студзеня 1914 г. у Доме працавітасці жыло 94 мужчын. Харчовае ўтрыманне на аднаго чалавека абыходзілася ў дзень у 18 кап., а ў год — 66,03 руб. Агульныя ж выдаткі на аднаго чалавека складалі ў дзень 37,67 кап., а ў год — 137,5 руб.

Прытулак для дзяўчынак і багадзельня для састарэлых жанчын знаходзіліся ва ўласным каменным двухпавярховым доме. Да 1 студзеня ўсяго ў прытулку жылі 33 дзяўчынкі і 46 састарэлых жанчын. Харчаванне аднаго чалавека ў дзень абыходзілася ў 14,28 кап., а ў год — 52,12 руб. Цалкам утрыманне з усімі выдаткамі на жыллё і іншыя патрэбы на аднаго чалавека абыходзілася ў дзень у 22,3 кап., а ў год — 81,4 руб.

Прытулак для дзяцей, кінутых бацькамі, быў адкрыты ў 1904 г. Утрымліваўся ён на сродкі дабрачыннага таварыства са штомесячнай дапамогай ад земства па 5 руб. на немаўля. Да 1 студзеня 1913 г. у прытулку знаходзіліся 19 немаўлят. Прадукты харчавання на кожнае немаўля абыходзіліся ў 11,43 кап. у дзень, а ў год — 41,72 руб.; утрыманне аднаго немаўляці ў дзень абыходзілася ў 34,95 кап., у год — 127,68 руб. [4].

Як бачна з вышэй прыведзеных дадзеных, у прытулках дадзенага тыпу дзеці атрымлівалі прафесійную адукацыю, што дазвалялі ім у далейшым працаўладкавацца.

Некаторыя з таварыстваў дазвалялі рабочаму паменшыць выдаткі на ежу, як, напрыклад, Полацкае дабрачыннае таварыства, у справаздачы якога за 1912—1913 гг. ёсць інфармацыя аб існаванні таннай сталовай. У справаздачы таварыства адзначалася, што за час свайго існавання на працягу 4,5 месяцаў (да знішчэння будынка сталовай пажарам) было выдадзена 6337 «порцый гарачага і сытнага абеду». Пасля аднаўлення працы сталовай 20 студзеня 1913 г. тут «зноў збіраецца маса беднякоў, якія рады атрымаць за 3 капейкі гарачую і сытную ежу і палову фунта хлеба» [5].

Варта адзначыць, што большасць дабрачынных таварыстваў былі створаны з мэтай дапамогі яўрэям. Пры гэтым, колькасць такіх таварыстваў з кожным годам павялічвалася. Сярод іх варта вылучыць дабрачыннае таварыства дапамогі бедным яўрэям 1-й часткі г. Віцебска «Тміхас Аніім». Статутам дадзенага таварыства была прадугледжана наступная дапамога: продаж дроў па коштах, значна ніжэйшых за рынкавыя; раздача бясплатна дроў тым людзям, якія жывуць у нястачы; грашовая падтрымка ў асаблівых выпадках, адкрыццё часовых або пастаянных таных сталовых і пякарняў для выпечкі хлеба. Таксама ў перспектыве (пры пашырэнні сродкаў таварыства) прадугледжвалася дапамога ў забеспячэнні бедных яўрэяў 1-й часткі г. Віцебска хлебам, мукой, адзеннем і абуткам [1].

У першай фінансавай справаздачы таварыства за перыяд з 17 кастрычніка 1910 г. па 11 кастрычніка 1911 г. паведамлялася, што памер ўзносаў дасягнуў 962 руб., аднаразовых ахвяраванняў — 1285,12 руб., выручка ад перапро-

дажу дроў па таннай цане склала 1423,34 руб. У дадатак да гэтага аднаразова ахвяраванні на Вялікдзень склалі 1002,95 руб. Былі пазначаны і выдаткі. Так, за справаздачны перыяд было бясплатна раздадзена розным асобам дроў і хлеба на суму 213,50 руб., на яўрэйскую Пасху бедным яўрэям 1-й часткі горада Віцебска выдаткавана 1016,95 руб. У наступныя гады дапамога яўрэям з боку вышэйзгаданай арганізацыі толькі павялічылася [1].

Існавала вялікая колькасць яўрэйскіх дабрачынных арганізацый, якія дазвалялі яўрэям атрымліваць беспрацэнтныя пазыкі пад заклад маёмасці. Напрыклад, таварыства беспрацэнтны пазыкі «Гмілас-Хасодзім» у Віцебску за 10 месяцаў 1910 г. выдала 264 пазыкі на суму 1610,95 руб., за 1911 г. — 122 пазыкі на 2584,15 руб. [2].

Таксама варта спыніцца на існаванні рамесніцкіх вучылішч. Якія таксама былі заснаваны дабрачыннымі таварыствамі. Тут неабходна ўзгадаць Полацкае рымска-каталіцкае дабрачыннае таварыства, якое дала абед бедным дзецям, змяшчала швейную майстэрню, аказвала матэрыяльную падтрымку хворым і неплацежаздольным асобам, выхоўвала дзяцей у навучальных установах [7].

Медыцынскую дапамогу неплацежаздольныя маглі атрымаць у Віцебскай яўрэйскай бальніцы і багадзельні. У справаздачы гэтай установы за 1912 г. адзначалася, што багадзельня дала прытулак і нагляд 30 людзям — 16 мужчынам, 13 жанчынам і 1 немаўляці [3, с. 14—15]. За 1912 г. шпіталь прыняў 999 стацыянарных хворых, з іх 858 былі яўрэямі і 141 хрысціянамі [3, с. 10].

У справаздачы «Таварыства дапамогі бедным яўрэям г. Мінска» змяшчаецца табліца «Рамёствы і заняткі асоб, якія атрымалі дапамогу», якая дазваляе аднавіць маштаб дзейнасці гэтай арганізацыі [4, с. 25]. У гэтай табліцы можна вылучыць 164 чалавекі, спецыяльнасць якіх адносіцца да фабрычна-заводскага пралетарыату. Дастаткова вялікая колькасць рабочых для тагачаснага Мінска.

У справаздачы «Таварыства дастаўлення бедным яўрэям горада Мінска сродкаў для навучання рамёствах» за 1912 г. прыводзіцца інфармацыя аб агульнай колькасці вучняў — 166, якія бясплатна атрымлівалі адукацыю па рабочым спецыяльнасцям. Акрамя гэтага яны мелі права на бясплатную медыцынскую дапамогу [5; с. 9].

У разглядаемы час у Мінску існавала таварыства «Яслі». Установа выкарыстоўвалася для нагляду за дзецьмі, падчас знаходжання бацькоў на працы. Дзеці тут атрымлівалі ежу, вопратку, пэўныя пачатковыя веды аб адукацыі і рамёствах. Дадзенае таварыства не абмяжоўвалася канфесійнымі рамкамі, прымаючы пад нагляд як дзяцей-хрысціян, так і іўдзеяў. Колькасць дзяцей ў «Яслях» з году ў год павялічвалася: у 1911 г. — 22355, у 1912 г. — 26282, у 1913 г. — 27249 [11; с. 114].

Акрамя названага вышэй таварыства, напярэдадні Першай сусветнай вайны ў Мінску дзейнічала «Мінскае таварыства па ўтрыманню дзённага прытулку для яўрэйскіх дзяцей», у задачы якога ўваходзіла нагляд за малалетнімі дзецьмі бяднейшай часткі жыхароў іўдзейскага веравызнання ў той час, калі іх бацькі заняты працай. Дзяцей прыводзілі сюды раніцай, перад тым як ісці на работу, і тут яны знаходзіліся да вечара на працягу ўсяго працоўнага дня бацькоў. Падчас знаходжання ў прытулку дзеці атрымлівалі ўсё неабходнае. Увесь гэты час дзеці, акрамя ўсяго іншага, знаходзіліся пад наглядам доктара» [10, с. 1—2].

Па такому ж прынцыпу дзейнічалі і іншыя таварыствы такога тыпу. Фабрычна-заводскія рабочыя дастаткова часта звярталіся да такіх таварыстваў,

што пацвярджаецца прыведзенымі вышэй фактамі. Падобныя прытулкі існавалі ў Гродна, у прыватнасці «Гродзенскае таварыства апекі аб дзецях», якое было заснавана ў 1908 г. У ім стала жылі 26 дзяцей і яшчэ 100 карысталіся дзённым прытулкам. Шырэйшымі былі маштабы дзейнасці Віленскага таварыства апекі аб дзецях — у губерні дзейнічала 12 філіялаў, якія давалі выключна дзённым прытулак [11, с. 114—115].

Па інфармацыі, якую прыводзіць у сваёй працы С. Ф. Шымуковіч, у 1913 г. у Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай губерні дзейнічала 13 таварыстваў, якія мэтай свайго існавання ставілі дагляд сірот і дзяцей бедных бацькоў, да якіх можна адносіць рабочых некаторых спецыяльнасцей. Гэтыя таварыствы мелі 6 устаноў, найбольш тыповыя з якіх былі апісаны вышэй [11, с. 115].

З вышэй пералічаных фактаў можна адзначыць, што напярэдадні Першай сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі існавала дастаткова шырокая сетка дабрачынных таварыстваў, якія займаліся дапамогай тым катэгорыям рабочых, заробкі якіх не дазвалялі забяспечыць сваю сям'ю і дапамагалі задаволіць тыя надзённыя патрэбы сем'яў рабочых, на якія не хапала сродкаў з бюджэту сям'і рабочага. Менавіта дабрачынныя арганізацыі выконвалі функцыю амартызавання тых супярэчнасцей, якія ўтвараліся падчас змен у структуры грамадства таго часу, калі вялікая частка былых рамеснікаў ці былых сялян магла перайсці ў групу маргіналаў, але захавала свой статус дзякуючы дзейнасці дабрачынных таварыстваў.

Бібліяграфічны спіс

1. Дело об учреждении благотворительного общества «Пособие бедным евреям» 1-ой части гор. Витебска «Тмихас Аниим» // НГАБ. Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 320. Арк. 5.
2. Дело об учреждении еврейского общества беспроцентный ссуды «Гмилас-Хасодим» в гор. Витебске // НГАБ. Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 100. Арк. 33 адв., 97.
3. Медицинский и хозяйственный отчёт Еврейской больницы и богадельни в Витебске за 1912 г. — Витебск, 1913. — С. 14—15.
4. Отчёт общества доставления бедным евреям города Минска средств для обучения ремёслам за 1912 г. Минск, 1913. 22 с.
5. Отчёт общества пособия бедным евреям г. Минска за 1911 г. Минск. 1912. — 56 с.
6. Отчёт о деятельности Витебского благотворительного общества за 1913 г. — Витебск: Губернская типография, 1914. — С. 4—5.
7. Отчеты о деятельности обществ и союзов Витебской губернии за 1910—1912 гг. / Витебское губернское по делам об обществах присутствие // НГАБ. Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 485. Арк. 199 адв.
8. Списки профессиональных обществ и союзов Витебской губернии за 1907 г. / Витебское губернское по делам об обществах присутствие в гор. Витебске. // НГАБ. Ф. 2649. Воп. 1. С. 87. Арк. 23—25 адв.
9. Списки и уставы обществ и союзов Витебской губернии зарегистрированных и утвержденных на основании «Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.» за 1908—1910 гг. // НГАБ. Ф. 2649. Воп. 1. С. 273. Арк. 93
10. Устав минского общества по содержанию дневного приюта для еврейских детей. Минск, 1913. 16 с/
11. Шимукович, С. Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX — начале XX века. Минск., 2006. 187 с.

Сидорова Светлана Олеговна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНАЯ СВЯЗЬ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ 1917 Г.

В начале XX в. Российская империя вступила в длительный период социальных потрясений: революция 1905—1907 гг., первая мировая война. Все это создавало атмосферу нестабильности и наносило вред социально-экономическому положению государства. В свою очередь без отлаженной работы почтово-телеграфного дела невозможно нормальное функционирование государства.

Проблема развития почтово-телеграфной связи накануне 1917 г. нашла некоторое отражение в общих трудах по истории почты и телеграфа в Беларуси и России К. В. Базилевича [1], М. Псурцева [4, 6] и др. Но, несмотря на эти работы, вопросы развития почтово-телеграфных учреждений на территории Беларуси недостаточно раскрыто в научной литературе. Поэтому автор стремится осветить основные аспекты деятельности почтовых учреждений накануне Октябрьской революции.

В 1884 г. почтовая и телеграфная службы были объединены в единое ведомство — Главное управление почт и телеграфов, входившее в состав Министерства внутренних дел. Главному управлению почт и телеграфов подчинялось почтовое дело (кроме перевозки почты по железным дорогам), телеграф и телефон. На местах была введена система почтовых округов, которые являлись исполнительными органами Главного управления почт и телеграфов. Управлениям почтово-телеграфных округов подчинялись почтово-телеграфные конторы в губернских, уездных и других городах. В каждый округ входило от 30 до 70 почтово-телеграфных контор. В непосредственном подчинении почтово-телеграфных контор находились почтово-телеграфные отделения, расположенные на территории самого города и в уезде. Отделы перевозки почт по железным дорогам подчинялись непосредственно Главному управлению почт и телеграфов. На территории Беларуси накануне 1917 г. функционировали Гродненский, Минский, Виленский и Смоленский почтово-телеграфные округа. Структура местной сети управлений просуществовала без изменений до июня 1918 г., когда были ликвидированы почтово-телеграфные округа [3, с. 48].

Следует отметить, что в предвоенном 1913 г. при общем доходе от почтово-телеграфных операций, составившем почти 121 млн руб., на содержание и развитие службы связи было израсходовано всего 80 млн, а 41 млн руб. пошел в государственную казну. Почтовые тракты обслуживались в основном гужевым транспортом. Они составляли свыше 65 % от общего протяжения почтовых путей. К 1913 г. в Белоруссии было всего 380 учреждений связи. Новые почтовые отделения открывались медленно и с большими трудностями. О слабом развитии сети предприятий связи свидетельствует численность почтово-телеграфных работников, которая по Минскому почтово-телеграфному округу в 1914 г. составляла всего 2328 чел., а в 1917 г. — 2960 чел. [5, с. 26]

Военные действия на территории Беларуси и вызванная этим хозяйственная разруха еще более усугубила то тяжелое положение, в котором находилась почтово-телеграфное дело. Значительная часть предприятий на территории Беларуси была разрушена. Нерегулярность движения поездов, нехватка почтовых вагонов, дороговизна кормов, а местами и их полное отсутствие привели к тому, что перевозка почты стала нерегулярной и дорогостоящей

Во время войны 1914 г. миллионы крестьян были призваны в армию. Отсутствие четко налаженной почтовой связи с фронтом вызвало массовое недовольство солдат. Необходимо отметить, что одной из важных характеристик состояния связи, а также материального и культурного уровня населения могут служить данные, отражающие почтово-телеграфный обмен. Согласно статистическим данным в 1916 г. обмен письменной корреспонденции увеличился по сравнению с 1913 г. в 2,5 раза, посылок — в 2,7 раза. В условиях нарушенной работы почтового обмена привел к резкому ухудшению качественных показателей. Поэтому по требованию Государственной думы в 1916 г. было открыто на селе 3570 отделений связи, в 1917 г. — 469 [2, с. 132]. Однако эти меры не помогли существенно изменить к лучшему организацию почтового дела на территории Беларуси.

В дореволюционное время экономической основой развития телеграфной связи в Беларуси послужило развитие промышленности и быстрое строительство железных дорог. На телеграфных станциях в большинстве случаев устанавливались телеграфные аппараты Морзе и Юза. Однако в этот период население мало пользовалось услугами телеграфа из-за высоких тарифов. К примеру, стоимость 20-словной простой телеграммы составляла около 1/30 часть месячной зарплаты служащего средней квалификации. Соответственно, в 1913 г. исходящих платных телеграмм в Российской империи было только 36 млн, причем средняя длина телеграммы составляла всего 14,3 слова [4, с. 117].

Накануне 1917 г. на территории Беларуси телеграфная связь обслуживала только крупные населенные пункты. Телефонные станции были построены, кроме Минска и Пинска, еще примерно в 15 городах Беларуси (в Витебске, Гродно, Могилеве, Гомеле, Бобруйске, Борисове, Игумене, Мозыре, Орше, Марьиной Горке и др.), в то же время число абонентов, подключенных к каждой из этих станций, колебалось в пределах от 5 до 300 [5, с. 42].

До революции междугородние телефонные линии имели незначительную протяженность и на территории Беларуси охватывали около 40 городов и населенных пунктов. Несовершенство технической базы, ограниченное время действия и применение однопроводных линий делали междугороднюю телефонную связь неустойчивой и малонадежной. В свою очередь, высокая абонентская плата (до 100 рублей в год) делала телефон малодоступным для населения и тормозила развитие телефонной связи.

Положение усугублялось разрухой и дезорганизацией транспорта, которые особенно сказывались в прифронтовой Беларуси. В соответствии с этим, в мае 1917 г. министр почт и телеграфистов Временного правительства Церетели пишет начальнику Минского почтово-телеграфного

округа о дезорганизации на фронте работы почты и телеграфа и требует решительных мер к исправлению положения.

Необходимо отметить, что забастовочная борьба почтово-телеграфных работников в 1905—1906 гг. не привела к улучшению их материального и правового положения. Начавшаяся первая мировая война привела к резкому сокращению числа работников связи. К 1916 г., например, в 58 наиболее крупных предприятиях связи число работников сократилось на 33%, а так как исходящий обмен в эти годы не изменился, то тысячи телеграмм в Москве, Петрограде и других городах отправлялись почтой. Практически все почтовые операции в это время выполнялись вручную. При установленной номинальной продолжительности рабочего дня 11—12 часов практическая его деятельность определялась «волей начальства». В то же время заработная плата в 1916 г. у почтальонов не превышала 250—400 руб., а для надсмотрщиков 300—500 руб. в год [1, с. 229].

К середине 1917 г. работа почты была настолько дезорганизована, что поддерживать ее в сколько-нибудь удовлетворительном состоянии у правительства уже не было возможностей. Закон, изданный 28 марта 1917, должен был улучшить положение связистов. В первую очередь планировалось увеличить количество личного состава учреждений и тем самым уменьшить нагрузку на работников, повысить чиновников в разрядах. Предполагалось три волны расширения штатов: первая — первого апреля, вторая — первого июля, третья — первого октября и закончить к январю 1918. Значительное количество чиновников, которых назначали на высшие разряды, сразу столкнулась с проблемой — рост по служебной лестнице в большинстве случаев предусматривало переезд на другое место жительства, хотя свободных квартир почти не существовало, что тормозило процесс пополнения кадрами почтовые учреждения [6, с. 134].

Таким образом, сложный для Беларуси период накануне 1917 г. сопровождался замедлением работы почтово-телеграфных учреждений, уменьшением количества служащих, падением качества почтово-телеграфных услуг и дороговизной некоторых операций. Однако спрос на почтовые услуги продолжал расти. С огромной нагрузкой работали почтовые и телеграфные учреждения, которые служили единственным средством связи между тылом и фронтом.

Библиографический список

1. Базилевич, К. В. Основные моменты продвижения работников связи в 1905—1906 годах / К. В. Базилевич. — М.: НКПиТ, 1926. — 616 с.
2. Добычина Л. Я., Организация почтовой связи / Л. Я. Добычина. — М.: Связь, 1971 г. — 247 с.
3. Материалы по истории связи в России: XVIII — начало XX вв.: обзор документальных материалов / сост. Ф. И. Бунина, В. И. Вельбель, К. П. Генкина и др.; Министерство связи СССР, Центральный музей связи им. А. С. Попова; Ленинградский государственный исторический архив. — Ленинград, 1966. — 335 с.
4. Псурцев Н. Д. Развитие связи в СССР 1917—1967 гг. / Н. Д. Псурцев. — М.: Связь, 1967. — 479 с.
5. Связь в Белоруссии: Ист. очерк / Бел. респ. правление ИТОРиЭ им. А. С. Попова, Ин-т науч. — техн. информ. и пропаганды при Госплане БССР. — Мн, 1967. — 69 с.
6. Связь страны социализма: сборник материалов о развитии средств связи в СССР / под ред. Н. Д. Псурцева. — Москва: Госиздат по вопросам связи и радио, 1959. — 190 с.

**Хаданёнок Оксана Александровна,
Буювич Татьяна Владимировна**

Государственный архив Витебской области (Витебск, Беларусь)

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА: ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА «РЕВОЛЮЦИОННОЙ» КОНФИСКАЦИИ ЧАСТНОГО ЖИЛЬЯ И ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ЖИТЕЛЕЙ ВИТЕБСКА В СОБСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА (1918—1923 ГГ.)

Начатый в январе 1918 году процесс национализации частных жилых зданий в г. Витебске, был остановлен постановлением исполнительного комитета Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витебский горисполком) от 24.04.1918 [12, с. 161, 139, 165, 187]. В то же время общегосударственная политика, по-прежнему, предусматривала отмену права частной собственности на недвижимость в городах с населением свыше 10000 чел. посредством национализации жилой площади с ее последующей муниципализацией. Иными словами, постановление горисполкома от 24.04.1918 не остановило проведение национализации зданий в Витебске, а лишь привел к тому, что экспроприация жилья перестала согласовываться органами государственной власти и управления.

Такой вывод подтверждается архивными документами, свидетельствующими, что именно на 1918 год пришелся в Витебске пик отъема жилого фонда у частных лиц и что государственные учреждения и (или) любой ответственный работник могли выдать разрешение или занять любое помещение для размещения в нем учреждения или отдельных граждан без согласования с местными органами власти. Ситуация с нарушениями при проведении национализации жилья усугублялась постоянными реорганизациями отдела коммунального хозяйства Витебского горисполкома (горкомхоза) и нехваткой кадров, способных контролировать данный процесс. Например, в квартирном отделе горкомхоза в 1919 году за работу с муниципализированным фондом отвечал всего лишь один человек [1, л.41—42].

Национализация жилья часто сопровождалась конфискацией имущества (мебели и утвари) бывших собственников жилья. В дальнейшем конфискованное имущество, либо оставалось в здании и использовалось новыми жильцами; либо вывозилось и передавалось во временное пользование сторонним лицам или организациям. С этой целью была создана, например, комиссия по реквизиции и конфискации мебели (точная дата создания не установлена), которая действовала до 10.07.1921 [3, л. 331, 359 об]. Архивные документы ликвидационного периода этой комиссии свидетельствуют, что необходимых инструкций о порядке ее работы не издавалось, как на местном уровне, так и на республиканском. Комиссия работала, как считала нужным.

Архивные источники позволяют сделать вывод, что такая ситуация была характерная не только для Витебска, а для государства в целом, хотя 16 апреля 1920 года с выходом Декрета СНК РСФСР «О реквизициях и конфискациях» государство предприняло попытку упорядочить данный процесс. Декретом было строго установлено, какие органы наделены полномочиями и каков порядок проведения реквизицией и конфискацией. Тем не менее его реализация затянулась и на местах продолжали действовать, без учета основ-

ных требований Декрета. В связи с чем появилось циркулярное разъяснение Народного комиссариата юстиции РСФСР от 25.11.1921 № 65 с разъяснением порядка реализации Декрета. В циркуляре указывалось, что до 16.04.1920 не существовало «определенных и точных законодательных определений», что является реквизицией и конфискацией, поэтому принудительное отчуждение (исключая национализацию промышленных и торговых предприятий) происходило стихийно и беспорядочно. В то же время в циркуляре давалось указание, что все реквизиции и конфискации, происходившие до 15.04.1920, не пересматривались и имущество не возвращалось. Но проведенные после 15 апреля рассматривались как должностные преступления, имущество возвращалось владельцу с выплатой компенсации [7, л. 1].

Вероятно, именно появление Декрета от 16.04.1920 явилось основной причиной ликвидации витебской комиссии по реквизиции и конфискации мебели. Ликвидация сопровождалась многочисленными проверками. В результате представители губернского отделения рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), проводившие 05—06.10.1921 ликвидационную ревизию комиссии, указали, что выдача вещей производилась хаотично, либо по решению самой комиссии, либо — исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком) или его председателя [6, л. 456 об]. Еще ранее созданная 24.06.1921 комиссия по ликвидации комиссии по реквизиции и конфискации мебели [3, л. 331 об] на своём итоговом заседании, проходившем 09.07.1921, констатировала, что установить, сколько было конфисковано и реквизировано имущества и кому оно было выдано, не представляется возможным, т. к. ведение необходимых учетно-финансовых документов не осуществлялось, и даже сургучная печать комиссии была утеряна [3, л. 359].

Необходимо отметить, что витебские власти все же в 1919—1921 гг. пытались взять под контроль реквизиции и конфискации имущества, национализацию личного жилья и решать вопрос об управлении им. Например, отдел управления Витебского губисполкома 01.12.1918 издал приказ № 44 и установил запрет на проведение «самочинных» реквизиций и конфискаций зданий [8, л. 4]. Но приказ не достиг своей цели. Об этом говорит тот факт, что 19.04.1921 квартирное отделение горкомхоза обратилось в губисполком с просьбой запретить бесконтрольную конфискацию жилья и вселение в жилые помещения кого бы то ни было без согласования с органами власти [1, л. 170]. В 1919 году городские власти попытались взять под контроль и взыскание с жильцов квартплаты. В «Журнале заседания отдела городского хозяйства» имеется постановление от 10.01.1919, пункт 8 которого вменил в обязанности заведующему конфискованными домами и бухгалтеру квартирного отдела организовать сбор арендной (квартирной) платы [10, л. 68]. Создавались домовые комитеты, назначались управляющие муниципализированными домами, через которых пытались собирать квартплату. Но и в данном направлении, вплоть до 1923 года, работу полностью наладить не удалось.

Как особенность национализации жилья в Витебске в 1918—1921 гг. можно отметить тот факт, что часто фактически национализированные здания продолжали юридически оставаться личной собственностью граждан, и плату за их аренду, в том числе и государственные учреждения, перечисляли бывшим владельцам. Например, обнаружена информация, что здание, занятое

отделом юстиции Витебского губисполкома по адресу: улица Володарского, д. 48, — еще в 1921 году являлось частной собственностью, и арендную плату за размещение в нем отдел перечислял бывшей домохозяйке Поповой, а не горкомхозу [9, л. 50].

Следует подчеркнуть, что в 1922—1923 гг., оправдываясь перед Главным управлением коммунального хозяйства (Главупкомхоз) Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР о причинах нарушений при проведении в Витебске национализации зданий, государственные органы не ссылались на постановление горисполкома от 24.04.1918 об отмене национализации. Логично предположить, что к этому времени, в связи со сменой всего руководящего состава губисполкома и горисполкома, с одной стороны, и, с другой — в связи с плохой сохранностью документов горисполкома за 1918—1921 гг., о наличии этого постановления никто попросту не помнил. Причиной назывались трудности военно-революционного времени, в частности, особое, прифронтовое положение губернии.

Так 18.04.1919 в Витебске было создано отделение по управлению городским имуществом при хозяйственном подотделе горкомхоза [10, л. 92]. В 1920 году была проведена очередная реорганизация горкомхоза и произведено полное укомплектование квартирного подотдела. В этом же году была предпринята очередная попытка реализовать в Витебске и губернии Декрет СНК РСФСР от 25.05.1920 «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» *. Вероятно, в августе месяце появилось «Обязательное постановление», принятое совместно Витебским губернским военно-революционным комитетом (губревкомом), Витебским уездно-городским революционным комитетом (угорревкомом), губернским отделом здравоохранения и горкомхозом, которое установило порядок регистрации жилой площади и нормы ее распределения среди населения и учреждений [4, л. 34; 11, л. 351]. Этим же постановлением было установлено, что, начиная с 25.08.1920, в течение 24 часов учреждения обязаны были сообщить о наличии сверхнормативной площади («излишках») в занимаемых ими помещениях. Граждане же в течение месяца должны были добровольно подобрать себе жильцов на «излишнюю» площадь. В противном случае по решению городских властей в помещения с «излишками» жилой площади производилось принудительное подселение новых жильцов («уплотнение») [11, л. 351]. Документы свидетельствуют, что в случаях, когда владельцы зданий отказывались исполнять распоряжение об «уплотнении», к ним применялся арест [2, л. 46].

В мае 1922 года в республике был завершен процесс конфискации зданий и личного имущества граждан без соответствующего на то решения суда. Поставил окончательную точку в данном вопросе появившийся в мае 1922 года Декрет ВЦИК (принят на 3-й сессии IX созыва) «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». Данный документ предоставлял всем гражданам право собственности на немунципализированные до мая 1922 года местными Советами строения в городских и сельских местностях с правом передачи по наследству. В ходе реализации Декрета НКВД и Народный комиссариат РКИ РСФСР приняли решение о том, то в течение 1922—1923 гг. допустимо согласовать с НКВД муниципализацию тех зданий, которая на практике была проведена, но не утверждена в соответствии с законодательством. При этом зда-

ния в 1918—1922 гг. должны были быть, или заселены гражданами, или заняты советскими учреждениями, или фактически контролироваться местным коммунальным отделом. От учреждений в подобных случаях требовалось непременно ходатайство и предоставление гарантий о заключении с горкомхозом договора о последующей аренде здания и его обслуживании [5, л. 48—49]. Еще одним условием, при котором могла быть оформлена ранее проведенная муниципализация, являлось такое положение вещей, при котором бывшие владельцы не могли исполнять обязанностей по содержанию здания в соответствии с декретом СНК РСФСР «Об управлении домами» от 08.08.1921. В последнем случае, дом муниципализировался как бесхозный [5, л. 49 об]. Все эти разъяснения были изложены в циркуляре Главного управления коммунального хозяйства (Главупкомхоз) НКВД РСФСР от 20 сентября 1922 года за № 237 и направлены на места для использования в работе местных органов власти и управления. В результате отдел коммунального хозяйства исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губкоммунотдел), который с января 1921 года стал контролировать состояние жилого фонда Витебска, составил докладную записку в президиум губисполкома от 18.04.1922 о состоянии коммунальных домов, где указал, что губкоммунотдел имеет в своем ведении по городу до 400 домов, из коих 252 официально муниципализованы, а остальные являются, по сути, бесхозными [5, л. 48]. В этом же году была создана комиссия Витебского губкоммунотдела по рассмотрению материалов об оформлении муниципализации домов г. Витебска и Витебской губернии, которая окончательно завершила в городе процесс муниципализации: часть зданий официально перешла в собственность государства, а часть — возвращена в собственность граждан. После 1923 года к вопросу о принадлежности жилого фонда и личного имущества граждан власти города не возвращались. Все спорные ситуации стали решаться только через суд.

Иными словами, в истории проведения реквизиций (конфискаций) имущества и национализации жилого фонда Витебска можно выделить несколько этапов: январь 1918 г. — 1920 г. — этап проведения практически бесконтрольного отчуждения личной собственности граждан, в том числе и жилых строений, в пользу советских структур и определенных групп населения; 1921 г. — переходный этап, на протяжении которого местные органы власти прекращают деятельность по изъятию имущества граждан, но продолжают проводить «уплотнение» жилого фонда Витебска и пытаются упорядочить деятельность по национализации жилья; 1922—1923 гг. — этап установления полного контроля за национализированным жилым фондом Витебска и оформления права на владение зданиями города в соответствии с действующим законодательством.

Библиографический список

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 95.
2. ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 136. Т. 1.
3. ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 136. Т. 2.
4. ГАВО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 186.
5. ГАВО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 417.
6. ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 21.

8. ГАВО. Ф. 103. Оп.1. Д.526.
9. ГАВО. Ф. 103. Оп.1. Д.74.
10. ГАВО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАВО. Ф. 2268. Оп. 1. Д. 29.
12. ГАВО. Ф. 9742-п. Оп. 1. Д. 155.

Хадасевич Анна Сергеевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1917 год — это действительно год судьбоносный, как в позитивном, так и негативном отношении. Радикальные социально-политические преобразования после октябрьских событий 1917 года изменили и обострили не только политическую ситуацию в стране, но и конфессиональную. Начался длительный путь конфронтации государства и церкви.

В первые годы после прихода большевиков к власти их религиозная политика несколько раз меняла свое направление. Устойчивым оставалось желание покончить с Русской православной церковью, как главенствующей на тот момент религиозной организацией в стране. Для достижения этой цели большевики пытались, в числе прочего, использовать и другие религиозные конфессии. Однако в целом религиозная политика была направлена на искоренение религии, как несовместимой с марксистской идеологией. Свое мировоззрение, направленное на искоренение религии, социалисты сразу же стали претворять в действие. Уже в одном из первых советских декретов — в «Декрете о земле», принятом на второй день советской власти: были предусмотрены масштабные антицерковные мероприятия по ликвидации и национализации монастырских и церковных земель. Как известно, вскоре было конкретизировано отношение к церкви в следующем декрете и, таковым явился «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» 23 января (5 февраля) 1918 года. Были приняты ряд специальных законодательных актов по национализации церковных и монастырских земель, о прекращении финансирования на содержание духовенства, храмов и религиозных церимоний. В январе 1918 года были ликвидированы государственные учреждения, занимавшиеся делами духовенства

Следует отметить, что принятые после революции законодательные акты имели двойственный характер. С одной стороны, ряд из них соответствовали модели светского европейского государства. Так, «Декларация прав народов России» предусматривала отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Позднее эта норма была закреплена в первой советской Конституции 1918 года. С другой стороны, большевики с самого начала не скрывали своего враждебного отношения к религии вообще и к РПЦ, в частности. Так, в ст. 65 Конституции 1918 года, исходя из принципа разделение общества на «близкие» и «чуждые» классы, монахи и духовные служители церковных культов лишались избирательных прав.

Деятельность всех конфессий строго контролировалась со стороны государства. 8 мая 1918 года при Наркомате юстиции создали VIII-ой отдел во главе

с П. Красиковым, воинствующим атеистом. Он четко пояснил, что коммунисты своей программой и всей своей политикой, выраженной в советском законодательстве, намечают единственный, в конечном счете, путь, как религии, так и всем ее агентам — это путь в «архив истории». Именно в их компетенции находилась антирелигиозная кампания. Борьба велась всевозможными методами: закрытием церквей и монастырей, превращая их в склады, театры, клубы или, в худшем случае, разрушая, проведением антирелигиозной пропаганды, поруганием святых мощей, уничтожением священных книг и богословской литературы, закрытием духовных школ и академий, запрещением религиозного воспитания детей и молодежи, арестом, расстрелом и ссылками в концентрационные лагеря православных епископов, священников, монахов и т. д. За такую жесткую разрушительную политику этот отдел прозвали Ликвидационным. Там вершили судьбы церковных иерархов.

Борьба с религией имела разную остроту в разное время. Религия была объявлена «опиумом для народа» и уничтожалась жестокими мерами, как опасная и вредная для советской государственной системы. В программе РКП(б), принятой на VIII съезде в марте 1919 года, было сказано, что по отношению к религии нельзя ограничиваться лишь декретированным отделением церкви от государства и школы от церкви. Согласно этой программе, РКП(б) свою цель видела в полном отмирании «религиозных предрассудков».

В. И. Ленин, несмотря на проводимую политику борьбы с «религиозными предрассудками» в 1918—1921 гг. периодически давал указания против оскорбления чувств верующих. Выступая на I Всероссийском съезде рабочих 19 ноября 1918 года, он отметил: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства» [4, с. 106].

В свою очередь надо отметить, что и Патриарх Тихон, и Поместный Собор, который проходил в 1917—1918 г. г. и все последующие руководители Православной церкви до 1927 года, твердо отстаивали принцип церковной аполитичности: церковь не участвует в Гражданской войне и не участвует в политической борьбе. Патриарх Тихон тогда же призвал духовенство проявлять в отношении советской власти гражданскую лояльность, повиноваться советским законам, когда эти законы не противоречат вере и велениям христианской совести. Это давало основание и Патриарху, и его последователям утверждать, что обвинения церкви в контрреволюции безосновательны. Однако, следует признать, что в церкви, особенно в период Гражданской войны были те, кто открыто выражал свои симпатии «белым». Так, митрополит Антоний (Храповицкий) возглавлял Высшее Временное церковное Управление Юга России при правительстве Деникина. Было свое Временное церковное управление и при армии Колчака в Сибири. В армиях Колчака и Деникина были военные священники. На это ссылались советские органы, как на доказательство контрреволюционной деятельности церкви. Никаких реальных доказательств того, что церковь участвовала в контрреволюции, у советской власти не было.

Церковнослужители всегда заявляли, что церковь не занимается никакой контрреволюцией, церковь не ведет никакой политической борьбы с властью и не участвует в заговорах против нее. Но с точки зрения большевистской власти, любой носитель религиозной идеи, не разделяющий в полной мере ком-

мунистической идеологии, уже являлся контрреволюционером. Именно такое глубинное идеологическое противоречие между коммунизмом и религией, было главной причиной конфликта.

В разгар расправы с духовенством Патриарх Тихон издал совместно со Священным синодом и Высшим церковным советом постановление за № 362, в котором предоставлялись епархиальным архиереям большие полномочия и права в деле устройства церковной жизни в их епархиях, включая создание митрополичьего округа. Впоследствии это послужило основанием для объявления 23 июля 1922 года Белорусской православной митрополии во главе с епископом минским Мельхиседеком (М. Паевским). Среди белорусского духовенства было сильно стремление иметь независимую от Москвы Белорусскую митрополию и своего митрополита.

Православная церковь в Беларуси испытала сильные гонения уже в первые месяцы советской власти, поскольку имела огромное влияние на население. Ведь на территории Беларуси действовали 2693.церкви, около 2 тысяч церковноприходских школ, 3 духовные семинарии [2, л. 132]. Близость к фронту усиливала и ужесточала действия большевистских организаций в отношении к делам религиозных учреждений. Что более удручает, так это то, что такая жестокость проявлялась и к священнослужителям. Так, с разрешения комиссаров Западной области, воспользовавшись отъездом московских иерархов в Москву на церковный Собор, были не только захвачены духовная семинария и училища, но и архиерейский дом, дома кафедрального собора, консистория. Священнослужители кафедрального собора были выброшены из своих квартир. Грабительская кампания набирала силу повсеместно, но развернуться в полной мере не получилось из-за оккупации территории Беларуси немцами в феврале 1918 года.

После подписания Рижского мирного договора в марте 1921 года часть Минской епархии оказалась в канонической юрисдикции Польской автокефальной православной церкви. В восточной или советской Беларуси возникла необходимость пересмотра руководства Православной церковью. В июле 1922 года прошел съезд духовенства Минской епархии, своего рода поместный собор Белорусской православной церкви и провозгласил автономии Белорусской церкви, которая в то время находилась в пределах Минской епархии. Съезд принял решение о возведении Мельхиседека в сан митрополита Минского и Белорусского. Важным было решение о создании на территории Беларуси четырех епархий: Минской, Бобруйской, Мозырьской и Слуцкой [1, с. 158].

В 1922 году, под видом помощи голодающему Поволжью, с новой силой развернулось изъятие церковных ценностей, во исполнение Декрета ВЦИК «О порядке конфискации церковных ценностей». 1 марта 1922 года создана специальная комиссия во главе с председателем ЦИК А. Червяковым. Началась беспредельная конфискация церковного имущества, обрядовых и духовных ценностей.

Декрет ВЦИК, принятый без согласия церковной общественности, вызвал справедливую неудовлетворенность верующих. Против декрета выступил патриарх Тихон, в обращении к православным он заявил: «Мы не можем одобрить изъятие из храмов пожертвований, освещенных вещей, использование которых не для богослужебных целей запрещается законами Вселенской

церкви и карается ею как святотатство — прихожанам отлучением от церкви, священнослужителям — лишением сана». [3, с. 75]

Во многих местах верующие выходили на защиту своих святынь. И конфискация церковных ценностей проходила с определенными трудностями. Процесс конфискации церковных ценностей находился под контролем Центрального бюро КП(б)Б. Наступление большевиков на религиозные организации сопровождалось внутрицерковной борьбой. Она продемонстрировала отношение церковных иерархов к новому режиму. На этой почве произошел раскол на «тихоновцев и обновленцев». В результате жёсткой антирелигиозной политики и общего внутрицерковного кризиса Белорусская автономная православная церковь теряла свои позиции, что и привело к её ликвидации.

Библиографический список

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII—XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава — Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998—340 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 29. Д. 693.
3. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы. Москва. 1996—377 с.
4. Смирнов М. Ю. Религия и Библия в трудах В. И. Ленина: новый взгляд на старую тему. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. — № 2. — С. 106—125.

Шемплехова Наталья Александровна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (Могилев, Беларусь)

ВЫБОРЫ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОТ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1906 Г.

Деятельность Государственного совета Российской империи является важной темой для изучения, поскольку позволяет исследовать механизм его функционирования, как законодательного органа власти, проанализировать выборных представителей от белорусских губерний, их социальное происхождение, имущественное положение, возраст, национальность, образование, определить основные темы выступлений на заседаниях Госсовета и их политические позиции.

Данные о выборах представителей белорусских губерний в Государственный совет Российской империи основаны на материалах Национального исторического архива Беларуси г. Гродно и Национального исторического архива Беларуси г. Минска, в основном они представлены списками лиц, имеющих право быть избранными в члены Госсовета.

Первые выборы в Государственный совет Российской империи состоялись с 16 марта по 26 мая 1906 года. Основные положения о выборах в Государственный совет были изложены в именном высочайшем указе от 21 февраля 1906 года (статья 198 — «О переустройстве учреждения Государственного совета»). Так, в члены Госсовета не могли избираться: лица младше сорока лет; не окончившие курс или не прошедшие экзамен в среднем учебном заве-

дени; иностранцы; лица женского пола. А также представленные в статьях 7 и 8 «Положения о выборах в Государственную думу». Выборы производились закрытой подачей голосов с помощью шаров или записок. Избранными членами считались те, кто получил более половины голосов. В случае получения равного количества голосов, члены верхней палаты выбирались жребием. Если число тех, кто получил, более половины голосов не было равным числу выборщиков, то на следующий день проводились дополнительные выборы. В случае безрезультатности проводились очередные выборы, но уже заключительные [5, л. 58].

Жалобы, связанные с неправильностью производства выборов подавались в трехдневный срок на имя Государственного совета его представителю, со дня закрытия собрания или съезда и обязательно сопровождалась объяснениями. Совет рассматривал жалобу в течение недели со дня получения [5, л. 59].

Так происходило рассмотрение жалобы землевладельца В. Коссова об исключении его, из списка землевладельцев, имеющих право быть избранными в члены Государственного совета по Витебскому уезду [2, л. 1]. Его исключение произошло ввиду отсутствия информации о возрасте и образовательном цензе. Витебская уездная по делам о выборах в Государственную думу комиссия просила предоставить все необходимые сведения для разрешения данного вопроса.

Данная комиссия рассматривала и дело по жалобе графа Г. Х. Броэль-Плятера, об исключении его кандидатуры для выборов в члены Государственного совета по Двинскому уезду [2, л. 1—2]. Он не был допущен к выборам ввиду того, что действовал по доверенности своей жены графини М. Э. Броэль-Плятер, которая обладая полным избирательным цензом, могла осуществить участие в выборах, только посредством своего мужа или сына. Граф выступал против ограничительного закона «непосредственного голоса» и просил дать распоряжение уездной комиссии по выборам в Государственную думу об исправлении составленного списка и о внесении его в список избирателей в Государственный совет [3, л. 1—2].

Все необходимые данные для включения в списки лиц, имеющих право быть избранными в Госсовет, необходимо было предоставить в делопроизводство комиссии по составлению списков присяжных заседателей и в канцелярию предводителя дворянства, и, в крайнем случае, через полицию или запрос по телеграфу [4, л. 1].

Например, интересно проследить, что представляли собой по данным спискам выборы в Государственный совет Российской империи от одной из белорусских губерний. 2 марта 1906 года Кобринской уездной по делам о выборах в Государственную думу комиссией были рассмотрены избирательные списки. В итоге, комиссией было принято решение об их утверждении и передачи гродненскому губернатору [4, л. 2]. Согласно списку Кобринской уездной комиссии лиц, имеющих право быть избранными в члены Государственного совета по Кобринскому уезду, было 11 человек. Все они являлись землевладельцами. Размеры их владений в десятинах распределились таким образом: от 700 до 800 десятин — 2 человека, от 900 до 1000—6 человек, от 2000 до 4000 тысяч — 3 человека. Их возрастной ценз был следующим: младший — 50 лет, старший — 71 год (2 человека). В соответствии в образовательным цен-

зом курс гимназии закончыло — 3 чалавека, курс інстытута — 2 чалавека, курс кадэцкага корпуса — 1 чалавек, курс імператарскага ўніверсітэта — 4 чалавека, і курс рэальнага училища — 1 чалавек [4, л. 7—8].

Помімо Кобрынскага ўезда былі прадставлены спіскі людзей, якія мелі права ўдзялення ў выбарах членаў Госсвета з наступных ўездаў Гродненскай губерніі: Сокольскі ўезд: усяго 16 чалавек. Колькасць зямлі: ад 200 да 400—10 чалавек, ад 500 да 700—4 чалавека, ад 800 да 1000—2 чалавека. Даных па ўзросту, адукацыі і вераісповяданню не існуе ні ў адным з наступных ўездаў. Брэстскі ўезд: усяго 52 чалавека. Колькасць зямлі: ад 200 да 400—21 чалавек, ад 500 да 700—15 чалавек, ад 800 да 1000—8 чалавек, ад 2000 да 4000—6 чалавек, ад 5000 да 6000—2 чалавека. Волковыскі ўезд: усяго 57 чалавек. Колькасць зямлі: ад 200 да 400—29 чалавек, ад 500 да 700—7 чалавек, ад 800 да 1000—17 чалавек, ад 2000 да 4000 тысяч — 2 чалавека, ад 5000 да 8000—2 чалавека. Пружанскі ўезд: усяго 33 чалавека. Колькасць зямлі: ад 200 да 400 чалавек — 11 чалавек, ад 500 да 700 чалавек — 10 чалавек, ад 800 да 1000—10 чалавек, ад 2000 да 4000—2 чалавека. Беластоцкі ўезд: усяго 28 чалавек. Колькасць зямлі: ад 200 да 400—13 чалавек, ад 500 да 700—5 чалавек, ад 800 да 1000—8 чалавек, ад 5000 да 6000—2 чалавека. Кобрынскі ўезд: усяго чалавек 68. Колькасць зямлі: ад 200 да 400—29 чалавек, ад 500 да 700—16 чалавек, ад 800 да 1000—15 чалавек, ад 2000 да 4000—7 чалавек, ад 8000 да 10000—1 чалавек. Гродненскі ўезд: усяго чалавек: 52. Колькасць зямлі: ад 200 да 400—21 чалавек; ад 500 да 700—13 чалавек, ад 800 да 1000—14 чалавек, ад 2000 да 5000—4 чалавека [4, л. 13].

Так, у Дзяржаўны савет І склікання ад беларускіх губерняў былі абраны ў асноўным прадставіцелі дваранскага сословія і ўладальнікі значнага колькасцю зямлі, некаторыя з іх акрамя таго мелі ў сваім распаражэнні прамысловыя прадпрыемствы. Сярод найбольш актывных членаў Госсвета былі — І. О. Корвін-Мілевскі ад Віленскай губерніі, які меў у сабласнасці 4600 дзесяцін і вінокурны завод у Віленскай губерніі, Г. В. Выковский ад Могілеўскай губерніі быў уладальнікам 1423 дзесяцін, С. І. Лопачінскі ад Вітэбскай губерніі ўладуе родавым імемнем у 10000 дзесяцін у Вітэбскай губерніі [1; с. 134].

Бібліаграфічны спісак

1. Дзяржаўны савет Расійскай імперыі 1906—1917: / рэдкал.: В. В. Шелохаев. — М.: Расійская палітычная энцыклапедыя (РОССПЭН), 2008. — 343 с.
2. Дэле па жалобе графа Г. Броель-Плятэра аб ісклучэнні яго з спіска кандыдатаў для выбараў у члены Дзяржаўнага савета (15—25 сакавіта 1906 г.). // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). — Ф. 2558. — Оп. 1. — Д. 21.
3. Дэле па жалобе землеўладальца В. Косова аб ісклучэнні яго з спіска землеўладальцаў, якія мелі права быць абранымі ў члены Дзяржаўнага савета па Вітэбскаму ўезду (28—31 сакавіта 1906 г.) // НІАБ. — Ф. 2558. — Оп. 1. — Д. 20.
4. Дэле па складанні спіскаў аб выбарах у Дзяржаўны савет [пратакол засядання камісіі і спіскі абірацеляў і кандыдатаў для абрання ў Дзяржаўны савет па Кобрынскаму ўезду і Гродзенскай губерніі з указаннем імущественнага ценза і адукацыі] // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродно (НІАБ ў г. Гродно). — Ф. 59. — Оп. 1. — Д. 4.
5. Сборы заканаў і распаражэнняў ўрада, выдаваныя пры ўрадавым сенате] // НІАБ ў г. Гродно. — Ф. 1202 — Оп. 1. — Д. 1.

СЕКЦЫЯ 6

**ЗМЭНЫ Ё ДЗЯРЖАЎНА-ПРАВАВЫМ СТАНОВІШЧЫ
БЕЛАРУСІ Ё ВЫНІКУ РЭВАЛЮЦЫЙНЫХ
ПАДЗЕЙ 1917 Г.****Бибіло Валентіна Ніколаевна***Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)***СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ
СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В БЕЛАРУСИ**

История белорусской судебной системы неотделима от истории Беларуси. На различных этапах белорусской государственности суд путем осуществления правосудия выполнял функции государства. Воздействие законодательства России на правоприменительную практику всегда было существенным, но особенно в первые годы советской власти. Многие нормативные правовые акты РСФСР распространяли свое действие на территорию Беларуси. Говоря о значимости законодательства РСФСР для Беларуси, следует иметь в виду, что реально оно не всегда могло действовать, поскольку на территории Беларуси продолжительное время велись военные действия.

В разные периоды белорусской государственности на территории Беларуси действовали суды общей и специальной юрисдикции, а также военные суды. Кроме того, функционировали третейские и общественные суды, не входящие в судебную систему государства.

Одним из наиболее важных нормативных правовых актов, регулирующих судоустройство в Беларуси, было Положение о судоустройстве, изданное ЦИК БССР 30 марта 1923 г. [1, с. 54—68]. В нем была закреплена судебная система, в которую входили суды общей и специальной юрисдикции. К судам общей юрисдикции относились: народный суд в составе постоянного народного судьи; народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей; Высший Суд Республики; Верховный Суд Республики и его коллегии. В Положении отмечалось, что специальные суды являются временными и к ним относятся: военные трибуналы — для рассмотрения дел о воинских преступлениях; особые трудовые сессии народных судов — по делам о преступлениях, совершенных с нарушением законов о труде, и земельные комиссии — по земельным делам. По делам о спорах об имущественных правах между государственными органами Положение предусматривало функционирование Белорусской Арбитражной комиссии, состоящей при Совете Народных Комиссаров (*далее* — СНК).

Народным судьей мог быть неопороченный по суду гражданин и гражданин БССР, имеющие стаж политической или юридической работы. Судьи избирались сроком на один год по представлению Высшего Суда Республики, в уездах — уездными исполкомами, а в Минске — городским исполкомом и утверждались Наркоматом юстиции. Для формирования состава народных заседателей образовывались специальные комиссии, под названием «Комиссия по разверстке», в состав которых входили: член местного уездного испол-

кома (председатель комиссии), помощник прокурора и один народный судья. Комиссии определяли, сколько народных заседателей должно быть при определенном суде из расчета: 50 % — из рабочей среды; 35 % — от крестьян, 15 % — из воинских частей. Списки отсылались в трудовые коллективы и воинские части, где проходили выборы народных заседателей. Уездная комиссия утверждала общий список избранных народных заседателей.

Для истории судебной системы Беларуси было характерно функционирование с 1924 г. национальных камер народного суда — специальных судебных составов при районных судах. Их создание — это одно из практических мероприятий по проведению национальной политики. И хотя этот вид судов просуществовал недолго, он оставил заметный след в истории суда.

В Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ) от 31 июля 1920 г. устанавливалось полное равноправие белорусского, русского, польского и еврейского языков [6, с. 53—55]. В развитие этой Декларации 15 июля 1924 г. ЦИК БССР принял постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» [7], которым был намечен комплекс мер по развитию белорусского языка и расширению сферы его применения, развитию национальной культуры, выдвижению кадров из коренного белорусского населения. Государственные учреждения и общественные организации обязаны были в течение трех лет перевести делопроизводство на белорусский язык. Русский язык предполагалось использовать для сношений с другими союзными республиками, а также с общесоюзными органами. С учетом того, что население республики было многонациональным, в этом постановлении говорилось о безусловном обеспечении прав, развитии языка и культуры национальных меньшинств.

В целях реализации положений этого постановления ЦИК БССР были образованы национальные камеры народного суда. Предполагалось, что их функционирование обеспечит максимальную доступность суда для компактно проживающих национальных меньшинств, к которым тогда относились евреи, поляки и латыши. Было образовано десять национальных камер народного суда: шесть еврейских, три польских и одна латышская, в компетенцию которых входило рассмотрение уголовных и гражданских дел. Так, за 1926 г. в общей сложности еврейские национальные камеры рассмотрели 1902 уголовных и 4762 гражданских дела, польские соответственно — 136 и 191, латышская — 17 и 42 дела. Основную массу дел составляли гражданские дела (квартирные споры — 33 %, алиментные дела — 10 % и др.), но рассматривались и дела о преступлениях против порядка и власти (8 %), о кражах и торговле самогоном (1,5 %) и др. [5, с. 110]. Национальные камеры народного суда действовали почти десять лет и упразднены 31 марта 1934 г. постановлением Президиума ЦИК БССР [8, с. 7].

Положение о судостроительстве БССР 1931 г. [1, с. 140—151] закрепило двухзвенность судебной системы: народные суды и Верховный Суд БССР. Окружные суды были упразднены в связи с изменением административно-территориального деления и ликвидацией округов.

Конституция СССР 1936 г. отнесла регулирование судостроительства к ведению СССР. 16 августа 1938 г. был принят Закон «О судостроительстве

СССР, союзных и автономных республик» [4, с. 564—571], в соответствии с которым в БССР действовали три звена судов: 1) народные суды; 2) областные суды; 3) Верховный Суд БССР.

В соответствии с Основами законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. в БССР был принят Закон о судостроительстве 20 ноября 1959 г. [1, с. 156—168].

Закон о судостроительстве БССР от 1959 г. предусмотрел отчеты судей перед теми, кто их избрал: народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района (города) сроком на пять лет, а народные заседатели этих судов избирались на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства (ст. 28). Судьи областных судов избирались областным Советом депутатов трудящихся сроком на пять лет. Областной суд действовал в составе президиума, судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам. Верховный Суд Белорусский ССР избирался Верховным Советом БССР сроком на пять лет и действовал в составе Пленума, судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам. Законом не было предусмотрено образование Президиума Верховного Суда.

В связи с принятием Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г. в законодательство о судостроительстве были внесены изменения. Так, Законом СССР от 25 июня 1980 г. Верховный Совет СССР утвердил новую редакцию Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР [3]. Принятый 26 ноября 1981 г. Закон БССР «О судостроительстве Белорусской ССР» [1, с. 261—281] также не привел к коренным изменениям в судостроительстве БССР. На момент принятия этого закона уже функционировал Минский городской суд, приравненный по своей компетенции к областным судам, о чем было сказано в Законе. В статье 20 перечислены суды, входящие в судебную систему БССР, к которым относились: Верховный Суд, областные суды, Минский городской суд и районные (городские) народные суды. Образование судов специальной юрисдикции не было предусмотрено.

После упразднения СССР и объявления Беларуси самостоятельным и независимым государством началась подготовка нового законодательства о судостроительстве.

Длительное время в Беларуси наряду с государственными судами функционировали общественные суды. Они не входили в судебную систему государства и создавались в рамках гражданского общества, предназначаясь для рассмотрения социальных конфликтов, возникающих в сфере реализации норм нравственности либо локальных, корпоративных правовых норм. Применительно к ним в Беларуси использовались различные наименования (сельские, местечковые, колхозные), но наибольшее распространение получило название «товарищеские суды».

В конце 80-х гг. XX в. количество товарищеских судов стало неуклонно сокращаться. После объявления Республики Беларусь самостоятельным и независимым государством начались преобразования политического и экономического характера. Получила упрочение частная собственность, увеличилась безработица, ликвидировались предприятия. Товарищеские суды в этот переходный период не могли существовать в прежнем виде.

На общих собраниях одних трудовых коллективов принимались решения о прекращении деятельности товарищеских судов, а на других они перестали функционировать сами по себе. Вместе с тем в последние годы наблюдается и такое явление: народ, особенно в сельской местности, начал проявлять инициативу в создании общественных судов.

В отличие от государственных судов, сфера деятельности общественных судов — гражданское общество. В правовом государстве, где есть большой простор для реализации индивидуальной свободы человека, то или иное сообщество людей, образующих коллектив, может выбрать такие нормы поведения, которые будут авторитетными именно для этих людей. Однако для принятия трудовым коллективом или иным сообществом людей таких нормативных правовых актов об общественных судах необходимо иметь предварительное разрешение со стороны государства, которое должно быть закреплено в общегосударственном правовом акте, иначе существует угроза, что трудовой коллектив или иное сообщество людей превысит свою компетенцию и закрепит такие нормы права, природа которых не будет соответствовать общественным судам. Желательно, чтобы было принято «Типовое положение об общественных судах», которое послужило бы ориентиром для принятия локального нормативного правового акта об общественных судах в тех коллективах, которые пожелают функционирования таких судов [2, с. 294—300].

В настоящее время в Республике Беларусь судебную систему образуют районные (городские) суды, областные (Минский городской) суды, экономические суды областей (г. Минска), Верховный Суд Республики Беларусь, Конституционный Суд Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Белорусское законодательство о суде, прокуратуре, адвокатуре и органах охраны общественного порядка (1919—1991) / сост. В. Н. Бибило. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. — 464 с.
2. Бибило, В. Н. Общественные суды как атрибут белорусского гражданского общества // Правотворчество и правоприменение в условиях инновационного развития общества: сб. науч. тр.: в 2 ч. — Гродно: ГрГМУ, 2014. — Ч. 2. — С. 294—300.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1980. — № 27. — Ст. 546.
4. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917—1954 гг.: сб. документов / под ред. С. А. Голунского. — М.: Госюриздат, 1955. — 635 с.
5. Практическое решение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике (к 10-й годовщине Октябрьской революции): Работа среди национальных меньшинств. — Минск: Национальная комиссия ЦИК БССР, 1928. — 162 с.
6. Революционные комитеты БССР и их деятельность по упорочению советской власти и организации социалистического строительства (июль, декабрь 1920 г.): сборник документов и материалов. — Минск: АН БССР, 1957. — 523 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии. — 1924. — № 11. — Ст. 108.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики (с изменениями на 15 июня 1938 г.). — Минск: Госиздат Белоруссии. Соц. — эконом. лит., 1938. — 96 с.

Василевич Григорий Алексеевич

*Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)*

КОНСТИТУЦИЯ 1919 ГОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛОРУССИИ

3 февраля 1919 года была принята первая социалистическая Конституция Советской Республики Белоруссии. К этому времени в РСФСР в 1918 году уже была принята своя Конституция. Конституции РСФСР и ССРБ по структуре и содержанию несколько отличались друг от друга, однако их объединяло общее устремление — установление диктатуры пролетариата, ликвидация частной собственности, устранение эксплуатации человека человеком, защита интересов трудящихся. Конституции республик, появившихся в результате революции 1917 года, отражали радикальное изменение политической, экономической и социальной систем, отличавших от существовавшего строя при царской России. Особенностью первых конституций было то, что они фиксировали те формы власти, которые стихийно складывались в ходе революционной борьбы.

Конституция ССРБ решила, по меньшей мере, два главных вопроса, которые обычно к тому времени (см. Конституции США, Мексики и др.) и в настоящее время затрагиваются в такого рода документах: вопрос о власти, т. е. организации властных структур, их компетенции, и о правах и свободах своих граждан. Конечно, эти вопросы решались с учетом идеологии победившей партии — партии большевиков, которая при выходе из подполья насчитывала всего 24 тысячи своих членов, но в течение нескольких месяцев смогла взять власть в свои руки. (В данном случае нами не ставится задача вступать в полемику относительно правильности или неправильности социалистического выбора).

Уже существовал дореволюционный опыт создания Советов депутатов, в течение 1917 года он получил свое распространение и в результате принятия Конституции 1919 года обрел свою легитимность. Белоруссия была объявлена республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

Естественной представляется постановка в качестве основной задачи, рассчитанной на переходный момент, установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Советской власти, в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет деления на классы.

В то же время закрепление в конституционном тексте положения о том, что также не будет в перспективе государственной власти, хотя и соответствовало провозглашаемым целям построения в перспективе коммунизма, однако в условиях революционного хаоса и гражданской войны выглядело в качестве привлекательного лозунга.

Конституция 1919 года уделила внимание разграничению полномочий между съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Белоруссии, который был провозглашен высшей властью Республики, его органом — Центральным Исполнительным Комитетом, а также Советом Народных Комиссаров (СНК), которому принадлежало общее управление делами ССРБ. Было предусмотрено, что для осуществления этой задачи СНК издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни. При этом было предусмотрено, что все постановления СНК, имеющие крупное общеполитическое значение, вносятся на утверждение ЦИК Белоруссии, который вправе приостановить всякое решение СНК. Мероприятия, требующие неотложного проведения, могут быть осуществляемы СНК непосредственно. Таким образом, подчеркивалась некоторая субординация между ЦИК и СНК, хотя и не оговаривалось, какие решения следует рассматривать как имеющие крупное общеполитическое значение.

В сфере публичных отношений Конституция устанавливала неравноправное положение различных социальных групп населения. Классовый характер Конституции 1919 года проявлялся в том, что под лозунгом решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами запрещалось «эксплуататорам» состоять в органах власти: власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, ССРБ лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции.

В перспективе предполагалось полное устранение деления общества на классы.

Идеи Декрета о земле 1917 года получили свое конституционное закрепление: частная собственность на землю отменялась и весь земельный фонд объявлялся общегосударственным достоянием; все леса, недра и воды, а равно весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием.

В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводилась всеобщая трудовая повинность.

Конституция 1919 года содержала ряд невиданных для того времени норм относительно прав и свобод граждан (трудящихся), их взаимоотношений с государством. Так, в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделялась от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

При этом отметим, что 3 января 1920 года В. И. Ленин подписал декрет об освобождении от воинской повинности членов ряда религиозных общин, пребывание в составе которых исключало возможность брать в руки оружие.

Для трудящихся был предусмотрен ряд политических свобод. Так, в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Советская Социалистическая Республика Белоруссии, согласно Конституции, уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других

произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний Социалистическая Советская Республика Белоруссии, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Социалистическая Советская Республика Белоруссии, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения в организации.

Конечно, одним из завоеваний революции 1917 года является получение неимущими слоями населения доступа к образованию: в целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Социалистическая Советская Республика Белоруссии ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное и всестороннее бесплатное образование.

Именно с первых лет строительства социализма и практически до последних лет существования СССР труд рассматривался не только как право, но и как обязанность каждого: ССРБ признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест».

ССРБ предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления.

ССРБ, признавая равные права за гражданами, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия.

Оценивать Конституцию 1919 года следует с точки зрения тех реалий, в которых находились советские республики. Упрекать, что они не были правовыми и демократическими можно, если не учитывать причины и условия революции, характер борьбы и взаимную ответственность правящего класса дореволюционной России, обнищание и деградацию, наступившие после 1913 года, и пришедших к власти в результате социалистической революции 1917 года и допустивших разрыв между идеалистическими принципами и жестокой реальностью последующих лет социалистического переустройства. Есть много примеров современной истории, когда провозглашение демократических ценностей в конституциях стран Западной демократии оставалось фикцией, их реализация была обеспечена лишь в результате широкомасштабных акций неповиновения (преодоление расовой дискриминации, обретение женщинами избирательных прав и др.). Поэтому полагаем, что Конституцию 1919 года следует рассматривать как исторический документ, оказавший влияние на развитие страны. Она имела как негативный, так и позитивный потенциал.

Вершок Ирина Леонидовна

*Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)*

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

В системе юридических наук особое место занимает история государства и права Беларуси, предметом которой признаются «причины и условия возникновения, становления, развития и функционирования государственно-сти, ее правовых институтов у народов, которые населяли белорусские земли с далекой древности до сегодняшнего времени» [2, с. 6]. Как свойственно для исторической науки в целом, в качестве одного из важных, а иногда и ключевых вопросов, история государства и права Беларуси рассматривает проблемы изменения и развития, причем в узкой сфере — применительно к национальной государственно-правовой действительности.

Кроме того, вопросы изменения и развития государственно-правовых явлений поднимаются в контексте таких общетеоретических дисциплин, как общая теория права и социология права, часто традиционно постулирующих, что «развитие государства и права предполагает смену их качества, что одновременно указывает на направление развития — совершенствование или деградацию» [4, с. 248]. Таким образом, названные юридические науки в свой понятийно-категориальный аппарат включают два термина: «изменение» и «развитие», которые в значительной степени относятся к пространственно-временным характеристикам государства и права, а также связанных с ними явлений. Однако понятие развития до сих пор глубоко «в юридической теории не отрефлексировано, принято на «веру» в том контексте, который придала ему общесоциологическая теория (социальная философия), опирающаяся на парадигму поступательного течения времени» [3, с. 27].

Действительно, развитие по своей сути представляет собой изменение, ведущее к переходу в новое качественное состояние, причем свойство изменения имманентно присуще содержанию государства и права, в то время как форма может развиваться, то есть, качественно меняться [3, с. 27]. До тех пор, пока в изменениях проявляется природа (содержание, суть) государства, можно говорить о его развитии, что означает преобразование за счет внутренних импульсов, саморазвертывание. Однако когда в процессе изменения перестает отражаться природа явления, такие изменения не являются развитием, они связаны с перерождением, происходящим под внешним влиянием. В случае, «если внешнее воздействие связано с изменением темпа саморазвития, ... оно не ведет к развитию и, как правило, имеет непредсказуемые последствия», теряется «закономерность социального развития, складывающаяся из последовательных этапов, каждый из которых предопределяет свойства последующего» [3, с. 247].

Кроме того, «идея развития применима только к элементам системы. Новые качественные состояния элементов в системе носят для нее характер количественного накопления. Развитие же самой системы, если о нем можно говорить, связано не с качественными изменениями, а с необратимыми про-

цессами дифференциации, усложнения и т. д. — но в рамках одного и того же качественного состояния, тех же основных функций» [3, с. 248—249].

На основании указанных концептуальных положений, требуется пересмотр ряда выводов историко-правовой науки относительно изменения или развития государственно-правовой действительности, в том числе имеющих место в результате революционных событий 1917 г. в Беларуси. Требуется переоценка названных событий с точки зрения процессов изменения или развития применительно к отдельным элементам механизма государства, а также институтам и нормам системы законодательства. Чем более скрупулезно и глубоко будет проанализирован каждый из элементов указанных систем, тем объективнее будут полученные выводы. Например, при осуществлении глубокого исторического анализа «особенностей государственно-правового развития Белорусской ССР в 1920—1930 гг.» [2, с. 265], осуществляемого в учебной литературе, требуется еще и конкретизация тех элементов государственной и правовой систем, в отношении которых в тот период действительно имело место развитие, а не простые изменения. В контексте анализа «развития права» [2, с. 278] учеными справедливо указывается на изменения в отрасли конституционного права, повлекшие проявления ряда закономерностей. Действительно, для становления и развития института разделения властей значительную роль играло внешнее воздействие в виде принятия Конституций БССР 1919 г., 1927 г. и 1937 г. Темпы такого воздействия способствовали поступательному развитию, саморазвертыванию принципа построения механизма советского государства в виде разделения властей, который в настоящее время получает свое отражение и дальнейшее развитие в отрасли конституционного права Республики Беларусь и соответствующую практическую реализацию. С развитием содержания названного принципа происходят структурные изменения в системе национального законодательства и государственного аппарата.

Однако, выделение таких направлений изменения законодательства 1920—1930 гг., как а) продолжение действия нормативных актов РСФСР без всякой оговорки; б) в некоторых нормативных актах РСФСР имелись оговорки, что их действие распространяется и на территорию других советских республик; в) ряд нормативных актов РСФСР начинает вводиться в действие специальными постановлениями законодательных органов БССР; г) в БССР принимаются собственные нормативные акты, но в соответствии с законодательством РСФСР; д) с созданием СССР на территории БССР расширяется действие законодательства СССР, в связи с чем действие нормативных актов РСФСР ограничивается представляется затруднительным признавать в качестве развития права [2, с. 278—282].

В свою очередь, исторический факт начала белорусизации (национально-государственного строительства), имевший место после революционных событий 1917 года, является фактором исторических изменений, начавшихся с Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии 31 июля 1920 г. В данном случае изменение национальной политики, выраженное во внешнем правовом воздействии, не нарушило темп этнического саморазвития и даже ускорило его. Так, «последовательность и поэтапность» белорусизации, когда сначала произошел подготовительный этап с проведением организационно-агитационных мероприятий, а потом — широкая практическая деятельность во всех сферах государ-

ственно-политической и общественной жизни» [2, с. 275], несмотря на пропагандистские и идеологические цели, имело важное национально-культурное значение: к концу 1920-х гг. получило всестороннюю поддержку белорусского народа и помогло почувствовать себя нацией [2, с. 275].

Приведенный пример исторического развития в национально-правовой сфере прерывается в конце 1920-х гг., когда Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. Сталиным был объявлен «крутой поворот во всей политике», что привело почти к полному сворачиванию политики белорусизации [2, с. 277—278]. В целях укрепления государственного суверенитета в СССР произошло перерождение национальной государственной политики, развитие которой было прервано вместе с принятием в 1931 г. постановления ЦК КП(б)Б об усилении борьбы с уклонами в национальном вопросе. Была нарушена формирующаяся закономерность построения национальной государственности, вплоть до настоящего времени существенно затрудняющая формирование и реализацию идеологии белорусской государственности, что неоднократно отмечается в настоящее время Главой государства в контексте формирования национальной идеи. В частности, признается, что «нужна такая идея — четкая, кратко сформулированная, чтобы она захватила всех. Я все больше убеждаюсь: наверное, мы не пришли в своем развитии к той точке, когда бы эта идея вот ударила всем по мозгам и по сердцу. Я успокоился, думаю, ну раз общество ничего предложить не может — я тоже не могу придумать, даже боюсь что-то говорить, потому что это очень ответственно. Вот так все происходит, что мы живем и без этой «идеи». А хотелось бы. Но ее пока нет. И я абсолютно убежден: выдумать ее невозможно. Нас к этому должна подвести сама жизнь, само развитие нашей страны. Слишком мало, наверное, мы прожили как абсолютно суверенное, независимое государство, даже Россия не в состоянии ее сегодня сформулировать. Тут надо быть очень точными, аккуратными. И чтобы это захватило всех.

Но формулировать ее надо, потому что это движение вперед, послание всем поколениям — вот наше будущее» [1].

Таким образом, современные разработки в исторической науке о государстве и праве Беларуси необходимо осуществлять в русле решения общих проблем истории Беларуси на предмет выявления закономерностей развития общества, государства и права. В результате полученных выводов появится возможность изучать процессы развития отдельных элементов государственно-правовой и социально-правовой системы в истории государства и права Беларуси с целью научного поиска закономерностей, свойственных внешнему, формальному изменению отдельных элементов механизма государства и отраслей права. Фактические данные, полученные и проанализированные историко-правовой наукой, должны получить соответствующую рефлексию в рамках общей теории права и социологии права.

Библиографический список

1. Встреча с представителями общественности, белорусских и зарубежных СМИ «Большой разговор с Президентом» 3 февраля 2017 года [Электронный ресурс] / Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Минск, 2017. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predstaviteljami-obshchestvennosti-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-15509/. — Дата доступа: 06.10.2017.

2. Доўнар Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: падручнік / Т. І. Доўнар. — Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2014. — 416 с.
3. Малахов, В. П. Мифы современной общеправовой теории / В. П. Малахов. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. — 151 с.
4. Социология права: курс лекций: в 2 т.; отв. ред. М. Н. Марченко. — Москва: Проспект, 2015. — Т. 2. — 342 с.

Голубева Арина Игоревна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ВКЛАД УЧЕНЫХ БГУ И УЧЕНЫХ-БЕЛОРУСОВ В ИЗУЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА БЕЛОРУССКОЙ ССР

История развития советского гражданского процессуального права являлась актуальной темой в исследованиях советских ученых. Теоретическим и практическим проблемам гражданского процесса в русской дореволюционной, советской и современной российской процессуальной науке посвящено значительное количество интересных исследований. Свой вклад в разработку этой сложнейшей проблематики, в частности, внесли М. Г. Авдюков, С. Ф. Афанасьев, С. А. Барашков, Л. А. Ванеева, Ю. С. Гамбаров, А. Х. Гольмстен, П. П. Гуреев, М. А. Гурвич, А. Г. Давтян, В. М. Жуйков, И. М. Зайцев, О. В. Иванов, А. Ф. Клейнман, А. С. Козлов, К. И. Комиссаров, Т. А. Лилуашвили, К. И. Малышев, В. В. Молчанов, С. В. Никитин, Ю. К. Орлов, Ю. К. Осипов, В. К. Пучинский, Л. Н. Ракитина, И. М. Резниченко, И. В. Решетникова, Т. В. Сахнова, Л. П. Смышляев, М. С. Строгович, М. К. Треушников, А. И. Тусов, Д. Н. Чечот, М. С. Шакарян, К. С. Юдельсон, Т. М. Яблочков, А. В. Ярков и многие другие.

К сожалению, белорусские ученые в меньшей степени занимались изучением этих вопросов, поэтому относительно Белорусской ССР этот вопрос изучен недостаточно.

В 1920—1930-е годы XX века вопросы гражданского процессуального права исследовались в работах академика АН БССР М. О. Гредингера, который работал в Белорусском Государственном Университете с 1922 по 1936 гг. Ученый является автором более 100 работ, в частности «Пособие по гражданскому процессу БССР» (1935).

Вопросы становления и развития советского гражданского процессуального права Белорусской ССР в первой половине XX века исследовала И. М. Казей в кандидатской диссертации «Становление и развитие гражданского процессуального права Белорусской ССР (1917—1937 гг.)», успешно защищенной в 1990 году.

Доктор юридических наук, профессор С. В. Курылев в своих работах заложил основы белорусской научной школы гражданского процесса. Научным руководителем начинающего исследователя стал крупнейший процессуалист, ученый с мировым именем, профессор М. А. Гурвич, а темой кандидатской диссертации — «Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе», которая была успешно защищена в 1953 году.

С.В. Курылев успешно работал в Белорусском Государственном Университете в 1960—1968 гг. Результатом его научных исследований явилась защита докторской диссертации в 1967 года на тему «Установление истины в советском правосудии».

С.В. Курылев принимал активное участие в работе по кодификации законодательства БССР, являясь членом Общественного совета по правовым вопросам при Президиуме Верховного Совета БССР, членом Научно-методического совета Верховного Суда БССР. С. В. Курылев вместе с группой разработчиков (в состав которой входил также доктор юридических наук, профессор, основатель белорусской научной школы истории государства и права Беларуси И. А. Юхо) принимал самое активное участие в разработке ГПК БССР 1964 года. Благодаря этому ГПК БССР 1964 года отличался от ГПК РСФСР и кодексов других союзных республик. Так, в нем было предусмотрено совершение таких процессуальных действий, как освидетельствование, опознание лица или предмета и судебный эксперимент (ст. 170, 173, 174 ГПК БССР). Подобные нормы сохранились и в ныне действующем ГПК Республики Беларусь 1999 года (ст. 209, 211—215 Кодекса).

Актуальность и востребованность научных трудов С. В. Курылева по вопросам доказывания сохраняются в науке не только гражданского процессуального права, но и административного и уголовного процесса, а также теории правосудия и правоприменения в целом. Известно, что в настоящее время в условиях нарастающей тенденции интеграции правового регулирования усиливается взаимосвязь, взаимообусловленность норм разных отраслей права; все более очевидны процессы их взаимопроникновения.

С. В. Курылев является основателем белорусской научной школы гражданского процесса, классиком гражданского процессуального права, заложившим основы современной теории судебных доказательств. Его идеи, касающиеся актуальных проблем гражданского процессуального права, опережающие свое время не потеряли своей значимости и до настоящего времени.

Исследованием вопросов гражданского процессуального права занимался доцент В. В. Тихонович, который исследовал вопросы, касающиеся принципов процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве.

Большой вклад в становление научной школы гражданского процесса внесли член-корреспондент НАН Беларуси В. Г. Тихиня, доктор юридических наук, профессор Н. Г. Юркевич. Научные труды В. Г. Тихини посвящены рассмотрению актуальных вопросов гражданского процесса, совершенствованию национального законодательства. Н. Г. Юркевич исследует теоретические проблемы регулирования принципов гражданского процесса, гражданских процессуальных правоотношений, иска, мирового соглашения, судебных решений, третейского разбирательства, деятельности международных арбитражных судов, зарубежного гражданского процесса. Под их редакцией в 80-е гг. было издано учебное пособие и практикум по гражданскому процессу, а также научно-практический комментарий к ГПК 1964 года.

Развитие научной школы происходило и в 90-е гг. XX столетия. Профессор Н. Г. Юркевич, доценты Т. А. Белова, И. Н. Колядко разработали проект ГПК Беларуси. Под их редакцией и с участием доцентов Г. В. Яковлевой, И. М. Казей, О. Н. Здрок, И. И. Верховодко, О. Н. Романовой, преподавателей

Т. В. Сысуева, Е. А. Унукович был издан первый в Республике Беларусь учебник «Гражданский процесс» (Общая и Особенная части), (2000, 2002), а также практикум. Преподаватели кафедры приняли активное участие в подготовке нового ХПК Беларуси и комментария к нему, практикума по хозяйственному процессу.

Таким образом, несмотря на имеющиеся публикации и важность исследуемой проблемы, гражданское процессуальное право Белорусской ССР комплексному изучению не подвергалось ни в советский, ни в современный периоды. В связи с этим необходимо дальнейшее изучение развития гражданского процесса в советский период развития белорусской государственности с учетом наилучших достижений ученых советского периода.

Гушчынскі Ігар Генадзьевіч

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка (Мінск, Беларусь)

РЭАЛІЗАЦЫЯ ПАЛІТЫКІ ЧАСОВАГА ЎРАДА Ё СФЕРЫ СУДА НА ТЭРЫТОРЫІ МІНСКАЙ, ВІЦЕБСКАЙ І МАГІЛЁўСКАЙ ГУБЕРНІЎ (САКАВІК—КАСТРЫЧНІК 1917 Г.)

Часовы ўрад у якасці асновы сваёй палітыкі ё сферы суда абвясціў не пабудову новай судовай сістэмы замест старой, а вяртанне да прынцыпаў, абвешчаных у Судовых статутах ад 20 лістапада 1864 г. — незалежнасці судовай улады, галоснасці, выбарнасці суддзяў і інш. Судовая рэформа 1864 г. у свой час апырэдзіла агульны ход працэсу палітычнай мадэрнізацыі Расійскай імперыі, у сувязі з чым у наступным стала аб'ектам карэкціровак кансерватыўна-ахоўчага характару. Часовы ўрад прыняў шэраг канкрэтных мер па скасаванні заканадаўчых навэл, прынятых самадзяржаўем ў 70—80-х гг. XIX ст. для абмежавання абвешчаных Судовымі статутамі прынцыпаў (незалежнасці, галоснасці, спаборнасці суда і інш.). Былі ліквідаваны «особые» суды, якія выконвалі функцыю рэпрэсіі па злачынствах палітычнага характару (Вярхоўны крымінальны суд, асобныя прысутнасці Сената, судовых палат і акруговых судаў з удзелам саслоўных прадстаўнікоў) [16, с. 21]. Канчаткова скасаваўся інстытут земскіх участковых начальнікаў [16, с. 13], які па сваёй сутнасці супярэчыў прынцыпам незалежнасці і усесаслоўнасці суда. Вярталіся выбарныя міравыя суды [17, с. 224—238]. Жанчыны атрымалі права займацца адвакацкай дзейнасцю [17, с. 554]. Некаторыя дзеянні Часовага ўрада па дэмакратызацыі правосуддзя выходзілі за рамкі проста вяртання да першапачатковага тэксту Судовых статутаў. Напрыклад, паводле пастанова ад 30 мая 1917 г. ствараўся інстытут адміністрацыйнай юстыцыі — сістэма спецыяльных судовых устаноў для разгляду скарг адміністрацыйна-прававога характару на дзеянні органаў дзяржаўнага кіравання [17, с. 527—540]. Гэта мела важнае значэнне для фарміравання грамадзянскай супольнасці ў краіне.

Адным з першых захадаў Часовага ўрада па рэфармаванні судовай сістэмы стала прыпыненне дзейнасці земскіх начальнікаў [16, с. 13]. Аднавяднае прадпісанне старшыні Часовага ўрада Г. Львова губернскай камісары атрымалі 21 сакавіка 1917 г. Судовыя функцыі земскіх начальнікаў ускладаліся

на часовых суддзяў, якія прызначаліся губернскімі камісарамі па ўзгадненні з павятовымі камісарамі [4, арк. 4]. У наступным часовыя суддзі павінны былі перадаць свае паўнамоцтвы выбарным міравым судам.

У розных губернях ідэя замены земскіх участкавых начальнікаў часовымі суддзямі была рэалізавана з рознай ступенню паспяховасці. У Мінскай губерні, прычым ва ўсіх яе паветах, часовыя суддзі былі прызначаны і прыступілі да выканання сваіх абавязкаў у красавіку 1917 г. [4, арк. 23—26]. Яны тут дзейнічалі, пакуль дадзеныя пасады не былі скасаваны большавікамі ў канцы 1917 г. Справа ў тым, што да гэтага часу выбары міравых суддзяў, за выключэннем Барысаўскага павета, тут так і не былі праведзеныя. Асноўнай дылемай, перад якой аказаўся губернскі і павятовыя камісары пры фарміраванні асабовага складу часовых суддзяў, стала пытанне аб прыцягненні на дадзеныя пасады былых земскіх участкавых начальнікаў. У масавай свядомасці яны ўвасаблялі парадкі толькі што звергнутага і крайне неппулярнага рэжыму. Таму іх прызначэнне нярэдка выклікала пратэсты з боку грамадскасці. З рознай ступенню рашучасці супраць прыцягнення на пасады часовых суддзяў былых земскіх начальнікаў выступілі Сялянскі з'езд, які адбыўся ў красавіку 1917 г. у Мінску [6, арк. 15], Мінскі камітэт пры павятовым камісары [4, арк. 9—9 адв.], Слуцкі і Бабруйскі павятовыя камітэты [9, арк. 25], [6, арк. 15—15 адв.], Калінкавіцкі выканаўчы камітэт [8, арк. 3], камітэт грамадскіх арганізацый пры Клецкім участкавым камісары [9, арк. 52—53], Рэчыцкі з'езд валасных камітэтаў [8, арк. 18—18 адв.], Заслаўскі, Ракаўскі і Івянецкі валасныя камітэты Мінскага павета [7, арк. 36—37], [7, арк. 53]. У той жа час былыя земскія начальнікі мелі досвед судзейскай дзейнасці, у некаторых выпадках юрыдычную адукацыю. Часта дзякуючы сваёй працы яны карысталіся сапраўдным аўтарытэтам і павагай ў асяродку насельніцтва. Акрамя таго, меў месца дэфіцыт ахвотных і пры гэтым здольных выконваць судзейскія абавязкі, у выніку чаго былыя земскія начальнікі у некаторых паветах заставаліся практычна адзінымі кандыдатамі. У Мінскай губерні каля паловы прызначаных у красавіку 1917 г. часовых суддзяў (30 з 61) з'яўляліся былымі земскімі участкавымі начальнікамі. Астатнія — з ліку кандыдатаў на судовыя пасады, адвакатаў, памешчыкаў і інш. [5 арк. 32—34 адв.].

У Віцебскай губерні спроба замяніць скасаваных земскіх начальнікаў часовымі суддзямі фактычна не ўдалася. Вясной-летам 1917 г. яны функцыянавалі толькі ў Невельскім (да 1 чэрвеня), Полацкім (да 1 жніўня), Себежскім (прынамсі яшчэ ў жніўні) і, магчыма, Віцебскім паветах. А ў чэрвені — пачатку жніўня 1917 г. ва ўсіх паветах губерні, акрамя Себежскага, былі выбраныя і пачалі працу міравыя суддзі [11, арк. 38—46]. Што датычыць Магілёўскай губерні, то, на жаль, звестак аб прызначэнні і дзейнасці тут часовых суддзяў выявіць не ўдалося.

Значная ўвага Часовым урадам была ўдзелена інстытуту міравой юстыцыі. 4 мая 1917 г. была выдадзена пастанова аб часовым уладкаванні мясцовага суда [16, с. 224—238]. Яна прадугледжвала ўвядзенне выбарных міравых судов у 33-х губернях, дзе іх да гэтага яшчэ не было, у тым ліку Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай. Міравых суддзяў павінны былі выбіраць земскія павятовыя сходы і гарадскія думы. Прычым міравыя суды становіліся не аднаасобнымі, а калегіяльнымі судовымі органамі. Разам з міравым суддзёй у вырашэнні спраў павінны былі браць удзел два так званыя члены міраваго суда. У гара-

дах іх павінны былі вылучаць гарадскія думы, у сельскай мясцовасці — земскія валасныя сходзі.

Працэс укаранення інстытута міравых суддзяў у розных губернях адбываўся па рознаму. У Мінскай губерні ў 1917 г. міравыя суддзі былі выбраныя і дзейнічалі толькі ў Барысаўскім павеце [3, арк. 4]. У Віцебскай губерні неабходнасць хутчэйшага ўкаранення міравой юстыцыі адчувалася асабліва востра, бо на большай яе частцы земскія начальнікі пасля іх скасавання не былі замененыя часовымі суддзямі. Тут стварылася сітуацыя, калі на працягу 3—4-х месяцаў фактычна не было мясцовых судовых органаў, прынамсі ў сельскай мясцовасці. Тым часам масавы характар набылі такія злачынствы, як захопы сялянамі памешчыцкай зямлі, самавольныя парубкі лесу, пакосы сена і інш. [10, арк. 12, 13, 17, 19, 20, 58 і інш.]. Падтрыманне парадку ў адсутнасці судовоў ніжэйшага звяна было практычна немагчымым. Таму мясцовыя ўлады прыкладалі намаганні па хутчэйшаму ўкараненню міравой юстыцыі. Ва ўсіх паветах Віцебскай губерні, акрамя Себежскага, летам 1917 г. міравыя суддзі былі выбраныя і прыступілі да працы [11, арк. 38—46]. У Магілёўскай губерні міравыя суды пачалі дзейнічаць восенню 1917 г. [1].

Паводле ўжо згаданай пастановы Часовага ўрада ад 4 мая 1917 г. аб уладкаванні мясцовага суда спынялі сваё існаванне валасныя суды, якія ўваходзілі ў структуру сістэмы сялянскага самакіравання. Адпаведна, прадугледжвалася павелічэнне колькасці міравых суддзяў у паветах у параўнанні з лічбай земскіх начальнікаў. Але да моманту пачатку непасрэднай працы выбраных міравых судовоў валасныя суды павінны былі працягваць дзейнічаць. Аднак у шматлікіх выпадках яны ліквідаваліся яшчэ ў сакавіку—красавіку 1917 г. разам са скасаваннем валасных праўленняў [12, арк. 5]. Па словах Віцебскага губернскага камісара А. Валковіча, адносіны насельніцтва да валасных судовоў былі рэзка негатыўнымі [12, арк. 5].

Важнае значэнне ў кантэксце руху краіны пасля звяржэння самадзяржаўя ў кірунку фарміравання грамадзянскай супольнасці мела ўвядзенне паводле пастановы ад 30 мая 1917 г. інстытута адміністрацыйнай юстыцыі. Стваралася спецыяльная сістэма судовых устаноў для рэгулявання ўзаемаадносін грамадства і мясцовых органаў дзяржаўнага кіравання. [17, с. 527—540]. Яна складалася з аднаасобных адміністрацыйных суддзяў, якія дзейнічалі ў паветах, адміністрацыйных аддзяленняў акруговых судовоў, 1-га дэпартаменту Сената. Гэтыя судовыя ўстановы разглядалі скаргі на дзеянні мясцовых улад (камісараў, земстваў, гарадскіх дум і г. д.) і іх службовых асоб. Юрысдыкцыя органаў адміністрацыйнай юстыцыі размяркоўвалася наступным чынам. Адміністрацыйныя суддзі разглядалі скаргі на дзеянні устаноў і службовых асоб валаснога кіравання. Усе астатнія справы, акрамя скарг на губернскага камісара, былі падсудны адміністрацыйным аддзяленням акруговых судовоў. Пратэсты на дзеянні губернскіх камісараў разглядаліся 1-м дэпартаментом Сената. Адміністрацыйныя суддзі ў паветах Мінскай і Віцебскай губерняў былі прызначаныя прыказамі Міністра юстыцыі ў ліпені—верасні 1917 г. [13], [14], [15, с. 95—96, 103]. На жаль, практычна не захавалася дакладных звестак аб іх дзейнасці, а ў большасці выпадкаў — нават аб тым, ці ўвогуле яны прыступілі да працы. Вядома, што восенню 1917 г. яны дакладна функцыянавалі ў Мінскім [2, арк. 34] і Віцебскім паветах [2, арк. 69]. Да ўвядзення адміністрацыйных суддзяў адпаведныя абавязкі ўскладаліся на мясцовых

міравых суддзяў [17, с. 541]. А там, дзе яны яшчэ не былі выбраныя, дадзеныя функцыі перадаваліся часовым суддзям [5, арк. 90]. Звестак аб дзейнасці адміністрацыйных аддзяленняў акруговых судаў на тэрыторыі Беларусі таксама няма. Вядома, што ў Мінску яно было адкрыта 1 ліпеня 1917 г. і функцыянала да 17 снежня 1917 г. [2, арк. 11—11 адв.]. У канцы ліпеня — пачатку жніўня 1917 г. прыказамі міністра юстыцыі быў сфарміраваны склад суддзяў адміністрацыйных аддзяленняў Віцебскага і Магілёўскага акруговых судаў [15, с. 95—96, 109].

Такім чынам, дзейнасць Часовага ўрада ў сферы суда ў сакавіку—кастрычніку 1917 г. была накіравана на дэмакратызацыю правасуддзя. Гэта выявілася ў ліквідацыі элементаў саслоўнасці, пашырэнні практыкі выбарнасці суддзяў і замацаванні прынцыпу іх нязменнасці. Гэта значна памяншала ступень залежнасці суда ад адміністрацыйнай улады, а значыць адпавядала задачам пабудовы дэмакратычнай прававой дзяржавы. Ажыццяўленне на практыцы згаданых мерапрыемстваў Часовага ўрада праходзіла ў вельмі цяжкіх умовах: агульная палітычная нестабільнасць і вострыя сацыяльныя супярэчнасці ў грамадстве, недахоп фінансавання, праблема кадравага забеспячэння абноўленых судовых устаноў. На тэрыторыі Беларусі гэтыя з’явы ўзмацняліся прыфрантавой абстаноўкай. У такой сітуацыі судовая сістэма не заўсёды спраўлялася з задачамі абароны правоў грамадзян і кантролю выканання законнасці ў дзяржаве ўвогуле. Такія важныя пераўтварэнні, як укараненне інстытутаў адміністрацыйнай юстыцыі і выбарнага міравога суда, да кастрычніка 1917 г. так і не былі да канца рэалізаваны.

Бібліяграфічны спіс

1. Могилёвские губернские ведомости. — 1917. — №№ 37—49.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей — НГАБ). — Ф. 183. Воп. 1. Спр. 522.
3. НГАБ. — Ф. 183. Воп. 1. Спр. 554.
4. НГАБ. — Ф. 1684. Воп. 1. Спр. 8.
5. НГАБ. — Ф. 1685. Воп. 4. Спр. 1.
6. НГАБ. — Ф. 1685. Воп. 4. Спр. 2.
7. НГАБ. — Ф. 1685. Воп. 4. Спр. 5.
8. НГАБ. — Ф. 1685. Воп. 4. Спр. 10.
9. НГАБ. — Ф. 1685. Воп. 4. Спр. 11.
10. НГАБ. — Ф. 3445. Воп. 1. Спр. 33.
11. НГАБ. — Ф. 3445. Воп. 1. Спр. 37.
12. НГАБ. — Ф. 3445. Воп. 1. Спр. 63.
13. Приказы по ведомству Министерства юстиции // Вестник Временного правительства. — 1917. — 11 авг. — С. 4.
14. Приказы по ведомству Министерства юстиции // Вестник Временного правительства. — 1917. — 16 (29 сент.). — С. 4.
15. Приказы по ведомству Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. — 1917. — № 7—8. — С. 81—123.
16. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск № 1. 27 февраля — 5 мая 1917 г. — Петроград: Гос. канцелярия, 1917. — VI, 2, 555 с.
17. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск № 2. 5 мая — 24 июля 1917 г.: в 2 ч. — Петроград: Гос. канцелярия, 1918. — Ч. 1. — Отд. I—VIII—XII, 799 с.

Доўнар Таісія Іванаўна

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

УКЛАД ПРАФЕСАРА БДУ І. А. ЮХО Ё РАЗВІЦЦЁ ГІСТОРЫКА-ПРАВАВОЙ НАВУКІ БЕЛАРУСІ

З самага пачатку навукова-педагагічнай дзейнасці ё БДУ і на працягу ўсяго творчага жыцця Іосіф (Язэп) Аляксандравіч Юхо прыкладваў значныя намаганні па актуалізацыі пытанняў гісторыі дзяржавы і права Беларусі і неабходнасці яе сістэмнай навуковай распрацоўкі. Пры гэтым ён падкрэсліваў асаблівасць, складанасць і забытанасць айчынай гісторыі, прапагандаваў значныя дасягненні продкаў у сферы права і заахвочваў навукоўцаў да даследаванняў «белых плям» і праблемных пытанняў [1].

Важным педагагічным дасягненнем навукоўца стала распрацоўка і ўкараненне ў выкладчыцкую практыку БДУ новай вучэбнай дысцыпліны «Гісторыі дзяржавы і права Беларусі» (1963), вынікам чаго стала павышэнне самасвядомасці студэнтаў, павагі да гісторыі ўласнага народа, а таксама цікавасці да гісторыка-прававых даследаванняў.

І. А. Юхо ўнес значны ўклад у развіццё гісторыка-прававой навукі Беларусі. Ён апублікаваў звыш 200 навуковых прац, прысвечаных самым важным і праблемным пытанням гісторыі дзяржавы і права Беларусі — паходжанню назвы «Беларусь», узнікненню беларускай дзяржаўнасці, прававому становішчу насельніцтва, узаемаадносінам Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай, уплыву Польшчы і Расіі на гісторыю беларускага народа, гісторыі айчыннага заканадаўства, прававым поглядам беларускіх мысліцеляў, развіццю і значэнню гісторыка-прававой навукі Беларусі і інш.

У сваіх навуковых працах ён выказаў і абгрунтаваў уласныя думкі і меркаванні па айчынай гісторыі, якія часам супярэчылі афіцыйным поглядам савецкай гістарычнай навукі, аднак служылі падставай для зацікаўленасці іншых даследчыкаў. Напрыклад, ён выказаў свае пазіцыі па праблеме фарміравання тэрыторыі Беларусі, аб пераважна беларускім этнічным характары Вялікага Княства Літоўскага, аб значнасці тэарэтыка-прававых напрацовак беларускіх мысліцеляў, абгрунтаваў тэзіс аб больш старажытным паходжанні беларускай дзяржаўнасці, чым афіцыйна вызначалася ў гістарычнай навуцы і інш.

Несумненнай заслугай І. А. Юхо з'яўляецца актыўны ўдзел ва ўвядзенні ў навуковы абыходак савецкай гісторыка-прававой навукі звестак аб прававых дасягненнях айчынных мысліцеляў і дзяржаўных дзеячоў XVI—XVII стст. (Ф. Скарыны, М. Літвіна, А. Волана, Мікалая Радзівіла Чорнага, А. Валовіча, Л. Сапегі, С. Буднага, П. Скаргі, М. Сматрыцкага і інш.) [2]. Пры гэтым ён адзначаў генетычную сувязь палітыка-прававой думкі і заканадаўства, падкрэсліваў, што яна апырэджвала свай час і з'яўлялася важкай падставай для больш прагрэсіўнага развіцця заканадаўства.

Асабліва ўвага надавалася навукоўцам даследаванню прававой спадчыны беларускага народа. На падставе сістэмнага аналізу помнікаў права Беларусі ён зрабіў вывад аб нацыянальнай адметнасці беларускага права, аб параўнальна высокай прававой культуры беларускага народа. Увогуле ён абгрунтаваў навуковы тэзіс аб высокай духоўнай і матэрыяльнай культуры беларускага

народа, адзначаў, што нашы продкі ў вельмі старажытныя часы мелі сваю дзяржаўнасць, уласныя рэлігію, светапогляд і звычайнае права, галоўнай часткай якога было кожнае (вечавае) права, якое было даволі дэмакратычным, таму і дзейнічала працяглы час [3].

Шэраг публікацый І. А. Юхо быў непасрэдна прысвечаны характарыстыцы і значэнню помнікаў права, асабліва — Статутаў ВКЛ 1529, 1566, 1588 гадоў [4]. Навуковец увесь час падкрэсліваў асаблівую значнасць Статута 1529 г., у аснову якога было пакладзена галоўным чынам звычайнае права старажытных беларускіх дзяржаў-княстваў (Полацкага, Віцебскага, Турава-Пінскага, Навагрудскага і інш.). Ім упершыню была выказана думка аб непасрэдным удзеле вялікага беларускага гуманіста і мысліцеля Ф. Скарыны ў падрыхтоўцы першага звода законаў — Статута 1529 года [5]. Статуты ён лічыў канстытуцыйнымі законамі і першымі ў Еўропе зводамі законаў (а не кодэксамі, як лічылі некаторыя вучоныя). Ён пазначаў, што стварэнне гэтых выдатнейшых помнікаў права стала магчымым у сувязі з актыўным развіццём у Беларусі палітыка-прававой думкі. Менавіта прагрэсіўныя прававыя ідэі тагачасных беларускіх мысліцеляў і палітычных дзеячоў знайшлі адлюстраванне ў статутных палажэннях і нормах.

У 1970—1976 гг І. А. Юхо прыняў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы двухтомнага выдання «Истории государства и права Белорусской ССР», падрыхтаванага калектывам акадэмічных і вузаўскіх навукоўцаў (С. П. Маргунскі, І. І. Пацяружа, В. М. Арцёмава, Ю. П. Броўка, М. В. Сторажаў, У. І. Семянкоў, В. І. Шабайлаў і інш.). Гэтая фундаментальная кніга стала падручнікам для студэнтаў і важкай падставай для далейшых айчынных гісторыка-прававых даследаванняў, хоць у той час усе яны адбываліся ў рэчышчы савецкіх партыйных і дзяржаўных устаноў.

У 1978 г. на падставе доктарскай дысертацыі была выдадзена манаграфія І. А. Юхо «Правовое становішча насельніцтва Беларусі ў XVI ст.», у якой былі выкладзены ўяўленні навукоўца аб структуры феадальнага грамадства ў Беларусі, правах і абавязках саслоўяў і асобных груп насельніцтва. Ён раскрыў прававы статус самага прывілеяванага саслоўя шляхты, якое складала даволі значны ў працэнтных адносінах і найбольш культурны пласт насельніцтва; звярнуў увагу на тое, што беларускія сяляне ў феадальны перыяд мелі пэўныя правы, а не толькі вялікую колькасць абавязкаў; ахарактэрызаваў становішча гарадскога насельніцтва, пры гэтым адзначыў больш значныя правы гараджан тых гарадоў Беларусі, якія з канца XIV ст. пачалі атрымліваць магдэбурскае права; пазначаў, што пакладзены ў аснову магдэбурскага права прынцып гарадскога самакіравання садзейнічаў не толькі палітычнаму і эканамічнаму развіццю гарадоў, але і эвалюцыі ў прагрэсіўным накірунку самой дзяржавы. Увогуле пытаннем самакіравання ў Беларусі ён увесь час надаваў увагу, бо лічыў іх аднымі з важнейшых для эвалюцыйнага развіцця дзяржаўнасці.

На пачатку 1990-х гадоў у сувязі з новымі прагрэсіўнымі тэндэнцыямі ў развіцці дзяржаўнасці Беларусі І. А. Юхо стаў ініцыятарам пераходу на беларускамоўнае навучанне студэнтаў на юрыдычным факультэце. У гэты перыяд важкай падставай актывізацыі навуковых даследаванняў стала заканадаўчае замацаванне ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, адным з распрацоўшчыкаў якой быў прафесар І. А. Юхо, факта шматвяковага

існавання беларускага этнаса і беларускай дзяржаўнасці як суб'ектаў сусветнай гісторыі.

У гэты перыяд больш актыўнай навукова-даследчай дзейнасці ў сферы гісторыка-прававой навукі Беларусі садзейнічалі шматлікія публікацыі І. А. Юхо, у якіх не толькі давалася характарыстыка паэтапнага гістарычнага развіцця беларускай дзяржаўнасці і нацыянальнай прававой сістэмы, але акцэнтавалася ўвага на мала даследаваных пытаннях айчынных гісторыі дзяржавы і права. Менавіта значнай навуковай заслугай вучонага з'яўляецца пастаноўка проблемных пытанняў гістарычнага развіцця беларускай дзяржаўнасці і прававой сістэмы. Перш за ўсё гэта тычыцца гісторыі ўладных і судовых органаў, крыніц права, магдэбургскага права, важнейшых галін права, айчыннага канстытуцыяналізму і шмат іншае.

У другой палове XX ст. публікацыі І. А. Юхо былі прысвечаны самым актуальным праблемам гісторыі дзяржавы і права Беларусі — паходжанню назвы «Беларусь», гісторыі заканадаўства, помнікам айчыннага права, уплыву Польшчы і Расіі на гісторыю беларускага народа, прававым поглядам беларускіх мысліцеляў, значэнню і ролі гісторыка-прававой навукі ў развіцці дзяржаўнасці і інш. Ён выказаў уласныя навуковыя пазіцыі па сутнасці паланізацыйнай палітыкі кіраўніцтва Рэчы Паспалітай, прычым адзначаў, што гэта дзяржава з'яўлялася канфедэрацыйнай, у якой захоўваўся суверэнітэт Вялікага Княства Літоўскага, а таксама па праблеме заканадаўчай дзейнасці вальнага сойму Рэчы Паспалітай, прычын распада Рэчы Паспалітай і г. д. Значная ўвага надавалася ім перыяду знаходжання беларускіх зямель у складзе Расійскай імперыі. Пры гэтым ён пазначаў прычыны, сутнасць і наступствы русіфікатарскай палітыкі царызму, звяртаў увагу на важнасць дзяржаўных рэформаў другой паловы XIX ст. і іх абмежаванасць адносна беларускіх губерняў і інш.

Увесь час у поле зроку І. А. Юхо знаходзілася гісторыя айчыннага права і заканадаўства. Так, у 1991 г. была апублікавана яго кніга «Крыніцы беларуска-літоўскага права», непасрэдна прысвечаная характарыстыцы важнейшых нарматыўных актаў, якія дзейнічалі на працягу стагоддзяў у Беларусі, перш за ўсё агульназемскім, абласным, валасным і гарадскім граматам, Судзебніку 1468 г., Статутам 1529, 1566, 1588 гадоў. У кнізе ён зноў падкрэсліваў нацыянальную адметнасць і высокі ўзровень гэтых нарматыўных актаў, якія грунтаваліся на папярэднім звычайным праве.

У шэрагу публікацый І. А. Юхо выказаў уласнае разуменне сутнасці і вынікаў савецкага перыяду развіцця беларускай дзяржаўнасці. Пры гэтым ён падкрэсліваў значэнне і дасягненні савецкай беларускай дзяржаўнасці і гістарычнай навукі, асабліва ў перыяд актыўнага нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў 1920-я гады, адзначаў негатыўныя тэндэнцыі ў 1930—1940-я гады, поспехі і недахопы ў 1950—1980-я гады, а ў цэлым рабіў агульны вывад, што эвалюцыя Беларускай ССР адбывалася «не на аснове самастойнага гістарычнага развіцця беларускай нацыянальнай дзяржавы» [6, с. 3—4].

Важнай навуковай падзеяй стала выданне манаграфіі І. А. Юхо «Гістарыяграфія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі» (1999), дзе быў дадзены кароткі агляд навуковых публікацый, у якіх разглядаліся (або закраналіся) пытанні гісторыі дзяржавы і права Беларусі, а таксама давалася іх крытычная ацэнка. Навуковец звяртаў увагу на прычыны тэндэнцыйных адносін многіх замежных навукоўцаў (польскіх, літоўскіх, расійскіх і інш.)

да беларускай гісторыі, а таксама на яе замоўчванне і нават фальсіфікацыю. Адначасова ён падкрэсліваў значэнне і важнасць папярэдніх даследаванняў, на падставе аналізу якіх можна шляхам навуковых дыскусій знайсці ісціну.

Адным з важных накірункаў навукова-даследчай дзейнасці І. А. Юхо ў канцы XX-пачатку XXI стст. стаў удзел у падрыхтоўцы шэрага энцыклапедычных выданняў. Ён быў адным з ініцыятараў і аўтараў першага на беларускай мове выдання «Юрыдычнага энцыклапедычнага слоўніка» (1989). Па яго ініцыятыве быў перавыдадзены шэраг помнікаў права Беларусі, у тым ліку Статут 1588 года (1989) і Статут 1566 года (2003), што значна садзейнічала актывізацыі навуковых даследаванняў.

У апошнія гады свайго жыцця І. А. Юхо значную ўвагу надаваў гісторыі айчыннага канстытуцыйналізму. Так, у сааўтарстве з Р. А. Васілевічам і Т. І. Доўнар была выдадзена кніга «Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі» (2001), у якой на падставе аналізу дакументальна-прававога матэрыялу разглядалася зараджэнне і развіццё айчыннага канстытуцыйнага права з старажытных часоў і да сучаснасці.

І. А. Юхо прыняў удзел у выданні на англійскай мове кніг аб гістарычным шляху беларускай нацыі і дзяржавы [7]. Шэраг артыкулаў навуковец прысвяціў развіццю айчыннай юрыдычнай навукі, у тым ліку і ў Беларускім дзяржаўным універсітэце [8]. У іх ён паказваў месца юрыдычнай навукі ў сістэме грамадскіх навук, адзначаў значэнне гісторыка-прававой навукі і навуковыя дасягненні у гэтай сферы, характарызаваў уклад у яе развіццё навукоўцаў юрыдычнага факультэта БДУ.

Несумненнай заслугай знакамітага навукоўцы стала заснаванне ў БДУ навуковай гісторыка-прававой школы, аб выніках дзейнасці якой і навуковых традыцыях, закладзеных прафесарам І. А. Юхо, гаварылася на канферэнцыі, прысвечанай яго памяці (2010), а яго навукова-педагагічныя дасягненні былі выкладзены навукоўцамі юрыдычнага факультэта ў кнізе «Памяць і слава: Іосіф Аляксандравіч Юхо. Да 90-годдзя з дня нараджэння» (Мінск: БДУ, 2011. — 175 с.), у якую ўвайшлі манаграфія даследчыка, бібліяграфія яго публікацый, звесткі аб навуковай школе і інш.

Увогуле творчая спадчына прафесара І. А. Юхо з'яўляецца тым каштоўным нацыянальным здабыткам, які будзе і ў далейшым садзейнічаць не толькі развіццю айчыннай гісторыка-прававой навукі, але і павагі да мінулых дасягненняў беларускага народа ў сферы права.

Бібліяграфічны спіс

1. Юхо, І. 3 гісторыі права / І. Юхо // Беларусь. — 1966. — № 5. — С. 28; Юхо І. Грамадскія і прававыя погляды Скарыны / І. Юхо // Полымя. — 1967. — № 6. — С. 175—180; Юхо, Я. Беларусь у новай польскай энцыклапедыі / Я. Юхо // Полымя. — 1968. — № 4. — С. 177—180; Юхо Я. Пра назву «Беларусь» / Я. Юхо // Полымя. — 1968. — № 1. — С. 175—182 і інш.
2. Юхо, Я. А. Скарына і прававая культура Беларусі / Я. А. Юхо // Спадчына. — 1989. — № 2. — С. 52—54; Юхо, И. А. Социально-политические и правовые идеи / И. А. Юхо, С. Ф. Сокол // Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права; редкол.: К. П. Буслов (гл. ред.) [и др.]. — Минск: Наука и техника, 1973. — Гл. 2. — С. 73—85; Юхо, И. А. Правовая культура [XII—XIX вв.] / И. А. Юхо // Очерки истории науки и культуры Беларуси [IX—начало XX вв.] — Минск, 1996. — С. 129—145 і інш.

3. Юхо, І. А. Звычайнае права / І. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 3. Мінск: БелЭн, 1996. — С. 433—435.
4. Юхо, Я. А. Статуты Вялікага княства Літоўскага // Полымя. — 1966. — № 11. — С. 125—137; Юхо, Я. А. Скарбніца прававой культуры: аб Статутах Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Полымя. — 1988. — № 12. — С. 166—179 і інш.
5. Юхо, І. Хто складаў Літоўскі Статут / І. Юхо // Беларусь. — 1958. — № 3. — С. 30—31.
6. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: дапаможнік: у 2 ч. Ч. 2. / Я. А. Юхо — Мінск: РІВШ БДУ, 2003. — 275 с.
7. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы = The history of the belarusian Nation and State / М. Біч, Р. Гарэцкі, У. Конан [і інш.]; рэдкал.: У. Арлоў [і інш.]; перакл. на англ. А. Бурсаў. — Мінск: Выдавец Зміцер Колас, 2005. — 440 с. і інш.
8. Юхо, І. А. Юрыдычная навука БССР за 60 лет / І. А. Юхо // Правоведение. — 1979. — № 1. — С. 3—10; Юхо, Я. А. Развіццё навукі гісторыі дзяржавы і права ў Беларускай дзяржаўнай універсітэце / Я. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. — 1995. — № 1. — С. 3—6; Юхо, І. А. История юридической науки Беларуси / И. А. Юхо, С. К. Сокол; Белорус. негос. ин-т правоведения. — Минск: НО ООО «БИП-С», 2000. — 95 с.

Калинин Сергей Артурович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

О СУБЪЕКТНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Основной характеристикой современности является кризис, в рамках которого действуют способные к целеполаганию, самоорганизации и преобразованию изменчивой и непрогнозируемой реальности самоорганизуемые субъекты [3, с. 115—125] (в первую очередь — государства). Успешное же преодоление кризиса такими субъектами возможно лишь при использовании теоретико-методологического инструментария, которому в науке соответствуют «высокие гуманитарные технологии» (*High Hume*) [10], а в управлении — «*большая стратегия*» [5], затрагивающие предельные основы бытия и позволяющие управлять сложными процессами. Создание такого инструментария, одним из направлений которого должен быть *субъектный подход* [2], на наш взгляд, возможно только в рамках соотносимых постнеклассических научной [8] и управленческой [3, с. 92—136] парадигм, изучающих сложные нелинейные самоорганизуемые системы.

Обращение к субъектному подходу включает в объект исследования два неразрывно связанных, но аналитически разделяемых феномена:

1) *исходный субъект*, в интересах которого проводится поиск стратегий преодоления кризиса и которым для нас является белорусская государственность, выступающая уникальным итогом сложных исторических процессов;

2) внешняя по отношению к субъекту и существующая как данность *реальность* (современность), сложный пространственно-временной континуум, социокультурный исторически изменчивый контекст, в котором осуществляется бытие субъекта.

Субъектность неразрывно связана с (*само*)идентификацией населения (национально-этнический, религиозный, сословно-функциональный и иные

критерии (их сочетания)), которое, позиционируя себя в качестве нации, народа, гражданского общества и т. д., стремится к созданию отвечающего мировоззренческим стандартам субъекта территориальной власти и от имени которого выступает субъект (субъектная система). При этом сочетание различных комбинаций названных критериев порождает различные типы субъектов публичной власти, а изменение (само)идентификации населения объективно влечет трансформацию субъекта публичной власти.

Объектом исследования в субъектном подходе выступает пространственно детерминированная и персонально-представленная (обладающая уникальным именем) *власть*, получившая (получающая) на определенном историческом этапе качества вариативного целеполагающего бытия в рамках внешних хаотических воздействий, и порождаемая ею управленческая (регулятивная) система. Власть как неотъемлемый элемент социума сущностно выступает средством (способом) организации и регулирования совместной жизни людей, формой отношения между властвующим, который одновременно имеет привилегии и обязанности на принятие общезначимых решений, и подвластными, которые добровольно либо вынужденно признают власть [6, с. 58—62]. Такое понимание объекта позволяет понимать субъект публичной власти как итог *исторической* нелинейной самоорганизации социума на внешний вызов (в логике А. Тойнби), происходящей под влиянием внешнего сложного глобального комплекса динамических и статических, объективных и субъективных, целенаправляемых и стохастических факторов.

Субъектный подход проявляется в ряде взаимообусловленных направлений, выделяемых в зависимости от исходного феномена, а именно:

- 1) внешние субъектные системы, включающие белорусскую государственность;
- 2) внутренние субъектные системы (сословия, этносы, конфессии и т. д.), стремящиеся воздействовать на государство в своих интересах либо интересах иных субъектов;
- 3) геоконцепты, включающие белорусские земли;
- 4) «линейные» субъектные нарративы (подходы), распространяемые на белорусскую государственность и территорию.

В итоге в субъектной системе осуществляются следующие отношения:

- 1) формально равных субъектов публичной *территориальной* власти в рамках региональной (глобальной) системы отношений (мир-экономика);
- 2) отношения разноразмерных субъектов публичной территориальной власти (мир-империя, государства сложной природы и т. д.);
- 3) субъектов публичной власти и коллективных субъектов, имеющих собственный идеал публичной власти (народы, нации и т. д.);
- 4) субъектов публичной власти различной мировоззренческой природы (государства и религиозные организации);
- 5) субъектов публичной власти и целеполагающих субъектов, не связывающих себя с населением и территорией (ТНК, международная преступность и т. д.);
- 6) субъектов внутри системы публичного управления.

Вышеназванные формы взаимодействий в зависимости от избранного исходного субъекта (субъектной системы) классифицируются по отношению к нему (ней) как *внешние* и *внутренние*.

Осмысление развития Беларуси в субъектном подходе требует корреляции характеристик современных и исторических субъектов публичной власти, их связей и субъектных систем, пространственно детерминированных белорусскими землями, то есть соотнесения следующих параметров:

1) заложенное в Преамбуле Конституции восприятие истории развития белорусской государственности как *многовековой*;

2) позднее образование современной белорусской нации (XIX—XX вв.);

3) суверенный статус Белорусского государства, прошедшего с момента распада Российской Империи через ряд форм ограниченной суверенности (БНР, ЛитБел, БССР) и обретенный лишь в 1991 году.

Исходной методологической проблемой в данном случае, на наш взгляд, является потребность в *объединяющем* (универсальном) термине, характеризующем *конкретную* пространственность и историческую детерминированность субъекта (субъектов) и субъектных систем, объединяющих различные формы белорусской государственности. В настоящее время в исторической науке сложились обоснованные представления о необходимости выделения *исторических* и *национальных* форм белорусской государственности. К трем историческим *полиэтническим* формам государственности, рассматриваемым в контексте идентичности и иных народов, относятся: Полоцкая, Туровская, Киевская Русь; Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское; Речь Посполитая. Российская империя, инкорпорировавшая эти земли, не относится к белорусской государственности, однако в ее рамках сформировались предпосылки национальной государственности [1, с. 7—8].

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие содержательно отличные, но равно пригодные для методологического синтеза термины:

1) отраженная в Преамбуле Конституции Республики Беларусь «белорусская государственность»;

2) «государственность, находившаяся (включавшая в себя) на белорусских землях».

Это позволяет уточнить предмет приложения субъектного подхода: историческая и современная белорусская государственность, одновременно анализируемая в двух взаимодополняющих аспектах, а именно:

1) белорусские земли и связанные с ними субъекты публичной власти;

2) субъекты публичной власти и их претензии на белорусские земли.

В методологически обобщающем значении к территории, детерминирующей белорусскую государственность («территория Беларуси», «белорусские земли»), следует относить территории современной Беларуси, а также этнические либо иным образом близких земель, игравших важную роль в белорусской истории, но находящихся в составе иных государств.

Применительно к пространственной детерминированности анализ белорусской государственности требует понимания: *локальности белорусских земель* по отношению к иным властно-детерминированным пространствам, а также *динамики варьирования* наименований и объема таких пространств в историко-географическом и нарративно-историософском срезе. В первом случае важно установить применительно к конкретному периоду те исходные субъектно-детерминированные пространства, логика бытия которых воздействовала на белорусскую локальность (Русь, Литва, Речь Посполитая, Польша

и т. д.). Во втором — соотнести наименование, включая самоназвание, и соответствующую историческую территорию белорусских земель [11].

Применительно к белорусской государственности следует учитывать:

1) взятые в исторической перспективе сложные меж-(интер-)субъектные связи субъектов белорусской государственности либо субъектов публичной власти, расположенных (претендующих) на белорусских землях, включая субъектов глобального уровня;

2) связи динамических процессов конкретной государственности с ее нарративно-историософскими основаниями.

Осмысление белорусской государственности является сложным процессом, обусловленным, во-первых, отсутствием реальной либо мифологизированной «линейной» традиции и, как следствие, противоречивостью ее нарративно-историософской составляющей; во-вторых, включением, вплоть до поглощения, белорусских земель в состав либо нарративно-историософскую «линейную» саморефлексию иных субъектов (Россия, Польша, Летува*, Русская Православная и Римская Католическая Церкви). Следовательно, неотъемлемыми аксиомами анализа белорусской государственности должны быть:

1) *сложность* процессов зарождения и развития, обуславливающая потребность в комплексе взаимополняемых методологических стратегий;

2) *нелинейность и прерывность* развития государственности, также характерная для Летувы и Украины;

3) статус белорусских земель как Пограничья [7] Западной и Восточной христианских цивилизаций, отражающего их длительный конфликт;

4) *полисубъектность*, отражающая включенность белорусской государственности в содержательно различные и конкурирующие субъектные геоконцепты (нарративы), позволяющая учитывать наличие у субъектов как *собственных* подходов к историческим процессам, происходившим на белорусских землях, так и осмысление ими таких процессов как *собственных*;

5) детерминированность национальной истории процессами, проходившими на сопредельных землях;

6) адекватность (неадекватность) субъектных решений *интересам* и потребностям белорусских земель (населения).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) Успешное преодоление Беларусью глобального кризиса зависит от четко выраженной целеполагающей субъектной позиции, относящейся к уровню высоких гуманитарных технологий и большой стратегии.

2) Наиболее адекватным теоретико-методологическим феноменом, изучающим субъектное позиционирование, является субъектный подход.

3) Важнейшим приложением субъектного подхода является его пригодность для анализа сложных процессов развития государственности, в нашем случае белорусской. Это позволяет рассматривать сложные исторические процессы через призму взаимодействия различных субъектов и субъектных систем, учитывая нелинейность их развития и бытия на белорусских землях.

* Для различения древней Литвы и современной Литовской Республики (Lietuvos Respublika) целесообразно использовать термины «Летува» и «летувисский».

Библиографический список

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск: Беларус. навука, 2011. — Кн. 1. — 2011. — 584 с.
2. Калинин, С. А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции / С. А. Калинин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2015. — № 2. — С. 6—21.
3. Лепский, В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития / В. Е. Лепский. — М.: Когито-Центр, 2010. — 255 с.
4. Лиддел Гарт, Б. Стратегия не прямых действий / Б. Лиддел Гарт. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. — 464 с.
5. Люттвак, Э. Н. Стратегия: логика войны и мира / Э. Н. Люттвак; пер. с англ. Коваль А. Н., Платошкин Н. Н. — Москва: Ун-т Дмитрия По-жарского, 2012. — 390 с.
6. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. — М.: О.Г.И., 2005. — 184 с.
7. Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарное исследование / Российская акад. наук, Ин-т Африки, Центр цивилизационных и региональных исслед.; отв. ред. И. В. Следзевский, А. Н. Мосейко. — М.: URSS, 2008. — 499 с.
8. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. — М.: Про-гресс-Традиция, 2003. — 743 с.
9. Фурсов, А. И. Мировая борьба. Англосаксы против планет / А. Фурсов. — Москва: Кн. мир, 2017. — 510 с.
10. Цыганов, В. В. Социология общественной безопасности: [теория и высокие гуманитарные технологии общественной безопасности при из-менениях и пределах роста] / В. В. Цыганов, В. Л. Шульц; Российская акад. наук, Центр исследования проблем безопасности. — М.: Наука, 2014. — 414 с.
11. Юхо, Я. А. Гістарычныя карані назвы «Беларусь» / Я. А. Юхо // Беларус. гіст. часоп. — 2004. — № 6. — С. 39—43.

Лагун Дмитрий Анатольевич

*Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)*

ДЕКРЕТЫ КАК АКТЫ ОРГАНОВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Декреты как акты государственных органов довольно широко применялись в исторической практике различных государств. Сам термин имеет латинское происхождение (*decretum*) и означает: 1) решение, постановление, определение, указ, декрет; 2) принцип, главное правило, основоположение, тезис [2, с. 225].

Советское государство периода зарождения и становления основных его институтов широко использовало названную форму акта.

В первые годы советской власти законы не издаются. Конституция РСФСР от 10 июля 1918 года [4] упоминает термин закон лишь в общих положениях всего два раза (пункт в) и пункт г) статьи 3 Конституции). Поэтому представляется интересным издание Декрета «О порядке утверждения и опубликования законов» от 29 октября (11 ноября) 1917 года [3, с.29]. Так, каждый законопроект поступает на рассмотрение Правитель-

ства из соответствующего министерства. После утверждения Правительством этого постановления, оно подписывается Председателем Совнаркома. Днем вступления постановления в силу считается день опубликования его в официальной печати. Из сказанного видно, что под законами понимались постановления Совета Народных Комиссаров, а точнее не делалось различий между понятием закона и понятием постановления правительства.

Конституция РСФСР 1918 года закрепляет следующие виды декретов:

- собственные декреты Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа РСФСР) (ст. 33);
- декреты Совета Народных Комиссаров (органа, осуществлявшего общее управление делами РСФСР) (ст. 38);
- декреты отдельных ведомств (ст. 33).

Последние два вида актов подлежали утверждению ВЦИК. ВЦИК вправе был отменить или приостановить всякое постановление или решение Совнаркома, в том числе и декрет. Поэтому следует признать, что декреты ВЦИК обладали большей юридической силой, чем декреты Совнаркома или иных ведомств, так как последние подлежали утверждению ВЦИК и могли быть в любой момент им отменены.

Декреты этого периода носят как нормативно-правовой, так и индивидуально-характер. Например, Декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака» от 16 (29) декабря 1917 года [3, с.237], устанавливающий порядок расторжения брака между супругами, является нормативным актом. Декрет «О конфискации имущества А. И. Путилова» от 30 декабря 1917 года (12 января 1918 года) [3, с.307] представляет собой конкретное предписание и, следовательно, является индивидуально-правовым актом.

По Конституции СССР от 31 января 1924 года декреты издавались [5, с.270]:

- Центральным Исполнительным Комитетом СССР (верховным органом власти в период между съездами Советов);
- Президиумом Центрального Исполнительного Комитета (высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти СССР в период между сессиями ЦИК);
- Совнаркомом (исполнительно-распорядительный орган ЦИК), которые могли быть отменены или их действие может быть приостановлено решением ЦИК.

Декреты по Конституции 1924 года употреблялись в разных смыслах, в том числе и в смысле закона, если это был декрет ЦИК. Так, статья 22 Конституции закрепляла, что законопроекты, восходящие на рассмотрение ЦИК, получали силу закона лишь при условии принятия их как Союзным Советом, так и Советом Национальностей (т. е. палатами парламента), а статья 16 Конституции гласила, что Союзный Совет и Совет Национальностей рассматривали все декреты, кодексы, поступавшие от Президиума ЦИК, Совнаркома и других органов. Толкуя эти две нормы в совокупности, можно сделать вывод, что они обе подразумевали одни и те же решения (акты), так как:

1) законопроекты и декреты ЦИК рассматривались обеими палатами законодательного органа;

2) законопроекты и декреты ЦИК поступали на рассмотрение от других государственных органов;

3) кроме статьи 22 Конституции, нормы Конституции не содержали указания на законы, в отличие от декретов, которые упоминались во многих статьях.

Вместе с тем становится очевидным, что употребление термина декрет в отношении актов различных государственных органов свидетельствует о нежелании законодателя различать понятия законов, постановлений, декретов и т. д.

Таким образом, с образованием советского государства не сразу сформировалось нормативное понятие «закон». Его чаще всего заменяли декреты Правительства и постановления съездов Советов. Лишь к середине 30-х годов понятие закона прочно утверждается в теории и на практике [6, с. 24].

Отмечалось, что введение в законодательную практику термина «декрет» должно было «символизировать связь с правотворчеством Парижской Коммуны» [1, с. 118—119].

Конституция СССР 1936 года и Конституция СССР 1977 года оперируют только понятием закона. Решения органов государственной власти перестают облекаться в форму декретов. По вопросам, по которым ранее издавались декреты, начали приниматься законы, указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Совета Министров СССР и другие акты.

История развития советского законодательства показывает, что понятие «декрет» было собирательным и в него вкладывался различный смысл. Это были как нормативные правовые акты, так и индивидуально-правовые акты, как законы, так и подзаконные акты.

Библиографический список

1. Артюшенко Н.Н., Барвинок К. И. Об уточнении правового статуса декретов и указов Президента Республики Беларусь в системе нормативных актов // Правовые акты: социальная обусловленность, качество, применение и совершенствование: Материалы межвуз. науч. — практ. конф., Минск, 11—12 октября 1999 г. — Минск: БНИП, 1999. — С. 118—120.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 50000 слов. — 3 изд., испр. — М.: Рус.яз., 1986. — 840 с.
3. Декреты Советской власти: В 13 т. — М.: Политиздат, 1957—1989. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1957. — 626 с.
4. Конституция РСФСР от 10 июля 1918 года // <http://www.pravo.by> [Электронный ресурс]. — Дата доступа: 25.09.2017.
5. Кукушкин Ю.С., Чистяков О. И. Очерк истории советский конституций. — 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1987. — 364 с.
6. Тихомиров Ю.А., Котелевская И. В. Правовые акты: Учебно-практическое пособие — М.: Юрид. Колледж МГУ, 1995. — 158 с.

Ляскоў Аляксандр Якаўлевіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
(Мінск, Беларусь)*

СТАЎЛЕННЕ КІРАЎНІЦТВА ПАРТЫІ БАЛЬШАВІКОЎ ДА ДЗЯРЖАЎнай НЕЗАЛЕЖНАСЦІ БЕЛАРУСІ Ё 1917—1918 ГАДАХ

Фарміраванне самастойных дзяржаўных утварэнняў на тэрыторыі былой Расійскай імперыі ё першай чвэрці XX ст. было звязана, галоўным чынам, з ходам баявых дзеянняў на франтах сусветнай вайны, рэвалюцыйнымі падзеямі 1917 г., актыўнасцю і радыкалізмам нацыянальных палітычных і ваенных арганізацый. Можна сказаць, што перыяд 1917—1918 гг. стаў свайго роду гістарычным «акном магчымасцей» для шэрагу народаў імперыі, якія вылучаліся высокім узроўнем сацыяльна-эканамічнага, палітычнага і культурнага развіцця, адчування нацыянальнай ідэнтычнасці, мелі глыбокія дзяржаўна-прававыя традыцыі. Менавіта ё акрэслены час узнікаюць дзяржаўныя канструкты і афармляюцца рашэнні аб незалежнасці аўтахтонных народаў Літвы (16 лютага 1918 г.), Польшчы (11 лістапада 1918 г.), Украіны (22 студзеня 1918 г.), Фінляндыі (6 снежня 1917 г.), некаторых іншых так званых «нацыянальных ускраін».

Беларусь не была выключэннем. У перыяд 1917—1918 гадоў тут адбываюцца інтэнсіўныя працэсы інстытуалізацыі дзяржаўнай улады, прымаюцца важныя прававыя рашэнні, накіраваныя на забеспячэнне суверэнітэту Беларусі ё форме нацыянальнай дзяржавы (БНР) і савецкай рэспублікі (ССРБ).

Безумоўна, аднаўленне дзяржаўнасці беларускага народа не магло адбывацца без цесных узаемаадносін з кіраўніцтвам метраполіі. У сілу вядомых гістарычных прычын галоўным суб'ектам улады ё Расійскай Савецкай Рэспубліцы (з 19 ліпеня 1918 г. — Расійская Сацыялістычная Федэратыўная Савецкая Рэспубліка) была партыя бальшавікоў (РСДРП (б), з сакавіка 1918 г. — РКП (б)).

Асноўны цэнтр прыняцця рашэнняў у РСДРП (б) і РКП (б) — Цэнтральны Камітэт (ЦК). У склад ЦК уваходзіла вышэйшае кіраўніцтва партыі бальшавікоў, найбольш аўтарытэтныя і ўплывовыя асобы, якім належала рэальная партыйная ўлада. Рашэнні ЦК, якую б сферу дзейнасці яны не закраналі, былі абавязковымі для выканання ўсімі партыйнымі арганізацыямі, а потым і органамі дзяржаўнай улады і кіравання.

На VI з'ездзе РСДРП (б), які адбыўся 26 ліпеня — 3 жніўня 1917 г. у Петраградзе, быў абраны склад ЦК партыі бальшавікоў колькасцю 21 чалавек. Склад ЦК змяніўся на VII з'ездзе РКП (б) у сакавіку 1918 г., аднак гэтыя змены не насілі прынцыповага характару.

Трэба адзначыць, што члены ЦК партыі бальшавікоў Ф. Дзяржынскі і М. Крэсцінскі, хаця і нарадзіліся ё Беларусі, але адназначнага стаўлення да яе дзяржаўнай незалежнасці ё разглядаемы перыяд не выявілі.

Затое У. Ленін і І. Сталін не толькі неаднаразова артыкулявалі сваю пазіцыю адносна самастойнага існавання Беларусі, але і аказалі значны ўплыў на фарміраванне беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове.

8 лістапада 1917 г. У. Ленін быў абраны старшынёй Савета народных камісараў (СНК) — бальшавіцкага ўраду. Ён з'яўляўся вышэйшым кіраўніком дзяржавы, адказным за прыняцце найбольш важных палітычных рашэнняў.

Наркомам па справах нацыянальнасцяў у складзе СНК стаў І. Сталін. З 8 кастрычніка па 8 ліпеня 1919 г. ён уваходзіў таксама ў склад Рэвалюцыйна-ваеннага савета рэспублікі.

Стаўленне гэтых асоб да Беларусі адпавядала так званай «нацыянальнай палітыцы бальшавікоў» (пад усе свае пазіцыі яны падводзілі дактрынальнае абгрунтаванне). Ужо на II з'ездзе РСДРП у сакавіку 1903 г. абвешчаецца лозунг «аб праве нацый на самавызначэнне». На V з'ездзе РСДРП у маі 1905 г. да гэтага лозунгу дадаецца больш радыкальная формула — «ажно да аддзялення і ўтварэння самастойнай дзяржавы». Як пісаў У. Ленін у 1914 годзе ў сваёй рабоце «О праве наций на самоопределение», «под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства... Не правильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование».

У Дэкларацыі правоў народаў Расіі, прынятай 15 лістапада 1917 г., — адным з першых дакументаў Савецкай улады, — былі абвешчаны чатыры асноўныя прынцыпы нацыянальнай палітыкі бальшавікоў. У тым ліку пацвярджалася «права народаў Расіі на свабоднае самавызначэнне ажно да аддзялення і ўтварэння самастойнай дзяржавы». Прыняцце гэтага дакумента стала каталізатарам цэнтрабежных працэсаў на прасторах былой імперыі.

Пасля рэвалюцыйных падзей 1917 года прадстаўнікі розных беларускіх палітычных арганізацый актыўна ставілі пытанне аб самавызначэнні беларускага народа і стварэнні дзяржаўнасці Беларусі. Неўзабаве вырашэнне гэтага пытання перайшло ў практычную плоскасць: «30 лістапада 1917 г. Выканаўчы камітэт Вялікай беларускай рады і Выканаўчы камітэт Цэнтральнай беларускай вайскавой рады і Беларускі выканаўчы камітэт Заходняга фронту звярнуліся з адозвай «Да ўсяго народа беларускага», у якой выказаліся за стварэнне ў Беларусі дэмакратычнай рэспублікі, федэрацыю з Расіяй і іншымі суседнімі рэспублікамі і прапанавалі склікаць з'езд прадстаўнікоў усяго беларускага народа з мэтай вырашэння гэтага пытання» [2, с. 245]. Ідэя правядзення такога з'езда атрымала шырокую падтрымку ў грамадстве. Адным з арганізатараў гэтага народнага сходу выступіў Беларускі абласны камітэт (БАК), створаны ў лістападзе 1917 г. у Петраградзе пры Ўсерасійскім Савеце сялянскіх дэпутатаў. Дзейнасць БАКа падтрымліваў нарком па справах нацыянальнасцяў І. Сталін. Менавіта БАК атрымаў фінансавыя сродкі на правядзенне з'езду ад Савецкага ўрада [3, с. 17]. У гэтым прадстаўнічым форуме, які адкрыўся 5 снежня 1917 г. у Мінску, узялі ўдзел 1872 дэлегаты ад усіх рэгіёнаў Беларусі, розных грамадскіх і палітычных арганізацый. Гэта сведчыць аб тым, што кіраўніцтва партыі бальшавікоў, дазваліўшы правядзенне з'езда і аказаўшы яму фінансавую падтрымку, у цэлым прыхільна ставілася да самавызначэння беларускага народа і стварэння беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове.

Адпаведны падыход быў сфармуляваны яшчэ ў кастрычніку 1917 г. У. Леніным, які ў брашуры «Удержат ли большевики государственную власть» выказаўся за «немедленное восстановление полной свободы Финляндии, Украины, Белоруссии, для мусульман и т. д.» [4, с. 299].

Відавочна, што драматычныя падзеі, звязаныя з разгонам Усебеларускага з'езду, адбыліся па ініцыятыве так званага Аблвыканкамзаха (фактычна — ваеннай улады). Адпаведную пастанову падпісаў старшыня СНК Аблвыканкамзаха К. Ландар, які постфактум даслаў у СНК Расійскай Савецкай Рэспублікі тэлеграму са сваім тлумачэннем (не ва ўсім праўдзівым) прычын разгону. Адзін з аргументаў — «съезд созван с нарушением условий соглашения с товарищем Сталиным» — пацвярджае актыўны ўдзел кіраўніцтва партыі большавікоў (у першую чаргу, І. Сталіна) у падрыхтоўцы Усебеларускага з'езду.

Адным з вынікаў гвалтоўных дзеянняў Аблвыканкамзаха ў дачыненні да беларускіх актывістаў стала радыкалізацыя пазіцый іх лідараў (многія з каторых пасля разгону Усебеларускага з'езду апынуліся ў турме), узростанне незалежніцкіх настрояў, а таксама падрыхтоўка да Савецкай улады ў асяроддзі палітычных арганізацый нацыянальнай арыентацыі.

Утварэнне 9 сакавіка 1918 г. Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) і абвешчэнне 25 сакавіка 1918 г. яе незалежнасці сталі непрыемным сюрпрызам для кіраўніцтва партыі большавікоў. Існаванне «буржуазнай» Беларусі яўна не ўваходзіла ў іх планы. Большавікі дакладна размяжоўвалі прымальнае для іх самавызначэнне «нацыянальных ускраін» на савецкай аснове і недапушчальнае, з іх пункту гледжання, утварэнне новых «буржуазных» дзяржаў.

Інфармацыі аб стасунках БНР з Савецкай Расіяй на сённяшні дзень недастаткова. Галоўнае — большавікі не прызналі незалежнасці абвешчанай беларускай дзяржавы.

Вядома, што летам 1918 г. адбылася безвыніковая паездка місіі БНР у Маскву, дзе яе ніхто не прыняў.

Адзін з найбольш аўтарытэтных даследчыкаў гісторыі Беларусі гэтага перыяду Анатоль Сідарэвіч выказвае меркаванне, што прэм'ер-міністр БНР А. Луцкевіч нібыта выяжджаў у пачатку лістапада 1918 г. у Маскву для правядзення перагавораў з кіраўніцтвам партыі большавікоў. Як адзначае Сідарэвіч, «з дзёння А. Луцкевіча відаць, што ён гатовы быў згадзіцца на федэрацыю з Расіяй, на ўвядзенне канстытуцыі савецкага тыпу ў Беларусь пры ўмове, што Расія прызнае самастойнасць нашай краіны. Але маскоўскія большавікі мелі свой погляд на гэта пытанне. І гэты погляд у немалой ступені склаўся пад уплывам А. Мяснікова, В. Кнорына ды іншых дзеячаў Заходняй вобласці (камуны), бо вядома, што 6 лістапада 1918 года з Мясніковым гутарыў Ленін» [5, с. 226].

Не знаходзіць адназначнага дакументальнага пацвярджэння інфармацыя аб існаванні ў Маскве консульскай установы БНР на чале з А. Бурбісам.

Ясна, што У. Ленін, І. Сталін і іншыя кіраўнікі партыі большавікоў ігнаравалі БНР і яе ўрад. У вырашэнні пытання дзяржаўнасці Беларусі яны рабілі стаўку на ідэалагічна блізкія і арганізацыйна падпарадкаваныя ім палітычныя структуры.

Пасля паражэння Германіі ў вайне, дэнансацыі Савецкай Расіі Брэст-Літоўскага дагавора і сыходу нямецкіх войскаў часці Чырвонай Арміі сталі займаць тэрыторыю Беларусі (10 снежня 1918 г. яны былі ў Мінску). Урад БНР аб'яўляўся «звергнутым і распушчаным». Паўстала пытанне аб арганізацыі дзяржаўнай улады ў Беларусі на савецкай аснове.

Можна сказаць, што кіраўніцтва Савецкай Расіі не толькі не марудзіла з вырашэннем гэтага пытання, але і праяўляла адпаведную ініцыятыву. Ужо ў канцы снежня 1918 г. ЦК РКП (б) прыняў палітычнае рашэнне аб стварэнні ССРБ [1, с. 112].

У рамках рэалізацыі прынятага рашэння 25 снежня 1918 г. у Наркамнацы адбылася нарада адказных супрацоўнікаў Беларускага Нацыянальнага Камісарыята, Цэнтральнага Бюро беларускіх камуністычных секцый пры ЦК РКП (б) і камітэта Маскоўскай беларускай секцыі РКП (б). У пратаколе пасяджэння адзначалася: «З абмену думкамі выветлілася, што па прычынах цяперашніх міжнародных адносін, у мэтах умацавання і расшырэння заваёў сацыялістычнай рэвалюцыі... у сучасны момант поўнасьцю наспела неабходнасць стварэння Беларусі, як самастойнай ва ўсіх адносінах нацыі, незалежнай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі...» [1, с. 112]

У гэты ж дзень нарком па справах нацыянальнасцяў І. Сталін (відавочна, што пасля правядзення ўказанай нарады) перадаў старшыні Паўночна-Заходняга абкаму РКП (б) А. Мяснікову ў Смаленск тэрміновае паведамленне, згодна з якім «ЦК партыі вырашыў па многіх меркаваннях, аб якіх гаварыць цяпер не даводзіцца, згадзіцца з беларускімі таварышамі на ўтварэнне Беларускага савецкага ўрада. Пытанне гэтае вырашана, і абмяркоўваць ужо не даводзіцца...» [3, с. 31]

Такім чынам, можна з высокай доляй упэўненасці сцвярджаць, што кіраўніцтва партыі большавікоў (У. Ленін, І. Сталін і іншыя) у 1917—1918 гадах актыўна падтрымлівала ўтварэнне дзяржаўнасці Беларусі на савецкай аснове. Самавызначэнне беларускай нацыі адпавядала ідэяна-тэарэтычнай базе праводзімай большавікамі палітыкі. Дзейнасць БНР у акрэслены перыяд прыныцова не прызнавалася ўладамі Савецкай Расіі і не ўспрымалася імі як важны фактар міжнародных адносін. Працэсы інстытуалізацыі дзяржаўнай улады ў Беларусі ў 1917—1918 гадах сталі трывалай асновай для далейшага дзяржаўна-прававога развіцця беларускага народа.

Бібліяграфічны спіс

1. Гісторыя Беларускай ССР: у 2 т. — Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1958. — Т. 2. — 661 с.
2. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т. І. Доўнар. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2014. 415 с.
3. Круталевіч В. А., Юхо І. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917—1945 гг.) — 2-е выд. / В. А. Круталевіч, І. А. Юхо. Мінск: Беларуская навука, 2000. 238 с.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений — 5-е изд. / В. И. Ленин. М.: Политиздат, 1981. — Т. 34. — 584 с.
5. Сідарэвіч, А. Старонкі з гісторыі БНР / А. Сідарэвіч // Адраджэнне: Гіст. Альманах. Вып. 1 / Склад. і навук. рэд. А. П. Грыцкевіч. Мінск: Універсітэцкае, 1995. — С. 223—229.

Михайловский Вадим Сергеевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

НЕОМАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД К РЕВОЛЮЦИИ

Желание сохранить революционную направленность марксистской диалектики в новых исторических условиях и вне партийной догматизации привело к тому, что уже в конце 1920-х годов «очаги марксизма как дискурса постепенно смещались от профсоюзов и политических партий в научно исследовательские институты и на университетские кафедры» [1, с. 161]. Российский социолог Б. Ю. Кагарлицкий образно назвал этот процесс уходом марксизма «в академическое гетто» [3, с. 65]. Началась профессионализация марксизма и академическая институционализация (работа Института социальных исследований во Франкфурте). Марксизм оказал влияние на различные направления исследований: историю, культурологию, социологию, философию. Это влияние оказалось таким существенным, что сам марксизм был воспринят не только как идеология революционной борьбы пролетариата, но и как новый метод познания социальной — неомарксизм.

Роль субъективного фактора (сознания) в революции как отправная точка в неомарксистских исследованиях социальной трансформации была актуализирована немецким философом К. Коршем и венгерским философом Д. Лукачем, а затем стала важнейшим предметом исследований у представителей Франкфуртской школы. Исследования неомарксистов отличались отходом от экономического детерминизма и использованием социологизированного психоанализа.

Если «марксистская логика» исследования сферы сознания требовала рассмотрения идеологием, оставшихся после революционных изменений в «базисе», как «пережитков», «родимых пятен» старого строя, то неомарксистская уделяет существенное внимание этим «пережиткам» как факторам, во многом определяющим новые общественные отношения. В этом противоречии содержатся истоки возможного возрождения прежнего порядка. В такой ситуации новая «настройка» формируется не как отражение нового «базиса», а как «настройка», на формирование которой влияют сохранившиеся мыслительные формы. Неомарксисты исходят из того, что ничего нельзя решить лишь свержением и что революция может привести к ликвидации капитализма, но не затронуть власть капитала. Ликвидация капиталистического порядка общества не влияет на стремление к накоплению капитала, а, значит, сохраняется система это общество воспроизводящая.

В неомарксизме сформировался подход к пониманию революции как изменению не только реальных условий существования людей, но и их субъективных установок. В социальном процессе субъективный фактор становится доминантным. Это привело неомарксистов к отказу от революции в понимании широкомасштабных (организованных) массовых выступлений. Немецкий философ Г. Маркузе писал: «Марксистская концепция революции как революции, осуществляемой большинством эксплуатируемых масс и имеющей своей кульминацией «захват власти» и установление диктатуры пролетариата... отстала от исторического развития — она отвечает пройденной фазе капиталистического производства и организации, но не отвечает нынешней более высокой фазе капиталистического производства, включающей в себя производство средств ... идеологической обработки» [9, с. 30].

Вопросы роли сознания и идеологической борьбы стали основополагающими в рамках неомарксистской теории и сместили изучение практики насильственной борьбы на второй план, рассматривая ее как возможный атрибут преобразования общества. В центре внимания оказались факторы, воздействие которых свидетельствует об изменении сознания общества. Эти изменения и могут быть названы революцией в неомарксистском понимании.

Неомарксистская концептуализация современной социальной трансформации была тесным образом связана с обращением к потенциалу психологии масс и исследованиями репрессивной сущности культуры в современном обществе. Еще в начале XX века Д. Лукач отмечал, что главным препятствием для подлинной трансформации общества является «раскол пролетарского сознания» [4, с. 167]. Речь шла о невероятной сложности преодоления убеждения масс в устойчивости сложившегося порядка и иллюзий о том, что успехи экономической борьбы могут приблизить к решению социальных и политических вопросов. Эта тема особенно актуализировалась после Второй мировой войны.

Перспективы расширения социалистической альтернативы привели к значительным трансформациям экономических, правовых, социальных и политических отношений. Социалистический вызов наряду с другими факторами (переход западного общества на уровень постиндустриального развития, научно-техническая революция, информационные технологии, формирование ценностных установок общества потребления) существенно повлиял на функционирование системы капитализма. Поиск новых агентов революции, обладающих высоким классовым сознанием, в 1960-е и 1970-е «столкнулся» с завышенными ожиданиями масс государства всеобщего благосостояния. Готовность рабочего класса общества потребления к социальным изменениям оказалась уязвима к демонстрации эффективности капитализма: увеличению объема материальной культуры, доступности предметов массового потребления, удешевлению комфорта и роскоши, вовлечению все новых сфер общественного воспроизводства в индустрии капитализма. Французский философ Ж. Бодрийяр описывал современного пролетариата как ««нормального» человека», который «возведен в достоинство полноправного «человеческого существа», и, что важно, «перенимает все виды дискриминации, свойственные господствующим классам, — он расист, сексист, мыслит репрессивно». «Код нормальности», который был навязан современному пролетариату массовой культурой потребления, «образует сильнейшую идеологическую защиту» от интенций на перемены [2, с. 85—86]. Теория марксизма-ленинизма не обладала необходимым понятийно-категориальным аппаратом и объяснительными моделями познания таких социальных процессов. Возникла исследовательская необходимость «отойти от самой марксовой теории настолько, насколько изменились объекты ее критики» и «построить» на основе марксистского метода «новый теоретический аппарат, адекватный нашей нынешней ситуации» [8, с. 180].

Неомарксисты обратились к анализу значения ценностей в воспроизводстве капитализма, а социальную трансформацию стали понимать как культурную революцию. Именно поэтому Г. Маркузе писал не о бунте, а о «Великом отказе». Великий отказ — понятие, применяемое в неомарксизме для обозначения важности ценностей в воспроизводстве капитализма и понимания социальной трансформации как полной переоценки ценностей, потребностей и задач общественного развития. «Индивиды воспроизводят репрессив-

ное общество в своих потребностях ... и именно эта преемственность до сих пор препятствовала скачку от количества к качеству свободного общества» [5, с. 20]. Отметим, что в дальнейшем (в начале XXI века) об этом писали и американский философ М. Хардт и итальянский философ А. Негри. Теоретики образно обосновывали, что трансформация капиталистического порядка возможна как «бегство», «антропологический исход», формирование «новых варваров», которые строят «новую жизнь» [8, с. 201, 203, 204]. Таким образом, неомарксисты обратились к поиску тех современных субъектов, которые могут быть идентифицированы с потенциальными силами такого сопротивления. Эта аналитическая проблема стала одной из наиболее сложных для неомарксистских теоретиков. Задача заключалась в том, чтобы найти новых агентов революции. И отказаться от этой задачи было нельзя.

Этот поиск происходил на фоне активного включения в 1960-х годах европейских коммунистических партий в западный политический процесс. Обнаружилось, что западные коммунистические партии стали в меньшей степени интересоваться марксистской диалектикой и идеалами революционной борьбы. Особенно это проявилось в тот период, когда пришло осознание невозможности прямой практической реализации догматизированных партийными теоретиками марксистских утверждений. Потеряв «опору» на партии рабочего движения как классических носителей революционного сознания, неомарксисты были вынуждены и по этой причине выйти за рамки марксистско-ленинских представлений и выявить новых агентов революционного действия.

В фокус аналитического внимания попали радикальные интеллигенты — выходцы из студентов, а также иммигранты. Г. Маркузе отмечал общие черты этих двух групп, которые указывают на их новый революционный потенциал. Это отрицание любых видов и форм эксплуатации; «настойчивое требование не только новых институтов, но и самоопределения»; «недоверие ко всем идеологиям, включая социализм»; «непринятие псевдомарксистского процесса» [9, с. 31]. Г. Маркузе была сделана ставка на «маргинальные» силы в силу того, что именно в радикальных практиках этих субъектов он видел их невключенность («выпадение») из капиталистического порядка, а, следовательно, способность к радикальным преобразованиям.

В целом неомарксистский подход к социальной трансформации может быть сведен к словам Г. Маркузе, что «путь в свободное общество открыт только для тех, кто свободен от благ капитализма» [6, с. 303]. Именно этому фактору неомарксисты уделяли первоочередное внимание в вопросе социальной трансформации.

Марксистская мысль является теорией социальной трансформации. Она развивалась в русле радикальной критики капитализма и поиска путей его преодоления. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали объективные законы смены общественно-экономических формаций, но не уделили должного внимания субъективному фактору исторического процесса. Этот пробел марксистской теории был преодолен в рамках неомарксизма. Отказавшись от понимания революции только как насильственного скачкообразного преодоления капиталистического порядка, неомарксисты акцентировали внимание на необходимости дополнительной ценностной переориентации сознания масс. Таким образом, произошло своеобразное «замыкание» марксистского теоретизирования социальной трансформации: неомарксистское соединение историче-

скаго материализма и идеализма в рамках марксистского критицизма. Это позволило не только сохранить марксистскую приверженность диалектике, но и выйти на новый уровень анализа трансформации капитализма.

Библиографический список

1. Андерсон, П. На путях исторического материализма / П. Андерсон // Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма = Consideration on western Marxism. In the tracks of historical materialism: пер. с англ. / П. Андерсон. — М., 1991. — С. 151—266.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть = L'échange symbolique et la mort / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М.: Добросвет, 2009. — 387 с.
3. Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. — М.: Алгоритм: Эксмо, 2005. — 480 с.
4. Лукач, Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике = Geschichte und Klassenbewusstsein. Studien ueber marxistische Dialektik / Г. Лукач; пер. с нем. С. Земляного. — М.: Логос-Альтера, 2003. — 416 с.
5. Маркузе, Г. Конец утопии / Г. Маркузе; пер. с англ. А. Смирнова // Логос. — 2004. — № 6. — С. 18—23.
6. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. — М.: АСТ: Ермак, 2003. — 312 с.
7. Хардт, М. Империя = Empire: пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004. — 440 с.
8. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи = Multitude: war and democracy in the age of empire: пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри; под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Культур. революция, 2006. — 559 с.
9. Marcuse, H. Re-examination of the concept of revolution / H. Marcuse // New Left Review. — 1969. — № 56. — P. 30—38.

Снапкоўскі Уладзімір Еўдакімавіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

АБ ПАЛІТЫЧНЫМ І ПРАВАВЫМ СТАТУСЕ БЕЛАРУСІ НА САВЕЦКА-ПОЛЬСКІХ МІРНЫХ ПЕРАГАВОРАХ (1920—1921 ГГ.)

Юрыдычны статус ССРБ у 1919—1922 гг. быў вельмі няпэўным і супярэчлівым. Фармальна яна лічылася незалежнай савецкай рэспублікай, а фактычна з'яўлялася аўтаномнай вобласцю РСФСР. Яе адносіны з РСФСР будаваліся не на раўнапраўных, федэратыўных пачатках, а на аснове аўтаноміі [10, с. 129]. III з'езд КП(б) Беларусі (лістапад 1920 г.) наступным чынам вызначаў дзяржаўна-прававы статус ССРБ: «Беларусь, будучы Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікай, адначасова з'яўляецца састаўной часткай РСФСР, і ўсе органы ў галіне агульных мерапрыемстваў павінны быць падпарадкаваны адпаведным камісарыятам РСФСР, але мець пэўную свабоду ў галіне вырашэння пытанняў мясцовага жыцця, у якіх яны павінны кіравацца ЦВК і Совнаркомам Беларусі» [12, С. 187—188]. Рашэнні партыйнага з'езда прадвызначылі фармулёўку адпаведных канстытуцыйных нормаў, прынятых II Усебеларускім з'ездам Саветаў, што супярэчыла Дэкларацыі аб абвешчэнні незалежнасці ССРБ ад 31 ліпеня 1920 г.

У асяроддзі партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва Беларусі дамінавала думка, што заявы аб суверэннасці ССРБ маюць толькі «фасаднае» знешнепалітычнае

прызначэнне. Сакратар ЦБ КП(б) В. Г. Кнорын сцвярджаў у артыкуле «Мір і Беларусь» (кастрычнік 1920 г.): «Беларусь вызначылася як Савецкая Рэспубліка, якая ўваходзіць ў Расійскую Федэрацыю, і такой яна будзе» [7]. Некаторае размежаванне кампетэнцыі паміж дзяржаўнымі органамі абедзвюх рэспублік адбылося пасля заключэння Дагавора аб ваенным і гаспадарчым саюзе паміж РСФСР і ССРБ ад 21 студзеня 1921 г. Дагавор, зыходзячы з прызнання незалежнасці і суверэннасці кожнага з бакоў, прадугледжваў аб'яднанне камісарыятаў ваенных і марскіх спраў, замежнага гандлю, фінансаў, працы, шляхоў зносін, пошт і тэлеграфа, а таксама ВСНГ. Аб'яднання камісарыяты ўваходзілі ў склад СНК РСФСР і мелі сваіх упаўнаважаных ва ўрадзе ССРБ [9, с. 243]. На тэрыторыю рэспублікі аўтаматычна распаўсюджваліся рашэнні ЦК РКП(б), УЦВК і СНК РСФСР. Фінансы, знешнепалітычная дзейнасць, ваеннае будаўніцтва, транспарт ССРБ рэгламентаваліся кіраўніцтвам РСФСР.

Пытанне аб прызнанні савецкіх рэспублік, абвешчаных на тэрыторыі Беларусі, Літвы і Украіны, было разгледжана ў дакладзе польскай сеймавай камісіі па замежных справах, з якім выступіў яе старшыня С. Грабскі 3 красавіка 1919 г. Каб падкрэсліць неабходнасць вольнага выказвання мясцовага польскага, беларускага і ўкраінскага насельніцтва па пытанні аб саюзе з Польшчай, ён адзначыў: «Польская рэспубліка, аднак, не можа прызнаць прадстаўнікамі, якія выказваюць волю насельніцтва гэтых зямель, саветы, навязаныя ёй большавіцкімі войскамі, не менш захопніцкімі, чым войскі былога цара. Таму камісія па замежных справах палічыла, што на тэлеграму літоўскіх і беларускіх саветаў ад 17 лютага 1919 г.* адказваць было не варта і што ўрад справядліва пакінуў яе без адказу» [6, с. 200—201].

4 красавіка сойм прыняў рэзалюцыю па пытанні аб ўсходняй палітыцы Польшчы, у якой пацвярджалася права польскага, літоўскага і беларускага народаў, якія пражываюць на землях былога ВКЛ, самастойна вызначаць свой лёс і адначасова канстатавалася, што сойм «не можа прызнаць мірнай канферэнцыі, якая самавызначэння ні Літоўска-Беларускую Савецкую Рэспубліку, залежную ад Расійскай дзяржавы, ні ўзніклія са згоды нямецкіх акупацыйных уладаў і без удзелу працоўных мас урадаў літоўскіх і беларускіх маёмасных класаў» [2, № 210] (меліся на ўвазе ўрады літоўскай Тарыбы і БНР).

На савецка-польскіх мірных перагаворах польская дэлегацыя палічыла патрабаванне прызнання незалежнасці Украіны і Беларусі асноўнай задачай савецкай дэлегацыі і пагадзілася задаволіць яго пры ўмове прыняцця ёю выгаднай для Польшчы мяжы, што пакідала ў складзе Польшчы чыгунку Роўна-Сарны-Лунінец-Баранавічы. Ёфэ, скарыстаўшы недакладнасць дадзеных яму дырэктыв, уключыў у праект дамовы артыкул, у адпаведнасці з якім урад РСФСР настойваў на прызнанні Польшчай савецкіх рэспублік. 28 верасня савецкі праект быў пададзены на пленарнае пасяджэнне мірнай канферэнцыі. Так пытанне аб прызнанні савецкіх рэспублік Украіны і Беларусі (у тэксе прэлімінарнага міру ён быў сфармуляваны як прызнанне незалежнасці Украіны і Беларусі) трапіў на стол перамоў [11, с. 236—267].

Кіраўнік польскай дэлегацыі Я. Домбскі неаднаразова выказваўся ў сваёй кнізе па пытанні аб міжнародна-палітычным статусе савецкай Беларусі, як і савецкай Украіны. Ён называў гэтыя дзве рэспублікі «фікцыямі, створанымі большавікамі для маскіроўкі свайго агульнасавецкага імперыялізму» [14, с. 185]. У другім месцы ён

* Маеца на ўвазе дэкларацыя ЦВК ЛітБел ад 16 лютага.

спасылаецца на свой выступ на пасяджэнні галоўнай камісіі мірнай канферэнцыі ад 1 кастрычніка, дзе казаў, што «савецкая Беларусь не мае ніякіх аб'ектыўных прыкмет самастойнасці і дзяржаўнай незалежнасці» [14, s. 100]. У трэцім месцы кіраўнік польскай дэлегацыі піша аб «смешных памерах» ССРБ, маючы на ўвазе яе тэрыторыю з шасці паветаў Мінскай губерні [14, s. 183, 185].

У выступе Я. Домбскага на пасяджэнні галоўнай камісіі мірнай канферэнцыі ад 1 кастрычніка гаварылася, што Польшча прызнала незалежнасць Літвы, Украіны і Беларусі [14, s. 100]. Аднак у дачыненні Беларусі гэта сцверджанне, як і пасаж з вышэй паказанай заявы УЦВК ад 23 верасня аб прызнанні незалежнасці Беларусі з боку РСФСР, не з'яўляецца абгрунтаваным. Паўнаважкага міжнародна-прававага прызнання Польшчай ні БНР, ні тым больш ССРБ або ЛітБел, з якімі Варшава наогул не жадала мець ніякіх спраў і не адказвала на іх тэлеграмы, не было. У выпадку з БНР можна казаць толькі аб маўклівым яе прызнанні Польшчай [16, S. 508—509], маючы на ўвазе перамовы старшыні ўрада БНР А. Луцкевіча з начальнікамі польскай дзяржавы Ю. Пілсудскім і прэм'ер-міністрам І. Падзярэўскім ў 1919 — пачатку 1920 гг.

18 сакавіка 1921 г. у Рызе быў падпісаны мірны дагавор між РСФСР і УССР, з аднаго боку, і Польшчай — з другога. У прэамбуле адзначалася, што ўрад РСФСР падпісвае дагавор «за сябе і па ўпаўнаважанню Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі». Гэтага пункту не было ў прэлімінальным дагаворы. Ён з'явіўся як адказ на ініцыятывы беларускіх камуністаў аб дапушчэнні прадстаўнікоў ССРБ на перамовы і верагодна на вострыя пратэсты ўрада БНР супраць рабаўніцкага і несправядлівага міру. У арт. 2 дагавора гаварылася, што бакі «паводле прынцыпу самавызначэння народаў, прызнаюць незалежнасць Украіны і Беларусі, а таксама згаджаюцца і пастанаўляюць, што ўсходнюю мяжу Польшчы, гэта значыць мяжу між Расіяй, Беларуссю і Украінай, з аднаго боку, і Польшчай — з другога, складае лінія...» [3, c. 618—619], пасля чаго давалася падрабязнае апісанне савецка-польскай мяжы. Прызнанне Польшчай незалежнасці Украіны і Беларусі азначала прызнанне ёю УССР і БССР дэ-юрэ, хоць, як відаць, назвы гэтых дзяржаў у тэксце дагавора адсутнічалі.

Паўторна абвешчаная па ініцыятыве Масквы ССРБ павінна была выконваць службовую ролю ў знешняй палітыцы РСФСР. Найбольш ярка залежнае становішча Беларускай савецкай рэспублікі выявілася напярэдадні і ў ходзе савецка-польскіх мірных перамоў. Нададзены ВРК ССРБ ўраду РСФСР мандат на выдзяленне мірных перамоў з Польшчай і вызначэнне межаў Беларусі было сведчаннем крайняй палітычнай слабасці ВРК, яго залежнасці ад Масквы і адначасова нацыянальнага нігілізму шэрагу яго членаў. Наданне мандату ўвасабляла рэдкі ў гісторыі дыпламатыі выпадак, калі адна дзяржава ўпаўнаважыла іншую падпісаць мірны дагавор, які істотна абмяжоўваў яе тэрыторыю падзелам напалову. Ні да, ні пасля Рыжскага міру беларуская дзяржава не падпісвала падобнай дамовы з наданнем іншай дзяржаве падобных паўнамоцтваў, хоць эпоха падзелаў Беларусі не скончылася ў чаканні наступлення Другой сусветнай вайны. Каб паказаць, што мандат быў не выпадковы, Другі Усебеларускі з'езд саветаў пацвердзіў яго, як і правільнасць палітычнай лініі расійска-ўкраінскай дэлегацыі ў «адстойванні» інтарэсаў Беларусі. Патрабаванні беларускіх камуністаў аб удзеле ў мірных перамовах пасля падпісання прэлімінарнага міру, як і пашырэння межаў карлікавай ССРБ, вымусілі савецкае кіраўніцтва прыняць захады па ўпарадкаванні адносін з ёю паводле ўзору федэратыўных адносін з УССР.

Рыжскі мірны дагавор апынуўся першым легітымным міжнародна-правовым актам XX ст., які замацаваў за Беларуссю (назвы дзяржавы ў тэксце не дадзена) і беларускім народам шэраг найважнейшых атрыбутаў дзяржаўнасці і нацыянальных правоў. Па-першае, дагаворныя бакі прызнавалі незалежнасць Беларусі, як і Украіны, што давала падставы Маскве і Мінску лічыць, што гэта азначае прызнанне менавіта ССРБ, бо камуністы кантралявалі тэрыторыю рэспублікі, а ўрад БНР знаходзіўся ў эміграцыі. Прызнанне Польшчай незалежнасці Украіны і Беларусі азначала, што Польшча стала першай заходняй дзяржавай, якая прызнала ССРБ дэ-юрэ і пацвердзіла гатоўнасць ўсталяваць з ёй дыпламатычныя адносіны. Вядома, каб задаволіць боль падзела, гэта было слабай пілолай. Да таго ж і яна не спрацавала да канца, бо хуткае стварэнне Саюза ССР паставіла крыж на надзеях Мінска абмяняцца пасольствамі з Варшавай. Па-другое, дагавор прызнаваў нацыянальныя правы беларусаў у Польшчы, якія да таго ж былі гарантаваныя і малой канстытуцыйай ад 17 сакавіка 1921 г., як і правы палякаў у савецкай Беларусі. Па-трэцяе, у адпаведнасці з дамовай ССРБ атрымала міжнародна прызнаную мяжу з заходняй дзяржавай.

Бібліяграфічны спіс

1. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4-х т. Т. 1. 1 жніўня 1914—18 сакавіка 1921 гг., Ч. 1: 1 жніўня 1914—31 снежня 1919 гг. Склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]. Мінск, 2008.
2. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): Зборнік дакументаў і матэрыялаў у 4-х тамах. Т. 1. 1 жніўня 1914—18 сакавіка 1921 г., Ч. 2. 3 студзеня 1920—18 сакавіка 1921 г./ Склад.: А. Ф. Вялікі [і інш.]. Мінск, 2008.
3. Документы внешней политики СССР. Т. III (1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г.). М., 1959.
4. Документы внешней политики СССР. Т. IV (19 марта 1921 г. — 31 декабря 1921 г.). М., 1960.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II (ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г.). М., 1964.
6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III (апрель 1920 г. — март 1921 г.). М., 1965. С. 328.
7. Звезда. 1920. 11 окт.
8. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1 (1917—1922 гг.). Мінск, 1997.
9. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 2 (1923—1927 гг.). Мінск, 1999.
10. Круталевіч В.А., Юхо І. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917—1945 гг.). Мн., 2000.
11. Лазько Р. Беларускі фронт сусветнай рэвалюцыі ў 1920 г. // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. Зборнік навуковых прац III міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. Мінск, 9—10 чэрвеня 2011 г. Навук. рэд. Е. Расоўска, А. Вялікі. Мінск, 2011.
12. По воле народа: Из истории образования Белорусской ССР и создания Коммунистической партии Белоруссии. Документы и материалы. Мн., 1988. С. 187—188.
13. Польско-советская война, 1919—1920: (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. 1. М., 1994.
14. Dąbski J. Pokój ryski. Wspomnienia, pertraktacje, tajne układy z Joffem, listy z 15 ilustracjami i 1 mapę. Warszawa, 1931.
15. Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i innych dokumentach. Warszawa, 1990. S. 44.
16. Michaluk D. Białoruska Republika Ludowa 1918—1920. U podstaw białoruskiej państwowości. — Toruń, 2010.

СЕКЦЫЯ 7

1917 ГОД: РЭГІЯНАЛЬНАЕ ВЫМЯРЭННЕ

Бароўская Вольга Мікалаеўна

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (Мінск, Беларусь)

**ПОЛЬСКІ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫ РУХ НА ТЭРЫТОРЫІ
БЕЛАРУСІ ў 1919–1921 ГГ.**

Стрыжнем ідэйнай складаючай польскага грамадска-палітычнага руху на тэрыторыі Беларусі была ідэя палітычнай нацыі: усе, хто ўсведамляў сябе «грамадзянамі Краю», належаць да адзінай нацыі незалежна ад этнічнага паходжання і культурнай прыналежнасці. Патрыятызм і любоў да Літвы лічыліся вызначальнымі нацыянальнымі рысамі. У сваёй практычнай дзейнасці краёўцы прызнавалі роўнасць палякаў, беларусаў і літоўцаў як карэнных народаў Беларусі і Літвы. Многія з іх у гэты пералік уключалі таксама і яўрэяў. Па перакананні краёўцаў, усе «грамадзяне» беларускай і літоўскай зямлі павінны былі працаваць на карысць краю. Пад апошнім звычайна разумеліся землі былога ВКЛ, «Край» успрымаўся ў якасці тэрытарыяльнай адзінкі з своеасаблівымі гістарычнымі, культурнымі і гаспадарчымі традыцыямі, спецыфічнай этнічнай структурай. Спецыфіка краю нараджала адметныя краёвыя інтарэсы. Задавальненне гэтых інтарэсаў, на думку краёўцаў, адпавядала найбольш глыбінным патрабаванням усіх народаў краю. Усе элементы краёвага грамадства — літоўцы, беларусы і палякі — успрымаліся як непарыўнае цэлае, нягледзячы нават на тое, што розніліся мовамі. Магчыма, менавіта гэтае пачуццё нараджала перакананне ў неабходнасці палітычнай роўнасці ўсіх карэнных народаў краю. Адметнасць палітычнай дактрыны трымалася на жыццяздольнасці гістарычнай традыцыі, якая спалучалася з ідэяй талеранцыі і пераканання патрэбы добрасуседскага суіснавання этнічна і канфесійна розных грамадскасцей [2].

Яшчэ ў пачатку 1917 г. у Варшаве была створана Літоўская камісія, на аснове якой пазней стварыўся Камітэт аховы крэсаў [3, s. 143]. У адрозненне ад Камітэта аховы крэсаў, Таварыства стражы крэсавой было арыентавана, у першую чаргу, на дзейнасць па заявяванне ініцыятывы ў грамадска-палітычнага жыцця краю. Страж ставіла перад сабой мэтай адраджэння польскага грамадскага, палітычнага, гаспадарчага і культурнага жыцця на тэрыторыі так званых «крэсаў» і абавіралася галоўным чынам на працу інструктараў, у задачы якіх уваходзіла стварэнне на месцах польскіх грамадска-гаспадарчых арганізацый — сельскагаспадарчых гурткоў, кааператываў, маладзёвых і культурна-просветных гурткоў. На тэрыторыі Беларусі Таварыства афіцыйна пачало дзейнасць з 1 сакавіка 1919 г. Адчувваючы падтрымку з боку мясцовай адміністрацыі, Таварыства хутка нарошчвала сваю прысутнасць на тэрыторыі Генеральнага камісарыята, павялічыўшы колькасць інструктараў з 55 чалавек у чэрвені 1919 г. да 114 чалавек у 29 аддзелах на лістапад 1919 г. Толькі да канца 1919 г. Таварыства атрымала на сваю дзейнасць 1,8 млн марак і больш 100 тыс. рублёў ад Грамадзянскага камісарыята і Міністэрства замежных спраў

[4, s. 23]. У кастрычніку 1919 г. па ініцыятыве Таварыства ўзнікае Часовы камітэт узнаўлення ўсходніх зямель. У студзені 1920 г. быў створаны Саюз моладзі Віленскай зямлі, а ў канцы 1919 г. у Мінску ствараецца Таварыства ім. Ю. Пілсудскага [4, s. 42]. Акрамя таго, у 1919 г. толькі ў Мінску дзейнічала польскае таварыства «Сокал», гурток полек, таварыства сяброў навукі і інш. [1, л. 129, 130]. Адным з галоўных накірункаў дзейнасці Таварыства стражы крэсвай была арганізацыя народных рад як прадстаўнічых органаў мясцовага польскага насельніцтва. Польскія рады рознага ўзроўня пачалі стварацца яшчэ ў перыяд нямецкай акупацыі. Ва ўмовах польскай акупацыі народныя рады выбіраліся пад эгідай і пры непасрэдным удзеле Стражы крэсвай у якасці нацыянальных павятовых прадстаўніцтва. Інструктары Стражы крэсвай прыступілі да арганізацыі народных рад летам 1919 г., і ўжо ў сярэдзіне 1919 г. павятовыя сеймікі прашлі ў Гродзенскім, Ашмянскім, Лідскім і Ваўкавыскім паветах [8, s. 21].

У кастрычніку 1918 г. у Варшаве быў створаны Камітэт па ўсходніх справах, у які ўвайшлі В. Камянецкі, С. Міцкевіч, А. Бабянскі, а таксама землеўласнікі, згуртаваныя ў Польскай радзе Менскай зямлі: М. Абязерскі, Л. Любенскі, У. Рыбінскі. Камітэт па ўсходніх справах выказваўся за аднаўленне ВКЛ і прызнанне роўных правоў трох гістарычных народаў — палякаў, літоўцаў і беларусаў. Такая пазіцыя грунтавалася на краёвай ідэі, а краёўцы, хоць і выказваліся за аднаўленне ўніі Польшчы з гістарычнай Літвой, ролю Каралеўства Польскага бачылі толькі як падтрымку для рэалізацыі гэтых планаў. Аднак у сувязі з культурнымі, гістарычнымі, палітычнымі і гаспадарчымі адрозненнямі ад цэнтральных польскіх земляў узнікала неабходнасць стварэння ўласных адміністрацыйных улад гістарычных Літвы, якія былі б выбраныя на ўсеагульных выбарах і ўлічвалі б інтарэсы ўсіх этнічных супольнасцей.

На фундаменце краёвай ідэі з'яўляліся розныя канцэпцыі арганізацыі гэтых земляў. Дэмакратычная партыя ў Вільні дамагалася стварэння краёвага ўрада з прадстаўнікамі ўсіх нацыянальнасцей. В. Камянецкі прасоўваў праект утварэння трох кантонаў. Польскі кантон павінен быў ахопліваць Вільню і Троцкі, Гарадзенскі, Лідскі, Ваўкавыскі, Беластоцкі, Бельскі, Сакольскі паветы. У Літоўскі кантон мусілі б трапіць Коўна, а таксама Шаўлі, Цельшы, Тыльзіт, Расейны, Клайпеда і Лібава. Беларускі кантон павінен быў ахапіць паветы Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў, г. зн. заселеныя галоўным чынам праваслаўным насельніцтвам. Такім чынам, праект прадугледжваў падзел беларускага насельніцтва паміж двума кантонамі — польскім і беларускім. В. Камянецкі абдумваў таксама канцэпцыю стварэння пяці аўтаномных адзінак, злучаных федэрацыяй на ўзор швейцарскіх кантонаў з соймамі ў Коўне, Вільні, Беластоку, Менску і Пінску. Гэтая канцэпцыя В. Камянецкага збліжалася з усходнімі планами І. Падарэўскага, які актыўна цікавіўся будучыняй усходніх земляў.

Надзвычайнай палітычнай актыўнасцю адрознівалася дзейнасць Польская нацыянальная рада беларускіх зямель і Інфлянтаў, якая накіравала зварот 12 студзеня 1920 г. да прэм'ер-міністра Польшчы Л. Скульскага, у якім дакладна прадманстравала свае асноўныя патрабаванні і праграму ўзаемасупрацоўніцтва з Польскай дзяржавай [6]. Рада настойвала на аўтаномным існаванні тэрыторыі Беларусі ў складзе Польшчы, патрабавала правесці плебісцыт на беларускіх землях, занятых польскімі войскамі, пры

гэтым фінансаванне перадвыбарнай кампаніі ўскладалася на польскую казну, і прапаноўвалася ўключыць прадстаўніка рады ў склад Міністэрства замежных спраў і дапусціць да вырашэння спраў па нармалізацыі адносін з Савецкай Расіяй. Яны жадалі такім чынам выкарыстаць дыпламатычную пляцоўку для рэалізацыі сваіх ідэй. У выніку, падчас барысаўскага этапу савецка-польскіх перагавораў у лютым 1920 г., з ліку Польскай нацыянальнай рады беларускіх зямель і Інфлянтаў у склад польскай дэлегацыі ўвайшоў У. Рачкевіч, намеснік генеральнага камісара ўсходніх зямель і камісар Мінскай акругі [7, с. 3]. Гэты крок быў свайго роду кампрамісам паміж жаданнямі рады і намаганнямі польскага кіраўніцтва па стварэнні «Беларускага П'емонта». Прадстаўніцтва беларускіх зямель на польска-расійска-ўкраінскай канферэнцыі ў Рызе забяспечвалася, дзякуючы намаганням Польскай нацыянальнай рады беларускіх зямель і Інфлянтаў (М. Абезерскі, К. Гардзялкоўскі, В. Васілеўскі). Радай быў накіраваны шэраг пратэстных дэкларацый 12 верасня, 5, 8, 11, 28 кастрычніка, 10 лістапада, 11 снежня 1920 г., у якіх змяшчаліся палітычныя патрабаванні (гарантаванне правоў самавызначэння нацый), вострыя формы пратэсту супраць падзелу беларускіх зямель і патрабаванні забеспячэння нацыянальных, культурна-рэлігійных правоў польскаму мясцоваму насельніцтву ў той частцы, што адыходзіла расійска-ўкраінскаму боку. 9 кастрычніка 1920 г. на адрас польскай мірнай дэлегацыі ў Рызе паступілі пэўныя заўвагі і карэктура ўжо падрыхтаванага тэксту Прэлімінарнага мірнага дагавора, падрыхтавання членамі Польскай нацыянальнай рады беларускіх зямель і Інфлянтаў М. Абезерскім і Б. Крыжаноўскім. Пазбаўленыя права ўдзелу ў працы рэдакцыйнай камісіі мірнай канферэнцыі, члены рады, атрымаўшы чарнавы варыянт дагавора, звярталі ўвагу членаў польскай дэлегацыі на праблемныя моманты дагавора, на ўнясенне ў тэкст дагавора пункта, які б прадбледжаў вырашэнне польска-літоўскіх тэрытарыяльных спрэчак без удзелу Савецкай Расіі. Аўтары заўваг настойвалі на прадстаўленні магчымасці рэалізаваць у поўнай меры права на самавызначэнне для беларускіх зямель. Таксама яны звярталі ўвагу членаў польскай дэлегацыі, што адмова Польшчы ад правоў на тэрыторыі, размешчаных на ўсход ад лініі размежавання, у сваю чаргу патрабуе аналагічнай адмовы з савецкага боку. Адначасова М. Абезерскі і Б. Крыжаноўскі раілі ўключыць пункт, які ўдакладняў бы форму ўзаемаадносін паміж БССР і РСФСР («федэратыўныя або якія-небудзь іншыя сувязі») [5, с. 22—24]. Паступілі прапановы па аб'яднанні нясвіжскага майарата (валоданне Караля і Леона Радзівілаў) у рамках аднаго дзяржаўнага ўтварэння. Міністру замежных спраў Польшчы Я. Сапегі быў накіраваны праект пагранічнай лініі, якая б праходзіла ад Мінска па р. Піч у паўднёвым накірунку, за р. Прыпяць. Такім чынам б у склад Польскай дзяржавы ўваходзілі ўсе землі адзначанага майарата. Аналагічны праект быў перададзены праз У. Рачкевіча міністру ўнутраных спраў (з 24 ліпеня 1920 г. па 29 чэрвеня 1921 г.) Л. Скульскаму і дырэктару палітычнага дэпартаменту Міністэрства замежных спраў Польшчы Э. Пілтцу. У гэтым дакуменце звярочвалася ўвага на мэтазгоднасць тэрытарыяльных зменаў. У першую чаргу ўвага засяроджвалася на значных матэрыяльных і маральных унёсках шляхты беларускіх зямель у справу арганізацыі польскіх вайсковых фарміраванняў. Па-другое, прыводзілася сярод іншых прычын неабходнасці рэктыфікацыі пагранічнай лініі, і эканамічная складаючая: «рыжская мяжа праходзіць

выключна па сушы, што патрабуе каля 100 пагранічнікаў па вярсту, у той жа час, як мяжа па рацэ — усяго каля 10» [8].

Краёўцы самі спрыялі развіццю адпаведнай гістарычнай свядомасці, выпрацоўваючы ўласную канцэпцыю мінулага Беларусі і Літвы. Гістарычная памяць і звязаныя з ёю пэўныя псіхалагічныя ўстаноўкі былі часткай унікальнага феномену падвоянай свядомасці тыпу *gente Lithuanus (vel Ruthenus) natione Polonus*. Палітыка культурнай русіфікацыі і палітычнай дэпаланізацыі, якую праводзілі расійскія ўлады, спрыяла ўмацаванню ў падвоянай свядомасці менавіта «польскага» кампанента. Польшка-літоўская ўнія трактавалася краёўцамі як саюз роўных партнёраў. Аднак ва ўмовах падзелу літоўска-беларускага абшару па ўмовам Рыжскага мірнага дагавора, прадстаўнікі польскага грамадска-палітычнага руху вымушаны былі адмовіцца ад сваіх ідэй, адстойваць больш-менш прывабны тэрытарыяльны праект, які ўключаў б уласныя землеўладанні ў склад Польскай дзяржавы.

Бібліяграфічны спіс

1. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ) — Ф. р-1806. Воп. 1. Спр. 78.
2. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864—1917 г. / А. Ф. Смалянчук; пад рэд. С. Кульсальверставай. — Гродна: ГРДУ, 2001. — 322 с.
3. Gierowska-Kallaur, J. Problemy polskich struktur państwowych na terenie byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego / J. Gierowska-Kałużaur // Rok 1918. Odrodzona Polska w nowej Europie. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 1999. — S. 137—151.
4. Gierowska-Kallaur, J. Straz Kresowa a Zarząd Cywilny Ziemi Wschodnich: Współdziałanie czy rywalizacja? / J. Gierowska-Kałużaur. — Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 1999. — 131 s.
5. Konferencja Ryska a nasza granica wschodnia. — Warszawa, 1920. — 69 s.
6. List Polskiej Rady Narodowej ziem białoruskich do Prezydenta Ministrów 12 stycznia 1920 r. // Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). — Zespół 503. Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie. Sygn. 426. S. 4—6.
7. Obieziński, M. Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej / M. Obieziński. — Warszawa, 1938. — 35 s.
8. Rocznik statystyczny Wilna 1921—1928. — Wilno, 1930. — 510 s.

Довгялло Михаил Степанович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ВКЛАД БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАУКУ, КУЛЬТУРУ И ПОДГОТОВКУ КАДРОВ (НА ПРИМЕРЕ КОРОЛЕВСТВА СХС)

После поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне представители правительства Сербии, Югославянского комитета и Народного вече пришли к соглашению об объединении всех югославянских земель и создании нового государства. 1 декабря 1918 г. в Белграде сын короля Петра Карагеоргиевича принц-регент Александр провозгласил объединение Сербии с Государством СХС и создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) [14 с. 12]. Королевство СХС (с 1929 г. Югославия) стало «второй родиной» для

огромного количества российских эмигрантов, прибывших в страну после революции и гражданской войны. Часть беженцев составляли солдаты белой армии, а часть — гражданские лица. Армию генерала Врангеля правительство встретило не как эмигрантскую, а как действующее военное формирование, которое, несмотря на советы из Лондона, решило продолжать борьбу против большевиков [4, с. 24]. Согласно исследованию, проведенному в Королевстве СХС в 1921 г., 69 % русских эмигрантов составляли мужчины, 66 % из которых в возрасте от 19 до 45 лет. Уезжали русские (95,2 %), мужчины (73,3 %), лица среднего возраста — от 17 до 55 лет (85,5 %), образованные (54,2 %) [10, с. 39; 7, с. 17—18]. Русские прибыли в традиционное аграрное общество, где около половины населения страны не умело читать и писать.

Последовательная антибольшевистская позиция Белграда в значительной мере определила решение принять в страну более 40 тыс. русских эмигрантов, а королевское правительство настаивало на официальном непризнании советской власти. Такому поведению политической элиты способствовало несколько причин, одной из которых являлось политическое влияние многочисленных эмигрантов, проживавших в стране. По приблизительной оценке, монархисты в Королевстве СХС имели поддержку 80—90 % политически активных эмигрантов, 8—9 % поддерживали кадетов, а эсеров — всего лишь около 1 % [6, с. 17—18]. Королевство оказалась одним из последних европейских государств, которое признало СССР и установило дипломатические отношения, что случилось лишь 24 июня 1940 г. [2, с. 185; 20, с. 316].

В Королевстве СХС эмигранты из России находились в привилегированном положении. Поскольку до октября 1917 г. Россия предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу [16, с. 179]. Власти открыли двери своей страны перед военными и многочисленными гражданскими лицами, помогли им обосноваться в крупнейших городах и в сельской местности. Причины прагматического поведения сербских властей вытекали из острой потребности нового государства в квалифицированных специалистах. Многие высшие учебные заведения, технические училища и административные органы управления находились в стадии становления и испытывали необходимость в обученных кадрах.

Высшее образование можно было получить в одном из трех университетов — Белградском, Загребском или Люблянском. Крупнейшими были университеты Белграда и Загреба. Они имели философский, медицинский, юридический, физико-математический, агрономический, лесной, богословский и другие факультеты. Правительство Королевства СХС способствовало решению многих проблем русских эмигрантов: получению или завершению образования, нахождению работы после окончания высшего учебного заведения. Русские эмигранты составляли большинство из числа иностранных студентов Белградского университета. Так, например, в 1925/1926 учебном году из 1104 студентов-иностранцев 961 человек были русскими [18, с. 32]. Свыше 1/3 студентов всех югославских университетов учились на юридических факультетах, поскольку государство нуждалось в административных кадрах.

На территории Королевства СХС были действительны, в отличие от других западноевропейских государств, все дипломы об образовании и ученые степени, полученные в России. Даже воинские звания, полученные в России

до Февральской революции, считались действительными [6, с. 11]. Власти нового государства позволили русским эмигрантам открывать свои школы, больницы, библиотеки, книжные магазины, организовывать свои типографии, печатать газеты, журналы, книги. В стране находилось 8 средних учебных заведений, в которых обучалось свыше 2 тыс. учащихся. Они содержались за счет Державной комиссии [3, с. 301].

Российские инженеры, врачи, педагоги, военные, творческая интеллигенция внесли весомый вклад в развитие культуры, науки, подготовке кадров. Русские составляли до 10 % творческой интеллигенции Сербии. В эмиграции было 427 русских ученых, среди них 5 академиков, 140 профессоров русских университетов [18, с. 31]. Русские ученые и профессора работали в Белградском университете, где достаточно быстро освоили и стали читать лекции на сербском языке. Уже в первый после массового прибытия эмигрантов учебный год (1920/1921) больше всего русских преподавателей работало в Белградском университете 43 из 70. Среди них были и ученые европейского уровня, такие специалисты как историк славянского и сербского права Ф. В. Тарановский. Он был профессором энциклопедии права и истории, славянского права Белградского университета. До этого в университете уже 17 лет не преподавалась история славянского права. В 1931 и 1935 гг. Тарановский издал четыре тома «История сербского права в государстве Неманичей» [19, с. 11]. Следует отметить так же, что историк, музыковед, литературовед А. В. Соловьев читал курс по сравнительному славянскому праву на юридическом факультете Белградского университета, занимался изучением истории сербского средневекового права, защитил докторскую диссертацию «Законник короля Стефана Душана» — одно из лучших исследований этого источника. Одновременно в 1921—1935 гг. он преподавал русский язык и литературу в старших классах 1-й русско-сербской гимназии [13, с. 586—587]. Русский историк и филолог, протоиерей, один из наиболее ярких представителей белоэмигрантов, основатель югославской палеографической науки В. А. Мошин [1, с. 183]. В числе его научных интересов были славистика, византистика, славянская и греческая палеография. На философском факультете Белградского университета работал российский и югославский математик, известный как один из основателей белградской школы механиков А. Д. Билимович. Он был одним из основателей Российского академического кружка в Югославии, Математического института Сербской Академии наук, Югославского общества механиков. Участвовал в подготовке пятиязычного словаря (сербско-русско-франко-англо-немецкого) математических терминов. Перевел на сербский язык «Начала» Евклида. Одним из проявлений признания заслуг А. Д. Билимовича в науке и образовании в Королевстве является статья о нем в Югославской энциклопедии, появившаяся еще при его жизни [13, с. 88—90]. В Люблянском университете русских было 15 % от всех преподавателей, родившихся вне Королевства. Меньше преподавателей работало в Загребском университете — 2,7 %. Благодаря своей научной деятельности и знаниям в академии сначала Сербской королевской академии, а потом Сербской академии наук и искусств было принято 11 русских ученых-эмигрантов [17, с. 94—95].

В Королевстве в 1920-е гг. работало несколько талантливых русских архитекторов, деятельность которых способствовала не только переори-

ентации югославского градостроительного искусства от провинциализма к общеевропейским художественным тенденциям, но и в восстановлении сильно пострадавшего в годы Первой мировой войны Белграда (по их проектам был выстроен ряд зданий и сооружений). Российскими специалистами в эти же годы была составлена геологическая карта Македонии, открыт и оборудован большой хирургический госпиталь в Панчево вблизи Белграда и т. д. [5, с. 255].

Опера и балет в Сербии были созданы непосредственно российскими эмигрантами. Хореографы Н. И. Легат и Б. Н. Князев заклали основы классического балета в Белграде. С 1920 до 1941 г. было поставлено 156 оперных и балетных спектаклей, а в 132 участвовали русские артисты [9, с. 203]. В 1929 г. была открыта и театральная школа А. Ф. Черепова с классами художественного чтения, ораторского искусства, сценической практики для певцов и учеников частных школ пения. К концу года в ней насчитывалось 108 человек — как русских, так и сербов — в возрасте от 18 до 63 лет [8, с. 27]. В Хорватии и Словении русское влияние было менее ощутимым. К 1921 г. на территории Королевства СХС было 215 колоний русских беженцев, в Словении и Хорватии находилось всего 30 русских колоний [12, с. 19.]

В Королевстве был создан «Союз русских писателей и журналистов в Югославии», который был принят под духовное покровительство короля Александра I Карагеоргиевича. Самой известной акцией этого союза стало проведение в Белграде в 1928 г. Первого (и единственного) в зарубежье съезда русских писателей и журналистов [15, с. 581].

Выдвинутая русской общиной идея создания своего культурного центра в Белграде была охотно поддержана королём Александром I, патриархом Сербской православной церкви Варнавой, а также многими политиками и деятелями культуры королевства. В двадцатые годы XX в. Белград превратился в один из крупнейших центров российской эмиграции, стал научным и издательским центром в Королевстве и одним из основных в Европе. В стране выходило около 150 наименований русской периодики. Развитию русского книгопечатания способствовал учрежденный в 1928 г. Комитет русской культуры. В Белграде был построен и открыт культурный центр русской эмиграции — «Русский дом им. императора Николая II». В здании разместились: Русский научный институт, Русская публичная библиотека, русско-сербские мужская и женская гимназии, Музей императора Николая II, театральные труппы, балетная студия и другие учреждения. Русский институт занимался активной издательской деятельностью. Так, до начала Второй мировой войны было издано 11 томов [11, с. 9—10]. «Русский Белград» как историко-культурное явление просуществовал два десятилетия, сыграв важную роль в сохранении русского духовного наследия и внес богатейший вклад в развитие науки и культуры Королевства СХС. Югославия явилась единственной страной, где российская диаспора фактически стала частью местного социума [12, с. 3].

Таким образом, российская эмигрантская интеллигенция в Королевстве СХС оказала большое влияние на общественное сознание, внесла вклад в развитие науки, культуры и подготовку кадров для развития страны. Не в пример другим европейским странам, где поселились эмигранты из России, в Коро-

левстве со вниманием отнеслись к своим новым жителям, и со стороны подавляющей части местного населения, и на официальном уровне, и со стороны государственных властей.

Библиографический список

1. Булатова, Р. В. Основатель югославской палеографической науки — В. А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН. — 1996. С. 183—199.
2. Довгялло, М. С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник /М.С.Довгялло. — Минск: Тетра-Системс, 2006. — 272 с.
3. Ипполитов, С. С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. — М.: Изд-во Ипполитова, 2004. — 376 с.
4. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920—1940 /Пер. с сербс. А. Ю. Тимофеева. — М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005. — 488 с.
5. Кадиевич, А. Деятельность русских эмигрантов-архитекторов в Югославии между двумя войнами // Архитектурное наследие Русского зарубежья. Вторая половина XIX — первая половина XX века. — СПб., 2008. — 427 с.
6. Козлитин, В. Д. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (1919—1923) / В. Д. Козлитин // Славяноведение. — 1992. — № 4. — С. 7—19.
7. Комин, В. В. Идеиный и политический крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом /В.В. Комин. — Калинин, 1977. — 198 с.
8. Косик, В. И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919—1944 / В. И. Косик // Славяноведение. — 1992. — № 4. — С. 20—44.
9. Косик, В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920—1950-е годы. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. — 288 с.
10. Раев, М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. Пер. с англ. — М. 1996. — 292 с.
11. Российские ученые и инженеры в эмиграции. Сборник/ Рос. акад. наук; Под ред. В. П. Борисова. — М. ПО «Перспектива», 1993. — 188 с.
12. Русская эмиграция в Югославии /Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, каф. славистики Белград. ун-та. — М.: «Индрик», 1996. — 350 с.
13. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический справочник. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 742 с.
14. Силкин, А. А. Король Югославии Александр Карагеоргиевич //До и после Версаля. Политические лидеры /Отв. ред. А. Л. Шемякин. — М.: «Индрик», 2009. — 427 с.
15. Славянский вестник: Вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова /Под ред. Н. Е. Ананьевой и З. И. Карцевой. — М.: МАКС Пресс, 2004. — 613 с.
16. Сумская, М. Ю. Русские эмиграция в 20—30-х годах XX века: социальная, правовая и экономическая адаптация. — Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах. — 2011. — 200 с.
17. Танин, С. Ю. Русский Белград /С.Ю. Танин. — М.: Вече, 2009. — 304 с.
18. Тесемников, В. А. Русские в учебных заведениях Югославии (1921—1941 гг.) // Роль Русского Зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 13—15 апреля 1993 г. — М., 1993. — 105 с.
19. Томсинов, В. А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья шестая. Федор Васильевич Тарановский: Судьба и творчество // Законодательство. — 2003. — № 4. — С. 87—90; № 5. — С. 87—91.
20. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К. Ф. Никифоров. — М.: «Индрик», 2011. — 888 с.

Жигал Иван Владимирович

*Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)*

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РУМЫНИЮ

После долгих переговоров и определения для себя выгодных условий правительство Румынского королевства 27 августа 1917 г. заявило о своём вступлении в войну на стороне Антанты. Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты объективно влекло за собой взаимодействие и сотрудничество с российской армией на Восточном фронте. Потеряв к декабрю 1916 г. почти всю свою территорию, Румыния оказалась в сложном положении: Бухарест был захвачен, остатки румынских войск были вынуждены с боем отступить в Западную Молдову, а правительство и королевский дом эвакуировались в Яссы.

Пришедшим на помощь румынской армии российским войскам удалось в декабре 1916 — январе 1917 г. остановить австро-германские войска на реке Сирет. В это же время было закончено формирование Румынского фронта российской армии, в которой вошли остатки румынских войск. Таким образом, с этого момента любая российская неудача могла напрямую повлиять на ситуацию в Румынии.

Февральская революция 1917 г. повлекла за собой отречение российского императора, и этот факт не мог не вызвать беспокойства среди румынских политиков и королевского двора. Политики и королевский двор пристально следили из Ясс за тем, как развивалась ситуация, надеясь, что смена политического строя в России не скажется на её военных обязательствах. Временное правительство, возглавляемое сначала князем Львовым, а после социалистом Керенским, твёрдо заявило о своих намерениях продолжать войну против Центральных держав до полной победы Антанты. Однако нарушение принципа единоначалия в армии после издания Приказа № 1, а также антивоенная пропаганда коммунистов, оказали серьёзное влияние на боевые действия и дисциплину солдат на Румынском фронте, уставших от продолжавшейся уже три года войны.

Тем не менее, румынской армии совместно с российскими войсками удалось противостоять наступлению германо-австро-венгерским войск под командованием Макензена. В ходе битв при Мэрэшешти (6 августа — 8 сентября 1917 г.) и в долине реки Ойтуз (8—22 август 1917 г.) удалось избежать катастрофы, связанной с возможным захватом Ясс. К первой декаде сентября Румынский фронт стабилизировался, однако уже в октябре большевики захватили власть в Петрограде.

В дневниковой записи от 26 октября 1917 г. королева Румынии Мария отметила: «В середине дня мы получили новости, новости, которые подталкивают к отчаянию и которые могут означать что угодно: революция повернулась в сторону максималистов» [4, pp. 247—248]. Личная запись королевы как нельзя лучше отражает настроения румынских политиков, понимавших, что намерение большевиков выйти из войны повлечёт за собой тот факт, что Румыния останется без союзников на фронте. В свою очередь это

бы означало угрозу для существования самого румынского государства, не говоря уже о достижении целей, которые Румыния ставила себе в ходе этой войны.

Опасения румынских политиков полностью оправдались, приняв Декрет о мире, новые российские власти инициировали мирные переговоры с Центральными державами, тем самым поставив точку на румыно-российском сотрудничестве. Как позже писал в этой связи румынский историк Константин Кирицеску: «Русская революция — центральное событие в мировой истории, имела серьёзные последствия для российско-румынских отношений в ходе мировой войны. Российско-румынский военный альянс прекратил своё существование. Два бывших союзника с этого момента будут в разных лагерях, не имея общей цели» [3, р. 190]. Положение Румынии в этих условиях, казалось, было безвыходным, «угрожающим не только опасностью поражения в войне, но и самому существованию государства» [3, р. 196].

Инициированные новой властью мирные переговоры воспринимались в Румынии крайне пессимистично, в своём дневнике командующий 2-ой румынской армией генерал А. Авереску отмечал: «ситуация в России становится все более запутанной для нас, поэтому более опасной [...]. Мы достигли переломного момента [...]. Мое сердце кровоточит перед лицом близкой катастрофы, и не думаю, что мы сможем убежать, кроме как с помощью настоящего чуда» [2, pp. 205—206].

В представлении видного политического деятеля Константина Арджетоану (которой в межвоенное время станет одним из влиятельнейших антикоммунистически настроенных румынских политиков) октябрьский переворот означал начало румыно-российского конфликта: «В конце октября ситуация полностью изменилась. Опасность больше исходит не от фронта, а с противоположной стороны; русский занял место немца и стал нашим самым опасным врагом» [1, р. 255]. Наблюдая дезорганизованные российские войска в Западной Молдове, солдаты которых арестовывали и зачастую убивали своих офицеров, Арджетоану высказывал опасения, что «всё это может трансформироваться в грабежи и резню повсюду между Карпатами и Прутом. Мир ожидает всех ужасов вторжения дикарей, которые больше не слушали какую-либо власть» [1, р. 256]. В то же время не стоит преувеличивать влияние большевиков на Румынском фронте, где в солдатских комитетах преобладали эсеры и меньшевики — этот факт позволил командованию фронтом в лице генерала Д. Г. Щербачёва отказаться подчиняться советской власти.

Заручившись поддержкой французских военных представителей, обеспокоенных возможным ростом влияния большевиков на фронте, Щербачёв вступил с германским и австро-венгерским командованием в переговоры о перемирии, которые завершились подписанием 26 ноября 1917 г. в Фокшанах перемирия между русско-румынскими и германо-австрийскими войсками. После этого Щербачёв переориентировал подчинявшиеся ему части на борьбу с большевиками. С этого времени Румынский фронт фактически перестал существовать, а вместе с тем сбылись и худшие опасения румынских политиков — Румыния оказалась в совершенно безнадёжной ситуации (особенно после Брестского мира), став единственным

государством на Восточном фронте, находившимся в состоянии войны с Центральными державами.

Библиографический список

1. Argetoianu, Constantin. Memorii. Pentru cei de mâine. Amintiri din vremea celor de ieri. Vol. III—V. — Editie revăzută și îngrijită de Eugen Neagoe, Editura Machiavelli, București, 2008. — 398 p.
2. Averescu, Alexandru. Notițe zilnice din război. Vol. II. — Editie îngrijită de Eftimie Ardeleanu și Adrian Pinte, Editura Militară, București, 1992. — 350 p.
3. Kirițescu, Constantin. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. II. — Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1989. — 668 p.
4. Maria. Regina României. Jurnal de război. Vol. II. — Editie îngrijită de Lucian Boia, București, 2015. — 496 p.

Кухаренко Варвара Николаевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЛИДЕР ХОРВАТСКОЙ НАРОДНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ СТЕПАН РАДИЧ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Лидер Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП) Степан Радич во все периоды своей деятельности отличался переменчивостью политических взглядов. Годы Первой мировой войны, а особенно заключительный ее период, стали ключевым периодом для формирования дальнейшей парадигмы развития партии. Именно в 1917—1918 гг. был заложен идеологический фундамент сильнейшей хорватской политической организации межвоенного периода. И как раз с Февральской революции (которую Радич, как и все его коллеги в Австро-Венгрии, называет по новому стилю, Мартовской) мы можем отслеживать эти программные изменения в публичных выступлениях и статьях политика.

Начало Февральской революции совпало с последними днями заседаний хорватского Сабора весной 1917 г. Лидер ХНКП регулярно информировал читателей в печатном органе партии газете «Дом» о событиях в России и комментировал их. Он сразу же приветствовал революцию, что было обусловлено с его стороны еще и надеждой на приход к власти в России либеральных политиков, с которыми он еще в 1909 г. наладил контакты. Особенные надежды он связывал с князем Г. Львовым и П. Н. Милюковым, который когда-то заявлял о праве хорватов на Боснию [8, s. 34]. Радич также идеализировал русских рабочих, считая их, как и русских крестьян, пацифистами, и надеялся на создание рабоче-крестьянской республики, где все будет развиваться под контролем крестьян и рабочих и в их интересах. Кроме того, Милюков, в качестве министра иностранных дел в новом составе правительства князя Львова, заявил о поддержке югославянского объединения, вопреки прежней позиции российских кабинетов. Еще более радовало, что новые люди в российских правящих кругах не имели никаких связей с Сербией, а потому в планируемом объединении южных славян не стали бы вмешиваться лишь в ее интересах. Радич надеялся и на заключение русскими сепаратного мира с Австро-Венгрией, хотя отмечал, что в России нет единого мнения о продолжении войны:

Милоков за войну, рабочие и солдатские депутаты, т. е. социалисты, за мир без контрибуций и за право народов на самоопределение, а В. И. Ленин так же за мир без условий, но он еще и за социальную революцию. Причем, первые и другие за союз с Антантой, а Ленин против этого [2, s. 193—194, 199].

4 августа 1917 г. в Саборе Радич дает весьма романтическую оценку Февральской революции: «...каким бы ни был политический сценарий в России, ...[он] не меняет сейчас ничего, потому что освободился самый великий европейский народ, ...идеальнейший народ, который рассматривает политику как религию, который содержит свою Думу как храм». Далее он заявил, что после русской революции теперь есть два великих центра славянской культуры: Россия и Чехия. Причем, Россия теперь не панславистское государство, а славянское [7, s. 160, 165—166].

Летом 1917 г. Радич начал борьбу за всеобщее избирательное право, постоянно апеллируя к событиям в России. Председатель ХНКП прекрасно понимал, что для его партии введение всеобщего избирательного права откроет совершенно новый этап в развитии, абсолютно новые политические возможности, благодаря увеличению представительства в парламенте. 5 июня на своем выступлении в Саборе Радич колоритно презентует свой запрос по данной проблеме, говоря, что он вызван тремя внешними факторами: «солнцем русской революции, лунным светом австрийской демократии и затмением венгерского кризиса». Заметим, что к австрийской и венгерской причинам он тоже относится как к внешним, а не внутригосударственным факторам. По мнению Радича, под солнцем русской революции видна вся бессмысленность войны, виден абсурд всего, что писали немецкие философы, и очевидна истинность того, что говорили русские мыслители, что главное устройство человека во всех сферах: семье, нации, общине, государстве. Если государство не обеспечивает безопасность и благополучие человека, то «к черту такое государство», вместе с его границами, а если нужно, и царем, как это в России и осуществили. Отмечает Радич и то, что демократия теперь невозможна без национализма, снова приводя пример русских, которые всем народам империи декларировали право самоопределения [7, s. 143—144].

С. Радич в своих выступлениях на заседаниях Сабора постоянно рискует, пряча за бесконечными аллюзиями на российские события намеки на печальное будущее Австро-Венгрии. Прямо сообщает о том, что страшная война уже сделала из одного государства (России) место катастрофы. Он говорит, что дошло до полного банкротства государства, как его видели немецкие и австрийские философы, что рядом со свободной Россией может существовать лишь свободная Австрия, свободная во всех своих частях. Не вызывает сомнений, что на грядущем мирном конгрессе государство будет преобразовано. Радич говорит, что не спрашивает, в каких оно будет границах, т. к. сейчас этого никто не знает, но то, что война в политическом аспекте завершена, должно быть ясно каждому, у кого есть глаза. Политик, правда, шутя отмечает, что затмение из Пешта распространяется, похоже, и на Загреб, особенно на площади Марка (Markov trg — место, где сконцентрированы все административные органы Хорватии) [3, s. 144—145, 157].

Прославляя реформы в Российской империи, Радич отмечает, что там решили тяжелейшую проблему, организовав свободных людей, регулируя их деятельность, чтобы не допустить анархии, чтобы человек, получивший

права, осознавал и свои обязанности. Необходимо работать с народом так, чтобы крестьянина, который работает в поле и живет в согласии с природой, делать прогрессивнее, а рабочего, «которого душит в цехах дым», напротив, склонять к консервативности. Но, главное, чтобы и рабочие, и крестьяне признавали при этом ведущую роль интеллигенции [3, s. 145]. М. Бюндич справедливо обращает внимание на то, что Радич вообще считал Февральскую революцию не буржуазным, а интеллектуальным феноменом [1, s. 123].

Все свои предложения по всеобщему избирательному праву Радич снабжает ссылками на российский опыт. Распространение права на женщин он дополнительно объясняет тем, что мужчины всегда будут готовы проголосовать за войну, в то время как матери никогда не захотят, чтобы их детей убивали. Председатель ХРКП подчеркивает, что на выборах не столь важна персона кандидата, сколько его партийная принадлежность, ведь именно так поступили в России и избрали достойнейших людей [7, s. 145—146].

С конца 1917 и до осени 1918 г. С. Радич был лишен права выступать в парламенте за антивенгерские и антигабсбургские выступления, а потому мог декларировать свои принципы только в прессе, обычно на страницах газеты «Dom» [7, s. 50]. Самой популярной темой в его аналитике была тогда Октябрьская революция, которая обнаружила различия между демократической крестьянской Украиной и большевистской рабочей Россией. В своей статье «Новая фаза русской революции» председатель ХНКП заявляет, что русский крестьянин является главным фактором русской революции, а потому всем славянам, в том числе и хорватам, настоящая русская свобода может быть даже лучшим примером для подражания, чем американская [8, s. 307].

Интересно, что во время революции 1905 г. Радич был на стороне царя, а апологетом революции стал лишь в 1909 г., после своего возвращения из России [9]. А в 1917 г. хорватский трибун в первую очередь безусловно поддерживал не только Февральскую, но и Октябрьскую революцию, а уж потом корректировал свои высказывания по мере развития событий. Среди российских царей разумными политиками Радич считал лишь Александра I и Александра III, а Николай II подвергался со стороны лидера ХНКП особенно жесткой критике. Например, то, что 100 миллионов русских мужиков предали русского царя, Радич объясняет тем, что и царь перед этим много раз предавал русского мужика [7, s. 158—159].

В начале 1918 года все работы С. Радича уже насыщены критикой большевистской политики В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого и поддержкой крестьянской демократии, которая, по его мнению, установилась в Украине. Хорватский политик, всего полгода назад прославлявший необходимость организации крестьян, пишет теперь о том, что крестьянам не нужна ни сильная власть, ни сильное государство. У них совсем другие интересы [2, s. 310—311].

Еще один тезис С. Радича заключается в том, что Россия, как великая славянская держава, оказывает значительное влияние на малые народы, в том числе и на хорватов. Уже в марте 1918 г. он высмотрел в российских событиях предпосылки для третьей — крестьянской — революции. И в гря-

дущих событиях русские крестьяне должны были стать примером для хорватских крестьян. Здесь Радич не удерживается и от традиционного для своей риторики антисемитизма, говоря о том, что третья революция разрушит и «еврейский социализм», который окружил и отравил Россию. Он отмечает, что большевистская политика была так же вредна, как и царская, так как она не только религию, но и нацию объявила личным делом каждого человека. Радич надеется, что Россия благодаря крестьянской революции вернется на правильный путь, которым уже идет Украина, и в будущем они вместе с Болгарией создадут союз крестьянских государств [5, s. 312—313].

В аналитическом ключе Радич выступал в парламенте летом 1918 г., когда уже можно было осмыслить все части революционного процесса в России. 9 июля на заседании Сабора лидер ХНКП называет Февральскую революцию образцовой, к тому же, салонной революцией, в которой учли опыт и французской, и английской революций. Но лидер ХНКП отмечает и ошибки, например, «господские» партии слишком много внимания обращали на количество подписчиков своих газет, не понимая, что партии нужно создавать апостольски (тут Радич совершенно четко определяет принцип, по которому партии создавались не только в Хорватии, но и у южных славян в целом) [7, s. 201—202]. 27 июля 1918 г. Радич решил наконец создать и Главный комитет ХНКП, который не собирался четыре года [4, s. 151]. Радикализация хорватского крестьянства, объединение партий в национальные комитеты и другие события вынудили хорватского трибуна хотя бы внешне оформить коллегиальность принятия решений внутри своей партии, хотя с самого начала она управлялась, исходя как раз из его «апостольских» принципов.

Как бы ни оценивал С. Радич революцию, в каждом его выступлении или статье этого периода лейтмотивом проходит использование российского опыта. Так, с лета 1918 г. этим же опытом он руководствуется при попытках обоснования тезиса о создании самостоятельного хорватского государства [3, s. 119]. Именно революционные события 1917 года в России и отклик на них в среде хорватских крестьян, солдат и рабочих стал одним из главных факторов, повлиявших на оформление концепции Радича о международном положении хорватского народа, борьбе за его права и основах общественных отношений после войны.

Библиографический список

1. Biondich M. Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904—1928. Toronto: University of Toronto Press Inc., 2000.
2. Boban B. Stjepan Radić u vrijeme Prvoga svjetskog rata. Zagreb: Alinea, 2006.
3. Cipek T. Ideja hrvatske države u političkoj misli Stjepana Radića. Zagreb: Alinea, 2001.
4. Gavrilović D. Stjepan Radić i Srbi (1871. —1918.). Split: Marjan tisak, 2002.
5. Matković H. Povijest Hrvatske seljačke stranke. Zagreb: Naklada Pavičić, 1999.
6. Ovdje citiramo prema: Boban, B. Stjepan Radić u vrijeme Prvoga svjetskog rata...
7. Radić S. Govori u Hrvatskom Saboru (1910. —1918.): u 3 knj. Knj. III. (1917—1918.). Zagreb: Narodne Novine: Dom&Svijet, 1996.
8. Radić, S. Politički spisi. Zagreb: Znanje, 1971.
9. Slovenski narod, št. 245. 25. oktobra 1905; št. 111. 17. maja 1909.

Литвиновский Иван Афанасьевич

*Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)*

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Начало XX в. явилось чрезвычайно сложным и весьма беспокойным периодом для двух крупнейших держав мира — России и Китая. Для России столетие началось с революционных событий 1905—1907 гг., войны с Японией, первой в истории человечества мировой войны, двух революций в 1917 г.

В Китае набирает силу революционное движение за освобождение страны от маньчжурского владычества. Выдающаяся роль в нем принадлежала Сунь Ятсену. Осенью 1911 г. мощный социально-политический взрыв уничтожил Цинскую империю. 1 января 1912 г. Китай впервые в своей истории становится республикой [4, с. 370].

Победа Октябрьской революции в России оказала огромное влияние на Китай. Растет идейно-политическая активность сторонников марксизма-ленинизма. Опираясь на помощь Коминтерна в июле 1921 г. создается Коммунистическая партия Китая [4, с. 436]. С осени 1919 г. по инициативе Сунь Ятсена начинается длительный и сложный процесс превращения партии Гоминьдан в ведущую политическую силу в стране. Южная провинция Гуандун превращается в базу революционных сил, оплот объединительного военного похода на север. В союзе с советской Россией Сунь Ятсен видел важный фактор успеха революционного движения в Китае, объединения страны и ликвидации ее полуколониального статуса.

Советское правительство уже в первых своих документах заявило о приверженности новым принципам в осуществлении международной политики. Оно отказывалось от тайной дипломатии и неравноправных договоров, заключенных прежними правительствами России. «Тайную дипломатию правительство отменяет, — говорилось в «Декрете о мире», первом внешнеполитическом документе новой власти, — со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов... Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененными» [11, с. 34].

В документе, принятом 8 ноября 1917 г. Вторым Всероссийским съездом Советов, выражается также поддержка борьбе народов колониальных и зависимых стран за независимость. В этой связи в Декрете о мире, наряду с решительным осуждением аннексии, четко определяется, что это есть насильственное владение чужой территорией: «под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает... всякое присоединение в большому или сильному государству малой или слабой народности без точно,

ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности...» [11, с. 33]. В декрете также декларировались такие важные положения, как полный отказ от всяких форм агрессии, принцип самоопределения наций, идея равенства больших и малых народов.

В инструкции Наркомата по иностранным делам РСФСР, направленной в феврале 1918 г. международным отделом краевых советов, подчеркивалась важность «в отношении к соседним народам... руководствоваться принципами, изложенными в Декрете о мире...». Что же касается Китая, в инструкции отмечалась сложность ситуации в стране, по существу охваченной пламенем гражданской войны, где «...нынешнее Пекинское правительство... ведет борьбу с поднявшим восстание против реакционного севера народом Южного Китая...» [11, с. 37].

Внешнеполитические документы новой власти, принятые уже в первые дни существования советского государства были нацелены на формирование равноправных добрососедских отношений между государствами. В этом плане были начаты переговоры и с китайским посланником в Петрограде Лю Цзинжэнем.

Пекинскому правительству, формально считавшемуся правительством Китайской республики (в это время в Китае существовало два правительства Севера и Юга Китая, в Пекине и Гуанчжоу (Кантоне)), было предложено вступить в переговоры об аннулировании договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех касающихся Китая, соглашений России с Японией с 1907 по 1916 годы. При этом советское правительство заявило о возвращении китайскому народу всего, что было отнято у него царским правительством самостоятельно, либо совместно с другими державами.

Все документы, касающиеся строительства внешней политики советского государства, доводились до сведения Китая. С первых дней после взятия власти правительство большевиков прилагало немало усилий для установления контактов с китайской стороной. Эти усилия предпринимались как в Петрограде, так и в Пекине. С китайским посланником в российской столице Лю Цзинжэнем недавно созданный Народный комиссариат иностранных дел вступил в переговоры уже в ноябре 1917 г. Следует отметить, что китайские дипломаты в Петрограде были в числе первых иностранных представителей в России, кто вступил в переговоры с советской властью.

На переговорах обсуждались совместные предложения о выработке общего договора с Китаем, где была бы зафиксирована ликвидация ранее существовавших неравноправных отношений между странами [13, с. 317].

Одновременно Совет Народных комиссаров предпринимал шаги по созданию дипломатического представительства новой России в Китае. После отказа (Петроград не получил ответа) руководства российской дипломатии в Пекине «проводить ту международную политику, которая предудказана Съездом Советов» Наркоминдел в декабре 1917 г. освободил от выполнения должностных обязанностей царского посланника в Китае Кудашева и других дипломатов. Новым представителем России в Китае стал А. Н. Вознесенский — в прошлом вице-консул в Шанхае, уволенный в свое время царским правительством за политические взгляды, не совпадавшие с линией правительства [13, с. 317—318].

Переговоры в Петрограде были достаточно продуктивными. По отзывам китайских дипломатов, была разработана стройная политическая программа тесного сближения между Русской и Китайской демократиями».

В январе 1918 г. в переговорный процесс был включен вопрос «об упорядочении КВЖД» с целью решения проблем, связанных с восстановлением нормальной работы дороги.

Некоторое время у пекинского правительства были намерения использовать Советскую Россию для укрепления национальных интересов Китая и это влияло на позицию китайских дипломатов в Петрограде [13, с. 318, 326, 330]. Однако, вскоре после начала в Петрограде советско-китайских переговоров на китайскую сторону стало оказываться давление, исходящее от дипломатов стран Антанты. Это имело место как в Петрограде, так и в Пекине. Наиболее серьезной акцией была нота Франции, врученная китайскому правительству 5 марта 1918 г. [13, с. 333].

В начале 1918 г. все явственнее вырисовывалась возможность военного вмешательства стран Антанты во внутренние дела в России. В «совместных действиях» против советской власти планировалось использовать и китайских солдат. Япония ведет переговоры с китайским правительством о заключении соглашения о военном сотрудничестве, которое и было подписано 16 мая [5, с. 17].

В этой обстановке дипломаты стран Антанты покидают Советскую Россию. 12 марта 1918 г. газета «Известия» опубликовала сообщение о том, что японская и китайская миссия уехали на Дальний Восток. Вместе с ними выехал и штат американского посольства. И хотя отдельные сотрудники китайского представительства еще некоторое время оставались в Петрограде, советско-китайские переговоры были прекращены. 24 августа пекинское правительство опубликовало официальную декларацию о посылке своих войск в Сибирь. Советско-китайские отношения осложнились [13, с. 334, 352].

Новым важным шагом, предпринятым правительством советской России в нормализации отношений с Китаем было принятое 25 июля 1919 г. «Обращение совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая». В документе отмечалось, что советское правительство отказывается от всех привилегий и завоеваний, которые сделало царское правительство в Китае. Советское правительство обращалось к китайскому народу, в лице его правительства, с предложением вступить в официальные отношения [11, с. 113].

3 марта 1920 г., вскоре после того, как Красная Армия, преследуя силы белого движения в Сибири, вступила в Иркутск, уполномоченный Наркоминдела РСФСР в Сибири и на Дальнем Востоке Я. Д. Янсон вручил текст Обращения СНК китайскому консулу. Документ также был напечатан в газетах Иркутска и Верхнеудинска (Улан-Удэ). Две недели спустя уполномоченный СНК В. Д. Виленский-Сибиряков добавил текст обращения во Владивосток. 19 марта оно было напечатано в местной газете «Красное знамя». В марте 1920 г. текст документа был передан радиостанциями Иркутска (на французском языке) и Владивостока. Радиосигнал был принят редакцией, выходившей на русском языке газеты «Шанхайская жизнь». 25 марта документ советского правительства появился на стра-

ницах газеты и специального приложения тиражом 1 млн экземпляров. 26 марта Обращение перепечатали почти все шанхайские газеты, а затем периодические издания Пекина, Тяньцзиня и других городов страны [5, с. 35; 6, с. 13—14].

Пекинское правительство проявило заинтересованность к обращению советского правительства и, в первую очередь, к содержащемуся там заявлению СНК РСФСР об отказе от специальных прав и привилегий в Китае. Об этом было видно из сообщений китайской печати. В конце апреля 1920 г. китайский представитель в Копенгагене в беседе с советским дипломатом также подтвердил, что его правительство с интересом отнеслось к советским предложениям, но оно не может самостоятельно решить вопрос о признании государства. «Решение этого вопроса будет зависеть от позиции западных держав», — сказал он [6, с. 23; 13, с. 395].

Тем не менее, несмотря на всю свою нерешительность и осмотрительность в вопросах внешней политики, постоянном опасении подвергнуться критике со стороны западных держав, китайское правительство 6 мая 1920 г. принимает решение направить в Москву неофициальную миссию для более конкретного выяснения позиции советского правительства. Миссию возглавил генерал Чжан Сыминь [13, с. 408]. В Москве миссия была принята на самом высоком уровне.

Китайская миссия вернулась на родину в декабре 1920 г. с уверенностью, что имеются большие надежды на восстановление дипломатических отношений. «Русское московское правительство выражает большое желание отказаться от всех прав, полученных при царизме, начать дружественные переговоры с Китаем, восстановить торговые отношения», — заявил он на первой же встрече с представителями китайских средств массовой информации [5, с. 60].

Трехмесячное пребывание в советской России китайской военно-дипломатической миссии имело важные последствия для двусторонних отношений. Между государствами было положено начало отношений *de facto*.

Таким образом, правительство Китайской республики, несмотря на серьезную ограниченность возможностей для своих самостоятельных действий на международной арене в тот период, начинает предпринимать некоторые шаги по нормализации отношений с Советской Россией, осознавая, что это отвечает национальным интересам страны.

Библиографический список

1. История Китая / Под ред. А. В. Меликсетова. — М.: Изд-во МГУ; Изд. дом ОНИКС 21 век, 2004. — 752 с.
2. Капица, М. С. Советско-китайские отношения. — М.: Политиздат, 1958. — 424 с.
3. Мировицкая, Р. А. Движение в Китае за признание Советской России (1920—1924). М.: Изд-во восточной литературы, 1962. — 68 с.
4. Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сб. документов. — М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. — 468 с.
5. Хейфец, А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). — М.: Наука, 1964. — 472 с.

Максімчык Андрэй Мікалаевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (Мінск, Беларусь)

ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ АКТЫЎНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА НА КАЎКАЗЕ Ў 1917—1918 ГГ.

У сучаснай айчыннай гістарыяграфіі пастаноўка пытанняў, звязаных з разглядам прысутнасці беларускага насельніцтва на Каўказе ў мінулым (Калі? Дзе? З якой прычыны? Колькі?) практычна не ставілася*. Як правіла, Каўказскі рэгіён у працах даследчыкаў згадваецца ў тых выпадках, калі гаворка ідзе пра высылку удзельнікаў паўстанняў XIX ст. (В. В. Гарбачова) або перасяленні асобных катэгорый насельніцтва ў 1830—1860-я гг. (В. С. Макарэвіч), аграрнае перасяленне сялян у другой палове XIX — пачатку XX ст. (В. П. Панюціч, П. Д. Верашчагін, П. С. Кручек, У. М. Сяргеёў, А. В. Мацьвееў) ці практыкаваўшыся перасяленні сялян у 1920—1930-я гг. (У. Я. Казлякоў, М. А. Бяспалая, В. М. Ракачаў). На сённяшні дзень адсутнічаюць працы, у якіх бы разглядаліся пытанні колькасці, палажэння і рээвакуацыі бежанцаў з беларускіх губерняў, якія падчас Першай сусветнай вайны і наступных ваенна-палітычных падзей першай чвэрці XX ст. апынуліся на Каўказе. Аналагічна выглядае ў гістарыяграфіі распрацоўка сюжэтаў, звязаных з грамадска-палітычнай актыўнасцю беларускага насельніцтва за межамі сваёй этнічнай тэрыторыі, а менавіта ў Каўказскім рэгіёне. На падставе апублікаваных крыніц, а таксама напрацовак сучаснікаў, разглядаемага ў артыкуле прамежку часу, можна пазначыць наступную сітуацыю па гэтым пытанні:

1) у 1917 г. на Каўказскім фронце пры садзейнічанні паручніка Язэпа Троські (1893—?) (сапр. Язэп Касьянавіч Дудзюк) быў арганізаваны гурток беларусаў-вайскоўцаў. Упершыню гэтае прозвішча і падзею ўзгадаў у адным са сваіх артыкулаў беларускі палітычны і грамадскі дзеяч К. Б. Езавітаў (1893—1946) [9, с. 2], дзякуючы якому імя Я. Троські ў далейшым было замацавана на старонках прац шэрага даследчыкаў [29, с. 150; 31, с. 64]. Дакументаў, распаўсюджаючых аб накірунках дзейнасці гуртка, часе існавання, а таксама колькасці яго членаў да сённяшняга часу на жаль не знойдзена ці яны ўвогуле не захаваліся. Аб выніках дзейнасці гуртка можна ўскосна судзіць, саслаўшыся на выснову М. Краўцова (1891—1939) (сапр. Макар Мацьвеевіч Касьцевіч) аб беларускім нацыянальным руху ў асяроддзі вайскоўцаў (арфаграфія і пунктуацыя тэксту захаваны — *аўт.*): «на усіх тагочасных расейскіх фронтах, апрача Каўкаскага, былі беларускія арганізацыі, якія давалі справу ў канцы 1917 году да франтавых

* У якасці выключэння можна пазначыць шэраг даследванняў агляднага характара: *Хадубскі, А.* Цывільзацыйная роля беларусаў на Каўказе ў XIX — першай палове XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнародна-нацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу / Рэд. Ул. Конан [і інш.]. — Мінск, 1997. — С. 52—57; *Черницын, С. В.* Беларусы // Энциклопедия культур народов Юга России: В 9 т. — Ростов н/Д. 2005. Т. 1. — С. 73—74; *Матвеев, О. В.* Беларусы на Кубани и в Черноморье в конце XVIII — первой половине XIX в. // Труды БГТУ. Сер., История, философия, филология. 2014. — № 5. — С. 19—21; *Кручек, П. С.* Беларусы на Кубани во второй половине XIX — начале XX века // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: мат-лы X Междунар. науч. конф., Гомель, 25—26 мая 2017 г. / Пол общ. ред. В. В. Кириенко. — Гомель, 2017. — С. 89—91.

беларускіх з'ездаў» [26, с. 4]. Адзначым, што ў асабістай справе Я. Троські [32], а таксама прысвечаным яму артыкуле ў «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» аб гэтай дейнасці нічога не згадваецца [4].

2) летам 1918 г. у Стаўрапалі было адчынена консульскае прадстаўніцтва Беларускай Народнай Рэспублікі. Аб гэтай падзеі сцісла паведамлялася ў працы міністра беларускіх спраў ва Урадзе Літоўскай Рэспублікі Я. Варонкі «Беларускі рух ад 1917 да 1920 году» [2, с. 13]. Аднак аб яго дзейнасці нічога невядома, паколькі да сёняшняга часу архіў консульства не знойдзены [1, кн. 1, с. XVII]. Можна толькі дадаць, што сам Я. Варонка (1891—1952) мог мець пэўныя кантакты з існаваўшымі на той час беларускімі арганізацыямі на Каўказе, паколькі згодна Пастановы Народнага сакратарыяту БНР ад 23 жніўня 1918 г. ён быў камандзіраваны як надзвычайны пасланік у Літву, Украіну, Малдавію, Грузію і іншыя паўднёвыя рэспублікі [1, кн. 1, с. 216].

3) Патэнцыйна кантакт з беларускімі арганізацыямі на Каўказе мог падтрымліваць і А. І. Вальковіч (1892—1937), які пэўны час з'яўляўся прадстаўніком БНР пры ўрадзе Грузінскай Дэмакратычнай Рэспублікі [30]. У лісце Народнага сакратарыяту БНР да старшыні Беларускай гандлёвай палаты М. В. Доўнар-Запольскаму (1867—1934) і консулу БНР ва Украіне П. В. Трэмповічу (1888—1956) ад 8 жніўня 1918 г. паведамлялася, што сакратарыят 6 жніўня таго ж года пастанавіў прызначыць Аляксандра Іванавіча асобаўпаўнаважаным па бежанскіх справах на Паўночным Каўказе з правамі консула [1, кн. 1, с. 232; 33, арк. 83]. Больш дакладна аб гэтай дзейнасці, як і аб інфармацыі, змешчанай у асабістай анкеце А. Вальковіча, дзе ён адзначаў, што з'яўляўся Сабрам і намеснікам старшыні Беларускага камітэту на Каўказе (?), невядома [1, кн. 2, с. 1087]. Можна выказаць згадку, што падтрымліць сувязі з беларускімі грамадскімі аб'яднаннямі ў Грузіі мог таксама І. І. Краскоўскі (1880—1955), які ўзначальваў Украінскую надзвычайную дыпламатычную місію ў Грузінскай Дэмакратычнай Рэспубліцы [1, кн. 1, с. 371; 23]. Так, у адным з лістоў А. І. Цвікевіча (1888—1937) да кіраўніка Украінскай дыпламатычнай місіі на Каўказе І. Краскоўскага ад 5 верасня 1920 г., разважаючы над перспектывамі беларуска-украінскіх адносін, ён пісаў наступнае: «Калі будзе час — дайця хоць караченькую вестку аб сабе. Меня надта цікавіць наагуль становішча Грузіі, гэтым пачалі цікавіцца асабліва ўсе сацыялістычныя партыі Эўропы, пасля таго, як пазнаёміліся з «камуністычным раем» Совдепа. Пачалі ехаць у «проста дэмакратычную Грузію». Калі ласка, напішыце таксама пару слов і аб тым ці чуваць што небудзь на Каўказе пра Беларусь і чы варушэцца там нашыя землякі? Бувайце здаровы! Жму руку!» [10]. Пэўныя спадзяванні знайсці цікавыя звесткі пра каўказскі перыяд дзейнасці І. І. Краскоўскага былі на яго асабісты фонд, які захоўваецца ў адзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа НАН Беларусі (Фонд 16), а таксама на мемуары яго дачкі Людмілы, дзе асобным раздзелам («Подорож на Кавказ і Грузія») яна распавядала пра час знаходжання Краскоўскіх у Грузіі [25, с. 53—64], але яны неспраўдзіліся.

4) Малавядомай старонкай грамадска-палітычнага жыцця беларускага насельніцтва ў Грузіі з'яўляецца дзейнасць у Тыфлісе Каўказскай краёвай Беларускай Рады (ККБР), ці як яна яшчэ пазначалася ў крыніцах — Беларускай Рады [43]. Першая згадка пра гэту арганізацыю была змешчана ў справах-

дачы аб дзейнасці Закаўказскага Рускага нацыянальнага камітэта за 1918 г. У ёй падкрэслівалася, што да лістападу 1917 г. у Тыфлісе функцыянаваў цэлы шэраг нацыянальных арганізацый: Армянскі, Грузінскі, Асеецкі, Мусульманскі нацыянальны саветы, Украінская Рада, Латышская і Асірыйская нацыянальныя арганізацыі, а таксама Беларуская Рада [35, с. 1]. За выключэннем інфармацыі аб тым, што ўсе гэтыя арганізацыі былі «афіцыйна прызнаны Закаўказскім камісарыятам, адкрыта і афіцыйна выступалі ў абарону інтарэсаў прадстаўляемых ім нацыянальнасцяў» [35, с. 1], Беларуская Рада на старонках справядачы больш не ўзгадвалася. У адным з нумароў віленскай газеты «Незалежная Беларусь» (рэдактар К. Мядзёлка) таксама адзначалася, што грамадскія арганізацыі беларусаў ёсць у Тыфлісе, Сімферопале, Севастопале і Стаўрапалі, «але аб іх дзейнасці маецца мала вестак» [6, с. 4]. Аб Беларускай Радзе ўзгадвалася таксама ў даследаванні Ю. Васілеўскага і А. Сёмухі «Літаратурны акалот: Антон Беларусай-Скалка» [3, с. 151], у якім аўтары выказалі згадку, што тыфліская Рада магла прафінансаваць выданне кнігі А. М. Супраўшчанскага Курылы «Очерк і дума аб Беларусі» (Тыфліс: Выданьне друкарні Закаўказскіх чыгунак, 1918. 43 с.). Бібліяграфічныя звесткі пра гэта выданне былі змешчаны ў першым томе зборніка «Магілёўшчына» [27, с. 164]. Негледзячы на то, што выданне было надрукавана вялікім тыражом (3000 адзінак) выявіць яго асобнік у бібліятэках пакуль не атрымалася.

Часткова прабелы ў даследаванні гэтай арганізацыі дазваляе кампенсаваць тагачасны мясцовы (тыфліскі) перыядычны друк. Так, у газеце «Кавказское слово» ад 6 студзеня 1918 г. была змешчана аб'ява аб правядзенні Радай агульнага сходу ў будынку вычылішча па адрасе: вул. Мікалаеўская, д. 105. (сучасная назва — вул. І. Джавахішвілі). Тэкст аб'явы заканчваўся чатырохрадкоўем, сугучным з вершам Янкі Купалы «Свайму народу» (1918 г.):

«Гей! Проснися беларусе:

Усе людцы пауставалі.

Гей! Проснися беларусе, —

Усе прадачку пазнали!» [13, с. 1].

Такія кароткія аб'явы (аб правядзенні агульных сходаў) публікаваліся ў «Кавказском слове» на працягу ўсяго 1918 года [15; 16; 17; 21]. Цікава то, што акрамя Беларускай Рады, у газеце можна сустрэць і іншыя беларускія арганізацыі, утвораныя прыблізна ў гэты ж час у Тыфлісе. Так, у 25-ым нумары ад 1 лютага 1918 г. быў размешчаны нататак пад назвай «Белорусская грамада». У ім чытачэй інфармавалі, што «в Тифлисе образовался гурток белоруссов, который между прочим ставит целью объединение белоруссов, защиту их национальных, правовых и экономических интересов, для чего открыто при гуртке (Николаевская, 105) справочное бюро, для записи предложений труда, спроса труда, для справок о Белоруссии, для записи в члены и проч. Для облегчения снабжения продуктами своих членов, правление гуртка в ближайшем будущем открывает потребительский кооператив белоруссов. Справочное бюро открыто ежедневно от 5 до 6 ч. веч. В помещении гуртка, для обсуждения вопросов связанных с организацией белоруссов, состоится общее собрание 2 февраля в 11 ч. утра» [14, с. 3]. У гэтым жа нумары быў апублікаваны і парадак дня сходу: «1) Утверждение устава; 2) довыборы членов правления; 3) отношение громады к русскому национальному съезду и совету; 4) текущие дела» [14, с. 1].

Больш за тое, акрамя гуртка ў Тыфлісе існавала працоўнае гандлёва-прамысловае таварыства «Белая Русь», якое цесна ўзаемадзейнічала з Беларускай Радай. З газетнай аб'явы таксама вядома, што таварыства мела сваё праўленне і статут [17; 18; 19]. На жаль, іншых звестак аб «Белай Русі» у газетах пакуль што не знойдзена.

Больш падрабязна даведацца пра тое, што сабой уяўлялі гэтыя арганізацыі, можна на падставе архіўных дакументаў. Так, у пачатку снежня 2016 г. падчас працы ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Грузіі (ЦДГАГ) аўтарам былі знойдзены два фонды: «Каўказская Краёвая Беларуская Рада» (№ 2091) і «Тыфліскі гурток Беларускай грамады» (№ 2092). У вопісах дадзеных фондаў адсутнічае гістарычная даведка, вядома толькі тое, што ў 1955 г. гэтыя справы (па шэсць спраў у кожным з фондаў) былі перададзены ў ЦДГАГ з Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва Украінскай ССР, дзе захоўваліся пад грыфам «Сакрэтна». Храналагічна дакументы гэтых фондаў ахопліваюць перыяд з 1917 па 1918 гг. і датычацца перапіскі з іншымі нацыянальнымі арганізацыямі (Закаўказскі Рускі нацыянальны савет, Украінская Краёвая Рада Закаўказзя, Адэская арганізацыя «Беларусі гай»), ўрадавымі і прыватнымі ўстановамі Грузіі па розных пытаннях (аб адкрыцці беларускіх школ і прадпрыемстваў, аб нясенні вайсковага абавязку, аб справах бежанцаў, размешчаных на тэрыторыі Закаўказзя, і нават аб стварэнні пры Украінскім корпусе беларускай вайсковай часткі з прызначэннем свайго камісара). Фонды змяшчаюць таксама пратаколы паседжанняў арганізацый, заявы аб прыняцці ў члены Каўказскай Краёвай Беларускай Рады, спісы асоб, якія з іх дапамогай вырашылі вяртацца на Радзіму, прыходна-расходную кнігу ККБР на 1917/1918 гг., вопіс маёмасці Тыфліскага гуртка Беларускай грамады і г. д. Дакументы таксама дазваляюць часткова высветліць кіруючы склад гэтых арганізацый, а таксама сцісла акрэсліць сітуацыю, у якой апынулася беларускае насельніцтва на Каўказе ў вельмі няпросты час.

У дачыненні да пытання аб часе стварэння ККБР, трэба адзначыць, што яно застаецца адкрытым, паколькі ў прыходна-расходнай кнізе Рады адлік часу яе існавання вядзецца з 6 снежня 1917 г., калі паступілі сяброўскія складкі, а ўжо 12 снежня таго ж года прадстаўнікі ККБР накіравалі тэлеграму ў Мінск у «Цэнтральную Беларускую Рад» (хутчэй за ўсё, маецца на ўвазе Вялікая беларуская рада — *аўт.*) [40, арк. 1]. Можна меркаваць, што перыяд з лістапада 1917 г. па красавік 1918 г. з'яўляўся этапам арганізацыйнага станаўлення не толькі ККБР, але і Тыфліскага гуртка Беларускай грамады, пайшчыкаў працоўнага гандлёва-прамысловага таварыства «Белая Русь». Вядома, што першае пасяджэнне праўлення Тыфліскага гуртка адбылося 10 студзеня 1918 г. [41, арк. 1]. Усе арганізацыі цесна кантактавалі паміж сабой і размяшчаліся ў адным будынку Ладзінскага гарадскога прыватнага пачатковага вучылішча. Нявысветленай застаецца таксама дата спынення дзейнасці Рады, гуртка і таварыства. Так, апошні запіс у прыходна-расходнай кнізе ККБР прастаўлены 25 снежня 1918 г. і датычыцца ён выдачы сям'і памёрлага сябры Грамады І. Я. Шыманаўскага грашовай дапамогі ў памеры 91 руб. 71 кап. [40, арк. 15]. Не выключана, што гэтыя арганізацыі маглі праіснаваць і ў наступным 1919 г., аднак дакументаў, якія пацвярджаюць гэта пакуль не выяўлена.

Няшмат вядома і пра кіраўніцтва тыфліскіх арганізацый. Часткова інфармацыя аб іх імёнах і імёнах па бацьку, а таксама пасадах і родзе заняткаў да 1918 г. аднаўляюцца на аснове штогадовых даведчаных «Каўказскіх календароў». Дзякуючы аб'яве ў газеце «Каўказскае слова» ад 23 чэрвеня 1918 г. атрымалася вызначыць ініцыялы Старшыні ККБР Веразубова — І. І. З яго ліста на імя міністра замежных спраў Грузінскай Дэмакратычнай Рэспублікі вынікае, што «да здачы Батумі» (хутчэй за ўсё гэта сакавік 1918 г., калі быў падпісаны Брэсцкі мірны дагавор, згодна з якім да Турцыі адышла Батумская вобласць — *аўт.*) ён добраахвотна займаў месца вайсковага інжынера па Міхайлаўскай крэпасці [36, арк. 9]. Яго намеснікамі (таварышамі) былі Канстанцін Восіпавіч Мадзалеўскі, які да 1917 г. з'яўляўся надворным саветнікам Пракуратарскага нагляду тыфліскага акруговага суда [12, слупок 656] і Іван Антонавіч Белалагаловы. Да 1915 г. ён выкладаў гісторыю і геаграфію ў Эрыванскай жаночай навучальнай установе святой Рыпсініі, а затым перайшоў на працу ў тыфліскую імператара Аляксандра Благаславёнага мужчынскую гімназію на пасаду настаўніка [12, слупок 330]. На пасадзе намесніка Старшыні Рады ён знаходзіўся да 31 мая 1918 г. [38, арк. 5]. Сакратарамі Рады былі абраны начальнік (на 1915 г.) Шахтацінскага паштова-тэлеграфнага аддзялення Эрыванскай губерні Канстанцін Навумавіч Савельяў [11, слупок 81] і І. І. (Янка) Натусевіч, які праз некаторы час будзе працаваць сакратаром місіі БНР у Варшаве (1920 г.) [42, с. 180]. Савельяў знаходзіўся на гэтай пасадзе да 29 кастрычніка 1918 г., калі напісаў заяву з просьбай «сложения полномочий» па прычыне яго ад'езда ў Добраахвотніцкую армію [38, арк. 26]. Казначеем Рады быў Ігнат Іванавіч Аўрамчык — да 1917 г. працаваў на пасадзе справавода Канцылярыі папачыццеля Каўказскай навучальнай акругі. Згодна з «Каўказскім календаром» ён таксама з'яўляўся старшынёй Тыфліскага Русскага клуба [12, слупок 313, 799]. Для агульнай характарыстыкі ККБР цікавым таксама будзе тое, што справаводства арганізацыі вялося на рускай мове. Рада мела ўласныя штэмпель і пячатку.

На першым паседжанні Тыфліскага гуртка Беларускай грамады старшынёй быў абраны Вершук ці Верашук (у тэксце пратакола неразборліва — *аўт.*), намеснікам старшыні ўжо ўзгаданы вышэй К. В. Мадзалеўскі, казначеем — І. І. Аўрамчык, сакратарамі: Акаловіч (у дакументах Околович) і Голубеў-Багранародны [41, арк. 1]. Апошні, верагодна, гэта вядомы мастак, графік і паэт Леанід Мікалаевіч Голубеў (1890—1934) [5]. Справаводства арганізацыі таксама вялося на рускай мове, яна мела ўласныя штэмпель і пячатку.

Акрамя стаўлення Закаўказскага камісарыята да утварэння і дзейнасці беларускіх арганізацый, можам дадаць, што Грузінская дэмакратычная рэспубліка таксама пазначыла сваю пазіцыю ў дачыненні да іх ў сваіх асноўных дакументах. Так, згодна з пратаколам першага паседжання Нацыянальнага савета Грузіі ад 26 мая 1918 г. падкрэслівалася: «У межах нашай дзяржавы жывуць нацыянальныя меншасці. Мы заяўляем, што нашы нацыянальныя меншасці будуць гэтак жа паўнапраўны, як і нацыянальная большасць нашай дзяржавы, грузінскі народ» [8, с. 334]. Тое ж было адзначана і ў Акце незалежнасці Грузіі ад 26 мая 1918 г. у артыкуле 5 — грамадзянскія і палітычныя правы ўсім грамадзянам; артыкуле 6 — шырокая прастора для свабоднага развіцця ўсім народнасцям, жывучым на яе тэрыторыі [8, с. 337].

Аднак не заўсёды тое, што дэкларавалася на паперы адпавядала рэальнаму стану спраў.

Што датычыцца непасрэдна грамадска-палітычнай актыўнасці і дзейнасці гэтых арганізацый, то трэба падкрэсліць, што яе галоўныя накірункі былі акрэслены на паседжанні ККБР 9 красавіка 1918 г., калі былі ўтвораны юрыдычная, працоўная, фінансавая, навукова-мастацкая і эвакуцыйная секцыі [37, арк. 5—6]. Праца юрыдычнай секцыі была накіравана на аказанне кваліфікаванай прававой дапамогі беларусам на Каўказе, працоўная секцыя прыкладвала намаганні для пошуку і працаўладкавання ўраджэнцаў Беларусі ў Грузіі. Мэта навукова-мастацкай секцыі была распісана ў чарнавіку закліка «Прывітанне к беларусам», падрыхтаванага да друку ў адным з нумароў газеты «Кавказское слово»: «У белоруссов есть свое народное искусство, полное красоты, есть своя история полная поучительности. Секция с любовью будет собирать в общую сокровищницу человеческую каждую искру народной. Белоруссам нужна грамота, нужно знание, чтобы занимать почетное место в человеческой семье. В этом роде будет заботиться эта секция» [37, арк. 3]. У якасці прыклада дзейнасці секцыі, можна ўгадаць наступнае: 10 лістапада 1918 г. у зале музычнай кансерваторыі Каўказская Краёвая Беларуская Рада арганізавала для беларускіх жыхароў Тыфліса лекцыю на тэму «Беларускае пытанне», якую прачытаў вядомы расійскі гісторык-славіст і этнограф Ф. Ф. Арыстаў (1888—1932). На той час (з 1918 па 1920 гг.) ён выкладаў у Тыфліскім дзяржаўным універсітэце [20, с. 1]. За прачытаную лекцыю, аб змесце якой да сённяшняга часу невядома, яму было выплачана 50 рублёў [40, арк. 14].

Як паказваюць дакументы, адным з галоўных кірункаў дзейнасці ККБР была арганізацыя эвакуацыі беларускага насельніцтва з Каўказа ў напрамку Беларусі па маршруце: Тыфліс—Батумі—Поці, потым марскім шляхам да Адэсы, а адтуль сухпутным транспатам на поўнач. Супрацоўнікамі секцыі былі падрыхтаваны адпаведныя спісы, пажадаўшых вярнуцца на Радзіму [39]. З дакладу членаў ККБР У. А. Зелянькова і М. Е. Барысаўа аб колькасці і становішчы беларусаў на Каўказе вынікала, што па прыватных звестках у рэгіёне ў 1918 г. знаходзілася звыш 80 тысяч беларусаў, «частка якіх займала да гэтага часу дзяржаўныя і прыватныя пасады, частка ўсталявалася на стадае жыццё пасля заканчэння ваеннай службы ў ободнавалася на жыхільство после окончания военной службы ў мірны час, а большую частку складаюць перасяленцы, якія перасяліліся на Каўказ у перыяд часу 1906—1914 гг. і надзелены зямельнымі ўчасткамі» [38, арк. 27]. Нават калі прыняць гэту лічбу за сапраўдную, што малаверагодна, то да яе неабходна яшчэ дадаць і колькасць бежанцаў Першай сусветнай вайны з тэрыторыі Беларусі. Што датычыцца гэтай лічбы, то дакладных звестак аб колькасці і геаграфіі беларускіх бежанцаў на Каўказе ў няма.

Паводле дадзеных Камітэта яе Імператарскай вялікасці вялікай княгіні Таццяны Мікалаеўны (Таццянінскага камітэта) у канцы 1915 г. на Каўказе знаходзілася ўсяго 180 621 чалавек [22, слупок 177], аднак невядома які працэнт ад гэтай лічбы складала беларускае насельніцтва. Так, толькі з тэрыторыі Гродзенскай губерні колькасць беларускіх бежанцаў (у гэксце дакумента яны фігуруюць пад назвай «рускае насельніцтва» — *аўт.*) складала 6330 чалавек (Кубанская вобласць — 1866 мужчын і 2358 жанчын; Стаўрапольская губернія — 707 мужчын і 827 жанчын; Церская вобласць — 272 мужчын і 300 жанчын)

[34, арк. 2 адв. —3]. Няпоўныя дадзеныя ёсць і за больш позні перыяд. Так, на 1 лютага 1917 г. у Кубанскай вобласці знаходзілася 7232 беларускіх бежанца [24, с. 234]. Прыблізна гэтую лічбу (8784 чалавек), але ахопліваючы ўсю тэрыторыю Паўночнага Каўказа і Закаўказзя на пачатак 1917 г., выкарыстоўваюць расійскія даследчыкі М. А. Міхалёў і С. А. П'яноў [28, с. 101]. Гэтую лічбу можна параўнаць з колькасцю беларускіх бежанцаў з прылеглай да Кубанскай вобласці і Стаўрапольскага края Вобласці Войска Данскога, дзе на 10 кастрычніка 1918 г. значылася 19889 чалавек з Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай і Мінскай губерні. У памежных адміністрацыйных адзінках сітуацыя выглядала наступным чынам: Чаркаская акруга — 70 чалавек з Віленскай, 1080 — з Гродзенскай, 12 — Мінскай губерняў; 1-ая Данская акруга — 35 чалавек з Віленскай, 3507 — Гродзенскай, 201 — Мінскай губерняў; Сальская акруга — 7 чалавек з Віленскай, 220 — Гродзенскай, 12 Мінскай губерняў [7, арк. 9].

Дакладна не вядома колькі людзей скарысталіся дапамогай Беларускай Рады і выехалі дадому, але кіраўніцтва і члены гэтай арганізацыі прыкладвалі ўсе намаганні па вырашэнні гэтай складанай задачы.

У якасці прамежкавых высноў (паколькі дадзенная тэма працягвае распрацоўвацца) можна пазначыць наступнае: па-першае гэта тое, што ў апублікаваных і архіўных крыніцах захаваліся звесткі аб разнапланавай дзейнасці на Каўказе арганізацый, створаных на аснове этнічнай і/ці тэрытарыяльнай прыналежнасці. Сярод фактараў, паўплываўшых на гэты працэс, можна назваць сацыяльныя трансфармацыі, якія адбываліся на тэрыторыі ўсёй Расійскай імперыі і не маглі не закрануць беларускі этнас, а таксама з'яўленне іерархічных структур на Каўказе па этнічнай прыкмеце (узнікненне дзяржаўных утварэнняў у паўночнай і паўднёвай частках рэгіёну). Гэта стымулявала беларускае насельніцтва ў інаэтнічным асяроддзі да аб'яднання, адстойвання інтарэсаў і сумесных дзеянняў па абароне сваёй этнічнай групы ў склаўшыхся абставінах. Па-другое, грамадска-палітычная актыўнасць беларускага насельніцтва на Каўказе была скіравана не толькі на разнастайную дапамогу прадстаўнікам свайго этнаса, але і рабіла намаганні па стварэнні умоў арганічнай інтэграцыі беларускага насельніцтва ў сацыяльна-эканамічныя структуры новых дзяржаўных утварэнняў. Па-трэцяе, треба падкрэсліць, што кіраўніцтва Беларускай Народнай Рэспублікі разглядала Каўказскі рэгіён як паўназартную пляцоўку для міждзяржаўнага ўзаемнага прызнання сваіх утварэнняў у якасці самастойных суб'ектаў і патэнцыйных саюзнікаў на новай палітычнай карце Еўропы. На прыканды можна толькі дадаць, што вышэй узгаданыя меркаванні патрабуюць больш ґрунтоўнага фактаграфічнага падмурку і пошуку новых гістарычных крыніц.

Бібліяграфічны спіс

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: у 2-х ч. / Уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт., камент., пер., паказ. С. Шупы. — Вільня, Нью-Ёрк, Менск, Прага, 1998. — Т. 1, кн. 1—2.
2. Варонка, Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. Кароткі агляд. — Коўна: Т-ва імя Ф. Скарыны, 1920. — 29 с.
3. Васілеўскі, Ю., Сёмуха, А. Літаратурны акалот: Антон Беларусаў-Скалка // Запісы Беларускага інстытута навукі і мастацтва. — Нью-Ёрк: БІНІМ, 1999. — Кн. 23. — С. 149—164.

4. Васілеўскі Ю. Троська Язэп Касьянавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі (ЭГБ): У 6 т. / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. — Мінск, 2001. — Т. 6, кн. 1. — С. 521.
5. Голубев-Багрянородный [Электронный ресурс] / Искусство и архитектура русского зарубежья. — 2013. — Режим доступа: <http://www.art.rz.ru/menu/1804657343/1804783884.html>. — Дата доступа: 15.12.2017.
6. Дзеяльнасць беларускіх арганізацый у Адэсе // Незалежная Беларусь. 1919. — 27 кастрычніка.
7. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. — Ф. Р-1261. — Воп. 2. — Спр. 3.
8. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. — Тифлис: Тип. Правительства Грузинской республики, 1919. — 514 с.
9. Езавітаў, К. Угодкі вялікага абуджэння // Беларуская газета. — 1943. — 17 чэрвеня.
10. Зубко, О. БНР и УНР. Друзья по несчастью. Ч. 2. [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://www.istpravda.ru/bel/research/11398/>. — Дата доступа: 15.12.2017.
11. Кавказский календарь на 1915 год / Под ред. А. А. Эльзенгера, Н. П. Стельмашука. — Тифлис: Тип. Канц. Наместника Е. И. В. на Кавказе 1914. — 1013 с.
12. Кавказский календарь на 1917 год / Под ред. Н. П. Стельмашука. — Тифлис: Тип. Канц. Наместника Е. И. В. на Кавказе, 1916. — 12321 с.
13. Кавказское слово. — 1918. — 6 января.
14. Кавказское слово. — 1918. — 1 февраля.
15. Кавказское слово. — 1918. — 11 мая.
16. Кавказское слово. — 1918. — 26 мая.
17. Кавказское слово. — 1918. — 23 июня.
18. Кавказское слово. — 1918. — 26 июня.
19. Кавказское слово. — 1918. — 28 июня.
20. Кавказское слово. — 1918. — 9 ноября.
21. Кавказское слово. — 1918. — 28 ноября.
22. Киржниц, А. Д. Беженство // Большая советская энциклопедия: в 65 т. — 1-е изд. М., 1930. — Т. 5. — С. 176—178.
23. Клімовіч, М., Міхнюк, У. Краскоўскі Іван Ігнатавіч // ЭГБ: У 6 т. — Мінск, 1997. — Т. 4. — С. 250.
24. Кобрын, М. У. Бежанцы і Беларускі нацыянальны рух у 1914—1920 гг. // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэр. рэсп. наук. канф., 26 сакавіка 2004 г.; рэдкал.: А. П. Жытко (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2004. — С. 233—236.
25. Красковська, Л. 3 давніх часів. — Prešov: EXCO s. r. o, 1999. — 85 s.
26. Краўцоў, М. Ёсебеларускі Зъезд 1917 г. (Рэфэрат чытаны ў Лодзі для афіцэраў Беларускіх Вайсковых Аддзелаў і служачых Беларускай Вайскавай Камісіі 27 кастрычніка 1920 г.) // Беларускі Звон. — 1921. — 9 верасня. — С. 3—4.
27. Магілёўшчына: [зборнік] / пад кіраўніцтвам і рэдакцыяй А. М. Беларусавы. — Магілёў, 1927. — Т. 1. — 183 с.
28. Михалев, Н. А., Пьянков, С. А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 4 (49). — С. 95—105.
29. Міхалюк, Д. Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918—1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / навук. рэд. С. Рудовіч; пераклад з польскай мовы А. Пілецкі. — Смаленск: Інбелкульт, 2015. — 495 с.
30. Міхнюк, У. М. Вальковіч Аляксандр Іванавіч // ЭГБ: У 6 т. — Мінск, 1994. — Т. 2. — С. 216.
31. Найдзюк Я. Беларусь учора і сямьня. Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. — 2-е выд. пашыранае. — Менск, 1944. — 304 с.

32. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 205. — Воп. 3. — Спр. 8183.
33. НАРБ. — Ф. 325. — Воп. 1. — Спр. 10.
34. НАРБ. — Ф. 325. — Воп. 1. — Спр. 21.
35. Отчет о деятельности Закавказского Русского национального комитета. — Тифлис: Тип. насл. К. П. Козловского, 1919. — 56 с.
36. Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Грузіі (ЦДГАГ). — Ф. 2091. — Воп. 1. — Спр. 1.
37. ЦДГАГ. — Ф. 2091. — Воп. 1. — Спр. 2.
38. ЦДГАГ. — Ф. 2091. — Воп. 1. — Спр. 3.
39. ЦДГАГ. — Ф. 2091. — Воп. 1. — Спр. 4.
40. ЦДГАГ. — Ф. 2091. — Воп. 1. — Спр. 6.
41. ЦДГАГ. — Ф. 2092. — Воп. 1. — Спр. 3.
42. Чарнякевіч, А. М. Памяць пра Гродна. Матэрыялы да біяграфічнага слоўніка постацей міжваеннага горада. 1919—1939 гг. — Гродна: ЮрСаПрынт, 2015. — 306 с.
43. «Белоруссы, Рада зовет вас...»: стварэнне і дзейнасць Каўказскай Краёвай Беларускай Рады / Публ. і камент. А. М. Максімчык // Беларускі археаграфічны штогоднік / Рэдкал.: Э. М. Савіцкі (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелНДІДАС, 2017. — Вып. 18. — С. 230—246.

Михайловская Людмила Львовна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

«Польский вопрос», возникший после разделов Речи Посполитой, поднимавшийся польскими патриотами и обсуждавшийся европейскими политиками разного уровня, получил реальную возможность разрешения с началом Первой мировой войны. В политике воюющих держав складывались различные варианты дальнейшей судьбы Польши.

«Русский» сценарий решения польского вопроса нашёл отражение в Манифесте (14 августа 1914 г.), изданном Верховным главнокомандующим сухопутными и морскими силами России великим князем Николаем Николаевичем. Он предполагал объединить польские земли с последующим предоставлением Польше автономии в составе Российской империи. Последовательным сторонником великодержавной политики был Р. Дмовский, считавший Россию защитницей Польши от германской агрессии, способной воссоединить польские земли, захваченные Австрией и Пруссией. Сторонники Й. Пилсудского связывали освобождение Польши с помощью Австро-Венгрии в ходе ее войны с Россией, которая стала неизбежной после Боснийского кризиса 1908 г. Готовясь к боевым действиям, они под покровительством Австро-Венгрии создавали военные организации в Галиции, на базе которых в начале первой мировой войны возникли польские легионы.

Данное соотношение сил изменили революции в России. Еще в 1916 г. была написана статья В. И. Ленина «О мире без аннексий и о независимости Польши как лозунгах дня в России», Петроградский Совет в марте 1917 г. принял обращение к «Народу польскому», в котором утверждалось, что «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном

отношении». 29 марта 1917 г. Временное правительство обратилось с воззванием «К Полякам», в котором говорилось о независимом Польском государстве. Президент США В. Вильсон в январе 1917 г. также высказался за восставление «объединенной, независимой, автономной» Польши.

Французский президент Р. Пуанкаре в июне 1917 г. издал декрет о создании польской армии во Франции. В июле 1917 г. добровольцы польских легионов отказались присягать Центральным державам и были интернированы германскими властями, а Ю. Пилсудский заключен в крепость. Осенью 1917 г. оккупационные власти сформировали новый Государственный совет, Регентский совет и правительство. Эти органы зависели от Германии и были лишены свободы действий. 15 августа 1917 г. Р. Дмовский сформировал в эмиграции Польский национальный комитет (ПНК). В течение сентября-ноября 1917 г. ПНК был признан Францией, Великобританией, Италией и США в качестве официального польского представительства.

В России победила Октябрьская революция. В опубликованной 15 ноября 1917 г. «Декларации прав народов России» большевистское правительство провозгласило «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Был опубликован также декрет Совнаркома об аннулировании всех договоров, заключенных правительствами бывшей Российской империи, с Пруссией и Австрией относительно разделов Польши. Тем самым Россия отказывалась от притязаний на польские земли. Большевики, пришедшие к власти, в «польском вопросе» продолжали политику Петроградского Совета. В опубликованной 15 ноября «Декларации прав народов России» провозглашалось право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

Судьба Польши обсуждалась и на переговорах Советской России с Центральными державами в Бресте. 3 марта 1918 г. был подписан Брестский договор, по которому Советская Россия вынуждена была признать оккупацию Центральными державами Королевства Польского. 29 августа 1918 г. Совнарком опубликовал декрет об аннулировании всех договоров, заключенных правительствами бывшей Российской империи с Пруссией и Австрией относительно разделов Польши. Декрет закреплял международно-правовую основу восстановления независимого Польского государства.

В октябре 1918 г. Регентский совет потребовал создания независимого государства. Было сформировано новое правительство. 31 октября Польская ликвидационная комиссия взяла в свои руки власть в Кракове в качестве временного органа управления польскими землями распадающейся Австро-Венгрии. В ноябре в Люблине левыми партиями было создано Временное народное правительство во главе с И. Дашинским. В ноябре Регентский совет объявил о своем роспуске и передал все властные полномочия Ю. Пилсудскому. Так же поступило и Люблинское правительство. Сейм, собравшийся Сейм, собравшийся в феврале 1919 г., подтвердил полномочия Ю. Пилсудского как начальника государства и одобрил т. н. Малую конституцию («Постановление Законодательного сейма от 20 февраля 1919 года о выдаче доверия Юзефу Пилсудскому на дальнейшее осуществление полномочий Начальника государства»). Постановление определяло полномочия сейма, начальника государства и правительства.

17 марта 1921 г. сейм принял Конституцию Польского государства («Мартовская конституция»). Это была одна из наиболее демократических конституций в мире на то время, она закрепляла в Польше установление парламентской демократии. 18 ноября в Варшаве было создано первое общепольское правительство, главой которого стал лидер польской социалистической партии Е. Морачевский (1918—1919). Родилась Вторая Речь Посполитая, в борьбе она определяла свои границы и развивалась как единое многонациональное государство.

Но Временное правительство предусматривало, что Польское государство будет находиться в зависимости от России. В России была создана Польская ликвидационная комиссия для урегулирования всех вопросов польско-российских отношений. Французский президент Р. Пуанкаре в июне 1917 г. издал декрет о создании польской армии во Франции. В июле 1917 г. добровольцы польских легионов отказались присягать Центральным державам и были интернированы. Оккупационные власти пытались получить поддержку поляков. Осенью 1917 г. немцы создали Государственный совет, Регентский совет и правительство, полностью зависимые от Германии. В августе 1917 г. Р. Дмовский сформировал в эмиграции Польский национальный комитет (ПНК), который вскоре был признан Францией, Великобританией, Италией и США в качестве официального польского представительства.

Осенью 1918 г. стало очевидным поражение Центральных держав в войне. В октябре 1918 г. Регентский совет потребовал создания независимого государства, после чего было сформировано новое правительство. 31 октября Польская ликвидационная комиссия взяла в свои руки власть в Кракове в качестве временного органа управления польскими землями Австро-Венгрии. В Люблине 7 ноября 1918 г. левыми партиями было создано Временное народное правительство во главе с И. Дашиньским. Регентский совет передал власть Ю. Пилсудскому. 18 ноября в Варшаве было образовано первое общепольское правительство во главе с Е. Морачевским.

Сторонниками революционного переустройства социально-экономических отношений в стране и установления в ней диктатуры пролетариата были Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и левое крыло Польской социалистической партии (ППС-левица), объединившиеся в декабре 1918 г. в Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП). Собранный в феврале 1919 г. сейм подтвердил полномочия Ю. Пилсудского как начальника государства, а также одобрил так называемую Малую конституцию, определявшую полномочия сейма, начальника государства и правительства. 17 марта 1921 г. сейм принял Конституцию Польского государства. Это была одна из наиболее демократических конституций в мире, она закрепляла в Польше строй парламентской демократии.

3 марта 1918 г. был подписан Брестский договор, по которому Советская Россия вынуждена была признать оккупацию Центральными державами Королевства Польского. В России была создана Польская ликвидационная комиссия для урегулирования всех вопросов польско-российских отношений. Вопрос о границах решался на Версальской мирной конференции. Польша помимо Великой Польши получила без всяких оговорок

только большую часть Гданьского Поморья. Гданьск получил статус вольного города под контролем Лиги наций. Вопрос о принадлежности Верхней Силезии, Вармии, Мазур и Повислья должен был решаться путем плебисцита. Плебисцит в Вармии, Мазурах и Повислье, проведенный 11 июля 1920 г., Польша проиграла. В июле 1922 г. Верхняя Силезия перешла под администрацию Польши, получив статус автономии. В июле 1920 г. Совет Послов Антанты принял решение о демаркации польско-чехословацкой границы в спорных районах без плебисцита.

Версальский договор оставил открытым вопрос о восточных границах Польши. 26 апреля 1920 г. началось польское наступление на Украине 14 мая началось контрнаступление Красной Армии в Белоруссии, а 26 мая 1920 г. на Украине. 14 августа наступление Красной Армии было остановлено под Варшавой. 9 октября командир польской дивизии генерал Л. Желиговский захватил Виленскую область. В 1922 г. она вошла в состав Польши. Польско-советская война завершилась подписанием 18 марта 1921 г. в Риге мирного договора. Окончательно восточная граница была признана державами Антанты в 1923 г.

Никитина Наталья Павловна

Псковский государственный университет (Псков, Россия)

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Прошедшие столетия назад события в Российской империи явились, несомненно, судьбоносным этапом в развитии России и Беларуси. Исследователи все вновь и вновь обращаются к осмыслению тех, процессов, которые имели место в 1917 году. Современная историография обращается к широкому проблемному полю революции 1917 г.: причинам, модернизации, повседневная жизнь различных категорий населения в ходе революции, быту провинции и т. д. Стоит отметить, что особое внимание начинает уделяться проблеме эффективности деятельности органов государственного управления и самоуправления накануне 1917 г., а также их трансформация в ходе революции. В этом контексте, на наш взгляд, крайне важным является анализ событий, происходивших на региональном уровне. В данном случае внимание будет уделено процессам, имевшим место в системе крестьянского самоуправления в период между февралем-октябрем 1917 г. в Псковской губернии. Тема крестьянства в революции, аграрных преобразований достаточно хорошо освещена в историографии [9; 10; 12]. В то же время вопросы, связанные с трансформацией традиционных общинных институтов в условиях перехода от монархической формы правления к республиканской, не подвергались достаточной разработке.

Псковская губерния накануне 1917 г., состоящая из восьми уездов, являлась типичной провинцией. Преобладающей сословной группой населения губернии было крестьянство. Губерния славилась как льноводческий регион, в то же время уровень развития промышленности был невысоким. Геополитическое положение губернии определялось близостью к экономически раз-

виту Прибалтийскому региону и столице страны Санкт-Петербургу. В годы Первой мировой войны Псков стал ближним тылом для действующих армий Северного фронта и ставкой для его штаба. Именно здесь произошло событие, имевшее общероссийское значение: отречение от престола Николая II. Данное событие повлекло за собой преобразований в системе не только высших органов государственной власти, но и местного управления и самоуправления.

Крестьянское самоуправление накануне 1917 г. являлось сословным, и было представлено двумя уровнями: сельским и волостным. Однако в Псковской губернии, исходя из ее особенностей (небольшие по численности дворы селения), имелся и деревенский уровень (селенный сход и деревенский староста). Такая структура управления коррелировалась с общинной традицией и получила законодательное оформление еще в 1861 г. В 1889 году крестьянское самоуправление было поставлено под контроль земского начальника, который совмещал административные и судебные функции и являлся представителем дворянского сословия.

Пореформенная эпоха, Первая мировая война приводят к определенным трансформациям в системе крестьянского самоуправления, особенно на его сельском и деревенском уровнях. Непосредственно этот процесс проявлялся в усилении значения деревенского уровня управления, возрастания роли неформальных лидеров — деревенских старост, в снижении авторитета сельского старосты, который иногда воспринимается как проводник интересов государства, в возрастании роли в системе управления зажиточных крестьян, в возрастании роль женщин в сельском самоуправлении. При этом стоит подчеркнуть, что сторонники земского управления, основанного на сословном начале, на протяжении всей второй половины XIX — начала XX в. выступали с идеей реорганизации самоуправления в сельской местности на основе сословного начала, по структуре соответствующей земскому управлению. События февраля 1917 г. представляют для земцев такую возможность. 19 марта 1917 г. Временное правительство ликвидирует институт земских начальников, передает в отношении административного управления их обязанности уездным земским комиссарам, назначая в качестве таковых председателей уездных земских управ, и объявляет о создании волостных исполнительных комитетов, которым передавались функции волостного правления. Волостные исполнительные комитеты представляли собой временный орган на период «...до завершения работы по устройству волостных земств...» [7. л. 14]. Подчеркнем, что волостные комитеты по задумке Временного правительства должны были носить сословный характер и отличаться от волостных правлений. Однако практика Псковской губернии указывала на другое. Апрельское совещание уездных комиссаров Временного правительства в Псковской губернии определило структуру временной волостной управы, которая целиком повторяла структуру волостного крестьянского самоуправления. В апреле-мае 1917 г. формируются временные волостные управы, председателями которых избираются бывшие волостные старшины, а волостные писари автоматически переводятся на должность секретаря управы [8].

21 мая 1917 г. Временное правительство издало Постановление «О волостном и земском управлении», структура которого повторяла структуру уездного и губернского земства. Формировалось оно на основе выбор-

ного начала, избирательное право получили все жители волости мужчины и женщины в возрасте старше 20 лет. Избирательная кампания в волостные земства Псковской губернии проходила в конце лета 1917 г. и носила в ряде волостей достаточно скандальный характер. Причина заключалась в том, что по рекомендации Временного правительства в состав избирательных комиссий входили представители не только крестьян, но и сельской интеллигенции, советов крестьянских депутатов, которые подчас не были связаны с поземельными общинами волости и воспринимались крестьянским сообществом как чужаки. В ходе выборов в волостное земство проявилась тенденция демократизации: так в состав ряда волостных земских управ были избраны женщины. Не оправдала надежды земцев и явка на избирательные участки, она оказалась не высокой около 25 % [5, л. 15; 1, с. 4]. Крестьяне настороженно относились к созданию волостной земской единицы, воспринимая ее как очередное бюрократическое и налоговое ярмо. Волостные земства Псковской губернии начали свою работу в конце сентября — начале октября 1917 г. Срок их полномочий был определен до 1 января 1919 г. Активность земств была разнообразной за время работы (до декабря 1917 г.) прошло от 2 до 6 заседаний волостных земских собраний. Пик активности пришелся на октябрь месяц. Журнал «Волостное земство» констатировал: «От волостного земства крестьяне стремятся отстранить землевладельцев и интеллигенцию. Земство носит сословно-крестьянский облик... Первые месяцы революции осложнили задачу нормализации. Не последнюю роль сыграли в этом комитеты — продовольственные, земельные, волостные. — Они очаги развала» [11, с. 452—453]. Новое волостное управление на местах не прижилось, оказавшись непонятным крестьянам и не решало их актуальные проблемы, существовавшие в течение веков общинная система была для них более привычной и защищала их в кризисных ситуациях.

Важным элементом системы волостного крестьянского самоуправления в дореволюционный период являлся волостной суд, который формировался волостным сходом и принимал решения на основе норм обычного права. Данный орган крестьянского правосудия получил свое законодательное оформление в 1861 г. и был отменен Постановлением «О волостном и земском управлении» от 21 мая 1917 г. Однако традиционные формы управления и суда для крестьян были важны, и они по-прежнему не уже на волостных земских собраниях принимают решение о формировании волостного суда, но с оговоркой: «Суд не производить до организации твердой народной власти» [6, л. 16]. Архивные документы свидетельствуют о том, что в ряде волостей волостные суды продолжали действовать и в 1917 г. Они рассматривали иски по защите чести и достоинства [3; 4], что является свидетельством процесса эмансипации крестьян. Актуальным в условиях революции являлся вопрос об охране правопорядка. Уже 26 февраля 1917 г. в волостные крестьянские управления Псковской губернии поступают телеграммы о переформировании полиции в милицию. В XIX веке милиция трактовалась, как ополчение. Уездными земскими управами была разработана инструкция для временной уездной милиции. Она определяла обязанности милиции: исполнение распоряжений Временного правительства, обеспечение правопорядка, расследование преступлений, уголовное преследование по преступлениям, борьба с дезертирством, тайным винокурением, содействие работе Продоволь-

ственных комитетов, исполнение поручений правительственных учреждений и судебных властей [2. л. 1]. Инструкция определяла структуру добровольной милиции. Низовым уровнем становилась сельская милиция во главе с сельским милиционным комитетом. Второй уровень был представлен волостным милиционным комитетом. Милиция комплектовалась по принципу 1 милиционер от 10 дворов или 1 от 10 хуторов, при этом усадьбы считались за хутора. Такая система действовала в Псковской губернии и ранее при выборах десятских, которые подчинялись полицейским структурам. Волостные старшины и сельские старосты должны были подчиняться начальникам милиции. Таким образом, местное управление ставилось под контроль правоохранительных органов. В эпоху Временного правительства идет серьезная перестройка местного самоуправления, на волостном уровне создаются различные комитеты и комиссии, представители милиции входят в их состав. 17 апреля 1917 года вышло постановление Временного правительства «Об учреждении земской и городской милиции». Однако милиция, сформированная волостными управлениями в марте 1917 г. продолжала действовать и сформированное волостное земство стремилось ее контролировать.

Подводя итог, следует отметить, что крестьянам были непонятны преобразования Временного правительства в сфере крестьянского самоуправления. Отсюда и симуляция со стороны крестьян в отношении новых органов самоуправления. Следуя за распоряжениями правительства, они формируют новые органы самоуправления, по названию, сохраняя их традиционную, общинную сущность.

Библиографический список

1. Вестник Псковского губернского земства и Губернского продовольственного комитета. — 1917. — № 13—14. — С. 4—5.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). — Ф. 159. Оп. 1. Д. 38. — 72 л.
3. ГАПО. — Ф. 403. Оп. 1. Д. 7. — 5 л.
4. ГАПО. — Ф. 405. Оп. 1. Д. 1. — 14 л.
5. ГАПО. — Ф. р. — 745. Оп. 1. Д. 41. — 67 л.
6. ГАПО. — Ф. р. — 745. Оп. 1. Д. 43. — 72 л.
7. ГАПО. — Ф. р. — 745. Оп. 1. Д. 49. — 5 л.
8. ГАПО. — Ф. р. — 745. Оп. 1. Д. 50. — 5 л.
9. Алиева, Л. В. Этапы трансформации крестьянской поземельной общины на Северо-Западе России в XIX—XX вв. // VI Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 27—28 сентября 2012 г. — Витебск: УО «ВГУ имени П. М. Машерова», 2012. — 534 с. — С. 134—135.
10. Бабашкин, В. В. Россия в 1902—1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. — Москва: РГАЗУ, 2007—225 с.
11. Земер, Деревня и волостное земство // Волостное земство. — 1917. № 19—20. — С. 452—453.
12. Саблин, В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России 1917—1921 гг. // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX — начала XXI века. Материалы международной научной конференции. / Глав. ред. А. В. Егоров — Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2017. — С. 159—163.

Попов Артем Владимирович

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилев, Беларусь)*

ВЛИЯНИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА Л. КОРНИЛОВА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ЛЕТОМ — ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА

С победой Февральской революции 1917 г. на территории России и входивших в ее состав белорусских землях начался новый этап социально-политического развития. По мнению П. В. Волобуева, в результате революции: «Россия встала перед новой альтернативой: капитализм или социализм, прежняя альтернатива: «прусский» или «американский» пути развития капитализма была снята [3, с. 159].

Россия в 1917 г. стояла перед выбором дальнейшего пути социально-политического и экономического развития. Общественному сознанию были предложены альтернативные проекты решения накопившихся противоречий и проблем: радикально-революционный и реформистский. Причем радикально-революционный путь решения проблем существовал в двух вариантах. В. И. Ленин и возглавляемая им партия большевиков предлагала леворадикальный вариант, Л. Г. Корнилов и его сторонники — праворадикальный вариант решения противоречий. А. Ф. Керенский занимал центристскую позицию, а, по сути, лавировал между двумя крайностями.

К осени 1917 г. Временное правительство пережило два кризиса. После апрельского кризиса, завершившегося отставкой А. И. Гучкова и П. Н. Миллюкова и переходом к коалиционному кабинету министров, на частном совещании членов Государственной думы 4 мая 1917 г. А. И. Гучков отметил, что ушел от власти потому, что ее просто не было [1, с. 4]. Дальнейшие слова Александра Ивановича о том, что в условиях продолжающейся войны, внутреннего хаотического брожения и грандиозного переустройства как никогда необходима полнота власти наверху и полнота повиновения внизу, можно считать новым этапом политического противостояния либерально-буржуазного и левого политических лагерей [1, с. 4]. Эти слова А. И. Гучкова можно, по-нашему мнению, считать первыми признаками правого поворота в политике Временного правительства.

В июле 1917 г., когда большевики пытались взять власть в свои руки, в Минске практически постоянно шли заседания совета рабочих и солдатских депутатов, исполнительного комитета Западного фронта, губернского совета крестьянских депутатов, проводились совещания различных политических партий и групп [4, с. 477].

Бюро фронтового комитета осудило обе стороны: и действия кадетов, покинувших кабинет, и выступление большевиков [2, с. 456—457; 460—461; 465—469].

По воспоминаниям В. Солского: «В Минске и Западной области вообще никаких выступлений в июле не было... Петроградские события для минских большевиков были неожиданными, они застали их врасплох» [11, с. 94—95].

После провала июльского выступления, по мнению современных историков, резко изменилась картина политической жизни предоктябрьской Рос-

сии. Неудачное выступление левых 3—5 июля 1917 г. позволило Временному правительству перетянуть на себя «политическое одеяло» и покончить с двоевластием. Вместе с тем, политическим кредо правительства и его главы министра-председателя А. Ф. Керенского по-прежнему оставался центризм с его лозунгом борьбы «на два фронта», и против правых, и против левых, общее соотношение сил в стране заметно изменилось в пользу правых. Именно в это время на политический олимп России выходит генерал Л. Г. Корнилов, назначенный приказом Временного правительства от 18 июля 1917 г. Верховным главнокомандующим [8, с. 5].

Л. Г. Корнилов призывал к наведению порядка в стране, прежде всего, из-за необходимости дальнейшего ведения войны. В начале лета 1917 г. А. Ф. Керенский поддерживал Л. Г. Корнилова в его стремлении укрепить власть. Так, например, он поддержал предложения генерала о введении более жесткого гражданского и военного управления, ограничении политических свобод и т. д. [4, с. 480]. Несмотря на широкий общественный резонанс 12 июля 1917 г. на фронте была восстановлена смертная казнь [14, с. 300].

Следующим шагом, предпринятым Временным правительством, для укрепления власти стал созыв и проведение 12—15 августа 1917 г. в Москве Государственного совещания [6, с. 459].

Как общероссийские, так и региональные газеты уделяли этому совещанию повышенное внимание. Например, газета социалистов-революционеров города Гомеля «Голос народа», подробно рассмотрев ход совещания, обрушилась с критикой на его участников: «Думали соединить огонь с водой и, конечно, получился туман, который запеленал тьмою и без того мрачный политический горизонт» [5, с. 1].

Наибольшую критику со стороны вышеупомянутого «Голоса народа» вызвали представители либерально-буржуазного лагеря из-за стремления усилить репрессии с целью стабилизации политической обстановки в стране, которую газета охарактеризовала как «отступление от революции» [5, с. 1].

Можно согласиться с мнением историка А. В. Шубина о том, что во время Государственного совещания конкурировали между собой две идеи — перехода к более правому и репрессивному правительству и защиты существующей коалиции [14, с. 324].

Апогеем совещания стала речь генерала Л. Г. Корнилова, в которой была дана уничижительная характеристика положения на фронтах и морально-боевого состояния армии [7, с. 61—66].

В результате Государственного совещания, по воспоминаниям А. И. Деникина, стало очевидным, что политика А. Ф. Керенского утратила популярность, и продолжение развития страны по данному пути было невозможным [9, с. 42].

25 августа 1917 г. Л. Г. Корнилов обратился из Ставки с воззванием, в котором объявил себя «Спасителем Родины» и призывал население не исполнять распоряжений Временного правительства. На следующий день — 26 августа в Ставке под председательством генерала был составлен проект нового правительства военной диктатуры, в состав которого должны были войти Б. В. Савинков, М. В. Алексеев, А. В. Колчак, А. Ф. Керенский, представители торгово-промышленной буржуазии и деятели бывшего царского режима [13, с. 16—17].

26—27 августа 1917 г. в Могилев с фронта прибыли преданные Л. Г. Корнилову «ударники» и «текинцы». Они должны были охранять Ставку вместе с польскими частями И. Р. Мусницкого, уже находившимися в городе. Могилев был объявлен на осадном положении [13, с. 17].

С 28 по 31 августа в крупнейших городах белорусских губерний начали создаваться разного рода антикорниловские комитеты «революционной охраны», «бюро» и «коллегии». Данные организации были созданы в 15 городах: Минске, Витебске, Гомеле, Орше, Бобруйске, Городке, Горках, Дресе, Дисне, Жлобине, Мозыре, Рогачеве, Речице, Полоцке [12, с. 136, 140, 143].

Важно отметить, что различные политические партии и группы выступили с антикорниловских позиций, выступив на стороне А. Ф. Керенского. Об этом свидетельствуют резолюции созданных в ответ на корниловские события комитетов. Даже в Могилеве среди революционных партий не было сил, поддержавших мятежного генерала. Подтверждением данному факту служат декларации эсеров и меньшевиков-объединенцев. Большевики также двигались в общем русле с остальными политическими партиями и демонстрировали протест действиям Л. Г. Корнилова [12, с. 141].

Приказом А. Ф. Керенского от 27 августа 1917 г. Л. Г. Корнилов был смещен с поста Верховного Главнокомандующего. В ответ на это, 28 августа, последний заявил в Ставке, что не намерен подчиняться распоряжениям Временного правительства и оставляет за собой командование армией и флотом. При этом генерал предложил Временному правительству прибыть в Ставку для проведения переговоров с целью создания «Правительства народной обороны» [13, с. 18].

29 августа был издан приказ Временного правительства о придании суду генералов Корнилова, Деникина, Маркова, Кислякова. Арестовать их должен был новый начальник штаба Ставки генерал Алексеев. 30 августа обязанности Верховного Главнокомандующего принял на себя А. Ф. Керенский. На следующий день к Ставке по инициативе местного совета был приставлен караул из революционных солдат. 1 сентября генерал Алексеев, прибывший в Могилев, арестовал генералов Корнилова, Романовского, Лукомского [13, с. 19—20].

Выступление генерала Корнилова знаменовало собой новый виток политической борьбы. События 28—30 августа 1917 г. создали новый виток напряжения. Однако А. Ф. Керенский и Л. Г. Корнилов не побуждали население к активной борьбе. Л. Г. Корнилов даже проявлял лояльность по отношению к представителям Могилевского совета, которые продолжали деятельность в условиях осадного положения. Не было попыток осуществления массовых репрессий. Аресты лиц, настроенных против Л. Г. Корнилова, не носили массовый характер, а некоторых из задержанных с прокламациями, даже отпустили через несколько часов [12, с. 143].

Большая часть населения белорусских губерний — крестьяне восприняли выступление генерала Л. Г. Корнилова безразлично. Об этом свидетельствует отчет Виленского губернского комиссара С. О. Балая, в котором отмечалось, что в Дисне был образован Комитет спасения революции с целью оказания помощи губернскому комиссару в случае каких-либо эксцессов на почве корниловского выступления. Однако нигде не было замечено какого-либо контрреволюционного движения [10, л. 21].

Подводя итоги, отметим, что выступление генерала Л. Г. Корнилова не следует рассматривать, как попытку установить военную диктатуру. Все обвинения в диктаторских амбициях генерала исходили из уст его соперников в борьбе за власть и преследовали цель дискредитировать оппонента. Не следует также забывать о том, что работа следственной комиссии по делу «мятежников» так и не была завершена. Скорее стоит согласиться с выводами А. В. Шубина, утверждающим, что неустойчивость власти в условиях острого социального кризиса приводила к тому, что каждый политический сбой немедленно оборачивался мощными социально-политическими движениями и серьезными столкновениями [14, с. 236]. И выступление Л. Г. Корнилова можно рассматривать как реакцию общественно-политического организма на эти сбои.

Для белорусских губерний события августа-сентября 1917 г. стали заметным явлением общественно-политической жизни только в Могилеве, где находилась Ставка и некоторых других, более-менее крупных городах. В сельской местности события августа 1917 г. широкого резонанса и протестного движения не вызвали. Крестьянство интересовалось, прежде всего, земельным вопросом и борьба генералов и их противников в высших эшелонах власти его не волновала.

Неудача выступления Л. Г. Корнилова стала началом конца политического центризма. Генералы и их политические партнеры нарушили хрупкое политическое равновесие в стране. Баланс политических сил стал неустойчиво смещаться влево [14, с. 236].

Библиографический список

1. Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов государственной думы / под ред. А. К. Дрезена, с предисл. З. Б. Лозинского. — Москва-Ленинград: Государств. изд-во, 1932. — 328 с.
2. Великая октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы: в 2 т. / сост.: В. В. Скоробогатый [и др.]; редкол.: Т. С. Горбунов [и др.]. — Минск: Государств. изд-во БССР, 1957. — Т. 1: февраль — октябрь 1917 года / Т. С. Горбунов [и др.]. — 1957. — 1007 с.
3. Волобуев, П.В. К вопросу об альтернативности исторического развития России в 1917 году (о крахе реформистской альтернативы Октябрьской революции) // Академик П. В. Волобуев: Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. — Москва: Наука, 2000. — С. 158—165.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Саврем. Шк.: Экоперспектива, 2007—2011. — Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / Ю. Бохан [і інш.]. — 2007. — 519 с.
5. Гомель, 17 августа // Голос народа. — 1917. — 17 авг. — С. 1
6. Государственное московское совещание // Революция и Гражданская война в России: 1917—1923 гг.: энциклопедия: в 4 т. — Москва: Терра, 2008. — Т. 1. — С. 459—460.
7. Государственное совещание: [Стенографический отчет] / с предисловием Я. А. Яковлева. — Ленинград-Москва: Государств. изд-во, 1-я образц. тип. в Москве, 1930. — 372 с. (Архив Октябрьской революции. 1917 год в документах и материалах / под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева / Центархив).
8. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г.: в 2 т. / под ред. Г. Н. Севостьянова. — Москва: Междунар. фонд «Демократия», 2003. — Т. 1. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем

Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г.: сборник документов и материалов. — 568 с.

9. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. — Минск: Харвест, 2002. — 464 с.

10. Отчет Виленского губернского комиссара о положении Виленской губернии к 1 сентября 1917 года // Национальный архив Республики Беларусь. — Фонд 60 п. — Оп. 3. — Д. 158. Копия протокола заседания уполномоченных по выборам Виленского исполкома и губернского комиссара. Мероприятия губернского и уездных комиссаров и др.

11. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский; науч. ред. С. Н. Хомич. — Минск: Тесей, 2004. — 224 с.

12. Сяменчык, М. Я. Карнілаўшчына на Беларусі: на шляху да гістарычнай праўды // Пытанні гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі: зб. артыкулаў. — Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1997. — С. 135—146.

13. Филиппович, И. И. Могилев: хроника событий 1917—1918 (по архивным и печатным материалам) / И. И. Филиппович. — Могилев: Област. краевед. музей, 1995. — 124 с.

14. Шубин, А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю. Москва: ООО «Родина МЕДИА», 2014. — 452 с.

Приходько Сергей Александрович

Новозыбковский краеведческий музей (Новозыбков, Россия)

НОВОЗЫБКОВ В 1918 ГОДУ

После срыва переговоров о мире в Брест-Литовске германские войска 18 февраля 1918 г. перешли в наступление по всему Восточному фронту. Агрессор двинул на РСФСР более 50 дивизий (около 450 тысяч человек). Операция получила название «Фаустлаг» — «удар кулаком». Войска Германии легко разметали красногвардейские отряды и отдельные части старой (демобилизуемой) армии, встречавшиеся им на пути.

Власть на Украине захватила самопровозглашённая Центральная Рада. Новую националистическую власть признала Германия, стремившаяся оторвать от Советской России её западные окраины.

Добившись ограниченного признания, Центральная Рада заявила о своих правах на северную часть Черниговской губернии. Заинтересовали новую власть Мглинский, Новозыбковский, Стародубский и Суражский уезды, входившие в состав данной губернии. Естественно, никто из представителей националистической власти не уточнял, что внезапно ставшие камнем преткновения 4 уезда входили в состав Черниговщины, но никогда не находились в границах самопровозглашённой Украины.

В ответ на развернувшееся наступление в Унече на следующий день, 19 февраля, был проведён съезд Советов северных уездов под руководством Павла Борисовича Шимановского, председателя Мглинского совета. Вследствие неприятия политики германо-украинской Рады 4 уезда были объединены. Началась мобилизация сил для отпора врагу.

1 марта 1918 г. части 2-го резервного немецкого корпуса, продвигавшиеся по линии Полесской железной дороги, заняли Гомель и стали продвигаться дальше, в направлении на Брянск и Новозыбков. Наступление немцев было поддержано действиями украинских частей.

Несмотря на заключённый 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирный договор, фронт приближался к Новозыбкову. 15 марта в городе состоялся съезд делегатов и командиров 83 красногвардейских и партизанских отрядов. Прямо с боевых позиций из-под Злынки и Добруша бойцы и командиры прибыли в Новозыбков, чтобы слиться в одно подразделение — Первый полк имени Владимира Ильича Ленина. На следующий день съезд Советов Новозыбковского уезда утвердил решение о создании Ленинского полка, насчитывавшего в момент своего возникновения 800 бойцов. Москва приняла решение о численном увеличении Рабоче-Крестьянской Красной Армии, но времени и сил было слишком мало. Гражданская война охватила всю страну, кроме центральных губерний.

В северо-восточной части Черниговской губернии, вблизи Новозыбкова, немногочисленным отрядам Рейнгольда Иосифовича Берзина (Берзиньша) и Афанасия Осиповича Ремнёва (1,5 тысячи штыков) приказано было сдерживать немецкие войска. Тем не менее, красные части уже не представляли какой-либо боевой силы. Они разлагались, терроризируя местное население, и отступали при появлении противника.

В марте 1918 г. отряды народных героев в районах Киева, Новозыбкова и Ольвиополя наносили сокрушительные удары гайдамакам и кайзеровским захватчикам, но их силы иссякали [1].

4 апреля 1918 г. военное министерство Украины выпустило приказ, по которому нейтральные польские войска должны были сосредоточиться в секторе Гомель — Речица — Новозыбков — Городня [2, с. 52].

Опорные пункты Полесской казённой железной дороги — Добруш, Закопытье, Злынка, Камень и Корма — несколько раз переходили из рук в руки в ходе противостояния [3].

После тяжёлых боёв 9 апреля Новозыбков был оставлен. На следующий день немцы захватили Клинцы и Стародуб, но затем их наступление остановилось. Сохранились свидетельства (открытки с немецкоязычными текстами и соответствующими печатями) пребывания 24 июля 1918 г. в Новозыбкове 1-го подразделения 104-го полка ландвера [4].

Начался период первой немецкой оккупации. Под понятием «первая немецкая оккупация Новозыбкова» в настоящей статье понимается период владычества германских, украинских (гайдамацких) и поддерживавших их русских властей в Новозыбкове, начавшийся 9 апреля 1918 г. и завершившийся 25 декабря 1918 г. Таким образом, первая немецко-украинская оккупация длилась 8 месяцев и 16 дней — 261 день. До сих пор об историческом периоде городской истории, растянувшемся на 8 с половиной месяцев, известно очень мало.

Тем не менее, опасность немецкого нашествия вглубь страны не была полностью снята. Германские войска приступили к созданию временной демаркационной линии [5]. Для прикрытия внутренних областей Советской республики и ускоренной реорганизации Красной Армии была создана завеса. На участках завесы совместно действовали все красноармейские, красногвардейские, партизанские и повстанческие отряды.

Для немцев в определении северной границы «новой Украины» свою роль сыграли не только притязания их очередных союзников, но и важность полного контроля над железной дорогой Брест — Гомель, поэтому постоянно перекраивались также границы Белоруссии.

Для граждан оккупированных территорий вводились немецкие паспорта. На подконтрольной территории немцы установили ряд налогов: личный налог, на торговлю, промышленность, на животных, в том числе и на собак, целый ряд косвенных налогов. Их сбором занимались специальные военизированные команды. Распространённым явлением в деревне стали безграничные и часто просто непосильные для крестьян реквизиции животных, урожая, продуктов питания и т. д. Также осуществлялся вывоз на работы в Германию.

За изъятое имущество полагалась плата, но компенсация была очень мала. Практиковалась принудительная мобилизация местных жителей на различные хозяйственные работы, строительство военных укреплений, за работу полагалось скромное питание и некоторая денежная плата.

Деятельность политических партий, включая умеренно социалистические, не была запрещена гайдамацко-немецкой администрацией, но анархисты, большевики и левые эсеры были вынуждены перейти на нелегальное положение. В захваченных уездах Советы были ликвидированы, но городские думы и другие органы местного самоуправления были восстановлены.

Одновременно на контролируемых немецкими войсками территориях началась насильственная украинизация. Делопроизводство переводилось на украинский язык, который создавал трудности для населения. Одним из основных требований участников забастовок на железной дороге стала отмена украинизации. Неправильное понимание того или иного технического термина на этом виде транспорта грозило серьёзными неприятностями. Рабочий день был увеличен до 10 часов, но сама зарплата снизилась на 50 рублей. Задержки выплат исчислялись месяцами.

Демократические городские думы и земства Новозыбкова и уезда были распущены: к власти вернулись «цензовые» элементы из крупных землевладельцев и собственников.

Тем не менее, государственная администрация с самого начала оказалась заражена сильнейшей коррупцией. Даже революционному подполью удавалось за банальные взятки выкупать на волю своих арестованных товарищей, что в царское время было большой редкостью.

Помимо насильственной украинизации и восстановлением сословной власти крупных земельных собственников, особое недовольство населения вызывала экономическая политика Украинской державы. Земля вновь возвращалась помещикам, на крестьянство были наложены тяжёлые продовольственные и фуражные поборы в пользу германской армии. Эти меры вызвали подъём партизанского движения в регионе.

В середине того же месяца состоялся областной съезд делегатов 4 северных уездов Черниговской губернии, который решительно отверг притязания только что пришедшего к власти Павла Петровича Скоропадского, желавшего присоединить спорные уезды к Украине. Решение съезда заканчивается словами: «Да здравствует присоединение 4 северных уездов Черниговской губернии к Великой России!».

Жители оккупированных территорий испытывали нехватку продовольствия и других средств первой необходимости: мыла, лекарств и т. п. Постоянно усиливался их дефицит. Эти и другие товары являлись нормированными — на них вводились купоны и талоны.

Хлеб, который в Новозыбкове распределялся по карточкам, был насыщен различными заменителями, поэтому простые люди часто отравлялись. Чтобы выжить, многие горожане начали обрабатывать землю и выращивать сельскохозяйственную продукцию. Особенно тяжело приходилось старикам и детям. Общую ситуацию в оккупированном крае усложняла нехватка мужских рабочих рук. Известны примеры, когда германская администрация переселяли некоторых жителей города в деревню, в которой последним легче было найти работу и прожить.

В соответствии с дополнительным договором между РСФСР и Германией, заключённым 27 августа 1918 г., немецкое командование обязалось очистить территории восточнее Березины.

Свои обязательства войска интервентов сразу начали выполнять. В процессе исследования писем немецкого капитана удалось установить, что подготовка к эвакуации 47-й дивизии ландвера из Новозыбковского уезда шла уже в сентябре 1918 г.

9 ноября 1918 г. произошла революция в Германии. Император Вильгельм II был свергнут. Эти события ускорили процесс разложения немецких войск, оккупировавших приграничные территории РСФСР. Советское правительство аннулировало грабительский Брестский договор и получило возможность оказать широкую военную поддержку восставшим крестьянам и рабочим [6].

В сентябре—ноябре 1918 г. в нейтральной зоне действовали повстанческие дивизии. 6 декабря 1918 г. Богунский и Тарашанский полки вошли в состав 1-й советской дивизии. Полки оттесняли немецких и украинских захватчиков на юго-запад. 25 ноября немцы оставили Стародуб. 13 декабря были освобождены Клинцы.

В оперативной сводке, направленной 25 декабря 1918 г. командиром Украинского революционного полка имени товарища И. Ф. Богуна Николаем Александровичем Щорсом в свой штаб, было указано, что именно в тот день Новозыбков был освобождён.

Население встречало своих избавителей музыкой. «Батарея стоит в деревне Замышево и хозяйственная часть полка перед взорванными мостами около Новозыбкова.

В Новозыбкове на станции захвачено несколько товарных вагонов, два паровоза. В городе захвачены брошенный германской заставой пулемёт, бомбомёт, гранаты, патроны и прочее» [7, л. 25]. 14 января 1919 г. Красная Армия освободила Гомель от немцев. Ещё до прихода красноармейцев гайдамаки разбежались. Немецкие части отступали нервно и поспешно. Интервентов пугал размах партизанской борьбы. Захватчики оставили в Гомеле большое военное имущество: 18 орудий, 50 пулемётов, 400 винтовок, 4,5 миллиона патронов и 12 тысяч гранат. 5 февраля 1919 г. освободительный поход 1-й дивизии был завершён взятием Киева.

Восьмимесячный период первой немецкой оккупации Новозыбкова и других населённых пунктов Черниговской губернии был завершён. Он был вдвое короче и менее кровавым, чем эпоха второго господства агрессора в 1941—1943 гг. в Орловской области. Недолгое немецкое пребывание в Новозыбкове в 1918 г. породило в мирном населении немало предрассудков в отношении немецких войск. В 1941 г. эти стереотипы препятствовали эвакуации и были рассеяны в 1942—1943 гг.

Глубоких исследований более чем 260-дневного периода оккупации Новозыбкова не проведено, хотя с тех пор идёт уже 100-й год. Предварительный анализ подтверждает, что многие одни и те же советские (и даже немецкие) военнослужащие были расквартированы в Новозыбкове с разницей от 23 до 25 лет. Оба раза город располагался не слишком далеко от линии фронта. За четверть века как в Советском Союзе, так и в Третьем рейхе новобранец мог сделать карьеру и стать кадровым военным. Подобные сведения позволяют в будущем пролить свет на события вековой давности и на эпоху немецко-фашистской оккупации.

Библиографический список

1. Гончаров, В. Л. Возвышение Сталина. Оборона Царицына (Военные тайны XX века). М.: Вече, 2010. — 206 с.
2. Захаров, А. М. 2-й и 3-й польские добровольческие корпуса на территории Украины весной-летом 1918 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22. История. Вып. 46. — С. 49—54.
3. Караваев, А. Ф. И в ратных бранях, и в мирном труде: очерки об истории Злынковского края (60 лет Брянской области). Злынка: Неяда, 2004. — 229 с.
4. Перекрестов, Р. И. Клиновский летописец: исследования, документы, воспоминания. Кн. 1. Клины: Клиновская городская типография, 2007. — 500 с.
5. Карпов, А. Н. Новозыбков сто лет назад: панорама города. Электронный ресурс: <http://www.novozybkov.ru/retroscope/archives/536> (дата обращения: 28 сентября 2017 г.).
6. Хавкин, С. Т. Страницы борьбы большевиков Полесья против немецких оккупантов в 1918 г. Ч. 1. Электронный ресурс: <http://voencomuezd.livejournal.com/1164586.html> (дата обращения: 28 сентября 2017 г.).
7. Центральный архив Красной Армии (ЦАКА). Д. № 287—500. — Л. 25.

Репин Виталий Валерьевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПРОЕКТА СОЗДАНИЯ МОЛДАВСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ В ОКТЯБРЕ — ДЕКАБРЕ 1917 Г.

Бессарабская губерния Российской империи — территория между реками Днестр и Прут — аграрный, промышленно неразвитый регион, так бы и осталась на периферии революционных событий, если бы не близость Румынского фронта. Он был открыт в 1916 г., когда Румыния, после длительного торга о цене участия в мировой войне, встала на сторону Антанты. Румынскому королевству было обещано расширение границ во всех направлениях, но за исключением востока — Бессарабии. Именно ею, в свою очередь, прельщали Бухарест Центральные державы [8, с. 309]. Ход войны в 1916—1917 гг. не оправдал надежд Бухареста: потерпев поражение, румынские войска с помощью четырех российских армий удерживали лишь восточные области королевства, по площади меньшие, чем сама Бессарабия.

В Бессарабии политическая ситуация в 1917 г. развивалась в русле общероссийских процессов. В возникшем после Февральской революции демо-

кратическом поле появилось несколько полюсов борьбы за власть, выдвигавших различные программы политических и социально-экономических преобразований Бессарабии в составе России. Специфика региона заключалась в том, что помимо органов власти Временного правительства, а также разнообразных выборных советских структур, здесь получило политическое оформление молдавское национальное движение. Им был создан 21 ноября (5 декабря) 1917 г. краевой орган власти Сфатул Цэрий (Краевой Совет). Несмотря на то, что его делегаты представляли лишь четыре уезда, населенных преимущественно молдаванами, был провозглашен курс на получение автономии в рамках федеративного государства после проведения бессарабского и общероссийского Учредительных собраний. Распространяя границы автономии на всю территорию Бессарабии, Сфатул Цэрий игнорировал сложный этнический состав южных регионов края (Буджак), где большинство составляли представители славянских и других национальностей, но никак не молдаване, составлявшие 47 % населения всей губернии по переписи 1897 г. [10, с.3]. Хотя румыны на Парижской мирной конференции оперировали другими данными, называя румынами 72 % населения края, перепись 1930 г. зафиксировала 56,2 % румынского населения [13, р. 92; 429, р.101]. 2(15) декабря 1917 г. Сфатул Цэрий провозгласил создание Молдавской Демократической Республики (*Republica Democratică Moldovenească*) в составе «Российской демократической республики», что вызвало критику советских органов власти, также функционировавших в городах Бессарабии [1, с.200—202; 27, с.177; 274, с.8—10, 20—22]. Сфатул Цэрий, декларировавший вначале сохранение губернии в составе Российского государства, не стал признавать главенство исполнительной власти СНК и заявил о готовности рассматривать его только как правительство Великобритании [4, л.19]. Несмотря на то, что Сфатул Цэрий стремился перехватить политическую инициативу у созданных после Февральской революции органов власти Временного правительства, а также советов и не признавал власть СНК, слабые позиции большевиков в Бессарабии не ставили на повестку дня немедленную смену власти, в результате чего отношения правительства В. И. Ленина и Директората Сфатул Цэрий заключались во взаимном игнорировании друг друга без дискуссий о будущем государственном статусе Бессарабии.

Локально возникшие очаги советской власти на юго-западных территориях бывшей Российской империи были представлены Фронтовым отделом исполнительных комитетов советов Румфронта, черноморского флота и одесского округа (Румчеродом). Он координировал большевизацию Одессы и прилегающих территорий, но не был подчинен другим советским органам Украины. В Бессарабии Румчерод опирался на революционизированные части 6-й армии, неорганизованно и конфликтно уходившей с Румынского фронта, а также на Кишиневский совет рабочих и крестьянских депутатов, где на рубеже 1917—1918 гг. большевики составили большинство.

Лишь 22 ноября (10 декабря) Кишиневский совет признал власть II Всероссийского съезда Советов. Преобладание в его составе эсеров и меньшевиков, не имевших радикальных противоречий с близкой к эсеровской идеологии программой Сфатул Цэрий, позволило долгое время держать политический процесс в мирных рамках. Не имея инструкций из СНК касательно отношения к Сфатул Цэрий, некоторые бессарабские большевики даже оценивали

проект Молдавской республики как прогрессивный. Тем временем Петроград отправлял комиссаров на Румынский фронт, ставя цель завершение большевизации армии, и практически не вмешивался в события в Бессарабии. Ни один советский орган не воспринял инициативу автономии Молдавии в противовес автономии, провозглашенной Сфатул Цэрий [9, с. 59—60].

Большую опасность для установившегося в ноябре 1917 г. в Молдавии хрупкого двоевластия представляли 900 тыс. солдат четырех российских армий Румынского фронта. Несмотря на сохранение их боеспособности, после мирных инициатив СНК, вынудивших Румынию подписать 26 ноября (9 декабря) сепаратное перемирие с Центральными державами в Фокшанах, началось массовое дезертирство. Ситуация еще более усугубилась после того как советская Ставка верховного главнокомандования в Могилеве издала приказ об отводе всех российских войск из Румынии [9, с. 150]. Грабежи и мародерство, возникшие в процессе отступления войск, провоцировали рост крестьянских выступлений и бандитизма, с которыми не могли эффективно бороться ни советские органы власти, ни Сфатул Цэрий.

В Кишиневе продолжала сохраняться модель двоевластия Директората Сфатул Цэрий и кишиневского Совета. Политическая ситуация в других городах и районах Бессарабии мало влияла на развитие советско-румынского конфликта. Прифронтовой статус Бессарабии сказывался на все большей радикализации настроений молдавских советских органов, стремившихся установить свою власть на Румынском фронте. Однако руководители Сфатул Цэрий, несмотря на то, что конфликт с Советами не переливался в вооруженные столкновения, не смогли создать эффективную систему управления краем и не чувствовали себя в безопасности. В конце ноября 1917 г. руководитель директората внешних сношений И. Пеливан вместе с профессором О. Гибу, сторонником концепции «Великой Румынии», прибыли в Яссы, где провели консультации с министром иностранных дел Таке Ионеску и другими высшими сановниками касательно возможности ввода румынских войск в Бессарабию для поддержания порядка. И. Пеливан и глава директората внутренних дел в середине декабря 1917 г. посетили Яссы еще раз и прямо запросили румынское правительство, штаб Д. Г. Щербачева и дипломатический корпус союзных держав о присылке войск в Бессарабию для борьбы с анархией [9, с. 103, 180].

По возвращении дипломатов на заседаниях Сфатул Цэрий 27—28 декабря 1917 г. (9—10 января 1918 г.) после бурных споров было принято секретное решение обратиться к внешней помощи для пресечения анархии в крае. Краевой совет, рассмотрел три проекта резолюции. Эсеро-меньшевистский блок и блок депутатов от национальных меньшинств настаивали на том, чтобы военная помощь была запрошена у Украинской Центральной Рады и миссий Антанты. Депутаты молдавского блока не афишировали свое стремление пригласить именно румынские части, однако главы директоратов внутренних и внешних дел В. Кристи и И. Пеливан активно лоббировали обращение за помощью к Румынии [3, л. 26, 152, с. 185, 194—200]. Еще 22 декабря (4 января) в Яссы на имя военного министра Румынии генерала А. Янковеску за подписью председателя Совета генеральных директоров П. Ерхана и вышеназванных Кристи и Пеливана была направлена телеграмма с просьбой прислать в распоряжение Сфатул Цэрий полк военнопленных румын-трансильван-

цев, которые возвращались с востока на родину [15, p.133]. На голосовании 28 декабря (10 января) большинство получил проект, предложенный блоком национальных меньшинств. Таким образом, Директорат получил от депутатов карт бланш.

В конце 1917 г. румынское руководство в Яссах оказалось перед сложной дилеммой продолжения участия в войне. Правительству И. Брэтиану пришлось искать путь в узком пространстве дипломатического маневра, крайними точками которого были стремление сохранить лояльность державам Антанты и необходимость пойти на условия Центральных держав. Сохранение Румынского фронта и его возможная эвакуация на территорию Бессарабии, противодействие антивоенной агитации большевиков, участие в проекте создания антибольшевистского союза Румынии, Украинской Народной Республики и казачьих территорий на Дону были мерами, которые, по мнению Парижа и Лондона, могли позволить Румынии продолжать войну. Ряд румынских политиков (например, Таке Ионеску) активно поддерживали такой путь. В то же время план Антанты был практически нереален. Он вел к открытому противостоянию с Советской Россией, и в Яссах меньше всего стремились к бегству королевского двора и правительства на восток и войной на два фронта с немцами и большевиками. «Развал России» был оценен, как пролог к возвращению Бессарабии, поэтому Берлин и Вена делали большие авансы касательно присоединения края к Румынскому королевству в качестве компенсации за отказ от Трансильвании и территориальные уступки в пользу Австро-Венгрии и Болгарии [9, с.91]. Такой вариант событий уже в декабре 1917 г. обсуждал уполномоченный румынского правительства А. Маргиломан на начавшихся переговорах с немцами [10, с.128—130; 390, p.295].

По воспоминаниям А. Д. Щербачева, сына главнокомандующего Румынским фронтом генерала Д. Г. Щербачева, румыны довольно неохотно исполняли приказы главноком в борьбе с анархией. Однако положение самой румынской армии было также критическим, поскольку с уходом русских частей она могла удерживать фронт не более нескольких недель. Вопрос о возможности отступления румынской армии на территорию Бессарабии, эвакуации туда правительства и двора, наличия достаточных припасов стал жизненно важным для существования румынской армии и власти. Именно так главноком Д. Г. Щербачев, и начальник румынского генштаба генерал К. Презан изначально оценивали события в Бессарабии [3, с.24—26]. В ходе совместной операции в декабре 1917 г. украинские гайдамаки, штаб Щербачева и лояльные ему солдатские советы в лице Комитета национальных комиссаров, а также румынские отряды провели разоружение наиболее большевизированных отступающих русских частей, ликвидировали ряд активных агитаторов, в том числе назначенного СНК комиссара по Румынскому фронту С. Г. Рошалья [14, p.62—67]. Это стало причиной первого конфликта в советско-румынских отношениях. В нотах от 16 (29) декабря 1917 г. и 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.), врученных в Петрограде посланнику К. Диаманди, содержалось требование «покарать преступные элементы из румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившиеся поднять руку на Российскую революцию». Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко призвал солдат Румфронта оказывать вооруженное сопротивление румынам. Румынский ответ 4 (17) января 1918 г. на ноты содержал версию о непричастности Ясс к убийству

Рошалья и военным операциям на территории Бессарабии [7, с.70, 79—80; 274, с.11—12, 17—18].

Для румынской элиты в декабре 1917 г. все большее значение приобрело установление контроля над Бессарабией. Как минимум, это позволило бы обезопасить страну от нарастающего влияния русской революции. Изгоняя беспорядочно отступающие российские части, не позднее 7 (20) декабря 1917 г. румыны вступили на территорию Бессарабии в районе местечка Леово [9, с.136—139]. Этот эпизод впоследствии получил диаметрально противоположное освещение в историографии СССР и Румынии. Советская официальная версия, напечатанная 26 января 1928 г. в «Правде», гласила, что румыны начали оккупацию после убийства своего офицера, прибывшего с целью конфисковать продовольственные запасы, находящиеся на военном складе. По румынской версии считалось, что офицер вступил в конфликт со сторонниками большевиков из местного совета, однако убит он был выстрелом из засады с другого берега Прута, когда находился уже на румынской стороне [9, с.135—138; 256].

Курс Румынии предугадал еще в июне 1914 г. глава российского МИД С. Д. Сазонов: «...(она) постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнее и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды» [12, с.326—334]. В конце 1917 г. важными факторами стала дипломатия Антанты и Центральных держав, готовых использовать Бессарабию как разменную монету. Склоняя румын к миру, начальник политического департамента немецких оккупационных сил в Румынии А. Хорстман в беседе с будущим премьер-министром А. Маргиломаном обращал внимание на общность интересов: «Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь с большевиками в Бессарабии, мы вступили в Украину с той же целью» [2, с.286]. В условиях перемирия, по которому запрещалась передислокация фронтовых частей, немцы закрыли глаза на снятие с фронта четырех дивизий для операции в Бессарабии. Румыны формальным поводом для оккупации назвали охрану складов и запасов с продовольствием для предотвращения голода в стране. Антанта же, желая оставить открытым путь для возвращения в блок и Петрограду, и Яссам, поддерживала румынскую акцию как средство реанимации российско-румынских союзных обязательств. На запросы Сфатул Цэрий, пытавшегося добиться признания проекта молдавской государственности, дипломаты Антанты в Румынии отвечали, что оккупация «не может оказать влияние ни на существующую политическую обстановку, ни на будущую судьбу этой страны» [1, с. 203, 209—211; 140, с.303]. Более того, стремясь вывести Австро-Венгрию из войны, дипломаты Антанты обещали ей сохранение границ и компенсацию Румынии Бессарабией за отказ от Трансильвании, Баната и Буковины. В Яссах не могли об этом не знать [9, с.182].

Сфатул Цэрий пытался легитимизировать проект Молдавской республики на мирных переговорах Центральных держав с РСФСР и УНР в Бресте, составив наказ делегации о неделимости территории страны в границах Бессарабской губернии. Однако единственными государствами, которые де-факто признавали государственный проект Молдавской республики оставались Румыния и Украинская народная республика [4, л.19]. Касательно позиции политиков Украинской Центральной Рады, территориальные разграничения в Бессарабии не представляли собой срочной проблемы. В предваритель-

ных условиях договора с советской Россией, утвержденных правительством Украинской народной республики 14 февраля 1918 г., отмечалось, что вопрос о Бессарабии УНР «решит на основании самоопределения наций по соглашению с Румынией и Бессарабией» [5, с.168—170].

15 (29) декабря Военно-революционный комитет Южного района, который координировал разрозненные большевистские организации Бессарабии, сообщил в Петроград об инциденте в Леово. Но даже в начале января 1918 г. советы и курировавший их Румчерод не ставили на повестку дня вопрос о силовом захвате власти в Кишиневе, однако процесс централизации советских и просоветских органов власти в Бессарабии продолжался [9, с.209—210]. Лишь 31 декабря (14 января) Фронтотдел Румчерода издал приказ № 1 об объявлении себя властью над войсками, после чего большевики из Кишиневского Совета установили контроль над вокзалом, почтой и телеграфом в городе, что создало видимость установления советской власти. В эти дни заседания Сфатул Цэрий не собирались, часть его членов ушла в подполье, а В. Кристи отправился в Яссы с просьбой ускорить ввод войск.

В эти дни в Яссах принималось решение о начале полномасштабной оккупации Бессарабии. На правительственном совещании 3 (16) января план оккупации получил поддержку представителей Антанты, видевших в ней способ создания фронта против большевиков и удержания Румынии от выхода из войны [9, с.218]. Просьба Сфатул Цэрий о помощи являлась весомым, но не главным аргументом для осуществления такой рискованной операции, ибо в Яссах понимали, что неудача не только опозорит Румынию, но и усугубит ее шаткое положение, зависящее от намерений Германии соблюдать перемирие. Первоначально оккупацию Бессарабии планировалось осуществить силами румын-трансильванцев, украинских гайдамаков и румынских пограничных частей. В начале января на левом берегу Прута были заняты Кагул, Болград и Унгены. Однако полк пленных трансильванцев, прибывший 6 (19) января в Кишинев, был обезоружен советскими частями, а румынские отряды на подступах к Кишиневу остановлены [6, с.73]. 8 (21) января началось полномасштабное наступление румын силами 11 и 13 пехотных и 1 и 2 кавалерийских дивизий. Несмотря на активное сопротивление частей Румчерода, к которым присоединялись отряды других нелояльных румынам движений, сопротивление оккупации было неорганизованным и разрозненным. Против снятых с фронта румынских дивизий сражались отряды формирующегося Румынского фронта, на нужды которого по распоряжению В. И. Ленина в эти дни только выделялись финансы из резервов Государственного казначейства [9, с.230, 235].

13 (26) января власть советов в Кишиневе закончилась. В воспоминаниях А. Д. Щербачева отмечено, что румынские войска вступили в Кишинев «под общий радостный крик всего Кишинева, по ковру цветов», а население города было «так измучено и запугано, что они были согласны иметь кого угодно: немца, румына, японца, готтентота, только бы дали им порядок» [3, л.26]. Румчерод продолжал оказывать сопротивление в восточной и южной Бессарабии (Буджаке), где легитимность Сфатул Цэрий не признавалась.

На оккупированной территории репрессии обрушились на нелояльные Яссам политические силы, включая эсеровский Президиум Крестьянского съезда Бессарабии, чьи представители, депутаты Сфатул Цэрий, В. Рудьев, В. Прахницкий, меньшевичка Н. Гринфельд и ряд других были арестованы

и вскоре без суда расстреляны. В этих условиях 24 января (6 февраля) на заседании Сфатул Цэрий была провозглашена независимость Молдавской демократической республики. В Декларации о независимости, где уже ни слова не говорилось о федеративном будущем Бессарабии в составе России, присутствие «братских румынских войск» объяснялось не завоевательными целями Румынии, а их помощью в установлении в крае порядка и мира [1, с.208—209; 320, р.347; 446, р.148—150]. Как позже писал Шербачев, «румыны вели себя как какие-то завоеватели... В первое время помещики и интеллигенция были в восторге от румын, но потом, приглядевшись, пришли в ужас» [3, л.26 об., 27 об.].

В первые недели оккупации румынское правительство в лице военного министра К. Презана и генерала Е. Броштану равно как и руководство Сфатул Цэрий в лице нового председателя Совета генеральных директоров Д. Чугуряну, в своих заявлениях исключали возможность аннексии Бессарабии и апеллировали к необходимости поддержки молодой молдавской государственности [4, л.32; 446, р.137—138, 144—146]. В то же время независимость Молдавской республики, упразднявшая суверенитет России, создавала необходимые условия для последующего включения Бессарабии в состав Румынии.

Библиографический список

1. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / Сост.: В. Н. Виноградов, М. Д. Ерещенко. — М.: Индрик, 1996. — 380 с.
2. Виноградов, В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1969. — 370 с.
3. Главный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577 (Записки адъютанта главнокомандующего Румынского фронта А. Д. Шербачева о Румынии и Бессарабии, 1917—1918 гг.).
4. ГАРФ. Ф. Р3439. Оп. 1. Д. 2 (Комитет освобождения Бессарабии, 25 октября 1917 г. — декабрь 1918 г.).
5. Гошуляк, Иван. «Бессарабське питання» в політиці Української Центральної Ради // Україна-Румунія-Молдова: історичні, політичні та культурні аспекти взаємин: М-лы Міжнар. наук. конф. 16—17 травня 2001 р. / Чернівцеські національні університет ім. Юрія Федьковича. Буковинські політологічний центр. — Чернівці: Букрек, 2002. — С. 168—175.
6. Дембо, В. О. Бессарабский вопрос: Бессарабия, Румыния, Дунай. Как захвачена Бессарабия, удержится ли Румыния в Бессарабии? — М.: Гос. воен. изд-во, 1924. — 179 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. I: 7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1918 г. / редкол. И. Н. Земсков. — М.: Политиздат, 1957. — 771 с.
8. Краткая история Румынии с древнейших времен и до наших дней. / Отв. ред. В. Н. Виноградов. — М.: Наука, 1987. — 541 с.
9. Левит, И. Э. Год судьбоносный: От провозглашения Молдавской Республики до ликвидации автономии Бессарабии. Ноябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г. — Кишинев: Центральная типография, 2000. — 500 с.
10. Нотович, Ф. И. Бухарестский мир 1918 г. М.: Соцэкгиз, 1959. — 260 с.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 1—89. — Санкт-Петербург: Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. Дел, 1899—1905. Т. 3: Бессарабская губерния. Сб., 1905 — XXIV, 254 с.
12. Сазонов С. Д. Воспоминания. [Репринтное воспроизвед. Изд. 1927 г.] — М.: Международные отношения, 1991. — 398 с.
13. Livezeanu, Irina. Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building, and Ethnic Struggle, 1918—1930. Ithaca and London: Cornell University Press, 1995. — 340 p.

14. Torrey, Glenn E. The revolutionary Russian Army and Romania, 1917. Pittsburgh: The Center for Russian & East European Studies: University of Pittsburgh, 1995. — 96 p.

15. Unirea Basarabiei și a Bucovinei cu România: 1917—1918: documente / antologie de Ion Calafeteanu și Viorica-Pompilia Moisuc; prefată, Viorica-Pompilia Moisuc. — Chișinău: Hyperion, 1995. — 346 p.

Сальков Анатолий Петрович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОЕКТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1917 Г. И ИТАЛО-ЮГОСЛАВСКИЙ КОНФЛИКТ В ЮЛИЙСКОЙ КРАИНЕ В ФОРМАТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Декрет о мире за подписью В. И. Ленина, принятый на Втором съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., явился попыткой конструирования нового мирового порядка. Было предложено немедленное заключение перемирия, установление мира без аннексий и контрибуций, декларировалась отмена тайной дипломатии. В декрете уточнялось, что его положения относятся и к внутрисоветским аннексиям. Поэтому 2 (15) ноября 1917 г. СНК принял Декларацию прав народов России (подписана И. В. Сталиным и В. И. Лениным), которые наделялись равенством и суверенностью, правом на самоопределение вплоть до образования своих государств, им гарантировалась отмена национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и групп [3, док. 11, с. 12—16; док. 29, с. 39—41].

Декрет о мире отвергал традиционное международное сообщество в лице правительств, обращаясь к народам воюющих стран, которым предлагалось требовать мира у своих правительств и свергать их по примеру России. Этот революционный призыв предполагал формирование системы государств нового типа, которые должны были возникнуть в ходе мировой революции. Из всех адресатов декрета только Центральные державы оказались заинтересованными в перемирии на Восточном фронте и пошли на отдельные переговоры с Советами. Брестский мир с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией от 3 марта 1918 г. обозначил провал попыток навязать другим странам новую систему межгосударственных отношений. Советская Россия принуждена была действовать как государство классического типа и вернуться к традиционным международным отношениям. Декларация прав народов России, воспринятая ими как окончательное право выбирать свою судьбу, привела к стремительному появлению независимых государств, национальных государственных и региональных квазигосударственных образований. Советская власть, лишившись контроля над обширными территориями, приобретенными Российской монархией за 300 лет, вскоре вернулась к политике унитарного государства [6, с. 209—211, 226—227].

Альтернативой большевистскому Декрету о мире стали Четырнадцать пунктов — проект мирного договора по итогам Первой мировой войны, представленный 8 января 1918 г. в ежегодном послании Конгрессу президента США Вудро Вильсона. Документ трактовал общие условия будущего мироустройства, определял способы решения территориальных конфликтов (п. IX

«Установление границ Италии по национальному признаку», п. X «Свободное развитие народов Австро-Венгрии»), предлагал создание международной организации для сохранения мира. Подготовительным этапом явились Пять принципов мирного урегулирования, изложенные Вильсоном во внешнеполитической речи 27 сентября 1917 г. Однако масштабный план, с трудом принятый союзниками, оказался проваленным. В Европе были реализованы лишь четыре пункта из четырнадцати, Лига Наций (Вильсон составил три ее проекта) начала работу без участия США, а Сенат дважды отклонил Версальский мирный договор с Германией [32].

Программные установки трех упомянутых документов (в каждом случае по-своему) оказали сильное воздействие на развитие национально-территориальных конфликтов в Европе в период событий 1917 г. в России, на завершающем этапе Первой мировой войны и в ходе версальского урегулирования. Однако сложившийся взаимный набор исторических и этнических аргументов о принадлежности спорных районов часто вынуждал и правительства, и народы действовать вопреки универсальным принципам. Это в полной мере относилось к региону Юлийской Краины с преобладающим словенским и хорватским населением, который принадлежал Австро-Венгрии, но был объектом притязаний Италии.

Италия еще в 1882 г. присоединилась к блоку Германии и Австро-Венгрии, завершив формирование Тройственного союза. Однако летом 1914 г. она отказалась выполнить условия союза и не вступила в мировую войну. Рим стремился подороже продать Антанте свое ренегатство, а ценой была Юлийская Краина. В России вначале прохладно отнеслись к такой возможности. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов в докладе Николаю II 2 (15) марта 1915 г. возражал против перехода к Италии южнославянских земель на побережье Адриатики, допуская на крайний случай согласие на Триест. Однако настроения в Ставке в Могилеве, где настаивали на вовлечении Италии в войну, а также нажим союзников заставили царя уступить. 8 (21) апреля он сообщил президенту Франции Раймону Пуанкаре о своем согласии с требованиями Италии, несмотря на то, что они «находятся в противоречии с интересами славянских народов, принесение в жертву которых заставляет предвидеть в будущем опасность» [4, с. 157–158].

26 апреля 1915 г. Италия заключила Лондонское секретное соглашение с Россией, Францией и Англией. За вступление в войну на стороне Антанты Риму были обещаны Истрия, Трентино, Цизальпийский Тироль, Юлийская Краина, Триест, Далмация, далматинские острова (ст. 4–5, с подробным описанием будущей границы), а также английский заем в 50 млн фунтов стерлингов (ст. 14) и даже возможность исправления границ в Ливии и Сомали (ст. 13) [9, док. 14, с. 219–222]. Это была цена окончательного разрыва с Берлином и Веной. Перед ней Италия не устояла, в мае 1915 г. она напала на словенские земли Австро-Венгрии, открыв Итальянский фронт. С. Д. Сазонов, выступая в Думе 19 июля, отметил, что итальянский народ всегда стремился освободить от иноземного ига своих соплеменников, а «имена Триеста и Трентино давно являлись боевым кличем» потомков Рисорджименто [9, док. 8, с. 231]. В ответ Вена инициировала в июле акцию «Краина и Приморье» с планом создания автономной «Иллирийской административной области» примерно в рамках обещанных Италии территорий.

По линии австрийско-итальянской границы развернулись бои в среднем и верхнем течении р. Изонцо (*словен.* Соча). С мая 1915 г. по декабрь 1917 г. здесь прошли 12 кровопролитных битв при Изонцо и две — в Южном Тироле за обладание Юлийской Крайной. Только одиннадцатая была относительно успешной для итальянцев, продвинувшихся на 10 км. Двенадцатая битва при Изонцо (битва при Капоретто, октябрь — декабрь 1917 г.) стала одним из крупнейших сражений Великой войны, в котором с обеих сторон приняли участие 2,5 млн человек. Итальянцы отступили на 70—110 км, вплоть до Венецианской лагуны. Две битвы 1918 г. довершили кровавую картину. Последним сражением на Итальянском фронте, воспоминание о котором вызывало содрогание у целого поколения, стала битва при Витторио-Венето на р. Пьяве (октябрь — ноябрь 1918 г.). Итальянцы прорвали фронт и 3 ноября в Падуе Дунайская монархия подписала перемирие. 4 ноября была зафиксирована линия демаркации. Однако итальянская армия и после этого продолжила наступление. Морским десантом из Венеции был занят Триест, на западном направлении итальянцы вышли на р. Изонцо. Людские потери Италии в войне были огромны — около 2 млн человек, в том числе, более 450 тыс. погибших. Такой ценой Рим обеспечил себе условия для реализации Лондонского соглашения 1915 г. Однако после пунктов Вильсона в Риме стало ясно, что его выполнение в полном объеме вряд ли осуществимо. При всей несправедности претензий на словенские и хорватские земли получают объяснение причины того военного и ментального ожесточения, с которым Италия добивалась этих земель и боролась за их удержание [см. 5; 7; 12; 22; 34].

Император Карл I Габсбург издал 16 октября 1918 г. манифест о намерении ввести федеративное устройство, но югославяне монархии отвергли его как запоздалый. Государство словенцев, хорватов и сербов (ГСХС), выделившееся из Австро-Венгрии, существовало 29 октября — 1 декабря 1918 г. как конфедеративная республика, де-факто являясь межгосударственным субъектом. В условиях разворачивавшегося вторжения Италии начало функционировать Национальное правительство в Любляне. Советская Россия признала независимость законодательного органа ГСХС — Загребского национального вече [13, с. 15—17]. ГСХС не имело четких границ. Однако на 17-ом заседании правительства 16 ноября был принят особый указ об управлении в переходный период, в котором перечислялись все свои территории, включая Истрию и Триест [33, št. 17, s. 114].

На одной из первых межсоюзнических конференций (Париж, 28 октября — 6 ноября 1918 г.) разгорелся итало-сербский спор за Адриатику. Начавшись с вопроса об австрийском флоте, он выявил расхождения союзников в подходах к урегулированию. Итальянский премьер (с октября 1917 по июнь 1919 г.) Витторио Орландо считал, что концепция самоопределения народов не применима к Италии, так как для нее важнее «принцип безопасности» [15; 35, s. 20—36].

1 декабря 1918 г. ГСХС вошло в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС). Центральная власть создала провинциальное правительство Словении (работало с января 1919 по июль 1921 г. в составе пяти кабинетов) [19, s. 42—50]. В Белграде началась подготовка к Парижской мирной конференции (ПМК, январь 1919 — январь 1920 г.). Накануне глава сербской военной миссии в Париже генерал Петар Пешич подготовил мас-

штабный пакет меморандумов обо всех границах королевства. В их числе были справки о разграничении с Италией (от 29 декабря 1918 г.) и стратегическом значении сухопутной границы с ней (от 1 января 1919 г.) [36, dodatak, dok. 6, s. 319—321; dok. 7, s. 319—321]. На ПМК югославская делегация внесла меморандум о городе Риеке (Фиуме) от 3 марта 1918 г., а также масштабную памятную записку в связи с ревендикацией (правом на возвращение утраченных территорий) Королевства СХС. Документ отразил максималистский подход Белграда и содержал подробные исторические, этнические и экономические обоснования на владение рядом областей — Истрией, Триестом, Риекой, ставил далматинскую проблему [36, dodatak, dok. 8, s. 351—353, 355—363]. Югославскую делегацию возглавлял многоопытный Никола Пашич, имевший целый ряд встреч с В. Вильсоном. В числе консультантов по итальянскому отрезку границы были основатель научной балканистики и автор исследования «Северная граница южных славян» серб Йован Цвиич, словенцы — председатель общества «Единство» в Триесте Отокар Рибарж, контр-адмирал Алоиз Шуштершич, бывший австро-венгерский консул в США Иван Швигел [21, s. 163—179; 18, s. 700—702, 705—707]. Протоколы внутренних заседаний делегации (от 15—17 апреля, 30—31 мая, 3 июня 1919 г., 10 января, 24 марта, 1 и 14 июня 1920 г.) отразили ее инициативы и предложения по урегулированию в спорных с Италией территориях — арбитраж Вильсона, плебисцит, особый подход к Риеке, линии возможных разделов [36, zapisniki 71—73, 97—98, 101, 189, 231, 242, 247, s. 110—113, 138—139, 143, 234, 280, 288, 294].

23 апреля 1919 г. после долгих споров появилась декларация В. Вильсона, оставлявшая за Италией всю Истрию [27]. Югославы, понимая, что он остался единственным защитником их интересов, вынуждены были согласиться с границей, получившей название «линия Вильсона» [2, с. 225—229]. Однако итальянская делегация потребовала передать ей еще и Риеку (Фиуме), апеллируя к этническому составу населения города — 25 тыс. итальянцев и 15 тыс. славян [23]. Возражения делегации США и отказ ПМК удовлетворить эту претензию вызвали в Италии бурю негодования и требования силовых акций [26].

В атмосфере шовинизма отряд итальянских националистов-добровольцев во главе с поэтом Габриэле д'Анунцио, который еще в апреле 1919 г. публично заявил о широкой ирредентистской программе и намерении захватить Риеку, 12 сентября без боя вступил в город, потребовав его аннексии Италией [17]. Однако премьер-министр (с июня 1919 по июнь 1920 г.) Франческо Нитти не пошел на это, поэтому д'Анунцио стал фактическим диктатором, присвоив себе титул команданте. В годовщину вторжения он провозгласил Республику Фиуме (Итальянское регентство Карнаро, август — декабрь 1920 г.) [18]. Журнал «Коммунистический Интернационал» (1921, № 18) отозвался на эти события статьей. В ней делался вывод о том, что «первоначальное развитие фашизма надо отнести к тому моменту, когда развернулись события в Фиуме» [8, док. 1, с. 49].

Территориальные обещания союзников в пользу Италии были реализованы в рамках грабительского для Королевства СХС Рапалльского соглашения 12 ноября 1920 г. Этот акт закрепил за Италией всю Истрию с Триестом, западную часть Кварнерского залива (Кварнера) с островами Црес и Лошинь, город Задар (Зару) [31]. В Риеке было образовано «свободное государство Фиуме». Тем самым 10 тыс. кв. км территории с 600 тыс. хорватов и словенцев

оказались в границах Италии [29, s. 19]. Д'Анунцио не признал Рапальское соглашение и 21 декабря объявил в городе военное положение. Только после военных столкновений с итальянскими частями фашисты д'Анунцио в начале января 1921 г. ушли из Риеки. Однако в апреле 1921 г. Италия ввела свои войска в город, а 3 марта 1922 г. инспирировала там государственный переворот, который привел к власти партию аннексионистов. В сентябре 1923 г. римские власти во главе с премьер-министром (с октября 1922 по июль 1943 г.) и одновременно министром иностранных дел Италии (с октября 1922 по сентябрь 1929 г.) Бенито Муссолини спровоцировали мятеж в Фиуме и высадили там десант [20, s. 274—277].

Обращает внимание генезис оценок советской дипломатии по проблеме Риеки. В письме главы НКВД Г. В. Чичерина полпреду СССР в Чехословакии К. К. Юреневу от 5 октября 1923 г. нарком в связи с «фиумским вопросом» вспоминает свою поездку к д'Анунцио и «публичные дружественные заявления Муссолини по нашему адресу», советуя полпреду использовать «достаточно гибкие формулы», которыми можно свободно оперировать «не переступая их ни в ту, ни в другую сторону» [11, док. 83, с. 145]. Юренев в письме 20 октября 1923 г. сделал свой вывод: «Фиумский вопрос до сих пор не продвинулся ни на шаг вперед. Правда, он утратил свою первоначальную внешне-драматическую форму и принял хронический характер, но по-существу антагонизм между Италией и Югославией прогрессивно углубляется» [16, л. 117].

В результате политики умиротворения Б. Муссолини, которая проводилась югославским королем Александром Карагеоргиевичем, 27 января 1924 г. были заключены итало-югославские «Римские соглашения» (пакт Муссолини-Пашич), демонстрировавшие незыблемость территориальных принципов Версальской системы [25, s. 35—39]. В марте 1924 г., в развитие этого документа, был подписан договор о разделе «свободного государства Фиуме». Белград признал суверенитет Италии над самим городом Риекой (Фиуме), а пригород Сушак с портом Барош и дельтой р. Речины достался Королевству СХС [24].

Италия стремилась превратить Юлийскую Крайну в свою обычную провинцию. В 1919 г. был создан административный регион Венеция-Джулия, который в 1922 г. он стал составной частью Италии. Однако уже в январе 1923 г. Венеция-Джулия была разделена на области, причем словенцы нигде не составляли большинства и подвергались жестокому национальному гнету. Реакцией стало создание в 1924 г. подпольной словенской террористической «Революционной организации Юлийской Крайны ТИГР» (аббревиатура от названия словенских топонимов Триест, Истра, Горица, Риека), которая являлась одной из первых структур антифашистского сопротивления [14, с. 39—47]. Трагический итог денационализации — все словенские и хорватские школы были закрыты, родной язык запрещен даже в церкви, ликвидировалась вся национальная печать, итальянизировались словенские и хорватские фамилии, было запрещено даже пение национальных песен и надгробные надписи на словенском и хорватском [1, л. 27]. Эти языки получили статус «итальянского наречия», а славянское население не было официально признано меньшинством [28, s. 724—725].

Параллельно шел процесс советско-итальянского урегулирования, завершившийся 7 февраля 1924 г. признанием Италией де-юре Советского Союза.

В тот же день был подписан пакет документов — торговый договор, таможенная конвенция, протокол о концессиях [10, док. 53, с. 127; док. 54, с. 143; док. 57, с. 148; док. 58, с. 150]. Это упрочило международное положение обеих стран и обусловило некоторое потепление в их отношениях. В результате интерес Москвы к итало-югославским спорным проблемам резко понизился.

Библиографический список

1. АВП РФ. Ф. 0431/1 (I сессия СМВД в Лондоне, 1945 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 5.
2. Аникеев, А. С. Национально-территориальные проблемы в югославо-итальянских отношениях накануне и после Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версаля / И. И. Костюшко (отв. ред.) [и др.]. СПб.: Алетея, 2007.
3. Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Госполитиздат: РОССПЭН, 1957—2009. — Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — 1957.
4. За балканскими фронтами Первой мировой войны / В. Н. Виноградов (отв. ред.). М.: Индрик, 2002.
5. История Италии: в 3 т. М.: Наука, 1970—1971. — Т. 2 / К. Ф. Мизиано (отв. ред.). 1970.
6. Каррер д'Анкокс, Элен. Ленин. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008 («История сталинизма»).
7. Кирилина, Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении. СПб.: Алетея, 2011.
8. Коминтерн против фашизма. Сб. док. / Н. П. Комолова (отв. ред.). М.: Наука, 1999.
9. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. док. / А. И. Кузнецов (отв. ред.) [и др.]. Тула: Аквариус, 2014.
10. Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920—1939. Сб. док. / Г. Н. Севостьянов (отв. ред.). М.: Наука, 2002.
11. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов: в 2 ч. / Р. П. Гришина (отв. ред.). М.: Эдиториал УРСС: РОССПЭН, 2000—2003. — Ч. 1. 2000.
12. Нечак Душан, Репе Божо. Перелом: 1914—1918. Мир и словенцы в Первой мировой войне. Любляна: UMco, 2012.
13. Перовшек, Юрий. Развитие национально-освободительных идей и концепций словенцев в 1848—1941 гг. // Словения. Путь к самостоятельности. Документы / Е. Ю. Гуськова (отв. ред.). М.: Индрик, 2001.
14. Пилько, Н. С. Итальянская оккупация Юлийской Краины после Первой мировой войны и положение словенского национального меньшинства в 1920-е гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / Е. П. Серапионова (отв. ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014.
15. Пресняков, А. З. Великие державы и решение Адриатической проблемы в 1918—1920 годах // Новая и новейшая история. 2013. № 5.
16. РГАСПИ. Ф. 359 (М. М. Литвинов). Оп. 1. Д. 8.
17. Шварц, Елена. Габриэле Д'Анунцио. Крылатый циклоп. СПб.: Вита-Нова, 2010.
18. Alarti, Paolo. Nitti, D'Annunzio e la questione adriatica (1919—1920). Milano: Feltrinelli Editore, 1976.
19. Balkovec, Bojan. Prva slovenska vlada 1918—1921. Ljubljana: Znanstveno in publicistično središče, 1992.
20. Culinović, Ferdo. Jugoslavija između dva rata: u 2 knj. Zagreb: Historijski institut Jugoslavске Akademije znanosti i umjetnosti, 1961. Knj. 2.

21. Himmelreich, Bojan. Slovenski člani jugoslovanske delegacije na pariški mirovni konferenci 1919—1920 // *Celjski zbornik*. № 28 (1993), s. 163—179.
22. Höslér, Joachim. Slovenia. Storia di una giovane identità europea. Trieste: Beit, 2008.
23. Jadransko pitanje na konferenciji mira u Parizu. Zbirka akata i dokumenata / sabrao ih i objelodanio Fedro Šišić. Zagreb: Izvanredno izdanje Matice Hrvatske, 1920.
24. Jugoslavija 1918—1988: tematska zbirka dokumenata / priredili Branko Petranović, Momčilo Zečević. Beograd: Rad, 1988.
25. Krizman, Bogdan. Italija u politici Kralja Aleksandra i kneza Pavla (1918—1941) // *Časopis za suvremenu povijest* (Zagreb). 1975. Broj 1 (17).
26. Lipušček, Uroš. Ave Wilson. ZDA in prekranje Slovenije v Versaillesu 1919—1920. Ljubljana: Sophia, 2003.
27. MacMillan, Margaret. Peacemakers. Six months that changed the World: The Paris Peace Conference of 1919 and Its Attempt to End War. London: Murrey, 2002.
28. Pirjevec, Jože. Benito Mussolini in Slovenci // *Acta Histriae* (Koper) / Darco Darovec (odg. ur.). № 24, 2016 (4).
29. *Povijest Hrvata: tri knjige*. Zagreb: Školska knjiga, 2003. —2007. Knj. 3.: Od 1918. do danas / glavni urednik Ivo Perić. — 2007.
30. Rahten, Andrej. Dr. Ivan Schwegel in jadransko vprašanje na pariški mirovni konferenci // *Acta histriae* (Koper) / Darco Darovec (odg. ur.). № 18, 2010 (3).
31. Rapalski ugovor 12. Novembra 1920. Zbirka dokumenta / Vojislav M. Jovanović (ur.). Beograd: Udruženje novinara NR Srbije, 1950.
32. Reissner, Wesley J. The Black Book: Woodrow Wilson's Secret Plan for Peace. Lanham, Md.: Lexington Books, 2012.
33. Sejni zapisniki Narodne vlade Slovencev, Hrvatov in Srbov v Ljubljani in Deželnih vlad za Slovenijo. 1918—1921 / za objavo pripravil Peter Ribnikar: del 1—3. Ljubljana: Arhiv Republike Slovenije, 1998—2002. — Del 1: Od 1. nov. 1918 do 26. feb. 1919. — 1998.
34. Slovenska novejša zgodovina: od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije. 1848—1992: dve knjigi. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005.
35. Vitante, Angelo. Jadranski iredentizam. Zagreb: Dom i svijet, 2002.
36. Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj Konferenciji u Parizu 1919—1920 / priredili Bohdan Krizman, Bohumil Hrabak. Beograd: Kultura, 1960.

ЗМЕСТ

Приветственное слово гостям и участникам конференции	
Президента Республики Беларусь <i>Лукашенко А. Г.</i>	3
Приветственное слово участникам конференции Председателя	
Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь <i>Мясниковича М. В.</i>	4
Приветственное слово участникам конференции Председателя	
Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь <i>Андрейченко В. П.</i>	5
Приветственное слово гостям и участникам конференции ректора	
Белорусского государственного университета <i>Короля А. Д.</i>	6
Приветальные слова участникам конференции Старшины Минского	
гражданского университета <i>Шораца А. В.</i>	7
Приветственное слово участникам конференции Председателя	
Федеральной национально-культурной автономии белорусов России <i>Кандыбовича С. Л.</i>	8
Приветственное слово участникам конференции декана исторического факультета	
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова <i>Тучкова И. И.</i>	9

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	10
<i>Карпенко И. В.</i> Советская система образования как результат преобразований	
Великой Октябрьской Социалистической революции	10
<i>Марзалюк Г. А.</i> Вятокін нацыянальнай тоеснасці. Гістарычны наратыў і	
яго ўплыў на нацыянальную свядомасць у Беларусі канца XVIII—XIX стст.	19
<i>Солопова О. В.</i> Формирование национального самосознания белорусов в условиях Первой	
мировой войны и революционных событий 1917 года	34
<i>Каваленя А. А.</i> Кастрычнік 1917 года ў лёсе беларускай дзяржаўнасці	42
<i>Брыгадзін П. І.</i> Першы Усебеларускі з'езд: час і асобы	47
<i>Мірановіч Я.</i> Праблема беларускай дзяржаўнасці на мірнай канферэнцыі ў Парыжы	52

СЕКЦИЯ 1

МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ І НОВЫЯ КАНЦЭПЦЫЎ Ў Вывучэнні падзей	
І НАСТУПСТВАЎ 1917 г.	57
<i>Белозорович В. А.</i> Изучение Октябрьской революции в белорусской историографии 1920-х гг.	57
<i>Белявский А. М.</i> Осмысление революционных событий в России и Ирландии	
в ирландской историографии	61
<i>Болсун Г. А.</i> Октябрь 1917 года в советских и современных белорусских школьных	
учебниках истории	65
<i>Бригадина О. В., Балькина Е. Н., Мехоношин М. В.</i> Электронно-учебное издание	
«1917 год в истории России, Украины и Беларуси»: опыт проектирования	
и применения в учебном процессе	69
<i>Гернович Т. Д.</i> Социокультурный кризис как фактор развития архивного права	
в 20-х годах XX в.	72
<i>Ковалева Л. А.</i> Создание БНР в оценках Н. С. Сташкевича	80
<i>Латушкін А. М.</i> Месца архіўнай спадчыны Вялікага Княства Літоўскага ў працэсах	
дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі ў XX ст.	84
<i>Ларионов Д. Г.</i> Революция: за и против. Католический подход	92
<i>Ляднёва А. С.</i> Гісторыка-прававыя даследаванні беларускага замежжа	96
<i>Лойко А. И.</i> Революция 1917 года в свете теории модернизации	99
<i>Самохвалов Д. С.</i> 1917 год как граница периодизации Нового и Новейшего времени	102

СЕКЦИЯ 2

ПАДЗЕЙ 1917 Г. І ІХ НАСТУПСТВЫ Ў ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЙ І ГІСТОРЫКА-	
КУЛЬТУРНАЙ РЭФЛЕКСІІ	105
<i>Волженков В. В.</i> Революция в воззрениях идеологов умеренно-правых организаций	
Беларуси начала XX века	105
<i>Кажновіч В. А.</i> 1917 год у адлюстраванні крыніц лакальнай гісторыі: прыклад Дабраслаўскай	
воласці Пінскага павета	108
<i>Корень Е. В.</i> Декабризм в рефлексии интеллигенции первой четверти XX в.	
Об истоках русской революционности	112

<i>Лавринович Д. С.</i> Отражение революционных событий 1917 года в деятельности Ставки Верховного Главнокомандующего	116
<i>Луговцова С. Л.</i> Хроника событий Русской революции в воспоминаниях Я. Дроздовича	120
<i>Мельникова А. С.</i> Политика Временного правительства в оценках представителей Трудовой народно-социалистической партии на территории Беларуси	124
<i>Чикалова И. Р.</i> Женский вопрос в документах либеральных партий, действовавших на территории белорусских губерний накануне 1917 года	128
СЕКЦИЯ 3	
УНІВЕРСІТЭТ ЯК ПАДМУРАК	
НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНАГА БУДАЎНІЦТВА	133
<i>Высоцкая Е. И.</i> Революционное движение на территории Беларуси в начале XX века в работах В. И. Пичеты	133
<i>Макаравіч В. С.</i> Штрыхі да палітычнай біяграфіі Язэпа Лёска	136
<i>Малиновская Э. Л. С. Я. Вольфсон</i> — основоположник философской науки в Беларуси	137
<i>Петаченко Г. А.</i> Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г.	141
<i>Ходзін С. М.</i> Роля вучоных Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў выпрацоўцы і рэалізацыі канцэпцыі нацыянальнай мадэрнізацыі ў БССР ў 1920-я гг.	146
<i>Яноўскі А. А.</i> Рэвалюцыі 1917 году ў лёсах першых выкладчыкаў вышэйшай школы Беларусі	152
СЕКЦИЯ 4	
ПЕРШЫ УСЕБЕЛАРУСКІ З’ЕЗД:	
НА ШЛЯХУ ДА БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ	159
<i>Агееў А. Р.</i> Ёдзел магілёўскіх дэлегатаў у падрыхтоўцы і працы Першага Усебеларускага з’езда	159
<i>Вячорка В. Ю.</i> I Усебеларускі з’езд. Падрыхтоўка да правядзення	162
<i>Голубева Л. Л.</i> Первый Всебелорусский съезд (конгресс) и провозглашение Белорусской Народной Республики	166
<i>Кулевіч І. Р.</i> Першы Усебеларускі з’езд у даследаваннях І. М. Ігнаценкі	168
<i>Лазько Р. Р.</i> Усебеларускі з’езд 1917 г.: адмовіцца ад ненавуковых штампаў у яго трактоўцы	171
<i>Рудовіч С. С.</i> Усебеларускі з’езд 1917 года: спроба нацыянальнай кансалідацыі перад тварам катастрофічных пагроз для Беларусі	182
СЕКЦИЯ 5	
САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ПЕРАЎТВАРЭННІ	
Ў БЕЛАРУСІ ВА ЁМОВАХ РЭВАЛЮЦЫІ	
І Ў ПАСЛЯРЭВАЛЮЦЫЙНЫ ПЕРЫЯД	187
<i>Антановіч З. В.</i> Дзейнасць Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі ў 1917—1918 гг. (Па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)	187
<i>Богданович А. Б., Денисов А. В., Сергеев В. Н.</i> Этническое самосознание белорусов в период революционных потрясений	190
<i>Буевіч Т. В.</i> Особенности проведения национализации жилого фонда города Витебска в 1918—1919 гг.	194
<i>Бурачонак А. В.</i> Змены ў эканамічным жыцці Беларусі напярэдадні рэвалюцыйных узрушэнняў 1917 г.	198
<i>Гужалоўскі А. А.</i> Рэвалюцыйная Беларусь у 1917 г.: двоеўладдзе, трохуладдзе, шматуладдзе ці безуладдзе?	202
<i>Данилович В. В.</i> Участие молодежи в процессе укрепления белоруской советской государственности (1921—1939 гг.)	209
<i>Елисеев А. Б.</i> «Белорусские коммунисты» в 1917—1918 гг. И их роль в становлении государственности Беларуси	215
<i>Ершова О. И.</i> Начальное образование на территории Беларуси в контексте школьной политики Советской власти в 1918—1926 гг.	219
<i>Кахановіскі А. Г.</i> Сацыяльная дынаміка беларускага грамадства напярэдадні рэвалюцыйных падзей 1917 г.	223
<i>Лойко Л. Е.</i> Феномен революции в истории города: на примере Могилева	228
<i>Лукашевич А. М.</i> Минское городское самоуправление в условиях советской власти: проблема легитимности (ноябрь 1917 — январь 1918 г.)	232

<i>Ляпешкін Я. М. У. А. Друцкой-Сакалінскі — апошні мінскі губернатар</i>	237
<i>Маслоўскі Я. В. Дабрачынныя таварыствы ў паўсядзённым жыцці рабочых беларускіх губерняў напярэдадні Першай сусветнай вайны</i>	239
<i>Сідорова С. О. Почтаво-телеграфная сувязь на тэрыторыі Беларусі на канун 1917 г.</i>	243
<i>Хадацёнок О. А., Буевіч Т. В. Точка невозврата: завершение процесса «революционной» конфискации частного жилья и личного имущества жителей Витебска в собственность государства (1918—1923 гг.)</i>	246
<i>Хадасевіч А. С. К вопросу о взаимоотношениях государства и церкви в первые годы советской власти</i>	250
<i>Шемтлехова Н. А. Выборы членов Государственного совета Российской империи от белорусских губерний в 1906 г.</i>	253

СЕКЦЫЯ 6

ЗМЭНЫ Ў ДЗЯРЖАЎНА-ПРАВОВЫМ СТАНОВІШЧЫ БЕЛАРУСІ

Ў ВЫНІКУ РЭВАЛЮЦЫЙНЫХ ПДЗЕЙ 1917 г.	256
<i>Бибилло В. Н. Становление и развитие советской судебной системы в Беларуси</i>	256
<i>Василевич Г. А. Конституция 1919 года как отражение строительства Социалистической Советской Республики Белоруссии</i>	260
<i>Вершук И. Л. Пространственно-временные характеристики государственно-правовых явлений: исторический взгляд</i>	263
<i>Голубева А. И. Вклад ученых БГУ и ученых-белорусов в изучение гражданского процессуального права Белорусской ССР</i>	266
<i>Гушчыński І. Г. Рэалізацыя палітыкі Часовага ўрада ў сферы суда на тэрыторыі Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў (сакавік— кастрычнік 1917 г.)</i>	268
<i>Доннар Т. І. Уклад прафесара БДУ І. А. Юхо ў развіццё гісторыка-прававой навукі Беларусі</i>	272
<i>Калінін С. А. О субъектном подходе к изучению белорусской государственности</i>	276
<i>Лагун Д. А. Декреты как акты органов советского государства</i>	280
<i>Ляскоў А. Я. Стаўленне кіраўніцтва партыі бальшавікоў да дзяржаўнай незалежнасці Беларусі ў 1917—1918 гадах</i>	283
<i>Міхайлаўскі В. С. Неомаксістскі падыход к рэвалюцыі</i>	287
<i>Снапкоўскі У. Е. Аб палітычным і прававым статусе Беларусі на савецка-польскіх мірных перагаворах (1920—1921 гг.)</i>	290

СЕКЦЫЯ 7

1917 ГОД: РЭГІЯНАЛЬНАЕ ВЫМАРЭННЕ

<i>Бароўская В. М. Польскі грамадска-палітычны рух на тэрыторыі Беларусі ў 1919—1921 гг.</i>	294
<i>Довгалло М. С. Вклад бывшей российской эмигрантской интеллигенции в науку, культуру и подготовку кадров (на примере Королевства СХС)</i>	297
<i>Жигал И. В. Октябрьская революция в России и её влияние на Румынию</i>	301
<i>Кухаренко В. Н. Лидер Хорватской народной крестьянской партии Степан Радич о Русской революции 1917 г.</i>	304
<i>Литвиновский И. А. Октябрь 1917 года и внешняя политика советской власти на Дальнем Востоке</i>	308
<i>Максімчык А. М. Грамадска-палітычныя актыўнасць беларускага насельніцтва на Каўказе ў 1917—1918 гг.</i>	312
<i>Міхайлаўская Л. Л. Русская революция 1917 г. и восстановление Польского государства</i>	320
<i>Никитина Н. П. Крестьянское самоуправление и революция 1917 г. в России: региональный аспект</i>	323
<i>Попов А. В. Влияние выступления генерала Л. Корнилова на политическую ситуацию на территории белорусских губерний летом — осенью 1917 года</i>	327
<i>Приходько С. А. Новозыбков в 1918 году</i>	331
<i>Репин В. В. Альтернативы проекта создания молдавского государства в условиях революционной ситуации на Румынском фронте в октябре — декабре 1917 г.</i>	335
<i>Сальков А. П. Международно-правовые проекты Советской власти в 1917 г. и итало-югославский конфликт в Юлийской Крайне в формате Первой мировой войны</i>	342

Навуковае выданне

1917 ГОД У ГІСТАРЫЧНЫХ ЛЁСАХ БЕЛАРУСІ

Зборнік матэрыялаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 30 лістапада — 1 снежня 2017 г.

На беларускай і рускай мовах

У аўтарскай рэдакцыі

Адказы за выпуск *Н. Г. Шчарбакова*

Дызайн вокладкі *А. Я. Чыркова*

Камп'ютарная вёрстка *І. П. Грышынай*

Падпісана ў друк 18.12.2017. Фармат 60х84¹/₁₆. Папера афсетная.

Друк афсетны. Ум. друк. арк. 20,46. Ул.-выд. арк. 26,80.

Тыраж 40 экз. Заказ 727.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства

«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/159 ад 27.01.2014,
№ 2/63 ад 19.03.2014. Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.